АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Д. И. ГУЛИА

Аслан Авидзба

Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.)

Книга II

Сухум
2013

ББК 63, 3(5Абх)64
А 20

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

Редактор – **А. Э. Куправа, доктор исторических наук, академик АНА**
Рецензент – **В. М. Пачулия, кандидат исторических наук, полковник**

А. Ф. АВИДЗБА. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.) Книга II.
Сухум, 2013. – 628 с.

Работа посвящена вопросам военно-политической истории Отечественной войны (1992–1993 гг.). В первых двух разделах книги рассматриваются события, предшествовавшие началу войны в Абхазии. В ней предпринимается попытка периодизации истории войны. События 1992–1993 гг. в Абхазии рассматриваются в контексте региональных и глобальных геополитических процессов, которые, безусловно, не могли не оказывать влияния на те или иные процессы, происходившие в ходе войны. Особо подчеркивается роль и значение Конфедерации горских народов Кавказа и всего добровольческого движения в поддержку Абхазии в деле отражения грузинской агрессии. В работе также рассматривается динамика и трансформация позиций России и ведущих акторов международного сообщества в ходе Отечественной войны в Абхазии.

Наряду с этим глобальные вызовы современности, которые выдвигают перед Абхазией все новые и новые трудноразрешимые задачи, заставляют устанавливать и изучать причины и следствия военно-политических действий, приведших к абхазо-грузинской войне. Значение этого возрастает в связи с тем, что те причины глобального характера, которые нередко становились движущими силами и генераторами тех или иных заявлений или действий, приведших к войне, до сих пор занимают определяющее место в региональном и геополитическом раскладе сил и оказывают существенное воздействие на современное положение дел в Абхазии. Поэтому изучение причин и следствий войны, их систематизация и анализ становятся необходимым условием для формулирования задач на перспективу, определения магистрального пути отстаивания права на независимость и дальнейшее развитие Республики Абхазия.

Книга рассчитана на историков, политологов, специалистов различных областей, занимающихся изучением проблем регионоведения и глобализма, а также преподавателей истории, студентов, школьников и всех тех, кто интересуется новейшей историей Абхазии.

© А. Ф. Авидзба, 2013

∾ РАЗДЕЛ 3. ∾

НАЧАЛО И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

4. Война в Абхазии и политика контрастов

4. 1. Гонения на КГНК и противостояние в Нальчике

Как уже отмечалось, Россия не могла не иметь своих интересов в войне в Абхазии, но масштаб добровольческого движения в поддержку абхазов стал угрожать их отстаиванию. Российские власти, рассчитывая на руководителей северокавказских республик, которые вынуждены были поддерживать решения Москвы, посчитали, что в общем и целом Северный Кавказ будет лояльно относиться к событиям в Абхазии. Но все оказалось не так просто. Ситуация вышла из-под контроля не только местного руководства на Северном Кавказе, но и московских властей. Заявления и поведение руководства России в первые дни агрессии Грузии против Абхазии вызвали негодование и возмущение народов Кавказа. В первое время у властей, видимо, была уверенность в том, что страсти улягутся и ничего серьезного не произойдет. Но вслед за выдвижением требований северокавказцы перешли к конкретным военно-политическим мероприятиям. Последние же способствовали осознанию многими чиновниками как на самом Северном Кавказе, так и в Москве серьезности ситуации. Солидарность с абхазским народом выразилась в готовности сражаться и погибать за ее свободу. Президент Адыгеи А. Джаримов позже отмечал, что «мотивы пришедших на помощь абхазам добровольцев из северокавказских республик были самые высокие: защитить безоружный народ даже ценой собственной жизни»[1].

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 16-17.

Лозунг «Судьба Кавказа решается в Абхазии» был подхвачен кавказскими народами. Добровольческое движение все ширилось. И чем больший размах оно приобретало, тем очевиднее становилось, что управлять этим процессом Москве уже не удастся. Игнорировать проблему также было чревато серьезными последствиями, поэтому Россия признала наличие добровольческого движения. Причем признание выразилось в стремлении сначала нейтрализовать, а когда стало ясно, что это в сложившихся условиях нереально, остановить его путем угроз и репрессий. Позже, 13 ноября, Ю. Калмыков писал: «У Центра сложилось к КНК негативное отношение. В какой-то мере оно оправдано, но не следовало бы забывать о том, что Конфедерация сыграла немалую роль в урегулировании ряда межнациональных конфликтов, в спасении абхазского народа от геноцида. Я думаю, что Центру следовало бы проявить инициативу для установления диалога с этой авторитетной организацией»[1]. И, действительно, вместо того, чтобы убеждать и стремиться понять позицию и опасения кавказцев, было решено разговаривать с ними с позиции силы. А поскольку заявить о репрессиях против всех народов Кавказа, представители которых так или иначе принимали участие в добровольческом движении, Россия не могла, она объявила о начале преследования Конфедерации горских народов Кавказа. Позже Генеральный прокурор РФ В. Степанков пояснил, что уголовное дело возбуждается не против КГНК, а против его лидеров. На это последовала резкая отповедь Президента КГНК Ю. Шанибова, который заявил: «Степанков может привлечь лидеров КГНК только в том случае, если возвратится к опыту 1937 года»[2]. Но, видимо, тогда в Москве решили взяться за дело со всем энтузиазмом. При Совете Безопасности РФ была сформирована специальная комиссия по урегулированию ситуации на Северном Кавказе, которую возглавил министр юстиции РФ Н. Федоров. Началось укрепление государственной границы РФ на Северном Кавказе и особенно на границе с Абхазией. Развернулась переброска на Северный Кавказ дополнительных контингентов войск[3].

Официальное гонение на добровольческое движение началась с того, что 25 августа министр юстиции РФ Н. Федоров заявил, что КГНК

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 224-231.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 149.
[3] Кушхабиев А. В. Кабардино-Балкария и грузино-абхазский военный конфликт // http://www.zihia.net/index.php?newsid=1204

«претендует на роль организации, призванной подменить законные органы государственной власти» и грубо нарушает Конституцию РФ. И этого, по его мнению, было достаточно для проведения Генеральной прокуратурой расследования деятельности руководителей Конфедерации и «принятия необходимых мер по защите конституционного строя на территории России»[1]. 27 августа Прокуратура России возбудила уголовное дело против КГНК по фактам «разжигания межнациональной розни, совершения террористических актов и диверсий, а также захвата заложников». В. Березовский и В. Червяков о последовавших событиях рассказывают следующим образом: «После почти месячного затишья Генеральная прокуратура РФ пошла на создание прецедента и 23 сентября 1992 г. произвела в Кабарде задержание лидера КГНК Ю. Шанибова. По мнению экспертов-кавказоведов, столь рискованный шаг в такой горячий момент может значительно осложнить ситуацию, что не компенсируют даже начавшиеся переговоры на государственном уровне между Чечней и Федеральным российским Центром. Поводом для размышлений может послужить и то, что задержание Шанибова случилось в момент начала переговоров делегации российского парламента с чеченской стороной, уже не говоря о предварительном визите в Грозный вице-президента А. Руцкого»[2]. Тогда же еще раз было заявлено об укреплении границы между Россией и Абхазией. Глава администрации Краснодарского края В. Дьяконов также выступил за установление твердых государственных границ и предупредил о недопустимости «вмешательства в дела суверенного государства». Им было заявлено, что «любые попытки отправки экспедиции добровольцев на театр военных действий будут рассматриваться как провокация, а организаторы в соответствии с законом привлекаться к ответственности»[3]. В ответ на это и подобного рода заявления и действия, 31 августа у здания МИД России был организован пикет, участниками которого был поставлен вопрос: «Почему добровольцы из России в Приднестровье – герои, а добровольцев с Северного Кавказа в Абхазии надо судить?».

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 93.

[2] Березовский В., Червяков В. Конфедерация горских народов Кавказа // Журн. «Духовное наследие» № 3, 1992 г. // http://www.rau.su/observer/N03_92/3_06.HTM

[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 80.

В проведении репрессивной политики московскими властями по отношению к КГНК невольными их союзниками становились некоторые руководители северокавказских республик, которые также были озабочены стабильностью на своих территориях. В выступлениях некоторых из них тогда просматривалось стремление угодить Москве, повторяя ее официальные заявления об укреплении границ с Абхазией и репрессиях по отношению к КГНК. Одним из таких примеров можно назвать заседание специальной межрегиональной комиссии при Совете Безопасности РФ, состоявшееся 31 августа в Армавире под председательством вице-премьера Г. Хижи. На нем Президент Кабардино-Балкарии В. Коков заявил: «Никто эту Конфедерацию горских народов не создавал, ни одного человека мы туда не делегировали. И еще. Прошу не устанавливать двойную границу. Одну – с нашими республиками, другую – с Грузией. Россия должна иметь одну границу с суверенной Грузией, членом ООН. Главная проблема сегодня – процедура вывода войск, охрана границы. И следует разобраться с Конфедерацией…»[1].

Совершенно иной позиции придерживался по этому вопросу лидер Абхазии. 1 сентября, в разгар боевых действий на Гумистинском фронте, В. Ардзинба заявил о неправомерности уголовного преследования добровольцев, о котором было заявлено руководством России[2]. Правомерность или неправомерность принимаемых решений и действий в таких случаях не вызывают особой заботы. Президент России Б. Ельцин на встрече в Москве 3 сентября сообщил о том, что он на Совете Безопасности дал команду перекрыть границу с Абхазией, и «это уже осуществляется»[3]. Более того, он после этой встречи, выражая свое отношение к КГНК, сказал: «Я не знаю юридически такую организацию»[4]. Более красноречиво выразиться, наверное, было невозможно. 3 сентября, в день, когда лидерами России, Грузии и Абхазии обсуждалась ситуация в Абхазии, состоялась встреча Президента РФ Б. Ельцина с руководителями Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии, Дагестана, Краснодарского и Ставропольского краёв и Ростовской области. На ней были достигнуты соглашения о перебро-

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 115–116.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 79.

[3] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 96.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 193.

ске на Северный Кавказ дополнительных контингентов войск в связи с «взрывоопасной» ситуацией[1].

Гонения на КГНК сопровождались, как водится, информационным фоном. В начале сентября почти все средства массовой информации России и Грузии передали сообщение о том, что Парламент Конфедерации горских народов Кавказа принял решение о возбуждении уголовных дел против президента России, министра юстиции РФ и ряда других ответственных лиц российской администрации. Председатель правового комитета КГНК выступил с опровержением этих сообщений, заявив, что «они являются от начала и до конца вымыслом и направлены только лишь на то, чтобы дискредитировать организацию в глазах кавказских народов и запретить КГНК»[2]. Тем не менее, необходимый фон для ужесточения давления на кавказские народы был создан, и 5 сентября был издан Указ Президента России «Об усилении войск Северо-Кавказского округа». В нем было предусмотрено: «1. Министерству обороны Российской Федерации осуществить усиление группировки войск (сил) на территории Северо-Кавказского военного округа, исходя из необходимости оборонной достаточности по защите южных границ Российской Федерации...; 2. Правительству Российской Федерации произвести расчет финансовых затрат. Выделить необходимые денежные средства, оказать помощь производственными мощностями и строительными материалами для размещения и обустройства выводимых и вновь формируемых войск (сил) на территории Северо-Кавказского военного округа; 3. Главам администраций Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей, правительствам Республики Дагестан, Кабардино-Балкарской Республики и Северо-Осетинской ССР по согласованию с Министерством обороны Российской Федерации осуществить землеотвод, размещение и обустройство войск (сил) в пунктах дислокации, обратить первоочередное внимание на строительство жилого фонда для военнослужащих и членов их семей»[3].

В заявлении Президиума Верховного Совета России 7 сентября также говорилось о том, что «действия отдельных лидеров национальных

[1] Кушхабиев А. В. Кабардино-Балкария и грузино-абхазский военный конфликт // http://www.zihia.net/index.php?newsid=1204

[2] «Независимая газета», № 172... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-8-sentyabrya-1992-goda

[3] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch02/akt12058.shtm

и общественных движений Северо-Кавказского региона, которые при всей их внешней патриотичности не отражают реальных общественных потребностей, не имеют правовой базы и противоречат Конституции Российской Федерации». Российские депутаты «призывали этих лидеров не выступать от имени народов и отказаться от формирования, вооружения и засылки военизированных добровольческих отрядов»[1].

Абхазские депутаты, в отличие от своих российских коллег, отмечали, что «именно помощь добровольцев помешала агрессорам расправиться с абхазским народом». Парламент Абхазии в Заявлении от 9 сентября выразил «решительный протест в связи с решением Генеральной прокуратуры РФ о привлечении к уголовной ответственности лиц, добровольно прибывших на защиту абхазского народа от геноцида»[2]. 15 сентября в г. Гудауте состоялся митинг женщин Абхазии, на котором было принято Обращение к президентам и парламентам стран СНГ, международным женским организациям, в котором осуждались «действия прокурора РФ В. Степанкова, заявившего о заведении уголовных дел на тех лиц из руководства КГНК, которые призвали свои народы на помощь народу Абхазии»[3]. 16 сентября В. Ардзинба отметил, что сама идея возбуждения уголовных дел российской прокуратурой против тех, кто выступил в защиту малочисленного народа, представляется кощунственной[4]. Президент КГНК Ю. Шанибов тогда заявил, что «агрессор должен быть остановлен»[5]. Тем самым лидер КГНК выразил решимость не сворачивать с избранного пути поддержки абхазского народа и его государственности. Причем весьма интересно и то, что репрессии против КГНК, организующего центра добровольцев, способствовали усилению самого добровольческого движения. В качестве примера можно привести телеграмму от жителя Киева А. Гришина, поступившую 11 сентября на имя В. Ардзинба, в которой выражалась готовность «умереть за абхазский народ»[6]. Во время апогея противостояния России и кавказских народов, возникшего в связи с арестом Президента КГНК Ю.

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 138.
[2] Там же. С. 141.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 12-13.
[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 305.
[5] Там же. С. 313.
[6] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 301.

Шанибова, наблюдалось также и увеличение числа добровольцев-казаков на позициях абхазо-грузинской войны[1].

В противостояние России и КГНК решила вмешаться и, конечно же, по возможности что-то выгадать для себя, Грузия. С этой целью заместитель Генерального прокурора Грузии направил обращения Генеральным прокурорам РФ и Чечни, в которых выражалась «готовность оказать содействие следственной группе Прокуратуры России»[2]. В дело вмешались и грузинские священники, объявившие добровольцев пособниками «темных сил». Так, в официальном послании Митрополита Сухумо-Абхазского, председателя отдела внешних церковных сношений Грузинской Патриархии Давида к председателю Духовного управления мусульман Кавказа А. Уль Исламу от 21 сентября, говорилось: «Грузия стала жертвой интервенции со стороны темных сил. Особую роль в этом неблаговидном деянии играет Конфедерация горских народов Кавказа. Как заявляют эти люди, прибывшие под маркой Конфедерации, они действуют под флагом Ислама и под именем Аллаха… Обращаюсь к Вам, известному в духовном мире лицу, с настоятельной просьбой разобраться в сложившейся ситуации; призвать Ваших единоверцев прекратить кровопролитие, остановить их от участия в неугодном Господу Богу черном деянии»[3]. «Неугодным Богу черным деянием» здесь названа готовность к самопожертвованию ради сохранения абхазского народа. По логике митрополита получается, что уничтожение абхазов было бы «богоугодным делом». И как же это нужно воспринимать, когда такое исходит из уст «служителя» Бога? Кроме того, само утверждение, что добровольческое движение выступало под мусульманским или каким-либо другим религиозным флагом, не имеет под собой никакого основания.

В обращении фракции «Демократическая Абхазия» к Верховному Совету России, сделанном по поводу предстоявшей сессии российского парламента, говорилось, что вывод северокавказских военных формирований с территории Грузии «безусловно, положит конец войне в Абхазии»[4]. В своем традиционном радиообращении к жителям Грузии 21 сентября Э. Шеварднадзе заявил, что если к 25 сентября «боевики»

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 106.

[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 4, 19 сентября 1992 г.

[3] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 73.

[4] «Независимая газета», №186... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-26-sentyabrya-1992-goda

Конфедерации горских народов Кавказа не будут выведены из Абхазии, то придется выдворять их силой, а ее у грузинской стороны достаточно. Главное, сказал Шеварднадзе, чтобы Россия не изменила своих позиций[1]. Но к утру 25 сентября никаких заявлений со стороны официальных лиц грузинского руководства по поводу окончания срока действия ультиматума сделано не было. Более того, было объявлено, что стороны достигли соглашения о возобновлении работы абхазского парламента к 3 октября[2].

Апогеем противостояния российских властей и добровольческого движения стал арест Президента КГНК Ю. Шанибова, осуществленный Прокуратурой Кабардино-Балкарии вечером 23 сентября в присутствии начальника отдела Прокуратуры РФ, руководителя группы следователей Р. Савина[3]. Видимо, во избежание непредвиденных обстоятельств тогда же к границам Кабарды «начали стягиваться внутренние войска России»[4]. Генеральный прокурор России заявил, что «задержание Шанибова не направлено против Конфедерации горских народов»[5]. Утром 24 сентября председатель Госкомитета Чечни по информации и печати М. Удугов имел короткий разговор с помощником вице-президента России А. Федоровым, который заявил, что арест Ю. Шанибова для него полная неожиданность и что он выясняет ситуацию. При этом М. Удугов тогда высказал мнение, что арест Шанибова преследует цель сорвать наметившийся диалог между Россией и Чечней[6].

24 сентября на сессии ВС РФ депутат М. Туманов, комментируя арест Ю. Шанибова, заявил, что это чревато последствиями[7]. И действительно, он получил широкий резонанс. 24 сентября в Грозном вечером состоялось экстренное заседание КГНК. Весь день шел митинг протеста по всему Кавказу[8]. 23 сентября, в день взятия под стражу Шанибова, в

---

[1] Газ. «Известия», № 210… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-sentyabrya-1992-goda

[2] Газ. «Известия», № 214… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-sentyabrya-1992-goda

[3] «Независимая газета», № 190... С. 1, 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-oktyabrya-1992-goda

[4] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 241.

[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 273-274.

[6] Газ. «Кавказский дом», № 28, сентябрь 1992 г.

[7] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 348.

[8] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 91.

Махачкале были вызваны в прокуратуру деятели КГНК С. Мугумаев и Д. Халидов[1]. Причем все это сопровождалось дезинформацией о том, что будто бы председатель парламента КГНК Ю. Сосламбеков договорился с руководством России об аресте Ю. Шанибова, т. к. давно «рвется» в Президенты Конфедерации[2]. Было налицо стремление столкнуть лидеров КГНК между собой и развалить Конфедерацию изнутри.

24 сентября в Нальчике, возле здания Правительства, начался бессрочный митинг, участники которого расценили арест Ю. Шанибова как «оскорбление не только кабардинского, но и всех народов Кавказа»[3]. Ю. Калмыков и Ю. Сосламбеков заявили протест властям России и резко осудили поведение Президента Кабарды[4]. А между тем сам В. Коков ответил, что действия КГНК не всегда отвечают интересам кабардинского народа и что нужно установить порядок и дисциплину в республике[5]. «Акцией, которая может стать началом политических репрессий, началом возврата к сталинским методам расправы с народом», назвал арест Ю. Шанибова З. Налоев. Он призвал всех, «кому дороги свобода, честь народа», «сплотиться и преградить путь реакции»[6]. Арест Шанибова осуществлен «в духе старых, проверенных методов расправы с политическими лидерами», было заявлено участниками митинга в Майкопе[7]. По мнению председателей Союза писателей и Литфонда Абхазии А. Гогуа и Д. Чачхалиа, «процессуальные особенности задержания и ареста Ю. Шанибова, авторитет его среди народов Северного Кавказа дают ему статус политического заключенного и являются детонатором всекавказского возмущения»[8]. Позже, 4 октября, на чрезвычайном съезде КГНК была принята резолюция, в которой говорилось: «Выражаем решительный протест по поводу вопиющей и антиконституционной акции правоохранительных органов РФ во главе с Генеральным прокурором Степанковым, связанной с арестом Президента КГНК Ю. Шанибова и преследованием других руководителей Конфедерации и националь-

[1] Газ. «Кавказский дом», № 28, сентябрь 1992 г.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 277.
[3] Там же. С. 275.
[4] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 241.
[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 91.
[6] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 276.
[7] Там же.
[8] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 99.

ных движений народов Северного Кавказа. Участники Чрезвычайного съезда расценивают этот акт беззакония и произвола властей РФ как несоответствие нормам демократического государства, как оскорбление КНК и всего кабардинского народа»[1]. Съезд потребовал прекратить гонения против Президента Конфедерации Ю. Шанибова и других ее руководителей.

25 сентября в Нальчике в квартире Ю. Шанибова был проведен обыск, во время которого его сторонниками был взят в заложники офицер Министерства безопасности России. Народный депутат Верховного Совета КБР З. Налоев прокомментировал произошедшее следующим образом: «Сам факт с заложником, наши бесполезные попытки убедить людей не делать этого, говорят о том, что ситуация выходит из-под контроля общественных национальных движений, а попытки остановить процесс силовыми методами ведут лишь к большой крови. Уступить Шанибова – означает открыть дорогу широкомасштабным политическим репрессиям. Этого допустить нельзя»[2]. 25 сентября на митинге выступил председатель Международной ассоциации черкесского народа Ю. Калмыков. Оппозиция была уверена, что концентрация российских воинских формирований на территории Кабардино-Балкарии и чересчур, на ее взгляд, активная деятельность российских следователей – результат продажности и беспринципности руководства республики[3].

25 сентября в Гудауте состоялся многотысячный митинг, на котором было заявлено: «Мы расцениваем действия прокуроров России и Кабардино-Балкарии как провокацию, направленную на создание очага политической и национальной напряженности на Северном Кавказе, с тем, чтобы потом начать преследование видных политических и общественных деятелей. Вызывают также серьезную обеспокоенность факты гонений на добровольцев, вернувшихся из Абхазии. На родине их подвергают допросам, грозят привлечь к уголовной ответственности, что противоречит международным конвенциям»[4]. 26 сентября

[1] Газ. «Кавказский дом», № 30, октябрь 1992 г.

[2] Газ. «Известия», № 214... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-sentyabrya-1992-goda

[3] «Независимая газета», № 186… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-sentyabrya-1992-goda

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 92.

Конгресс кабардинского народа заявил, что вынужден использовать все конституционные методы борьбы для его освобождения, а ответственность за осложнение обстановки в северокавказском регионе ляжет на тех, кто организовал его арест[1]. Кавказский Парламент также заявил, что вся ответственность за последствия этого «вопиющего беззакония» ляжет на его организаторов, и призвал кабардинский народ «не позволить восторжествовать несправедливости на древней кабардинской земле»[2]. Но наряду с этим Парламент КГНК в обращении к Вице-президенту и Генеральному прокурору России просил «учесть ситуацию, при которой был принят указ (указ Президента и Парламента КГНК от 21 августа 1992 г. – **А. А**.), и не искать в благородной деятельности КГНК и ее руководителей по защите от геноцида братского абхазского народа антиконституционных противоправных моментов»[3].

На фоне этих событий еще 24 сентября в Гудауту прибыл председатель парламентской Комиссии по вопросам обороны и национальной безопасности Чечни полковник И. Сулейманов. 25 сентября состоялась его встреча с членом ГКО С. Шамба и командующим Вооруженными силами Абхазии В. Аршба, где обсуждался вопрос о выводе чеченских добровольцев из Абхазии[4]. 26 сентября была достигнута договоренность военного руководства Грузии, Абхазии и Чечни о выводе чеченских добровольцев из Абхазии[5]. Чуть позже И. Сулейманов, после переговоров в Москве, сообщил, что «чеченские добровольцы, сражавшиеся в Абхазии, вернутся домой на борту военных вертолетов ВВС России»[6]. Особо нужно отметить, что такое заявление прозвучало в то время, когда противостояние КГНК и России достигло своего апогея. И в заявлении Вице-президента КГНК, командующего войсками КГНК в Абхазии И. Арсамикова, сделанном им чуть позже, 2 октября, уже после начала Гагрской операции, также говорилось о том, что депутаты чеченского Парламента провели «переговоры в Москве, Гудауте и Сухуме, встре-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 96.
[2] Там же. С. 97.
[3] Там же. С. 98.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 90.
[5] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002 г. // http://www.abkhaziya.org/books/myalo_lastwar.html
[6] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 365.

чались с добровольцами с тем, чтобы подготовить их вывод из зоны конфликта первой партии добровольцев»[1]. Плюс к этому тогда же на встрече Вице-президента России А. Руцкого с чеченской делегацией была достигнута договоренность об открытии «официальных представительств Чеченской республики в Москве и Российской Федерации в Грозном»[2]. Такая политика России могла преследовать и двоякую цель: первое – умиротворение Чечни, хотя бы на время; второе – противопоставление Чечни остальным членам КГНК.

Тем временем к требованиям участников бессрочного митинга в Нальчике добавились: вывод частей ОМОНа из республики, отставка Президента и правительства Кабардино-Балкарии. 26 сентября произошло столкновение между частью митингующих и ОМОНом. Президент республики В. Коков пообещал лидерам народного движения предпринять все меры для освобождения Ю. Шанибова, а также предоставить эфирное время на телевидении. Председатель комиссии ККН по репатриации С. Пшиншев позже вспоминал: «Мы не смогли переубедить руководителей республики, что нет у общественных организаций цели захвата власти, как нет и противоправных действий. И все же мысль об этом настолько глубоко засела у них в головах, что они были готовы на все ради спасения своих кормушек-кресел. Так, например, президент (В. Коков. – **А. А**.) неприкрыто заявил: «Я не остановлюсь ни перед чем. Власть так просто не отдают, и мы сделаем все, чтобы ее отстоять». Дальнейшие события показали, что наши руководители действительно были готовы на все… В какой-то момент (26 сентября. – **А. А**.) я даже поверил, что мы в результате уступок достигли компромисса. Вспомним заявление Кокова Калмыкову, который вечером 26 сентября 1992 г., выступая перед митингующими, доложил о том, что президент обещал в самое ближайшее время рассмотреть вопросы о выводе войск и освобождении Ю. Шанибова. Кроме того, 27 сентября утром руководители республики и общественных движений должны были выступить с обращением к народу КБР»[3]. Но при этом предложил подождать «до завтра», видимо, своими обещаниями он стремился выиграть время, т. к. с 00 часов 27 сентября ввел в республике чрезвычайное положение. Была

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 140-141.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 365.
[3] Газ. «Кавказский дом», № 33, ноябрь 1992 г.

перекрыта площадь, на которой все эти дни проходил бессрочный митинг. Данное решение в Кабарде было названо «исторической датой приближения к диктатуре», а деятельность властей КБР – «антикабардинской и не отвечающей интересам народов Кабардино-Балкарии»[1].

Тогда многотысячный митинг собрался возле здания исполкома ККН. Лидеры национальных движений во избежание осложнения ситуации призвали людей воздержаться от продолжения бессрочного митинга на площади перед Домом Советов. Но это предложение было ими отвергнуто. Позже С. Пшиншев в категорической форме отрицал, что у кого-то из его участников была мысль о захвате здания Дома Советов. По его словам, они были безоружны и у них была единственная цель – выйти на площадь для продолжения мирного митинга[2]. Известный общественный деятель В. Хатажуков также свидетельствует: «До этой стрельбы (по митингующим. – **А. А**.) ни о каком штурме, ни о какой попытке войти в Дом Советов и так далее, об этом речи не было и никто об этом не думал. Задача просто была выйти, несмотря на то, что ввели чрезвычайное положение, выйти к площади и продолжать митинг бессрочный»[3].

О том, что происходило в дальнейшем, свидетельствует участник тех событий А. Бекшоков: «Когда мы приблизились к площади, нас не охватил ужас, хотя перед нами стояли мощные заслоны из числа сотрудников МВД и ОМОНа. Даже женщины побороли чувство страха, и мы преодолели кордон из сотрудников МВД. Следующий заслон состоял из омоновских юнцов, вооруженных до зубов. При приближении к ним нас забросали «черемухой», шумовыми гранатами и огрели резиновыми дубинками. Наверное, не надо объяснять, какие чувства испытала тогда кабардинская душа. Мы устремились вперед, круша на своем пути голыми руками щиты, каски, резиновые дубинки и их обладателей. Адыгский натиск наемники президента не выдержали и побежали во внутрь здания Дома Советов. При этом они давили друг друга. После этого прозвучали сначала автоматные, а затем и пулеметные очереди. Прошло какие-то мгновение, и я услышал крик по-кабардински: «Убили женщину!»[4]. Действительно, 27 сентября сначала против людей приме-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 108.
[2] Газ. «Кавказский дом», № 33, ноябрь 1992 г.
[3] http://www.svobodanews.ru/content/article/126541.html
[4] Газ. «Кавказский дом», № 33, ноябрь 1992 г.

нили слезоточивый газ, затем со второго этажа Дома Советов началась стрельба по безоружной толпе, в результате чего погибла М. Апекова[1]. Позже, 3 октября митинг в Нальчике обратился в Нальчикский городской народный суд с иском к Президенту КБР В. Кокову для привлечения его к уголовной ответственности[2]. После восстановления порядка на площади В. Коков объявил, что погибшая женщина была убита выстрелом из толпы. Тем не менее, экспертизой было установлено, что она была убита выстрелом из АКМ – 74 (5,45 калибра) пулей со смещенным центром тяжести. Из головного мозга М. Апековой была извлечена пуля с деформированным основанием[3].

Тогда также получили ранения 29 человек[4]. Вновь сошлюсь на А. Бекшокова, который рассказывает о последовавших событиях: «После этого молодые участники митинга стали неуправляемы. Сотни юношей ринулись на штурм здания Дома Советов, откуда по-прежнему стреляли. Здесь я хочу отметить, что их остановил не спецназ, не сотрудники МВД, а наши аксакалы из числа руководителей Конгресса и «Адыгэ Хасэ». И, поверьте, это стоило им нечеловеческих усилий. Мы вернули всех на площадь и начали митинг в поддержку Ю. Шанибова»[5]. В ходе этих столкновений 18 военнослужащих внутренних войск получили тяжелые телесные повреждения и ножевые ранения[6].

Огромную роль в том, что удалось остановить людей, предпринявших штурм Дома Советов в Нальчике, принадлежит Президенту МЧА Ю. Калмыкову. Об этом свидетельствует, в частности, документальный фильм И. Кожемова «Он ушел раньше», который был снят в 2004 г. к 70-летию Ю. Калмыкова. В фильме о событиях тех дней и роли Ю. Калмыкова в них рассказывают С. Степашин, один из лидеров Конгресса кабардинского народа М. Хоконов, общественный деятель В. Хатажуков, кабардинский писатель З. Налоев, тогдашний командующий внутренними войсками МВД России А. Куликов. Приведу отрывок из распечатки названного фильма:

---

[1] Газ. «Кавказский дом», № 32, октябрь 1992 г.

[2] Там же.

[3] Газ. «Кавказский дом», № 33, ноябрь 1992 г.

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 106.

[5] Газ. «Кавказский дом», № 33, ноябрь 1992 г.

[6] «Российская газета», № 214... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-29-sentyabrya-1992-goda

С. Степашин: «Он, конечно, был отважный человек… Он рисковал, рисковал буквально жизнью. Он шел вперед, он говорил с людьми, он отстаивал свою позицию. Думаю, это во многом позволило снять серьезное напряжение».

В. Хатажуков: «Все, что было на территории – солдаты, милиция, все это раскидали и ломились внутрь. Калмыков приехал, уговорил остановиться, не идти дальше».

З. Налоев: «Сообщили, что стреляют в народ. Калмыков выскочил, еще продолжали стрелять, когда мы прибыли туда… Калмыков обладал таким авторитетом, что люди отошли. Между правительственным домом и митингующими встала милиция… Стреляла не милиция, а спецназ под командой Куликова. Потом нам сказали, что нас хочет видеть Куликов. Мы пошли к нему… Куликов предлагал распустить митинг. Мы предлагали: верните Шанибова, и митинг разойдется».

А. Куликов: «С Юрием Хамзатовичем встречаясь, я прямо сказал: «Мы будем проводить операцию». Операция эта вполне законна, и будут применяться специальные средства, будет применяться оружие, возможны жертвы. При этом вся ответственность ложится на организаторов этого противостояния. Он, повторяю, очень переживал и просил меня этого не делать. Я сказал, что мы не можем отступить, мы должны выполнить приказ. При этом я не исключал, что если, допустим, к какому-то времени будет остановлено это противостояние, люди разойдутся, конечно, не будем проводить операцию. Я хорошо помню тот критический момент. Но когда я в присутствии Калмыкова поставил задачу всем силам, задействованным в этой операции, и Калмыков, понимая, что уже обратной дороги нет, он попросил операцию не начинать и пообещал, что к семи часам он примет все меры для того, чтобы нормализовать обстановку. Надо сказать, что он свое слово сдержал».

М. Хоконов: «Я представляю себе, что было бы, если бы не было его (Ю. Калмыкова. – **А. А**.)… Если учесть ситуацию в Российской Федерации в то время, если учесть, что происходило в Абхазии в это время, я совершенно не исключаю, что произошло бы все очень похожее на то, что произошло в Чеченской республике»[1].

Тогда же, 27 сентября, Исполком Конгресса кабардинского народа, Президиум «Адыгэ Хасэ» и МЧА призвали кабардинский народ «поста-

[1] http://www.svobodanews.ru/content/article/126541.html

вить мощный заслон на пути неприкрытого акта вопиющего беззакония со стороны руководящих кругов КБР, а также имперской политике российского руководства и сказать решительное «нет» чрезвычайному положению и нахождению на территории суверенной КБР оккупационных войск»[1]. Митинг в Нальчике продолжался всю ночь с 27 на 28 сентября и весь последующий день. 28 сентября ККН и «Адыгэ Хасэ» выступили с требованиями созвать чрезвычайную сессию ВС КБР 1 октября для решения вопроса о выводе войск специального назначения с территории республики; ВС КБР выполнить свое Постановление от 28 августа 1992 г. «О роспуске парламента и проведении досрочных выборов»; создание правительства национального согласия; прекратить дело на Ю. Шанибова[2]. 28 сентября состоялись переговоры Президента Кабардино-Балкарии с представителями Конгресса кабардинского народа и «Адыгэ Хасэ», в ходе которых В. Коков вынужден был согласиться со всеми выдвинутыми требованиями и обещал выполнить их в кратчайшие сроки. Была достигнута договоренность о немедленном выводе спецподразделений внутренних войск России из республики, освобождении из-под стражи Ю. Шанибова, прекращении преследований членов народно-патриотических движений, об отмене чрезвычайного положения на всей территории КБР и снятии информационной блокады. На переговорах представителями правоохранительных структур республики было заявлено, что находящийся под стражей в Ростове Ю. Шанибов уже практически освобожден, дело только за соблюдением некоторых формальностей[3]. А митинг все еще продолжался. Президент В. Коков, несмотря на обещания, не выполнил основных требований митингующих, что привело к очередному витку противостояния в Нальчике[4].

Между тем, Президент КГНК к тому времени уже оказался на свободе. Об обстоятельствах его «побега» из плена вечером 28 сентября сообщило Ростовское телевидение: «Шанибов был доставлен в Ростов, где представители российской прокуратуры предложили поместить его в изолятор областного управления Министерства безопасности РФ.

---

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 109.
[2] Там же. С. 124-125.
[3] Там же. С. 106.
[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 342.

Однако получили отказ, так как не смогли достаточно аргументировать это предложение. Пока шли переговоры, Шанибов вышел из машины и скрылся в неизвестном направлении»[1]. Позже 20 октября в Гудауте сам Ю. Шанибов рассказал об обстоятельствах своего «побега» из российского плена, недвусмысленно указав при этом на психологическое воздействие, оказанное им на своих охранников. По мнению О. Васильевой и Т. Музаева, «освобождение» Ю. Шанибова и принятие Постановления ВС России от 25 сентября 1992 г. помогли снять напряженную ситуацию, сложившуюся тогда в Кабарде[2].

Скорее всего, Ю. Шанибову было позволено оказаться на свободе, поскольку ситуация в Нальчике становилась неуправляемой, ее сложно было взять под контроль даже с помощью Вооруженных сил, которые к тому времени в большом количестве находились на Северном Кавказе. Но их применение в полной мере в сложившихся тогда условиях было игрой с огнем, на что российские власти, естественно, идти не желали. Они убедились в бесперспективности этого пути, события 27 сентября на центральной площади кабардинской столицы показали, что силовой путь не способен привести к восстановлению контроля над ситуацией. Как бы там ни было, ясно, что освобождение или «побег» Ю. Шанибова стало возможным только благодаря массовому движению солидарности с ним, развернувшемуся в Кабардино-Балкарии и поддержанному на всем Кавказе. Это фактически подтвердил В. Тишков, который 1 октября, комментируя начавшиеся переговоры в Нальчике, сказал: «Наши полномочия – изучить ситуацию, высказать рекомендации российскому руководству, ибо оно понимает, что с его стороны были допущены некоторые неадекватные меры – в первую очередь, неуклюжий арест Шанибова. Российское руководство чрезвычайно озабочено происходящим в Кабардино-Балкарии, понимая, что в республике ни в коем случае нельзя допустить повторения грозненских событий»[3]. О. Васильева и Т. Музаев названные события в Нальчике также называют «чеченским вариантом», имея при этом в виду «чеченскую революцию»

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 344.

[2] Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М., 1994. С. 47.

[3] Газ. «Известия», № 219... С. 1, 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-2-oktyabrya-1992-goda

в ноябре 1991 года[1]. Однако, вместе с тем, начальник отдела Прокуратуры РФ, руководитель группы следователей Р. Савин прокомментировал происходившее следующим образом: «Все обвинения попрежнему остаются. Я считаю, что следователь должен продолжать дело. Только дополнительно к прежним обвинениям будет добавлена статья о побеге. Если же это не побег, пусть Шанибов расскажет, как его отпустили. Следователем официально вынесено постановление о розыске, поиски подследственного теперь – компетенция органов внутренних дел»[2]. Прокурор Кабардино-Балкарской Республики Э. Денисов также считал, что исполком ККН откровенно претендует на роль организации, признанной подменить собой законные органы власти и управления[3].

Тем временем 28 сентября Президент КГНК успел выступить на митинге в Нальчике. Тогда российские СМИ передали о его заявлении, что «малые народы Кавказа смогут прожить и без России, а если против этого она будет возражать, то народ готов начать вооруженную борьбу против «имперского центра»[4]. Нужно отметить, что подобного рода сообщения являлись попыткой нагнетания обстановки. На самом деле никакой войны против России не объявлялось, напротив, что интересно, именно в момент апогея противостояния России и кавказских народов было принято решение о частичном выводе войск Конфедерации из Абхазии, а уже 28 сентября на митинге в Гудауте провожали первую группу добровольцев КГНК[5], к чему призывала Москва.

В самом Нальчике в связи с договоренностью с лидерами Конгресса кабардинского народа 28 сентября действие указа о введении чрезвычайного положения в Нальчике было приостановлено. В ответ на это Конгресс кабардинского народа снял блокаду Нальчикского аэропорта[6]. Тем временем, с утра 29 сентября на центральную площадь начали

[1] Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М., 1994. С. 29.

[2] «Независимая газета», № 190... С. 1, 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-oktyabrya-1992-goda

[3] «Российская газета», № 233... С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-24-oktyabrya-1992-goda?page=0,1

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 342.

[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 114.

[6] «Российская газета», № 214... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-29-sentyabrya-1992-goda

прибывать люди: должна была состояться чрезвычайная сессия Верховного Совета. Было ясно, что ситуация далека от стабилизации. Вечером 1 октября начались переговоры между официальными властями и лидерами Конгресса кабардинского народа, при участии рабочей группы правительства Российской Федерации во главе с председателем Госкомнаца В. Тишковым, который тогда сообщил, что переговоры идут трудно. По его словам, если стороны не пойдут на уступки, то шанс разрешения вопроса политическими методами будет упущен[1]. Несмотря на то, что переговоры начались, митинг на центральной площади Нальчика продолжался, к требованиям которого прибавились переизбрание Центризбиркома, прекращение политических репрессий в отношении президента КГНК Ю. Шанибова и участников акции протеста в связи с абхазскими событиями, отставка министра внутренних дел КБР и прокурора республики. Одновременно 1 и 2 октября продолжались переговоры руководства республики с лидерами ККН. В результате них было подписано соглашение, которое 2 октября вечером участникам митинга зачитал председатель ККН Ю. Калмыков, предложивший закрыть митинг. Однако 3 октября митинг продолжился[2]. 4 октября представители Конгресса кабардинского народа достигли соглашения с руководством республики о прекращении митинга. Оно включало в себя следующие пункты: прекращение преследования президента КГНК Ю. Шанибова, вывод роты спецназа из Дома Советов сразу же после окончания митинга, приостановление решения о введении чрезвычайного положения на всей территории республики, предоставление эфирного времени республиканского телевидения КГНК. «Я считаю, что митинг выполнил свои задачи. Первоначальные требования были удовлетворены», – заявил Ю. Калмыков[3].

Тем временем 3 и 4 октября в Грозном прошел чрезвычайный съезд КГНК, делегаты которого обсудили четыре основных доклада: «Общественно-политическая ситуация в регионе и первоочередные задачи Конфедерации горских народов Кавказа (докладчик –- президент КГНК

[1] Газ. «Известия», № 219… С. 1, 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-oktyabrya-1992-goda

[2] «Независимая газета», № 191... С. 1-3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-oktyabrya-1992-goda

[3] «Независимая газета», № 192... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-6-oktyabrya-1992-goda

М. Шанибов); «Проблемы становления КГНК как союза народов» (вице-президент КГНК Г. Аламиа); «О концепции развития КГНК: от конфедерации народов – к конфедерации республик» (заместитель председателя парламента КГНК Д. Халидов) и «Историко-правовая оценка кавказской войны и политические последствия включения народов Кавказа в состав России» (член парламента КГНК С.-Х. Абумуслимов). С речью на съезде также выступил президент Чеченской Республики Д. Дудаев[1]. 4 октября съезд КГНК принял Декларацию, в которой было заявлено: «1. О необходимости денонсирования Федеративного Договора с Россией как не оответствующего национальным интересам народов Северного Кавказа; 2. Рекомендовать съездам и общественным движениям народов, входящим в состав КГНК, добиваться от руководства республик: ускорения реализаций права нации на самоопределение и достижение реальной независимости; заключения межгосударственного Договора о политическом сотрудничестве республик Северного Кавказа, Абхазии и Южной Осетии и принятия Декларации о начале процесса создания Конфедеративного союза этих республик; признание независимости Чечни, Абхазии и Южной Осетии; создание совместных сил региональной безопасности на базе республиканских гвардий; 3. Потребовать безотлагательного вывода всех войск РФ с территории Кавказа; 4. Обратиться к национальным советам (исполкомам, съездам народов Северного Кавказа) с предложением принять меры по социальной защите семей, погибших в Абхазии, а также всех добровольцев»[2].

Форум кавказских народов также заявил, что «Конфедерация будет защищать интересы всех народов Кавказа»[3], переименовал организацию в КНК и принял в свои ряды казачество. Последнее решение некоторыми наблюдателями было воспринято как «желание Конфедерации расширить границы своего влияния, дав возможность вступить в нее и негорским народам региона»[4]. В случае отказа руководителей республик от этих мер Конфедерация пригрозила организовать мирные акции массового протеста и гражданского неповиновения с требованием отставки антинародного руководства и организации досрочных

[1] «Российская газета», № 219... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-6-oktyabrya-1992-goda

[2] Газ. «Кавказский дом», № 30, октябрь 1992 г.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 204.

[4] Газ. «Советская Россия», 6 октября 1992 г.

выборов в республиканские парламенты[1]. Вице-президент Конфедерации горских народов Кавказа Г. Аламиа, комментируя состоявшийся съезд, сказал, что вопреки тому, что ждали от КГНК, «она не объявила никому войну». Он подчеркнул: «Мы просто решили, что нынешнее отношение к нам со стороны российских властей Конфедерацию более не может устраивать. Все представители 16 народов, входящих в КГНК, заявили, что с их мнением необходимо считаться. Были приняты обращения к парламенту России с благодарностью за решение по абхазскому вопросу и к президенту России, где его предупредили, что если он намерен вопреки решению парламента идти на контакты с нынешним режимом в Грузии, и собирается туда с визитом, то может «потерять» весь Северный Кавказ»[2].

4 октября начальник штаба КНК в Абхазии И. Арсамиков заявил, что руководимая им структура «обладает достаточными силами и средствами для защиты свободы и независимости Абхазии»[3]. Позже, 13 ноября, Ю. Калмыков, анализируя происшедшее, писал: «Одиннадцатидневный митинг в Нальчике, возникший, по существу, стихийно в связи с крайне непродуманной акцией – арестом Ю. Шанибова, вылился в мощный протест народа против правящей номенклатурной верхушки, которая не преминула после митинга обрушить волну репрессий на Конгресс кабардинского народа – тот самый орган, который фактически предотвратил назревшую кровавую драму. А что же Центр? Он спокойно взирает на эти события, подкрепляя крайне непопулярное руководство республики новыми воинскими формированиями»[4]. Тем не менее, ситуация в Кабардино-Балкарии постепенно нормализовалась, а КГНК продолжила свою деятельность, в том числе и по организации и переправке добровольческих отрядов в Абхазию.

4. 2. «Гулливеры» и «лилипуты»

В те дни, когда был арестован Президент КГНК Ю. Шанибов, а волна массового движения за его освобождение набирала обороты, в двух

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 151.
[2] «Независимая газета», № 192... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-6-oktyabrya-1992-goda
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 159.
[4] Там же. С. 224–231.

политических центрах мира шла подготовка к важным и существенным мероприятиям. В Москве, на очередной сессии Верховного Совета, готовились обсудить ситуацию на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии, а в Нью-Йорке – также на очередной сессии – к выступлению Э. Шеварднадзе. Эти значимые для противоборствовавших сторон события произошли одновременно, в один и тот же день, что свидетельствовало о том, что проблема абхазо-грузинского противостояния вышла далеко за пределы территорий собственно Абхазии и Грузии. Причем они, равно как и другие подобного рода политические мероприятия, не являются бессвязными и единовременными политическими акциями, а, напротив, их надо рассматривать как взаимосвязанные и взаимообусловленные политические шаги с мотивацией на геополитические последствия.

Этим событиям предшествовала соответствующая работа всех заинтересованных сторон, направленная на создание условий режима наибольшего благоприятствования именно для торжества своих интересов. Как уже было сказано, 20 августа 1992 г. на внеочередной сессии Парламент Адыгеи предложил незамедлительно созвать внеочередную сессию Верховного Совета РФ и обсудить события в Абхазии. Это требование было отклонено, более того, Президиум ВС РФ тогда принял Постановление, в котором обратился к ВС Адыгеи с просьбой пересмотреть решение о созыве внеочередной сессии[1]. 12 сентября Президиум ВС РА обратился к Председателю ВС РФ Р. Хасбулатову с просьбой «рассмотреть вопрос о положении в Абхазии на очередной сессии Верховного Совета Российской Федерации»[2].

16 сентября ВС Республики Адыгея заявил о необходимости «рассмотреть на очередной сессии Верховного Совета Российской Федерации ситуацию на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии»[3]. 16 же сентября группа депутатов ВС РА обратилась к Председателю и депутатам ВС России с просьбой «включить в повестку дня предстоящей очередной сессии Верховного Совета Российской Федерации обсуждение ситуации в Абхазии»[4]. Тем временем сама Россия в лице представи-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 23-24.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 307-308.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 23–24.
[4] Там же. С. 23.

телей командования противовоздушной обороны РФ договаривалась с Грузией о передаче ей вооружения и технических средств противовоздушной обороны. Об этом 16 сентября сообщило грузинское телевидение. При этом первый заместитель Председателя Госсовета Д. Иоселиани заявил, что процесс передачи вооружения нужно ускорить, и мотивировал это тем, что «Грузия в настоящее время ведет малую войну»[1].

Между тем 12 сентября фракция «Демократическая Абхазия» – грузинская часть абхазского Парламента – заявила о проведении 14 сентября сессии Верховного Совета, на котором будет поставлен вопрос о самороспуске Парламента. Лидер оккупационных сухумских властей Т. Надарейшвили уточнил, что даже в случае неявки абхазских депутатов грузинская фракция все равно проведет заседание и заявит о роспуске Парламента. Однако если даже не учитывать военно-политического положения в стране, грузинская фракция была невправе формально, юридически принимать решение о созыве сессии, т. к. она не составляла простого парламентского большинства. Более того, принимать такое решение, согласно Временному регламенту ВС РА, могли только сессия ВС РА и его Президиум[2]. Вопрос возможного созыва объединенного Парламента обсуждался на пятичасовой встрече представителей грузинской и абхазской фракций, проходившей при посредничестве двух российских депутатов 13 сентября в Сухуме[3]. Утром 14 сентября российские «Новости» передали, что 13 сентября в Сухуме встретились абхазская и грузинская фракции парламента и выработали совместное решение о создании смешанных групп по соблюдению Сухумского соглашения о разъединении войск[4]. Однако 14 сентября, как и ожидалось, грузинская фракция объявила о роспуске Верховного Совета Абхазии. Президиум Верховного Совета Абхазии, в свою очередь, расценил данное «решение» как «попытку придания видимости законности насильственному свержению конституционной власти Абхазии, что является одной из важнейших целей оккупации Абхазии»[5]. 14 сентября Председатель ВС РА В. Ардзинба в послании к Президенту России вновь заявил, что «стабилизация положения, прекращение кро-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 16.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 295.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 4, 19 сентября 1992 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 59.
[5] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 154.

вопролития и грабежей невозможны до полного вывода войск Госсовета из Республики Абхазия»[1].

16 сентября Председатель ВС РА В. Ардзинба направил послание Генеральному секретарю ООН Б. Б. Гали, в котором констатировалось, что «в Абхазию, которая больше месяца истекает кровью, до сих пор не прислана даже миссия ООН». «Это, – отмечалось в послании, – естественно, заставляет думать, что ООН подходит к конфликтам по принципу двойного стандарта». В послании содержалась просьба направить в Абхазию миссию ООН и далее отмечалось: «Если она прибудет в Гудауту, где сейчас находится парламент Абхазии, ей будут предоставлены материалы о геноциде абхазского народа и других многочисленных нарушениях прав негрузинского населения Абхазии, в результате которых имеются сотни убитых, тысячи раненых и десятки тысяч беженцев»[2]. Правда, к этому моменту уже в так называемой зоне конфликта в Тбилиси с 10 по 16 сентября находилась миссия ООН во главе с Г. Фейсалом. Ее делегация 16 сентября побывала в оккупированном Сухуме[3], а 17 сентября – в Гудауте, где состоялись ее переговоры с парламентариями Абхазии[4]. Миссия была направлена в зону конфликта по просьбе главы Госсовета Грузии и, судя по всему, ее деятельность была направлена не на установление действительного положения дел, а на оказание политической поддержки Э. Шеварднадзе, в том числе и в глазах его же сограждан. В силу этого претензии В. Ардзинба к принципам подхода ООН к войне в Абхазии были вполне правомочны и уместны.

В Заявлении Верховного Совета РА, принятом в те дни, по поводу деятельности означенной миссии ООН, говорилось: «Под разными предлогами миссию два дня задерживали в Тбилиси, с тем, чтобы использовать это время для приведения Сухума в порядок и уничтожения следов варварских разрушений хотя бы в центре города. Но и потом, дабы исключить всякие для грузинской стороны неожиданности, миссию ООН по ее прибытии в Сухум держали в штабе войск Госсовета Грузии. Опасаясь разоблачения, Шеварднадзе и решил посетить оккупированный бандитствующим воинством Госсовета Грузии Сухум»[5]. И, действи-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. М., 1992. С. 315.
[2] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=67
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 4, 19 сентября 1992 г.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 29.
[5] Там же. С. 53.

тельно, Э. Шеварднадзе тогда же прибыл в столицу Абхазии и призвал население к «мирному труду»[1]. По всей вероятности, к его приезду в Абхазию было приурочено и принятие Обращения Госсовета Грузии к абхазскому народу, которое, по расчетам стратегов из Тбилиси, видимо, должно было настроить многих на «мирный лад». В названном Обращении «гарантом справедливого государственного устройства Абхазии» объявлялась «единая и неделимая государственность» Грузии и предлагалось запомнить, что «тот абхаз, который является врагом грузин, – враг абхазов»[2].

Но прежде чем приехать «к братьям и сестрам» в Абхазию, глава Госсовета Грузии 17 сентября успел встретиться с представителями НАТО (США и Германия), на котором он заявил, что им еще ранее, на Хельсинкской встрече, отмечалась роль, которую может сыграть НАТО в деле укрепления независимости новых государств. При этом Э. Шеварднадзе, стараясь не выходить за рамки дипломатической риторики, но довольно красноречиво, заявил: «У нас, в отличие от некоторых новых стран, сложились хорошие отношения с Россией. Но, учитывая негативное отношение основной части населения Грузии к войскам России, в скором времени будет поставлен вопрос об их выводе с территории Грузии»[3]. Это заявление было, скорее всего, испытанным приемом – попыткой оказать давление на Россию с тем, чтобы предупредить не желательное для Грузии обсуждение ситуации в Абхазии на сессии Верховного Совета России. Тем временем Правительство самой России в тот же день, 17 сентября, издало распоряжение «О мерах по оказанию гуманитарной помощи населению, пострадавшему в результате грузино-абхазского конфликта». Этот документ предусматривал: «1. Выделить в распоряжение ГКЧС России для отправки в зону конфликта: Минздраву России – медикаменты и перевязочные средства; Минторгресурсу России – 5 тонн сухого молока, 0,5 тонны детского молочного питания, 20 тыс. условных банок мясных и 5 тыс. условных банок молочных консервов. Минобороны России обеспечить транспортировку указанной гуманитарной помощи; 2. Расходы ГКЧС России, связанные с оплатой материальных ценностей согласно пункту 1 и их транспортировкой, от-

[1] Там же. С. 38.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 4, 19 сентября 1992 г.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 30.

нести за счет резервного фонда Правительства Российской Федерации; 3. Просить ЦК Общества Красного Креста Российской Федерации обеспечить сопровождение и передачу гуманитарной помощи»[1].

Но глава Госсовета Грузии, судя по всему, тогда более всего был озабочен возможным обсуждением абхазского вопроса Верховным Советом России. 19 сентября Э. Шеварднадзе уже на заседании Госсовета сказал: «Я думаю, что на это Россия не пойдет». Но все же считал необходимым перестраховаться: «Тем не менее, нашим товарищам надо заранее поехать в Москву для того, чтобы не допустить включения этого вопроса в повестку дня»[2]. В Москве названная делегация вручила членам ВС РФ обращения Госсовета Грузии и фракции «Демократическая Абхазия» к ВС России. «Демократическая Абхазия» выразила надежду, что парламент РФ «не пойдет на поводу определенных политических кругов, стремящихся к ограничению суверенитета Республики Грузия и при принятии решения будет руководствоваться нормами международного права». В ходе беседы представители российских властей особо подчеркнули, что вопрос о ситуации на Северном Кавказе, включенный в повестку дня пятой сессии Верховного Совета РФ и, в частности, проблема определения нового статуса северокавказских территорий в связи с тем, что они стали пограничными – внутренние проблемы России. С этим не могли не согласиться представители Грузии. Обе стороны подтвердили решение о том, что ВС России не должен выступать в качестве третейского судьи во внутреннем конфликте Республики Грузия, и, следовательно, выступления представителей Грузии на сессии российского парламента не целесообразны[3]. На фоне этого 20 сентября состоялась встреча между министрами обороны России и Грузии П. Грачевым и Т. Китовани, которая, по словам Шеварднадзе, вновь подтвердила готовность сторон сотрудничать друг с другом[4].

Однако тогда же постоянный представитель Грузии в Москве А. Чхеидзе направил руководству ВС РФ письмо, в котором предупреждал, что если представители ВС Абхазии примут участие в работе сессии ВС

---

[1] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch01/akt11864.shtm

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М. 1993. С. 49.

[3] «Независимая газета», № 186… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-sentyabrya-1992-goda

[4] Газ. «Известия», № 210... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-sentyabrya-1992-goda

России, то это будет расценено как вмешательство во внутренние дела Грузии[1]. Видимо, все это вызвало некоторую неудовлетворенность позицией Грузии, нотки которой просматривались в заявлении МИД РФ от 21 сентября. В названном документе указывалось, что положение дел «вызывает у российского руководства самое глубокое беспокойство». Отмечалось, в частности, что «грузинская сторона не соблюдает договоренности о сокращении своих войск до минимального уровня, необходимого для охраны железной дороги и других ключевых объектов, о выводе тяжелой техники из Сухума». Но здесь же «досталось» и «абхазской стороне», которая, согласно авторам Заявления, не выполняла «положение о разоружении, расформировании и удалении из Абхазии вооруженных формирований, незаконно проникших в зону конфликта»[2].

Несмотря на декларировавшееся МИДом России некоторое недовольство поведением Тбилиси, ее Министерство обороны тогда же передало Грузии крупную партию вооружения. В послании В. Ардзинба к Президенту России от 21 сентября выражалось опасение, что это приведет к эскалации боевых действий и сделает ситуацию неуправляемой[3]. Ответом России на это обращение стало завершение передачи Грузии ахалцихской мотострелковой дивизии, о чем было заявлено 22 сентября, за что «Шеварднадзе поблагодарил российское руководство»[4]. В связи с этим пресс-служба Верховного Совета Абхазии выступила с заявлением о раздвоении политики России: «ее граждане по велению совести добровольцами воюют на стороне Абхазии, а официальные власти, на словах придерживающиеся нейтральной позиции, фактически вооружают агрессора»[5].

22 сентября у здания ВС РФ был устроен пикет, участники которого требовали: «Включить в повестку дня сессии Верховного Совета России вопрос о ситуации на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии; осудить кровавую агрессию Госсовета Грузии; прекратить вооружение

---

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 90.

[2] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии //Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 52.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 180.

[4] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000) // www.abkhaziya.org.

[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 72.

формирований Госсовета Грузии; вывести из Абхазии войска Госсовета Грузии; создать международную комиссию по расследованию фактов нарушения прав человека на оккупированной территории Абхазии»[1]. Между тем, ситуация на фронтах абхазо-грузинской войны осложнялась, свидетельством которому может служить Обращение руководства Северной Осетии к Б. Ельцину и Р. Хасбулатову от 23 сентября. В нем констатировалось: «Обстановка в Абхазии остается напряженной, военное противостояние продолжается, гибнут люди. Считаем необходимым максимально ускорить намеченную повторную встречу»[2]. Аналогичное послание Президенту России в тот же день направил и глава Администрации Краснодарского края В. Дьяконов[3]. На фоне всего этого 24 сентября состоялось закрытое заседание сессии ВС России, посвященное положению на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии. Как известно, накануне, 23 сентября, был арестован Президент КГНК Ю. Шанибов, что стало кульминационной точкой в гонениях Москвы на КГНК. Несмотря на это, по справедливому замечанию С. Лакоба, уже само рассмотрение вопроса о положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии, «по сути, является косвенным признанием КГНК»[4].

На 25 сентября, как уже отмечалось, было назначено выступление Э. Шеварднадзе в ООН. Предвидя лейтмотив его выступления, В. Ардзинба еще 22 сентября направил послание Генеральному секретарю ООН, в котором говорилось: «После выступления Председателя Госсовета Грузии Шеварднадзе на пленарном заседании ООН, в котором будет сказано о вооруженном конфликте в Абхазии, прошу решить вопрос о возможности выступления в ООН представителя Республики Абхазия. В случае непредставления нам такой возможности решение абхазского конфликта будет освещено односторонне и тенденциозно»[5]. Пресс-служба ВС РА 22 сентября в связи предстоявшим выступлением в ООН Э. Шеварднадзе выдвинула предположение о том, что «в ближайшие дни будет предпринята попытка военного решения проблемы Абхазии»[6].

---

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 68-69.
[2] Там же. С. 74.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 187.
[4] Газ. «Республика Абхазия», 15 сентября – 1 октября 1992 г.
[5] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 183.
[6] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 73.

Однако опасения абхазской стороны никого по-прежнему не волновали, и о предоставлении слова в ООН представителю Абхазии не могло быть и речи. Западная политическая элита находилась под впечатлением «блестящего» исхода «холодной войны», вклад Э. Шеварднадзе в который пока еще продолжали высоко ценить. В силу названного обстоятельства в то время, если бы Шеварднадзе был бы уличен в нарушении хваленой западной «демократии», ему простили бы и это. По сравнению с этим действия Э. Шеварднадзе в Абхазии, в понимании западных политиков, были всего лишь невинной шалостью: ну, погибнут несколько тысяч абхазов (прагматический мир мыслит сугубо статистически), они не могут значить много для мировой конъюнктуры, к становлению которой Э. Шеварднадзе, так или иначе, был причастен. Для самооправдания, более того, для осуждения несогласных с ним Э. Шеварднадзе была представлена самая высокая трибуна. В своих мемуарах, которые также были предназначены для западного читателя, Э. Шеварднадзе вспоминал об этом следующим образом: «К этому времени Грузия оказалась в информационной, экономической и военной блокаде. Чтобы прорвать блокаду, 25 сентября я вылетел в Нью-Йорк на сорок седьмую сессию Генассамблеи ООН. Я хотел, чтобы весь мир непосредственно от меня узнал, что творится в Грузии… Я должен был рассказать всему мировому сообществу о заговоре, по которому мою страну вновь хотят разбить на куски и обратить в рабство, о надеждах, которые питает моя страна, об идеях, которые мы вынашиваем, о том, на чьей стороне правда и где ложь»[1].

25 сентября Э. Шеварднадзе с трибуны ООН, защищая свою «правду», «обратился по сути дела за помощью к Западу, ко всем международным организациям»[2]. Для защиты какой именно «правды» Э. Шеварднадзе искал помощи международного сообщества, озвучил министр обороны Грузии Т. Китовани, который в тот же день, 25 сентября, выдвинул новый ультиматум: если абхазские формирования не будут распущены, грузинские войска пойдут в решительное наступление[3]. В то же время Э. Шеварднадзе в своей ООНовской речи говорил: «В маленькой частице Земли под названием Грузия, которую история распяла на

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 344-345.
[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 51.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 67.

геополитическом кресте, непостижимым образом сошлись все те беды и противоречия, которые империя заложила в свой генетический код, постоянно провоцировала их, и которые даже сейчас, после ее гибели, продолжают сотрясать нас. Все то, о чем я думал и говорил, что предвидел и предсказывал, – сбылось в судьбе Грузии. И здесь не надо быть ясновидящим – для этого достаточно знать систему, с которой имеешь дело»[1]. Не надо было быть «ясновидящим», чтобы понять, на какую страну «бочку катит» Э. Шеварднадзе. Более того, в дальнейшем в ходе своего выступления он уточнил, что агрессором является Россия, точнее, «красно-коричневые силы России». И Шеварднадзе, исполняя роль искусного дипломата, сделал это следующим образом: «Стабильная, процветающая, демократическая Россия – фактор мирового масштаба и значения. Угроза ей, исходящая от сил тоталитарстского реванша, - это угроза всем нам. В том заговоре против Грузии, который сейчас раскрывается во всей полноте, российская красно-коричневая реакция выступает в одном ряду с крайним фундаментализмом, отечественным фашизмом и сепаратизмом»[2]. Все это дипломатическое словоблудие Э. Шеварднадзе было направлено на то, чтобы «доказать» всему миру, что Грузия является не агрессором, а жертвой агрессии. Самое неправедное во всей этой истории с участием ООН заключалось в том, что никто из тех, кто был наделен возможностью повлиять на развитие событий, не мог допустить и мысли о том, что сами абхазы могут желать свободы: тогда, да и потом, мнение абхазского народа мировому сообществу было неинтересно.

Далее Э. Шеварднадзе, «соответствуя» имиджу деятеля всепланетарного масштаба, наставлял мировое сообщество на путь истины: «Специальные наблюдатели ООН в «горячих точках», региональные бюро и миссии, информационные центры помогут получить ясную картину и выработать конкретные решения. Такие механизмы должны базироваться непосредственно в конфликтном регионе. В нашем примере – на Кавказе. Их основой может послужить представительство ООН в Тбилиси. Предлагаем также расширить существующий мандат Верховного Комиссара СБСЕ по национальным меньшинствам с тем, чтобы при необходимости он мог информировать Генерального секретаря и

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос. М., 1988. С. 317-318.
[2] Там же. С. 321.

Комиссию по правам человека нашей организации. Аналогичные институты с теми же полномочиями могут быть и в других региональных организациях. К рассмотрению конфликтов может быть привлечен и Международный суд»[1].

Позже Э. Шеварднадзе, в уже названных мемуарах имея в виду эффект, произведенный его докладом, писал: «Моя речь привлекла всеобщее внимание. Представители разных делегаций приходили ко мне и выражали свою благодарность за это выступление. Ю. Петровский, зам. Генсека ООН, посетил меня, чтобы от имени Генсека сообщить, что «тезисы (моего доклада) оказали решающее воздействие на весь ход дальнейшей работы сессии»[2]. Оно-то, наверное, и так. Оставим на совести Шеварднадзе правдивость или неправдивость этих слов. Однако, наверное, нужно обратить внимание на еще одно его «изречение»: «Лилипуты, опутавшие Гулливеров, – реальность многих стран, и моей в том числе»[3]. Это классический образец проявления неуважения к малочисленным народам, а в ООН, как известно, входят не только многочисленные, но и малочисленные народы. Вследствие этого оно произвело шокирующее впечатление на многих. Президент России в ответ на это, правда, только в своем окружении заметил: «Шеварднадзе возомнил себя президентом великой державы, а на деле не имеет под собой даже банановой республики»[4]. Видимо, Б. Ельцину не понравилась пафосная интонация Шеварднадзе, который, оказавшись в среде влиятельных «друзей», мог и забыть о том, кому он обязан своим возвращением в Грузию. В связи с этим представляет интерес мнение С. Лакоба о том, что Ельцин поддерживал лидера Грузии до 25 сентября 1992 года[5]. Не исключено, что у Президента России тогда мелькнула мысль о том, что не мешало бы напомнить Шеварднадзе, кто «хозяин» в регионе.

Словно в унисон таким возможным размышлениям Президента России, 25 сентября Верховного Совета РФ принял Постановление «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии».

---

[1] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос. М., 1988. С. 321.

[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 346.

[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 50.

[4] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузию де-юре? Sapporo, 2001. С. 51.

[5] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

Оно, в частности, предусматривало: «1. Решительно осудить действия руководства Республики Грузия, предпринявшего попытку путем насилия решить сложные проблемы межнациональных отношений, и потребовать от него немедленного прекращения вооруженных действий, вывода воинских формирований с территории Абхазии, неукоснительного соблюдения прав человека; 2. Признать, что меры, предпринятые российским руководством для урегулирования конфликта в Абхазии, пока не привели к установлению мира. Президиум Верховного Совета Российской Федерации, несмотря на требование Верховного Совета Республики Адыгея и Краснодарского краевого Совета народных депутатов, в нарушение статей 108 и 114 Конституции Российской Федерации – России не созвал внеочередную сессию Верховного Совета Российской Федерации. Это в значительной мере содействовало дестабилизации социально-политической ситуации в Северо-Кавказском регионе; 3. Поддержать инициативу Президента Российской Федерации о проведении новой встречи руководства России, Грузии, Абхазии, а также республик, краев и областей Северного Кавказа с целью обеспечения безусловного прекращения огня в Абхазии, развития и углубления процесса примирения сторон, стабилизации положения в регионе и оказания помощи беженцам, начало чему было положено на Московской встрече 3 сентября 1992 года; 4. Рекомендовать Президенту Российской Федерации и Правительству Российской Федерации: рассмотреть вопрос об использовании в соответствии с итоговым документом Московской встречи 3 сентября 1992 года контингента Вооруженных сил Российской Федерации в качестве миротворческих сил для обеспечения безопасности населения и устойчивого функционирования промышленности, транспорта в демилитаризованной зоне конфликта; до 10 октября 1992 года разработать и осуществить комплекс мер по защите интересов Российской Федерации на государственной границе в Северо-Кавказском регионе; внести на рассмотрение Верховного Совета Российской Федерации предложения об установлении и охране государственной границы Российской Федерации; приостановить передачу Республики Грузия вооружений, боевой техники, боеприпасов, частей и соединений Вооруженных сил Российской Федерации; прекратить поставки вооружений, боевой техники, боеприпасов по ранее заключенным контрактам, а также комплектующих материалов и

сырья для предприятий, производящих вооружения, боевую технику и боеприпасы; воздержаться от заключения экономических соглашений с Грузией впредь до урегулирования конфликта в Абхазии; продолжить оказание гуманитарной помощи населению в зоне конфликта; рассмотреть вопрос об оказании всесторонней помощи для обеспечения нормального функционирования города-курорта Сочи и других пограничных районов»[1].

В тот же день ВС России выступил с заявлением в связи с событиями в Абхазии, в котором говорилось: «Верховный Совет Российской Федерации: осуждает действия руководства Грузии, предпринявшего попытку путем насилия решить сложные проблемы межнациональных отношений, и требует от него немедленного прекращения вооруженных действий, вывода воинских формирований с территории Абхазии, неукоснительного выполнения международных пактов по правам человека; заявляет о необходимости дальнейшего развития московских договоренностей и считает необходимым незамедлительно провести встречу руководителей России, Грузии, Абхазии, а также республик, краев и областей Северного Кавказа для решения главного вопроса – прекращения огня без всяких предварительных условий; считает, что пакет таких договоренностей должен предусматривать согласованный отвод Вооруженных сил Госсовета Грузии с территории Абхазии при одновременном разоружении, расформировании и удалении из Абхазии добровольческих вооруженных формирований и групп, прибывших с Северного Кавказа, а также введение контингента миротворческих сил стран – членов Содружества Независимых Государств для обеспечения безопасности населения, а также устойчивого функционирования транспортных магистралей и ключевых промышленных объектов»[2].

В Тбилиси эти документы вызвали негодование. 27 сентября вечером по грузинскому телевидению Э. Шеварднадзе, судя по всему, очень раздосадованный решением российского Парламента, заявил: «Пусть они разберутся с тем, что у них творится на Северном Кавказе. Вся боевая техника, находящаяся на территории Грузии, принадлежит Грузии независимо от того, кто ею пользуется. Заявление же российских пар-

[1] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch01/akt11766.shtm
[2] Там же.

ламентариев о прекращении передачи техники Грузии ничего не значит: вся техника все равно будет у Грузии»[1]. По словам Шеварднадзе, Грузия не просит милостыни, а берет то, что принадлежит ей по закону, и действуя в рамках закона. При этом глава Госсовета уточнил, как он собирался осуществить только что заявленное: «Если вопрос будет ставиться так, как поставлен в резолюции российского парламента, Грузия пойдет по пути Азербайджана и Армении, и тогда российские военные на ее территории почувствуют себя не очень уютно»[2]. К этому он посчитал нужным добавить, хотя и без того его позиция была более чем ясна: «Я не допущу ревизии московского договора от 3 сентября, любую попытку ревизии этого договора Грузия расценит как попытку агрессии и повторной оккупации нашей страны со стороны России. В этом случае мы будем действовать соответствующим образом как внутри страны, так и на международной арене»[3].

На фоне таких заявлений 28 сентября в Кремле состоялась встреча Ельцина и Шеварднадзе, которая проходила «в строгих тонах», что было предопределено резкой риторикой главы Грузии. После встречи собеседники не вышли к журналистам. Б. Ельцин лишь попросил своего секретаря В. Костикова передать прессе, что в результате беседы был рассмотрен ход выполнения Итогового документа Московской встречи по урегулированию грузино-абхазского конфликта и что достигнута договоренность поддерживать постоянный контакт между Москвой и Тбилиси…. Пресс-секретарь Президента России объяснил скудность полученной им информации тем, что «под конец встречи Б. Ельцину позвонил канцлер Германии Г. Коль, и президент поспешил в соседнюю комнату для телефонного разговора»[4]. Однако, несмотря на более чем красноречивый жест Б. Ельцина, вечером того же дня Э. Шеварднадзе устроил пресс-конференцию, на которой сделал весьма любопытное заявление: «Позиция президента не имеет ничего общего с постановлением и заявлением Верховного Совета России. Ельцин считает важным и необходимым выполнить все договоренности, достигнутые 3

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 113.

[2] Газ. «Известия», № 215... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-28-sentyabrya-1992-goda

[3] Газ. «Известия», № 215... С.1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-28-sentyabrya-1992-goda

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 344.

сентября»[1]. Абхазский историк С. Лакоба, говоря о названных процессах, писал: «Из Нью-Йорка Шеварднадзе полетел в Москву, но Ельцин принял его очень холодно. Руководство РФ убедилось, что тбилисский лидер и не помышляет о вступлении в СНГ. Недооценка этого важного геополитического фактора привела к тому, что Б. Ельцин и министр обороны П. Грачев осознали, что Шеварднадзе и Китовани пытаются лишь использовать российскую военную поддержку. Таким образом, с конца сентября 1992 г. позиция российских верхов в отношении Тбилиси стала не столь однозначной»[2].

Э. Шеварднадзе в 2009 г., подведя итог своим размышлениям об этой встрече с Ельциным, писал: «Я преждевременно покинул Ассамблею ООН и отправился в Москву, чтобы встретиться с Ельциным. Наш доверительный часовой разговор, в ходе которого Ельцин еще раз подтвердил, что Россия поддерживает территориальную целостность Грузии, придал мне уверенности. Но скоро выяснилось: иногда хорошие слова сочетаются с плохими делами»[3]. Однако тогда, комментируя встречу с Ельциным, Шеварднадзе отмечал: «Для меня было важным выяснить на высшем уровне, остаемся ли мы приверженными Московскому соглашению или начинаем новый этап в наших взаимоотношениях»[4]. Впрочем, и в Постановлении Российского Верховного Совета не ставилась под сомнение обязательность соблюдения Соглашения от 3 сентября. Более того, парламентарии ссылались на него, считая необходимым рассматривать вопрос размещения миротворческих сил в Абхазии в соответствии с Московским соглашением от 3 сентября.

Еще одним результатом вышеозначенной встречи Ельцина и Шеварднадзе стал перенос на неопределенное время запланированной на начало октября встречи по абхазскому вопросу. Как сообщил пресс-секретарь Ельцина, следующая встреча состоится после выборов в Грузии в том же составе, что и в Москве 3 сентября. Предварительная дата – 13 октября. Место ее проведения пока оставалось неизвестным[5].

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 346.

[2] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

[3] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 346.

[4] «Независимая газета», № 187... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-29-sentyabrya-1992-goda

[5] Там же.

29 сентября было распространено Заявление Правительства Грузии, в котором Постановление и Заявление ВС России рассматривались как «посягательство на территориальную целостность Республики Грузия, вмешательство во внутренние дела суверенного государства», «оголтелые акты нарушения прав суверенного государства и перед всем миром заявляет об их агрессивной сущности»[1].

Тем временем Э. Шеварднадзе тогда очень был возмущен и в связи с московским визитом В. Ардзинба, который проходил одновременно с названными событиями. Причем сделал это очень экстравагантно и, судя по всему, этим он хотел задеть за живое не только и не столько руководителя Абхазии, а принимавшую его российскую сторону: «Мне непонятны вот эти контакты господина Ардзинба. Он ведь прекрасно знает, что в Москве вопросы Абхазии и Грузии не решаются»[2]. Между тем, В. Ардзинба 28 сентября обратился к Президенту Казахстана Н. Назарбаеву с просьбой «поставить на обсуждение руководителей стран СНГ вопрос о положении в Абхазии»[3] и к Председателю ВС Башкортостана М. Рахимову с просьбой изыскать возможность приостановки поставок комплектующих для двигателей грузинских самолетов, поставлявшихся из Башкортостана[4]. В ответном послании главы Башкирии М. Рахимова, присланном 2 октября, уже в разгар Гагрского наступления, сообщалось, что «в настоящее время поставка двигателей прекращена и не будет возобновляться до нормализации обстановки в регионе»[5].

Следует сказать и о том, что именно в это время были произведены изменения в руководстве Закавказского военного округа. 26 сентября 1992 г. были сменены командующий В. Патрикеев и его заместитель С. Беппаев, оказывавшие «серьезную поддержку Грузии[6] в войне против Абхазии»[7]. Это для Тбилиси являлось чувствительной потерей. Тогда официальная грузинская газета, поддавшись порыву сентимен-

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989 – 2006 гг. М., 2008. С. 70–71.

[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 52.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 197.

[4] Там же. С. 198.

[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 140.

[6] Позже грузинская пропоганда стала утверждать, что именно генерал Беппаев являлся главным исполнителем и движущей силой в осуществлении шиорокомасштабного военно-политического заговора России против Грузии.

[7] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 60.

тальных чувств, раскрывая некоторые карты, писала: «…генерал Беппаев способствовал установлению и укреплению взаимопонимания между командованием российских войск и руководством Закавказских республик»[1]. О каком взаимопонимании могла идти речь в устах официального Тбилиси, лишний раз напоминать нет надобности. Позже действительно Патрикеева обвиняли, мягко говоря, в непропорциональном распределении российского вооружения между республиками Закавказья. На место В. Патрикеева назначили Ф. Реута. По этому поводу Т. Китовани, уже будучи в отставке, выразил сожаление: «Не надо было менять Патрикеева и этого жулика Реута ставить после него. Патрикеев был честным человеком. А этот был жуликом»[2]. Действительно, в 1996 г. в России было возбуждено уголовное дело в отношении генерал-полковника Ф. Реута. Однако, как бы там ни было, странно слышать о жульничестве генерала именно из уст бывшего грузинского военного министра, т. к., по версии обвинения, Реут незаконно передавал оружие и военную технику именно Грузии[3]. Вообще судьба генералов на Кавказе, судя по всему, была незавидной. В связи с этим приведу следующее свидетельство В. Баранца: «В штабе ГРВЗ[4] слышал я фразу: «Легче плавать в серной кислоте, чем быть генералом на Кавказе»[5].

***

Попытаемся проанализировать взаимосвязь между двумя решения России: она арестовала Ю. Шанибова за его призывы к защите Абхазии, а ее Верховный Совет осудил грузинскую агрессию против Абхазии. Возможно, это была попытка нанести два решительных удара по обеим сторонам. На первый взгляд можно допустить, что арест Шанибова, совершенный 23 сентября, т. е. за два дня до принятия Постановления, должен был послужить своеобразной индульгенцией Ельцина перед Шеварднадзе, который заранее откупился бы от неминуемых упреков. Появление же «решительно» осуждающего Грузию Постановления ВС

[1] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 60.

[2] Интервью Т. Китовани. 13. 02. 2002. Видеозапись.

[3] http://osradio.ru/v_mire/1939-igor-giorgadze-khochetsja-samomu-vystroit-svoe.html

[4] В январе 1993 г. Закавказский военный округ был реорганизован в Группу российских войск в Закавказье (ГРВЗ).

[5] Баранец В. Н. Генштаб без тайн. http://www.erlib.com

РФ было продиктовано его востребованностью, т. е. данный документ был необходим. Российский Парламент больше не мог молчать и не принимать какого-то решения по абхазской проблеме, а исходя из сложившейся тогда ситуации это решение могло быть только осуждающим вторжение Грузии в Абхазию. Здесь необходимо учитывать несколько факторов. Один из самых существенных был озвучен депутатом ВС РФ У. Темировым: «Прецедент удушения суверенитета малых народов опасен для них самих (народов Северного Кавказа. – **А. А**.), если в будущем в России появятся такие «демократы», как Гамсахурдиа и Шеварднадзе. Поэтому пассивное поведение Верховного Совета, Президента, правительства Российской Федерации в оценке грубейшего нарушения прав человека и прав народа Абхазии порождает сомнения в искренности намерений федеральных властей России строго соблюдать положения Федеративного договора, заключенного 31 марта 1992 г. И это подозрение может перейти в устойчивое убеждение, что чревато серьезными последствиями»[1].

С учетом складывавшихся тогда новых военно-политических реалий в регионе, в том числе и для соблюдения интересов самого российского истеблишмента, стало настоятельной необходимостью установление некоего сбалансированного подхода к абхазо-грузинскому вооруженному противостоянию. Отсутствие такового или его видимости становилось, своего рода, опасным и непредсказуемым детонатором, угрожающим миру и стабильности на территории самой Российской Федерации. Теперь же обе воюющие стороны, отстаивая свои интересы, апеллировали на решения соответствующих ветвей власти России. Как видно, эта теория предусматривает наличие скоординированности действий российских ветвей власти, что в проведении политики такой державы, как Россия, не только допустимо, но и востребовано. Однако «ахиллесовой пятой» высказанной точки зрения является то, что война в Абхазии по времени почти точь-в-точь совпадает с внутриполитическим кризисом в России, проявлением которого стало противостояние ветвей власти. Это обстоятельство нередко приводило к различному пониманию национальных интересов и методов их отстаивания различными ветвями власти, а иногда они принимали решения в пику друг другу. В этих условиях утверждать

[1] Этлухов О. А. Зов крови. М., 2003. С. 103.

о возможности координации действий между ветвями власти, находившимися в непримиримых отношениях, весьма проблематично. И само постановление российского Верховного Совета «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии» было названо некоторыми наблюдателями, и не без основания, «вотумом недоверия Президенту»[1]. С этим согласуется и утверждение О. Васильевой и Т. Музаева, которые в 1994 г. писали: «Российская политика на Северном Кавказе на протяжении последних лет отразила все перипетии противостояния политических элит в Москве: сначала союзных и российских, а затем различных ветвей российской власти»[2].

Кандидат исторических наук Ю. Федоров в сентябре 1992 г., анализируя особенности политической борьбы в России в конце лета – начале осени 1992 г. и прогнозируя некоторые ее перспективы, писал: «В сложное положение поставило российское руководство вторжение грузинских войск в Абхазию. Первоначальная линия на невмешательство в конфликт привела к обострению ситуации на Северном Кавказе. Симпатии к Абхазии там весьма велики. Вместе с тем выяснилось, что выполнение соглашения о прекращении огня – задача намного более сложная, чем представлялось при его подписании. В итоге нельзя исключать, что Россия будет серьезно втянута в абхазские дела, в том числе может встать и вопрос о силовой политике в той или иной ее форме со всеми вытекающими из этого внутриполитическими последствиями. Нельзя не учитывать при этом, что на Западе, особенно в США, все более ясно вырисовывается линия на минимизацию силовых возможностей России. Речь идет в том числе об ускорении вывода российских войск из Прибалтики и Молдовы. Таким образом, при формировании внешнеполитического курса осенью с.г. руководство РФ вынуждено будет самой логикой обстоятельств сделать болезненный выбор между открыто прозападной, прежде всего проамериканской, ориентацией, сочетающейся с курсом на «умиротворение» агрессивно-националистических сил в «ближнем зарубежье», с одной стороны, и линией на реализацию национальных интересов России – с другой. Такой выбор будет сопровождаться жесткой полемикой, столкновением и борьбой

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 448.

[2] Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М., 1994. С. 42

различных группировок в политической, государственной и хозяйственной элитах России»[1].

Между тем, к рассматриваемому моменту, можно предположить, абхазо-грузинская война подошла к некоторой невидимой черте. Пока стороны выясняли и уточняли свои позиции по отношению к ней, война шла своим чередом. К тому моменту стало ясно: блицкриг Госсовета Грузии окончательно провалился. Однако каждый день войны приносил неисчислимые жертвы с обеих сторон. В Абхазии уничтожался народ, его прошлое, настоящее и будущее. И чем с большим ожесточением он уничтожался, тем больше была его решимость сопротивляться врагу. Количество участников войны увеличивалось, а средства ее ведения все более усложнялись, приводя к еще большим потерям и большему кровопролитию, что оттягивало, если не отвергало, саму возможность ее прекращения при сложившихся тогда военно-политических реалиях. Война становилась затяжной, к ней стали привыкать, а многим она приносила дивиденды, одним – политические, другим – материальные, а третьим – и то, и другое. Но самому абхазскому народу, которому приходилось ценой жизни своих лучших сынов доказывать своё право на свободу, а также его братьям по крови и духу, сражавшимся вместе с ним, каждый день войны приносил невосполнимые потери, а к ним привыкнуть невозможно.

В начале войны Абхазию поддерживали только КГНК и МЧА, а остальной мир был лишен правдивых сведений о событиях в Абхазии. Но к рассматриваемому времени ситуация изменилась – была пробита информационная блокада. И если Грузия, начиная войну, демонстрировала шапкозакидательские настроения, то к исходу ее первого периода Абхазия доказала, что с ней не считаться невозможно, что было подтверждено как на полях сражений, так и за столом переговоров.

[1] Федоров Ю. Особенности политической борьбы в России в конце лета - начале осени 1992 г. и ее некоторые перспективы // Журн. «Духовное наследие». № 3, 1992 г. // http://www.rau.su/observer/N03_92/3_01.HTM

~РАЗДЕЛ 4.~

ВТОРОЙ ПЕРИОД: АБХАЗИЯ ПОД ПРЕССОМ БОМБ И ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ

1. Гагрское наступление

Несмотря на подписанный 3 сентября в Москве Итоговый документ и деятельность Комиссии по контролю и инспекции, ситуация на фронтах абхазо-грузинской войны продолжала осложняться. Это в особенности относилось к северо-западной части Абхазии. По сообщениям грузинского радио, еще в 20-х числах сентября командующий войсками Грузии в Абхазии генерал Г. Каркарашвили в сопровождении Т. Надарейшвили и Г. Ломинадзе выехал в Гагру, чтобы возглавить оборону города[1].

Конца войны в Абхазии не было видно, поскольку цели и мотивы сторон к тому времени были обозначены, но не достигнуты, а войны, как известно, ведутся, пока хотя бы одна из сторон не добивается своей цели. В силу этого в обоих противоборствующих лагерях осознавали неспособность Соглашения от 3 сентября привести к полномасштабному урегулированию и рассматривали его как тактический ход, который соответствовал бы общей стратегии. Грузинская сторона, по всей видимости, стремилась использовать Соглашение для консервации сложившейся к тому времени на фронтах ситуации, что ставило бы ее в выгодное положение, а затем с меньшими потерями покорить Абхазию или вынудить сдаться ее без сопротивления. А абхазская сторона желала бы видеть Соглашение решением, за которым последовали бы другие, которые, в свою очередь, привели бы к выводу грузинских войск из Аб-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 74.

хазии и возобновлению деятельности законных органов власти в Сухуме. Следовательно, в рассматриваемое время, исходя из сложившихся обстоятельств и провозглашавшихся задач, каждая из сторон объективно могла добиться поставленной цели исключительно силовыми методами. И как следствие всего этого, спираль войны раскручивалась.

Осложнению ситуации способствовала и репрессивная политика России по отношению к КГНК и его лидерам, что не могло не отразиться на военно-политической ситуации в Абхазии и вокруг нее. Однако, как ни парадоксально, именно в рассматриваемое время было принято решение о частичном выводе войск КГНК из Абхазии. Однако уже 2 октября вице-президент КГНК, командующий войсками Конфедерации в Абхазии И. Арсамиков в связи с осложнением ситуации выступил с заявлением, в котором было сказано, что «штаб добровольческих сил Конфедерации будет наращивать добровольческие силы с Кавказа, и стоять до конца, пока священная земля Апсны не очистится от врагов»[1]. Командующий Вооруженными силами РА В. Аршба тогда также заявил, что вывод войск КГНК откладывается на неопределенное время[2].

Как уже говорилось, 15 августа 1992 г., на второй день агрессии Грузии, в Гагре был высажен грузинский морской десант, и с тех пор город и вся территория до абхазо-российской границы были оккупированы военными формированиями Грузии. Абхазская сторона вынуждена была готовиться к освобождению Гагры и прилегающих районов с помощью военной силы, т. к. дальнейшее существование «в мешке» в условиях приближавшейся зимы, к которой, естественно, в условиях оторванности от всего мира Абхазия не могла подготовиться, не предвещала ей ничего хорошего. Следовательно, разблокирование северо-западного коридора до границы с Россией становилось необходимым не только с точки зрения военно-стратегической, но и социально-экономической, и даже биологической, т. е. для того, чтобы обезопасить своих граждан от голодной и холодной смерти. Этот коридор, действительно, чуть позже получил название «дороги жизни» по аналогии со знаменитой одноименной дорогой, которая пролегала по льду Ладожского озера, и по которой доставлялось продовольствие в блокадный Ленинград.

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993.С. 140.
[2] Там же. С. 113.

Наступление было запланировано на вечер 30 сентября 1992 г., однако тогда оно сорвалось из-за неподготовленности техники и личного состава абхазских сил. Два имевшихся миномета не были готовы, а из двух танков один не был на ходу; к тому же группа бойцов Гумистинского фронта, которая должна была участвовать в наступлении, прибыла с опозданием на два часа. В связи с этим начало операции было приостановлено[1]. Здесь считаю уместным особо обратить внимание на то, с помощью каких сил абхазскими и северокавказскими военными формированиями была проведена операция, названная потом «знаменитой Гагринской операцией»[2]. Это тем более уместно, т. к. по поводу этого наступления и его движущих сил в грузинской научной, публицистической и мемуарной литературе часто выдвигаются как истины в последней инстанции весьма и весьма спорные и недоказуемые, а нередко вовсе неправдоподобные и выдуманные утверждения. Так, грузинский историк Д. Джоджуа безапелляционно заявляет, что в Гагрской операции на стороне абхазов участвовал 643-й зенитно-ракетный полк Вооруженных сил России, а корабли Черноморского флота препятствовали высадке грузинского десанта. Тот же автор утверждает, что «Гудаутская русская военная база снабжала ополченцев, участвовавших в Гагрской операции, боеприпасами, горючим и продовольствием»[3].

Э. Шеварднадзе в своих мемуарах описывает начало Гагрского наступления следующим образом: «Объединенные войска абхазов, русских и северокавказцев, вооруженные новым российским оружием, танками и боевыми самолетами, атаковали Гагру. С моря город блокировали российские военные корабли. В штурме Гагры принимали участие российские корабли СКР «Безукоризненный», «КИЛ-25», ВТН-38», ВМ-66, «ГА Головин», 345-й морской батальон, 529-й полк ВВС и 643-й зенитно-ракетный полк под командованием заместителя министра обороны, генерал-полковника Геннадия Колесникова»[4]. Здесь необходимы хотя бы некоторые комментарии. Во-первых, перечисленных военных

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 85.

[2] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.

[3] Джоджуа Д. Война в Абхазии. 1992-1993 годы // Очерки истории Грузии. Абхазия. Тб., 2009. С. 532.

[4] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 346-347.

сил хватило бы не только на освобождение Гагры, но и на сокрушение всей военной мощи грузинского государства одним ударом. Во-вторых, часть названных кораблей Черноморского флота действительно участвовала в операциях у берегов Абхазии, но не в блокировании Гагры с моря, а в разблокировании Сухума и эвакуации грузинских беженцев, предварительно возвращенных в качестве щита в Сухум по призыву самого руководителя Грузии. Происходило это не в начале октября 1992 г., а в конце сентября 1993 г. И потом Э. Шеварднадзе запамятовал, что именно корабли Черноморского флота России с помощью отвлекающего маневра обеспечивали прикрытие его вывоза российским спецназом из уже освобожденного абхазами Сухума. Экс-глава Госсовета Грузии называет заместителем министра обороны России Геннадия Колесникова, тогда как эту должность в рассматриваемое время занимал Г. Кондратьев, а М. Колесников являлся начальником Генерального штаба Вооруженных сил России. Это, казалось бы, небольшая ошибка памяти свидетельствует о «нечистоплотности» Э. Шеварднадзе в своем стремлении оправдать себя, выставляя виновными других в эскалации военных действий. Кстати, тот же Д. Джоджуа, с которым солидаризируется сейчас бывший глава Грузии, одной из причин поражения грузинских сил в Гагре называет «некомпетентность высшего руководства во главе с Э. Шеварднадзе»[1].

Еще раз приведу цитату, свидетельствующую, из-за чего Гагрское наступление, первоначально запланированное на 30 сентября, было перенесено. Причиной этому являлось: «Два имевшихся миномета не были готовы, а из двух танков один не был на ходу; к тому же группа бойцов Гумистинского фронта, которая должна была участвовать в наступлении, прибыла с опозданием на два часа»[2]. Как из этого явствует, никаких 643-го зенитно-ракетного полка, 529-го полка ВВС, 345-го морского батальона, кораблей Черноморского флота, нового российского оружия и боевых самолетов во время Гагрского наступления у абхазской стороны не было. Российские войска не принимали участия в войне на стороне абхазов, хотя не желающий слышать этого не ус-

[1] Джоджуа Д. Война в Абхазии. 1992-1993 годы // Очерки истории Грузии. Абхазия. Тб., 2009. С. 532.

[2] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 85.

лышит. Главное же в том, что факты говорят за себя, а они таковы: «В Гагрской наступательной операции с абхазской стороны участвовали вооруженные стрелковым автоматическим оружием в количестве 570 чел. Остальная часть ополченцев была вооружена охотничьими ружьями (в основном 12 и 16 мм). Что касается боевой техники, то абхазские вооруженные формирования располагали двумя танками Т-55 и двумя полковыми минометами. Реактивная система «Алазань» после «артподготовки» не применялась. С абхазской стороны на Гагрском фронте в ходе боев общие потери составили 108 человек, из них 15 – добровольцев. В ходе наступательной операции безвозвратные потери составили 76 человек»[1]. Не «Гудаутская русская военная база» «снабдила» ополченцев, участвовавших в Гагрской операции, боеприпасами, а сами грузинские войска. В ходе наступления абхазской стороной было «захвачено 35 единиц боевой техники, десятки артиллерийских орудий, минометов, больше количество боеприпасов»[2]. Но спекуляции на тему того, что «русские воевали на стороне абхазов», не заканчиваются и вряд ли закончатся в обозримом будущем. Но их авторам надо бы задуматься над тем, что от многократного ее повторения ложь не становится правдой.

Еще накануне Гагрского наступления, несмотря на всю сложность ситуации в Абхазии, Комиссия по контролю и инспекции продолжала свою деятельность. Одно из ее заседаний проходило 1 октября в Сухуме. В ходе него в 13.30 грузинская сторона начала массированный обстрел позиций абхазского ополчения в с. Колхида и военную операцию с целью овладеть господствующей высотой над г. Гагра. Абхазским ополчением атака была отбита, а в результате контратаки линия фронта восстановлена. А в 14. 30 огнем из нескольких орудий («однако артподготовкой, учитывая малочисленность орудий, это нельзя было назвать») началась Гагрская наступательная операция под кодовым названием «Буря»[3]. В 22. 00 того же дня представителями России, Абхазии и Грузии было достигнуто Соглашение о прекращении огня и отводе войск на занимаемые ранее позиции. Несмотря на эту договоренность,

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 91.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 85.

эскалация боевых действий на Гагрском фронте продолжалась. Заседание Комиссии по контролю и инспекции, в котором принял участие В. Ардзинба, пришлось перенести в Гудауту. И там было принято решение образовать смешанную комиссию из представителей сторон по расследованию происшедшего в районе Гагры 1 октября. Комиссия должна была приступить к работе 2 октября с 11 часов на аэродроме в г. Гудаута. Результаты ее работы предполагалось обсудить 3 октября[1].

В ночь с 1 на 2 октября два грузинских самолета СУ-25 и два вертолета подвергли бомбардировкам наступавшие под Гагрой абхазские подразделения[2]. В 2. 15 2 октября представитель командования войск Грузии в ультимативной форме потребовал от российской стороны снять наблюдательные посты по рубежу р. Гумиста и у г. Сухум. В 7. 20 начался массированный обстрел абхазских позиций на Гумистинском фронте[3].

Спустя время грузинская сторона начала утверждать, что после того как грузинские формирования по согласованию были выведены из Гагры, «абхазцы и конфедераты при участии подразделений российских десантников овладели этим незащищенным городом почти без потерь»[4]. Данное утверждение в корне не соответствует действительности. Об участии в войне на стороне абхазов российских десантников или каких-либо других подразделений российских Вооруженных сил уже говорилось выше, и повторяться здесь не имеет смысла. Утверждение же о выводе из Гагры грузинских формирований, якобы имевшем место в рассматриваемое время, является выдумкой с целью оправдать военное поражение. Э. Шеварднадзе в своих мемуарах в 2009 г. с этой же целью пишет: «Пока в Гагре находился Д. Иоселиани, дела шли неплохо. Но он вот заявил, что теперь, когда война кончена, ему больше нечего тут делать… Договор 3 сентября не предусматривал вывода наших войск из Абхазии. Армия не должна была покидать регион. Но ребята по собственному усмотрению и без

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.

[2] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 87.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 200.

[4] Россия сама попросила ввести войска на территорию Абхазии // www.abkhazeti.ru.

всякого разрешения оставили позиции»[1]. Однако Н. Месхия сообщает, что «Иоселиани со своими сбежал из Гагры за несколько дней до Московской встречи 3 сентября»[2]. Все это служит свидетельством того, что тогда руководитель Грузии не всегда владел ситуацией, и теперь у него о тех событиях сохранилось лишь смутное представление. Как бы там ни было, во всех случаях Э. Шеварднадзе вводит читателей в заблуждение. На самом же деле тогда, накануне наступления абхазов, грузинские войска находились в Гагре в достаточном количестве для того, чтобы удержать город. Гагрская группировка грузинских войск имела под ружьем свыше 4 тысяч человек при поддержке 40 единиц бронетехники, десятков артиллерийских орудий, минометов и военной авиации[3]. Однако, как оказалось, занимались они «решением» совсем других «стратегических» задач.

Об этом свидетельствует письмо депутата Верховного Совета Абхазии, первого заместителя главы Администрации города М. Джинчарадзе, адресованное Э. Шеварднадзе накануне Гагрского наступления, из содержания которого можно сделать некоторые выводы по поводу деятельности войск Госсовета в Гагре, которые якобы были «выведены». В силу того, что данный документ представляет интерес, позволю себе привести довольно пространную цитату из него. В нем говорилось: «В достаточном количестве есть техника. В этом отношении все в порядке. Все распределены в домах отдыха. Питание осуществляется нормально. Я говорил с господином Сигуа о добавочном ввозе продуктов. Мы все делаем для того, чтобы создать гвардейцам необходимые условия. Вместе с тем, нас беспокоит один вопрос. В связи с прибытием новых сил за эти 4–5 дней (стало быть, перед Гагрским наступлением грузинские войска не выводились, а, напротив, их контингент увеличивался. – **А. А**.) жизнь в городе фактически погасла. Грабят дома и квартиры. Начали с ограбления абхазских домов, потом продолжали грабеж армянских, русских, а сейчас приступили к ограблению грузинских квартир. В городе фактически не осталось ни частных, ни государственных машин: все они вывезены. Меня больше

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 344.
[2] Месхия Н. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 150.
[3] Пачулия В., Ачугба Т. Абхазия на рубеже XX –XXI вв. // Абхазы. М., 2007. С. 109.

беспокоит политическая значимость этого процесса. От грузинского народа уже фактически отмежевалось население других национальностей. В городе и среди грузин имеется тенденция недовольства по отношению к армии, что может привести к нежелательным результатам, так как в нашем городе пока имеются многочисленные группы сторонников Звиада, которые ведут свою пропаганду, а грабежи, чинимые вооруженными частями, льют воду на их мельницу. Я не хотел беспокоить Вас, господин Эдуард, сам бы действовал вместе с комендантом, если бы не имели место грабежи. Но процесс уже становится неуправляемым, так как фактически невозможен контроль. Наверное, необходимо срочно выделить группу министерства обороны, чтобы своевременно контролировать части армии, в противном случае нами будет политически проиграна борьба»[1].

Справедливость этих слов грузинского чиновника Гагрской оккупационной администрации подтвердил позже и министр обороны Абхазии В. Аршба. Он сообщил: «Как таковой, армии у Госсовета нет. Это – неконтролируемая масса уголовных элементов. После освобождения Гагры мы обнаружили в санаториях, где они квартировали, сотни одноразовых шприцев, наркотики. Об этом говорят и бесчисленные грабежи, убийства»[2]. Сам М. Джинчарадзе вскоре после отправки письма Э. Шеварднадзе был убит грузинскими гвардейцами, черновик же его письма был найден среди трофейных бумаг при взятии Гагры батальоном КНК[3]. После войны автор одного из воспоминаний, размещенных на грузинском сайте, также продолжал утверждать, правда, предварительно оговорившись: «я не присутствовал при этом», что «за 3 дня абхазы при поддержке танков Т-72, десятков БМП и БТРов, а также боевых вертолетов смогли захватить город». Интересно получается: его там не было, но Т-72, десяток БМП и БТР, боевые вертолеты он умудрился увидеть. Далее он пишет: «Этому (падению Гагры. – **А. А**.) способствовала безалаберная организация обороны со стороны грузин, которые каждый в отдельности проявляли примеры героизма, но, в общем, не

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 142.

[2] Там же. С. 102, 103.

[3] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.

смогли перекрыть одну-единственную дорогу в Гагре. Предательство грузинского руководства, отсутствие надежды на прикрытие с тыла, отсутствие единого руководства – все это сделало невозможным сохранение контроля за городом»[1].

В феврале 1993 г. глава марионеточной власти оккупационной Абхазии Т. Надарейшвили с горечью констатировал: «Безусловно, Гагру можно было защитить, однако тот хаос, недисциплинированность, которые царили в наших воинских подразделениях, паника и вседозволенность привели нас к таким результатам»[2]. Все это доказывает, что заявление грузинской стороны о выводе ее войск из Гагры накануне ее освобождения абхазами является откровенной ложью. Об этом свидетельствуют и результаты Гагрской операции, в ходе которой были разгромлены следующие грузинские части и подразделения: Дидигорский, Цхалтубский, Руставский, Кутаисский, 101-й Гагрский батальоны, а также отдельные подразделения – «Мхедриони» (Д. Иоселиани) и «Тетри арциви» (Г. Каракашвили)[3]. Да и плюс ко всему «Гагрское контрнаступление было предпринято только после активных военных действий противника»[4].

Само наступление абхазского ополчения, судя по всему, явилось полной неожиданностью для частей Госсовета Грузии, которые до этого в серьезных боевых действиях не участвовали. По свидетельству наблюдателей, штурм Гагры был подготовлен по всем правилам военной науки: огневая подготовка, атака с применением бронетехники, фланговый обходной маневр со стороны гор. В результате «оборонительные рубежи частей Госсовета Грузии оказались в полукольце – не помогли и методичные бомбежки города с воздуха»[5]. Далее этот же источник сообщает: «Уже к вечеру 1 октября абхазы освободили село Колхида и быстро продвигались к Гагре, что вызвало панику в грузинских частях, где пришлось даже применить заградотряды. Панический характер имели и грузинские бомбардировки, жертвами которых стало немало грузинских же солдат (это объясняют тем, что

[1] http://cyxymu.livejournal.com/16011.html
[2] Газ. «Иберия-спектр», № 65, 2–8 февраля 1993 г.
[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 91.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 140-141.
[5] Там же. С. 261.

грузины бомбили с воздуха даже ведущие уличные бои подразделения, при минимальном расстоянии между противниками)»[1]. Об этом свидетельствует и следующее сообщение: «Вечером 2 октября по тбилисскому телевидению прошел материал о том, что в Гаграх абхазами убиты все грузины и в городе не осталось больше мирных жителей. Командующий грузинскими силами отдал приказ наносить удар по городу авиацией»[2].

Согласно оперативной сводке штаба народного ополчения Абхазии от 3 октября, Гагрское наступление развивалось следующим образом: «С утра 2 октября, в 6. 00, началась атака[3] позиций противника в районе железнодорожного вокзала. После ожесточенной перестрелки, в которой участвовала тяжелая техника с обеих сторон, в 9.00 укрепленный район противника был занят. В 11. 00. 2 октября в районе универсама завязался бой с засевшими в здании КБРЦ гвардейцами Госсовета. Штурмовые группы народного ополчения прорвались и продолжили наступление к центру. Другая группа бойцов НО окружила здание КБРЦ и к 19.00 взяла в плен 60 гвардейцев. К 16.00 основные очаги сопротивления противника в центре города Гагра (гостиница «Абхазия», милиция) были сломлены. В 17. 35 был подавлен последний очаг сопротивления противника в районе санатория «Украина»… Город Гагра полностью освобожден от врага»[4]. При этом нельзя не отметить интересную и весьма показательную подробность в действиях абхазского ополчения. К. Мяло приводит следующее наблюдение: «Еще до наступления абхазы сформировали экипажи боевых машин, не имевшие техники. Захваченная боеспособная машина передавалась одному из экипажей и тотчас же вступала в бой. «Это позволило, – рассказывает очевидец, – поначалу выровнять силы наступавших и оборонявшихся, а потом довольно быстро создать перевес в технике на абхазской стороне»[5].

---

1 Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.

2 Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

3 Подробнее о ходе Гагрского наступления см.: Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 85-92.

4 Газ. «Республика Абхазия», 1– 3 октября 1992 г.

5 Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.

Вечером 2 октября Председатель Госсовета Грузии прибыл в Сухум и в 19. 30, т. е. уже после освобождения Гагры, заявил, что трехсторонняя Комиссия по контролю и инспекции в Абхазии не справляется с поставленными перед ней задачами и что она «завела конфликт в Абхазии в тупик». Э. Шеварднадзе считал, что последние события свидетельствовали о наличии крупномасштабного заговора против Грузии, импульс которому дал Верховный Совет России, решения которого, по словам Председателя Госсовета, «подтолкнули абхазских руководителей к радикальным действиям»[1]. Между тем, спецрейс с российской частью делегации Комиссии по контролю и инспекции, уже летевший в Москву, но, как уже отмечалось, развернутый в воздухе, поздно вечером 2 октября прилетел в Сочи. Оттуда ею предпринимались попытки организовать встречу Э. Шеварднадзе и В. Ардзинба. Глава Госсовета отказался от этого предложения, настаивая на восстановлении статус-кво. Однако уже через 20 минут после этого разговора с Э. Шеварднадзе, в 19. 50, пришло сообщение, что Гагра «контролируется абхазскими частями». Судя по этому сообщению, информация об этом дошла до Комиссии по контролю и инспекции спустя более чем два часа после освобождения города.

2 октября, еще в ходе боев за Гагру, Госсовет Грузии обратился к Генеральному секретарю ООН Б. Гали с просьбой срочно созвать заседание Совета Безопасности и обсудить ситуацию в Абхазии. В этом документе, подписанном заместителем Председателя Госсовета Грузии Д. Иоселиани, сообщались ложные сведения о том, что «на вооружении наступающих (абхазов. – **А. А**.) находятся современные тяжелые танки и другое современное вооружение по типу того, которым в настоящее время вооружена армия России»[2]. По словам первого заместителя министра иностранных дел Грузии Т. Джапаридзе, «можно было бы подумать и о введении в район международных сил по поддержанию мира, а также предусмотреть обращение воюющих сторон в международный суд». По мнению аналитиков, было похоже, что, разуверившись в способности России и СНГ разрешить конфликт, Грузия пыталась обратить-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.
[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 71.

ся к помощи Запада[1], что, впрочем не являлось к тому времени какой-то новостью.

Тем временем развитие событий заставило заговорить о мобилизации в Грузии. Э. Шеварднадзе еще вечером 2 октября, прибыв в Сухум, заявил: «Госсовет примет решение о мобилизации резервистов – 30-40 тысяч человек, которые в случае необходимости могут быть передислоцированы в Абхазию»[2]. Грузинские власти говорили о мобилизации и «передислокации» армии в пока еще находившуюся под контролем оккупационных войск часть Абхазии, а грузинские солдаты, призванные защищать «территориальную целостность Грузии», в Гагре были озабочены другими проблемами. В первой половине дня 3 октября российские военные наблюдатели сообщали: «С поста Псоу к российской стороне поступила просьба о приеме около тысячи военнослужащих войск Госсовета на территорию России без оружия. Они полностью деморализованы и отступают беспорядочно со своих позиций»[3].

Глава Грузии «по совету американского посла» обратился за помощью также и к НАТО[4]. Однако эксперты тогда предполагали, что, несмотря на обеспокоенность Запада развитием событий в Абхазии, НАТО, скорее всего, откажется от прямого вмешательства и ограничится посылкой наблюдателей[5]. Даже в самой Грузии, казалось, вынуждены были осознать, что НАТО и даже ООН были далеко, а Россия - ближе. Видимо, в силу этого обстоятельства тогда, несмотря на обвинения в адрес Москвы, 2 октября в Сухуме состоялась встреча Э. Шеварднадзе с заместителем министра обороны России Г. Кондратьевым. И в тот же вечер Кондратьев, Кавсадзе, Хаиндрава и другие официальные лица Грузии вылетели в Гудауту, где состоялась их встреча с Председателем ВС Абхазии В. Ардзинба[6] . 3 октября, после возвращения в Сухум, Кавсадзе сказал, что на этой встрече грузинская сторона потребовала от абхазского руководства восстановления существовавших на 1 октября

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 4, 9 октября1992 г.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 169.
[4] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 246.
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 4, 9 октября 1992 г.
[6] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.

позиций противоборствующих сторон в зоне г. Гагра. По его словам, Кондратьев поддержал это требование, а Ардзинба в ответ потребовал вывода грузинских войск из Абхазии[1]. Несмотря на полярность взглядов и эскалацию боевых действий, благодаря посредничеству России, переговоры продолжались весь день 3 октября и до 3 часов ночи 4 октября, однако никакого результата не дали. 3 октября глава абхазского Парламента предложил Э. Шеварднадзе встретиться для обсуждения вопросов, связанных с новейшей ситуацией в Абхазии. В тот же день Председатель Госсовета Грузии, отказавшись от встречи с В. Ардзинба, выступил по Сухумскому телевидению и беседовал по телефону с Б. Ельциным, где «вновь обсуждался вопрос взаимодействия руководителей двух государств с целью прекращения дальнейшей эскалации конфликта в Абхазии»[2]. Тогда же в сопровождении А. Кавсадзе, Г. Ломинадзе и других Э. Шеварднадзе вылетел в Гечрипш, чтобы поднять боевой дух грузинских подразделений, подавленных поражением в Гагре[3].

Высокопоставленная делегация встретилась с жителями, покинувшими Гагру, а также с представителями дислоцированных там частей грузинских вооруженных сил[4]. На обратном пути в Сухум вертолеты с членами делегации Грузии подверглись нападению. Согласно официальному сообщению Госсовета Грузии, 3 октября в 18. 20 в районе г. Гагра «вертолет, в котором находились Э. Шеварднадзе и сопровождающие его лица, был атакован и обстрелян вертолетом без опознавательных знаков»[5]. После этого грузинские вертолеты вынуждены были вернуться в Гечрипш. Госсовет Грузии назвал инцидент с грузинскими вертолетами в районе Гагры «террористическим актом», который «является логическим продолжением событий 2 октября с. г. в г. Гагра» и принял специальное Постановление, в котором заявил, что «в ответ… Госсовет предпримет любые меры, какие сочтет необходимыми для решительного пресечения подобных действий в защиту суверенных прав Респу-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.
[2] Там же.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 150.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.
[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 406.

блики Грузия»[1]. Потом стали звучать заявления о том, что Шеварднадзе хотели сбить российские военные[2]. Государственный министр по делам Абхазии Г. Хаиндрава, который сопровождал Э. Шеварднадзе в названной поездке, заявил, что это, несомненно, была спланированная акция. Он сообщил, что перед отправкой из поселка Леселидзе в Сухум грузины запросили «добро» на вылет вертолета с председателем Госсовета на борту. Сначала «добро» было дано, но перед самым вылетом российские ПВО отменили разрешение, так как не могли гарантировать безопасности полета. Вертолет, тем не менее, поднялся в воздух, через несколько минут после чего к нему сзади подлетел другой вертолет с погашенными огнями и некоторое время сопровождал его. Затем неизвестный вертолет сделал заход сверху на вертолет Шеварднадзе, который потерял управление[3].

Сам Э. Шеварднадзе в своих мемуарах, вспоминая об этом эпизоде, писал: «Наш вертолет Ми-8 был уже готов к вылету, когда начальник местной разведки доложил, что командование российской военно-воздушной части, расположенное неподалеку от Бамборы, не советует проводить полет из-за недостаточной безопасности… Накануне, 2 октября, у меня состоялся неприятный разговор с зам. Минобороны Г. Кондратьевым. Я упрекнул его, что трагедия Гагры – на совести российской части Контрольной комиссии по мирному урегулированию конфликта в Абхазии… Вместе со мной на борту вертолета находилось около двадцати человек… Еще по пути в Леселидзе наши пилоты заметили в Черном море четыре российских военных корабля с высокоточными ракетами на борту. В Гантиади и Леселидзе мы провели несколько часов. Беседа с защитниками Гагры и с беженцами была тягостной, можно сказать, убийственной. В вертолет я возвратился с тяжелым сердцем. Мы долго не могли взлететь. Более получаса мы пытались свя-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.

[2] Таковым можно рассматривать и следующий пункт из Обращения Госсовета Грузии к Комитету старших должностных лиц СБСЕ от 6 октября 1992 г.: «Кульминация агрессии против Грузии пришлась на 3 октября текущего года, когда было совершено покушение на жизнь Председателя Госсовета Грузии г-на Эдуарда Шеварднадзе». (Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 73).

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 1, 6 октября 1992 г.

заться с Сухуми, чтобы вызвать вертолеты сопровождения, ожидавшие нашего сигнала. Российские военные корабли, находившиеся в море у берегов Гагры, мешали радиосвязи и лишали нас всякой возможности поддерживать контакт. Примерно в это же время к нам поступило предупреждение: русские будут атаковать каждый грузинский самолет, независимо от того, военный он или гражданский, в случае если он не будет соблюдать дистанцию к кораблям… Наконец, прибыли вертолеты сопровождения, и мы смогли взлететь. Неожиданно я почувствовал удар и толчок. Мы падали в «яму». Вертолет терял высоту. Кто-то из моих спутников лежал на полу… Темный силуэт чужого вертолета приблизился к нам со стороны Гагры. Это был Ми-24, в те времена – главная боевая машина российских Военно-воздушных сил. Вертолет летел без опознавательных знаков, лишь с прожекторами на носу и на хвосте. Когда до нас ему оставалось каких-то пятьдесят метров, пилот выключил огни и нырнул под наш вертолет. Он прошел под нами. Что это было? Эксперты потом объяснили мне: при таком маневре под брюхом у нашей машины должен был образоваться вакуум, который и стал бы причиной нашего падения в море. Но прежде чем вертолет противника выполнил свой маневр, экипаж нашего вертолета успел резко взять вверх… Счет шел на секунды, и эти секунды позволили нам выжить. Имя пилота, который нас спас, Д. Майсурадзе. Позже он погиб в войне. Я считаю его настоящим героем... Этот случай являлся местью националистически настроенных российских патриотов»[1].

Позже, 13 октября, министр обороны России П. Грачев, комментируя данные обвинения, заявил: «Если бы покушение действительно было совершено, то вертолет, на котором летел Председатель Госсовета Грузии, сбили бы. Но этого не произошло, потому что российские вертолетчики к инциденту не причастны»[2]. Информатор, близкий к военному командованию российских подразделений, расположенных на военном аэродроме в городе Гудаута, сказал, что вертолет, в котором находился председатель Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе, вообще не был никем атакован. По данным этого источника, вертолет Шеварднадзе МИ-8 и вертолет сопровождения МИ-24, летевшие без бортовых

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 382-384.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 304, 305.

огней, сблизились на опасное расстояние, что создало аварийную ситуацию. Указанный источник никак не комментировал сообщение об обстреле вертолета Шеварднадзе с атакующей машины, о котором говорится в распространенном заявлении Госсовета Грузии. Специалисты межгосударственного авиационного комитета, подчеркнув, что их оценка носит неофициальный характер, заявили, что предложенная пресс-центром Госсовета Грузии версия покушения путем зависания террориста под вертолетом Шеварднадзе с технической стороны не выдерживает никакой критики. Такой маневр не может создать пресловутого «воздушного штопора», чреватого потерей управления. На вопрос о том, когда можно ожидать результатов расследования, сотрудник пресс-центра Госсовета Грузии М. Ковшоев, усмехаясь, ответил: «Вы же понимаете, что никогда»[1]. Тем не менее, 30 октября первый заместитель председателя информационно-разведывательной службы Грузии Ш. Квирая заявил о получении новых материалов по данному делу. По его словам, они свидетельствовали о том, что нападение на гражданский вертолет, в котором правительство Грузии направлялось в Леселидзе и Гантиади, произошло вследствие запланированного террористического акта. Кроме того, по его словам, данные предварительного расследования доказывают, что в проведении теракта принимали непосредственное участие подразделения российских Вооруженных сил, дислоцированных в Абхазии. Наблюдатели отмечают, что эта версия распространилась сразу же после инцидента, однако была немедленно опровергнута пресс-центром Министерства обороны России[2].

Но это было потом, тогда же из Гечрипша Э. Шеварднадзе и сопровождавшие его лица были доставлены на машинах в Адлер (Россия), а затем на самолете – в Сухум, где в полночь глава Госсовета выступил с заявлением для прессы. Э. Шеварднадзе сообщил, что исчерпаны мирные пути урегулирования конфликта в Абхазии и грузинская сторона вынуждена будет предпринять адекватные меры, и уже «создано отдельное вооруженное формирование в Гантиади–Леселидзе под руководством Г. Каркарашвили», «одного из самых смелых грузинских

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 1, 6 октября 1992 г.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 23, 31 октября 1992 г.

военачальников». Председатель Госсовета, видимо, опасаясь нежелательных шагов со стороны России и стремясь упредить возможность таковых, исключил возможность ввода ее войск в линию противостояния, отметив, что если такой шаг будет предпринят без согласования с грузинским руководством, то это будет расценено как агрессия против Грузии со всеми вытекающими отсюда последствиями[1]. Антироссийская риторика, по всей вероятности, была вызвана желанием оправдать военное поражение в Гагре перед грузинским обществом, т. к. оно не было готово воспринять или допустить саму возможность какого-то военного успеха абхазов. Этот и другие выпады в адрес России, скорее всего, больше были вызваны стремлением оправдать свою беспомощность, нежели действительной уверенностью грузинских властей в поддержке абхазов Москвой. Продолжением подобной риторики является Обращение Э. Шеварднадзе к Б. Ельцину, в котором он от имени Госсовета требовал «незамедлительного прекращения потоков боевых припасов и техники в Абхазию и неукоснительного выполнения российской стороной трехсторонней комиссии Московского договора», а в случае невыполнения этого Госсовет оставлял за собой право «потребовать полного вывода с территории Грузии всех Вооруженных сил РФ и передачи ей всей квоты вооружений, предусмотренных соответствующими договорами»[2].

После начала Гагрского наступления наблюдалась заметная эскалация напряженности в русско-грузинских взаимоотношениях. Грузинская сторона постоянно обвиняла Россию в пособничестве абхазам и высказывала угрозы в адрес российских офицеров, а Москва отвергала обвинения и грозилась предпринять адекватные меры. В Тбилиси, видимо, считали, что Москва была обязана, наряду с передачей вооружения, оказывать ей военную помощь. 3 октября практически вся грузинская пресса обвинила Россию в агрессивных действиях против Грузии. Газеты вышли с такими заголовками: «Тбилиси бездействует. Русские танки атакуют и берут Гагру», «Российский парламент может записать себе в актив: военные формирования России вкупе с абхазской

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.
[2] Там же.

«пятой колонной» оккупировали часть Грузии»[1]. Однако, по мнению наблюдателей, обострение российско-грузинских отношений было вызвано не столько взятием города Гагры абхазами и обращением Грузии в международные организации с обвинениями в адрес России, сколько постановлением Госсовета Грузии о переходе имущества бывшей Советской армии, находившегося на территории Грузии, в распоряжение грузинской армии. Названным решением Госсовет поручил провести инвентаризацию находившихся на территории Грузии военных баз, учреждений, боевой техники и другого имущества бывших советских сухопутных сил, военно-морского флота и военно-воздушных сил, а также пограничных войск специальной комиссии[2]. Госсовет Грузии также поручил Военной коллегии и правительству взять в ближайшее время в свое владение всю технику, вооружение и имущество Вооруженных сил России, дислоцирующихся на ее территории. В ответ на это министр обороны России П. Грачев призвал Госсовет и военное руководство Грузии «проявить благоразумие» и отменить решение относительно вооружения и имущества российских войск, дислоцировавшихся на грузинской территории. В заявлении министра по этому поводу, в частности, говорилось: «Данное одностороннее решение руководства Грузии ведет к грубому нарушению ранее достигнутых договоренностей о квотировании ей техники, вооружения и имущества из состава бывших Вооруженных сил СССР, может спровоцировать резкое обострение обстановки и вооруженное столкновение с воинскими частями Вооруженных сил России, которым мною отдан приказ о недопущении насильственного захвата находящихся в их ведении военных и жилых объектов». Призвав Госсовет и военное руководство Грузии отменить принятое решение, министр также подчеркнул необходимость проведения двухсторонних межправительственных переговоров о статусе пребывания российских войск на территории Грузии и практическом выполнении ранее достигнутых договоренностей о порядке передачи техники, вооружения и имущества в рамках установленных квот. «В том случае, если Госсовет Грузии предпримет шаги по практическому выполнению принятого им 3 октября 1992 года решения, вся ответствен-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 1, 6 октября 1992 г.
[2] Там же.

ность за возможные последствия ложится на грузинскую сторону», – подчеркивалось в заявлении министра обороны России[1].

Тем временем, при посредничестве Москвы и благодаря ее усилиям, наряду с эскалацией военных действий в Абхазии и осложнением военно-политической обстановки вокруг нее, продолжались переговоры по прекращению крупномасштабных боевых действий. К 10 часам 4 октября российская сторона в сочинском аэропорту выработала предложения к Абхазии и Грузии. Суть предложений состояла в следующем: немедленное прекращение огня; вывод вооруженных формирований грузин и абхазов из зоны Псоу – Гудаута; обеспечение условий для возобновления работы законных органов власти в Сухуме; вывод грузинских войск из абхазской столицы, за исключением согласованного количества сил. В 10. 11 В. Ардзинба согласился принять эти условия, однако в 11. 48 Э. Шеварднадзе продолжал настаивать на прежнем варианте, а через две минуты поступило сообщение, что абхазские подразделения обходят отступающие грузинские силы в районе с. Сальма. В 13. 20 представитель российской делегации вылетел в Гудауту, чтобы оттуда постараться убедить Э. Шеварднадзе принять предложенные условия, но в 16. 40 пришло сообщение, что глава Госсовета прилетел на вертолете в Цандрипш, где изучал возможность переброски нескольких тысяч грузинских десантников на узкий плацдарм[2].

Но перед этим Э. Шеварднадзе в тот же день, 4 октября, успел выступить на митинге в Сухуме, где заявил: «Гагра была и остается западными воротами Грузии, и мы должны ее вернуть… Кто не желает жить здесь, может покинуть ее, – скатертью дорога, но ни одного грамма грузинской земли никто никуда не сможет унести»[3]. Участники митинга, встретив речь Э. Шеварднадзе аплодисментами[4], приняли резолюцию, осудившую «кровавую акцию абхазских сепаратистов и северокавказских террористов в Гагре». Митинговавшие потребовали роспуска Верховного Совета Абхазии; прекращения переговоров с абхазской стороной, образования государственной комиссии по изучению при-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 1, 6 октября 1992 г.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 396, 397.
[3] Отечественная война Абазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 104.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.

чин «Гагрской трагедии»; немедленного вывода с территории Абхазии Вооруженных сил РФ[1]. Приведу два взгляда на этот митинг. А. Кубрава, находившийся в оккупированной Очамчире, писал о нем в следующем тоне: «Произносились зажигательные речи, ораторы сменяли друг друга. Выступил и абхаз, Р. Эшба – один из абхазских коллаборационистов. Под конец он призвал парламент Абхазии к самороспуску. Из уст других ораторов неслись такие слова: «клика Ардзинба». Звучали и призывы к оружию за священную грузинскую землю»[2]. В изложении грузинского историка и участника названного митинга[3]. Папаскири названное событие представлялось следующим образом: «4 октября на главной площади Сухума состоялся митинг по инициативе Совета Национального Единства, на котором выступили члены Совета Г. Каландия, Д. Джаиани, Ш. Цулейскири, Г. Гвазава, З. Папаскири и др. К митинговавшим обратился и призвал сплотиться единым фронтом против гудаутского преступного режима В. Ардзинба известный абхазский деятель Р. Эшба, а также митрополит Цхума Давид. На митинге выступил и Э. Шеварднадзе»[3]. Сам глава Госсовета вечером того же дня, после митинга и воздушного вояжа в Цандрипш, вернувшись в Сухум, заявил: «Я впервые в жизни оказался обманутым, загнанным в политический тупик. Я понял: практически не осталось никаких методов разрешения абхазского конфликта, кроме военных» [4].

В то же время в столице Абхазии оккупационными властями была усилена антиабхазская кампания. Грузинские власти с целью натравить местное грузинское население против абхазов распространяли слухи о массовых расправах над жителями Гагры. Постоянно звучали открытые призывы к погромам абхазов в Сухуме[5]. 5 октября в Сухуме состоялся еще один митинг грузинской общественности, на котором раздавались призывы уничтожить абхазов. Митрополит Сухумо-Абхазский Давид заявил, что надо всем вооружиться для войны с абхазами, если будет

---

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 77.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 430.

[4] Газ. «Известия», № 220... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-5-oktyabrya-1992-goda

[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 155.

нужно, и церковь должна вооружиться, и он сам с оружием будет воевать1. С одной стороны, грузинские власти и их марионеточные представители в Сухуме, нагнетая истерию против абхазов, преследовали цель поднять всех и вся на борьбу с «абхазским экстремизмом». Однако, с другой стороны, преступность на оккупированных территориях, порождавшаяся в том числе и подобной истерией, приобрела такой размах, что стала угрожать целям и задачам грузинской военщины в Абхазии. Свидетельством этого является выступление по «абхазскому» телевидению 5 октября начальника военной полиции Сухума С. Ахалая, который сказал: «Будет вестись беспощадная борьба с мародерами. Если они будут настигнуты при совершении преступления, будут расстреляны на месте. Сейчас как никогда нам нужна железная дисциплина, ибо без нее можем потерять все. Причиной поражения в Гагре является отсутствие дисциплины у гвардейцев»[2]. Видимо, на укрепление дисциплины было направлено и создание в Сухуме тогда же, 5 октября, главного военного штаба по координации боевых действий войск Госсовета в Абхазии[3]. Но все это происходило уже без Э. Шеварднадзе, присутствие которого в Тбилиси, видимо, стало необходимым, в том числе и для того, чтобы ему удержаться у власти. Поэтому после своего выступления на первом митинге в Сухуме и посещения района Цандрипша уже вечером 4 октября глава Госсовета отбыл на родину[4].

И, действительно, военное поражение в Гагре вызвало бурю в политических кругах в Тбилиси. На заседаниях Госсовета, проходивших 4 и 5 октября, звучала острая критика Э. Шеварднадзе. «Практически все, правые, левые, «зеленые» – требовали военного реванша. Россию обвиняли в двурушничестве, Шеварднадзе – в пораженчестве»[5]. Наряду с этим, Госсовет Грузии еще 4 октября принял Обращение к МККК, в котором он просил «незамедлительно командировать в г. Гагра представителей для фиксации создавшейся здесь тяжелой ситуации и оказания возможной помощи»[6]. Госсовет также единогласно принял решение об-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 162.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 80.
[3] Там же. С. 80.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.
[5] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 399.
[6] Газ. «Демократическая Абхазия», № 7, 7 октября 1992 г.

ратиться за помощью к НАТО[1]. В этом послании события в Абхазии были классифицированы как «заговор абхазских сепаратистов», организованный совместно «с реакционными силами России»[2]. 5 октября Д. Иоселиани обвинил заместителя министра обороны России Г. Кондратьева во вмешательстве во внутренние дела Грузии. При этом он заявил, что если политика России будет основываться на решениях российского парламента и через 10 дней все пункты Московского соглашения, в том числе о выводе наемников за пределы Грузии, не будут выполнены, то Грузия объявит российскую армию оккупационной и потребует, чтобы она покинула территорию республики[3]. Тогда же, 5 октября, министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе обвинил российское военное командование в оказании помощи абхазам. При этом даже пригрозил Москве: «Все это, в конечном счете, может обернуться против самой России»[4]. В тот же день Э. Шеварднадзе, имея в виду российских генералов, сказал: «Если они хотят воевать, пусть честно скажут, и тогда мы тоже будем воевать до последней капли крови»[5]. Однако следует также отметить, что грузинские стратеги были «обижены» на российских военных задолго до взятия абхазами Гагры. Позже министр обороны Абхазии В. Аршба свидетельствовал: «При освобождении города Гагры нами в главном штабе противника была захвачена карта нанесения авиационных ударов. Главной целью, если судить по ней, является российский военный аэродром в Гудауте»[6]. Несмотря на такие негативные высказывания, 5 октября глава Госсовета встретился с командованием Закавказского военного округа и 19-й отдельной армией ПВО, дислоцированных в Грузии[7]. Тогда же, 5 октября, начальник пресс-службы ВМФ России В. Новиков заявил: «Корабли Черноморского флота никакого участия в перевозках добровольцев, оружия и военной техники в район боевых действий в Абхазии не принимали и не принимают»[8].

---

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 162.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 398.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 1, 6 октября 1992 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 79.
[5] Там же. С. 80.
[6] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 102-103.
[7] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 407.
[8] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 169.

6 октября на заседании ВС РФ Б. Ельцин заявил, что российские войска будут контролировать железную дорогу от границы России с Абхазией и до границы Абхазии с Грузией[1]. В тот же день, 6 октября, на митинге в Тбилиси Шеварднадзе сказал, что «не верит парламенту, но верит Б. Ельцину и «ДемРоссии»[2]. Хотя было ясно, что тезис Ельцина о взятии российскими войсками под контроль «абхазского участка» железной дороги вряд ли ему мог понравиться. При этом нужно учитывать, что названный митинг в Тбилиси состоялся уже после поражения грузинской армии в северо-западной Абхазии. Видимо, Э. Шеварднадзе все еще не терял надежды на то, что Б. Ельцин окажет Грузии военную помощь в восстановлении ее контроля над потерянными территориями. Но, убедившись в том, что этого не будет, уже 7 октября на пресс-конференции Э. Шеварднадзе выразил недовольство заявлениями Ельцина на ВС РФ о возможном контроле российскими войсками железной дороги от Абхазии до границ Грузии. При этом о гагрских событиях он не сказал ни слова[3].

Еще 5 октября первый заместитель председателя Госсовета Грузии Д. Иоселиани заявил, что грузинские войска обладают достаточным потенциалом, чтобы выдворить из Грузии боевиков Конфедерации горских народов Кавказа и «наемников-казаков»[4]. И тогда же, 5 октября, получив морем дополнительные подкрепления в живой силе, грузинские войска атаковали абхазские позиции[5], но были отброшены. Далее, согласно оперативной сводке штаба абхазского народного ополчения, события развивались следующим образом: «В 13. 20 противник применил авиацию: два СУ-25 подвергли ракетно-бомбовому удару позиции народного ополчения в районе санатория «Украина» и шоссейного моста. Вскоре к ним присоединилось два боевых вертолета МИ-24, один из которых был сбит огнем бойцов народного ополчения. Авиация противника не смогла нанести существенного ущерба позициям абхазских войск. В 14. 50 абхазское народное ополчение начало общее наступле-

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 81

[2] «Независимая газета», № 194... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-8-oktyabrya-1992-goda

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 82.

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 1, 6 октября 1992 г.

[5] Пачулиа В., Ачугба Т. Абхазия на рубеже XX–XXI вв. // Абхазы. М., 2007. С. 109.

ние и в 17. 50, обойдя с боями труднейший скальный участок с множеством заминированных мостов и участков дороги, вышло к Холодной речке. После перегруппировки в 18.00 был прорван заслон противника, а на Цандрипшском (Гантиадском) спуске после очередной атаки было полностью сломлено сопротивление противника. Враг бежал, бросая свою танковую технику, различное вооружение и боеприпасы, в сторону Гечрипш (Леселидзе). Здесь он лихорадочно стал эвакуироваться. Часть войск Госсовета Грузии разбежалась по населенным пунктам, другая часть, побросав оружие, пересекла российско-абхазскую границу. В 6. 40 6 октября 1992 г. знамя Республики Абхазия взвилось на границе Российской Федерации»[1]. С абхазской стороны на Гагрском фронте в ходе боев общие потери составили 108 человек, из них 15 добровольцев. В ходе наступательной операции безвозвратные потери составили 76 чел.

6 октября из Тбилиси в Сухум вместе со своим руководителем Д. Иоселиани прибыли отряды «Мхедриони», часть из них была направлена для укрепления грузинских позиций в Очамчиру, другая осталась в столице Абхазии. Вечером 6 октября Иоселиани вместе с Г. Хаиндрава и Т. Надарейшвили встретился в Сухуме с представителями сванского населения. Грузинские должностные лица еще раз подтвердили, что Сухум достаточно укреплен, в город продолжают подходить новые вооруженные силы, и оснований для паники нет. Собрание приняло решение о создании сванских вооруженных отрядов для защиты Сухума в случае возможного наступления абхазской стороны[2].

Однако, несмотря на заверения находившихся в Сухуме представителей грузинского руководства и Госсовета Грузии о том, что никаких оснований для паники нет, 6-7 октября сотни жителей города, в большинстве своем грузины, покидали город: на вертолетах в направлении Кутаиси и Тбилиси, на автомашинах, а также морским путем в сторону Поти и Батуми[3]. Но, тем не менее, по сообщениям СМИ,

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», 4– 8 октября 1992 г.

[2] «Независимая газета», № 194… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-8-oktyabrya-1992-goda

[3] «Независимая газета», № 194... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-8-oktyabrya-1992-goda

абсолютное большинство грузинского населения Абхазии требовало от Тбилиси более радикальных военных мер. Тогда «Московские новости» писали: «Здесь все уверены в том, что Грузия воюет не столько с абхазскими сепаратистами и террористами с Северного Кавказа, сколько с Россией, которая не только вооружает противника бронетехникой, но и с помощью казачества руководит военными действиями. Между тем в разных частях Грузии идет мобилизация резервистов, запись добровольцев на абхазскую войну. В Сухуми формируется народное ополчение»[1].

Тем временем вечером 6 октября в Тбилиси состоялась пресс-конференция Э. Шеварднадзе, где он признал, что над территориальной целостностью Грузии нависла реальная угроза. Грузинский лидер заявил: «К сожалению, у абхазских сепаратистов большая поддержка в России. И дело не только в Конфедерации горских народов Кавказа, которую я считаю террористической и реакционной организацией, дело в том, что абхазцев поддерживают российские красно-коричневые и консервативный армейский генералитет»[2]. В тот же день, 6 октября, глава Госсовета сообщил, что до 3 октября он еще верил в то, что можно найти мирные средства для разрешения проблемы Абхазии. «Сейчас же, – сказал он, – я не вижу выхода из тупика»[3]. По замечанию Л. Миносян, освобождение Гагры вызвало шок у Э. Шеварднадзе не столько из-за «коварства» противника, сколько потому, что рушилась отстаиваемая им едва ли не в одиночку концепция российско-грузинских отношений, где Грузии отводилось особое место стратегического партнера в Закавказье. Она резонно полагает: «Если бы «северное» направление внешней политики не было для грузинского лидера одним из главных, реакция не оказалось бы столь нервной»[4]. Наряду со всем этим «военный успех абхазской армии поставил под сомнение принцип территориальной целостности Грузии, который, как политическая ширма, до сих пор прикрывал кровавую агрессию «демократов» из

[1] Газ. «Московские новости», № 41... С. 8. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-11-oktyabrya-1992-goda

[2] Газ. «Известия», № 222… // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-7-oktyabrya-1992-goda

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 169.

[4] Там же. С. 24–26.

Тбилиси»[1]. Именно в силу названных обстоятельств, вероятнее всего, глава Госсовета походил в эти и последующие дни на затравленного зверя. Свидетельством политического замешательства и даже некоторой растерянности Э. Шеварднадзе может служить частое им употребление термина «тупик». Однако грузинский лидер понимал, что в сложившихся обстоятельствах он не имеет права выказывать слабость или нечто такое, что можно было бы воспринять за слабость, ибо он был никто иной, как единственная и чуть ли не последняя надежда Грузии в глазах большинства сограждан. И 6 же октября на митинге в Тбилиси он сообщил, что командующий войсками Госсовета на контролируемой Грузией территории Абхазии Г. Каркарашвили ушел в партизаны. Э. Шеварднадзе подбадривал собравшихся: «Мы отсюда дадим ему подмогу и вернем город Гагру и поселки Гантиади и Леселидзе»[2].

Тогда, словно желая поддержать главу Госсовета, российские СМИ прогнозировали развитие событий следующим образом: «Имея перевес в тяжелом оружии и в огневой мощи, грузинские силы вполне в состоянии начать в ближайшие дни решительное наступление от реки Гумиста на север и при более или менее квалифицированном ведении операции очистить от абхазов все побережье»[3]. Но в действительности надежды на Г. Каркарашвили были обречены, и глава Грузии не мог не знать об этом, а данное его заявление было ничем иным, как криком отчаяния и попыткой поддержать уязвленное самолюбие грузинского общества. Самому генералу Каркарашвили после провала обороны Гагры с группой солдат удалось уйти в горы, оттуда 8 октября он был вывезен на вертолете[4]. За день до этого, 7 октября, все интернированные солдаты войск Госсовета Грузии, ополченцы и бойцы отрядов «Мхедриони», которые во время боев перебежали на российскую сторону, были вывезены гражданским самолетом в Тбилиси. Сконцентрированные же в адлерских аэро- и морских портах беженцы (3640 человек) были отправлены морем в Сухум[5]. Как видно,

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 262.

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 176.

[3] «Независимая газета», №193... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-7-oktyabrya-1992-goda

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 252.

[5] Там же. С. 261, 262.

возвращение Гагры и ее окрестностей или попытка такового в повестке дня в Грузии вовсе и не значились, в силу неспособности к нему грузинских военных формирований. Следовательно, воинственные заявления Э. Шеварднадзе являлись обманом. Спустя несколько дней тот же Каркарашвили, уже находясь в Тбилиси, так прокомментировал провал грузинских войск на северо-западе Абхазии: «Поскольку лично не участвовал, не могу сказать, что и почему произошло у Гагры. А из Гантиади и Леселидзе без моего приказа ни одно подразделение, ни один солдат не покинули поле боя. Они до конца мужественно сражались и не сдавали позиций. Сам полковник Мариношвили, имя которого сегодня у многих на устах, на Гантиадском ТЭКе до конца стоял рядом со мной. Мальчиков стало вдвое меньше, они погибли в Гагра, Гантиади, Леселидзе, но ничего не смогли изменить в войне, заранее обреченной на поражение»[1]. Командующий войсками Госсовета в Абхазии задним числом, видимо, для того, чтобы оправдать себя, заявил, что битва за северо-западную Абхазию для грузинских войск была обречена. Однако глава оккупационных властей Абхазии и по истечении времени никак не мог смириться с таким мнением. Позже, в начале февраля 1993 г., Т. Надарейшвили недоумевал: «Мне и сегодня непонятно, как можно было допустить падение Гантиади, Леселидзе, Хейвани, которые могли защитить всего 50 хорошо вооруженных бойцов, расположенных на главной улице»[2]. А чуть позже, в конце апреля, когда в результате тбилисских перестановок Г. Каркарашвили занял пост министра обороны, Т. Надарейшвили встретил это назначение заявлением о том, что теперь уж они вдвоем точно победят в Абхазии. От тягостного ощущения, вызванного поражением в Гагре, у него не осталось и следа.

Тем временем еще 6 октября Генеральный секретарь ООН получил письмо от заместителя Председателя Госсовета Грузии, в котором была «показана вся тяжесть ситуации и просьба к ООН о поддержке»[3]. В ответ на это 7 октября Генсек ООН обратился к Председателю СБ ООН с отчетным посланием миссии во главе с Г. Фейсалом, которая с 12 по 20

[1] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 124.
[2] Газ. «Иберия-спектр», № 65, 2–8 февраля 1993 г.
[3] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 41.

сентября работала в зоне конфликта. В Обращении Генсека говорилось: «Ситуация в Абхазии сильно ухудшилась в последние дни. Жестокие бои вновь начались, угрожая миру и безопасности в регионе. В связи с серьезным ухудшением конфликта в Абхазии я намереваюсь ввиду чрезвычайности положения послать еще одну миссию ООН в регион во главе с заместителем Генсека»[1]. Предполагалось, что в состав миссии будет входить несколько наблюдателей, «которые останутся в регионе с тем, чтобы обеспечить первичное присутствие в регионе ООН». В записке Председателя СБ от 8 октября говорилось: «Совет поддерживает решение Генерального секретаря направить в ответ на просьбу правительства Грузии, еще одну миссию в Грузию, которую возглавит заместитель Генерального секретаря[2], в сопровождении сотрудников, некоторые из которых останутся на месте»[3]. Позже в докладе Генсека ООН от 28 января 1993 г. освобождение абхазскими подразделениями Гагры было названо «захватом»[4]. О «захвате ряда населенных пунктов в Абхазии» добровольцами, которые «разрушительно действуют на общественное правосознание»[5], писал и политолог Э. Паин уже 10 октября. Здесь нужно отметить, что и Генсек ООН, и российский политолог не заметили или не пожелали заметить путаницы в терминах. В начале октября абхазскими войсками Гагра была не «захвачена», а освобождена, и тем самым, по замечанию публициста А. Борзенко, был перечеркнут «грузинский сценарий урегулирования, выработанный Ельциным и Шеварднадзе 3 сентября на переговорах в Москве»[6].

Пропагандистская машина Грузии еще больше разжигала межнациональную рознь. Например, после изгнания захватчиков из Гагрского региона газета «Апхазетис хма» от 10 октября 1992 г. утверждала, что якобы абхазские военные на Гагрском стадионе уничтожили множе-

---

[1] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 32, 33.

[2] Миссию возглавлял Генеральный директор Отделения ООН в Женеве А. Бланка. Она находилась в зоне вооруженного противостояния 13–16 октября. После завершения миссии в Грузии остались два сотрудника ООН для обеспечения постоянного присутствия ООН в Грузии.

[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 307.

[4] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 32–33.

[5] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 58.

[6] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 262.

ство мирных жителей грузинской национальности, что будто абхазы и чеченцы отрубленной головой грузина играли в футбол[1]. Это неоднократно повторял и Э. Шеварднадзе. В частности, в своих мемуарах он писал: «Гагра пала… В конце концов по гагрскому стадиону покатились отрубленные грузинские головы»[2]. Э. Шеварднадзе в другом интервью также поведал журналистам о том, что чеченцы «отрубали человеку голову, а потом играли ею в футбол»[3]. Тем временем в связи с активизацией военных действий в Абхазии часть местного грузинского населения покинула и продолжала покидать территорию республики. Поэтому правительство РА 9 октября выступило с Заявлением, в котором говорилось: «Абхазский народ не находится в состоянии войны с грузинским народом… И только лица, совершившие уголовно наказуемые деяния, будут привлекаться к ответственности»[4].

Символично, что на второй день после освобождения северо-западной части Абхазии, 7 октября в с. Лыхны открылся I Всемирный конгресс абхазо-абазинского (абаза) народа. Перед его началом многие предлагали «провести конгресс в Черкесске, … но В. Ардзинба настоял на своем»[5]. На его открытии Председатель ВС Абхазии сказал: «К нынешнему конгрессу мы готовились уже давно. Но… началась Отечественная война. Из-за этого организация конгресса была сопряжена со многими трудностями, но, несмотря на это, мы решили его провести. Почему мы так решили? Война стала для нашего народа большой трагедией, но не запугала нас. Наш народ не испугался, не стал перед врагом на колени… Словом, сегодня наш народ в состоянии и защищать Родину, и решать мирные вопросы. Порабощение абхазов-абаза сегодня невозможно. Это ярко продемонстрировала война»[6]. В. Ардзинба тогда также заявил: «Нам, абхазам, не нужно ничего чужого, мы ни на кого не нападали – на нас напали. И мы имеем право бороться за сво-

[1] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 347.

[3] http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=534510

[4] Газ. «Республика Абхазия», 9–11 октября 1992 г.

[5] Этлухов О. Зов крови. М., 2003. С. 75.

[6] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=84

боду нашей Родины». В своей речи в качестве первоочередных задач В. Ардзинба обозначил: «1. Следует восстановить на родине правовой статус абхазов (абаза), представителей диаспоры других горских народов, изгнанных во время Русско-Кавказской войны в XIX в. Они должны получить права незаконно изгнанных с Родины. Этот вопрос надо поставить перед компетентными органами соответствующих государств и ООН. 2. Парламенту следует принять закон о двойном гражданстве: необходимо создать государственную организацию по вопросам репатриации; надо открыть консульства сначала в Турции и России, а затем и в других государствах. В регионы Северного Кавказа нужно послать представителей Абхазии»[1].

8 октября участники конгресса потребовали от Э. Шеварднадзе немедленно вывести войска из Абхазии. Форум также принял Декларацию, в которой было заявлено: «Абхазо-абазинский этнос (абаза) может быть сохранен только путем возвращения нашей диаспоры на свою историческую Родину»[2]. В работе Конгресса из 140 делегатов приняло участие 125, представлявшие разные районы Абхазии, а также диаспоры из Турции, Германии, Франции, Голландии[3]. Публицист М. Спиридонова, рассуждая о времени и месте проведения Конгресса, высказалась довольно оригинально: «Что это – «футбол в блокадном Ленинграде» или стремление лидеров республики найти поддержку за пределами стран СНГ? Если даже только первое, исход битвы за Ленинград известен»[4].

После поражения в Гагре грузинская сторона, как уже не раз отмечалось, начала упрекать Россию в том, что она поддерживала абхазов, в силу чего они добились военного успеха. Наверняка, эта тема не прошла мимо собеседников во время «острого и принципиального» разговора по телефону Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе 7 октября, который состоялся по инициативе Президента России[5]. 8 октября на брифинге в МИД РФ было заявлено, что «высказывания официальных представителей Грузии, обвинявших Россию в пособничестве одной из сторон в аб-

---

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 210.
[2] Газ. «Республика Абхазия», 9–11 октября 1992 г.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 176.
[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 448.
[5] Там же. С. 417.

хазском конфликте, лишены каких-либо оснований»[1]. 9 октября командующий войсками народного ополчения РА В. Аршба сообщил, что вся имеющаяся в распоряжении народного ополчения Абхазии тяжелая техника и артиллерия трофейная. И уточнил, что «российские войска сохраняют полный нейтралитет»[2]. 10 октября Пресс-служба ВС Абхазии вновь заявила о том, что «вся техника, чем располагает абхазская сторона, является трофейной и захвачена бойцами самообороны у войск Госсовета, вторгшихся на территорию Абхазии»[3].

Между тем, выяснилось, что грузинские солдаты в Гагре интересовались не только защитой «территориальной целостности» Грузии. 12 октября здесь был обнаружен склад подготовленных для отправки в Грузию икон из церквей Абхазии, старинных книг и картин, изделий из серебра и другие ценности[4]. 15 октября командующий Вооруженными силами РА В. Аршба обратился с требованием к разрозненным группам войск Госсовета, блокированных в горной местности, незамедлительно прекратить любые военные действия. При этом тем, кто добровольно сдаст оружие, гарантировались жизнь и возвращение на родину в течение 24 часов, а больным и раненым – необходимая медицинская помощь[5].

В Грузии уже после войны было проведено небольшое исследование-анализ грузинских газет относительно публикаций по Абхазии. В нем исследовалось все содержание материалов, имеющих полное или частичное отношение к событиям в Абхазии и опубликованных в ежедневных и еженедельных общественно-политических газетах: на грузинском языке – «Сакартвелос Республика», «Резонанси», «Швиди дге», «Дрони», «Картули кроника»; на русском языке – «Свободная Грузия», «Новая газета». Из этих 7 газет 2 – официальные и одновременно ежедневные, 4 – независимые издания, и 1 – орган политической партии НДПГ. Анализ публикаций в названных изданиях с 3 по 17 октября 1992 г. показал, что от общей редакционной площади публикации, посвя-

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии //Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 54.

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 252.

[3] Газ. «Республика Абхазия», 9–11 октября 1992 г.

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 291.

[5] Там же. С. 309.

щенные Абхазии занимали в среднем 19,9% . При этом по изданиям: СР –19%, СГ – 16,6%, КК – 9%, ШД –37%, Д –17%, НГ– 11,3%[1]. Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993.

Проблема освобождения абхазами Гагры еще долгое время не сходила с повестки дня тбилисских политиков и их сухумских марионеток. 21 октября, выступая по «абхазскому» телевидению, Т. Надарейшвили заявил: «Мы пойдем в атаку, освободим Гагру и заедем в Гудауту, у нас для этого есть необходимые силы»[2]. 26 ноября на заседании Парламента Грузии была образована комиссия по изучению гагрских событий. Ее председателем стал депутат Р. Куправа[3].

По истечении времени Председатель Совета Министров АРА Т. Надарейшвили по поводу освобождения Гагры абхазскими формированиями говорил: «Падение г. Гагры для меня как национальная, так и личная трагедия… Поэтому лично я все это никогда никому не прощу… Я уверен и приложу все усилия для того, чтобы выяснить истину»[4]. Причем глава марионеточной власти Абхазии, видимо, не без оттенка обиды на своих недоброжелателей заявил: «В Гагре жизнь придется начать с нуля, восстанавливать город, и свое место я вижу там. Поэтому практически одновременно удовлетворю «просьбу» моих некоторых оппозиционеров, которых беспокоит должность премьер-министра, и пусть сам народ решит, какому органу быть здесь в Абхазии, и кто будет его возглавлять»[5]. 25 февраля 1993 г. Б. Какубава, выступая на заседании грузинского парламента, призвал «строго спросить с тех, кто сдал Гагру абхазам, ибо те не только не наказаны, но даже получили повышения по службе», ибо, по его мнению, «город был сдан из-за предательства»[6]. Уже после войны Н. Месхия в письме к Шеварднадзе спрашивал: «Почему не опубликовали заключение парламентской комиссии о гагрской трагедии»? При этом сам Н. Месхия обвиняет главу Госсовета Грузии в

---

[1] Разоренова М., Дзиндзибадзе К. Абхазский конфликт в периодической печати Грузии // http://abkhazeti.narod.ru/pages/42.html

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 106.

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 433.

[4] Газ. «Иберия-Спектр», № 65, 2–8 февраля 1993 г. С. 15.

[5] Там же.

[6] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 243-244.

сознательной сдаче и Гагры, и Сухума[1]. Тем временем законной властью Абхазии также была создана комиссия по определению ущерба и ликвидации последствий войны в г. Гагре и его зоне. Согласно этому документу, правительство Абхазии намеревалось предъявить иск Грузии с требованием возместить ущерб, нанесенный грузинской военщиной[2].

Значение Гагрской операции трудно переоценить. В речи на открытии Конгресса абхазо-абазин 7 октября В. Ардзинба освобождение северо-западной Абхазии назвал одним из событий, «открывающих новую страницу нашей истории» [3]. По справедливому замечанию В. Пачулия, «было развеяно существовавшее мнение мирового сообщества о бесплодности сопротивления малочисленного абхазского народа многомиллионной Грузии»[4]. В. Ардзинба 19 октября 1992 г., отвечая на вопрос о выводах грузинской стороны после своего поражения в Гагре, ответил: «Они убедились: абхазы могут не только обороняться, но и наступать. В Тбилиси теперь относятся к нам как к военной силе, серьезней, чем прежде»[5]. С Гагрского наступления началось освобождение Абхазии, была открыта «дорога жизни», обеспечившая ее сообщение с «большой землей».

2. Стабилизация фронтов и активизация дипломатий

2. 1. Легитимизация власти в Грузии

Как неоднократно отмечалось, Госсовет и его Председатель пришли к власти в Грузии в результате государственного переворота и свержения законной власти. И теперь, по законам жанра, надо было провести новые выборы, пусть даже и не было в этом особого желания. Сначала об этом в Грузии было объявлено по необходимости, т. е. под давлением обстоятельств. Свергнув легитимное руководство, необходимо было объявить народу о том, что новая власть стремится к большей

[1] Месхия Н. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 378.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 82.
[3] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=84
[4] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 91
[5] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=78

законности, чем старая, и все будет делаться для того, чтобы будущая власть была более отзывчивой к нуждам народа, каковой она может быть только при условии ее избрания самим народом. Другими словами, всякая сила, свергающая существующую, тем более законную, власть, может о себе заявить только как о промежуточной, временной власти, пришедшей к ней ради восстановления законности и порядка; поскольку законность и порядок могут быть восстановлены только при наличии легитимной власти, то эта сила будет способствовать приходу к власти законного руководства, при этом в подавляющем большинстве случаев, имея в виду именно себя. И поскольку законной может быть только власть, избранная во время выборов, необходимо провозгласить о готовности, более того, заинтересованности в их скорейшем проведении. Уже 21 февраля 1992 г. в Декларации Военного Совета было заявлено, что выборы Парламента будут проведены не позже осени 1992 г. на основании принципов, установленных Конституцией Грузии от 21 февраля 1921 г.[1]. Здесь же было отмечено, что Военный Совет и Временное правительство сложат свои полномочия перед вновь избранным Парламентом на первом же его заседании.

Несмотря на нелегитимность власти в Грузии, мировое сообщество оказывало ей всяческую поддержку, но, тем не менее, скрывать и не обращать внимания на это обстоятельство бесконечно оно не могло. Да и сам Э. Шеварднадзе, привыкший считать себя причастным к судьбоносным решениям, по всей вероятности, чувствовал дискомфорт от своего нелегитимного и, как следствие, неопределенного, статуса в Грузии. Это что касается внешней стороны вопроса, а внутри страны также не все для него складывалось гладко. Нелегитимное положение Э. Шеварднадзе давало большие возможности его коллегам по Госсовету считаться с ним все меньше и меньше. Положение человека, призванного в Грузию триумвиратом Китовани – Иоселиани – Сигуа, делало главу Госсовета уязвимым и не защищенным перед поползновениями на его авторитет. И все это в условиях, когда страна находилась в состоянии войны, а каждый значимый потенциальный соперник располагал своими вооруженными формированиями, было чревато довольно плачевными последствиями. Легитимизация власти, хотя бы внешняя, по-

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989 – 2006 гг. М., 2008. С. 65.

зволила бы ему заручиться в Грузии поддержкой определенных слоев населения и политических кругов, что обеспечило бы определенные гарантии его положения. Этим объясняются и слова Э. Шеварднадзе, сказанные им 17 сентября в Сухуме: «Если в Грузии мы не проведем выборы, то мы окажемся в состоянии полного хаоса или же победит полная военная диктатура»[1]. Однако в легитимизации власти нуждался не только Э. Шеварднадзе, но и в разной степени члены Госсовета, новая политическая элита, а также все незадействованное в войнах население Грузии. У каждой группы населения всегда есть подспудное стремление к стабильности, которая возможна только при наличии законной, хотя бы формально, власти. Все эти факторы делали проведение выборов в Грузии необходимостью. В силу всего этого Госсовет, хотя и непонятно, на основе каких законодательных актов, принял решение о проведении досрочных выборов в Парламент Грузии, назначив их на 11 октября.

Закон о выборах предусматривал их проведение по представительной и мажоритарной системе. В праве принять участие в выборах было отказано Коммунистической партии Грузии и Хельсинкскому союзу, лидером которого являлся свергнутый Президент З. Гамсахурдиа. В Положение о выборах изменения вносились дважды: 29 июля 1992 г. по предложению Э. Шеварднадзе число депутатов было увеличено: помимо 150 депутатов, избиравшихся по партийным спискам, предполагалось, что в Парламенте будут представлены депутаты от каждого района Грузии. 29 августа, уже после вторжения в Абхазию, Госсовет принял решение об избрании спикера парламента путем прямого всеобщего и тайного голосования на мажоритарной основе. 31 августа в интервью грузинскому радио сам Э. Шеварднадзе прокомментировал это решение следующим образом: «Грузины не могут не быть оригинальными, потому я был вынужден согласиться с поправкой в положении о выборах парламента». Он сообщил о своем решении выйти из избирательного блока «Мир» и сразу баллотироваться на пост Председателя Парламента Грузии[2]. Этот шаг был продиктован и

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 298–300.

[2] «Российская газета», № 194... С. 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-1-sentyabrya-1992-goda

другими мотивами: названная поправка была принята, «дабы не дать преимущества блоку «Мир», куда входил Э. Шеварднадзе[1]. Действительно, несмотря на существенные противоречия внутри Госсовета и политической элиты, в грузинском обществе преобладало мнение о том, что Э. Шеварднадзе при существовавших тогда реалиях был единственным политиком, который мог бы решить возникшие весьма непростые задачи в Грузии и вокруг нее. Кроме перечисленных факторов, этому обстоятельству способствовало еще и то, что в Тбилиси к тому моменту ни одна военно-политическая или сугубо политическая фигура была не способна соперничать с Э. Шеварднадзе и его имиджем международно признанного политика, который в условиях четко наметившегося разворота общественного мнения в Грузии в сторону западной, антироссийской ориентации, приобретал весьма важное значение. Поэтому он и был выдвинут в качестве единственного кандидата на пост главы Парламента, избиравшегося прямым голосованием на всеобщих выборах.

Между тем, выборы в Парламент Грузии планировалось провести и на оккупированной грузинскими формированиями территории Абхазии. Однако уже 21 сентября Президиум Верховного Совета Абхазии объявил Положение «О выборах Парламента Республики Грузия» «не имеющими юридической силы», и признал проведение выборов на территории Республики Абхазия незаконным[2]. Тем не менее, подготовка к выборам продолжалась. Первый всемирный конгресс абхазо-абазинского народа накануне их проведения весьма справедливо расценил выборы в Парламент Грузии как «очередной фарс, разыгрываемый Шеварднадзе в интересах военно-фашистской хунты»[3]. По свидетельству Ю. Воронова, выборам в оккупированных районах Абхазии предшествовала «агитация», основанная на дезинформации и запугивании населения». При этом «предварительно у многих представителей русской и иных негрузинских общин края были отобраны либо разорваны паспорта»[4]. Впрочем, было понятно, что в условиях оккупации и во-

[1] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 16.

[2] Газ. «Республика Абхазия», 16-24 сентября 1992 г.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 211.

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 12.

енного режима речь могла идти только о жалкой пародии на выборы. Этим мероприятием тбилисские власти и их марионетки в Сухуме могли ввести заблуждение только тех, кто сам желал заблуждаться. Как ни странно, таковых тогда оказалось немало.

Легетимизация власти Э. Шеварднадзе, по понятным причинам, больше всех задевала за живое свергнутого им же Президента Грузии З. Гамсахурдиа. 23 сентября он направил в адрес Парламента России обращение, где предлагал «срочно создать парламентскую комиссию… для наблюдения за ходом антиконституционных псевдовыборов, на которых единственным кандидатом на пост спикера «баллотируется» российский гражданин Шеварднадзе, прописанный в Москве, что является беспрецедентным нарушением Международного права»[1]. Тем временем, само Международное право, а точнее, те, кто выступал от его имени, были на тот период времени озабочены только одним: приданием пребыванию Э. Шеварднадзе во главе Грузии законного характера. 24 сентября в Тбилиси была задержана лидер Демократического союза России В. Новодворская, распространявшая прокламации, призывавшие к бойкоту выборов. При задержании у нее изъяли большое количество листовок, подготовленных в Грозном, где Новодворская находилась в качестве одного из советников З. Гамсахурдиа. По сообщению пресс-центра Госсовета, Новодворской грозило 15-суточное заключение, но от наказания ее избавило распоряжение зампредседателя Госсовета Д. Иоселиани[2]. Тем временем, 25 сентября перед отъездом в Нью-Йорк Э. Шеварднадзе, или поддавшись эмоциям, или действительно предчувствуя угрозу, заявил: «Если в результате парламентских выборов в Грузии я потерплю поражение, мне там делать нечего»[3].

Тем временем официальными властями Грузии и их влиятельными покровителями делалось все для того, чтобы обеспечить нужный результат. Однако в подготовку и проведение выборов в Грузии значительные коррективы были внесены победой абхазов в Гагре. С одной стороны, Гагрское наступление и его результаты нанесли сокруши-

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 335.

[2] «Независимая газета», №186... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-26-sentyabrya-1992-goda

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 68.

тельный удар по Э. Шеварднадзе и проводившейся им политике, что могло привести к его политическому фиаско. Но, с другой стороны, именно поражение в Гагре открыло глаза всей политической элите на шаткость позиций Грузии в ведущейся войне. И в силу этого поражение в Гагре, как ни парадоксально, стало неким консолидирующим фактором во внутригрузинских взаимоотношениях. Главное – оно привело грузинскую политическую элиту к осознанию необходимости наличия легитимной власти в условиях возникших реальных очертаний долгосрочной войны, которую вести без наличия законных органов будет еще тяжелее. Уже вечером 6 октября на пресс-конференции в Тбилиси Э. Шеварднадзе заявил, что «все происходящее в последнее время преследует главную цель – сорвать намеченные в Грузии на 11 октября выборы». Однако грузинский лидер высказал уверенность, что, несмотря ни на что, выборы состоятся[1]. 9 октября на своем первом предвыборном выступлении в АН Грузии Э. Шеварднадзе назвал поражение в Гагре «политической победой»[2]. Позже публицист В. Ряшин отмечал, что «военное поражение в районе Гагры было использовано для нагнетания национальной истерии». При этом «общественному мнению предлагался миф за мифом: от заговора «российских генералов» против Шеварднадзе до попытки покушения на него»[3]. Сам лидер Госсовета подогревал эти настроения утверждениями о том, что военное поражение не является политическим нокдауном, потому что грузины выяснили, кто их враг[4]. Тогда несложно было догадаться, какого «врага» грузины разоблачили после своего фиаско в Гагре. Им, конечно же, являлась Россия, если даже не целиком, то ее «реакционные круги» – точно. В вышеуказанном выступлении в АН Грузии, ставшем почти программным, глава Госсовета констатировал, что «политика России по отношению к Грузии носит явно враждебный характер»[5].

11 октября на фоне заметного обострения российско-грузинских отношений в Грузии состоялись парламентские выборы, на которых, как

[1] Газ. «Известия», № 222... // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-7-oktyabrya-1992-goda

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 276.

[3] Там же. С. 297.

[4] Там же. С. 276.

[5] Там же. С. 276.

и ожидалось, Э. Шеварднадзе одержал победу. По информации пресс-центра Госсовета Грузии, в голосовании приняло участие 80% жителей Грузии, а из них 92% проголосовало за Э. Шеварднадзе[1]. Центральной избирательной комиссией Грузии были озвучены несколько другие цифры, но они также выглядели не менее внушительными: в выборах приняло участие 75% населения, а из них за Э. Шеварднадзе проголосовало 95%[2]. Много позже в своих мемуарах Э. Шеварднадзе назвал эти выборы «самыми справедливыми выборами, которые я проводил!»[3]. Тем не менее, В. Ряшин охарактеризовал произошедшее следующим образом: «Сквозь дым войны избирателям был навязан портрет спасителя Отечества»[4]. Однако тогда в своем ночном (с 11 на 12 октября) выступлении по телевидению Э. Шеварднадзе наметил четыре главные задачи, которые предстоит в первую очередь решить новым властям: создать Совет национальной безопасности, навести элементарный порядок, избежать зимой голода, решить абхазскую проблему. По поводу последней Шеварднадзе отметил, что было бы великим счастьем найти политическое решение этой проблемы без ущемления государственных интересов Грузии[5].

Грузинские власти объявили, что эти выборы состоялись и в оккупированной части Абхазии. Свидетельством того, как они готовились и проводились, является запись от 9 октября, сделанная в дневнике абхазского поэта Т. Аджба, находившегося в Сухуме: «Боюсь, что 11-го нас силой заставят голосовать, надо куда-то скрыться, но куда»[6]. Автору этих строк и бессмертных стихотворений не суждено было дожить до самих выборов. Приведенные слова стали последними в его дневнике. Его забрали грузинские блюстители «нового порядка», и о его судьбе с тех пор ничего неизвестно. В ходе самих «выборов» было «избрано»

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 434.

[2] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 16.

[3] Шеварднадзе Э. «Ельцин на моих же глазах меня обманул!» // http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=534510

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 297.

[5] Газ. «Известия», № 225… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-12-oktyabrya-1992-goda

[6] Аҧьба Т. Ш. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. С. 109.

14 депутатов, в том числе Г. Ломинадзе, Т. Надарейшвили, Б.Какубава – люди, виновные в развязывании войны против абхазского народа, из чего становились понятными цели, преследовавшиеся организаторами этого фарса. З. Папаскири доказывает легитимность этих выборов тем, что в грузинский парламент попали два абхаза – А. Маршания и К.Салия[1].

Тем временем, более сорока наблюдателей из 10 западных стран, наблюдавших за выборами в Грузии, пришли к прямо противоположному выводу: «Парламентские выборы в Грузии прошли с соблюдением закона и демократических норм». На пресс-конференции 13 октября президент Вашингтонского национально-демократического института международных отношений Б. Атвуд отметил, что «никаких нарушений избирательного процесса отмечено не было, в том числе и в тех районах Западной Грузии, где активно действовали сторонники З. Гамсахурдиа»[2]. Совершенно иное мнение сложилось у руководителя группы наблюдателей от Американского института республиканцев США К. Бэнкса, который прокомментировал их следующим образом: «На выборах имели место грубые нарушения как процедурных норм, так и прав человека, гражданских свобод. Свобода волеизъявления не была предоставлена народу. Значительная часть населения была явно затерроризирована и запугана. Органами правопорядка и госбезопасности составлялись списки сторонников законной власти, и их потом насильственно заставляли явиться на избирательные участки, несмотря на то, что большинство населения негативно относилось к выборам 11 октября»[3]. Тем временем, делегация Национально-демократического института США 13 октября обнародовала предварительное заявление по выборам в Грузии, в котором дала весьма положительную оценку избирательному процессу[4] . Таким образом, выборы в Грузии состоялись, и они, по словам О. Васильевой, продемонстрировали реванш национально ориентированных коммунистических элит. Однако, по ее же мнению, политическое лицо Парламента оставалось мало-

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 432.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 439.
[3] Газ. «Иберия-Спектр», №75, 13-19 апреля 1993 г. С. 4.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 13, 12 ноября 1992 г.

выразительным – «не только из-за сходности программных установок партий, но и демонстрируемой последние два года непредсказуемости политических симпатий» избранных депутатов[1].

Итак, выборы состоялись, и власть в Грузии была легитимизирована. 12 октября, на второй день после выборов, глава избранного Парламента заявил, что одной из его главных задач будет «восстановление контроля над Абхазией и создание единой армии»[2]. Уже 14 октября был создан Госкомитет по обороне Грузии во главе с Э. Шеварднадзе. В Грузии к тому времени существовали три самостоятельные вооруженные группы: Национальная гвардия под командованием Т. Китовани; «Мхедриони» – Д. Иоселиани; Общество Мераба Костава – Г. Адамия. У этих формирований не было единого руководящего центра, без которого говорить о вооруженных силах, защищающих интересы государства, весьма проблематично, если вообще возможно. В рассматриваемое время эти формирования не предпринимали существенных действий друг против друга, а их руководители декларировали единство целей и задач, стоящих перед ними. Однако несмотря на, казалось бы, внешнее примирение военизированных групп и легитимизацию власти, положение Э. Шеварднадзе в новом Парламенте оставалось непредсказуемым. Политолог Л. Миносян, рассуждая об этой ситуации, тогда писала: «Шеварднадзе нужно найти новые рычаги, с помощью которых он мог бы управлять ситуацией, пока военные не взялись за дело сами. Тем более что после военного поражения командование занялось поиском предателей»[3]. Кроме того, новый спикер Парламента не мог быть уверен в поддержке «партийно-номенклатурного» звена нового грузинского Парламента: среди депутатов экс-коммунистов было много сторонников Д. Патиашвили – противника Шеварднадзе[4]. Газета «День», также размышлявшая о внутригрузинском противостоянии, пришла к выводу о том, что «Шеварднадзе стал тоскливо подумывать о бегстве

[1] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 17.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 435.

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 24-26.

[4] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 17.

в США»[1]. О бегстве в США все же говорить к тому времени было преждевременно, а вот явное стремление Э. Шеварднадзе изменить внешнеполитические ориентиры[2] было налицо. Но Запад, судя по всему, еще не был готов к явному обозначению своих далеко идущих интересов в регионе, и в силу этого переориентация Грузии шла более медленными темпами, нежели этого хотелось бы тбилисским стратегам.

Несмотря на внешнюю легитимизацию своей власти, как уже было отмечено, положение Э. Шеварднадзе оставалось неустойчивым, и его власть, пусть и в новом качестве, была не полностью гарантирована от случайностей. Выборы не были в состоянии ликвидировать противостояние лидеров военно-политических блоков бывших лидеров Госсовета. Для функционирования государственной системы необходимо было сформировать новую исполнительную власть, а это в сложившихся условиях грозило «расколом и параличом Парламента, а значит, и расколом Грузии». По мнению О. Васильевой, именно этим был обусловлен перенос первого заседания Парламента, назначенного на 22 октября[3]. Как бы там ни было, власть в Грузии была легитимизирована, но она не имела законного основания в силу отсутствия действующей Конституции. 4 ноября в Тбилиси открылась первая сессия нового Парламента Грузии, 235 депутатов которого представляли 24 партии и блока[4]. 6 ноября был принят «Акт о государственной власти», временно выполнявший функции Основного закона и предусматривавший наличие в государстве Парламента, главы государства и Кабинета министров[5].

2. 2. Срыв повторной встречи лидеров России, Грузии и Абхазии

Как уже отмечалось, во время Московской встречи 3 сентября была достигнута договоренность через месяц вернуться к поднятым пробле-

---

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 23.

[2] Там же. С. 24–26.

[3] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 17.

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 27, 5 ноября 1992 г.

[5] Скаков А. Ю. Внутриполитическая ситуация в Грузии // Грузия: проблемы и перспективы... Т. 2. М., 2002. С. 275.

мам, встретиться в том же формате и посмотреть, что из подписанного работает, а что не работает. Таким образом, уже тогда была оговорена необходимость проведения повторной встречи по урегулированию войны в Абхазии. Однако, как уже говорилось, Итоговый документ Московской встречи был нарушен, едва лишь успел вступить в силу, а ситуация на фронтах осложнилась, более того, в результате жизненной необходимости абхазское народное ополчение освободило г. Гагру. Еще до этого 23 сентября руководство Северной Осетии обратилось к руководству России с констатацией необходимости «максимально ускорить намеченную повторную встречу»[1]. Аналогичное послание Президенту России в тот же день направил и глава Администрации Краснодарского края В. Дьяконов[2].

Начало Гагрского наступления и освобождение Гагры и всей северо-западной части Абхазии привело к осложнению взаимоотношений Грузии и России. Это обстоятельство также не могло не отразиться в перипетиях вокруг повторной встречи по урегулированию в Абхазии. Чуть позже политолог Л. Миносян, размышляя об этих проблемах, писала: «То, что новую встречу Ельцина и Шеварднадзе организовывать будет сложнее, чем предыдущую, было ясно – с тех пор как абхазские формирования успели отбить Гагру и Итоговый документ Московской встречи 3 сентября рухнул, похоронив под собой репутацию российской политики в регионе»[3]. Действительно, проведение повторной встречи по проблемам Абхазии в старом формате в новых военно-политических реалиях становилось весьма проблематичным. Тем не менее, ни одна из сторон не заявила об отмене встрече или возможности этого. Первоначально ее проведение планировалось на начало октября. Но на встрече Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе в Москве 28 сентября она была отложена. Затем появилась информация о том, что трехсторонняя встреча состоится 13 октября в Тбилиси, но Президент России заявил, что она пройдет в Сухуме[4]. Это предложение было озвучено Б. Ельциным на заседании российского Парламента, где было сказано о необходи-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 74.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 187.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 24.
[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 414.

мости проведения в Абхазии рабочей встречи руководителей России, Абхазии, Грузии и республик Северного Кавказа. Данное предложение Президента России, как и следовало ожидать, вызвало недоумение Э. Шеварднадзе[1] и удовлетворение и благодарность В. Ардзинба[2].

7 октября по инициативе Президента России состоялся «острый и принципиальный» разговор по телефону Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе, где наряду с другими вопросами, обсуждалась возможность новой встречи в верхах по урегулированию конфликта в Абхазии[3]. 9 октября в Бишкеке во время встречи глав государств и правительств СНГ Президент России сообщил, что трехсторонняя встреча состоится 13 октября на военном корабле у причала города Сухум. При этом Б. Ельцин прогнозировал: «Это будут трудные переговоры. Взаимные претензии грузинской и абхазской сторон резко обострились, но я надеюсь на согласие. Иначе – тупик, крупномасштабная война»[4].

Для обеспечения безопасности ее участников 10–11 октября в район Сухума, снявшись с севастопольского рейда, направились корабли Черноморского флота, огневая мощь которых превосходила весь боевой потенциал Грузии. Десантно-штурмовая рота отдельного десантно-штурмового батальона и разведрота отдельного разведбатальона морской пехоты Черноморского флота под командованием подполковника А. Е. Смоляка были высажены в районе Сочи. По свидетельству А. Розина, поход кораблей Черноморского флота «привел к дипломатическому конфликту России и Украины»[5]. Действительно, 13 октября украинский МИД направил МИДу России ноту протеста, в которой всю ответственность за возможные негативные последствия возложил на Российскую Федерацию[6]. А первый заместитель министра обороны Украины генерал-полковник И. Бижан тогда заявил: «10 октября этого года Министерство обороны РФ без согласования с

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 414.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 208.

[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 417.

[4] Газ. «Известия», № 224... С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-9-oktyabrya-1992-goda

[5] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

[6] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 14–15.

Украиной дало распоряжение по Черноморскому флоту подготовить и отправить 9 боевых кораблей под непосредственным руководством адмирала Касатонова к берегам Абхазии в зону конфликта. Несмотря на то, что Министерство обороны Украины, узнав об этом, отправило в МО России несколько телеграмм с протестом. Эти корабли из-за одностороннего решения российской стороны и сейчас находятся у берегов Абхазии»[1].

Однако министр обороны РФ П. Грачев говорил только о трех кораблях, один из которых, по его словам, «должен был принять на борт представителей грузинской и абхазской сторон для переговоров, а два других – тральщики – призваны были обеспечить противоминную защиту»[2]. Для улаживания конфликта чуть позже, 15 октября, в Киев отправилась делегация МИД под руководством посла по особым поручениям Ю. Дружинина[3].

Вместо планируемой встречи главным событием российско-грузинских отношений оказался протест Грузии по поводу захода российских боевых кораблей в бухту Сухума без соответствующего предупреждения. Командование дислоцировавшейся пограничной части России на запрос сообщило, что ему неизвестна принадлежность названных кораблей и цель их захода в акваторию г. Сухум[4].

Между тем, 12 октября правительство РФ выступило с Заявлением, в котором вновь выражалась инициатива проведения встречи руководителей заинтересованных сторон[5]. В тот же день В. Ардзинба заявил, что «абхазская сторона уже сегодня готова сесть за стол переговоров». Однако при этом он подчеркнул, что основным условием прекращения кровопролития является безусловный вывод всех войск Госсовета Грузии с территории Абхазии[6]. Однако тогда же, 12 октября, пресс-служба президента России сообщила, что запланированная на 13 октября

---

[1] «Независимая газета», № 199... С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-15-oktyabrya-1992-goda

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 311.

[3] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 7, 13 октября 1992 г.

[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 298.

[6] Там же. С. 289, 290.

встреча отложена на неопределенное время. По официальной версии, это было сделано для того, чтобы «лучше подготовить встречу двух лидеров»[1]. Э. Шеварднадзе после своих выборов также заявил: «Встреча эта пока не готова, что не означает, что мы ее не хотим»[2].

Однако причина отсрочки переговоров заключалась в другом. Э. Шеварднадзе, судя по всему, посчитал оскорблением для себя приехать в Абхазию и вести переговоры, да еще и не на территории, оккупированной его войсками, а в акватории Сухумской бухты, на борту российского корабля. Еще и перед этим абхазы освободили Гагру и теперь ехать и разговаривать к ним было бы признанием их правоты и своего поражения. Наверное, в решении Э. Шеварднадзе не последнюю роль сыграла и дата намеченной встречи – 13 октября. Всего за два дня до этого в Грузии должны были состояться выборы, которые были призваны легитимизировать его власть. И в этих условиях ему в новом качестве законного руководителя Грузии и лидера всех грузин очень не хотелось совершать первый визит именно на эту встречу, проведение которой в таком формате, естественно, свидетельствовало бы не о его политическом лидерстве в урегулировании войны в Абхазии. Все эти обстоятельства, как представляется, заставили отказаться Э. Шеварднадзе от участия в вышеозначенной встрече, вследствие чего она не состоялась вовсе. Корабли Черноморского флота, прибывшие для охраны встречающихся, отплыли обратно в Севастополь. СМИ сообщили, что трехсторонняя встреча перенесена на неопределенное время, причиной была объявлена ее неподготовленность. Президиум Верховного Совета Абхазии 14 октября заявил, что решение об отсрочке встречи в верхах напрямую связано с деструктивной позицией руководства Грузии. Далее в названном документе было сказано: «Подобная тактика «ведения» переговоров уже имела место ранее, когда в целях проведения широкомасштабных наступательных действий Московская встреча, планировавшаяся на 28 августа, была, по настоянию грузинской стороны, перенесена на 3 сентября. Ту же цель преследует и перенос нынешней встречи. По достоверным данным, руководство

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 7, 13 октября 1992 г.

[2] «Независимая газета», № 197… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-oktyabrya-1992-goda

Грузии приняло на днях решение о дополнительной переброске в зону военных действий крупных воинских подразделений, имеющих на вооружении до 35 единиц тяжелой бронетехники, десятки дальнобойных артиллерийских орудий и установок системы «Град»[1].

Все это свидетельствовало о том, что грузинское руководство попрежнему намерено было решать абхазскую проблему силовым путем. В Грузии продолжалась мобилизация населения, проходили митинги с воинствующими призывами продолжения войны до победного конца. Одновременно велось открытое шельмование абхазской стороны на международной арене. Грузия обращалась в ООН, в СБСЕ, к государствам – членам блока НАТО с призывом защитить ее от «вероломства» абхазских войск. Наряду с этим, видимо, отчасти для создания мнения о готовности принять участие в повторной встрече руководителей России, Грузии и Абхазии, грузинская сторона предложила на ее рассмотрение «Заявление об урегулировании вооруженного конфликта в Абхазии». В этом документе в качестве мер урегулирования предлагалось возвратить под контроль грузинских войск освобожденную абхазскими ополченцами территорию от р. Бзыбь до р. Псоу, а также незамедлительно расформировать и удалить из Абхазии добровольческие отряды. В ответ на это 15 октября пресс-служба Верховного Совета Абхазии заявила, что «основой урегулирования конфликта является вывод грузинских воинских формирований с территории Абхазии с последующим переходом к политическим переговорам»[2]. Было ясно, что восстановить статус-кво дипломатическим путем Грузии не удастся, и в Тбилиси осознавали необходимость решения этого вопроса военным путем, и этот путь оставался единственным, который более или менее мог обеспечить достижение поставленной задачи – завоевание Абхазии. Вся же дипломатическая риторика, раздававшаяся в то время со стороны официальных властей Грузии, была направлена на то, чтобы создать соответствующий благоприятный фон для будущих побед на полях сражений.

Чуть позже В. Ардзинба также отмечал, что Грузия «использует отсрочку, тянет время, чтобы усилить свою военную группировку в Абха-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 301, 302.
[2] Там же. С. 308.

зии». По его словам, «подтягиваемые Госсоветом танки, многочисленная артиллерия, в том числе четыре установки «Град», уже находятся в Зугдиди»[1]. В это время Э. Шеварднадзе был занят созданием новой инфраструктуры грузинского государства, главное место в которой должны были занять единые вооруженные силы. Помимо всего прочего, главе Грузии нужно было позаботиться об укреплении собственной власти, чего можно было добиться только при наличии у всех грузин общего врага. Все это говорило о том, что в проведении повторной встречи по абхазской проблеме формата 3 сентября 1992 г., тем более в достижении на ней каких-либо положительных результатов, Э. Шеварднадзе не был заинтересован, в силу чего она и была сорвана.

2.3. Активизация дипломатий на фоне «окопной войны»

После поражения в Гагре военная риторика в Грузии стала усиливаться, что было вызвано отчасти востребованностью и популярностью реваншистских настроений в грузинском обществе. Именно в это время, наряду с обвинениями в адрес России в поддержке абхазов, в Грузии атрибутом хорошего тона стало выражение уверенности и необходимости сокрушительной победы над Абхазией. Возврат Гагры и война до победного конца, как уже говорилось, стали главными лозунгами предвыборной кампании Э. Шеварднадзе. Стараясь соответствовать велениям времени, 9 октября он убеждал своих избирателей и всех граждан страны в том, что «Грузия не будет ни федеративной, ни конфедеративной, она будет единым национальным государством»[2]. На второй день, 10 октября, Э. Шеварднадзе, уже, наверно, и сам поверив в свою скорую победу, заявил, что война с Абхазией не закончена, а только начинается[3]. Такая риторика была спасительной пилюлей для оскорбленного самолюбия грузинского общества, для которого тезис о «территориальной целостности» Грузии стал навязчивой идеей.

---

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 43, 44.
[2] Там же. С. 276.
[3] Там же. С. 271.

Тем временем 11 октября Президиум Верховного Совета Абхазии принял постановления «О создании Министерства обороны РА», «О Вооруженных силах РА», «О создании Генерального штаба Вооруженных сил РА». Исполняющим обязанности министра обороны был назначен полковник В. Аршба, а начальником Генерального штаба – полковник С. Сосналиев. Новому ведомству было предписано завершить к 18 октября формирование личного состава Вооруженных сил РА[1]. В системе Генерального штаба Министерства обороны в разное время были созданы отделы: оперативный, разведывательный, военно-топографический, военно-мобилизационный, боевой подготовки, военно-исторический и административно-хозяйственная часть[2]. И в тот же день, 11 октября, абхазскими подразделениями была проведена операция –первая Очамчырская операция «Гром», целью которой являлось перехватить стратегическую инициативу у противника на Восточном фронте[3]. Она преследовала также и политические задачи, связанные с попыткой недопущения проведения оккупантами выборов в грузинский парламент. Тогда в боях на окраине города абхазские подразделения потеряли одного убитым и несколько человек ранеными и один БМП-1[4]. В целом операция не привела к каким-либо существенным изменениям ситуации на фронте.

Как уже отмечалось, грузинская авиация безнаказанно бомбила позиции абхазских формирований и варварски сбрасывала тонны смертоносного груза на города и деревни Абхазии, в результате чего погибали и получали увечья ни в чем не повинные мирные граждане: женщины, старики и дети. 11 октября над с. Эшера был сбит первый грузинский самолет СУ-25, что было значительным событием не только для пока еще создававшейся Абхазской армии, но и для всей сражавшейся Абхазии. Самолет был сбит в 15 часов 30 минут по приказу командующего Гумистинским оборонительным рубежом М. Хварцкия, летчик катапультировался и упал в море на расстоянии 3 км 450 м от берега. Об этом событии рассказывает работавший во время войны во-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 286-287.
[2] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 109.
[3] Там же. С. 113.
[4] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008. С. 10.

дителем при пресс-центре Верховного Совета Абхазии А. Квирая. В своей статье он приводит объяснение командующего причин принятого им решения. М. Хварцкия тогда сообщил: «Самолет залетел из северной части Сухума в Верхнюю Эшеру и начал бомбить жилые дома. Бросив одну бомбу, уходил в небо. Потом возвращался. Сбросив более 10 штук, самолет направился на запад, в направлении ресторана, где находился штаб. Я тогда дал команду сбить». Абхазские силы попытались подойти к грузинскому летчику на лодках, но не сумели из-за поднявшегося шторма. А. Квирая рассказывает о дальнейшей судьбе грузинского летчика: «Вдруг Мушни резко взялся за бинокль и говорит: «Три вертолета, грузинские, летят, они ищут летчика». Стал слышен гул моторов. Подлетев ближе, вертолеты стали кружиться над летчиком, а один начал опускаться над ним. Вертолет сбросил лестницу, и по ней начал спускаться человек. Все это мы четко видели. В то время, когда человек с вертолета спускался по лестнице, с берега загремела зенитная стрельба: было выпущено снарядов 5-6. Вертолеты улетели, и человек, что был на лестнице, – с ними. Через 2-3 минуты появился один из вертолетов и вновь стал опускаться над летчиком, но пониже. Вдруг с его борта было произведено четыре одиночных выстрела по летчику. Вертолет быстро улетел. Мушни сразу сказал: «Убили пилота»… Грузия передавала, что абхазы сбили русский самолет. Они еще почти 6 дней по телевизору и по радио передавали, что самолет был русский… На шестой день гагрские морские наблюдатели вытащили убитого летчика, привязанного к спасательной камере, между Пицундой и Гаграй, и со всеми документами. На его теле были четыре смертельных пулевых ранения – точно столько, сколько мы слышали выстрелов. Это был летчик первого класса, который год проходил боевую практику в Израиле, чистый грузин, только фамилии не помню[1]. Его тело потом обменяли на наших убитых. Только после этого грузинские радио и телевидение замолкли»[2].

Тем временем на 19 октября намечалось наступление грузинских войск в направлении Гудауты[3], но оно тогда предпринято не было. Еще

[1] Эти летчиком оказался командующий ВВС Грузии по фамилии Джабуа С. Т.

[2] Квирая А. Легендарный Мушни Хварцкия // http://apsnyteka.org/547-kviraiya_a_legendarny_mushny_khvartskiya.html

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 21-22.

накануне, 18 октября, в Абхазию прибыл Президент КНК Ю. Шанибов, который заявил, что у народов Кавказа «хватит сил, чтобы остановить геноцид, развязанный тбилисским руководством против абхазского народа»[1]. С целью «налаживания контактов с руководством Республики Абхазия и объединения усилий в борьбе с грузинским агрессором»[2] в Гудауту прибыл и министр внешних связей Южной Осетии У. Джичоев. Первый заместитель председателя «Адыгэ Хасэ» Кабарды В. Хатажуков тогда сообщил, что «более 2 тысяч добровольцев готовы в любой момент выехать для оказания помощи абхазскому народу»[3]. Чуть позже Президент МЧА Ю. Калмыков заявил, что если усилия политиков не увенчаются успехом, начнется формирование новых добровольческих отрядов и продолжится оказание необходимой материальной и иной помощи Абхазии[4]. Все это, конечно же, не могло не вызвать протесты в Грузии, но наряду с этим способствовало некоторому отрезвлению слишком воинственных грузинских политиков. Причем бескомпромиссная позиция кавказских народов вызвала опасения и нежелательные отклики не только в Тбилиси, но и в других заинтересованных столицах. Неслучайно тогда некоторые российские СМИ со ссылкой на наблюдателей сообщили, что «поездка Шанибова в Гудауту совпала с некоторым обострением внутриабхазских и абхазо-горских противоречий»[5]. Более того, тогда опять наметилась тенденция к ужесточению гонения на добровольческое движение. Об этом свидетельствует заявление Председателя Парламента КНК Ю. Сосламбекова в адрес Президента Кабардино-Балкарской Республики В. Кокова. В названном документе было сказано: «События последних дней показывают, что в Кабардино-Балкарской Республике идет целенаправленная акция против добровольцев, против активных участников защиты Абхазии. Эти массовые аресты и акции против добровольцев и членов КНК санкционируются Вами. Так, незаконно арестован активный участник войны за свободу Абхазии Сосранов В. У. Он и другие незаконно арестованные подвергаются избие-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 32.
[2] Там же. С. 69.
[3] Там же. С. 77.
[4] Там же. С. 224-231.
[5] Газ. «Демократическая Абхазия», № 13, 12 ноября 1992 г.

ниям и пыткам, у них пытаются выбить показания, компрометирующие КНК и войну за свободу Абхазии. Требуем немедленного прекращения беззакония в отношении добровольцев и освобождения их. В случае невыполнения наших требований мы оставляем за собой право принятия против Вас конкретных мер, как лица, санкционировавшего эти акции, а также ставшего на путь предательства не только братского народа Абхазии, но и собственного народа»[1]. Все это свидетельствовало о возможности задействования заинтересованными сторонами различных рычагов давления на Гудауту, что, в свою очередь, служит показателем обострения и без того углублявшегося военно-политического кризиса в Абхазии и вокруг нее. А все это вело к возрастанию накала вооруженного противостояния, приданию ему нового импульса, вследствие чего спираль войны раскручивалась с еще большей силой.

На фоне этого 20 – 22 октября грузины начали готовиться к очередному наступлению на Гумистинском фронте. От Сухума до Леселидзе курсировали грузинские корабли. К этому времени грузинские войска на время установили твердый контроль над мингрельскими городами – Зугдиди, Хоби, Мартвили и др., а на переговорах с командирами звиадистов министр обороны Китовани и генерал Цкитишвили предложили им «забыть все» и объединиться «в борьбе против врагов Грузии», провести в Мингрелии мобилизацию для похода в Абхазию. Мингрелы на словах согласились, но никакой мобилизации проводить не стали. Так или иначе, тылы грузин хотя бы временно укрепились, и Т. Надарейшвили 22 октября заявил, что в ближайшие дни будет предпринята атака на Эшеру, Гагру, и грузинские войска пройдут победным маршем до реки Псоу, к границе с Российской Федерацией[2]. Тогда же для координированного руководства грузинскими вооруженными формированиями, находящимися на территории Абхазии, в Сухуме был создан Главный штаб под командованием бригадного генерала А. Цкитишвили. Членами штаба стали: Г. Каркарашвили, Г. Хаиндрава, Т. Надарейшвили, Г. Ломинадзе, А. Иоселиани[3].

---

[1] Газ. «Кавказский дом», № 33, ноябрь 1992 г.

[2] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 433.

Между тем министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе, вернувшийся тогда в Тбилиси из Москвы, заявил, что совместная с российскими коллегами работа над документом, предусматривавшим условия поэтапного урегулирования ситуации в Абхазии, шла тяжело. Основным камнем преткновения стали требования, связанные с выводом грузинских военных формирований за пределы Абхазии и вводом туда российских сил в качестве миротворческих. Подобный вариант грузинской стороной был признан неприемлемым. Тогда стороны, не придя к единому мнению, договорились продолжить переговоры в Тбилиси[1].

21 октября в Москве состоялась встреча министра иностранных дел России А. Козырева с председателем Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба. Хотя официальной информации о ее итогах не последовало, наблюдатели полагали, что речь могла идти о подготовке запланированной встречи представителей Грузии, Абхазии и России по урегулированию абхазского конфликта. По окончании встречи В. Ардзинба заявил, что в основе компромисса, на который согласна Гудаута, должно быть выполнение главного условия - вывод всех вооруженных сил Грузии с территории Абхазии. По мнению абхазской стороны, Тбилиси, заинтересованный в силовом решении конфликта, оттягивал время, чтобы усилить свою военную группировку в Абхазии. Ардзинба также сообщил, что он является сторонником многосторонних переговоров противоборствующих сторон с участием России и республик Северного Кавказа[2]. Судя по всему, тогда А. Козырев действительно был настроен организовать трехстороннюю встречу, поскольку после переговоров с В. Ардзинба, 23 октября, собирался в Тбилиси, а 24 октября – в Гудауту[3]. Однако его визит в Тбилиси был отложен на неопределенный срок, которому предшествовал телефонный разговор А. Козырева и А. Чикваидзе, в ходе которого стороны пришли к выводу о доработке некоторых вопросов будущих переговоров в созданных для этого комиссиях[4]. Министр иностранных дел

[1] «Независимая газета», № 204... С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-oktyabrya-1992-goda

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 15, 22 октября 1992 г.

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 106.

[4] Там же. С. 108.

Грузии отверг предположения о том, что перенос визита мог быть связан с московской встречей А. Козырева с В. Ардзинба. Однако добавил, что тенденцию российской стороны к посреднической деятельности подобного рода можно рассматривать как отход от ее прежних позиций[1].

Не исключено, что срыву визита Козырева в Тбилиси посодействовала и попытка высадки грузинского морского десанта в районе Гудауты, предпринятая 23 октября[2]. Она была отбита абхазами, но сам факт ее проведения на фоне проводившихся согласований и переговоров мог быть воспринят в Москве неодобрительно. А может быть, и это, скорее всего, так, Грузия сорвала названные переговоры сознательно, т. к. причины, по которым она проигнорировала повторную встречу 13 октября, не были устранены. Видимо, не мог остаться незамеченным и тот факт, что за два дня до названной встречи А. Козырева и В. Ардзинба жертвами вооруженного нападения грузинских венных стали два российских десантника, проходивших службу в Сухуме. В день переговоров, 21 октября, во время обстрела грузинской стороной из установки «Град» с. Эшера два снаряда попали в здание военного санатория Министерства обороны России. Тем временем, по оценкам наблюдателей, после переноса срока визита министра иностранных дел России А. Козырева в Тбилиси шансы на политическое урегулирование абхазского конфликта становились еще более призрачными. Однако глава грузинского МИД А. Чикваидзе сделал тогда ободряющее заявление: «Встреча не отменяется, а откладывается. В Москве продолжает заседать совместная рабочая группа, цель которой – сделать все для сближения позиций сторон». В политических кругах Грузии пытались связать отказ от визита с ситуацией в российском парламенте, однако Чикваидзе отмел эти предположения, заметив, что позиция России в абхазском конфликте выглядит пока расплывчато. Он довольно дипломатично отметил: «Мы хотели бы, чтобы Россия сохраняла равноправный статус в переговорном процессе, и не собираемся весь спектр грузино-рос-

[1] «Независимая газета», № 206... С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-24-oktyabrya-1992-goda

[2] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир, 2009. С. 279.

сийских отношений связывать с конфликтом в Абхазии, ибо на деле он значительно шире»[1].

22 октября заместитель Председателя ВС Абхазии А. Тополян на пресс-конференции в Москве заявил, что абхазские лидеры готовы приступить к переговорам с руководством Грузии только после полного вывода из Абхазии грузинских войск[2]. Тем временем сами грузинские войска готовились не к уходу из Абхазии, а, напротив, к расширению подконтрольной им территории. 25 октября в интервью грузинскому телевидению Т. Надарейшвили в очередной раз заявил, что в ближайшее время грузинская сторона вернет Гагру. Действительно, тогда в этом направлении было сосредоточено несколько десятков танков Т-72, реактивных систем залпового огня «Град» и 10 тыс. солдат. При этом из бывших офицеров Советской армии – «отличных профессионалов» – было создано 2 батальона, которых намеревались задействовать в предстоявшей операции по возвращению Гагры[3]. Ко всему этому, 26-27 октября из Поти в Сухум было переброшено до 50 танков Т-62[4]. Э. Шеварднадзе, видимо, при всем этом все же продолжал рассчитывать и на российские войска, и в радиовыступлении 26 октября он заявил, что в интересах Грузии, чтобы они оставались на ее территории[5].

Все это свидетельствует о справедливости заявления В. Ардзинба о том, что если не удастся отстоять «свою государственность», то «нас постигнет не поражение, а уничтожение»[6]. Это было сказано 26 октября в Обращении абхазского лидера к съезду кабардинского народа, в котором также выражалась уверенность в невозможности разорвать «абхазо-адыгское единство». Примерно в то же время в Черкесске состоялся совместный конгресс МЧА и МААН, в котором приняли участие делегации из Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Краснодарского и Ставропольского краев, Абхазии, Турции, Сирии, Иордании, Западной

---

[1] «Независимая газета», № 208... С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-oktyabrya-1992-goda?page=0,1

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 16, 23 октября 1992 г.

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 19, 27 октября 1992 г.

[4] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир, 2009. С. 279.

[5] Газ. «Коммерсантъ», № 19, 27 октября 1992 г.

[6] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 236.

Европы, Америки. Конгресс принял резолюцию, в которой подвергалась критике позиция российских и международных организаций, осуждавших действия МЧА и КНК в поддержку справедливой борьбы Абхазии[1].

26 октября абхазскими бойцами было предпринято наступление по освобождению г. Очамчыра – вторая Очамчырская операция. По плану этой операции предполагалось высадить морской десант из Гудауты. Но из-за шторма высадка морского десанта сорвалась, а подразделения Восточного фронта, задействованные в операции, потеряли связь между собой. В результате, несмотря на беспримерный героизм отдельных подразделений, город, фактически уже освобожденный, пришлось оставить, и абхазские формирования вынуждены были отступить, при этом понеся значительные потери – погибло 29 бойцов[2]. В. Пачулия, давая оценку этой операции, справедливо отмечает, что, несмотря на то, что она закончилась неудачно и трагически, «ввела противника в сильное замешательство, посеяла панику в его рядах»[3]. Считаю также уместным и полезным привести некоторые мысли об этой операции ее участника, талантливого ученого и бесстрашного воина, Героя Абхазии В. Бганба. Он, анализируя названную попытку абхазских сил, писал: «С точки зрения стратегии и тактики войны, Очамчырскую операцию вряд ли можно назвать неразумной, а ее итог – безрезультативным или поражением для нашей стороны. Фактор влияния этой операции не ограничивается кратким временем ее продолжительности; она наложила глубокий отпечаток на весь ход войны, став одной из важнейших слагаемых, предопределивших ее исход. Так, если Гагрская операция открыла нам «дорогу жизни», то Очамчырская операция, если и не перекрыла «артерию жизни» оккупационных сил, то, по крайней мере, продемонстрировала им, что это всегда возможно, что если востребована будет ситуация, которую принято называть ситуацией здесь и теперь (hic et nuns), ее можно будет осуществить. Как мне представляется, в том, что ожесточенное сопротивление оккупационных сил нашим войскам после освобождения г. Сухума сменилось поспешным отходом за Ингур,

[1] Этлухов О. Зов крови. М., 2003. С. 167.
[2] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. I. Аҟәа, 2005. Ад. 156.
[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 117.

во многом мы обязаны именно Очамчырской операции. Немаловажен и человеческий фактор. Ночь с 25 на 26 октября оказала существенное влияние на умонастроения как освободителей Родины, так и оккупантов, разного характера влияния, разумеется… Очамчырская операция окончательно смыла с лица оккупантов остатки белозубой улыбки победителя, все еще остававшейся после Гагрской операции»[1]. Судя по всему, удар действительно был чувствительным, и через два дня, 28 октября, в район Очамчиры грузинскими силами было перевезено несколько танков, гаубиц и боеприпасы[2].

Уже в 2002 г. Т. Китовани о названом штурме Очамчиры поведал следующее: «Из Тамыша разорвали и вошли туда, это Лебедь вошел тогда. Я вам говорю. Лебедь вошел туда. Люди Лебедя вошли туда. Не тамышские это. Я вам говорю. Лебедь сделал такое заявление. Я даже удивился, потом мы выгнали его оттуда» [3]. Эта довольно сложная для понимания речь свидетельствует о том, что Т. Китовани, судя по всему, из-за прошедшего времени о многом уже не имел четкого представления. Упоминание Тамыша в контексте с Очамчирской операцией свидетельствует о том, что экс-министр перепутал ее с Тамышским десантом, до которого в рассматриваемое время было далеко и в прямом, и в переносном смыслах. А упоминание Лебедя в контексте с выражением «мы выгнали его оттуда» – является чистой воды бравадой, без которой не обходится большая часть рассказов о войне. Для пущей верности и чтобы все стало на свои места, повторюсь, что «нигде так не врут, как на войне и на охоте». Таким образом, значимость приведенного свидетельства Т. Китовани как источника по интересующей нас теме нивелируется. Проигнорировать данное свидетельство можно было бы без ущерба для правдивого изложения, но с чисто научной точки зрения было бы не совсем верно.

Тогда, во второй половине октября, в Грузии было создано Министерство по делам Абхазии, министр которого Г. Хаиндрава пояснил,

---

[1] Ходжаа Р. Абхазия. Отечественная война. Батальоны идут на штурм. 1992-1993 гг. Ч. I. Сухум, 2006. С. 403-404.

[2] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир, 2009. С. 279.

[3] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

что учреждение его должности было вызвано «исключительно сложной ситуацией, которая сложилась в республике». Далее он разъяснил: «Моя роль заключается в координации взаимодействия Тбилиси и Сухуми. Кроме того, я предпринимаю усилия для урегулирования остроугольных ситуаций нашей действительности. Военным путем никакая ситуация разрешиться не может. Рано или поздно все войны кончались переговорами». Для того чтобы достичь провозглашенное, он считал необходимым, в первую очередь, «устранить вмешательство реакционной части политических кругов и генералитета России в дела суверенной Республики Грузия». При этом Г. Хаиндрава подчеркнул, что «мы никоим образом не имеем в виду президента Б. Ельцина и демократические круги России»[1]. Сама Россия продолжала выполнять посреднические функции. В рамках этого процесса 30 октября Председатель Совета национальностей ВС РФ Р. Абдулатипов в телеграмме на имя В. Ардзинба в качестве пути решения конфликта предложил подписание соглашения о разграничении полномочий (федеративный договор) между Грузией – с одной стороны, и Абхазией, а также Южной Осетией – с другой[2]. В ответной телеграмме руководитель Абхазии, выразив «глубокую признательность» за желание содействовать политическому урегулированию проблемы Абхазии, отметил, что «грузинское руководство избрало другой путь и продолжает придерживаться силовых методов решения этого вопроса»[3]. Названное обращение не имело каких-либо заметных последствий. Российское руководство затем больше не предлагало решать проблемы взаимоотношений Абхазии и Грузии в вышеозначенном формате. Видимо, к тому времени даже в Москве стало заметно, что таким путем приблизить конец войны в Абхазии вряд ли возможно. За день до обращения Р. Абдулатипова к В. Ардзинба, 29 октября в интервью газете «Красная звезда» министр обороны Грузии Т. Китовани сказал, что «абхазы больше не будут иметь автономии». Это заявление тогда не было опровергнуто правительством Грузии, что было рас-

[1] «Независимая газета», № 210... С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-oktyabrya-1992-goda

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 238.

[3] Там же. С. 239.

ценено пресс-службой Верховного Совета Абхазии свидетельством стремления тбилисского руководства «сделать бессмысленными любые попытки достижения прекращения огня и установления мира в Абхазии»[1]. Правда, чуть позже Э. Шеварднадзе заявил, что это личное мнение Т. Китовани, которое тот высказывал неоднократно[2]. Однако это не могло оказать воздействие на позицию Абхазии. 30 октября, еще до появления названной реакции Шеварднадзе, Президиум ВС РА заявил, что «государственность абхазского народа не может зависеть от политических руководителей Грузии и будет надежно защищена от любых посягательств»[3].

31 октября министр внутренних дел Грузии Р. Гвенцадзе, министр Грузии по делам Абхазии Г. Хаиндрава и министр внутренних дел оккупационного режима в Сухуме Г. Ломинадзе провели в Мегрелии переговоры с лидерами вооруженных формирований сторонников З. Гамсахурдиа. А затем, прибыв в Сухум, в тот же день Г. Хаиндрава и командующий вооруженными формированиями звиадистов полковник Л. Кобалия в СМИ призвали сторонников З. Гамсахурдиа и Э. Шеварднадзе объединиться «в целях защиты родины»[4]. Более того, Л. Кобалия и председатель Всегрузинского национального движения «Чкондидели» В. Габелия тогда заявили, что если население и территориальная целостность Грузии будут подвергаться опасности, «придется встать на защиту мирного населения и единства Грузии»[5]. Тогда же СМИ сообщили, что отряды сторонников экс-президента Гамсахурдиа окончательно перешли на сторону правительственных войск, и их руководители В. и Д. Кобалия вместе со своими людьми и оружием уже прибыли в Сухум и Очамчиру[6].

Между тем, 3-4 ноября 1992 г. подразделения Абхазской армии в районе н. п. Двуречья провели разведку боем, получившем название Первой Шромской операции (наступление развивалось в направлении

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 117, 118.

[2] Газ. «Известия», № 240... С. 1,2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-noyabrya-1992-goda

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 237.

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 171-172.

[5] Газ. «Демократическая Абхазия», № 13, 12 ноября 1992 г.

[6] Газ. «Известия», № 240... С. 1,2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-noyabrya-1992-goda

с. Шрома). В ходе нее был преодолен первый рубеж обороны грузинских сил, но продвинуться дальше не удалось, и абхазские подразделения, принимавшие участие в данной операции, вынуждены были с боями отходить на исходные позиции. Итогами семичасового непрерывного боя стали: потери с абхазской стороны – погибли и пропали без вести 18 человек, попали в плен двое, были ранены 61 человек и было потеряно 4 БМП; потери с грузинской стороны – до 50 человек убитых, ранено – 150, а также был подбит 1 танк и 2 БМП[1]. Командир резервного полка во время войны Г. Допуа писал о том, что проведение Первой Шромской и Первой Очамчирской операций было «неожиданно и очень болезненно для противника, который, несмотря на колоссальное преимущество в вооружении и личном составе, впервые осознал свою уязвимость». Далее он продолжает: «Нельзя утверждать, что эти операции были неудачными или провальными. В результате этих операций противник был психологически подвален, миф о его неуязвимости был разрушен, нашими командирами и бойцами были приобретены боевой опыт и навыки. В этих операциях, которые стали прелюдией к завершающему разгрому войск Госсовета в сентябре 1993 г., были также отработаны взаимодействия по отвлечению сил и средств противника с Восточного фронта – и наоборот»[2].

Названная боевая операция, безусловно, не могла не привести к еще большему нагнетанию напряженности и отдалению переговоров между сторонами. Однако на фоне Шромской операции 4 ноября совместная чечено-грузинская делегация прибыла в Сухум, а 5 ноября – в Гудауту, где состоялась встреча с представителями Абхазии и КНК. На ней была достигнута договоренность о продолжении консультаций по подготовке переговоров и урегулировании конфликта политическим путем[3]. Позже, 12 ноября, грузино-абхазская делегация с ответным визитом побывала в Чеченской республике и имела встречу с Дудаевым[4]. Эта миссия ни к чему не привела и не могла привести, ибо интересы ее участников были слишком разноплановы. Между тем, по сообще-

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 120.
[2] Допуа Г. Х. И дольше века длился год // Честь дороже жизни. Сухум, 2012. С. 90.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 188.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 121.

нию грузинской оккупационной прессы, в Сухуме многие также сомневались в их целесообразности. Одни считали, что нет необходимости решать эти вопросы при посредничестве Л. Кобалия, З. Гамсахурдиа, Д. Дудаева, полагая, что Парламент Грузии и Э. Шеварднадзе сами должны решить проблему с Абхазией. Было и такое мнение, что путем таких переговоров и встреч абхазская сторона только затягивает время и одновременно накапливает силы для «взятия под свой контроль Сухума и тех городов и районов Абхазии, которые контролировались грузинскими войсками[1].

Было похоже, что в оккупированном Сухуме старались все переложить с «больной головы на здоровую», т. к. именно там всякие переговоры и перемирие использовались для дальнейшего наращивания вооружений в зоне боевых действий. В Грузии вошло в привычку разговаривать с Абхазией только на языке угроз и ультиматумов. В 24.00 9 ноября истек срок очередного ультиматума грузинских властей с требованием к абхазам прекратить сопротивление. Такой способ общения с абхазской стороной к тому времени уже стал привычным явлением, но новым в этом заявлении являлось то, что ультиматум предъявлялся и командованию дислоцированных в Абхазии российских войск. Тогда же командование Вооруженных сил Грузии предупредило, что в случае невыполнения условий ультиматума российским военнослужащим лучше срочно вывезти свои семьи из зоны конфликта[2]. Видимо, с истечением срока ультиматума было связано то, что, выступая 9 ноября с радиообращением, Э. Шеварднадзе заявил, что «главная задача сейчас – достойно завершить войну в Абхазии». По его словам, «определенные шаги в этом направлении уже предприняты». Видимо, одним из таковых и был приказ министра обороны Грузии Т. Китовани об объявлении с 9 ноября в Вооруженных силах республики полной боевой готовности, что было «вызвано осложнением обстановки в Абхазии и Мингрелии». Войска переводились на казарменное положение, а находившиеся в отпусках военнослужащие обязаны были немедленно вернуться в места дислоцирования своих частей[3].

[1] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 146.
[2] Там же. С. 147.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 31, 10 ноября 1992 г.

На второй день, 10 ноября, Президент МЧА Ю. Калмыков выступил с заявлением, в котором говорилось: «В Грузии объявлено о всеобщей воинской мобилизации, оттуда постоянно раздаются угрозы военного разрешения конфликта в Абхазии... В связи с этим Международная Черкесская Ассоциация заявляет о полной поддержке правого дела абхазского народа и выражает сожаление по поводу того, что Грузия в решении абхазской проблемы по-прежнему делает ставку на силу. Это – бесперспективное дело. Международная Черкесская Ассоциация считает нужным предупредить, что в случае повторной эскалации военных действий Грузии против Абхазии она будет вынуждена вновь объявить о формировании добровольческих отрядов, и окажет братскому абхазскому народу всю необходимую ему помощь. Грузинскому руководству следовало бы, наконец, понять, что адыгские и другие народы Кавказа, все, кому дороги принципы чести, свободы и справедливости, не оставят Абхазию в беде, и что единственное средство решения этой затянувшейся проблемы – в политическом ее урегулировании»[1]. Что касается добровольческого движения в поддержку Абхазии, то оно продолжало набирать обороты. В Гудауте тогда был создан Оперативный штаб КНК, а 25 ноября вышел первый номер газеты «Конфедерация»[2].

Тем временем приказ Т. Китовани, скорее всего, был направлен, в первую очередь, на решение внутренних военно-политических проблем Грузии. Тогда же в очередной раз осложнились отношения Тбилиси со сторонниками З. Гамсахурдиа. Это, наверное, для официальных грузинских властей стало некоторой неожиданностью, т. к. только несколько дней назад Кобалия клялся в готовности защищать «территориальную целостность» Грузии от абхазов. Несмотря на это, уже 8 ноября тот же В. Кобалия заявил, что «в этой войне мы не будем принимать участие, однако будем участвовать в урегулировании конфликта мирными политическими средствами, а также в создании гарантий для защиты и неприкосновенности мирного населения, как грузинского, так и абхазского»[3]. Это, безусловно, шло вразрез с интересами официального Тбилиси, и поэтому ему необходимо было предпринять шаги

[1] http://archivesjournal.ru/?p=3674

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 50.

[3] Газ. «Республика Абхазия», 7-8 ноября 1992 г.

для обуздания брожения умов в собственном стане. Видимо, с этой целью тогда Э. Шеварднадзе заявил о необходимости «достойно завершить войну в Абхазии»[1], которая к тому времени причинила Грузии материальный ущерб в размере 2 млрд. рублей[2]. Первым шагам властей Грузии на пути к озвученной цели стало рассмотрение 9 ноября военно-полевым судом в Тбилиси дела гражданина Грузии Хачиришвили, который был обвинен в измене Родины и приговорен к расстрелу[3], а уже 14 ноября в Сухуме военно-полевой суд признал гражданина России В. Гладких виновным в совершении диверсии против Грузии и также приговорил его к расстрелу[4]. Оба приговора были приведены в исполнение. 15 ноября в «Новостях» также сообщили, что среди грузинского воинства усиливается дезертирство, есть случай угона самолета дезертирами, свирепствуют военно-полевые суды против них[5]. Тогда же Совет национальной безопасности и обороны Грузии принял Постановление, согласно которому МВД и МО Грузии было поручено «принять меры для пресечения неправомерных действий незаконных вооруженных формирований, а также изъятия у дезертиров и лиц, самовольно покинувших поле боя, огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и другого воинского снаряжения»[6]. Чуть раньше, 5 ноября, в Абхазии под руководством полковника З. Учадзе был создан штаб[7] по борьбе с преступностью и дезертирством.

Тем временем 11 ноября, в третий раз с момента вторжения грузинских войск в Абхазию, Э. Шеварднадзе побывал в Сухуме. На этот раз он приехал сюда по поручению парламента, который в ближайшие дни был намерен обсудить положение в Абхазии. По результатам поездки глава Грузии собирался представить доклад парламенту. В ходе визита Э. Шеварднадзе ознакомился с военной ситуацией в Абхазии, а также встретился с местным хозяйственным активом и представителями

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 213.

[2] Там же. С. 172.

[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 13, 12 ноября 1992 г.

[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.

[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 125.

[6] Газ. «Демократическая Абхазия», № 14, 19 ноября 1992 г.

[7] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 106-107.

общественности и с командованием грузинских войск, находившихся в Сухуме. Он провел беседу с государственным министром Грузии по делам Абхазии Г. Хаиндрава и Д. Иоселиани. Вечером того же дня глава Грузии возвратился в Тбилиси[1].

17 ноября на закрытом заседании парламент Грузии приступил к обсуждению положения в Абхазии. На нем выступил Э. Шеварднадзе, который, обвинив абхазов в этноциде и этнической чистке, перешел к критике Верховного Совета России, который, по его мнению, был виновен в срыве выполнения положений Итогового документа от 3 сентября. Но добавил, что «если военный успех политики силы возможен, то при любых условиях и обстоятельствах он будет адекватен поражению». Причем, по Э. Шеварднадзе, это было бы поражением «в первую очередь – для абхазского народа, чьи малые жизненные и материальные ресурсы катастрофически истощаются на войне», поэтому он выдвинул требование – «отвести стороны на позиции, которые они занимали до 2 октября»[2]. Другими словами, абхазам предлагалось вернуть Гагру и всю освобожденную часть Абхазии в обмен на избежание «катастрофы». Э. Шеварднадзе в своей речи также отметил, что в абхазском руководстве нет единства: часть его выступает за мирное решение проблемы и за сохранение Абхазии в составе Грузии, а другую часть он назвал «непримиримыми». К последним, по его словам, относилась та часть руководства Абхазии, которая наиболее близка к В. Ардзинба[3].

России досталось также и накануне от Шеварднадзе, который в еженедельном радиообращении заявил: «Россия должна серьезно задуматься над процессами, которые происходят на Кавказе, особенно на Северном Кавказе. Я считаю, что российское руководство не справилось с локализацией процессов, которые осуществляются под эгидой Конфедерации народов Кавказа»[4]. Намек был ясен. За несколько дней до этого, 12 ноября, в Парламенте Грузии министр по делам Абхазии Г. Хаиндрава заявил: «Последние несколько дней на сухумском направлении военных действий имели место факты прямой агрессии

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 33, 12 ноября 1992 г.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 38, 18 ноября 1992 г.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 37, 17 ноября 1992 г.

российских войск против частей грузинской армии. У нас имеются документальные свидетельства о том, что в операции против нас принимают участие российские офицеры и военнослужащие»[1]. Кстати, в том же выступлении Г. Хаиндрава оговорился, что «демократические круги России и мировая общественность поддерживают» Грузию.

Тем временем в тот же день, 17 ноября, когда парламент Грузии рассматривал ситуацию в Абхазии, ее Министерство обороны «во избежание невинных жертв» обратилось к населению г. Сухума «покинуть его пределы»[2]. Это было вызвано тем, что к рассматриваемому времени грузинская сторона все чаще стала наносить артиллерийские удары по жилым объектам в селе Эшера и г. Новый Афон. При этом правительственные войска Грузии располагали свои огневые средства в Сухуме непосредственно в жилых кварталах, возле учреждений здравоохранения и других объектов с массовым скоплением людей. В связи с этим Министерство обороны Абхазии было «вынуждено принять адекватные меры». В то же время «Независимая газета» со ссылкой на пресс-центр ВС Абхазии сообщила, что вечером 17 ноября состоялся обмен военнопленными, и грузинская сторона освободила 24 пленных и представителей мирного населения[3]. А «Известия» сообщили, что 18 ноября на военном аэродроме в Бамборе состоялся обмен грузинских и абхазских военнопленных. Пассажирским самолетом из Сухума в Гудауту грузинская сторона доставила 10 абхазских военнопленных, среди них один гражданин Сирии, абхаз по происхождению. Абхазская сторона передала грузинской стороне 31 грузинского пленного, которые тем же самолетом были доставлены в Сухум[4].

На трехсторонней встрече в Гудауте 19 ноября с участием представителей России, Абхазии и Грузии было достигнуто Соглашение о временном прекращении огня на период с 20 по 29 ноября 1992 г. для эвакуации из Сухума 903-го ОРТЦ и 51-го дорожного депо[5]. В грузинских военных и политических кругах его комментировали по-разному.

---

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 14, 19 ноября 1992 г.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 6.
[3] Там же. С. 16.
[4] Там же. С. 8
[5] Газ. «Республика Абхазия», № 171, 22 ноября 1992 г.

Одни полагали, что оно, как и сентябрьско-октябрьские соглашения, не будет соблюдаться. Другие же считали его шагом к достижению мира в Абхазии. Третьи говорили, что данное соглашение слишком локальное и временное, т. к. оно не распространяется на другие районы и города Абхазии. А некоторые же вообще выступали против подобных соглашений, т. к., по их мнению, «они пускали пыль в глаза» и ждали от грузинской стороны более радикальных мер, которые привели бы к окончанию войны с Абхазией[1]. Впрочем, сама Грузия не стремилась к соблюдению заключенного соглашения и систематически его нарушала, предпринимала действия по затягиванию сроков эвакуации из Сухума российской воинской части и с этой целью не допускала к причалу российский корабль, прибывший для вывоза военного снаряжения[2]. В связи с этим Министерство обороны Абхазии 22 и 25 ноября вынуждено было выступить с протестами и заявить, что эти действия «носят провокационный характер и никак не способствуют созданию необходимых условий для политического урегулирования конфликта, как это предусмотрено условиями соглашения»[3].

Более того, грузинская сторона продолжала перебрасывать живую силу и боевую технику в район военных действий и открыто заявляла о намерении предпринять массированное наступление на г. Ткуарчал[4]. Бои на этом направлении не прекращались, и наступательные действия грузинских сил здесь становились все настойчивее и настойчивее. ГКО и Минобороны Абхазии стремились по возможности уделять необходимое внимание формированию Восточного фронта и военно-политической обстановке в блокированной Восточной Абхазии. 21 ноября был издан приказ министра обороны «О мобилизационной работе в Очамчирско-Ткварчальском регионе». В приказе указывалось на недостатки в военно-мобилизационной работе, в частности, на то, что не велось обучение венному делу лиц призывного возраста, на отсутствие пунктов мобилизации, учебных баз и полигонов. Приказ предусматривал развернуть сеть мобилизационных пунктов и назначение от-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 51, 52.
[3] Там же. С. 51, 52.
[4] Там же. С. 29.

ветственного за эту работу[1]. Ответственность за выполнение этого приказа возлагалась на командующего Восточным фронтом Д. Пилия. Для оказания содействия Восточному фронту туда из Гудауты в качестве представителя Генерального штаба был командирован организатор и первый командующий Гумистинским фронтом М. Хварцкия. Вместе с тем, с целью упорядочения и контроля за передвижением между Гудаутой и Восточной Абхазией и обеспечения необходимой дисциплины в условиях военного времени 29 ноября министр обороны издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Считать дезертирством и запретить оставление боевых позиций с целью вылета на Ткварчельском направлении без приказа или согласования в Министерстве обороны под любым предлогом»[2].

Газета «Красная звезда», размышляя о дальнейших путях развития событий, тогда прогнозировала продолжение позиционного противостояния. По ее мнению, в рассматриваемое время ни одна из сторон, как бы ни хотела, не была в состоянии реализовать свои цели военными методами. И это обстоятельство, на взгляд аналитиков газеты, в политическом плане – «самый благоприятный момент для ведения переговоров, поиска компромиссов, остановки кровопролития»[3]. Абхазский вопрос также был в центре внимания заседания грузинского Парламента 26 ноября. На нем Г. Хаиндрава разделил общую ситуацию в Абхазии на два направления – военную и политическую. Министр докладывал: «О военной стороне могу сказать, что по соглашению сторон боевые действия ныне приостановлены. Это вызвано необходимостью обеспечения вывода российских войск из Абхазии, чтобы этот процесс не повлек за собой каких-либо эксцессов. Тем более, наши взаимоотношения с находящимися там российскими военными довольно напряженные. Соглашение о прекращении боевых действий не касается ткварчельского направления, где систематически ведутся бои. Инициативой в этом регионе владеет грузинская сторона. Что касается политической обстановки, она по-прежнему довольно осложненная. Дело в том, что, к сожалению, у обеих сторон – у абхазцев и у грузин – есть

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 123.
[2] Там же.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 48, 49.

такие силы, которые отрицают дальнейшую возможность сосуществования обоих народов на этой территории и полагают, что проблема должна быть урегулирована с использованием оружия»[1]. Парламент Грузии на этом заседании продлил полномочия государственного министра по Абхазии.

Тогда же, 26 ноября, Президиум Верховного Совета Абхазии обратился к съезду народных депутатов РФ, Президенту России, Председателю ВС РФ, Президенту США, Генеральной Ассамблее ООН с просьбой принять меры «для объективного изучения сложившейся ситуации и принятия мер по пресечению агрессии против Абхазии, преступлений против человечности, массовых нарушений прав человека»[2].

26 ноября Совет обороны и национальной обороны Грузии принял решение о проведении специальной военной операции по освобождению железнодорожного и автомобильного сообщения между Тбилиси и Сухумом под кодовым названием «Магистраль»[3]. Однако 29-30 ноября при участии спецподразделений из Гудауты на Восточном фронте абхазской стороной была проведена наступательная операция, в ходе которой 30 ноября с. Кочара было освобождено и тем самым выровнена линия фронта[4]. Судя по всему, это был чувствительный удар по грузинским военным формированиям. В тот же день, 30 ноября, в Тбилиси состоялось заседание Совета безопасности и обороны, на котором рассматривался вопрос об обстановке в Очамчирском районе. Было решено создать корпус, объединяющий все вооруженные формирования, находившийся в названном районе под командованием генерала П. Датуашвили[5]. Начав заседание 1 декабря с обсуждения кандидатур на министерские посты, Парламент Грузии отложил формирование правительства и принял постановление о введении военного положения в Сухумском и Очамчирском районах Абхазии[6]. Чуть ранее было принято решение о том, что пока не будет обсуждаться кандидатура на должность министра обороны Грузии – пост, который тогда занимал Т. Ки-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», №17, 2 декабря 1992 г.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 255.
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 433.
[4] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 120.
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 50, 2 декабря 1992 г.
[6] Там же.

товани. Это было вызвано тем, что Грузия находилась в состоянии войны, и было решено, что структуры Министерства обороны на этот период останутся прежними[1]. Г. Ломинадзе заявил на пресс-конференции в Тбилиси, что во вторник из столицы Грузии в Очамчиру для защиты города от абхазских формирований направились 700 бойцов при полном вооружении[2]. 2 декабря Хаиндрава заявил, что село Кочара не взято абхазами, а сдано им грузинами из-за создавшейся там паники[3].

Еще 1 декабря на заседании Парламента Грузии А. Маршания внесла вопрос «О положении Временной комиссии по делам Абхазии», который «вызвал интерес». Однако вследствие разногласий представленный законопроект после первого слушания был возвращен в комиссию по делам Абхазии, юридическую и редакционную комиссии[4]. Именно в эти дни, 1 и 2 декабря, в газете «Свободная Грузия» был опубликован проект государственно-правового устройства Абхазии в составе Грузии. Авторами проекта выступили депутаты фракции «Демократическая Абхазия» Н. Месхия, Д. Гамахария, К. Джачвилиани и А. Гасвиани. Как с горечью сообщает один из авторов, «это предложение никто и не рассматривал»[5]. Думается, тут вопрос не только и не столько в том, что он был опубликован в неудачное время, которое могло повлиять на реакцию на названный документ; здесь причина, скорее всего, в нежелании Грузии вовсе что-либо обсуждать с абхазской стороной.

1 декабря открылся VII съезд российских депутатов, который также не мог не коснуться обстановки в Абхазии. У съезда было много своих проблем, и поэтому обсуждение ситуации в Абхазии было предусмотрено ближе к его завершению. Тем временем инициативу решило взять в свои руки правительство РФ, которое 2 декабря обратилось к руководству Грузии и Абхазии с призывом немедленно и безоговорочно прекратить огонь, развести вооруженные формирования и перейти к «охладительному» периоду[6]. Россия также выразила готовность

[1] Газ. «Независимая газета», № 233… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-dekabrya-1992-goda

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 51, 3 декабря 1992 г.

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 134.

[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 18, 9 декабря 1992 г.

[5] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 204.

[6] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 257.

играть роль посредника в споре между грузинской и абхазской сторонами, способствовать переговорам между ними на любом уровне и в любое время, а также принять участие в миротворческих силах[1].

В ответном послании абхазская сторона, расценив инициативу российского правительства весьма полезной, заявила, что мирные переговоры могут быть начаты только после вывода грузинских войск из Абхазии[2]. Ответом же грузинской стороны стала нота протеста министра иностранных дел А. Чикваидзе, предъявленная 5 декабря послу России В. Земскому по поводу «враждебных действий дислоцированных в Абхазии российских войск против Республики Грузия»[3]. От тбилисских политиков стремился не отставать и их сухумский марионетка Т. Надарейшвили, который также 5 декабря сообщил о бомбардировке Сухума и Очамчыры российскими самолетами. Но при этом, видимо, для экзотики и местного колорита, он добавил, что «эта бомбардировка является прямым свидетельством преступной активности В. Ардзинба, который, по имеющимся сведениям, находясь в Москве, встретился с представителями военно-промышленного комплекса, с вице-президентом РФ и вернулся в Гудауту с новыми надеждами на успех своих деструктивных действий»[4].

Тем временем, сам глава Абхазии, обвиняемый в «преступной активности», был занят решением других задач. 4 декабря 1992 г. в г. Гудауте под его председательством состоялась сессия Верховного Совета, на которой были приняты постановления «О досрочном прекращении полномочий депутатов Т. В. Надарейшвили, Е. А. Гвазава, В. Г. Колбая, О. Г. Зухбая»; «О досрочном прекращении полномочий депутата М. А. Джинчаридзе»; «Об избрании заместителя Председателя Верховного Совета Республики Абхазия»; «Об установлении высшей степени отличия – звания Героя Абхазии» и Положение и описание медали Герой Абхазии; «Об учреждении ордена Леона» и Положение и описание ордена Леона; «Об учреждении медали «За отвагу» и Положение и описание медали «За отвагу»; «Об учреждении медали «За победу», и положение

[1] Газ. «Известия», № 262… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-3-dekabrya-1992-goda

[2] Газ. «Республика Абхазия», № 175, 6 декабря 1992 г.

[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 20, 18 декабря 1992 г.

[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 18, 9 декабря 1992 г.

и описание медали «За победу»; «О структуре Верховного Совета Республики Абхазия»; «О структуре исполнительной власти в Республике Абхазия в условиях военного положения»; «Об освобождении Аргун М. М. от должности Председателя Верховного Суда Республики Абхазия»; «О назначении Председателя Верховного Суда Республики Абхазия»; «О назначении полномочного представителя Республики Абхазия по Ткуарчальскому, Очамчырскому и Гальскому районам»; «О назначении заместителя Председателя Совета Министров Республики Абхазия»; «О восстановлении некоторых исконных названий населенных пунктов Республики Абхазия»; «О создании парламентской комиссии по расследованию преступлений против человечности и массовых нарушений прав человека в ходе войны с Грузией»; «О Комитете Общества Красного Креста и Красного Полумесяца Республики Абхазия»; «О введении в действие Закона Республики Абхазия». Сессия также своим Постановлением утвердила 10 Указов и постановлений Президиума Верховного Совета Республики Абхазия, принятых ранее[1].

Тем временем в грузинском обществе тезис о войне до победного конца продолжал пользоваться популярностью. В силу этого обстоятельства в ответ на предложение России о прекращении войны и требования Абхазии вывести грузинские войска, в Грузии в начале декабря была поднята очередная более громкая волна милитаристской риторики о «достойном завершении войны». Новый виток воинственности начался с того, что 1 декабря Э. Шеварднадзе заявил: «Если война, то должна быть война... Все должны понять, что это грузинская земля, и здесь будут те порядки, которые установит грузинское государство»[2]. 2 декабря он же воскликнул: «Они хотели войны, и они ее получат!»[3]. Вообще грузинский руководитель, по меткому замечанию В. Ряшина, к приезду командующего войсками НАТО в Европе О. Шаликашвили в Грузию сам «заговорил по-генеральски угрожающе»[4]. 7 декабря в интервью грузинскому радио Э. Шеварднадзе заявил: «Мы все должны

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 113-122.

[2] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002 г. // http://www.abkhaziya.org/books/myalo_lastwar.html

[3] Газ. «Независимая газета», № 234… С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-4-dekabrya-1992-goda

[4] Бебиа Е. Г. Крик малышей… 1997. С. 18.

сделать для того, чтобы достойно завершить войну в Абхазии… Операции в Абхазии сейчас направляют профессионалы. Они способны все правильно осмыслить и делать дело как надо. У нас достаточно ресурсов для того, чтобы как можно скорее реализовать замыслы. Ясно, что я не говорю о какой-либо дате, не имею в виду и уничтожение абхазов, как в этом обвиняют нас экстремисты. Я имею в виду процессы, которые начали углубляться в Абхазии»[1]. О каких «процессах, углубившихся в Абхазии», вел речь глава Грузии, стало ясно в тот же день. Именно 7 декабря впервые из установок РСЗО «Ураган» были обстреляны плантации, на которых велись сельскохозяйственные работы, в результате чего погибло 9 и было ранено 11 человек[2]. О том, что «эта война должна быть завершена достойно…», говорил Э. Шеварднадзе и на второй день, 8 декабря.

Здесь я сознательно прерываю эту фразу главы Грузии, которую он повторял как заученную, ибо, как представляется, именно она дала основание грузинскому ученому Г. Нодия утверждать следующее: «Он (Шеварднадзе. – **А. А**.) считал войну безнадежным мероприятием и стремился как можно быстрее выпутаться из нее, заключив любое соглашение при условии российских гарантий (именно поэтому он предпочитал говорить не о «победе» в войне, а о ее «достойном завершении» – чтобы это ни значило)»[3]. Г. Нодия, безусловно, имеет право на свое мнение, но с ним трудно согласиться, так как его утверждение опровергает сам Э. Шеварднадзе, продолживший свое выступление, которое мы прервали, следующим образом: «Я сегодня на своей родной земле призываю к войне.., мир верит нам, и раз мир поверил нам, мы не должны обмануть его… Мы в течение 1–1,5 месяца должны закончить эту войну, и к 2000 году Грузия будет самой счастливой страной в мире»[4]. Исходя из этого заявления, по справедливому замечанию абхазского Верховного Совета, главным условием счастья Грузии провозглашалось уничтожение Абхазии[5]. Ранее, 26 ноября, Э. Шеварднадзе в

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», №19, 13 декабря 1992 г.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 265.

[3] Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: путь к примирению. М., 1998. С. 49.

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 180.

[5] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 268.

выступлении на заседании грузинского Парламента заявил: «Как бы мы ни называли эту войну в Абхазии, все равно этим ничего не изменится. Без подлинной государственности мы не выиграем войну, а с нами ведут борьбу сепаратисты»[1]. Вернуть диктат Тбилиси над Абхазией было невозможно, не сломив ее сопротивление, что, в свою очередь, можно было сделать, только физически уничтожив или изолировав всех непокорных абхазов. Не это ли имел в виду глава Грузии, который в контексте со своей воинствующей риторикой заявил, что «это будет последний конфликт между грузинами и абхазами»[2]? А министр Грузии по делам Абхазии Г. Хаиндрава уточнил позицию грузинского руководства по этому вопросу, которая, по его словам, заключалась в следующем: «Виновные должны быть наказаны, а те, кто не последовал авантюристскому курсу Ардзинбы, в будущем будут жить рядом с нами»[3]. Наверное, то же самое имел в виду Э. Шеварднадзе, когда говорил, что не собирается уничтожать всех абхазов.

8 декабря начальник управления контрразведки Министерства обороны Грузии И. Георгадзе, заявил, что если он «получит приказ от Шеварднадзе действовать решительно, то руководители абхазских сепаратистов могут на себе почувствовать, на что способны его сотрудники, а способны они на многое»[4]. А сам глава грузинского Парламента днем ранее в своем нашумевшем радиовыступлении заверил сограждан в том, что военный потенциал Грузии достаточен для того, чтобы справиться с создавшимися в Абхазии проблемами[5]. Какого рода «проблемы» создались в Абхазии и как они решались грузинскими военно-политическими стратегами, говорилось выше.

Впрочем, по мнению газеты «Правда», такое поведение Э. Шеварднадзе было продиктовано, в первую очередь, ощущением угрозы собственной власти, которую он хотел бы удержать новым витком боевых действий в Абхазии[6]. Это обстоятельство, по его расчетам, позволило бы в очередной раз сплотить грузин против общего врага, а

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 17, 2 декабря 1992 г.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 19, 13 декабря 1992 г.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 17, 2 декабря 1992 г.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 249.
[5] Газ. «Демократическая Абхазия», №19, 13 декабря 1992 г.
[6] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 184.

Э. Шеварднадзе представить в роли борца за единство и процветание Грузии. С этим согласуется и его призыв «объявить всенародное движение за создание Фонда обороны». Тогда же по распоряжению главы грузинского государства «формирование правления Фонда» и «решение других организационных вопросов» было поручено писателю и общественному деятелю Ч. Амирэджиби[1]. Правильнее было бы назвать этот фонд «фондом наступления», ибо в его задачу входило содействие «достойному завершению войны», что на языке Э. Шеварднадзе означало завоевание Абхазии, чего, в свою очередь, нельзя было достичь обороняясь.

Позже Президент Адыгеи в письме Б. Ельцину отмечал, что в республике с большой тревогой и озабоченностью восприняли заявление Э. Шеварднадзе о том, что грузино-абхазский конфликт может быть разрешен только военным путем. А. Джаримов подчеркивал, что «подобное развитие событий приведет к дальнейшей эскалации войны, невосполнимым жертвам, в этот процесс еще глубже втянется весь Кавказ, в том числе и Северо-Кавказский регион РФ»[2]. Президент Адыгеи с аналогичным письмом обратился также и к Э. Шеварднадзе, в котором особо подчеркивалось, что «такое развитие событий станет тупиковым и приведет к невосполнимым жертвам с обеих сторон»[3].

В ответ на воинственные заявления главы Грузии Парламент Абхазии 9 декабря потребовал незамедлительного вывода оккупационных войск из Абхазии[4]. В тот же день, 9 декабря, В. Ардзинба обратился к народам и правительствам республик, краев и областей Северного Кавказа со словами: «Абхазия вновь обращается к братским народам и правительствам Северного Кавказа с призывом о помощи. Необходимо, наконец, добиться предотвращения огня и кровопролития, вывода вооруженных формирований Грузии и добровольческих сил, восстановления законных органов власти, определения сроков «охладительного» периода и при участии посредников – России и республик, краев и областей Северного Кавказа – начала переговорного

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 20, 18 декабря 1992 г.
[2] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 268.
[3] Газ. «Иберия-Спектр», № 68, 23 февраля – 1 марта 1993 г. С. 8.
[4] Газ. «Республика Абхазия», № 177, 13 декабря 1992 г.

процесса»[1]. Как ни парадоксально, но 9 декабря, в 11. 00, в г. Гудауте по инициативе грузинской стороны состоялась встреча военных руководителей Абхазии и Грузии с участием российской стороны, в ходе которой была достигнута договоренность о повсеместном прекращении огня в Абхазии с 23.00 9 декабря по 23.00 12 декабря[2]. Однако, несмотря на это, утром 15 декабря российские «Новости» передали заявление Т. Китовани: «Никто не намерен выводить грузинские войска из Абхазии, потому что это наша территория, и мы будем бороться за нее до последнего солдата, пока жив хотя бы один грузин»[3].

16 декабря Государственный Комитет Обороны Абхазии принял Постановление «Об усилении борьбы с преступностью и правонарушениями»[4], а Президиум Верховного Совета – «О возложении функций военной прокуратуры и военного трибунала соответственно на органы прокуратуры и суды Республики Абхазия»[5]. Эти меры были направлены на обеспечение внутреннего правопорядка и мобилизации резервов, необходимых для победы над внешним врагом. Наряду с этим руководство Абхазии предприняло шаги по укреплению Восточного фронта. По указанию Председателя ГКО В. Ардзинба еще 8 декабря на Восточном фронте побывали члены ГКО – С. Багапш и К. Озган[6]. 10 декабря в связи с гибелью М. Хварцкия (6 декабря) представителем Генерального штаба Министерства обороны по Очамчирско-Ткуарчалскому направлению был назначен майор Х. Бганба. 15 декабря командующим Восточного фронта был назначен М. Кишмария[7], а начальником штаба – Б. Джапуа. 18 декабря штаб Восточного фронта был перенесен в с. Члоу[8].

Все эти мероприятия, как показали последовавшие события, были своевременными. Причем их успели провести, что немаловажно, до на-

---

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=83

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 194.

[3] Кубрава А. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 154.

[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 281.

[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 223.

[6] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 123.

[7] Позже, 16 февраля 1993 г., заместителем командующего Восточным фронтом был назначен майор З. Зантария.

[8] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 124.

чала широкомасштабного наступления грузинских войск на Восточном фронте. Однако названные мероприятия были не способны коренным образом переломить ситуацию в Ткуарчале. 23 декабря глава администрации города Ткуарчала Р. Ласурия обратился с письмом к Председателю ВС Абхазии В. Ардзинба. В нем, в частности, было сказано: «Особенно усугубилось положение в декабре из-за отсутствия продовольствия, горюче-смазочных материалов, запасных частей к технике. Нет возможности почистить дороги, соединяющие нижнюю часть города с шахтерскими поселками Акармара, Джантуха и Поляна. Все это затрудняет своевременную доставку той скудной части продовольствия, которой мы располагаем. В крайне невыносимых условиях находятся шахтерские семьи с малолетними детьми и люди пожилого возраста. Особенно страдает русскоязычное население. Имеются смерти из-за недоедания… Остается нерешенной проблема вывоза женщин и детей. Желающих очень много, а возможности наши крайне ограничены. Люди в основном вывозят детей из-за отсутствия питания и тепла в домах. Морально-психологический климат в городе сложный. Ухудшилась криминогенная обстановка. Люди – в панике. Особенно после последних бомбардировок и гибели вертолета с людьми, следовавшего в Гудауту 14 декабря… Необходимо также ускорить приезд представителей Верховного Совета по нашему региону для координации действий всех существующих структурных подразделений Восточного региона Абхазии»[1].

Тем временем 25 декабря 1992 г Верховный Совет России принял постановление «О ходе выполнения постановления ВС РФ «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии» от 25 сентября 1992 года». В нем было сказано, что «грузинская сторона грубо нарушила достигнутые договоренности о правовом статусе пребывания воинских формирований Российской Федерации на территории Республики Грузия». В пункте 5 постановления говорилось: «Правительству Российской Федерации представить в Верховный Совет Российской Федерации предложения о возможных санкциях по отношению к Грузии в случае непринятия грузинской стороной мер, обеспечивающих

[1] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 159-160.

безопасность граждан и имущества Российской Федерации на территории Республики Грузия»[1].

Отношения Грузии с Россией были далеко не безоблачными, а ситуация на фронтах абхазо-грузинской войны развивалась далеко не в нужном для Э. Шеварднадзе направлении, а звиадисты то наступали на позиции правительственных войск, то переходили на их сторону. В общем, ситуация оставалась стабильно напряженной, и задач, стоявших перед руководством Грузии, не становилось меньше. Однако самой главной проблемой для него являлось «достойное» завершение войны в Абхазии. Для этого надо было коренным образом менять сложившуюся ситуацию на фронтах и для начала перехватить военно-стратегическую инициативу. А статус-кво, сложившийся к тому времени на полях сражений, не мог устраивать грузин. На Гумистинском фронте грузинские войска после попытки прорвать линию обороны, предпринятой ими перед Московской встречей 3 сентября, ушли в глухую оборону, и больше попыток наступать на этом фронте не предпринимали. И поэтому в наступательных действиях грузинских войск начал наблюдаться явный крен давления на Восточный фронт, где им удалось оттеснить фланги и «создать относительно безопасный буфер между линией фронта и своими коммуникациями»[2]. Хотя и там у них не все развивалось по их сценарию: после уже названной кочарской операции абхазским силам удалось выровнять линию обороны. Эта последняя акция, видимо, вызвала понимание у грузин, что вести полноценные наступательные действия на двух фронтах войны с Абхазией они не в состоянии, и, как следствие, им необходимо было сосредоточить основной удар на одном направлении. А в таких случаях выбирают и наносят удар по менее защищенной стороне, и поэтому они сосредоточили свои силы, во всяком случае, стали с большей настойчивостью наступать на Восточном фронте. Здесь, по свидетельству Б. Джапуа, «весь осенне-зимний период 1992 г. противник владел инициативой и мог выбирать время и место нанесения удара»[3].

---

[1] http://infopravo.by.ru/fed1992/ch01/akt10119.shtm

[2] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008. С. 19.

[3] Там же.

Здесь грузинская сторона и предприняла общее наступление по всему фронту, которое началось в 6. 30 утра 26 декабря и продолжалось до 29 декабря. В нем, по данным разведки, участвовало до 3700 солдат и офицеров противника[1]. В. Пачулия сообщает, что наступлению предшествовала часовая артподготовка, в которой были задействованы пушечная и гаубичная артиллерия, минометы, реактивные установки «Град», по всей линии фронта от р. Кодор до с. Бедия[2]. Рассказывая об этом наступлении, начальник штаба Восточного фронта Б. Джапуа пишет: «Одновременно боевые действия велись от Наа до с. Бедиа, по фронту общей протяженностью до 80 км. Наступлению предшествовали БШУ (бомбово-штурмовой удар) и часовая подготовка, которые периодически возобновлялись в течение дня. В наступлении участвовали предположительно две бригады II армейского корпуса (14 батальонов, около 60 ед. бронетехники, вертолеты МИ-24, штурмовики СУ-25), два батальона I армейского корпуса, отдельное спецподразделение и местное ополчение. Необходимо отметить, что подготовка наступления была вскрыта разведкой ВФ за сутки до его начала. Однако, кроме заведомого оповещения подразделений и соответствующего приказа, никаких превентивных мероприятий осуществить в силу крайнего истощения резервов было невозможно… Командование ВФ доложило о намерениях противника и сложившейся критической ситуации руководству республики, которое сумело отправить вертолет МИ-8 с боеприпасами. Они были распределены между подразделениями перед самым наступлением противника. Без преувеличения это позволило спасти ВФ»[3].

В ходе оборонительных боев и контратак грузинское наступление было остановлено, а линия фронта – восстановлена. Об итогах этого сражения Б. Джапуа сообщает следующее: противник «потерял 22 единицы бронетехники, 1 вертолет МИ-24 и 250 человек убитыми и ранеными. Захвачено 4 ед. бронетехники, десятки единиц стрелкового оружия, гранатометы, пулеметы, средства связи и другое военное имущество». Потери же Восточного фронта, по данным его начальника штаба, с 26 по 31 декабря составили 10 человек убитыми и около 60 ранеными[4].

[1] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. II. Аҟәа, 2005. Ад. 23.
[2] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 125.
[3] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008. С. 15.
[4] Там же. С. 17.

Тем временем, новогоднюю ночь 1993 г. Э. Шеварднадзе со своими соратниками встретил в Абхазии, среди рядовых защитников «территориальной целостности» Грузии. Такое начало года не могло предвещать ничего хорошего. Посещение в новогоднюю ночь Сухума лидером Грузии, обещавшего «достойно завершить эту войну», свидетельствовало о его стремлении заразить своим воинствующим духом и всех причастных к этой войне. В первый день нового года глава Грузии уехал на Родину, а те, кто должен был завершить «достойно» войну в Абхазии, остались. Для них же год начался очень и очень неважно. В начале января Абхазская армия предприняла попытку освободить Сухум. Январское наступление окончилось неудачно, но нанесло весьма чувствительный урон противнику. Впоследствии Январская операция была названа «генеральной репетицией» победоносных Июльского и Сентябрьского наступлений. Впрочем, это произошло через несколько дней, а пока завершался 1992 г. – год начала войны. Год начала войны, как видно, не стал годом ее конца. Вопрос – станет ли наступавший 1993 г. годом конца войны – оставался открытым. Впрочем, ответить на этот вопрос попытался Э. Шеварднадзе, который уже 2 января в тбилисском аэропорту заявил, что «война в Абхазии будет закончена в первой половине этого года»[1]. Исход войны, на который рассчитывал глава Грузии, был понятен, но его проблема заключалась в том, что у абхазской стороны было другое мнение на этот счет. В тот же день, 2 января, Президиум Верховного Совета Абхазии принял Постановление «О создании Государственной комиссии по определению материального ущерба, нанесенного войной РА»[2]. 4 января в радиообращении глава Грузии заявил, что новогодняя поездка в Абхазию «дала повод с оптимизмом смотреть в будущее»[3]. Если «пессимист – это хорошо информированный оптимист», то можно говорить о том, что оптимист – плохо информированный пессимист. Во всяком случае, по отношению к названному «оптимизму» Э. Шеварднадзе это замечание, если даже не по форме, то по содержанию, верное.

---

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 182.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 3, 14 января 1993 г.
[3] Газ. «Независимая газета», № 1, 5 января 1993 г. С. 3.

3. Россия, Грузия и международное сообщество на фоне войны в Абхазии

3.1. Российско-грузинские отношения (октябрь – декабрь 1992 г.)

Как уже отмечалось, Гагрское наступление привело к осложнению российско-грузинских отношений. Однако они были безоблачными и без абхазского контекста. Еще в начале октября 1992 года грузинские гвардейцы во главе с Г. Каркарашвили оцепили, а затем разграбили военные склады 34-й воздушной армии с авиационными запчастями и теплым обмундированием[1]. 7 октября по инициативе Президента России состоялся разговор по телефону Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе[2], в ходе которого два лидера, видимо, не могли обойти эту тему. Сам разговор, согласно сообщениям, носил «острый» и «принципиальный» характер, которым, судя по всему, грузинский лидер остался очень недоволен. 9 октября Э. Шеварднадзе заявил: «В настоящее время политика России по отношению к Грузии носит явно враждебный характер»[3]. В тот же день он призвал офицеров грузинской национальности, служивших в российской армии, вернуться в Грузию и влиться в ряды грузинской армии[4]. Это происходило на фоне постоянных обвинений в адрес российских военных во вмешательстве в войну в Абхазии на стороне абхазов. Тогда же командующий войсками Грузии в Абхазии Г. Каркарашвили даже сообщил, что им «отданы указания своим людям в Москве принять меры в отношении семьи генерала Сигуткина»[5].

8 октября на брифинге в МИДе РФ было заявлено, что высказывания официальных представителей Грузии, обвиняющих Россию в пособничестве одной из сторон в абхазском конфликте, лишены каких-либо оснований[6]. 10 октября в Заявлении пресс-службы ВС Абхазии

---

[1] Баранец В. Н. Генштаб без тайн. http://www.erlib.com

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 417.

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 276

[4] Там же.

[5] Там же. С. 272.

[6] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 54.

также сообщалось о том, что «вся техника, чем располагает абхазская сторона, является трофейной и захвачена бойцами самообороны у войск Госсовета, вторгшихся на территорию Абхазии»[1]. Министр обороны России П. Грачев 13 октября также подтвердил, что «танки Т-72 в свое время передавались грузинам и были захвачены абхазами»[2]. Тем не менее, в обращении Э. Шеварднадзе и А. Кавсадзе к народам мира от 9 октября утверждалось, что «одной из причин победы абхазов в Гагре было то, что абхазская сторона использовала тяжелую технику бывшей Советской армии, а обслуживающий ее личный состав был укомплектован в основном гражданами России»[3]. Тогда же, 9 октября, Д. Иоселиани во время встречи в Сухуме в грубой форме заявил, что к семьям генералов Кондратьева и Сигуткина будут приняты меры, и «они будут уничтожены»[4]. Министр обороны Грузии Т. Китовани тогда же сказал, что «аэродром в Гудауте будет уничтожен, а к семьям генералов Кондратьева и Сигуткина будут приняты самые крайние меры»[5].

Подобная риторика грузинских властей не могла не вызвать ответной реакции в России. 12 октября Правительство РФ выступило с заявлением, в котором «решительно» отвергало «безосновательные обвинения в пристрастном отношении к одной из сторон, в снабжении ее современным оружием, в своекорыстных агрессивных устремлениях»[6]. А на второй день, 13 октября, представители Министерства обороны России в Гудауте выразили протест в связи с угрозами грузинских официальных лиц в адрес семей генералов российской армии. Тогда же министр обороны России обвинения в адрес российского генералитета назвал «вымыслом», к которому, по его словам, «прибегают, чтобы как-то объяснить поражение». П. Грачев подытожил свою мысль следующим образом: «Пока был успех, молчали. Стоило абхазам потеснить грузинские части, сразу стали искать виноватых»[7]. Переговоры между

[1] Газ. «Республика Абхазия», 9-11 октября 1992 г.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 304-305.
[3] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 53.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 272.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 298.
[7] Там же. С. 304, 305.

высокопоставленными делегациями Грузии и России, проходившие в середине октября, не привели к положительным результатам. Более того, они констатировали ухудшение отношений между сторонами. 16 октября в Москве министру иностранных дел Грузии А. Чикваидзе был вручен меморандум, в котором, в частности, отмечалось, что «в Грузии русским угрожают физической расправой»[1].

17 октября уже грузинское правительство потребовало вывести российские воинские части, расположенные на территории Абхазии. Причем было заявлено, что в противном случае оно снимает с себя ответственность за возможные последствия[2]. В адрес российских пограничников не прекращались обвинения и оскорбления. Особенно в сложном положении оказались военнослужащие 6-й отдельной бригады сторожевых кораблей, 6-й, 7-й, 8-й застав Сухумского пограничного отряда[3]. Тогда же грузинские власти заявили о передаче Россией Абхазии химического оружия, боевых самолетов и вертолетов[4]. В ночь на 19 октября двое военнослужащих российского 901-го отдельного парашютно-десантного батальона, дислоцировавшегося в Сухуме, были захвачены и расстреляны грузинскими гвардейцами[5]. В связи с этим пресс-центр Министерства обороны РФ в г. Гудауте заявил решительный протест военному командованию грузинских войск. Российское военное командование предупредило, что «в случае продолжения бандитских нападений российским военнослужащим будет отдан приказ решительно пресекать подобные провокации»[6].

Однако, несмотря на противостояние России и Грузии, в то же время стало известно из средств массовой информации, что руководство Черноморского флота выступило с заявлением о возможной передаче Потийской военно-морской базы Грузии. Видимо, это делалось для сглаживания некоторых острых углов во взаимоотношениях Москвы и Тбилиси. Но данный шаг российских властей не мог способствовать

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 168-169.
[2] Там же. С. 21-22.
[3] Там же. С. 168-169.
[4] Там же. С. 21-22.
[5] Там же. С. 99.
[6] «Независимая газета», № 203... С. 7. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-oktyabrya-1992-goda?page=0,1

смягчению антироссийской истерии, развернувшейся в политических и военных кругах Грузии. Там уже к тому времени происходила переориентация в противоположную от России сторону, во всяком случае, было ясно, что в Тбилиси больше не рассматривали Москву как единственного арбитра в абхазо-грузинском споре. В докладе центра «Север – Юг», основные положения которого были использованы в качестве рекомендаций российскому правительству для стабилизации ситуации на Северном Кавказе в декабре 1992 г., в частности, было сказано: «Российская помощь «православной» Грузии в надежде сохранить влияние в Закавказье сегодня не имеет поддержки в самой Грузии: согласно данным летнего (1992 г. – **А. А**.) опроса Центра социального управления КМ Грузии лидеров политических партий, 96% опрошенных выступают за развитие внешних связей с США, 92% – с Германией, 29% – с Россией. Причем война в Абхазии лишь усугубила разрыв»[1].

23 октября Э. Шеварднадзе на страницах чешской газеты «Ледовы новины» заявил: «Я считаю НАТО военно-политической организацией, которая может выполнять миротворческие миссии. Это совсем другое дело в отличие, скажем, от наличия в Закавказье российской армии, к которой, мягко говоря, здесь относятся настороженно. НАТО – организация, которой доверяют»[2]. Более определенно в адрес России, но уже в российской же прессе, высказался грузинский писатель Ч. Амирэджиби: «Русские нам изменили, как они это делали всегда, как это у них в крови. От российского руководства ничего не ожидаю, кроме предательства»[3]. Министр обороны России П. Грачев тогда в ответ на все это заявил: «В Грузии штаб Закавказского военного округа переформируется скоро в группу российских войск в Закавказье. На территории этой республики пока остается одна мотострелковая дивизия, статус которой тоже будет определен на основе двухсторонних соглашений. Что же касается Абхазии, то вывод наших войск, в частности …

[1] Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М., 1994. С. 52.

[2] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 53.

[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 76.

парашютно-десантного полка, в ближайшее время не планируется. Обстановка не позволяет»[1].

Тем временем в те дни и недели в Тбилиси проходили беспрерывные митинги и демонстрации у здания штаба российских войск. Митинговавшие требовали вывода российских войск с территорий Грузии и Абхазии. Названное движение приобрело массовый характер, и Э. Шеварднадзе оказался в очень тяжелом положении. С одной стороны, он получал дополнительный аргумент для давления на Россию для того, чтобы убедить ее в более настойчивой поддержке главы Грузии. Но, с другой стороны, антироссийская истерия могла выйти из-под его контроля и привести к разрыву с Москвой и адекватным действиям с ее стороны. Полностью поддержать требования митингующих глава Грузии не мог, поскольку выиграть войну в Абхазии он мог только при наличии поддержки России. Но антироссийская риторика руководства Грузии, которая на данном этапе была всего лишь политической игрой с целью шантажа Москвы, привела к тому, что грузинский народ в своем большинстве верил, что в действительности Россия принимает участие в войне против Грузии. Основным лозунгом, который держали люди, пришедшие к штабу Закавказского военного округа в Тбилиси, был – «Иван, домой»[2]. Таким образом, Э. Шеварднадзе оказался заложником собственной политики, и сказать об этом открыто своим согражданам он не мог. И он нашел компромисс, который, на первый взгляд, мог устроить и митингующих грузин, и Россию, но главное – он тем самым предложил Москве оставить свои войска в Грузии, но дать Абхазию на растерзание Тбилиси. Выступая перед митингующими в Тбилиси 25 октября, Э. Шеварднадзе заявил о необходимости вывода российских войск из Абхазии, поскольку они были преградой в ее завоевании. Но вместе с тем, лидер Грузии заявил, что российские войска, дислоцированные в этой стране, не являются оккупационными, более того, они несут ответственность за защиту воздушного пространства Грузии, и вообще, без России и ее Вооруженных сил на данном этапе

---

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 57.

2 Газ. «Известия», № 236… С. 1, 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-oktyabrya-1992-goda

грузинское государство не в состоянии защитить себя[1]. Тогда же в интервью грузинскому телевидению Э. Шеварднадзе заявил, что согласен с требованиями митингующих о прекращении вмешательства российских войск в абхазский конфликт, но отметил, что требование о выводе войск является преждевременным и не соответствует интересам Грузии. Он считал, что «все должно проходить цивилизованным путем, и российские солдаты должны покинуть Грузию как друзья»[2].

Видимо, эта «дружба» способствовала тому, что именно тогда Россия передала Грузии, по данным пресс-службы ВС Абхазии, 2 тысячи огнеметов[3]. С подобной просьбой к России чуть ранее обратился грузинский министр обороны Т. Китовани[4]. Тогда же на Тбилисском авиационном заводе была завершена сборка еще двух штурмовиков СУ-25, которые также нужны были Грузии для «достойного завершения войны» в Абхазии. Об ответственности российских воинских частей перед грузинами говорил, но уже без обременительного дипломатического формата, и Г. Хаиндрава. 27 октября, выступая по грузинскому радио, он заявил: «Грузией взяты на прицел все военные объекты российских войск, и в случае необходимости откроем по ним огонь. Мы не позволим им говорить с нами с позиции силы, мы их не боимся… Мы должны создать им такие условия, чтобы они служили нам...»[5]. Судя по всему, для Москвы фраза «чтобы они служили нам» в устах грузинского чиновника прозвучала очень уж некорректно, и Министерство обороны России, не дожидаясь реакции дипломатического ведомства страны, «разрешило войскам на территории Абхазии открывать ответный огонь в случае нападения или обстрела российских воинских частей». Уже после этого, по сообщению публициста Д. Холодова, войсками Госсовета был произведен обстрел гарнизона в Эшерах, который прекратился действительно только после того, как в воздух поднялись два самолета СУ-25 российских ВВС[6]. Причем случаи локального столкновения гру-

[1] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 109.

[2] Газ. «Известия», № 236... С. 1, 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-oktyabrya-1992-goda

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 21-22.

[4] Там же. С. 31-32.

[5] Там же. С. 98.

[6] Там же. С. 103–104.

зинских и российских военных тогда носили не единичный характер, а приобрели некую тенденцию к устойчивой практике.

Спустя три дня, 30 октября, представитель МИД РФ завил, что обвинения в адрес России, выдвигаемые Грузией, «беспочвенны», и «провокациям в отношении российских военнослужащих должен быть положен конец»[1]. Спустя всего два часа после озвученного заявления Г. Хаиндрава при досмотре российского вертолета МИ-8, перевозившего гуманитарный груз, в аэропорту Сухума грузинской стороной был спровоцирован вооруженный конфликт. В ответ на это по самолету-«провокатору» российскими военными была выпущена ракета класса «воздух – воздух»[2]. В тот же день грузинская артиллерия обстреляла поисково-спасательный корабль Черноморского флота «Баскунчик», следовавший из Поти и направлявшийся в Сухум для эвакуации военнослужащих и сотрудников санатория Московского округа ПВО[3]. Чуть позже командир обстрелянного корабля О. Ващенко сообщил о том, что корабль был обстрелян девятью залпами с суши, судя по осколкам, из орудий калибра 120 миллиметров[4].

Тогда же начали нести боевое дежурство в районе Поти сторожевые корабли российского Черноморского флота. В это же время российские тральщики, прибывшие для проведения гидрографических работ, связанных с эвакуацией, «не были допущены в террводы Грузии, хотя предварительное «добро» от грузинского минобороны было получено»[5]. Командующий ВМС Грузии А. Джавахишвили в пресс-центре парламента Грузии тем не менее заявил: «Никакой блокады российской военно-морской бригады в порту города Поти нет. Ужесточение режима выхода и входа на территорию Потийской военно-морской базы вызвано существенными интересами Грузии, в частности, тем обстоятельством, что город Поти фактически находится в зоне абхазского конфликта» [6].

---

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 54.

[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 97.

[3] Там же. С. 113.

[4] Там же. С. 122.

[5] Там же. С. 124.

[6] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

2 ноября грузинские военнослужащие захватили склады российской армии в Ахалцихе (вооружение, боеприпасы) и Тбилиси (обмундирование, автотехника). По сообщению пресс-центра ЗакВО, охрана сложила оружие из-за превосходящих сил нападавших и риска взлететь на воздух вместе с взрывающимися снарядами. Э. Шеварднадзе заявил, что захват складов произошел без его ведома и пообещал вернуть захваченное (оружие и боеприпасы, захваченные в Ахалцихе, уместились бы в 650 вагонах). На встрече с руководством ЗакВО Шеварднадзе заявил, что захват – это дело рук врагов Грузии. Однако министр обороны Т. Китовани признал, что захват произошел по его приказу[1]. 3 ноября Военный совет Закавказского военного округа заявил, что в случае продолжения провокаций со стороны грузинских войск он оставляет за собой право на применение адекватных ответных мер по защите военнослужащих округа, членов их семей, техники и вооружения российской армии[2]. Министр обороны России П. Грачев в заявлении телекомпании «Останкино» строго предупредил грузинские власти об ответственности за последствия подобных шагов. Председатель Парламента Грузии Э. Шеварднадзе в выступлении по радио назвал действия своих Вооруженных сил «несовместимыми с сегодняшним положением в Грузии». Он с сожалением уточнил свою мысль: «С учетом обстановки в Абхазии и осложнениями в Цхинвальском регионе это не что иное, как игра с огнем»[3]. Произошедшее также беспокоило и Абхазию. В телеграмме министру обороны России от 3 ноября Верховный Совет республики выразил озабоченность по поводу того, что похищенное оружие будет использоваться против мирного населения Абхазии[4]. Тем временем российско-грузинские переговоры о разблокировании порта Поти увенчались успехом. 12 ноября эвакуация российских военнослужащих и членов их семей была возобновлена. Соглашение о разблокировании порта явилось результатом переговоров, которые провел с грузинской стороной капитан I ранга В. Баранов, прибывший в Поти на борту большого противолодочного корабля «Красный Кавказ» в качестве личного

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 26, 4 ноября 1992 г.
[2] Там же.
[3] «Независимая газета», № 212, 3 ноября 1992 г. С. 1.
[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 244.

представителя начальника штаба флота. После этого грузинская сторона убрала сейнер, преграждавший вход в Новый порт, где находилась военно-морская база. Однако российские корабли в порт по-прежнему не пускали[1]. Тогда же, 13 ноября, в Поти неизвестные из автоматов расстреляли двух российских мичманов – В. Алексюка и В. Березнюка[2].

Чуть позже заместитель командующего ЗакВО С. Беппаев заявил, что «за последние две недели в Грузии совершено столько правонарушений по отношению к представителям российских войск, сколько не было за два последних года». Т. Китовани, в свою очередь, полагал, что должны были состояться встречи Б. Ельцина и П. Грачева с Э. Шеварднадзе. Министр обороны Грузии заявил: «Думаю, после этого никакие третьи силы нам уже не смогут помешать. Если вдруг и тут не будет достигнуто взаимопонимание, то не исключено, что Грузия вынуждена будет обратиться в международный суд для получения от России своей доли вооружений»[3].

Тогда же, 12 ноября, несмотря на не совсем дружественную политику Грузии по отношению к России, были установлены дипломатические отношения между Москвой и Тбилиси. Вручив в этот день верительные грамоты Э. Шеварднадзе, В. Земский стал первым послом России в Грузии[4]. Затем состоялась встреча главы Грузии с российской делегацией. Были обсуждены вопросы подготовки большого договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, который должен был включить в себя политические, экономические, культурные, военные и военно-политические аспекты. Особое значение придавалось вопросу пребывания российских воинских частей на территории Грузии[5]. 13 ноября военные двух сторон начали переговоры с тем, чтобы определить, как строить взаимоотношения. По мнению военного обозревателя В. Соловьева, «к тому времени стало очевидно, что российские войска в этой стране превратились в еще одну зарубежную группировку»[6].

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 34, 13 ноября 1992 г.

[2] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир, 2009. С. 285

[3] «Российская газета», № 247… С. 7 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-14-noyabrya-1992-goda

[4] Был назначен 24 октября 1992 г. указом Президента РФ за № 1294.

[5] Газ. «Демократическая Абхазия», № 14, 19 ноября 1992 г.

[6] Газ. «Иберия-Спектр», № 68, 23 февраля – 1 марта 1993 г. С. 6.

Уже по истечении времени грузинская сторона, анализируя российскую политику, с упреком заявляла: «Российская дипломатия не отставала от российских военных и российских спецслужб. Надо заметить, что с первых дней абхазской войны и до самого ее завершения между Грузией и Россией шел непрерывный переговорный процесс. Однако странные это были переговоры»[1]. В «странном» характере этих переговоров обвинять только Россию было бы неверно. Анализируя названый процесс, исследователь Э. Караев писал: «В 1992 г. Россия и Грузия приступили к формированию межгосударственных отношений, однако обе стороны демонстрировали отсутствие интереса к развитию двухсторонних связей: грузинская политическая элита рассчитывала на развитие отношений с Западом после возвращения Э. Шеварднадзе, возглавившего грузинское руководство; позиция российского руководства определялась неготовностью к формированию и осуществлению политики в «ближнем зарубежье»[2]. Это наблюдение на рассматриваемый период времени справедливо, о чём свидетельствуют и последовавшие события. Эти переговоры начались 16 ноября в Тбилиси встречей правительственных делегаций России и Грузии. В повестке дня переговоров главным вопросом значилась подготовка межгосударственного соглашения о принципах взаимоотношений и договора о статусе российских войск на территории Грузии. Комментируя начало переговоров, Э. Шеварднадзе подчеркнул, что каким бы не было отношение некоторой части грузинского общества к российской армии, «мы должны исходить из того, что без учета российского фактора существование независимой Грузии будет осложнено». Грузинский лидер считал первоочередной задачей урегулирование отношений с Россией. В рамках этого процесса 16 ноября А. Чикваидзе принял делегацию военных экспертов России, которую возглавлял начальник Главного управления бронетанковых войск МО России А. Галкин. На этих переговорах обсуждался статус российских войск и Закавказского пограничного округа в Грузии[3]. Тогда же, 16 ноября, А. Галкин отметил, что

[1] Россия сама попросила Грузию ввести войска на территорию Абхазии // www.abkhazeti.ru.

[2] Караев Э. Т. Грузия во внешней политике России (1991–2007 гг.) // Журн. «Северо-Кавказский регион». Ростов-на-Дону, 2008. №2. С. 42.

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 37, 17 ноября 1992 г.

военным путем решить конфликт в Абхазии очень трудно. Причем российский военачальник расшифровал свою мысль следующим образом: «Если грузинская сторона перейдет в наступление и овладеет Гудаутой, абхазы начнут партизанскую войну, а формирования с Северного Кавказа по-прежнему будут проникать на территорию Грузии. Поэтому мы предлагаем искать мирные пути решения проблемы»[1].

В тот же день, 16 ноября, в МИД Грузии прошла пресс-конференция, в которой приняли участие Ф. Ковалев, В. Земский, А. Галкин, а также М. Уклеба. На пресс-конференции Ф. Ковалев отметил, что целью визита делегации России является подготовка к подписанию шести документов: Всеобъемлющий договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Грузией; Договор о статусе пребывания войск России в Грузии; Договор о статусе пограничных войск России на территории Грузии; Консультационное соглашение между Россией и Грузией; Договор о сотрудничестве России и Грузии в области железнодорожного транспорта; О мероприятиях при чрезвычайных ситуациях[2].

Однако эти переговоры проходили под довольно странный аккомпанемент взаимных недоброжелательных демаршей и заявлений. 15 ноября в Тбилиси были захвачены девять солдат ЗакВО и большое количество огнестрельного оружия, 18 ноября была обстреляна грузинской стороной из установок «Град» лаборатория Вооруженных сил России в Абхазии, в результате чего погиб офицер, двое российских военнослужащих были ранены[3]. 17 ноября на закрытом заседании Парламента глава Грузии, сообщив о том, что совсем недавно был подписан договор с Турцией, «открывший качественно новую главу в многовековой истории грузино-турецких взаимоотношений», посетовал на то, что «такого договора с Россией пока нет». Э. Шеварднадзе, выразив «надежду», что такой договор будет, продолжил: «Отношения с Россией продолжают оставаться для нас важнейшим приоритетом. Ориентация на то, чтобы отвернуться от России, причинит ущерб Грузии, масштабы

---

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.

[2] «Независимая газета», № 218… С. 3 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-18-noyabrya-1992-goda

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 41, 21 ноября 1992 г.

которого будут неизмеримы»[1]. На том же заседании Парламент Грузии приступил к обсуждению положения в Абхазии. На нем Э. Шеварднадзе, обвинив абхазов в этноциде и этнической чистке, перешел к критике Верховного Совета России, который он обвинил в срыве выполнения положений Итогового документа от 3 сентября. Но он, будучи опытным политиком, застраховавшись, добавил: «Я далек от того, чтобы утверждать, что в Абхазии с Грузией воюет Россия. Однако я вправе со всей возможной определенностью утверждать: в Абхазии с Грузией ведет войну красно-коричневая армия имперского реванша, теперь уже угрожающая и России смещением законной власти, реставрацией тоталитарной системы»[2].

Тем временем, пресс-центр штаба грузинского военного командования в Сухуме сообщил, что 18 ноября, в 13.25, два самолета российских Вооруженных сил несколькими тепловыми управляемыми ракетами обстреляли в городе Сухуме артиллерийские позиции грузинских Вооруженных сил. Российская сторона тут же заявила, что это была ответная акция после того, как грузинские артиллерийские снаряды попали на территорию одной из российских военных частей, дислоцированных в Абхазии[3]. 19 ноября грузинским патрулем на Московском проспекте в Тбилиси была обстреляна автомашина КамАЗ с военнослужащими российской армии. В результате обстрела погиб командир роты капитан А. Бурлаков. В связи с этим 20 ноября пресс-центр Закавказского военного округа выступил с заявлением, в котором прямо обвинил грузинское руководство в том, что с его одобрения планируются, готовятся и осуществляются враждебные акции в отношении российской армии. Сотрудник пресс-центра посольства Грузии в Москве К. Андрикашвили заявила, что нет никаких оснований считать руководство Грузии причастным к происшедшим инцидентам[4].

Однако самым громким в этой череде событием стал расстрел 15 ноября по приговору грузинского военно-полевого суда гражданин России В. Гладких. Ему было предъявлено обвинение в «совершении и

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.
[2] Там же.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 15.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 41, 21 ноября 1992 г.

ведении диверсионной деятельности против Грузии». По версии грузинской стороны, эти действия выразились в том, что Гладких за денежное вознаграждение в размере 50 тысяч рублей по заданию абхазской стороны провел с Северного Кавказа в Абхазию две большие группы северо-кавказских добровольцев. По словам сотрудника пресс-центра посольства Грузии в Москве К. Андрикашвили, на территории Грузии не существует иных законов, кроме «законов военного времени», и именно этим «законом» и руководствовались военно-полевые суды, рассматривая дела иностранных граждан, вмешивавшихся во внутренние дела Грузии. В пресс-центре парламента Грузии сообщили, что в Абхазии идет война, «и на войне как на войне – убивают». А то, что расстрелянный оказался иностранцем, принципиально ничего не меняет[1]. Тем временем в Москве на этот счет придерживались другого мнения. Председатель Комитета по правам человека Верховного Совета России С. Ковалев заявил, что ускоренное судопроизводство недопустимо даже в условиях чрезвычайного положения. Это не просто противоречит международному праву, а является его вопиющим нарушением. В связи с этим в Комитете было принято решение расследовать факты нарушения прав человека в Грузии, в том числе и казнь Гладких. По оценкам экспертов, казнив В. Гладких, Республика Грузия, признавшая ответственность по международным договорам бывшего СССР, нарушила положения Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «О защите гражданского населения во время войны»[2]. В ходе первого раунда российско-грузинских переговоров Ф. Ковалев обратился с просьбой к грузинской стороне предоставить материалы по делу гражданина России В. Гладких. В ответ М. Уклеба заявил, что в Грузии идут военные действия, поэтому было принято решение о создании военно-полевого суда, который и приговорил нескольких человек, в том числе и гражданина России, к высшей мере наказания[3].

Тем временем, у России на Кавказе были и свои внутренние военно-политические проблемы. Несмотря на то, что Д. Дудаев 2 ноября заявил о нейтралитете Чечни в осетино-ингушском конфликте, российские во-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 37, 17 ноября 1992 г.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 38, 18 ноября 1992 г.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 43, 24 ноября 1992 г.

йска, пройдя Пригородный район Северной Осетии и территорию Ингушетии, вышли к рубежам Чечни. Е. Гайдар, тогда еще исполнявший обязанности главы правительства России, позже на заседании Комиссии Государственной Думы РФ по расследованию причин и обстоятельств кризиса в Чеченской Республике утверждал, что федеральные силы были готовы двинуться в Чечню. 10 ноября в ответ на выдвижение российских войск Д. Дудаев объявил о введении чрезвычайного положения и мобилизации на территории Чечни, а 14 ноября в пограничных с Ингушетией районах объявил военное положение. 15 ноября кризис удалось разрешить – заместитель главы Временной администрации в зоне осетино-ингушского конфликта А. Котенков и заместитель председателя Кабинета министров ЧР Я. Мамадаев подписали протокол о разведении войск и вооруженных отрядов на 5 км от границы Чечни. 18 ноября в Москве на переговорах с прибывшей из Чечни делегацией во главе с Ю. Сосламбековым достигнутая договоренность была окончательно утверждена[1].

Между тем, на пресс-конференции в МИДе Грузии 20 ноября по итогам первого раунда российско-грузинских переговоров главы делегаций Ф. Ковалев и М. Уклеба сошлись во мнении, что «в ходе переговоров удалось решить гораздо больше вопросов, чем ожидалось». Было сообщено, что российские войска из Грузии пока не выводятся и им придается статус, не нарушающий территориальную целостность республики. По просьбе Грузии приостанавливался вывод 19-й противовоздушной армии и демонтаж системы ПВО. Москва обязывалась всячески помогать в создании Вооруженных сил Грузии, в частности, в подготовке военных кадров в военных вузах и учебных центрах России. Также было заявлено, что дальнейшее пребывание российских войск в Абхазии будет зависеть от решения вопроса о целесообразности существования Комиссии по контролю и инспекции[2]. В ходе переговоров также были подготовлены к ратификации четыре документа: межгосударственный договор о дружбе и сотрудничестве, договоры о статусе

[1] Коган-Ясный В. В. Политический аспект отношений федеральных органов власти Российской Федерации с Чеченской Республикой в 1990-1994 гг. // http://www.memo.ru/hr/hotpoints/CHECHEN/ITOGI/kogan.htm

[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 16, 29 ноября 1992 г.

временно находящихся на территории Грузии воинских частей российской армии, пограничных отрядов и системе противовоздушной обороны[1]. Президент КНК Ю. Шанибов, который, по его же словам, мог чувствовать «себя в безопасности лишь в Чечне, Южной Осетии и Абхазии», расценил эти договоренности как политику стравливания между собой кавказских народов, которую проводят и Россия, и Грузия[2]. Позже, 7 декабря, в послании ВС Абхазии к Президенту России говорилось, что эти переговоры между грузинской и российской делегациями были восприняты руководством Грузии как поддержка руководством России войны против Абхазии[3]. Чуть позже, 23 ноября в выпусках новостей радио России неоднократно проходила информация о якобы имевших место случаях нападения абхазских отрядов на российские воинские части. В тот же день полномочный представитель РА в РФ И. Ахба выступил с опровержением данного сообщения[4].

Выступая 23 ноября по республиканскому радио, президент Грузии Э. Шеварднадзе подчеркнул заинтересованность республики в дальнейшем пребывании некоторых частей российской армии на ее территории[5]. Несмотря на это и заявления политиков о том, что на переговорах удалось добиться большего, чем ожидалось, отношения между Грузией и Россией так и оставались небезоблачными, более того, судя по всему, наблюдалась некоторая тенденция к их ухудшению. Это было связано с позицией России в войне Грузии с Абхазией, причиной которой, в свою очередь, в большей степени была позиция Грузии по отношению к интересам России в этом регионе, и попытками Тбилиси интегрироваться или хотя бы ориентироваться на Запад, что вызывало раздражение и обратную реакцию со стороны Москвы. Россия к тому времени от Тбилиси требовала ясного ответа, останется Грузия или нет в рублевой зоне. Позже вице-премьер Грузии Р. Гоцеридзе сетовал, что уже с 30 ноября, т. е. спустя всего десять дней после завершения первого раунда переговоров, Россия перестала поставлять Грузии налич-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 150-151.
[2] Там же. С. 9–11.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 263.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 43.
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 43, 24 ноября 1992 г.

ность в виде технических кредитов, что причинило ей большие убытки и, в частности, была вынуждена ввести в оборот купоны в качестве денежной единицы[1]. Следует напомнить, что о введении собственной валюты Грузия объявила еще 13 июля 1992 г., и тогда предполагалось отпечатать во Франции 22 млрд. манети[2]. Тем временем ситуация в грузинской экономике усугублялась. Совещание экономистов при Кабинете Э. Шеварднадзе, состоявшееся в конце 1992 г., констатировало: «Отказ от рубля равнозначен экономической катастрофе, невыход из рублевой зоны – полной зависимости от России»[3]. Как видно, Грузии предстояло разрешить очень серьезную дилемму. Это еще одно подтверждение того, что в рассматриваемое время у России в этом регионе сохранялись эксклюзивные рычаги влияния на ситуацию, в том числе и в Грузии. Тбилиси это, естественно, не нравилось, но делать особо было нечего. И в силу этого приходилось мириться, хотя бы до поры до времени, с зависимостью от России, конечно же, при внешнем проявлении строптивости.

В продолжение этой политики 4 декабря на пресс-конференции в штабе ЗакВО было заявлено, что российские войска в Грузии остаются[4]. Однако, как сказал помощник командующего ЗакВО по работе с личным составом полковник В. Бельченко, «вокруг российских войск в Грузии сложилась нетерпимая обстановка». По его словам, в последнее время бандитские нападения на военнослужащих российской армии участились. Многие же решения правительства Грузии, в частности указ о лишении военнослужащих прописки, В. Бельченко назвал необдуманными[5]. 4 декабря на этой же пресс-конференции, в которой также участвовал начальник пресс-центра ЗакВО Г. Долгачев, стало известно следующее: из состава 10-й мотострелковой дивизии, дислоцированной в Ахалцихе, было безвозмездно передано грузинской стороне 108 танков Т-55, 111 боевых машин пехоты БМП (из них 6 в командирском

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 18, 8 апреля 1993 г.

[2] Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. С. 24.

[3] Газ. «Республика Абхазия, № 8, 31 января 1993 г.

[4] Газ. «Иберия-Спектр», № 58, 15–21 декабря 1992 г. С. 15.

[5] «Независимая газета», № 235… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-5-dekabrya-1992-goda-0

варианте), 14 бронированных разведывательных машин БРМ-1К и 4 бронетранспортера БТР-70. На баланс Министерства обороны Грузии был переведен танкоремонтный завод в Тбилиси. Все передачи были осуществлены в соответствии с квотами, определенными 15 мая 1992 г. на Ташкентской встрече глав государств СНГ[1].

Тем временем грузинская сторона продолжала обвинять Россию в пособничестве «абхазским сепаратистам». 5 декабря министр иностранных дел РГ А. Чикваидзе пригласил Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ В. Земского и сделал ему представление о том, что 2 и 4 декабря российские самолеты, вылетев дважды с аэродрома Бамбора, произвели ракетно-пулеметный обстрел позиций грузинских войск и жилого массива в г. Сухуме. Министерство иностранных дел Грузии выражало надежду, что «соответствующие органы власти России незамедлительно примут решительные меры для пресечения враждебных действий дислоцированных в Абхазии российских войск против Республики Грузия»[2]. Также в заявлении обращалось внимание на то обстоятельство, что вышеуказанные события имеют место накануне начинающегося 7 декабря в Москве «очередного раунда переговоров по разработке договора между РФ и РГ и, возможно, обусловлены стремлением определенных кругов России не допустить улучшения отношений между нашими двумя странами-соседями». Министерство обороны России опровергло утверждения о бомбардировке и заявило, что названные самолеты конвоировали гуманитарные грузы. Тем не менее, Государственный министр Грузии по делам Абхазии Г. Хаиндрава обратился к правительству России с просьбой объяснить, как грузинскому руководству воспринимать случившейся – «как самовольные действия вышедших из-под контроля коррумпированных военных» или же «как официальную позицию руководства России»[3].

В продолжение заданной риторики 6 декабря, выступая по грузинскому телевидению, министр обороны Грузии Т. Китовани заявил, что «есть многочисленные факты того, что русские снабжают абхазов ору-

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 53, 5 декабря 1992 г.

[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 20, 18 декабря 1992 г.

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 55, 8 декабря 1992 г.

жием, а взамен абхазы обещают земли и опустевшие дома грузин»[1]. Зато 7 декабря, т. е. уже в день открытия второго раунда российско-грузинских переговоров, Э. Шеварднадзе почему-то посчитал необходимым напомнить, что «в настоящее время Ельцин больше всех политиков России выражает интересы Грузии»[2]. Чем были продиктованы слова лидера Грузии: то ли он хотел конкретизировать, что имел в виду его министр под «определенными кругами», не желающими улучшения с Грузией, или он действительно полагал, что Ельцин более других политиков соответствовал интересам Грузии? Хотя сам Э. Шеварднадзе, если он действительно стремился к сохранению Б. Ельциным своих позиций, не мог не понимать, что своим подобным заявлением способствовал не их укреплению, а наоборот – ослаблению: ведь Президент России должен выражать интересы не Грузии, а России, а в рассматриваемое время они далеко не совпадали, а порой противоречили друг другу. По большому счету, и здесь Э. Шеварднадзе стремился соответствовать имиджу политика планетарного масштаба, а в среде таковых в рассматриваемое время было принято выражать поддержку Ельцину и его «демократическому курсу», который не противоречил интересам стран Запада. При этом главу Грузии, впрочем, как и политиков, которым он стремился подражать, не очень беспокоило, что подобные заявления уже были вмешательством во внутренние дела другого государства, в чем он не переставая упрекал ту же Россию.

В Абхазии на начало второго раунда российско-грузинских переговоров отреагировали следующим образом: «В то время как грузинская армия осуществляет истребление мирного населения, делегация России ведет переговоры о мире и дружбе с Грузией. Продолжается плановая передача вооружения грузинской армии… На этих переговорах МИДы России и Грузии решают судьбу Абхазии без участия наших представителей»[3]. Глава оккупационных сухумских властей также имел свои причины быть недовольным переговорами в Москве. Он негодовал: «Тем генералам и офицерам, которые систематически вмешивают-

[1] Газ. «Московские новости», № 50… С. 9. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-dekabrya-1992-goda

[2] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 71.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 263.

ся во внутренние дела суверенного государства и осуществляют бомбежку наших городов, все-таки придется ответить за все… Если Россия выйдет из этой войны, то все проблемы автоматически снимутся»[1]. За день до открытия названной встречи В. Ардзинба, обеспокоенный возможностью нового сговора Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе, обратился к съезду ВС РФ с посланием, в котором говорилось о «недопустимости заключения каких-либо договоров с Грузией, развязывающих руки головорезам Шеварднадзе по потоплению абхазов в крови»[2].

Накануне начала второго раунда российско-грузинских переговоров глава делегации Грузии М. Уклеба сообщил о том, что будет продолжена работа по подготовке подписания большого договора, стороны постараются по возможности создать договорно-правовую основу двусторонних отношений в политической, экономической, военной, культурной, гуманитарной и других областях, представляющих взаимный интерес. Кроме того, по словам грузинского дипломата, должен был быть обсужден пакет соглашений о правовом статусе пребывания российских войск на территории Грузии, о сотрудничестве в области противовоздушной обороны, ряд других военных соглашений, а также вопрос о создании смешанной российско-грузинской комиссии по подготовке предложений по передаче Тбилиси части военного имущества воинских формирований и пограничных войск Российской Федерации, дислоцированных в Грузии. Однако для окончательного согласования всех этих вопросов, по мнению М. Уклеба, предстояло «еще несколько раундов переговоров»[3].

Российская делегация во главе с Ф. Ковалевым предлагала поставить вопрос о положении русскоязычного населения в Сухуме, а также совместно решить вопрос о содействии переселению в Грузию турок-месхетинцев. Российский дипломат заявил, что «подписание договоров произойдет только в случае прогресса в деле урегулирования абхазского конфликта»[4]. В день открытия второго раунда российско-грузинских переговоров, 7 декабря, первый заместитель министра иностран-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 19, 13 декабря 1992 г.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 163-164.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 19, 13 декабря 1992 г.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 173.

ных дел России Б. Пастухов заявил, «чтобы договоры не превратились в бесполезные бумажки, необходимо быстро разрешить конфликт в Абхазии»[1]. Однако М. Уклеба заявил, что происходящее в Абхазии – это внутреннее дело Грузинской республики[2].

Как видно, стороны были озабочены разными проблемами, что уже могло быть некоторой прелюдией к результатам самих переговоров. Между тем, Председатель абхазского Парламента В. Ардзинба выступил против переговоров России и Грузии. Он считал, что в то время, как грузинская армия «осуществляет истребление мирного населения» Абхазии, на этой встрече дипломаты России и Грузии «решают судьбу Абхазии» без участия ее представителей[3], что недопустимо. Тем временем Министерство иностранных дел Грузии, в очередной раз представило послу России в республике уведомление, в котором российская сторона информировалась о четырех случаях применения боевых самолетов России против Вооруженных сил Грузии. Официальной реакцией на ноту МИДа Грузии явилось заявление исполняющего обязанности Временного Поверенного в делах России в Грузии В. Архипова… В заявлении говорилось, что в ходе проведенного российской стороной расследования установлено неучастие ВВС России в каких-либо акциях против правительственных войск Грузии. Однако на другой день после заявления российского посольства объединенный штаб командования грузинскими войсками в Абхазии сообщил, что 11 декабря два самолета СУ-25 с опознавательными знаками ВВС России атаковали колонну грузинских войск на трассе Сухум – Очамчира[4].

12 декабря Государственный министр Грузии по делам Абхазии Г. Хаиндрава оценил продолжавшиеся российско-грузинские переговоры крайне негативно, высказав сомнение в их конструктивности[5]. Тем не менее, тогда же Совет национальной безопасности и обороны Грузии принял решение приостановить вывод российских войск, техники и оборудования российской армии с территории Грузии до завершения

[1] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 60.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 56, 9 декабря 1992 г.
[3] Там же.
[4] «Независимая газета», № 241… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-15-dekabrya-1992-goda
[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 199.

российско-грузинских переговоров, проходящих в Москве. Это решение было продиктовано не желанием сохранить на территории Грузии российские войска, а стремлением присвоить их вооружение и имущество. Наряду с этим в центре внимания грузинской политической жизни также оставались события, происходившие на съезде народных депутатов России. Э. Шеварднадзе, в частности, отмечал: «Все мои заявления о том, что я полностью доверяю президенту Ельцину, и о том, что Грузия заинтересована в победе демократии в России, остаются в силе. Мы связаны с Россией множеством видимых и невидимых нитей и не можем оставаться равнодушными к тому, что там происходит»[1].

14 декабря в Абхазии был сбит российский вертолет с беженцами, что вызвало очередной виток напряженности в отношениях России и Грузии. 15 декабря Э. Шеварднадзе заявил в грузинском парламенте, что, «возможно, следует прекратить переговоры на неделю-две, чтобы разобраться в том, что сейчас происходит в России», и, в частности, в российской внешней политике. В связи с этим на заседании парламента возник вопрос о целесообразности продолжения московских переговоров, однако никакого решения принято не было. 16 декабря в пресс-центре посольства Грузии разъяснили, что глава Грузии «лишь высказал свои соображения и обещал обдумать этот вопрос». В Департаменте СНГ МИД России также сообщили, что работа на переговорах продолжается в запланированном порядке[2].

17 декабря Э. Шеварднадзе поздравил В. Черномырдина с его избранием главой российского правительства. По мнению наблюдателей, тон этого послания изменился. В нем отмечалось: «Это поздравление столь же искренне, насколько велико стремление строить новые полноценные отношения между Грузией и Россией в соответствии с многовековыми традициями дружбы и сотрудничества». 17 декабря глава грузинской делегации М. Уклеба сообщил, что переговоры продолжаются, а слухи об их приостановке не соответствуют действительности[3]. Тем не менее, второй раунд, который должен был завершиться 18 де-

[1] Газ. «Известия», № 269… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-14-dekabrya-1992-goda

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 63, 17 декабря 1992 г.

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 64, 18 декабря 1992 г.

кабря, накануне, 17 декабря был прерван грузинской стороной. Грузинская правительственная делегация, находившаяся в Москве, была отозвана. Отношения между Россией и Грузией резко ухудшились, по мнению наблюдателей, после заявления министра обороны России П. Грачева в связи с уничтожением российского вертолета МИ-8 в Абхазии 14 декабря[1].

17 декабря Парламент Грузии принял Заявление, в котором говорилось, что «важнейшим условием строительства добрососедских отношений между двумя государствами будет немедленное прекращение агрессии в отношении Грузии с территории России». В документе также отмечалось: «В процессе подготовки пакета договоров российская сторона, пользуясь создавшимся в Грузии сложным экономическим и политическим положением, старается вести переговоры с позиции силы, игнорирует чрезвычайно важные для интересов нашей страны вопросы, как передача причитающегося Грузии имущества и временное пребывание и сроки вывода российских войск с территории Грузии. В создавшейся обстановке, когда вмешательство во внутренние дела Грузии приняло беспрецедентный характер и в то же время второй раунд переговоров между Грузией и Россией в Москве завершился без ощутимых реальных результатов, Парламент считает продолжение переговоров в таких условиях проблематичным. В связи с этим Парламент Грузии позже вернется к вопросу целесообразности продолжения российско-грузинских переговоров с учетом отношения российских властей к государственному суверенитету Грузии и ее территориальной целостности»[2]. Э. Шеварднадзе заявил, выступая перед парламентариями, что это заявление не означает разрыва всех отношений с Россией, и Грузия по-прежнему заинтересована в равноправных, партнерских и добрососедских взаимоотношениях со своим северным соседом. Глава Грузии также сказал: «Это не означает, что мы хлопаем дверью, мы прагматики и понимаем, что Россия и Грузия всегда будут находиться в сфере взаимных интересов, однако в условиях, когда фактор агрессивности во внешней политике России возрастает и когда идет неприкрытое,

[1] «Независимая газета», № 245… С. 1, 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-19-dekabrya-1992-goda

[2] Газ. «Иберия-Спектр», № 59, 22–28 декабря 1992 г. С. 6.

в том числе и военное вмешательство во внутренние дела суверенной Грузии со стороны России, у нас не остается выбора»[1].

По мнению аналитика Э. Караева, причиной принятия такого решения послужило то, что «грузинская политическая элита и население рассматривали действия российских военных и добровольцев северокавказских народов как войну России против Грузии»[2]. 19 декабря на пресс-конференции в Москве постоянный представитель Грузии А. Чхеидзе с сожалением констатировал ухудшение российско-грузинских отношений[3]. В газете «Свободная Грузия» от 19 декабря депутат Парламента Грузии И. Церетели заявил: «Россия – это империя, у которой есть свои интересы в Грузии… Что касается переговоров с Россией, которые мы прерываем, то их начало было большой глупостью и оплошностью с нашей стороны»[4]. Однако в тот же день, 19 декабря, М. Уклеба заявил, что переговоры с Россией надо продолжить[5].

Э. Шеварднадзе тогда же, отвечая на вопрос – означает ли приостановление переговоров денонсацию российско-грузинских договоренностей, отметил: «Данный акт нельзя считать денонсацией, ибо денонсировать можно лишь то, что получило форму юридически закрепленных обоюдных обязательств. Всеобъемлющего межгосударственного договора, к которому мы искренне стремились, к сожалению, нет. И не по нашей вине. На каждом этапе переговоров возникали новые коллизии, требующие новых компромиссов, на которые мы сознательно шли. Но есть и предел, за которым уже возникают сомнения в жизнеспособности принципа компромиссов. Российско-грузинские взаимоотношения имеют давнюю и большую историю, которая, впрочем, свидетельствует, что отношения были не всегда равноправными, учитывающими обоюдные интересы. Добрососедские отношения России и Грузии являются решающим фактором стабильности в кавказском регионе. Но добрососедство возможно при взаимоуважении, равных правах и рав-

[1] Газ. «Известия», № 273… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-18-dekabrya-1992-goda

[2] Караев Э. Т. Грузия во внешней политике России (1991–2007 гг.) // Журн. «Северо-Кавказский регион». Ростов-на-Дону, 2008. № 2. С. 42.

[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 21, 26 декабря 1992 г.

[4] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 207-208.

[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 164.

ных обязанностях»[1]. Позже, 25 декабря, в своем обращении к русскому населению Грузии Э. Шеварднадзе обвинил неких «представителей российских властей», которые «по существу санкционируют прямое вмешательство в дела другого суверенного государства», в результате чего «сорваны переговоры, спровоцированы захватнические операции в Абхазии»[2].

Тем временем, по сообщению пресс-центра Министерства обороны России, руководство Грузии делало ставку на силовое решение вопроса передачи боевой техники, вооружения и имущества российских частей грузинским военным формированиям. Применением силы пригрозил министр обороны Грузии Китовани, потребовав от российских артиллеристов в Тбилиси 6 установок «Град» и 12 гаубиц. Остерегаясь нападений, поощряемых и санкционируемых грузинскими властями, все гарнизоны ЗакВО на территории республики были вынуждены перейти на осадное положение[3]. Приведу также воспоминание офицера разведотдела бывшей 19-й отдельной армии ПВО майора А. Тимофеева: «В конце декабря 1992 года грузинские спецназовцы без особых усилий захватили 7-й дивизион 144-й зенитной ракетной бригады. При этом в расположении дивизиона остались только два офицера. И это несмотря на то, что министр обороны России строго требовал не спускать глаз с оружия и боевой техники, организовать усиленную их охрану и оборону (все еще действовали официальные указания Грачева открывать огонь на поражение и минировать подходы к арсеналам)»[4].

Впрочем, процесс передачи вооружения Россией Грузии не всегда носил вынужденный характер, чаще он осуществлялся добровольно и на основе взаимных договоренностей. В частности, 25 декабря Поти покинул последний караван российских судов под командованием В. Кищина. После эвакуации Потийской военно-морской базы ЧФ Грузии было оставлено и передано ей: 2 сторожевых корабля, 6 морских кораблей различного назначения, 22 рейдовых судов и катеров, а так-

[1] Газ. «Известия», № 274… С. 1, 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-dekabrya-1992-goda

[2] Газ. «Демократическая Абхазия», №1, 1 января 1993 г.

[3] Газ. «Известия», № 273… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-dekabrya-1992-goda

[4] Баранец В. Н. Генштаб без тайн // http://www.erlib.com

же авиационная техника: 9 вертолетов, аэродром «Мерия» со всей инфраструктурой; техника и имущество ОРАВ; техническое и шкиперское имущество; торпедное, минное, противоминное и противолодочное оружие; имущество ГС и РХБЗ; служба горючего, имущество связи; основные фонды Потийского гарнизона ОКП, бригады ОВРа, береговой батареи и имущество тыла Черноморского флота. Все доставшееся Грузии имущество и корабли оценивались на сумму порядка 110 млн. долларов[1].

26 декабря СМИ передали заявление Э. Шеварднадзе о том, что у него вызвало недоумение сообщение останкинского телевидения о планирующейся встрече и переговорах между Россией и Грузией на уровне премьер-министров и министров обороны. Глава Грузии сообщил, что он выяснил у Т. Китовани, какие были основания для подобной информации. Тот ответил, что российская сторона вроде бы предлагала такую встречу, но определенно сказать нельзя. Э. Шеварднадзе многозначительно заметил: «Не допускаю мысли, что подобные переговоры могут планироваться в обход парламента и мнения главы государства. Это может дорого обойтись стране, и горький опыт у нас уже есть» [2]. Позднее Э. Шеварднадзе также отмечал, что сама встреча Грачева и Китовани находится под вопросом[3]. Однако она произошла 31 декабря в Москве, в ходе которой, по свидетельству В. Митяева, Китовани стал оказывать давление на Россию в целях заставить ее помочь грузинской стороне одержать военную победу в Абхазии[4]. Грузинский министр требовал вывести российские военные части из Абхазии, прекратить полеты российских самолетов над Абхазией и, наконец, при выводе из Грузии российских войск все их военное имущество передать грузинской армии. Его российский коллега отказался, сославшись на то, что такие вопросы решаются на уровне высшего руководства

[1] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир, 2009. С. 285, 287-288.

[2] «Независимая газета», № 250… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-dekabrya-1992-goda

[3] Газ. «Известия», № 279… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-dekabrya-1992-goda

[4] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии //Грузия: проблемы и перспективы развития. М., 2002. С. 56, 57.

страны[1]. А заместитель П. Грачева генерал Г. Кондратьев на заседании российского Парламента высказался менее дипломатично. Он призвал остановить «полнейший беспредел» грузинских властей, если даже для этого понадобится применить российские войска»[2].

28 декабря Министерство обороны Российской Федерации выступило с заявлением, в котором обратилось к главам государств и правительств, где временно находились российские войска, с просьбой безотлагательно принять необходимые меры по недопущению к ним противоправных действий, скорейшему подписанию соглашений об их статусе. В документе подчеркивалось, что за прошедший год в отношении военных объектов, российских военнослужащих и членов их семей допущено около 600 случаев противоправных действий, в результате которых погибли 73 человека[3].

Между тем, у России были свои проблемы во внутренней политике, связанные как с суверенизацией республик, входивших в ее состав, так и с противостоянием исполнительной и законодательной ветвей власти. К концу года ситуация в целом была следующей: особенно упорно добивались суверенитета на официальном уровне республики, имевшие достаточные ресурсы для реальной самостоятельности (например, нефть), с одной стороны, и сложившаяся в общественном мнении ориентация на экономический и политический суверенитет, с другой. Эту группу составляли Татарстан, Башкортостан, Чечня, Якутия. В перечисленных республиках, кроме Якутии, были сильны позиции национального движения, активно агитировавшего за суверенитет. Другую группу составляли республики, выступавшие за экономическую независимость, но только при нахождении республики в экономическом пространстве РФ. К этой группе можно было отнести Удмуртию, Карелию, Коми. Республики этой группы добивались сокращения своих платежей в бюджет РФ, но не могли отказаться от дотаций. Третью группу составляли республики, не имевшие ресурсов для самостоятельного существования вне Российской Федерации: Чувашия, Марий-Эл и Мор-

[1] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. II. Аҟәа, 2005. Ад. 30.
[2] Лакербай Ю. Торг на крови // Дорогой Леона. Сухум, 2003. С. 57.
[3] «Российская газета», № 278... С. 2 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-29-dekabrya-1992-goda

довия, при этом две последние не имели и серьезного экономического потенциала[1].

Противоречия ветвей власти в России особенно ярко проявились в ходе VII Съезда Советов народных депутатов РФ 1-14 декабря. Тогда, подводя предварительный итог Съезда, Ю. Федоров делал следующие выводы: «1. Президент РФ Б.Ельцин и поддерживающие его радикально-демократические круги потерпели крупное политическое поражение. События 10-12 декабря 1992 г. показали, что Б.Ельцин не пользуется безусловной поддержкой армии и сил охраны порядка и что количество его активных сторонников среди населения крайне мало. Назначение на пост премьер-министра не Е.Гайдара, чью кандидатуру открыто и настойчиво поддерживал Б.Ельцин, а В.Черномырдина также свидетельствует о том, что Президент далеко не полностью контролирует политическую ситуацию, вынужден идти на компромисс с оппозицией… 2. В результате происшедших событий серьезно усилились позиции центристской группировки, а также авторитет и реальное влияние законодательной власти. Конституционный суд доказал, что он является важной политической силой, способной в условиях острого кризиса сыграть решающую роль. Произошло серьезное перераспределение влияния в высших эшелонах власти. Если до VII Съезда основная власть была сосредоточена в руках Б.Ельцина и нескольких людей из его ближайшего окружения, то после этого Съезда на более ила менее одинаковый с ним уровень фактически вышли А. Руцкой, Р. Хасбулатов, В. Зорькин и В.Черномырдин… 3. В сложившейся обстановке главный политический конфликт, скорее всего, возникнет между «центристской» группировкой и «непримиримой оппозицией»… 4. В центре политической борьбы в ближайшие месяцы будет подготовка новой Конституции и положений, определяющих условия переходного периода между ее принятием и новыми выборами Президента и парламента»[2].

---

[1] Сенатова О. К. Суверенизация и межнациональные отношения. Итоги 1992 года // http://igpi.ru/monitoring/1047645476/jan1993/suveren.html

[2] Федоров Ю. VII съезд народных депутатов РФ и развитие политической обстановки в России // Журн. «Духовное наследие», № 1, 1993 г. // http://www.rau.su/observer/N01_93/001.HTM

3. 2. Международное сообщество и война в Абхазии (октябрь – декабрь 1992 г.)

Гагрская победа вывела восприятие Абхазии в мире на новый уровень. Эта победа привела не только к освобождению абхазского северо-запада и ухудшению российско-грузинских отношений, но и к более пристальному вниманию международного сообщества к войне в Абхазии. Можно допустить, что если до освобождения Гагры международное сообщество в целом реагировало на события в Абхазии, только уступая просьбам Э. Шеварднадзе, то после успешного наступления абхазов многие на Западе стали воспринимать войну в Абхазии не только как попытку главы Грузии обратить внимание на трудности своей страны для получения моральной и материальной поддержки от Запада. Там к рассматриваемому времени, судя по всему, стало созревать осознание того, что война в Абхазии становится самостоятельным военно-политическим явлением, которое больше невозможно рассматривать как сугубо внутреннее дело Грузинского государства. Стало понятно, что сидя за чайным столиком в Тбилиси с грузинскими чиновниками, как это делал посланник ООН Г. Фейсал, решать проблемы Абхазии не получится. Хотя международное сообщество продолжало называть войну в Абхазии внутренним конфликтом Грузии, стало очевидным то, что восприятие проблем Абхазии вышло далеко за рамки официально декларировавшихся принципов. Сам факт обращения Грузии за помощью, в том числе военной, к международному сообществу уже свидетельствовал о том, что эта проблема не может быть внутренним делом Грузии. На Западе не могли не понимать этого.

Как уже говорилось, в первый день Гагрского наступления Грузия обратилась в ООН, а затем и к НАТО. 6 октября Генсек ООН получил послание за подписью Д. Иоселиани, в котором подчеркивалась «серьезность ситуации» и содержалась «просьба об оказании поддержки со стороны Организации Объединенных Наций». На следующий день, 7 октября, Генеральный секретарь обратился с письмом к Председателю Совета Безопасности ООН, в котором отмечалось: «Учитывая серьезное ужесточение абхазского конфликта, я намерен в срочном поряд-

ке направить в этот район новую миссию Организации Объединенных Наций, возглавляемую заместителем Генерального секретаря»[1]. 8 октября, уже после завершения Гагрского наступления, Председатель Совета Безопасности ООН выразил «глубочайшую озабоченность ухудшением ситуации в Грузии, призывал все стороны прекратить боевые действия и соблюдать условия Соглашения от 3 сентября 1992 г., подписанного в Москве, которое подтверждает территориальную целостность Грузии»[2]. В тот же день Совет Безопасности также поддержал названное решение Генерального секретаря направить в зону вооруженного противостояния еще одну миссию[3]. 8 октября Конгресс абхазо-абазин обратился к ООН с призывом «защитить абхазский народ, не допустить его геноцида и в соответствии с международными законами обеспечить ему на деле его право на самоопределение»[4].

Тем временем в ходе своего турне по западным столицам министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе побывал в Брюсселе. Он прибыл туда с целью передать послание Госсовета Грузии Совету НАТО и Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором содержалась просьба употребить все возможные средства «для защиты территориальной целостности Грузии»[5]. Действительно, обращение Э. Шеварднадзе за помощью к НАТО и СБСЕ, а также его признание в том, что он «впервые в жизни не знает, что делать», судя по сообщениям зарубежных СМИ, вызвали обеспокоенность в мире, но не более того. По сообщению Лондонской радиостанции Би-Би-Си, Генеральный секретарь НАТО М. Вернер, выразив озабоченность ситуацией в Грузии, в то же время, заявил: «У нас без того достаточно конфликтов, кризисов и войн в евроатлантическом регионе, нам не нужно новых»[6]. А государственный департамент США тогда сделал абстрактное заявление о поддержке усилий, направленных на мирное решение проблемы. Позицию США по этому вопросу к тому времени в интервью агентству Рейтер выразил высокопоставленный американский представитель, который ис-

[1] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 12.
[2] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 39.
[3] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 13.
[4] Газ. «Республика Абхазия», 9–11 октября 1992 г.
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 4, 9 октября1992 г.
[6] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 283.

ключил «использование НАТО для оказания военной помощи Грузии»[1]. С другой стороны, предпринимались дипломатические шаги, призванные обозначить позицию Запада и международных организаций по отношению к событиям в регионе.

Тем временем названная миссия во главе с заместителем Генерального секретаря ООН А. Бланком прибыла в Тбилиси. В ее состав входил также и руководитель миссии, которая побывала здесь за месяц до этого – Г. Фейсал. 13 октября, сразу по прибытии в Тбилиси, через два дня после выборов в Грузии, миссия встретилась с Э. Шеварднадзе, Т. Сигуа, Т. Китовани, С. Кавсадзе. 14 октября участники миссии прилетели в Сухум, где Д. Иоселиани и «другие лица» «провели для них брифинг о положении в данном районе»[2]. Здесь они также встретились с главой оккупационного режима Сухума Т. Надарейшвили. Делегация ООН в тот же день «с целью принудить абхазское руководство к уступкам» побывала и в Гудауте[3]. Действительно, А. Бланка «не успев сойти с трапа самолета на Гудаутском военном аэродроме, заявил о необходимости восстановления статус-кво, существовавшего до 1 октября»[4], что означало возвращение грузинской стороне освобожденных от оккупантов г. Гагры и всей северо-западной части Абхазии. В тот же день состоялась встреча В. Ардзинба с членами миссии, которые передали послание Генсека ООН и Совета Безопасности. В нем была высказана озабоченность военным конфликтом между Абхазией и Грузией. В. Ардзинба напомнил, что ряд посланий абхазской стороны на имя Генсека ООН остается без внимания, между тем как послания Э. Шеварднадзе об оказании помощи сразу получают соответствующую реакцию. Тогда как, по мнению лидера Абхазии, при рассмотрении в ООН вопроса о вооруженном конфликте между сторонами необходимо обязательное присутствие их представителей – Абхазии и Грузии[5]. В. Ардзинба во время встречи отметил: «Абхазы – малочисленный народ, но они не меньше любят свою родину, чем англичане свою Англию, и американцы свою

[1] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 45.
[2] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 15.
[3] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.
[4] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 39.
[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 300-301.

Америку, и не хуже будут защищать ее, чем англичане Англию, а американцы – Америку». На предложение абхазской стороны ознакомиться с местами боев, с материалами об Абхазии, делегация ООН никак не отреагировала. Чуть позже В. Ардзинба признал, что «визит оставил удручающее впечатление»[1]. Членам миссии было вручено письмо на имя Б. Гали, в котором говорилось, что «основой достижения мира и спокойствия в зоне конфликта является вывод войск Грузии с территории Абхазии»[2]. В свою очередь руководитель делегации А. Бланка заверил, что позиция абхазского Парламента будет доведена до сведения Генсека ООН[3].

15 октября миссия, вернувшись в Тбилиси, снова встретилась с Э. Шеварднадзе. Перед началом встречи А. Бланка заявил, что «пока вопрос о вводе войск на территорию Абхазии не стоит»[4]. В ходе самой встречи «были рассмотрены последние события и обсуждены выводы миссии и возможные меры»[5]. Между тем, комментируя пребывание миссии в Гудауте, министр Грузии по делам Абхазии Г. Хаиндрава выразил сожаление, что абхазская сторона не предоставила им возможности посетить Гагру[6]. Абхазская сторона придерживалась другой точки зрения. В частности, В. Ардзинба рассматриваемый визит прокомментировал следующим образом: «У нас дважды по представлению Грузии побывали делегации ООН. Последний визит оставил удручающее впечатление. Побывали у нас после поездки в Тбилиси, а к нам заглянули будто для галочки. Говорим им: поедем в места, где прошла и идет война, познакомьтесь с материалами, из которых вы узнаете, что за страна и государство – Абхазия, представим вам все, что необходимо. Реакции почти никакой»[7]. Члены миссии также остались недовольны встречей с В. Ардзинба. На состоявшейся по итогам этой встречи в Сухуме пресс-конференции А. Бланка заявил, что надежды на мир в этом регионе он связывает с именем Шеварднадзе, отметив при этом его «огромный

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 229.
[2] Там же. С. 226.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 300, 301.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 10, 16 октября 1992 г.
[5] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 15.
[6] Газ. «Коммерсантъ», № 10, 16 октября 1992 г.
[7] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=78

авторитет» в ООН. Глава миссии также тогда отметил, что был намерен сделать доклад по Абхазии в Совете Безопасности ООН[1].

Действительно, миссия по итогам этого визита представила Генеральному секретарю доклад, в котором выражалось сожаление по поводу того, что «абхазские силы при поддержке боевиков с Северного Кавказа захватили город Гагру и за короткое время установили контроль над районом, простирающимся от северной линии прекращения огня вдоль реки Бзыбь до границы с Российской Федерацией на севере и западе», что, по ее мнению, привело к значительному осложнению ситуации. Далее в докладе с явным предубеждением констатировалось, что «абхазские и северокавказские силы совершили нападения на город Очамчыра». Речь в докладе, как видно, идет не о попытке освобождения абхазами своего города, что на самом деле и имело место, а о «нападении», к которому обычно прибегают для захвата чужих территорий. Это в устах международной гуманитарной организации выглядело вдвойне кощунственным. Впрочем, данный доклад не являлся исключением из правил и был составлен в духе предшествовавших и последовавших за ним документов, являвшихся образцом торжества двойных стандартов. Далее в докладе миссии выражались опасения по поводу того, что «если абхазцам удастся захватить Очамчыру, это может привести к падению Сухуми, и, таким образом, под контролем абхазцев окажется около 80% территории Абхазии»[2]. Как видно, в ООН были озабочены возможным «падением» Сухума и увеличением подконтрольной абхазам территории, а не прекращением самой войны, а об обуздании агрессора речи вовсе и не было. Геноцид, которому подвергался абхазский народ, в Нью-Йорке упорно не желали замечать. По логике международных чиновников, видимо, важнее было сохранение мифической «территориальной целостности» Грузии, если даже на другую чашу весов была поставлена судьба целого народа. Впрочем, названные выводы не могли быть иными изначально, ибо, как было отмечено, они до обнародования были сверены с самим Э. Шеварднадзе. Правда, не совсем понятно, зачем были нужны подобные миссии, если они повторяли доводы главы грузинского государства?!

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 11, 17 октября 1992 г.
[2] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 15.

Тем временем еще 15 октября состоялась конфиденциальная беседа заместителя госсекретаря США Р. Роджерса с Э. Шеварднадзе[1]. 16 октября прибыла в Тбилиси делегация Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). По пути в Грузию делегация СБСЕ, в которую входили представители Венгрии и Германии, провела ряд встреч в Москве, в частности, в Министерстве иностранных дел и в Государственном комитете России по чрезвычайным ситуациям. На встрече с членом президиума Верховного Совета России Н. Медведевым глава делегации И. Дьярмати заявил, что, по его мнению, участие России в урегулировании конфликтов в рамках СБСЕ лучше бы воспринималось международным сообществом, и в этом случае «не звучали бы обвинения в адрес Москвы в имперских амбициях»[2]. 18 октября названная делегация СБСЕ прибыла в Абхазию. В тот же день состоялись переговоры главы делегации И. Дьярмати с Председателем ВС Абхазии В. Ардзинба, который заявил: «Абхазия не будет рабом грузинской империи, и поэтому Грузия должна знать, что в соответствии с основополагающими документами Международного права ей не следует решать проблемы путем применения силы»[3]. Правда, никому, в том числе международным организациям, не было дела до Международного права. Международных представителей заботило, в первую очередь, удержание Э. Шеварднадзе у власти в Грузии и сохранение ее «территориальной целостности».

31 октября президенты Турции, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и Киргизии[4] подписали Анкаринскую декларацию. В политическом разделе документа было выражено намерение сторон предпринять совместные усилия по укреплению стабильности в регионе; способствовать решению региональных конфликтов политическим путем; соблюдать принципы уважения территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела других стран; про-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 10, 16 октября 1992 г.

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 11, 17 октября 1992 г.

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 31-32.

[4] Небезынтересно отметить, что эти же пять стран - Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан в конце ноября 1992 г. вступили в Организацию экономического сотрудничества, созданную в 1964 году Ираном, Пакистаном и Турцией.

водить согласованную политику на международной арене. Экономический раздел Анкаринской декларации предусматривал, в частности, сотрудничество шести стран в сфере технологии и коммуникаций, разработку и реализацию совместных проектов в нефтяной и газовой промышленности[1]. Как уже отмечалось, позиция Турции относительно войны в Абхазии была важна и показательна по многим обстоятельствам. Создание названного союза могло свидетельствовать о формировании еще одного центра притяжения сил в целом в регионе и, в частности, вокруг войны в Абхазии. Подтверждением этому может служить и тот факт, что 2 ноября официальный Тбилиси обратился к Турции с просьбой о посредничестве между Абхазией и Грузией[2], что уже само по себе с большой натяжкой можно рассматривать как дружественный акт по отношению к России. В ответ на это обращение МИД Турции сразу же приступил к консультациям с депутатской группой турецкого парламента, которая была сформирована для посещения Абхазии в качестве наблюдателей и посредничества в решении абхазского вопроса. Уже 3 ноября МИД Турции поручил Красному Полумесяцу подготовить к отправке гуманитарную помощь в 1000 тонн, которая была предназначена для Абхазии и Грузии. Судно с грузом должно прибыть в Поти и оставить часть гуманитарной помощи (чтобы не обидеть руководство Грузии), а остальной груз гуманитарной помощи в течение недели должен был быть доставлен в Абхазию, в г. Гудауту.

На фоне названных событий в Москве прошли консультации глав внешнеполитических ведомств России и Грузии по подготовке встречи лидеров двух стран. «Приемлемая для всех сторон формула пока не найдена», – заявил по окончании переговоров министр иностранных дел России А. Козырев. По его словам, работа над решением, устраивающим все стороны, будет продолжаться[3]. Однако Э. Шеварднадзе выразил сомнение по поводу возможной встречи с Б. Ельциным[4]. 2 ноября заместитель министра иностранных дел Грузии Т. Джапаридзе заявил о том, что, несмотря на то что ведется подготовка к встрече А. Козырева

[1] «Независимая газета», № 212, 3 ноября 1992 г. С. 1
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 174.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 11, 17 октября 1992 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 103.

и Э. Шеварднадзе, «многое зависит от результатов завтрашних выборов Президента США»[1]. Почти одновременно сам визит А. Козырева в Грузию, а затем в Абхазию был отменен в связи с тем, что «грузинское правительство заранее выдвинуло России неприемлемое для него условие в урегулировании их военного конфликта с Абхазией»[2]. На фоне всего этого со 2 по 4 ноября в Грозном, в столице, мятежной по отношению к Москве Чечни, находилась делегация Грузии, а 4 ноября совместная чечено-грузинская делегация прибыла в Сухум[3], а на следующий день – в Гудауту, где проводила переговоры с абхазской стороной. К этим переговорам в самой Грузии и в оккупированном Сухуме, не говоря уже о Гудауте, многие относились весьма сдержанно и скептически, но сам факт их проведения без участия представителей Москвы, мог свидетельствовать о стремлении решения абхазской проблемы минуя Россию. Все это, в контексте активизации внимания к региону и происходящим здесь событиям со стороны международных организаций, могло служить дополнительным аргументом в пользу изменения внешнеполитического вектора Грузии и, соответственно, поиска ею новых стратегических партнеров. Об этом красноречиво свидетельствует и то, что Э. Шеварднадзе был одним из первых политиков, с которым имел встречу Б. Клинтон сразу же после своего избрания Президентом США, еще до вступления в должность. Многие аналитики до выборов в США предсказывали возможность того, что демократ Б. Клинтон в случае его избрания может занять позицию, отличную от позиции президента республиканца Д. Буша по отношению к абхазо-грузинской войне. Появлению подобных предположений способствовали и некоторые заявления самого Б. Клинтона, озвученные им в ходе предвыборной кампании. 4 ноября, после того, как стало известно об итогах выборов Президента США, Председатель Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба, Президент КНК М. Шанибов и представитель Абхазии в Москве И. Ахба поздравили Б. Клинтона с избранием и выразили надежду на его поддержку народов Кавказа в их справедливой войне[4].

---

[1] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 36.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 69.
[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 145.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 183-185.

Поздравление Б. Клинтону направил также и Э. Шеварднадзе. И новый глава администрации Белого дома, конечно же, оставив без реагирования письма представителей противной стороны, написал грузинскому лидеру ответное послание, в котором благодарил его за поздравление. В этом послании, предвкушая свое скорое вступление в должность, Б. Клинтон писал: «США должны активно участвовать в мировых глобальных процессах и продолжать играть ведущую роль. С нетерпением жду сотрудничества с вами и другими лидерами мира для достижения наших общих целей»[1]. Надо сказать, что Б. Клинтон дождался встречи с Э. Шеварднадзе до своего вступления в должность, во время которой глава Грузии заявил: «От активности США зависит, чтобы на планете как можно скорее установились мир и стабилизация. В этом заинтересованы все, в том числе и находящаяся далеко от Америки страна – Грузия». Э. Шеварднадзе также заметил, что Кавказ – серьезный регион, и если происходящие здесь процессы не станут управляемыми, то он превратится во второй Ливан или Югославию, что, в свою очередь, «дорого обойдется не только Европе, но и всему миру»[2].

Процитированное письмо и встреча Б. Клинтона с Э. Шеварднадзе развеяли всякие сомнения относительно преемственности политики Белого дома по отношению к военно-политическим событиям в Абхазии. Более того, в названном послании нового президента без тени застенчивости говорилось о более активном участии США в глобальных процессах и о ведущей роли, которую они должны играть в мире. А тезис Б. Клинтона об общих целях с Грузией на фоне антироссийской риторики официального Тбилиси уже свидетельствовал о направленности глобального сотрудничества. Наконец, новоиспеченный Президент США провозгласил Э. Шеварднадзе одним из лидеров мира, с которым он с нетерпением ждал сотрудничества в решении судьбоносных проблем человечества. Но для того, чтобы думать о судьбах человечества, главе Грузии необходимо было избавиться от дум мирских и суетных. А это в условиях, в которых оказалась Грузия, было возможно только в случае оказания ей, наряду с политической и экономической, еще и гуманитарной помощи. И словно давая возможность своему пре-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 2, 15 января 1993 г.
[2] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 160.

емнику избавиться от необходимости разговаривать с Э. Шеварднадзе на эти малоприятные темы, потерпевший на выборах поражение, но пока действовавший Президент Д. Буш также обратился с письмом к главе Грузии, в котором сообщал, что «США принимают все меры, чтобы помочь Грузии в крайне бедственный период». Далее в письме было изложено: «С целью оказания срочной гуманитарной и медицинской помощи мы планируем в январе безвозмездно поставить вам детское питание и другие товары стоимостью около 10 миллионов долларов. К 1 февраля от крупной корпорации США пришлем 250 тонн продуктов детского питания. Кроме того, окажем срочную медицинскую помощь на сумму 1 миллион долларов согласно перечню, присланному вашим министерством здравоохранения. Дополнительно обещаем сделать все, чтобы ускорить поставку 100 000 тонн высококачественного фуражного зерна»[1].

Тем временем самой воюющей Абхазии, несмотря на всю ее решимость, было очень тяжело противостоять грузинской военной мощи в одиночку. Наряду с проблемами фронтов и оккупированных территорий, где абхазы подвергались физическому и культурному геноциду, не менее остро стояли и задачи тылового обеспечения. Хотя Гагра уже была освобождена, немалая часть территории Абхазии всё еще оставалась под контролем оккупантов, и, следовательно, ресурсы для самостоятельного жизнеобеспечения были весьма ограничены. В связи с этим 2 ноября В. Ардзинба вынужден был обратиться к Б. Ельцину с просьбой об оказании гуманитарной помощи Абхазии. В документе говорилось: «Учитывая, что республиканские власти не в состоянии организовать охрану и распределение продуктов питания, а также материальных ценностей, которые могут поступать в качестве гуманитарной помощи, необходимо привлечение миротворческих сил. Как показывает мировая практика, это делается с привлечением сил ООН... Во избежание возможных заявлений о том, что российские войска оказывают поддержку какой-либо из конфликтующих сторон, для обеспечения контроля за действиями российских войск полагал бы необходимым привлечь наблюдателей из ООН, стран СНГ и других международных

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 2, 15 января 1993 г.

организаций»[1]. В тот же день, 2 ноября, глава Абхазии направил Обращение к Генсеку ООН, в котором сообщал о том, что абхазская сторона вынуждена обратиться к России с просьбой об оказании гуманитарной помощи, а также о возложении на воинские подразделения российских Вооруженных сил функций по охране и распределению продуктов питания и других ценностей. Далее в документе предлагалось «во избежание возможных жалоб о поддержке российскими войсками одной из конфликтующих сторон» направить в Абхазию международных наблюдателей по контролю за их действиями[2]. Это обращение было рассмотрено 4 ноября на Совете Безопасности России[3]. Но уже по установившейся традиции от международного сообщества в лице ООН и СБСЕ ответа не последовало.

Зато на обращения, посланные ранее, откликнулась Организация непредставленных народов. 2 ноября ее делегация во главе с Генеральным секретарем ОНН М. ван Праагом прибыла в Гудауту. Перед этим А. Схолбах – член голландского Парламента, председатель штаба Комиссии по иностранным делам и безопасности ОНН – сказал: «Дней 20 назад на заседании штаба Комиссии по иностранным делам и безопасности ОНН обсуждался абхазо-грузинский конфликт. Из-за отсутствия полной информации вопрос остался открытым. Проблема обсуждалась в связи с обращением в НАТО. Единственная информация – интервью Шеварднадзе «Гардиан» и «Фигаро». Отсюда и цель поездки – разобраться в ситуации самостоятельно»[4]. Уже по прибытии в Гудауту М. Праг отметил: «Мы прибыли сюда, чтобы на месте ознакомиться со сложившейся ситуацией, обсудить возможные пути урегулирования конфликта»[5]. 3 ноября члены миссии побывали в г. Гагре, посетили госпиталь, ознакомились с условиями военнопленных, побеседовали с беженцами из оккупированных грузинскими войсками районов Абхазии. Тем же вечером состоялась их встреча с В. Ардзинба, который подчеркнул, что все действия руководства Республики Абхазия исходят из стремления

[1] Этлухов О. Зов крови. М., 2003. С.241.
[2] Там же. С. 243.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 190.
[4] Там же. С. 159.
[5] Там же. С. 165.

сохранить свою государственность. «Пример Абхазии – яркое свидетельство незащищенности малочисленных народов», – заявил он. В заключение В. Ардзинба сказал, что «война – не наш выбор, если бы мы не оказали сопротивления агрессии, то наша судьба оказалось бы еще трагичнее». Миссия также встретилась с президентом КНК М. Шанибовым[1], а 4 ноября перед отъездом из Абхазии в Гудауте устроила пресс-конференцию. На ней Генеральный секретарь ОНН М. Праг заявил: «Мы ясно отдаем отчет в том, что абхазский народ воюет сейчас не только за свою землю, но и за сохранение себя как этноса». Председатель Генеральной ассамблеи ОНН, представитель Эстонии, Л. Мялль отметил: «Кроме прав человека, также существуют и права народов. Абхазия – это, прежде всего, родина абхазов, и как государство она имеет право на существование. Вот почему я считаю, что войска Госсовета, какими бы объяснениями это не прикрывалось, совершили агрессию против Абхазии»[2]. Затем делегация посетила Сочи, Гудауту, Сухум, Тбилиси, Грозный, встретилась с Э. Шеварднадзе, Д. Дудаевым и З. Гамсахурдиа. 7 ноября в Москве состоялась заключительная пресс-конференция, на которой М. ван Праг выступил с заявлением, в котором, в частности, отмечалось: «В настоящее время необходимо активное и эффективное посредничество… Если международное сообщество срочно не уделит внимание ситуации в Абхазии, то существует серьезная опасность продолжения войны и распространения эскалации в соседние регионы»[3]. Опасения в отношении «возможного расширения зоны конфликта на Кавказе» содержались и в письме Э. Шеварднадзе Генсеку ООН от 11 ноября 1992 г. Глава Грузии предупреждал международное сообщество, что «если начнется еще одна кавказская война, то она будет иметь катастрофические последствия не только для Кавказа»[4]. Чуть ранее А. Кавсадзе, говоря о возможных путях решения вопроса Абхазии, отмечал: «Выход мне видится и в подключении к миротворческой деятельности ООН и СБСЕ. Встречи с их представителями обнадеживают. Однако вполне может помешать этим планам непримиримая полити-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 182.
[2] Там же. С. 207.
[3] Там же. С. 201.
[4] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 74.

ка Ардзинбы. Выдвигаемые им требования, я считаю, неприемлемы и нелогичны»[1].

Тем временем предостережение об опасности перерастания конфликта на соседние территории и констатация фактической предвзятости ООН и СБСЕ, прозвучавшие в заявлении Генерального секретаря ОНН, не могло не вызвать озабоченности в стенах международных организаций. В сложившихся тогда условиях полное игнорирование абхазского вопроса могло бы привести к появлению нового влиятельного игрока на поле грузино-абхазского противостояния в лице Организации непредставленных народов, что привело бы к тому, что ООН и СБСЕ перестали бы занимать ведущее положение в вопросах урегулирования данного конфликта. 10 ноября в письме Генерального секретаря на имя Председателя Совета Безопасности ООН было высказано пожелание о том, что «Организация Объединенных Наций, в рамках поддержки усилий президента Ельцина, могла бы оказать сторонам помощь в восстановлении взаимного доверия, устранении препятствий на пути мирного процесса, начатого на встрече в Москве, ослаблении подозрительности в отношениях между сторонами и в пресечении очевидного все большего стремления полагаться больше на силу, нежели на урегулирование путем переговоров». В частности, Генсек ООН считал целесообразным предложить сторонам «провести, не выдвигая предварительных условий, встречу на самом высоком уровне в целях обеспечения действенного прекращения огня и возобновления мирного процесса». Б. Гали также в письме сообщал, что «в Грузии остались два сотрудника ООН для обеспечения первоначального присутствия Организации Объединенных Наций»[2]. На следующий день, 11 ноября, Э. Шеварднадзе направил письмо на имя Генерального секретаря ООН, в котором, в частности, «указывал, что конфронтация в Абхазии приобрела более острый характер и число жертв увеличивается». Он также призвал Совет Безопасности «принять меры в поддержку мирного урегулирования абхазского кризиса»[3].

---

[1] «Российская газета», № 241… С. 7 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-5-noyabrya-1992-goda

[2] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 14.

[3] Там же. С. 22.

29 ноября вечером группа наблюдателей ООН во главе с М. Сташевским прибыла в Гудауту. В тот же день состоялась ее встреча с депутатами Верховного Совета Абхазии, на которой обсуждались вопросы, связанные с осуществлением миссии группы наблюдателей[1]. Однако в целом позиция международных организаций в лице ООН и СБСЕ осталась неизменной, и они продолжали оказывать одностороннюю поддержку Грузии и лично Э. Шеварднадзе. Тем временем 3 декабря 1992 г. в Тбилиси была учреждена и миссия СБСЕ, но она, по мнению В. Пряхина, играла вспомогательную по отношению к ООН роль[2].

Глава Грузии 7–8 декабря выступил с воинственными заявлениями о скором полном разгроме Абхазии. По мнению аналитиков, Э. Шеварднадзе и здесь действовал с оглядкой на Запад. Обозреватель «Правды» тогда в связи с этим писал: «Он надеется: грузинское лобби в структурах ООН и СБСЕ сработает синхронно, а зарубежные лидеры, чтя его заслуги по развалу СССР, сделают вид, что никакого геноцида абхазов не существует»[3]. 12 декабря в Тбилиси прибыл однозвездный генерал США О. Шаликашвили – старший брат главнокомандующего войсками США, дислоцированными в Европе, Д. Шаликашвили. Ему неоднократно предлагалось стать советником-инструктором Министерства обороны, и этот его визит в Грузию некоторые наблюдатели связывали с тем, что он, возможно, согласится на это предложение[4]. 13 декабря состоялась встреча Э. Шеварднадзе с американским генералом.

Здесь, на мой взгляд, нужно обратить внимание и на следующее обстоятельство: «СБ ООН своей резолюцией № 794 от 3 декабря 1992 г. уполномочил США (которые вызвались сами) «помочь в создании безопасных условий для оказания гуманитарной помощи в Сомали» на основании главы 7 Устава ООН, т. е. с правом использовать военную силу в необходимых размерах. Так началась операция «Возрождение надежды». Для ее проведения была создана Объединенная оперативная группировка войск (ЮНИТАФ) общей численностью около 37 тыс.

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 100.

[2] Пряхин В. Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве // http://www.abkhaziya.org/books/region_confl.html

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 184.

[4] Там же. С. 230.

военнослужащих»[1]. Думается, принятие названной резолюции СБ, которая, кстати, впервые дало право вооруженным силам одной страны предпринимать военные действия от имени ООН, и усиление воинственного тона Э. Шеварднадзе по времени совпали не случайно. Судя по всему, резолюция СБ убедила главу Грузии в возможности задействования этого же механизма, хотя бы в какой-то форме, и в Абхазии, что привело бы к нейтрализации российского фактора.

14 декабря А. Козырев на стокгольмской сессии Совета СБСЕ выступил с заявлением, которое «прозвучало как гром среди ясного неба». Министр иностранных дел России сказал: «Я должен внести поправки в концепцию российской внешней политики, о которых в части, касающейся проблем СБСЕ, хочу кратко информировать. Первое. Сохраняя в целом курс на вхождение в Европу, мы отчетливо сознаем, что наши традиции во многом, если не в основном, в Азии, а это устанавливает пределы сближения с Западной Европой. Мы видим наряду с некоторой эволюцией по сути неизменные целеустановки НАТО и ЕЭС, разрабатывающих планы укрепления своего военного присутствия в Прибалтике и других районах на территории бывшего Советского Союза, вмешательства в Боснии и во внутренние дела Югославии. Второе. Пространство бывшего Советского Союза не может рассматриваться как зона полного применения норм СБСЕ. Третье. Все, кто рассчитывает, что можно не считаться с этими особенностями и интересами, что Россию ожидает судьба Советского Союза, не должны забывать, что речь идет о государстве, способном постоять за себя и своих друзей. Разумеется, мы готовы конструктивно участвовать в работе Совета СБСЕ, хотя будем весьма осторожно относиться к идеям, ведущим к вмешательству во внутренние дела»[2].

Услышав стокгольмскую речь А. Козырева, по сообщениям СМИ, госсекретарь США Л. Иглбергер «схватился за сердце». Канцлер ФРГ Г. Коль, совершивший государственный визит в столицу России 15-16 декабря, «не проявил излишней впечатлительности в связи с козыревским демаршем в Стокгольме»[3]. Однако речь российского министра в

[1] Шепова Н. Миротворчество как способ предотвращения и урегулирования современных вооруженных конфликтов // Отечественные записки. № 5. 2005. С. 177.

[2] «Независимая газета», № 241… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-15-dekabrya-1992-goda

[3] Фоменко В. Коль в Москве // Журн. «Духовное наследие», № 1, 1993 г. // http://www.rau.su/observer/N01_93/019.HTM

столице Швеции, судя по всему, произвела также большое негативное впечатление на, и без того, к слову сказать, очень впечатлительных, грузинских политиков. Уже 15 декабря Э. Шеварднадзе подчеркнул: «В России идут довольно настораживающие процессы, в частности, сенсационное заявление А. Козырева в Стокгольме. Поэтому необходимо проанализировать сложившуюся ситуацию и лишь после этого делать какие-либо реальные шаги»[1]. Спустя три дня грузинский Парламент расценил названное заявление министра иностранных дел России как «попытку нового сколачивания империи» и «рецидив российской имперской политики»[2]. 16 декабря, встречаясь с миссией Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе, спикер парламента Грузии В. Гогуадзе заявил, что российско-грузинские переговоры в Москве приостановлены. Тогда же Э. Шеварднадзе, комментируя приостановление российско-грузинского переговорного процесса, многозначительно отметил: «Пожар на Кавказе опалит всех. А если объективность заслоняют эмоции, следует, наверное, прибегнуть к третейскому суду в лице мировой общественности, международных организаций»[3]. В 1996 г. А. Чикваидзе, бывший в рассматриваемое время министром иностранных дел Грузии, вспоминая названные события, писал: «В конце 1992 года парламент с особой остротой поставил перед Министерством иностранных дел вопрос о немедленном интегрировании в Организацию североатлантического договора. Более того, некоторые парламентарии требовали ни больше, ни меньше, как введение в Грузию войск НАТО для урегулирования абхазского конфликта. Причем требовали так категорически, что в повестку дня был внесен вопрос о необходимости встречи с тогдашним генеральным секретарем НАТО М. Вернером на предмет зондирования почвы»[4].

Все это свидетельствовало о том, что в силу разочарования тбилисских властей в ожидаемой всесторонней и однозначной поддержке России Грузия встала на путь очередного разворота вектора политической ориентации. На этот раз этим вектором являлся Запад или США. И этот поворот теперь уже, судя по всему, не был простым политическим

[1] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 198.

[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 21, 26 декабря 1992 г.

[3] Газ. «Известия», № 274… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-dekabrya-1992-goda

[4] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 219.

шантажом России, с тем, чтобы она более внимательно относилась к интересам Грузии, нежели к своим собственным. Грузия в это время была во власти пропаганды о «красно-коричневой» Москве, а российское государство представлялось как чудовищная империя, защищающая свои интересы в Грузии. Но что преследовали США, «стратегический» союз с которыми с Грузией к тому времени начинал обозначаться? Конечно же, в Грузии осознавали, что равноправные отношения между государствами возможны только тогда, когда обе стороны в действительности обладают одинаковой силой и возможностью. Но Э. Шеварднадзе, для которого в нужное время «солнце всходило на Севере (в Москве)», показалось, что теперь пора ему всходить на Западе (в Вашингтоне). А в качестве обоснования правильности данного разворота «красно-коричневой» Москве противопоставлялся демократический Запад, который по складу и образу мышления гармонично сочетался с грузинскими ценностями. И в силу последнего обстоятельства Грузия и грузинская нация могут гармонировать и существовать полноценно только в соответствии и содружестве с западными, т. е. американскими ценностями. Грузия демонстративно прервала переговоры с Россией, несмотря на то, что договор между ними был выгоден в первую очередь именно ей. Здесь просматривается поступок, который не мог бы быть продиктованным ничем иным, как стремлением «перешагнуть» через Россию и продемонстрировать это всему миру и, прежде всего, своим новым союзникам. Но при этом грузинская элита, обратившись на Запад, «не сжигала мосты» и оставляла пути отхода к России. Если вдруг, в силу различных причин, которых в политике, тем более в столь динамично развивающейся, может быть множество, Запад откажется от объятий Грузии, то тбилисские стратеги могли вновь постучаться в дверь России. Об этом открыто и без всякого дипломатического прикрытия в газете «Свободная Грузия» от 19 декабря заявил депутат Парламента Грузии И. Церетели. В его устах это прозвучало таким образом: «Четырехвековые попытки наладить нормальные взаимоотношения с Россией доказывают, что это пустая трата энергии. Давайте лучше искать пути к тем странам, которые с точки зрения демократии явно не будут плохими партнерами. В Америке, в Европе. Не пойдут – не надо. И только после этого, если ничего не выйдет, обратимся к России»[1]. А сама

[1] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 207, 208.

Россия, исходя из множества обстоятельств, также продолжала вести, на первый взгляд, неустойчивую и непринципиальную политику по отношению к Грузии. Но при более или менее детальном рассмотрении этой политики можно сказать, что она была достаточно продуманной, хотя, конечно же, далеко не идеальной и не всегда соответствовала интересам самой же России, поскольку зависела от многих взаимосвязанных как внешних, так и внутренних факторов.

Тем временем стокгольмское выступление А. Козырева, вызвавшее шок в мире и в самой России, оказалось пророческим в гораздо большей степени, чем казалось сначала. Тогда в подтверждение его слов о том, что «наши традиции во многом, если не в основном, в Азии», состоялся визит Президента России в Китай, где он предложил «открыть новую эру в двусторонних отношениях»[1]. 17 декабря Верховный Совет России принял резолюцию по Югославии, резко контрастирующую с политикой, которую до этого проводила российская дипломатия[2]. Но при этом был и еще один существенный момент во всей этой названной истории с заявлением – внутрироссийский аспект, поскольку, общеизвестно, внутренняя и внешняя политика стран являются продолжением друг друга. Однако в силу того, что эта работа посвящена рассмотрению других вопросов, ограничусь сказанным.

25 декабря[3] в письме на имя Генерального секретаря ООН Э. Шеварднадзе «высказал глубокую обеспокоенность в связи с тем, что эскалация конфликта в Абхазии может повлечь за собой дестабилизацию положения во всем Кавказском регионе». В частности, он отметил, что «проникновение нерегулярных формирований и военные поставки с Северо-Кавказского региона Российской Федерации, направленные на поддержку абхазских сил, продолжаются». Глава Грузии вновь «просил включить вопрос об абхазском конфликте в по-

[1] «Независимая газета», № 244… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-dekabrya-1992-goda

[2] Газ. «Известия», № 273… С. 4. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-dekabrya-1992-goda

[3] В этот же день Верховный Совет России принял Постановление, в котором обвинил грузинскую сторону в грубом нарушении договоренностей о правовом статусе пребывания воинских частей на территории Грузии. ВС России обязал правительство представить предложения о возможных санкциях по отношению к Грузии в случае непринятия грузинской стороной мер, обеспечивающих безопасность граждан и имущества РФ на территории Грузии.

вестку дня Совета Безопасности и, учитывая возможность эскалации конфликта, предложил обсудить его на официальном заседании Совета». При этом он заявил, что «Совет Безопасности, возможно, пожелает принять резолюцию, предусматривающую, в частности, направление в Абхазию сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира». Кроме того, он счел «необходимым, чтобы Совет обратился ко всем государствам – членам Организации Объединенных Наций с призывом не допускать каких-либо посягательств на территориальную целостность Республики Грузия»[1]. В тот же день на имя Генсека ООН была направлена вербальная нота МИД Грузии с аналогичной просьбой»[2]. Названное послание Э. Шеварднадзе к Генсеку ООН было наполнено антироссийской риторикой. В нем, в частности, было сказано: «Эшелоны с оружием и боеприпасами беспрепятственно проходят из России в зону конфликта. Особую тревогу вызывает участие дислоцированных в Абхазии российских войск на стороне абхазских экстремистов. В течение этого месяца самолеты с российскими опознавательными знаками подвергали гражданские цели систематической бомбардировке». В этом, по мнению главы Грузии, были повинны «политические круги» России, «объявившие войну против Ельцина». Э. Шеварднадзе заявлял, что «эти силы также ответственны» за срыв Московского соглашения от 3 сентября 1992 г. и осложнения, возникшие в ходе грузино-российских переговоров[3]. На следующий день, 26 декабря, в ООН была также направлена справка об историко-правовых взаимоотношениях Абхазии и Грузии[4]. Она сопровождалась посланием В. Ардзинба к Генеральному секретарю ООН Б. Гали. В ней говорилось: «В случае рассмотрения вопроса об Абхазии в Совете Безопасности или в любом другом органе ООН мы настаиваем на участии в этом представителя Республики Абхазия»[5]. Однако и на этот раз голос Абхазии, народ которой подвергался культурному и физическому геноциду, конечно же, был проигнорирован вершителями судеб человечества.

---

[1] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 22.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 10, 3 марта 1993 г.
[3] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 71.
[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 291–299.
[5] Там же. С. 290.

3. 3. Абхазская война и военно-политическое противостояние в Грузии (ноябрь 1992 г. – май 1993 г.)

После многочисленных встреч и консультаций председателя парламента Грузии с различными депутатскими группами была определена окончательная дата открытия первой сессии грузинского парламента. Она, как уже говорилось, состоялась 4 ноября. Затягивание начала сессии было связано с тем, что различные политические силы, представленные в высшем законодательном органе Грузии, никак не могли прийти к согласию по ее регламенту[1]. 4 ноября в Тбилиси, выступая на первой сессии, Э. Шеварднадзе к первоочередным задачам парламента отнес установление примата закона и прекращение военного противостояния, а также высказался за скорейшее подписание «большого и всеобъемлющего» договора с Россией для полного урегулирования межгосударственных отношений, а также определения статуса и сроков пребывания российских войск в Грузии[2].

6 ноября парламент принял закон, согласно которому председатель парламента становился главой государства и совместно с правительством осуществлял высшую исполнительную власть. Высшая законодательная власть принадлежала парламенту. В соответствии с названным законом глава государства назначал высшее командование армии, мог объявлять военное положение и мобилизацию. При этом названные распоряжения главы государства должны были утверждаться парламентом. Закон о государственной власти должен был действовать до принятия новой Конституции. В тот же день был избран заместитель председателя парламента (спикер). Им стал философ В. Гогуадзе – лидер блока «Мшвидоба» («Мир»), в прошлом проректор Тбилисского университета. 8 ноября большинством Т. Сигуа был утвержден в должности премьер-министра, уже в третий раз за сравнительно небольшой период времени[3]. До этого потенциальным кандидатом в премьер-ми-

[1] Газ. «Известия», № 240... С. 1,2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-2-noyabrya-1992-goda

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 27, 5 ноября 1992 г.

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 31, 10 ноября 1992 г.

нистры информированные источники, в числе других, называли и тогдашнего министра иностранных дел А. Чикваидзе[1].

19 ноября парламент Грузии приступил к распределению министерских портфелей. Выступая на утреннем заседании, Э. Шеварднадзе заявил, что следует думать не об идеальной структуре, а о создании оперативной системы управления в республике. Т. Сигуа предложил законопроект о правительстве, который предусматривал должности премьер-министра и пяти вице-премьеров. Многие депутаты посчитали предложенную премьером структуру исполнительной власти непомерно раздутой и непосильной для государственного бюджета. Ряд парламентариев выступил также против совмещения постов военного министра и вице-премьера. Тогда Э. Шеварднадзе предложил в связи с событиями в Абхазии вообще не рассматривать вопрос о военном ведомстве и вернуться к нему после стабилизации положения[2].

Процесс формирования исполнительной власти – Кабинета министров – завершился к началу декабря. И лишь Т. Китовани не был утвержден парламентом в качестве министра. По настоянию Э. Шеварднадзе вопрос о министре обороны был отложен на пару месяцев. Глава государства мотивировал это тем, что ему лично необходимо время, чтобы разобраться с положением дел в Вооруженных силах. Вместе с тем многие считали, что отсрочка утверждения Китовани в качестве министра объяснялась просто: эта была попытка смягчить накал страстей вокруг человека, обладавшего реальной неконтролируемой вооруженной властью[3]. Однако причина, скорее всего, состояла в стремлении оставить Китовани в уязвимом положении – ведь быть неутвержденным министром означало ходить по лезвию ножа. К рассматриваемому времени уже всем было очевидно, что между Шеварднадзе и Китовани были существенные трения. Предлагать вместо Китовани другую кандидатуру Э. Шеварднадзе, с учетом того, что тот был командующим наиболее боеспособной армейской группировкой,

[1] Газ. «Известия», № 240... С. 1,2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-noyabrya-1992-goda

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 40, 20 ноября 1992 г.

[3] Газ. «Московские новости», № 50… С. 9. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-dekabrya-1992-goda

не мог, поэтому предпочел подождать «до лучших времен». Глава государства Грузии знал, что политическую «гонку» на длинную дистанцию с ним Китовани не выдержит. Шеварднадзе в этом случае оставалось дожидаться подходящего момента, чтобы отстранить своего соперника. Такой случай обязательно подвернулся бы, т. к. в стране, ведущей войну, министр обороны очень уязвимая фигура – за возможные неудачи отвечает, в первую очередь, он. По мнению других наблюдателей, Шеварднадзе не стал вносить на утверждение кандидатуру слишком самостоятельного и не очень предсказуемого Китовани, опасаясь, что парламент отвергнет ее, и ему (Шеварднадзе) как главе государства придется идти на конфронтацию либо с депутатами, либо с армией, поддерживающей Китовани[1]. И поэтому он пообещал сделать это через несколько месяцев. Т. Китовани тогда не утвердили, а его первый заместитель был назначен в соответствии со всеми требованиями действовавшего грузинского законодательства. На заседании Совета обороны Грузии на эту должность и на должность командующего войсками был назначен 44-летний генерал-лейтенант А. Камкамидзе[2].

Тем временем в ночь с 9 на 10 декабря недалеко от станции Ингири в Зугдидском районе Грузии был совершен бандитский налет на пассажирский поезд, следовавший по маршруту Сухуми–Тбилиси. Бандиты разоружили охрану поезда, отобрали у пассажиров ценные вещи и скрылись. Первый же после трехмесячного перерыва движения по этому маршруту поезд был остановлен хорошо вооруженной бандой. Начальник пресс-центра МВД Грузии В. Гоголашвили сообщил, что у бандитов в наличии были одноразовые гранатометы «Муха». По его словам, банда насчитывала до сорока хорошо подготовленных бойцов (по другим источникам, их число доходило до девяноста человек). Пятнадцать вооруженных охранников поезда не смогли противостоять банде и были ею обезоружены[3].

Несмотря на свое неутверждение Парламентом, Т. Китовани не был повержен и все еще представлял серьезную угрозу для Э. Шеварднад-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 84, 7 мая 1993 г.

[2] Газ. «Известия», № 259… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-noyabrya-1992-goda

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 58, 11 декабря 1992 г.

зе. Т. Китовани, «неизвестный скульптор», назначенный З. Гамсахурдиа командующим Национальной гвардией, со временем превратился в центр вооруженной оппозиции и стал главным могильщиком первого Президента Грузии. С момента своей размолвки с З. Гамсахурдиа Т. Китовани пользовался славой самого строптивого военного политика. И как это часто бывает, сам он поверил в свое всемогущество и именно себя считал законодателем и вершителем судеб времени. В то же время Э. Шеварднадзе и стоявшие за ним политики рассматривали Т. Китовани только как орудие достижения своей цели, которой к тому времени являлось свержение З. Гамсахурдиа. Это автоматически предусматривало отвод Т. Китовани после исполнения своей роли на второстепенный план. Такая перспектива ему явно была не по душе. И это не могло не привести к открытому противостоянию между Т. Китовани и Э. Шеварднадзе. Уже перед выборами в грузинский Парламент были заметны, правда, пока осторожные, поползновения на авторитет Э. Шеварднадзе со стороны министра обороны. Легитимизацию своей власти глава Госсовета стремился использовать для так необходимого ему установления контроля над вооруженными формированиями, где основную скрипку играл опять-таки Т. Китовани – министр обороны страны и командир Национальной гвардии Грузии. 14 октября, на третий день после выборов, Э. Шеварднадзе создает Госкомитет по обороне во главе с собой. Это вряд ли понравилось Т. Китовани. Впрочем, тогда в Грузии министру обороны подчинялась только Национальная гвардия. Остальные же вооруженные формирования не входили в структуру главного военного ведомства и подчинялись только своим командирам: Д. Иоселиани («Мхедриони») и Г. Адамия («Общество М.Костава»). Воспользовавшись Гагрским поражением, Т. Китовани заявил, что предателей интересов Грузии необходимо искать и среди политиков[1]. В условиях, когда Э. Шеварднадзе обвинялся в пораженчестве в стенах самого Госсовета и за его пределами, было нетрудно догадаться, кого в первую очередь имел в виду Т. Китовани. Хотя по логике вещей за военное поражение нести ответственность должен был руководитель именно военного ведомства. И то обстоятельство,

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 26.

что Э. Шеварднадзе, политический и верховный руководитель Грузии, был не в состоянии строго спросить со своего потенциального конкурента за военную неудачу в Гагре, хотя лучшего случая для этого могло и не представиться, было еще одним свидетельством шаткости его положения внутри Госсовета и во всем грузинском военно-политическом сообществе.

Размышляя о внутригрузинском противостоянии, газета «День» тогда писала: «Совсем плохи дела у Шеварднадзе. Не зря он заговорил о политическом тупике. Несмотря на поддержку Иоселиани, отношения Эдуарда Амвросиевича с потенциальным диктатором Грузии Китовани ухудшаются не по дням, а по часам»[1]. Наверное, Э. Шеварднадзе уже подспудно чувствовал угрозу со стороны Т. Китовани, когда 17 сентября, находясь в Сухуме, заявил: «Если в Грузии мы не проведем выборы, то окажемся в состоянии полного хаоса или же победит полная военная диктатура»[2]. Кроме того, глава Грузии не мог рассчитывать на безоговорочную поддержку своих бывших соратников по Компартии – к тому времени уже сторонников его оппонента Д. Патиашвили. Да и внутри вновь нарождавшейся политической номенклатуры дела обстояли еще менее гладко. О неблагополучных взаимоотношениях внутри вновь избранного грузинского депутатского корпуса свидетельствует и тот факт, что на заседании Парламента 26 ноября по предложению фракции «Хартия-91» была создана временная парламентская комиссия, которой поручалось изучение отношения членов парламента и правительства к тайной службе[3]. О том, что не все ладно в отношениях внутри грузинских властей, говорит и то, что в то время, когда председатель парламента Э. Шеварднадзе встретил 1993 г. в окопах Абхазии, министр обороны Т. Китовани встретил его канун в Москве. Хотя по истечении времени он отрицал этот факт[4]. Глава Грузии своим указом создал консультативный совет под своим началом и назначил 16 советников, представлявших национальные меньшинства республики. Министр обороны Т. Китовани, не разделявший такого подхода в на-

1 Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 23.
2 Геноцид абхазов. М., 1997. С. 298–300.
3 Газ. «Демократическая Абхазия», № 17, 2 декабря 1992 г.
4 Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

циональной политике, заявил, что он в случае необходимости покажет, кому надо, «где раки зимуют»[1].

25 декабря грузинский парламент принял постановление о государственных наградах и чуть позже указом Э. Шеварднадзе орденом Вахтанга Горгосала I степени был посмертно награжден погибший в боях в Абхазии летчик Д. Майсурадзе[2], который здесь успел прославиться как «черный полковник», хладнокровно расстреливавший и бомбивший беззащитных женщин, детей и стариков. Данный акт также был маленьким, но все же свидетельством решимости официальных властей Грузии довести войну в Абхазии «до победного конца». Однако ситуация в грузинской экономике не очень располагала к таким размышлениям. К концу 1992 г. в Грузии были «остановлены предприятия, национальный доход составил 40% по сравнению с предыдущим, заработная плата была одной из самых низких в бывшем СССР»[3]. В «Свободной Грузии» от 28 января 1993 г. сообщалось, что в Тбилиси от голода и истощения ежедневно умирало 14 человек[4].

С наступлением Нового 1993 года наступил и новый этап противостояния в Грузии. По мнению большинства грузинских наблюдателей, политическая ситуация в Грузии тогда определялась негласным противостоянием между главой государства Шеварднадзе, министром обороны Китовани и независимым депутатом парламента Д. Иоселиани[5]. Интервью министра обороны Грузии Т. Китовани, опубликованное в канун Нового года газетой «Иверия-спектр» (единственным в Грузии средством массовой информации, открыто поддерживавшим З. Гамсахурдиа), показало, что противоречия в политическом руководстве Грузии из тайных становились явными. Китовани подверг резкой критике ситуацию в грузинской политической элите. По его словам, люди, свергавшие Гамсахурдиа, стали подвергаться гонениям. Он считал, что новый парламент еще хуже, чем парламент времен экс-президента. Министр высказал мысль о необходимости ликвида-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 8, 31 января 1993 г.
[2] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 215.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 8, 31 января 1993 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 219.
[5] «Независимая газета», № 2… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-6-yanvarya-1993-goda

ции явного и скрытого противостояния, в том числе и в высших эшелонах власти.

В прессе и на сессии парламента стали звучать заявления о том, что в Грузии готовится военный переворот, во главе которого стоит министр обороны. Этому способствовали и заявления самого Т. Китовани. Так, он, выступая в оппозиционной Э. Шеварднадзе прессе, охарактеризовал положение в Грузии как «результат полнейшей бесхозяйственности и беззакония, что способствует формированию мафиозных структур, получивших столь широкое распространение». Говоря о своем видении будущего страны, Т. Китовани, сказал: «В первую очередь в Грузии, среди грузинского народа должно прекратиться взаимное противостояние, как открытое и прямое, так и «тихое», «закрытое», имею в виду и высшие сферы руководства. Подобные противостояния снова приведут нашу страну к катастрофе. Если кто-то действительно хочет служить общему делу, а не преследует собственные цели, то пусть отбросит личные интересы. Никто не имеет права считать себя особенной личностью, стоящей выше всех остальных людей. Никто не должен воображать, будто именно он является единственным спасителем Грузии. Пора понять, что все мы вместе, каждый на своем месте, должны помочь стране. Грузии не нужен дирижер – в каждом конкретном случае вопрос должен решаться узким кругом избранных компетентных лиц, ответственных перед всем народом. Сегодня совершенно недопустимы единоличные решения. Нынешняя Грузия – не та старая, коммунистическая Грузия, в которой все это было возможно. Разумеется, решения должен принимать один человек, но после всестороннего обсуждения вопроса»[1].

Как видно, не называя имен, Т. Китовани дал понять, что многие беды в Грузии связаны с Э. Шеварднадзе, который хотел быть единоличным «дирижером». Между тем, еще 10 января «Московские новости» сообщали об обострении ситуации внутри грузинского руководства и нарастании недовольства в Парламенте министром обороны. Газета тогда писала: «Противоположные по взглядам парламентские фракции едины в главном: они готовы избавиться от всесильного Китовани, который еще не утвержден новым парламентом в качестве

[1] Газ. «Иберия-Спектр», № 61, 5–11 января 1993 г. С. 4-5.

министра обороны. У многих депутатов в ходу версия, согласно которой Москва хочет избавиться от Э. Шеварднадзе»[1]. А поскольку нередко утверждалось, что Э. Шеварднадзе будут свергать с помощью министра обороны России П. Грачева, подобные заявления неслучайно совпали с очередным визитом грузинского военного министра в Москву.

На 12-м внеочередном заседании парламента Грузии депутат от национально-демократической партии И. Саришвили обвинила Китовани в полной некомпетентности. После этого был объявлен перерыв. Затем Шеварднадзе заявил, что если у него появятся основания, он сам способен поставить вопрос об отставке министров. В кулуарах он сказал, что ему удалось заручиться парламентским большинством, и в Грузии нет силы, способной совершить переворот[2]. Сам Т. Китовани, находясь в то время в Москве, высказал мнение, что угроза исходит со стороны Парламента Грузии. А пресс-служба МО Грузии заявила: «Вооруженные силы Грузии и их руководство не давали никакого повода для подобных инсинуаций. Пребывание воинских подразделений в тех или иных местах столицы, их передвижения связаны с планомерной сменой подразделений». Министерство обороны Грузии расценило подобные заявления как «попытку противопоставить парламент и правительство Вооруженным силам, вбить клин между Вооруженными силами и народом»[3]. 15 января по возвращении из Москвы Т. Китовани и его первого заместителя А. Какамидзе в кабинете Шеварднадзе состоялось заседание Совета обороны и национальной безопасности, на котором был заслушан отчет министра обороны[4]. Тем самым, конфликт был временно исчерпан.

14 февраля у Т. Китовани по телевидению спросили о возможном военном перевороте. Он заявил, что все это – измышления, и ни о каком военном перевороте в Грузии не может быть и речи[5]. Между тем, 21 февраля в Тбилиси состоялась конференция думы национально-освободи-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 8, 31 января 1993 г.
[2] «Независимая газета», № 6, 14 января 1993 г. С. 3.
[3] «Независимая газета», № 8, 16 января 1993 г. С. 3.
[4] Там же.
[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 232.

тельного движения Грузии, куда входили оппозиционно настроенные к Шеварднадзе партии. Утром 22 февраля ведущий программы «Алиони» («Рассвет») связался по телефону с главой грузинского государства, находившегося тогда в Сухуме. Отвечая на вопрос, Шеварднадзе сказал, что ему не до конференции, когда приедет из Сухума, ознакомится с ее материалами, тогда и выскажет свое мнение[1].

В конце февраля состоялся визит П. Грачева в Аджарию, где он встречался с ее руководителем А. Абашидзе. Тогда об этой поездке российского министра говорили, что он не имел права ездить туда без согласия Тбилиси. Э. Шеварднадзе в связи с этим выразил даже тревогу по поводу будущего российско-грузинских отношений. По мнению аналитиков «Комсомольской правды», «визит Грачева был нанесен как удар». Тот же источник продолжает: «Прежде всего, по Шеварднадзе, пророссийская ориентация которого вызывает сильное раздражение у его оппонентов в Грузии. А рикошетом – по тем определенным силам в России, которые солидаризуются с ним по поводу перспектив российско-грузинских отношений. И в этой связи слухи о скором уходе (или свержении) Шеварднадзе, упорно циркулирующие в военных кругах, как Грузии, так и России, приобретают определенный вес»[2].

Обсудить вопросы состояния российско-грузинских взаимоотношений 2 марта парламенту не удалось. Обсуждение этого «центрального вопроса для сегодняшней Грузии», как выразился тогда Шеварднадзе, было перенесено на 4 марта. Одной из причин этого послужило неожиданное выступление депутата Д. Патиашвили. Пока председатель парламента вел беседу с зарубежными гостями, бывший первый секретарь ЦК КП Грузии (который до того лишь дважды позволил себе выйти на трибуну за четыре месяца заседаний парламента) вспомнил о событиях 9 апреля 1989 года и сказал, что ему тяжело нести эту моральную ношу и пора пролить свет на произошедшее, потому что «он не главный и далеко не единственный виновник той трагедии». Острой критике было подвергнуто выступление председателя Совета национального единства Абхазии, депутата Б. Какубава. Это выступление всю последнюю неделю вносилось в повестку дня. Он обвинил руководство

[1] Грузинское радио. 22 февраля 1993 г.
[2] Газ. «Иберия-Спектр», № 71, 16–27 марта 1993 г. С. 1.

Грузии в том, что оно не может внести решающий перелом в ситуацию в Абхазии[1].

Поздно вечером 11 марта в Тбилиси, у себя на квартире, из огнестрельного оружия был убит прокурор г. Тбилиси М. Курдадзе. Парламент заявил, что это политическое убийство. По некоторым сообщениям, Курдадзе был противником абхазской кампании[2]. Тем временем 11 марта войска Л. Кобалия остановили в Мегрелии вагоны с боеприпасами и продовольствием, направлявшиеся в Абхазию, и завладели грузом. Вагонов было 13, из них 4 с боеприпасами шли в Абхазию. Боеприпасы взяли себе, а продовольствие раздали населению. В связи с этим Китовани назвал Л. Кобалия «врагом грузинской нации». Министр обороны заявил, что в случае, если Кобалия проявит непокорство, то лично Китовани возглавит экспедиционный корпус и направится в Мегрелию для его усмирения[3]. Спустя несколько дней Кобалия помирился с официальными властями, и его отряд слился с грузинскими правительственными войсками.

11 апреля в Сенаки прибыл Китовани. Он встретился с уполномоченным Главы государства в Мегрельском регионе, членом парламента Ш. Кекелия и с руководством дислоцированных там военных частей. Китовани осмотрел личный состав сенакских добровольцев, подготовленных для отбытия в Абхазию. В тот же день Китовани в Хоби встретился с руководителем воинских формирований сторонников экс-президента В. Кобалия, с администратором Зугдидского района О. Пацация. Переговоры состоялись по поводу снятия проходившего пикетирования и освобождения железнодорожной и автомобильной трассы, идущей в Абхазию. Переговоры прошли в атмосфере взаимопонимания. Китовани, Кобалия и сопровождавшие их лица продолжили путь в Очамчиру[4].

Что интересно, позже депутат грузинского парламента гамсахурдиевского времени, представитель свергнутой тбилисской власти В. Думховский заявил о поддержке со стороны Б. Клинтона и подготовки визита

---

[1] «Независимая газета», № 41… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-4-marta-1993-goda

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 259.

[3] Там же. С. 259-260.

[4] Грузинское телевидение. 12 апреля 1993 г. л. 5.

З. Гамсахурдиа в США. Опальный грузинский политик информировал, что «администрация Д. Буша поддерживала Э. Шеварднадзе, но новая команда Белого дома и госдепартамент считают своевременным и целесообразным визит в США Президента Грузинской Республики З. Гамсахурдиа»[1]. Переговоры сторонников З. Гамсахурдиа о возможном визите в США могли действительно вестись, но утверждение о переориентации Б. Клинтона от политики Д. Буша по отношению к Э. Шеварднадзе, о котором свидетельствовал контекст данного сообщения, не имеет под собой никаких оснований. Б. Клинтон и его новая администрация продолжала проводить линию поддержки Э. Шеварднадзе в Грузии, и о ее изменении и даже корректировке в сторону, не выгодную для главы Грузии, и речи не было. К тому же, это было временем очередного витка российско-грузинского противостояния, в котором Грузия опиралась на поддержку Запада, в особенности США. Поэтому данное заявление сторонников З. Гамсахурдиа было ничем иным, как провозглашением желаемого за действительное. Тогда же, в начале апреля, Шеварднадзе получил также письмо от канцлера Германии Г. Коля, в котором было сказано, что федеральное правительство Германии ставит целью поддерживать позицию главы государства Грузии как гарантию стабильности, свободы и демократии в Грузии[2].

Между тем, к апрелю 1993 г. конфронтация между Э. Шеварднадзе и Т. Китовани перешла в стадию открытого противостояния. 18 апреля, находясь в Гале, министр обороны Грузии заявил о необходимости отставки главы государства. Причем он выразился следующим образом: «Я его вернул в Грузию, я его отставлю. У меня есть для этого достаточно сил, потому что армия целиком на моей стороне». Он установил тесные контакты с Л. Кобалия – командиром вооруженных сторонников З. Гамсахурдиа. Впоследствии они совместно провели мобилизацию в Мегрелии. Мобилизованные не были отправлены на войну в Абхазию. Тогда же с поста командующего вторым корпусом грузинской армии был смещен нейтральный в политическом плане П. Датуашвили и заменен человеком Китовани – Квирая. В газете «Свободная Грузия» от 27 апреля был опубликован отчет о пресс-

[1] Газ. «Иберия-спектр», № 75, 13–19 апреля 1993 г. С. 4.
[2] Грузинское телевидение. 12 апреля 1993 г. л. 6.

конференции Т. Китовани, в ходе которой он заявил: «Переворота не будет – тревога оказалась ложной»[1]. Однако грузинская разведка утверждала о связях Т. Китовани с российскими спецслужбами, желающими сместить Шеварднадзе, но министр обороны, опровергнув эти заявления, заявил, что Шеварднадзе является «единственным спасением для Грузии». Тогда же Т. Китовани на специально созванной им пресс-конференции в Тбилиси категорически опроверг утверждения ряда представителей парламента, обвинивших его в сговоре с лидерами вооруженных формирований в Западной Грузии с целью совершения военного переворота. Министр заявил: «Это утверждение не только абсурдно, но и опасно, его надо рассматривать как провокацию, направленную против интересов государства». Китовани также сообщил, что Л. Кобалия с хорошо вооруженным отрядом из 500 человек находится в Очамчирском районе и готовится к сражениям. Кроме того, оказывается, что Кобалия хоть и числится в оппозиции по отношению к нынешним властям, но это не мешает ему «осознать, что он должен находиться в рядах национальной армии Грузии и бороться за территориальную целостность»[2].

Э. Шеварднадзе также на словах неустанно повторял, что между ним и Китовани нет разногласий. Однако они, безусловно, были. Позже, говоря о сути своих разногласий с Шеварднадзе, Китовани отмечал: «Я знал, что война будет проиграна, потому что при политике Шеварднадзе абхазскую войну нельзя было выиграть и невозможно было выиграть, потому что Шеварднадзе вел такую политику. И Джаба со своим «Мхедриони» – это был гвоздь, который делал для общественности очень плохое дело. Мировая общественность оценила это, как будто грузинские войска были грабителями, и я чувствовал, что скоро именно так окрестили бы всех наших... Ну, сейчас кому докажешь, что это был «Мхедриони», а не грузинские ребята. Те криминалы, которые там были, – это были Джабовские ребята, которые грабили… Военные люди так не поступают[3].

---

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 309.

[2] «Независимая газета», № 79… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-aprelya-1993-goda

[3] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

Тогда, видимо, с целью ослабления позиции Т. Китовани, в Совет обороны и безопасности был введен Г. Каркарашвили, который позже и занял пост министра обороны Грузии. Между тем, на заседании грузинского парламента 4 мая Китовани сказал: «Когда меня нет на месте, начинаются разговоры о том, будто я собираюсь совершить переворот. Поэтому надо принять меры против тех депутатов, которые распространяют такие слухи. Я прошу обсудить этот вопрос на заседании»[1]. 5 мая Т. Китовани, выступая по грузинскому телевидению, подтвердил уход Кобалия из Абхазии. Он заявил, что его уход спровоцирован кем-то, кто желает раскола Грузии. В этой же передаче было сказано, что З. Гамсахурдиа обратился с письмом к абхазскому народу, в котором заявил, что «война закончится тогда, когда я вернусь»[2]. Вот и поэтому ушел Кобалия, по подсказке З. Гамсахурдиа, который, видимо, почувствовав, что в Тбилиси не все в порядке – в смысле противостояния Китовани и Шеварднадзе, – решил снова обозначиться и откусить кусок пирога, если удастся.

Утром 6 мая парламент Грузии должен был приступить к рассмотрению вопроса об утверждении министра обороны Грузии, однако глава государства Э. Шеварднадзе попросил отсрочки до вечера. На протяжении всего дня шло заседание Совета обороны и безопасности страны, на котором обсуждалась реальная перспектива кандидатуры Т. Китовани, исполнявшего обязанности главы военного ведомства, а также другие возможные кандидаты на этот пост[3]. Поздно вечером 6 мая парламент Грузии утвердил министром обороны страны 29-летнего генерала Г. Каркарашвили. Перед этим депутаты обсуждали его кандидатуру. В своей рекомендательной речи Э. Шеварднадзе назвал Г. Каркарашвили «очень молодым, но очень опытным генералом». Парламентарии единодушно выразили свою поддержку кандидатуре нового министра.

Помимо утверждения нового министра обороны, на заседании парламента 6 мая было принято решение о том, что до принятия устава Государственного совета обороны и национальной безопасности Грузии этот орган прекращает свою работу. Первым заместителем предсе-

[1] Газ. «За наше Отечество», № 2, 14 мая 1993 г.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 310.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 84, 7 мая 1993 г.

дателя Совета обороны и национальной безопасности Грузии являлся Д. Иоселиани[1]. Прекращение функционирования названного органа в условиях военного положения означало оттеснение самого Иоселиани на второй план. Впрочем, о желательности такого решения говорил накануне сам Д. Иоселиани. В своем выступлении в парламенте 5 мая он отмечал: «Я на Совете безопасности и обороны сказал: может, мы вообще упраздним этот Совет безопасности и обороны, потому что у нас военное положение. Этот орган-то нужен вообще, но он не справляется со своими задачами. Причиной этого является то, что нет у них ответственности, нет также устава, утвержденного парламентом. Члены Совета иногда делают волюнтаристские заявления. Поэтому необходимо утвердить устав, который предусматривает и ответственность за каждое заявление. Если не будет этого, тогда поставим вопрос об упразднении Совета. Наряду с этим, может быть, закроем и парламент, потому что продолжается война. Потом, что за заявления делаются в парламенте, меня удивляет: это – парламент или прокуратура? Каждый день что-то расследуется, кто-кто допрашивается»[2].

Э. Шеварднадзе сообщил парламентариям, что 6 мая в ходе трудного разговора с Китовани он предложил ему занять пост вице-премьера по оборонным вопросам. Однако Т. Китовани ответил отказом на это предложение, считая, что вице-премьером по оборонным вопросам и министром обороны должен быть один и тот же человек. Непосредственно перед заседанием парламента, на котором рассматривалась кандидатура министра обороны, Шеварднадзе еще раз переговорил с Китовани, и тот заявил ему о своем решении уйти в отставку[3]. Впрочем, отправить в отставку Т. Китовани даже для Э. Шеварднадзе было делом непростым. О сложности положения главы государства и его команды можно судить по следующему сообщению грузинского радио: «Безусловно, общественность Грузии с опасением ждала вчерашнего события, и то, что оно прошло так безболезненно, это заслуга господина Китовани»[4]. Имелось в виду назначение Г. Каркарашвили на пост мини-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 85, 8 мая 1993 г.
[2] Газ. «За наше Отечество», № 2, 14 мая 1993 г.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 85, 8 мая 1993 г.
[4] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 163.

стра обороны, что можно было сделать, только отправив в отставку Т. Китовани.

По всей вероятности, в Грузии многие ожидали, что он, так просто без борьбы не уступит. Это имело под собой достаточную почву, учитывая, что Т. Китовани уже один раз поднимал восстание против главы государства и одержал победу. А теперь на его стороне временно оказались и сторонники свергнутого им же З. Гамсахурдиа, которые могли его поддерживать только из-за желания отомстить Э. Шеварднадзе. Но Т. Китовани без особых препирательств согласился со своей отставкой, благодаря чему грузинский военно-политический бомонд избежал очередного кризиса. Именно за это он получил похвалу от грузинского радио. Действительно, невозмутимость Т. Китовани в день своей отставки, с точки зрения многих в Грузии, была достойна благодарности, но также ее «достойны» и сторонники З. Гамсахурдиа, которые небезосновательно рассматривались бывшим министром обороны своими союзниками в противостоянии с Э. Шеварднадзе. Однако в рассматриваемое время они в очередной раз объявили о переходе на сторону официальных властей Грузии. Это сильно ослабило позиции Т. Китовани, а Э. Шеварднадзе, выбрав благоприятный момент, перешел в наступление.

На смену министра Шеварднадзе решился, имея и другие козырные карты на руках. В руководстве Минобороны перед этим ведущие позиции заняли кадровые военные, бывшие офицеры Советской армии, симпатии которых были на стороне Шеварднадзе. Тем самым влияние Китовани резко снизилось[1]. Думается, именно эти обстоятельства послужили главной причиной «молчания» Т. Китовани и бескровного осуществления плана Э. Шеварднадзе. Таким образом, «великое противостояние» Шеварднадзе и Китовани завершилось отставкой последнего. Указ об этом был подписан Э. Шеварднадзе 6 мая[2]. Можно сказать, на радостях на второй день, 7 мая, «за вклад в обретение независимости и в организацию Вооруженных сил Грузии»[3] глава государства наградил бывшего министра обороны вместе с Д. Иоселиани орденом Вахтанга

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 85, 8 мая 1993 г.

[2] Отечественная война Абазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 156.

[3] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 291.

Горгосала I степени[1]. При этом Э. Шеварднадзе очень высоко отозвался о министре-отставнике: «Имя Тенгиза Китовани войдет в нашу историю как имя одного из лучших сынов Грузии. Грузинский народ никогда не забудет заслуги Китовани в тех событиях, которые вывели страну из власти диктатуры»[2]. И 10 мая был издан указ главы Грузии «Об обеспечении Т. Китовани и Д. Иоселиани личной безопасности и создании им соответствующих бытовых и рабочих условий»[3]. Они оба сохранили свои позиции в «завоеванных» экономических отраслях. Д. Иоселиани также остался командиром «Мхедриони» и оба – депутатами грузинского парламента. 11 мая В. Квирая был назначен командующим ракетными войсками и артиллерии МО Грузии, а командиром 2-го корпуса назначен З. Учадзе. Однако, по мнению З. Папаскири, нельзя сказать, что эти изменения в значительной степени способствовали улучшению общей обстановки как на полях сражений, так и в тылу[4]. 26 мая в Тбилиси на центральной площади состоялся парад, который принимал Г. Каркарашвили. Ни Т. Китовани, ни Иоселиани на трибуне не было[5].

После отставки Д. Иоселиани «мхедрионцы» забеспокоились за свое будущее, хотя Джаба и обещал им, что «Мхедриони» ни в коем случае распущен не будет; в мае 1993 года «мхедрионцы» несколько раз вступали в столкновения с российскими военными в Кутаиси, захватывали заложников (перестрелки в Кутаиси у воинских частей и на базаре 11 – 12 мая предшествовали встрече Ельцина и Шеварднадзе и заставили последнего серьезно отнестись к проблеме «Мхедриони»). 27 мая двести «мхедрионцев» начали голодовку на проспекте Руставели – они требовали официально придать их организации прежний статус корпуса спасателей, зарегистрировать ее как подобие российского ГКЧС. Голодовка была прекращена 31 мая; «мхедрионцы» добились своего, и вскоре их организация стала официально именоваться «Корпус спа-

[1] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 157.

[2] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 163.

[3] Отечественная война Абазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 158.

[4] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 440.

[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 357.

сателей Республики Грузия»[1]. В 2002 г. Т. Китовани, комментируя названные события, говорил: «Джаба остался, это фокус был. Он сидел у Шеварднадзе»[2].

Некоторые наблюдатели отставку Китовани и Иоселиани тогда связывали со словами бывшего государственного секретаря США Д. Бейкера, который в Турции на похоронах Т. Озала выразил недоумение тем, что в окружении Шеварднадзе до сих пор присутствуют эти люди с уголовным прошлым. В 2002 г. Т. Китовани подтвердил: «Да, американцы настаивали. Никогда не держал американскую политику, и сейчас я против такой политики, которую ведут американцы здесь»[3]. При этом также не следует забывать и о том, что сразу после их ухода была названа точная дата встречи руководителей России и Грузии на высшем уровне, до этого откладывавшейся несколько раз[4]. Тем временем, отголоски событий в Грузии не могли не коснуться и Абхазии. Новое назначение в Тбилиси было воспринято оккупационными властями Сухума весьма положительно. Т. Надарейшвили тогда, выдавая желаемое за действительное, заявил: «Сейчас господин Каркарашвили назначен министром обороны, и у нас с ним очень дружеские взаимоотношения. И было время, когда мы с ним вместе сидели, и ни у Гии, ни у меня не было ни прав, ни возможности, и кричали, зачем это делается так, а не так! А сегодня и у него, и у меня есть эта возможность»[5].

4. Война в Абхазии: от января к марту

Как уже было сказано, 1993 г. начался с эскалации военных действий на фронтах абхазо-грузинской войны. С наступлением нового года ситуация, в особенности на Восточном фронте, значительно ухудшилась: 2 января в Ткуарчале начался голод, туда около месяца уже не посту-

---

[1] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[2] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

[3] Там же.

[4] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[5] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 82.

пала гуманитарная помощь, а зима во время войны выдалась очень суровой[1]. Обстановка усугублялась тем, что грузинские войска постоянно предпринимали наступательные действия на различных участках Восточного фронта, а накануне, в конце декабря, как уже было сказано, – и по всему фронту. Таким образом, положение как на фронте, так и в тылу становилось критическим. В связи с этим 4 января на имя В. Ардзинба было послано сообщение о необходимости как можно скорее оказать помощь Восточному фронту[2]. И уже на следующий день на Гумистинском фронте было предпринято наступление на Сухум. Военный историк В. Пачулия охарактеризовал цели и задачи Январской операции следующим образом: «Это решение (о наступлении. – **А. А**.) было принято на основании сложившейся тяжелой ситуации на Восточном фронте, где противник систематически предпринимал наступления по всей линии оборонительных рубежей. Замысел операции: заставить противника отказаться от крупномасштабных наступательных операций на Восточном направлении, выявить его силы на Гумистинском фронте, при благоприятном ходе развития наращивать силы и развить наступление по освобождению столицы»[3]. На следующий день, уже после провала наступления, 6 января, первый заместитель министра обороны Абхазии, начальник Генштаба С. Сосналиев сообщил, что «проведенная операция сорвала планы противника по наступлению в Очамчырском районе»[4].

В силу многих обстоятельств январская попытка освобождения оккупированной абхазской столицы завершилась неудачей. По сообщению В. Пачулия, к вечеру 5 января «все штурмовые батальоны под огнем противника отступили». Одной из причин неудачного исхода операции названный автор считает неблагоприятные погодные условия[5]. С. Сосналиев главными причинами неудачного исхода наступления назвал «трудности преодоления психологического барьера, вызванного затяжной «окопной» войной»[6]. В то же время Т. Китовани, бывший тогда

[1] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. II. Аҟәа, 2005. Ад. 29.
[2] Иара убра. Ад. 31.
[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 132-133.
[4] Газ. «Республика Абхазия», № 1, 7 января 1993 г.
[5] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 139
[6] Газ. «Республика Абхазия», № 1, 7 января 1993 г.

министром обороны Грузии, позже утверждал, что грузинская разведка сработала четко, и, следовательно, у нее была информация о готовящемся наступлении[1]. Однако, несмотря на это, грузинским войскам в ходе названной операции был нанесен ощутимый урон. По данным В. Пачулия, их потери составляли: 2 танка, 2 установки БМ-21 «Град», 3 орудийных расчета, 3 огневые точки и около 150 человек убитыми и ранеными. С абхазской стороны потери составили 35 убитых[2]. Вместе с тем, З. Папаскири сообщает, что Январская операция «была первым по настоящему боевым крещением 23-й бригады под командованием Г. Адамия», и за проявленный «героизм многие рядовые бойцы и командиры получили боевые ордена и медали»[3].

9 – 10 января в Сухуме был произведен обмен грузинских военнопленных на 23 тела абхазских бойцов. В заключении о причинах смерти военнослужащих Абхазской армии, доставленных тогда в морг Гудаутского военного госпиталя, судебно-медицинская экспертиза установила, что у большинства трупов обнаружены колото-резаные и огневые раны. По свидетельству судебно-медицинского эксперта, большинство абхазских бойцов попало в плен живыми, однако затем с применением острых предметов их истязали, а впоследствии убили из огнестрельного оружия[4].

Позже, уже после войны, С. Сосналиев результаты названного наступления оценивал следующим образом: «Многие считают Январскую и Мартовскую операции по наступлению на Сухум неудачными, но это не совсем соответствует истине. В тех условиях главной задачей было отработать управление войсками в широкомасштабных операциях, нащупать сильные и слабые стороны противника, превосходящего нас в численности живой силы в 44 раза и в 15 – 20 раз в артиллерии. Именно благодаря приобретенному тогда боевому опыту удалось удачно провести Сентябрьскую операцию»[5]. Через несколько дней после операции, 8 января, была учреждена должность Главнокомандующего Во-

[1] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
[2] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 138-139
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 434.
[4] Газ. «Республика Абхазия», № 4, 17 января 1993 г.
[5] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 139.

оруженного силами Абхазии, на которую был назначен В. Ардзинба[1], что, судя по всему, следует рассматривать решением, продиктованным опытом Январского наступления. 21 января в абхазской армии был введен институт комиссаров и создан Комиссариат, во главе которого встал С. Шамба, а его заместителем - Н. Джонуа.

Еще накануне наступления абхазов, 4 января, Э. Шеварднадзе обратился в ООН с просьбой оказать содействие по вводу Миротворческих сил в Грузию[2]. Между тем, ООН провозгласил 1993 г. годом аборигенных народов. В очередном послании Верховного Совета Абхазии Генсеку от 7 января выражалась надежда на то, что «мировое сообщество не оставит за бортом современности абхазов и окажет, наконец, этому древнему небольшому народу-аборигену действительную поддержку во имя его спасения от уничтожения»[3].

Причем случайно или неслучайно, но у Генерального секретаря ООН по поводу Январской операции абхазской армии сложилось весьма интересное и своеобразное мнение. Так, в его докладе от 28 января 1993 г. говорилось о том, что «в начале января абхазские войска впервые добились успеха в ходе наступательной операции по границе Грузии в районе реки Гумиста»[4]. Данное утверждение Генсека ООН нуждается в некоторых комментариях, а вернее, уточнениях. Во-первых, в ходе Январского наступления абхазские войска не добились успеха, а напротив, эта операция захлебнулась и окончилась неудачей. Во-вторых, в докладе река Гумиста объявлена границей между Абхазией и Грузией, тогда как этот естественный рубеж являлся всего лишь временной линией огня, разделявшей воюющие стороны. Но данная позиция, как выяснилось затем, была не просто ошибкой или оговоркой. Впоследствии, в августе 1993 г., в недрах ООН была составлена карта, согласно которой Абхазия была разделена именно по реке Гумиста и ей оставлялись земли к северо-западу от реки Гумиста, а территория к юго-востоку, включая г. Сухум, была отведена Грузии. Причем западные послы и дипломаты тогда обсуждали необходимость проведения этнической

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 3, 14 января 1993 г.
[2] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. II. Аҟәа, 2005. Ад. 29. .
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны…Сухум, 2004. с. 302.
[4] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 20.

чистки на территории разделенной Абхазии. Таким образом, можно утверждать о том, что тезис о разделении Абхазии по Гумисте с последующей этнической чисткой, озвученный во время летнего перемирия, впервые был опробован в докладе Генерального секретаря ООН от 28 января 1993 г. А тезис Генсека об успешном наступлении абхазов мог быть сознательной ошибкой, которая впоследствии могла стать оправданием ООН на случай его обвинения в поддержке незаконного требования о разделе Абхазии.

Тем временем еще 5 января правительственная делегация Грузии во главе с вице-премьером Р. Гоциридзе провела переговоры с председателем Госкомитета Российской Федерации по экономическому сотрудничеству с государствами СНГ В. Машицем о предоставлении Грузии технических кредитов. В тот же день состоялась рабочая встреча экспертов двух стран, на которой были обсуждены детали оказания помощи. В ходе переговоров рассматривались денежно-кредитные отношения, взаиморасчеты между предприятиями, обеспечение Грузии денежной наличностью, торгово-экономическое сотрудничество, таможенные проблемы, торговый режим. По мнению Р. Гоциридзе, на первый квартал 1993 г. технический кредит должен был составить 30-40 млрд. рублей. Грузинский вице-премьер высказал предположение, что договор об экономическом сотрудничестве с Россией может быть подписан в течение полутора месяцев[1]. Однако напряженность в российско-грузинских отношениях сохранялась и временами даже усугублялась. Проявлением названной тенденции следует назвать то, что в рассматриваемое время в г. Лагодехи недалеко от Тбилиси, где тогда дислоцировались подразделения российского спецназа, были захвачены оружие и боеприпасы, принадлежавшие Закавказской группе войск. Более ста человек из службы безопасности Министерства обороны Грузии и пограничного грузинского батальона при поддержке пяти бронетранспортеров, окруженных женщинами и детьми, ворвались на территорию городка и, угрожая российским солдатам оружием, потребовали выдачи автоматов, пулеметов, боеприпасов и взрывчатки. При этом они заявили: при малейшем сопротивлении пострадают 46 жителей дома в Лагодехи – офицеры, прапорщики и члены

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 1, 9 января 1993 г.

их семей, которых они захватили заложниками. При этом 300 автоматов и пулеметов не делали погоды в грузинской армии, у которой и так было достаточно оружия, а проделано это все, по мнению наблюдателей, было с одной, провокационной целью – продемонстрировать и грузинскому, и российскому политическому и военному руководству, кто истинный хозяин в Тбилиси[1]. Причем названный инцидент не был единственным вокруг российских войск в Грузии. Около трех недель до этого происшествия вблизи районного центра Сагареджо в 60 километрах от Тбилиси грузинскими военными подразделениями была остановлена колонна российских войск, следовавшая по маршруту Лагодехи – Тбилиси. Колонна состояла из 9 грузовиков марки «Урал» и перевозила с территории Лагодехской бригады особого назначения российской армии вооружение и боеприпасы для сдачи на склады российской армии в Тбилиси. Тогда двое суток продолжались переговоры между Министерством обороны Грузии и руководством российской армии в Грузии. В результате командование Закавказским военным округом приказало развернуться и возвратиться к месту дислокации. Колонна вернулась в Лагодехи в сопровождении бронетранспортеров грузинской армии. После переговоров между представителями командования Грузии и России было достигнуто соглашение о передаче всего вооружения лагодехской бригады Министерству обороны Грузии[2].

Тогда, 14 января, состоялась встреча Т. Китовани и П. Грачева, на которой они обсудили положение российских войск в Грузии и Абхазии. О ее результатах не последовало какой-то конкретной информации. Однако руководитель военного ведомства Грузии Т. Китовани, будучи в Москве, высказал мнение, что абхазский конфликт должен решаться при участии России. «Мы совместно с Россией должны определить статус Абхазии в составе Грузии», – заявил он[3].

11 января в газете «Свободная Грузия» было опубликовано послание Президента США Д. Буша к Шеварднадзе. В нем говорилось: «До-

---

[1] Газ. «Известия», № 5… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-12-yanvarya-1993-goda

[2] «Независимая газета», № 6… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-14-yanvarya-1993-goda

[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 236.

рогой Эдуард, я постоянно думаю о Вас и о грузинском народе. Я очень огорчился, узнав из информации нашего посольства в Тбилиси об ухудшении экономического положения грузинского народа в зимних условиях. Я попросил Р. Армитиджа поехать в Тбилиси для консультации с вашим правительством… С целью оказания срочной гуманитарной и медицинской помощи мы планируем в январе безвозмездно поставить детское питание и другие товары на сумму около 10 млн. долларов. Кроме того, окажем срочную медицинскую помощь на сумму 1 млн. долларов»[1]. Глава Грузии встретился со специальным помощником госсекретаря США Р. Армитиджем, который приехал в Тбилиси, чтобы получить максимально точную информацию об экономическом положении Грузии и обсудить вопросы оказания гуманитарной помощи. В ходе встречи отмечалось, что масштабы оказания помощи не ограничиваются какой-то конкретной суммой, а планируются также поставки горючего, продовольствия, медикаментов. Р. Армитидж выразил надежду, что новое руководство США сделает все возможное для оказания всестороннего содействия Грузии. После этой встречи с Э. Шеварднадзе Г. Армитидж направился в Армению с аналогичной миссией. Э. Шеварднадзе сказал, что выгодное геополитическое положение Грузии, климатические условия и богатство недр позволяют надеяться, что Тбилиси за короткое время станет достойным партнером для передовых стран. При этом глава Грузии подчеркнул: «Но пока этот желанный день настанет, Запад должен активнее включиться в кавказские процессы, в частности, сыграть стабилизирующую роль в жизни Грузии». Он выразил надежду на поддержку его курса Советом Безопасности ООН, а также на то, что Россия пересмотрит свою нынешнюю политику в отношении Грузии[2].

При этом у России, по мнению аналитиков, в рассматриваемое время практически отсутствовала единая политика на Кавказе. Ее заменяли несколько ведомственных концепций поведения в регионе, которые порой не только не совпадали друг с другом, но иногда были прямо противоположны. В то же время, на взгляд названных источников,

[1] «Независимая газета», № 4, 12 января 1993 г. С. 3.

[2] «Независимая газета», № 4… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-12-yanvarya-1993-goda

преобладающим являлось стремление основных российских структур поддержать власть главы Грузии[1]. Сам Э. Шеварднадзе, отвечая на вопрос о перспективах и сроках ратификации российско-грузинского договора, тогда отмечал: «Сейчас главная задача – завершить подготовку и подписание этих важнейших документов. В том числе договора о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве, соглашение о статусе и сроках пребывания на территории Грузии российских войск, экономического соглашения. К сожалению, были негативные импульсы, исходившие от российского парламента, которые мы расценили как попытку вмешаться во внутренние дела Грузии. Однако сейчас у нас состоялись полезные конструктивные переговоры с представителем президента России, заместителем министра иностранных дел Б. Пастуховым, и мне кажется, что мы сумеем преодолеть все трудности, возникшие в наших отношениях»[2].

Тем временем Э. Шеварднадзе совершил первый официальный зарубежный визит в качестве главы грузинского государства в Иран. Подготовку к своему официальному визиту в Тегеран он начал с первых же дней 1993 года. 6 января на встрече с руководителями экономических министерств и ведомств он изложил свою концепцию развития деловых связей Грузии с Ираном. В соответствии с ней грузинской делегации поручалось в ходе переговоров с иранскими руководителями решить, прежде всего, задачу обеспечения страны энергоносителями. Шеварднадзе высказал также надежду, что Иран поможет реконструировать чайную промышленность Грузии и построить автомагистраль, которая связала бы иранские города с грузинским портом Поти. В качестве ответного шага делегация Грузии должна была предложить помощь грузинских специалистов в строительстве участка железной дороги в труднопроходимых районах на севере Ирана. 13 января в Тегеран вылетела делегация грузинских дипломатов и экономистов во главе с первым заместителем министра иностранных дел М. Уклеба. Она ознакомила иранскую сторону с пакетом из 14 документов. 19 января

[1] «Независимая газета», № 8… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-16-yanvarya-1993-goda

[2] «Независимая газета», № 10… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-20-yanvarya-1993-goda

перед отлетом в Тегеран Шеварднадзе изложил на пресс-конференции свои взгляды на политические аспекты грузино-иранских отношений. Он заявил, что геополитическое положение Грузии привлекает пристальное внимание многих государств мира. Иран, имеющий определенные интересы в Кавказском регионе, входит в их число и, по заключению грузинского руководителя, во взаимодействии с Грузией «может сыграть позитивную роль в урегулировании ситуации на Кавказе в целом». По словам Шеварднадзе, Грузия намерена развивать «добрые отношения» и с другими соседями – Арменией, Азербайджаном, Россией и Турцией, с которыми ее связывали «двадцать шесть веков». При этом грузинский лидер выразил сожаление, что исходившие из парламента России «негативные импульсы» блокировали заключение грузино-российского экономического соглашения и тем самым заметно обострили отношения двух стран. Визит главы Грузии в Иран завершился 20 января, в ходе которого стороны добились взаимопонимания почти по всем обсуждавшимся вопросам. По сообщению пресс-центра парламента Грузии, было достигнуто соглашение о выделении Грузии 2 млрд. куб. м газа. Шеварднадзе сумел, обеспечив Грузию альтернативной топливно-энергетической базой, уменьшить экономическую зависимость своей страны от России и тем самым укрепить свои позиции в преддверии очередного раунда российско-грузинских переговоров, который должен был начаться 22 января. Стороны договорились и об открытии посольств в Тегеране и Тбилиси. Президент Ирана А. Х. Рафсанджани выразил удовлетворение итогами переговоров и выразил надежду, что отныне контакты между двумя странами станут более активными, особенно в экономической сфере. По официальным иранским оценкам, Тегеран давно не подписывал такого «всеобъемлющего договора»[1].

Тем временем в Тирасполь прибыла группа народных депутатов Абхазии. В ходе встречи с главой Приднестровья была обсуждена ситуация в Абхазии и Приднестровье, в которой была выявлено немало схожего. В ходе этого визита был подписан договор о дружбе и взаимопомощи между Приднестровьем и Абхазией. Согласно этому документу, стороны договорились развивать контакты в политической и эко-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 10, 22 января 1993 г.

номической областях. Была также предусмотрена и взаимная военная помощь[1]. Эта договоренность особенно тревожила власти Молдовы и российских парламентариев. Группа депутатов Верховного Совета России во главе с И. Шашвиашвили тогда прибыла в Тирасполь и имела встречу с контингентом российских миротворческих сил, командованием 14-й армии, депутатами Приднестровского парламента[2].

Между тем, ситуация в Абхазии оказывала непосредственное влияние на развитие событий на Северном Кавказе. К примеру, Кабардино-Балкария и Абхазия тогда объявили, что намерены обменяться представителями. Как сообщила пресс-служба Президента КБР, состоялась встреча В. Кокова и К. Озган, который передал два послания Ардзинба[3]. Все это, в свою очередь, не могло не вызывать беспокойства российских властей. Ситуацию в названном регионе рассмотрел Совет Безопасности России. Председатель Совета Национальностей ВС России Р. Абдулатипов и вице-премьер, председатель Госкомнаца России С. Шахрай приняли участие во встрече руководителей северокавказских республик, краев и областей в Кисловодске. Правящая элита республик Северного Кавказа Москвой рассматривалась как основной союзник в регионе. Однако в Кремле к этому моменту не могли не осознавать роль национальных движений северокавказских республик, в основном находившихся в оппозиции к правящим элитам. Именно поэтому по инициативе Совета Национальностей и Госкомнаца России 14-15 января в Пятигорске прошел «круглый стол» политических партий и движений Северного Кавказа, в ходе которого была принята декларация о принципах межнациональных отношений в регионе, провозглашавшая отказ от любых насильственных действий, направленных на изменение существующих границ. Участники «круглого стола» приняли также заявление по ситуации в Абхазии, в котором говорилось, что ее разрешение возможно только при условии вывода грузинских войск с территории Абхазии[4].

[1] Газ. «Известия», № 13… С. 2 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-yanvarya-1993-goda

[2] Газ. «Известия», № 15… С. 2 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-yanvarya-1993-goda

[3] «Независимая газета», № 5, 13 января 1993 г. С. 3.

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 7, 19 января 1993 г.

Позже, 27 февраля, в Нальчике прошло совещание, в работе которого приняли участие представители 66 партий, общественно-политических и национальных движений Северного Кавказа. На ней обсуждалась также и ситуация в Абхазии. Организованная по инициативе Конгресса кабардинского народа и кабардинской общественно-политической организации «Адыгэ Хасэ» встреча вылилась в бурную дискуссию по вопросам о прекращении региональных войн, сохранении межнационального согласия и гармонизации национальных отношений в РФ. Часть участников встречи и, прежде всего, московский кавказовед Х. Ибрагимбейли и председатель парламентского комитета Чеченской Республики З. Яндарбиев пытались расширить тему дискуссии за счет включения в нее проблем российско-кавказских отношений. В частности, З. Яндарбиев заявил, что в грузино-абхазском конфликте виновата Россия. Снабжая обе стороны оружием, ее руководство доводит противостояние до такой точки, когда грузины и абхазы не смогут больше жить в мире. Выступивший на встрече народный депутат России В. Лысенко сказал, что переговорный процесс по Абхазии зашел в тупик. Единственным же фактором, не позволяющим грузинским войскам вытеснить абхазов с их территории, является присутствие в республике российских войск. В то же время, отметил Лысенко, там необходимо присутствие миротворческих сил, а не регулярных войск[1]. На встрече, несмотря на расхождения в оценках некоторых вопросов, участники встречи были едины в симпатиях к воевавшей за свободу Абхазии. В документах совещания был отражен также пункт о признании независимости Абхазии. Итоговыми документами стали обращения к Президенту, Верховному Совету и Съезду народных депутатов России, послание Генеральному секретарю ООН и Заявление. Кроме того, эта встреча стала началом установления более тесных отношений между двумя крупнейшими объединениями Северного Кавказа – Союза казаков и КНК[2].

[1] «Независимая газета», № 39... С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-marta-1993-goda

[2] Позже, 5 апреля 1993 г., участники консультативного совещания КНК и Союза казаков заявили: «Мы поддерживаем решение участников Совещания национально-демократических, общественных и общественно-политических движений народов, республик, области и краев Северного Кавказа (г. Нальчик, 27 февраля 1993 г.) о признании Республики Абхазия».

В рамках данного процесса, кроме названной встречи, прошли переговоры в Пицунде (27.03.1993) и Ставрополе (28.04.1993). Несмотря на это, намеченный на лето 1993 г. Съезд народов Кавказа при паритетном представительстве народов не состоялся.

Тем временем в середине января, на фоне продолжавшегося трагикомического фарса вокруг «гибели» В. Ардзинба, Комитет спасения Абхазии принял обращение к Генсеку ООН и Президенту России. В этом документе было сказано: «К нынешней национальной трагедии абхазский народ привели те абхазские политики, которые пришли к власти на волне псевдодемократических преобразований. В большинстве своем не обладая опытом политического и хозяйственного руководства, они не нашли ничего лучшего, как выдвинуть лозунг суверенизации Абхазии и в одночасье демонстративно повернуться спиной к грузинскому народу… Этот курс был принят вопреки воле большинства абхазского народа, хорошо понимающего, к чему приведет политика насильственного разрыва живых связей абхазского и грузинского народов»[1]. Через некоторое время подписание этого документа Э. Шеварднадзе назвал «гражданским мужеством», при этом назвал имена Л. Маршания и Р. Эшба. Далее глава Грузии сказал: «Я так представляю, что абхазы, мыслящие на этом уровне, должны решить будущее своего народа. И они являются действительно освещающими маяками, если можно так сказать, мне так представляется»[2].

Тем временем, подготовка к третьему раунду российско-грузинских переговоров была практически завершена. Шеварднадзе заверил, что он пройдет в двадцатых числах января[3]. Однако 20 января, накануне его начала, представители около десятка политических организаций Грузии провели координационную встречу, на которой высказались против заключения договора с Россией, пока последняя не признает агрессии, аннексии и оккупации, осуществленной Россией по отношению к Грузии, и не выведет свои войска сначала из Абхазии и Цхинваль-

[1] «Независимая газета», № 10, 20 января 1993 г. С. 3.

[2] Интервью Шеварднадзе грузинскому радио. 8 февраля 1993 г. (Перевод подстрочный с груз. языка). л. 4.

[3] «Российская газета», № 12… С. 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-20-yanvarya-1993-goda

ского региона, а затем и из всей Грузии. Вместе с тем, многие в Тбилиси понимали, что без сотрудничества с Россией и другими республиками СНГ экономику Грузии ждет катастрофа[1].

Самолет с российскими участниками третьего раунда переговоров летел уже в столицу Грузии, когда полсотни хорошо вооруженных людей ворвались на территорию российской пограничной части, расположенной недалеко от аэропорта, захватили около 70 единиц стрелкового оружия, несколько военных автомашин и кое-что из техники. Двое пограничников, оказавших сопротивление нападавшим, были застрелены на месте. Это произошло 22 января в 14.30. Министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе от имени правительства принес извинения российской делегации, которая затем встретилась с Э. Шеварднадзе. Возглавлявший эту делегацию посол по особым поручениям Ф. Ковалев и его коллеги выразили надежду, что организаторы и участники нападения будут наказаны. Переговоры же были отложены на 25 января. 23 января состоялось экстренное заседание Совета национальной безопасности и обороны Грузии, на котором было принято заявление, в котором говорилось, что действия нападавших были направлены против интересов Грузии. Генеральному прокурору Т. Нинидзе, министру внутренних дел Т. Хачишвили, начальнику Информационно-разведывательной службы И. Батиашвили и министру обороны Т. Китовани было поручено раскрыть это дело[2].

Видимо, это происшествие подействовало на бывшего заместителя командующего Закавказским военным округом С. Беппаева, который в рассматриваемое время находился в распоряжении командующего сухопутными войсками России, но продолжал жить в Тбилиси. Тогда на пресс-конференции он заявил: «Офицеры и солдаты российской армии, находящиеся в Закавказье, являются заложниками нынешней политической ситуации. Группу войск надо расформировать, а личный состав эвакуировать. Я знаю реальное положение дел в войсковых

---

[1] Газ. «Известия», № 13… С. 2 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-yanvarya-1993-goda

[2] «Независимая газета», № 14… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-yanvarya-1993-goda

частях и подразделениях и уверен, что это единственный выход»[1]. Однако эта точка зрения не была господствующей. 27 января в Тбилиси прилетела группа военных экспертов Министерства обороны России, которая приняла участие в разработке договора, регламентировавшего вопросы пребывания российской армии на территории Грузии[2]. 29 января в ходе третьего раунда российско-грузинских переговоров была завершена работа над проектом договора о статусе российских погранвойск, дислоцированных в Грузии. Документ предусматривал продолжение охраны грузино-турецкой границы российскими пограничниками в течение еще 2 лет, а также помощь российской стороны в создании погранвойск Грузии. Предполагалась, в частности, передача грузинским пограничникам оружия и техники, обучение офицерского и рядового состава российскими военными специалистами[3].

При этом грузинские власти на международной арене продолжали пропагандировать агрессивный характер российской политики по отношению к Грузии. Обвинения грузинских властей в адрес российских военных теперь уже постепенно стали получать и официальную поддержку со стороны международных организаций. В частности, в докладе Генерального секретаря ООН от 28 января 1993 г. было сказано: «Власти Грузии неоднократно высказывали свою обеспокоенность в связи с тем, что некоторые из российских военных подразделений, дислоцированных в Абхазии, поддерживают абхазские силы. В этой связи г-н Шеварднадзе сделал несколько публичных заявлений с требованием о том, чтобы российские войска в Абхазии были поставлены под непосредственное командование Закавказского военного округа российских Вооруженных сил, штаб которого находится в Тбилиси»[4].

Заместитель министра иностранных дел России Б. Пастухов заявил, что «российско-грузинские отношения переживают не лучшие времена», и добавил, что «российская дипломатия никогда не позволяла и не позволяет разговаривать с собой с позиции силы». Это, сказал он,

---

[1] Газ. «Известия», № 17… С. 2 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-yanvarya-1993-goda-0

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 13, 27 января 1993 г.

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 16, 30 января 1993 г.

[4] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 21.

имеет прямое отношение и к характеру переговоров, ведущихся в Тбилиси[1]. Б. Пастухов имел в виду третий раунд российско-грузинских переговоров по согласованию текста всеобъемлющего политического договора, который к тому времени подходил к концу. Тем не менее, третий раунд, по словам военного обозревателя В. Соловьева, «оказался наиболее результативным: похоже, стороны достаточно изучили друг друга, наработан определенный уровень доверия». Далее названный автор конкретнее дает содержание самих переговоров и обсуждавшихся и достигнутых соглашений: «Краеугольный камень – основной договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Грузией. Обозначенные в нем направления военного сотрудничества развиваются в специальном соглашении о правовом статусе временного пребывания российских войск на территории Грузии… Военное соглашение предполагается подкрепить девятью протоколами, с юридической точностью определяющими различные аспекты пребывания российских войск… Рамочные большие соглашения и специальные военные документы по большей части согласованы... Определено, что управление этими войсками будет осуществляться по сути дела при тесном согласии глав двух государств – российского и грузинского. Без этого командование российских войск не вправе что-либо предпринимать. Согласована численность российской группировки на мирный период, а также предусматривается их усиление на военное время. Но при этом российские войска никоим образом не вмешиваются во внутренние дела Грузии. Использование военной силы оговорено только случаями угрозы военного нападения третьей стороны»[2]. В Абхазии к этим переговорам и их возможным результатам относились настороженно. По мнению В. Хагба, «договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия необходимо расценивать как посягательство на суверенитет, политическую независимость, территориальную целостность, национальное единство и безопасность Республики Абхазия»[3]. Тогда же общество «Русской культуры Абхазии», «Славянский дом» и «Союз офицеров» обратились к офицерам и солдатам Российской ар-

[1] Газ. «Иберия-Спектр», № 66, 9–15 февраля 1993 г. С. 14.
[2] Газ. «Иберия-Спектр», № 68, 23 февраля – 1 марта 1993 г. С. 6.
[3] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 22.

мии с призывом не втягиваться в войну против Абхазии на стороне Грузии[1].

Между тем, председатель комитета по межнациональным отношениям и правам человека Грузии А. Кавсадзе отправился в Нью-Йорк, где был намерен на очередном пленарном заседании Совета Безопасности ООН сделать доклад о положении в Грузии и поставить вопрос о вводе миротворческих сил в Абхазию[2]. А. Кавсадзе был направлен в ООН «в целях проведения консультаций с председателем и членами Совета Безопасности, а также с должностными лицами Секретариата относительно возможных будущих шагов, которые могут быть предприняты Организацией Объединенных Наций в поддержку возобновления мирного процесса, а также присутствия при обсуждении этого вопроса на заседании Совета». О результатах деятельности Кавсадзе в Нью-Йорке сообщается в докладе Генерального секретаря ООН, в котором сказано: «В ходе своих бесед с должностными лицами Организации Объединенных Наций специальный представитель обратил внимание на следующее: 1) правительство Грузии желает возобновить мирный процесс на основе соглашения от 3 сентября и готово согласиться на безотлагательное прекращение огня при условии восстановления статус-кво до абхазского нападения 1 октября 1992 года; 2) правительство Грузии хотело бы, чтобы ООН разместила своих наблюдателей/силы по поддержанию мира в целях наблюдения за грузинско-росийской границей в Абхазии и охраны железной дороги и путей сообщения в Абхазии. В данном контексте грузинские должностные лица указали, что открытие вновь этой транспортной магистрали будет также в значительной степени отвечать интересам Армении; 3) правительство Грузии приветствовало бы добрые услуги Генерального секретаря по изучению абхазской проблемы и вынесению рекомендаций в отношении мирного урегулирования. Правительство Грузии выражает готовность последовать этим рекомендациям при том понимании, что они обеспечивают уважение территориальной целостности и суверенитета Грузии»[3]. На самом заседании Совета Безопасности ООН 19 января, поводом для ко-

[1] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С 116.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 7, 19 января 1993 г.
[3] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 23.

торого послужили два письма Э. Шеварднадзе, А. Кавсадзе заявил, что «подход властей Грузии к прекращению вооруженного противостояния в Абхазии основан на безоговорочном соблюдении двух принципов: неприкосновенность территориальной целостности и уважение государственного суверенитета РГ»[1]. А. Кавсадзе по возвращении из Нью-Йорка заявил: «Представители России на СБ ООН поддержали Грузию в абхазском вопросе»[2].

При комиссии Европарламента по связям с государствами бывшего СССР должна была быть создана специальная подсекция для связей с республиками Кавказа. Об этом говорилось в письме председателя Европарламента по связям с бывшими республиками СССР М. Хоф председателю парламента Грузии Э. Шеварднадзе[3]. Таким образом, несмотря на всю очевидность противоправных действий грузинских властей, ООН и СБСЕ, к которым Абхазия неоднократно обращалась, хранили молчание. Все миссии из этих организаций, которые за это время побывали в Абхазии, прибывали сюда по предложению или приглашению грузинской стороны. Более того, при рассмотрении вопроса в ООН туда не приглашались представители Абхазии и по существу не учитывались материалы законных властей республики[4].

Единственной международной организацией, которая стремилась подойти к проблеме вооруженного противостояния Абхазии и Грузии непредвзято, по-прежнему оставалась Организация Непредставленных Народов. 24 января Третья Генеральная ассамблея ОНН, проходившая в Гааге, приняла резолюцию «По положению в Республике Абхазия». В ней говорилось: «Ввод грузинских войск на территорию Республики Абхазия привел к многочисленным жертвам среди мирного населения, появлению десятков тысяч беженцев, уничтожению памятников материальной и духовной культуры абхазского народа. Акты насилия над мирным населением, преследование людей по национальному признаку, за религиозные и политические убеждения со стороны

---

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 10, 3 марта 1993 г.

[2] «Независимая газета», № 25, 10 февраля 1993 г. С. 3.

[3] «Независимая газета», № 13… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-23-yanvarya-1993-goda

[4] Газ. «Республика Абхазия», № 14, 4 марта 1993 г.

грузинских войск приняли массовый характер. Грузинскими войсками используется оружие массового поражения, запрещенное международными соглашениями (в частности, игольчатые снаряды), причем от него в первую очередь страдает гражданское население. Ассамблея вынуждена констатировать, что политика руководства Грузии направлена на подавление прав и свобод соседних малочисленных народов... ОНН решительно осуждает применение военной силы со стороны правительства Грузии и призывает к немедленному прекращению боевых действий, выводу грузинских войск с территории Абхазии и строгому соблюдению основных прав и свобод человека, права народов на самоопределение»[1].

27 января в Гудауту прибыла миссия СБСЕ в составе И. Дьярмати (Венгрия), Х. Акинджи (Турция), Ф-В. Крайсл (ФРГ), П. Семнеби (Швеция), Л. Гринович (Венгрия), В. Ферунек (Польша), Э. Твайтс (Франция). Состоялась ее встреча с депутатами Верховного Совета Абхазии Э. Капба, О. Дамениа, Н. Акаба, А. Какуевым, Д. Барганджия. В ходе встречи глава миссии СБСЕ отметил, что его организация готова выступить в роли «третьей стороны» в подготовке переговоров и на переговорах между Грузией и Абхазией, если те согласятся на них без предварительных условий. Однако абхазские депутаты заявили, что переговоры до вывода войск Грузии из Абхазии означали бы фактическое признание законности их пребывания в республике без согласия законной власти Абхазии[2].

Между тем, в докладе Генерального секретаря ООН от 28 января 1993 г. говорилось: «В период после представления моего письма Совету 10 ноября 1992 года положение в Абхазии еще более ухудшилось. Продолжающиеся боевые действия создают серьезную угрозу сохранению международного мира и безопасности во всем Кавказском регионе и за ее пределами. Вспышка межэтнических столкновений в начале ноября 1992 года между североосетинскими и ингушскими силами в северокавказском регионе Российской Федерации, которая послужила причиной введения Президентом Ельциным временного чрезвычайного положения, является еще одним свидетельством наличия по-

[1] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 43.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 8, 31 января 1993 г.

тенциально взрывоопасной ситуации на Кавказе… Если эту ситуацию не удастся урегулировать, вероятность возникновения крупного конфликта будет весьма высокой». В связи с изложенным Б. Гали далее сказал: «Я рассматриваю возможность направления в Грузию новой миссии в целях обзора положения в Абхазии, с тем, чтобы провести оценку общей политической ситуации. В рамках этой миссии можно было бы также обсудить и представить рекомендации в отношении практических вопросов, включая немедленное прекращение огня и контроль за его соблюдением с уделением особого внимания границе между Грузией и Российской Федерацией в Абхазии, а также охране железной дороги и путей сообщения в Абхазии… Если Совет Безопасности поддержит этот курс действий, я предприму их, как только это станет практически возможным»[1]. Это предложение было поддержано Советом Безопасности, который 29 января призвал стороны «честно соблюдать и выполнять условия Соглашения от 3 сентября 1992 года, в котором подтверждается, что территориальная целостность Грузии должна быть обеспечена». В записке Председателя Совбеза ООН также говорилось: «Совет разделяет мнение Генерального секретаря о том, что восстановление жизнеспособного мирного процесса в Абхазии… может потребовать более активной поддержки со стороны международного сообщества… Совет поддерживает предложение Генерального секретаря о направлении в Грузию новой миссии для изучения положения в Абхазии и подчеркивает необходимость обеспечения эффективной координации между деятельностью Организации Объединенных Наций и деятельностью СБСЕ, направленной на восстановление мира»[2].

Тем временем накануне, 27 января, Э. Шеварднадзе была вручена венгерская медаль имени графа Батьяни за вклад в дело мира. Тогда же в МИДе Грузии состоялось подписание соглашения об открытии в республике представительства ООН[3]. Между тем, названный доклад Генерального секретаря ООН Б. Гали заслужил высшей похвалы оккупа-

[1] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 23-24.

[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 308.

[3] «Независимая газета», № 17, 29 января 1993 г. С. 3.

ционной прессы[1]. Исходя из этого доклада, Совет Безопасности принял резолюцию, предусматривавшую необходимость обеспечения территориальной целостности Грузии; направление в Грузию новой миссии для изучения положения в Абхазии и обеспечения эффективной координации между ООН и СБСЕ; направление в Абхазию миссии по установлению фактов в целях рассмотрения заявлений о якобы имеющих место нарушениях международного гуманитарного права обеими сторонами[2]. Таким образом, по установившейся традиции, в документах Совета Безопасности ООН были учтены почти все пожелания грузинской стороны при полном игнорировании замечаний абхазской. В силу всего этого лидер Абхазии в беседе с западными СМИ заявил: «ООН, складывается у нас впечатление, придерживается политики двойного стандарта. Одно для большого государства, другое – для маленького. И поэтому у нас есть здесь определенное недоверие»[3]. Как видно, ООН по-прежнему была озабочена соблюдением интересов только грузинской стороны. А пока ООН занималась лоббированием интересов Э. Шеварднадзе в его противоречиях с Россией и войне с Абхазией, сам глава Грузии был занят наращиванием и усилением мощи грузинских Вооруженных сил для «достойного завершения войны».

30 января в Москве состоялась встреча министра обороны России с главнокомандующим Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе Д. Шаликашвили. После переговоров П. Грачев заявил: «Наши мнения по основным военно-политическим вопросам совпадают. Мы уже не считаем друг друга врагами – наоборот»[4].

В конце января в Тбилиси прошло заседание 32 политических партий, выступавших за максимальную категоричность в отношениях с Россией. В частности, они настаивали на объявлении российских войск на территории Грузии оккупационными и требовали их вывода из Абхазии и Грузии[5]. В интервью грузинскому телевидению 31 января

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 10, 3 марта 1993 г.
[2] Там же.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 14, 4 марта 1993 г.
[4] «Независимая газета», № 19… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-2-fevralya-1993-goda
[5] Там же.

вечером Э. Шеварднадзе не исключил возможности проведения общенационального референдума, если давление со стороны ряда политических партий на парламент по вопросу о заключении российско-грузинского соглашения будет продолжаться. Отвечая на массированную атаку по поводу проводимого им курса в отношениях с Россией, грузинский лидер назвал политику радикалов конфронтационной, детской и опасной[1].

В то же время участились разбойные нападения на российских военнослужащих в Грузии. Ночью 29 января группа вооруженных гвардейцев, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, ворвалась в казарму 19-й бригады химической защиты, расположенной в Тбилиси. Гвардейцы подняли и построили солдат, подвергли их оскорблениям, у некоторых забрали обмундирование. 31 января неизвестными был обстрелян часовой А. Мишенин, который нес службу у входа в караульное помещение. 31 января командование группы российских войск в Закавказье обратилось в парламент и правительство Грузии с требованием «не допускать различного рода эксцессов». После этих случаев было дано указание о минировании военных объектов[2].

На заседании грузинского парламента 4 февраля, в связи с неоднозначным отношением депутатов к российско-грузинским переговорам, Э. Шеварднадзе поставил вопрос о вотуме доверия и выиграл голосование. 6 депутатских фракций в парламенте Грузии вынесли на голосование проект постановления, в котором российско-грузинские переговоры увязывались с немедленным выводом российских войск с территории Абхазии. Однако только 56 из 225 присутствовавших на заседании проголосовали за этот проект[3]. В результате парламент принял Постановление «О ведении переговоров между Россией и Грузией по разрешению конфликта в Абхазии», в первом пункте которого говорилось: «Предоставить Главе государства и Кабинету Министров полномочия на ведение переговоров с правительством РФ относительно взаимоотношений двух государств при условии полного соблюдения национальных и государ-

[1] Газ. «Известия», №20… С. 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-zadnem-3-fevralya-1993-goda

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 17, 2 февраля 1993 г.

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 21, 6, февраля1993 г.

ственных интересов Грузии»[1]. Т. Китовани в интервью газете «Вечерний Тбилиси» заявил, что абхазскую проблему еще можно решить политическими методами. В первую очередь для этого, по его мнению, нужны были переговоры между Шеварднадзе и Ельциным[2].

Тем временем 5 февраля в Тбилиси закончился третий раунд российско-грузинских переговоров по всему комплексу двусторонних отношений, в ходе которого стороны сосредоточились на подготовке проектов военных соглашений и, по словам руководителя делегации России Ф. Ковалева, достигли «максимальных» результатов[3]. Сам Шеварднадзе также выразил удовлетворение итогами переговоров. В ходе третьего раунда были подготовлены проекты соглашений, согласно которым российские войска оставались в Грузии до конца 1995 года, с возможным продлением срока пребывания на 3 года. Российские погранвойска также оставались в Грузии до конца 1994 года и готовили грузинские пограничные части. Любые действия российских войск в Грузии должны согласовываться с главкомом ее Вооруженных сил. Стороны решили вопрос о разделе военного имущества войск России, дислоцированных в Грузии, и о продаже Грузии оружия и запчастей к нему[4]. Чуть позже Э. Шеварднадзе в радиовыступлении, говоря о российско-грузинских переговорах, сказал, что взаимоотношения с Россией «входят в наши интересы, надо не затягивать эти переговоры, разумеется, с учетом наших национальных интересов». Глава Грузии к этому добавил: «До тех пор, пока у нас не будет такой правовой базы во взаимоотношениях с Россией, мы должны говорить, что мы зависимы от этой страны… Я ничего такого не подпишу, что будет против наших национальных интересов»[5]. Ф. Ковалев тогда заявил, что подписание договора будет «невозможно до прогресса в урегулировании абхазского конфликта»[6].

---

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 227.

[2] «Независимая газета», № 22… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-5-fevralya-1993-goda

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 21, 6, февраля1993 г.

[4] Там же.

[5] Интервью Шеварднадзе грузинскому радио. 8 февраля 1993 г. (Перевод подстрочный с груз. языка). лл. 2-3.

[6] «Независимая газета», № 25, 10 февраля 1993 г. С. 3.

Т. Китовани в вышеназванном интервью подчеркнул, что участие России в этом процессе просто обязательно, а помощь ООН пока не нужна[1]. Однако у Шеварднадзе было другое мнение на этот счет. В радиообращении к грузинам глава Грузии говорил: «Я не считаю, что в современном состоянии ООН и его Совет Безопасности являются какими-либо чудотворными организациями. К сожалению, это не так. Мы так не настроены, что вот появится представитель ООН, и в один раз решится все – прекратится война и кровопролитие. Это не так. Но игнорирование ООН также было бы безответственностью. ООН может многое сделать, тем более Совет Безопасности, если он будет достойно представлен в этом регионе... Это один из факторов, и очень значительных факторов, ему можно поручить миссию наблюдателей или участников, чтобы формирование мирового общественного мнения опять происходило в пользу Грузии»[2].

На фоне всего этого глава оккупационных властей Абхазии Т. Надарейшвили озвучил официальную позицию грузинских властей по отношению к рассматриваемым процессам. 26 января он, предварительно отметив, что «у грузин в Абхазии большое военное преимущество», заявил: «Я считаю, что в настоящий момент все мирные пути исчерпаны, и конфликт можно преодолеть только военным путем»[3]. В подтверждение его слов 1 февраля Совет национальной безопасности и обороны Грузии принял Постановление о мерах по укреплению военной дисциплины личного состава Вооруженных сил Грузии, находящихся в зонах боевых действий. Постановление предписывало командирам дислоцированных в Абхазии подразделений издать приказы и категорически запретить личному составу самовольно с оружием оставлять воинские части[4]. 2 февраля главнокомандующий грузинскими войсками Э. Шеварднадзе издал приказ, в соответствии с которым во много раз была

---

[1] «Независимая газета», № 22… С. 3 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-5-fevralya-1993-goda

[2] Интервью Шеварднадзе грузинскому радио. 8 февраля 1993 г. (Перевод подстрочный с груз. языка). л. 4.

[3] «Независимая газета», № 15… С. 3 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-27-yanvarya-1993-goda

[4] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 129-130.

увеличена военная мощь грузинского корпуса, в Сухум были направлены «дополнительные силы в необходимом количестве для гарантированной защиты» и начата была полная мобилизация всех имеющихся ресурсов и резервов[1].

Тем временем, 2 февраля с участием представителей Комитета спасения Абхазии началось рассмотрение абхазского вопроса в грузинском парламенте. После обсуждения было принято решение, что заседание лучше провести при закрытых дверях[2]. Но во время перерывов между заседаниями некоторые его участники поделились своими мнениями с прессой. Так стало известно, что Т. Сигуа оставался сторонником мирного решения вопроса. Т. Надарейшвили считал, что в ближайшее время надлежало провести боевую операцию на Ткуарчалском направлении, так как если военное присутствие России играет роль сдерживающего фактора на Гумисте, то в Ткварчельском направлении такой проблемы не было. Более того, он заявил, что располагает данными, что на этом участке абхазы готовы сложить оружие и операция может быть успешной. На заседании руководитель Комитета национального единства Какубава упрекнул правительство в пассивности и выжидательной позиции в отношении войны в Абхазии. Критике был подвергнут Т. Китовани, который заявил о готовности уйти со своего поста[3]. Вообще, и. о. министра обороны Грузии вышел раздраженным и сказал, что если бы не ряд сдерживающих факторов в правительстве Грузии, война в Абхазии была бы давно выиграна и завершена. А. Асатиани, напротив, заявил, что он с самого начала был против ввода войск в Абхазию[4]. Выступивший на сессии парламента Грузии командующий корпусом быстрого реагирования Г. Каркарашвили заявил, что пора выбрать, каким путем пойдет Грузия при разрешении абхазского конфликта – вооруженным или мирным. Дальнейшая неопределенность в этом вопросе, по его мнению, могла привести к нежелательным последствиям[5]. Э. Шеварднадзе на обвинения, что специально затягивается война и Абхазия

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 314.
[2] «Независимая газета», № 20, 3 февраля 1993 г. С. 3.
[3] «Независимая газета», № 21, 4 февраля 1993 г. С. 1.
[4] «Независимая газета», № 24, 9 февраля 1993 г. С. 3.
[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 226.

«продана», ответил: «У нас нет долларов, мы – бедная страна, да и с оружием нехватка – все это затягивает войну»[1]. В результате двухдневного обсуждения 4 февраля грузинский парламент принял Постановление «О ведении переговоров между Россией и Грузией по разрешению конфликта в Абхазии». Второй пункт этого документа предусматривал: «Поручить Совету национальной безопасности и обороны Грузии при участии постоянной комиссии по обороне и национальной безопасности парламента и временной комиссии по делам Абхазии, совместно с МО РГ, правительством и Комитетом спасения Абхазии, другими заинтересованными ведомствами с учетом предложений, внесенных в ходе парламентских дебатов по абхазскому вопросу, выработать и осуществить неотложные мероприятия по своевременному и достойному завершению конфликта в Абхазии и в 10-дневный срок представить Парламенту Грузии»[2]. На сессии также прозвучало продолжение провести выездное заседание грузинского парламента в Сухуме, но большинство не приняло его[3].

10 февраля Совет национальной безопасности и обороны Грузии принял решение о переброске в Абхазию дополнительного контингента грузинских войск и об объявлении дополнительной мобилизации, в первую очередь беженцев из Абхазии[4]. В соответствии с этим решением в тот же день Э. Шеварднадзе издал приказ о боевой готовности №1, которым он обязал Совет Министров АРА «немедленно произвести мобилизацию всех имеющихся ресурсов и резервов для обеспечения защиты Сухуми и Очамчиры» и предписал мэру г. Сухума и управляющим Сухумским, Гульрипшским, Очамчырским, Гальским районами «произвести мобилизацию имеющихся резервов»[5].

Тем временем, в Абхазии согласно приказу президента Конфедерации народов Кавказа Ю. Шанибова началось формирование командования войск КНК в Абхазии. Командующим войсками Конфедерации был назначен один из командиров чеченских добровольцев Ш. Басаев,

---

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 219.
[2] Там же. С. 227.
[3] «Независимая газета», № 43, 6 марта 1993 г. С. 3.
[4] «Независимая газета», № 27, 12 февраля 1993 г. С. 3.
[5] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 17 июня 1993 г.

начальником штаба – депутат ВС Адыгеи А. Зехов. Командование войск КНК согласно этому указу было подчинено руководству абхазской армии[1]. А. Зехов тогда заявил: «Среди прежних добровольцев были люди, имевшие личные корыстные цели. В январе мы выслали из Абхазии 17 человек. Теперь списки бойцов КНК будут обнародованы, а за деятельность лиц, прибывающих с иными целями, за их социальную защищенность в будущем КНК никакой ответственности не несет»[2]. 12 февраля А. Чикваидзе встретился с поверенным по делам России в Грузии В. Архиповым, в ходе которой грузинский министр заявил протест в связи с формированием боевого отряда во главе с Ш. Басаевым. Было отмечено, что такие действия могут негативно отразиться на российско-грузинских взаимоотношениях, на переговорном процессе и будут расценены как интервенция и агрессия против суверенного государства[3]. В то же время Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Грузии В. Земский вместе с сотрудниками своего аппарата встретился с коллективом штаба группировки российских войск в Закавказье. Состоялся обмен мнениями о перспективах пребывания военнослужащих и членов их семей в Грузии, о статусе российских войск на территории Грузии, о сроках их пребывания с учетом ожидаемого договора между Грузией и Россией[4].

14 февраля в Пицунде состоялось расширенное заседание Президиума КНК, на котором выступили В. Ардзинба, Ю. Шанибов, С. Сосналиев. На нем еще раз была подтверждена решимость народов Кавказа поддерживать борьбу Абхазии за свою свободу[5]. Президент КНК тогда же обратился к Генеральному секретарю ООН с просьбой предоставить трибуну ООН представителям Абхазии. В обращении говорилось, что КНК от имени 16 народов уже неоднократно обращалась к мировому общественному мнению, а также к ООН с призывом выступить в защиту 100-тысячного абхазского народа. Однако, «несмотря на всю очевид-

[1] «Независимая газета», № 25… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-10-fevralya-1993-goda

[2] «Независимая газета», № 25, 10 февраля 1993 г. С. 1.

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 230.

[4] «Независимая газета», № 25… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-10-fevralya-1993-goda

[5] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 71.

ность нарушений режимом Шеварднадзе прав человека и в первую очередь права на саму жизнь, ООН не только не возвышает свой голос против насилия, но и поддерживает агрессора»[1]. Съезд адыгейского народа, состоявшийся 20 февраля в г.Майкопе, рассмотрел вопрос о политической обстановке в Республике Адыгея и на Северном Кавказе в связи с войной в Республике Абхазия и принял следующую резолюцию: Военный конфликт в Абхазии считать агрессией со стороны правящих кругов Грузии против Абхазии, имеющей своей целью уничтожение народов Абхазии; Съезд адыгейского народа считает необходимым заявить о полной поддержке справедливой борьбы за свободу и независимость всех граждан Абхазии; Съезд адыгейского народа обращается к Северо-Кавказскому координационному Совету с просьбой войти в правительство Российской Федерации с предложением о признании Россией независимости Абхазии; Съезд адыгейского народа требует немедленного вывода грузинских войск с территории Абхазии, прекращения переговоров представителей российского правительства с грузинскими властями за спиной абхазского народа и всего Северного Кавказа и проведения трехсторонних переговоров, в которых абхазская сторона была бы представлена в качестве субъекта этих переговоров[2]. Несколькими днями позже было датировано послание А. Джаримова к Э. Шеварднадзе, где подтверждалась готовность Адыгеи выступить в качестве посредника в переговорном процессе[3].

«Все хотят мира, как с абхазской, так и с грузинской стороны» – таковы были выводы, сделанные Миссией гражданской дипломатии, сформированной международным комитетом гражданской дипломатии – Международным фондом гуманитарных инициатив и ассоциацией «Гражданский мир». Участники миссии, считавшие, что на Кавказе традиционно были сильны методы народной дипломатии, встречались с населением, беженцами, политическими и общественными деятелями противоборствующих сторон… Действенность российского фактора участники миссии затруднились определить: «Есть российская

[1] «Независимая газета», № 31… С. 1, 3. //http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-fevralya-1993-goda

[2] http://old.iea.ras.ru/books/Adygea1997/090120041253.htm

[3] Газ. «Иберия-Спектр», № 68, 23 февраля – 1 марта 1993 г. С. 8.

армия, которая не принимает участия в конфликте, а есть добровольцы из России – и путать их не следует». Ввиду же того, что все стороны хотели мира, а война все-таки продолжалась, народные дипломаты искали «третью силу» и, следовательно, пришли к следующему выводу: «Кому-то надо, чтобы, скажем, российская военная исследовательская лаборатория оставалась в зоне конфликта, провоцируя его развитие»[1].

16 февраля в Тбилиси прибыла делегация Ирана под руководством министра обороны. Она посетила и Рустави, азотообрабатывающую и металлообрабатывающую, а также химическую фабрики. Чуть позже Э. Шеварднадзе, комментируя этот визит, сказал: «Если и высветится какая-нибудь перспектива сотрудничества в этой отрасли, то она практически невозможна будет без участия России… Так или иначе, во всех этих договорах Россия примет участие. Например, если Иран заинтересуется продукцией авиационного завода и закупит ее – здесь речь идет не о военных самолетах, идет освоение и гражданских самолетов – там 80-85% частей получаем из России. Поэтому взаимоотношения с Ираном нельзя рассматривать как какую-то противоположную силу России»[2].

Но эти слова были сказаны после неожиданного однодневного визита в Грузию вице-премьера РФ С. Шахрая и председателя Совета Национальностей Р. Абдулатипова, состоявшегося 18 февраля. Согласно официальной версии, основная цель их прибытия в Тбилиси заключалась в обсуждении проблем, связанных с беженцами из Абхазии и Южной Осетии[3]. Абдулатипов и Шахрай провели переговоры с высшим руководством Грузии – главой государства Э. Шеварднадзе, спикером парламента В. Гогуадзе, премьер-министром Т. Сигуа, министром иностранных дел А. Чикваидзе[4]. Между тем, это была наиболее представительная российско-грузинская встреча после московского саммита 3 сентября в Москве. Приезд Абдулатипова был призван ослабить подозрительность грузинских властей по отношению к российскому пар-

[1] «Независимая газета», № 32... С. 3 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-19-fevralya-1993-goda

[2] Интервью Э. Шеварднадзе грузинскому радио. 1 марта 1933 г. лл. 2-3.

[3] «Независимая газета», № 33… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-20-fevralya-1993-goda

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 30, 19 февраля 1993 г.

ламенту. В Тбилиси, как известно, заявляли, что российский парламент занимал имперскую позицию по отношению к Грузии и препятствовал исполнительной власти в лице президента Ельцина установить с ней дружественные отношения. В связи с этим Р. Абдулатипов на встрече со спикером грузинского парламента В. Гогуадзе сказал, что состав российского парламента «очень пестрый»: среди парламентариев есть немало людей, которые требуют от президента России занять более жесткую позицию по отношению к Грузии. Он, в частности, отметил: «Приходится тратить много времени, чтобы смягчить эту позицию. На мой взгляд, необходимо развивать межпарламентские отношения, чтобы понять позиции законодательных органов двух стран». В ходе визита С. Шахрай заявил, что «Россия не подпишет межгосударственный политический договор с Грузией до тех пор, пока не будет урегулирован грузино-абхазский конфликт»[1].

По результатам визита было оглашено коммюнике, под которым наряду с Абдулатиповым и Шахраем подписались вице-премьер Грузии Р. Гоциридзе, вице-спикер В. Рчеулишвили, А. Кавсадзе. Надо отметить, что данное коммюнике подверглось серьезной критике со стороны политического истеблишмента Грузии[2]. Чуть позже, 1 марта, Э. Шеварднадзе, комментируя названный документ, сказал: «К сожалению, этот последний вариант я не видел, так как они спешили уехать. Я сказал, что этот документ не является такого ранга, чтобы вызвать такой спор. Посмотрим, еще состоится его обсуждение... А аннулирование этого документа является таким прецедентом, что его последствия будут более тяжелыми, чем само содержание этого документа»[3]. Однако, несмотря на такое красноречивое заявление главы государства, парламент Грузии принял специальное постановление об этом коммюнике, в котором была дана отрицательная оценка «позиции делегации Грузии по целому ряду вопросов». На заседании парламента 23 февраля депутаты долго решали, что делать с этим документом[4]. Особенно подчеркивалась неприемлемость наличия «в коммюнике двусмысленных выражений о

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 30, 19 февраля 1993 г.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 435.
[3] Интервью Э. Шеварднадзе грузинскому радио. 1 марта 1933 г. л. 4.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 239-241.

российско-грузинских соглашениях 3 сентября 1992 года в Москве…». На основании этого парламент Грузии счел нужным «дезавуировать коммюнике «Об итогах рабочего визита Абдулатипова Р. Г. и Шахрая С. М. в Республику Грузия от 18 февраля 1993 года»[1]. 4 марта парламент решил вторично дезавуировать коммюнике об итогах визита С. Шахрая и Р. Абдулатипова[2].

18 февраля Министерство обороны Абхазии распространило заявление, в котором говорилось, что абхазская сторона оставляет за собой право досмотра всех плавучих средств, направляющихся в сторону России, и ареста грузов, являющихся собственностью Республики Абхазия. По плавсредствам, которые откажутся подчиниться береговой охране, будет открываться огонь на поражение. Подобное заявление было вызвано тем, что из городов и населенных пунктов Абхазии, временно оккупированных грузинскими правительственными войсками, ускоренными темпами вывозилось награбленное имущество. По сведениям военного ведомства Абхазии, часть этих ценностей в виде сельхозпродуктов, легковых автомобилей, оборудования государственных предприятий морским путем переправлялась в Россию для продажи[3].

20 февраля г. Сухум был подвергнут бомбардировке с воздуха, что стало причиной очередного витка напряженности российско-грузинских отношений. Пресс-центр грузинского командования сообщил, что этот бомбовый удар по оккупированной абхазской столице был нанесен штурмовиком российской армии Су-25. Грузинское командование заявило протест командованию российских войск, на что Министерство обороны РФ сообщило, что это была ответная реакция на неоднократные, в течение всего дня 20 февраля, обстрелы грузинской стороной части российских десантников в селе Эшера[4]. 22 февраля Э. Шеварднадзе, находившийся в Сухуме, сообщил по телефону, что «бомбила авиация России», но при этом он добавил, что эта «акция не должна

---

[1] Папаскири З. Г. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 435.

[2] Газ. «Независимая газета», № 43, 6 марта 1993 г. С. 3.

[3] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

[4] Газ. «Известия», № 34... С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-23-fevralya-1993-goda

помешать русско-грузинским переговорам»[1]. 23 февраля российскому послу В. Земскому была вручена нота протеста МИД Грузии, в которой на Россию возлагалась ответственность за бомбардировку Сухума 20 февраля. В документе заявление Министерства обороны России о том, что ракетно-бомбовый удар был нанесен в ответ на обстрел грузинскими воинскими формированиями части российской армии, расположенной в селе Эшера, объявлялся необоснованным[2]. 24 февраля парламент Грузии заявил, что «такие действия Вооруженных сил России сильно осложняют и без того напряженные российско-грузинские отношения и грозят срывом проходящих переговоров между этими двумя государствами, что очевидно не отвечает интересам ни русского, ни грузинского народов»[3]. Позже на пресс-конференции по этому поводу Э. Шеварднадзе заявил: «Авиация России бомбила густонаселенные жилые кварталы. Мы побывали на этом месте и увидели своими глазами результат этой варварской акции. Эта акция ничем не оправдана, она доказывает связь между гудаутским правительством и руководством российских Вооруженных сил, расположенных в Гудауте»[4]. Министерство обороны Абхазии, в свою очередь, заявило, что абхазская сторона берет на себя ответственность за ракетный удар по Сухуму, произведенный самолетом Л-39[5].

21 февраля Э. Шеварднадзе, Т. Сигуа, А. Камкамидзе посетили Сухум и Очамчиру для разработки стратегических планов по воплощению в жизнь приказа №1[6], принятого Советом национальной безопасности и обороны Грузии 10 февраля. В оккупированной абхазской столице тбилисские «гости» имели встречу с Л. Маршания, затем с членами Комитета спасения Абхазии. Утром 22 февраля в интервью программе «Рассвет» грузинского телевидения Э. Шеварднадзе из Сухума сообщил: «В

---

[1] Грузинское радио. 22 февраля 1993 г.

[2] «Российская газета», № 37… С. 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-24-fevralya-1993-goda

[3] Грузинское радио. 25 февраля 1993 г. л. 2.

[4] «Независимая газета», № 34… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-23-fevralya-1993-goda

[5] «Независимая газета», № 35… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-24-fevralya-1993-goda

[6] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 239.

Сухуми я имел встречу с членами Комитета спасения Абхазии. На меня произвели большое впечатление их выступления, там было много видных представителей абхазской интеллигенции, они делают большое дело. Недавно в Сухуми была организована встреча грузинских и абхазских матерей»[1].

Дальнейшему осложнению ситуации способствовало сообщение об инспекционной поездке министра обороны России П. Грачева в Аджарию и Абхазию, которое вызвало крайне отрицательную реакцию грузинского руководства. Министр обороны России П. Грачев вылетел 19 февраля на Кавказ. Поездка Грачева, по мнению наблюдателей, вызвана кризисом в российско-грузинских отношениях, серьезно обострившихся в то время. П. Грачев был намерен также встретиться с российскими военнослужащими, проходившими службу в Абхазии и Аджарии. В министерстве обороны Грузии сообщили, что вопрос о поездке Грачева не согласовывался с руководством военного ведомства республики. Э. Шеварднадзе 19 февраля на парламенте напомнил, что визиту предшествовало заявление Грачева о том, что Батуми и Гудаута являются для размещенных в Грузии российских войск стратегически важными объектами, и что их уход из этих пунктов означает для России утрату Черного моря. Шеварднадзе заявил, что «визит Грачева в эти регионы не принесет пользы ни Грузии, ни России, ни грузино-российским отношениям, ни развитию дружеских связей, основы которых закладываются сейчас среди стран черноморского региона». А парламент Грузии потребовал «принять действенные меры к немедленному выводу российских войск из зоны грузино-абхазского конфликта»[2].

На фоне обмена заявлениями и нотами протеста по поводу бомбардировки 20 февраля Сухума 22 февраля министр обороны России П. Грачев вновь заявил, что названные части в Абхазии и Аджарии представляют важные стратегические объекты и их оставление означает для России потерю Черного моря[3]. 23 февраля парламент Грузии выразил возмущение в связи с данным выступлением российского министра обороны. На голосование было поставлено постановление из двух

[1] Грузинское радио. 22 февраля 1993 г.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 31, 20 февраля 1993 г.
[3] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 355.

пунктов: «1. Признать недопустимым пребывание российских войск на территории Абхазии. 2. Поручить главе государства начать переговоры с президентом России Борисом Ельциным о выводе российских войск из Абхазии»[1]. Постановление было принято на следующий день, 24 февраля, в котором, в частности, говорилось: «Такое заявление и те средства, которые использует Россия для защиты своих стратегических интересов в Грузии, дает основание заключить, что она грубо нарушает итоговый документ встречи между Грузией и Россией от 3 сентября 1992 года и опять действует с позиции силы, что явно противоречит объявленному руководством России курсу демократизации[2].

25 февраля на заседании парламента Э. Шеварднадзе выступил с заявлением по поводу ожидавшегося визита П. Грачева в Абхазию и Аджарию. В своей речи он, придав названным событиям геополитический подтекст, сказал: «Это заявление (П. Грачева. – **А. А**.), на мой взгляд, более опасно, чем кажется, на первый взгляд, и поэтому к этому визиту не должно быть однозначного отношения. Выходит так, что Батуми и Гудаута интересуют министра обороны для того, чтобы Россия не потеряла Черное море – так сказано и в его заявлении. Хорошо, но кто должен отнять Черное море у России?! Турция, Украина или другие черноморские государства. Я должен заявить, что для Грузии такая игра неприемлема, так как нас связывают с Турцией, Украиной и всеми странами черноморского бассейна дружественные и добрососедские взаимоотношения, и мы не имеем никакого желания встать на службу чьей-то силы против наших соседей и друзей, хотя с этим противостоянием имеем дело в 21 веке». То есть было налицо стремление главы Грузии «пристыдить» Россию перед «черноморскими государствами». Вместе с тем, Э. Шеварднадзе дал понять, что был оскорблен поведением министра обороны России, расценив это неуважением не только к его стране, но и к нему лично. Он заявил: «Я бы приветствовал встречу с г-ном Грачевым, скажем, в Тбилиси или в каком-нибудь другом регионе после предварительных переговоров и консультаций, как это обычно бывает вообще между государствами… Думаю, что то, что я сказал

[1] «Независимая газета», № 36… С. 1,3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-fevralya-1993-goda

[2] Грузинское радио. 25 февраля 1993 г. л. 2.

СМИ, оперативно передадут и будет известно г-ну Грачеву. И то, что я сказал, совсем не означает его приглашение ни в Гудауту, ни в Батуми. Если г-н Грачев желает прибыть в Грузию, думаю, для этого существует такой путь – глава государства об этом должен знать, должны состояться беседы, обсуждения. Разумеется, если у него будет такое мнение, я ему предложу прибыть в столицу, сядем и побеседуем, как это подобает серьезным людям и серьезным политикам, и затем обговорим, есть ли необходимость пребывания в том или ином регионе… Я думаю, осуществление таких визитов не принесет пользы ни Грузии, ни России, ни нашим взаимоотношениям, ни развитию дружбы между странами Черноморского бассейна»[1]. Руководитель Аджарии А. Абашидзе, говоря об этом визите, напротив, сообщил: «Накануне приезда Грачева командующий ЗакВО Ф. Реут должен был доложить об этом Шеварднадзе, но он просто не сумел попасть на прием. А уж придать этому визиту какой-то двусмысленный характер постарались некоторые ретивые политики и журналисты»[2].

В тот же день, 25 февраля, на заседании парламента в результате поименного голосования было принято решение о воинских частях России, расположенных на территории Абхазии, чье дальнейшее пребывание их было признано недопустимым. Парламент поручил Э. Шеварднадзе провести переговоры с президентом РФ о выводе российских воинских частей из зоны конфликта[3]. Судя по всему, сам Э. Шеварднадзе настоял на такой формулировке вопроса. 25 февраля МИД России сделало заявление о создавшемся положении вокруг временно находившихся в Абхазии подразделений российских войск, в котором говорилось, что они и российские пограничники становятся объектами постоянных провокаций[4].

Тем временем инспекционная поездка Грачева по Кавказу продолжалась. 26 февраля посол России в Грузии В. Земский выступил по грузинскому телевидению, во время которого сообщил, что министр обо-

[1] Грузинское радио. 26 февраля 1993 г. лл. 2-3.
[2] Газ. «Московские новости», № 12... С. 11А. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-marta-1993-goda
[3] Грузинское радио. 26 февраля 1993 г. л. 1.
[4] Там же. л. 3.

роны России намерен был посетить части в Гудауте и Батуми с чисто технической военной инспекцией. Посол также отметил, что в телефонном разговоре с ним Грачев высказал сожаление в связи с «неправильной интерпретацией» его публичного высказывания о стратегических интересах России в Грузии. В. Земский сказал, что 25 февраля вечером Грачев беседовал по телефону с Э. Шеварднадзе[1]. Пресс-секретарь главы Грузии позже, комментируя названное выступление посла, выразил недовольство тем, что дипломат, отвечая на вопрос «по поводу заявления министра обороны России П. Грачева о стратегических интересах своей страны на Черноморском побережье Грузии», «попытался дать новую, официальную интерпретацию данному высказыванию».

Между тем, 27 февраля П. Грачев встретился с председателем Верховного Совета Аджарии А. Абашидзе и командованием дислоцированной в Аджарии 145-й мотострелковой дивизии. В ходе встречи он заявил: «Отныне против действий, направленных на захват оружия, будет вестись огонь на поражение»[2]. В Батуми министр обороны России заявил, что «решение вопроса пребывания российских войск на территории Грузии находится в руках глав государств и правительств России и Грузии». В то же время он подчеркнул, что «пока не созреют условия для вывода, пока не будет подготовлена социальная инфраструктура для выводимых частей и соединений, торопиться с этим не следует»[3]. Этот визит вызвал еще более резкую реакцию Э. Шеварднадзе, он даже выразил тревогу за будущее российско-грузинских отношений[4].

Визит П. Грачева в Абхазию состоялся также 27 февраля, во время которого он встретится с командованием российских воинских частей, расположенных в Гудауте, а также с правительством Абхазии. Во время названных встреч требование главы грузинского парламента Э. Шеварднадзе о выводе российских войск с абхазской территории было названо грубым вмешательством во внутренние дела Абхазии[5]. 3 марта

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 36, 27 февраля 1993 г.

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 37, 2 марта 1993 г.

[3] Газ. «Иберия-Спектр», № 70, 9–15 марта 1993 г. С. 11.

[4] Газ. «Иберия-Спектр», № 71, 16–27 марта 1993 г. С. 1.

[5] «Независимая газета», № 38… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-fevralya-1993-goda

перед вылетом в Сухум Э. Шеварднадзе заявил, что визит министра обороны России в Гудауту «еще больше обострил ситуацию»[1]. Прибыв в Сухум, он сообщил «абхазскому» телевидению, что целью его визита является выяснение «истинных целей и мотивов выступления Грачева и его поездки в Гудауту и Батум, а также о намерении тех сил, что стоят за ним»[2]. 7 марта Т. Надарейшвили, выступая по тому же «абхазскому» телевидению, завил, что план штурма абхазов был «разработан в Гудауте после приезда туда Грачева»[3].

23 февраля Т. Надарейшвили сделал заявление, в котором «всю тяжесть ответственности за продолжение кровопролития в Абхазии» возложил «на реакционные военные и политические круги России, поддерживающие сепаратистские действия клики Ардзинба и руководства КНК, размахивающих факелом войны и на просторах Северного Кавказа, входящего в состав Российской Федерации»[4]. В тот же день, выступая в грузинском парламенте, Э. Шеварднадзе заявил, что российские войска, несомненно, должны быть выведены из Грузии, но нельзя ставить вопрос об их незамедлительном выводе, в частности, из Абхазии, поскольку нет гарантий, что важные стратегические объекты российских войск, находящиеся на территории, контролируемой абхазскими формированиями, будут переданы Вооруженным силам Грузии. Он также заметил, что выдвижение требования о немедленном выводе российских войск с территории Грузии «означает прекращение переговорного процесса и свертывание всех отношений с Россией». А это, по его мнению, привело бы к огромным экономическим трудностям, «поскольку Грузия зависит от поставок российского сырья, продуктов первой необходимости и даже денежных знаков»[5].

В середине февраля Т. Надарейшвили, говоря об обстановке на оккупированной территории Абхазии, отмечал: «Пополняются ряды защитников города, сюда подтягивается дополнительная боевая техника, и каждый, считающий себя гражданином Грузии, должен быть в эти

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 11, 7 марта 1993 г.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 252.
[3] Там же. С. 253.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 9, 26 февраля 1993 г.
[5] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии //Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 54.

тяжелые дни именно здесь… У некоторых граждан после заявления о том, что возможен штурм города, появились какие-то сомнения и неуверенность. Однако оснований для такого, я сказал бы, панического настроения нет»[1]. Видимо, для подтверждения этих слов 26 февраля грузинские войска предприняли «вторую, не уступавшую по количеству привлеченных сил и средств декабрьской, наступательную операцию» по всему Восточному фронту. Начальник штаба Восточного фронта Б. Джапуа сообщает: «В 6.00 противник атаковал позиции ВФ от с. Пакуашь до с. Кутол. На следующий день ширина наступления была увеличена до р. Кодор. Непрерывным маневрированием резервами, снимавшимися с относительно спокойных участков фронта, которые играли роль «пожарных команд», удалось остановить наступление противника. К 28 февраля рядом контратак удалось обескровить и отбросить противника на исходные позиции»[2]. Более того, в результате предпринятого абхазскими подразделениями контрнаступления в ряде мест Восточного фронта (в Меркуле, Лабре и Лашкиндаре) продвинулись вперед и улучшили свои стратегические позиции. О потерях, понесенных сторонами в ходе февральского наступления, грузин и контрнаступлении абхазов на Восточном фронте говорит В. Пачулия. Он сообщает: «Подбито было 6 танков, 5 БМП, 2 МТЛБ, взят трофей: 1 пушка, 1 танк, 2 БМП, ЗА «Шилка», 3 ДШК, 5 82-мм минометов, около 50 стволов стрелкового оружия и боеприпасы. Потери противника в живой силе – до 150 человек, взято в плен 16 человек. Потери войск Восточного фронта: убито 26, ранено до 50 человек»[3]. Возможно, с этим поражением было связано и то, что вскоре генерал А. Камкамидзе покинул Грузию[4]. Как уже говорилось, он ранее обещал захватить Ткуарчал.

Несмотря на это, превосходство оставалось на стороне грузинской армии. К марту по Восточному фронту у абхазской стороны имелись тысячи стволов огнестрельного оружия и гранатометов, более 10 единиц бронетехники, захваченной у противника. В то же время грузинская сторона располагала около 3-х тысяч военнослужащих, вооруженных

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 8, 21 февраля 1993 г.
[2] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008. С. 19.
[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 141.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 287.

стрелковым оружием (из них более 60% местного населения), до 30 единиц бронетехники и артиллерии и 2 установками БМ-21[1].

Президент России Б. Ельцин 28 февраля на съезде «Гражданского союза России» заявил: «Наступил момент, когда соответствующие международные организации должны предоставить России особые полномочия как гаранту мира и стабильности на территории бывшего Союза»[2]. В связи с этим МИД Украины выступил с заявлением, в котором было сказано: «Никто на Украине не уполномочивал президента России обращаться к ООН с такой просьбой. Реализация этой идеи на практике означала бы не что иное, как грубое нарушение существующих международно-правовых норм, в том числе принципов устава ООН и главных документов СБСЕ. Стремление России единолично взять на себя роль гаранта мира и безопасности в регионе бывшего СССР несет в себе неприкрытую угрозу создания такой ситуации, когда на одну из стран-участниц СНГ будут возложены полицейские функции»[3]. МИД Российской Федерации огласил комментарий к названному выступлению Президента России, в котором отмечалось, что «нет ничего дальше от истины», чем стремление толковать высказывание Ельцина «чуть ли не как проявление «неоимпериализма»[4]. В ходе уже названного визита в Сухум глава Грузии отметил, что недоброжелательное отношение России к его стране «подтверждается и недавним выступлением Президента Б. Ельцина, который потребовал у ООН специальные права для карательных санкций в отношении бывших республик СССР». Тем не менее, по его мнению, «усилия по установлению нормальных взаимоотношений с Россией должны быть продолжены»[5]. 9 марта на фоне возобновления российско-грузинских переговоров Э. Шеварднадзе, вновь вернувшись к этому вопросу, подверг критике Президента России и заявил, что «Ельцин допустил большую ошибку»[6].

---

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 144.

[2] Газ. «Известия», № 41... С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-4-marta-1993-goda

[3] «Независимая газета», №40. С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-marta-1993-goda

[4] Газ. «Известия», № 41... С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-4-marta-1993-goda

[5] Газ. «Демократическая Абхазия», № 11, 7 марта 1993 г.

[6] «Независимая газета», № 45, 11 марта 1993 г. С. 3.

Тем временем очередной раунд российско-грузинских переговоров должен был начаться в Москве 1 марта. Однако он тогда не состоялся из-за ухудшения российско-грузинских взаимоотношений. Вместо намечавшегося начала очередного раунда переговоров 1 марта МИД Грузии выступил с решительным протестом «по поводу провокационных и противоправных действий представителей официальных властей РФ»[1]. 2 марта в грузинском парламенте с воинственной речью выступил Б. Какубава: нужно объявить войну всему абхазскому народу и сделать все возможное «для нашей победы». Обвинил грузинское руководство и грузинское командование в нерешительных действиях. В числе прочих, он сообщил, что «Каркарашвили три раза брал с. Н. Эшера и три раза отходил назад[2], а Курашвили мог взять Ткуарчал, однако и ему вставляли палки в колеса. В поход для освобождения Гагры готов отряд из жителей этого города, но он бездействует – нет оружия, нет приказа. В ответ на эти заявления депутат А. Маршания спросила, являются ли его слова призывом идти войной на абхазский народ или же направлены лишь против «абхазских экстремистов»? В своем выступлении Б. Какубава пренебрежительно выразился по поводу того, что «неужели мы не справимся с 40-тысячным абхазским народом», и в этой связи А. Маршания спросила еще раз: «Нужто численность абхазов только 40 тысяч человек?». Ее поддержали другие парламентарии. Тогда он, помявшись, ответил, что имел в виду борьбу с Ардзинба и его сторонниками[3].

Тем временем Э. Шеварднадзе в Сухуме заявил, что есть «хорошие» абхазы, с которыми нужно работать и поддерживать контакты[4]. Глава Грузии сообщил, что он встретился с «друзьями-абхазами и готов встретиться и с абхазами из Гудауты». Э. Шеварднадзе собирался решать проблемы с Комитетом спасения Абхазии, а вот других абхазов, которых именовал «гудаутцами», он не очень жаловал и, имея их в виду, отметил, что если они пожелают, то он готов с ними встретиться, а о его приезде в Сухум они проинформированы[5].

---

[1] Газ. «Иберия-Спектр», № 69, 2-8 марта 1993 г. С. 1.

[2] Это не соответствует действительности.

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 249-250.

[4] Там же. С. 251.

[5] Газ. «Демократическая Абхазия», № 11, 7 марта 1993 г.

3 марта парламент Грузии своим Постановлением утвердил «Указ Главы государства от 3 марта 1993 г. о том, что наряду с ранее объявленным военным положением в Сухуми и Очамчирской зоне объявить военное положение также на территории Гальского и Гульрипшского района»[1]. Судя по всему, это также рассматривалось в Грузии как один из шагов, который должен был способствовать «достойному завершению войны». Однако, по всей вероятности, это и подобные заявления грузинских властей не были в состоянии оказать особого эффективного воздействия, и «панические настроения», против которых они были направлены, продолжали расти. Наблюдалось бегство местного населения, не желавшего погибать за честолюбивые амбиции Э. Шеварднадзе и его окружения. Тогда было решено воздействовать на «патриотические» чувства. В частности, 4 марта сухумское радио сообщало: «В Сухуми появились подготовленные мобилизационным отделом военной комендатуры плакаты. На одной карикатуре нарисован человек, у которого колени повисли над катером, под ней надпись: «Позор вам, трусам, бегущим из родного города, вы будете осуждены всенародно»[2]. Также с целью поднятия боевого духа защитников «территориальной целостности» 3 марта в интервью «абхазскому» телевидению Э. Шеварднадзе заявил: «Я останусь в Сухуми и буду вместе с сухумцами до тех пор, пока не удостоверюсь, что Сухуми больше не грозит никакая опасность. Если потребует необходимость, буду сражаться вместе с ними»[3]. Видимо, это произвело большое впечатление на Т. Надарейшвили, который 7 марта дал высокую оценку руководителю Грузии. Глава оккупационных властей Абхазии заявил, что благодаря Э. Шеварднадзе «удалось укрепить Сухум и поднять боевой дух воинов», «поэтому и не состоялся штурм»[4].

4 марта А. Чикваидзе в парламенте заявил, что если в ближайшее время не состоятся переговоры между Шеварднадзе и Ельциным, то отношения Грузии и России резко ухудшатся[5]. Действительно, российско-грузинские противоречия достигли такого накала, что Госдепартамент

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 12, 12 марта 1993 г.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 17 июня 1993 г.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 11, 7 марта 1993 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 253.
[5] «Независимая газета», № 43, 6 марта 1993 г. С. 3.

США посчитал необходимым вмешаться. 5 марта посол США в Тбилиси К. Браун передал представителю МИД Грузии ноту названного заокеанского ведомства. Такая же нота тогда была направлена и в МИД России. В документе говорилось: «Фактически конфронтация с Россией может оказаться катастрофической для усилий Грузии создать демократическое общество… Мы настоятельно просим правительство России принять соответствующие меры по разрядке двусторонней напряженности и убедить правительство и народ Грузии, что Россия твердо признает территориальную неприкосновенность Грузии». В Грузии с удовлетворением восприняли названный документ[1]. В интервью голландскому радио Э. Шеварднадзе оценил ноту госдепа США как «обеспокоенность и встревоженность Вашингтона состоянием российско-грузинских отношений»[2]. Между тем, судьбой Грузии были обеспокоены «друзья Э. Шеварднадзе» и по эту сторону Атлантики. Тогда же Германия вместе с другими государствами в комиссию по правам человека ООН внесла резолюцию, которую приняли с всеобщим соглашением 10 марта. Эта резолюция поддерживает политику главы Грузии и предлагает помощь Грузии в создании демократических структур[3].

6 марта Верховный Совет Северной Осетии принял решение о признании Южной Осетии, что в Тбилиси, естественно, было расценено как грубое вмешательство во внутренние дела. 10 марта парламент Грузии выразил надежду, что президент и ВС РФ примут эффективные меры по пресечению противоправных действий. В противном случае вся ответственность за негативные последствия возлагалась на российскую сторону. Посол России в Грузии В. Земский сказал, что руководство Северной Осетии превысило свои полномочия, и это решение негативно повлияло на российско-грузинские отношения[4]. 11 марта уже Верховный Совет Южной Осетии обратился к Верховному Совету России с просьбой признать Республику Южная Осетия и принять ее в состав РФ в качестве субъекта Федерации[5].

[1] «Независимая газета», № 44, 10 марта 1993 г. С. 3.

[2] «Независимая газета», № 45, 11 марта 1993 г. С. 3.

[3] Грузинское телевидение, программа «Мацне». 11 апреля 1993 г.

[4] «Независимая газета», № 46, 12 марта 1993 г. С. 1.

[5] Обращение Верховного Совета Республики Южная Осетия к Верховному Совету Российской Федерации. 11 марта 1993 г.

Между тем, сама Россия была озабочена, надо думать, больше своими внутренними делами. 7 марта Президент РФ направил в Верховный Совет РФ свои варианты вопросов намеченного на 11 апреля референдума по основным положениям новой Конституции. Б. Ельцин предлагал на голосование 4 вопроса: 1. Согласны ли Вы с тем, чтобы Российская Федерация была президентской республикой? 2. Согласны ли Вы с тем, чтобы высшим законодательным органом Российской Федерации был двухпалатный парламент? 3. Согласны ли Вы, что новая Конституция Российской Федерации должна быть принята Конституционным собранием, представляющим многонациональный народ Российской Федерации? 4. Согласны ли Вы с тем, что каждый гражданин Российской Федерации вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землей в качестве собственника?»[1]. Тем временем, Съезд народных депутатов России принял Постановление, в котором проведение всероссийского референдума «в настоящее время» признавалось нецелесообразным[2].

Еще одним примером серьезности осложнения грузино-российских взаимоотношений может свидетельствовать и заявление грузинского депутата А. Чхеидзе, сделанное им на заседании парламента 8 марта: «Россия занимается политическим и экономическим шантажом Грузии. Надо вывести все русскоязычное население Грузии на улицы городов нашей республики, и пусть они выскажут свои требования о невмешательстве во внутренние дела Грузии»[3]. К спекуляции интересами русскоязычного населения Грузии тбилисские власти прибегали не раз до этого и после этого. К примеру, это имело место и месяц спустя в беседе вице-премьера Грузии с российским послом В. Земским. Грузинский чиновник безапелляционно заявил собеседнику, что «РФ должна выделить льготные кредиты Грузии, хотя бы с целью облегчения экономического положения граждан русской национальности»[4].

---

[1] Газ. «Известия», № 44... С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-10-marta-1993-goda

[2] «Российская газета», № 52… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-marta-1993-goda

[3] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 264.

[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 18, 8 апреля 1993 г.

На таком фоне 9 марта, как уже говорилось, в Москве начался четвертый раунд российско-грузинских переговоров, в ходе которых должен был быть выработан текст всеобъемлющего межгосударственного договора, а также согласован пакет документов по военным, экономическим и культурным вопросам. По словам членов российской делегации, в ходе данного раунда участники переговоров намерены были сосредоточиться на согласовании документов военного характера[1]. В день их открытия Э. Шеварднадзе заявил, что если договор с Россией не будет подписан, то в Грузии могут встать фабрики и заводы, и появится армия безработных[2]. Чуть позже, 15 марта, выступая по грузинскому радио, глава Грузии пояснил ситуацию: «Сейчас условия изменила Россия – они говорят, что денежные знаки у них есть – 60 миллиардов рублей на обязательные наши нужды в зарплате, пенсии и стипендии и т. д., но это будет оформляться как межгосударственный долг. Это – неправильный подход, это – дискриминационный подход к партнерству и это запрещенный прием. И если мы не сможем заставить Россию изменить такой подход, мы вынуждены будем 30, 40 миллиардов взять в долг. Наверно, придет время, и мы заплатим этот долг, но сейчас таким образом мы выйдем из этого положения и должны ускорить процесс к переходу на купоны или собственную валюту... Я очень не хотел спешить переходить на собственную валюту, так как это влечет за собой много негативных явлений – это знают наши специалисты. И я раньше сказал, что пока нас не выгонят из рублевой зоны, мы должны оставаться в ней. Видимо, Россия сама собирается сделать серьезные изменения в своей финансовой политике и хочет как можно скорее избавиться от тех партнеров, которые находятся в этой зоне»[3].

В то же время во взаимоотношениях между Арменией и Грузией тогда также появились заметные осложнения, что, по мнению многих наблюдателей, могло негативно сказаться на политической обстановке во всем закавказском регионе. Связано это было в основном с рядом взрывов на питавшем Армению газопроводе, проходившем через территорию Грузии. Кроме того, обе страны оказались в диаметрально

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 43, 10 марта 1993 г.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 256.
[3] Интервью Э. Шеварднадзе грузинскому радио. 15 марта 1993 г. л. 6.

противоположной геополитической ситуации. Грузия, обвиняя во всех смертных грехах Россию, стремилась к сближению с Западом, Турцией и Ираном. Армения, наоборот, считала Россию своим естественным союзником[1].

Тем временем вероятность поражения Ельцина в России являлась не единственным мотивом, который побудил президента США заявить о намерении решительно поддержать экономический и политический курс российского руководства. Выступив 9 марта на пресс-конференции по итогам своей встречи с Ф. Миттераном, Б. Клинтон связал такую поддержку с необходимостью обуздать международную торговлю оружием. Она, по его мнению, может возрасти за счет расширения участия в ней России, которую толкает к этому экономический кризис. При этом он отметил: «Русские… все более будут вынуждены рассматривать свой потенциал в плане торговли оружием в качестве единственного средства получения иностранной валюты, единственного способа поддержать свою экономику и свои предприятия работающими». Своим заявлением Б. Клинтон дал понять, что он был обеспокоен информацией о настроениях в российском руководстве в пользу сворачивания конверсии и расширения экспорта вооружений за границу. Сообщения о них появились в прессе особенно после поездки Б. Ельцина в Индию, где российский президент обнаружил «огромный рынок» для российского оружия и готовность платить за него твердой валютой[2].

Между тем, 9 марта вечером Шеварднадзе вернулся из Сухума[3], где он уверил всех в неприступности обороны города. Но, похоже, что риторика главы Грузии мало кого, кроме Т. Надарейшвили, вдохновляла на «подвиги». Комендант Сухумского аэропорта полковник Р. Челидзе 12 марта в интервью грузинскому телевидению сообщил, что «большое количество желающих уехать в Тбилиси захватывают самолеты, оказывают силовое давление»[4]. Несмотря на такое поведение самих грузин, армяне Гульрипшского района были полны решимости защитить

[1] «Российская газета», № 49… С. 7. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-marta-1993-goda

[2] «Независимая газета», № 45... С. 4. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-11-marta-1993-goda

[3] «Независимая газета», № 44, 10 марта 1993 г. С. 3.

[4] Газ. «Республика Абхазия», №29, 17 июня 1993 г.

«братство народов Грузии». Тогда сход жителей района заявил: «Армяне не представляют возможность какого-либо разделения территории Грузии и как полноправные ее члены при надобности готовы защитить ее интересы с оружием в руках»[1].

5. Мартовское наступление и новый этап политической игры вокруг Абхазии

5. 1. Мартовское наступление

В середине марта 1993 г. Абхазская армия предприняла новую попытку освобождения своей столицы. О возможном наступлении на Сухум со стороны абхазов Э. Шеварднадзе говорил еще 3 марта, находясь в оккупированной столице Абхазии[2]. Т. Надарейшвили ещё задолго до этого готовился отразить натиск абхазов: «В Сухуми делается все, принимаются все меры, чтобы дать врагу достойный отпор… Ведь попытки штурма Сухуми предпринимались противником неоднократно. Если штурм повторится, то теперь жертв будет больше. А это значит, что генофонд абхазской нации уничтожается самими абхазцами»[3]. Было объявлено, что бойцы всех подразделений Национальной гвардии и резервисты до 14 марта должны собраться в главном управлении названной гвардии[4]. Уже вечером 14 марта грузинское телевидение распространило информацию о наличии разведданных о запланированном на 15 – 18 марта крупномасштабном наступлении на Сухум[5]. Как видно, грузинская разведка обладала точной информацией о дате начала предполагавшейся операции Абхазской армии. Об этом затем говорил и Т. Китовани. Но, несмотря на это, ее начало вызвало переполох в стане грузин. 16 марта Э. Шеварднадзе на сессии парламента Грузии, в частности, заявил: «Я полечу в Сухуми. Китовани и Иоселиани или там находятся уже, или прибудут скоро. Приняты и другие меры, о которых

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 12, 12 марта 1993 г.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 11, 7 марта 1993 г.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 8, 21 февраля 1993 г.
[4] Грузинское телевидение. 13 марта 1993 г.
[5] «Независимая газета», № 48, 16 марта 1993 г. С. 3.

сейчас не стоит говорить. После моего приезда, когда встречусь с населением, с командирами военных частей, приму решение о всеобщей мобилизации. Сейчас же, если вы меня поддерживаете, как Главнокомандующий объявлю мобилизационную готовность… Кто может взять в руки оружие, должен взять оружие, кто не может, должен по-другому помочь своей стране в эти тяжелые дни, чтобы это испытание перенести. Я особенно хочу обратиться к населению Западной Грузии и к тем регионам, которые примыкают к Абхазии. Если здесь были и есть какие-либо непонимания, я верю в то, что в эти тяжелые дни Грузии население Мегрелии, Имеретии и других районов будет вместе с сухумцами, и те, у кого есть оружие, и те, у которых нет оружия, все будут участвовать в этой нашей общей борьбе за спасение Сухуми»[1].

После своей «зажигательной» речи он вылетел в Сухум, объявив, что во время его отсутствия Советом обороны будет руководить Т. Сигуа[2]. Т. Надарейшвили также призвал грузинский народ встать плечом к плечу в Сухуме в трудный час[3]. В Сухум приехали также Т. Китовани и Д. Иоселиани[4]. Однако по истечении времени Т. Китовани отрицал само пребывание Э. Шеварднадзе в Сухуме во время мартовского наступления. Экс-министр обороны Грузии утверждает: «15-16 марта я был там, и кроме меня, никого не было»[5].

Тем временем, Мартовское наступление Абхазской армии привело к очередному витку российско-грузинского противостояния. Еще 3 марта Э. Шеварднадзе, находясь в оккупированной столице Абхазии и говоря о возможном наступлении абхазов, отметил: «Если Россия примет в этом участие, тогда она должна признать, что политика ее обанкротилась»[6]. Днем 15 марта Э. Шеварднадзе встретился с послом России в Грузии В. Земским по его просьбе. Во время встречи российский посол заявил, что ему необходимо отбыть в Москву, чтобы принять участие в российско-грузинских переговорах. Э. Шеварднадзе на следующий день заявил: «Я думаю, что это не случайный отзыв, это при-

[1] Грузинское телевидение. 11. 30. 16 марта 1993 г. лл. 1, 3.
[2] Грузинское телевидение. 11. 30. 16 марта 1993 г. л. 4.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 261.
[4] «Независимая газета», № 49, 17 марта 1993 г. С. 3.
[5] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
[6] Газ. «Демократическая Абхазия», № 11, 7 марта 1993 г.

мечательный факт. Если все проанализировать, остается впечатление, что здесь серьезно запланированная и задуманная военная акция»[1]. А во время своего названного выступления в парламенте заявил, что Грузия имеет дело с агрессией со стороны России. Глава Грузии тогда отметил: «После того, что произошло вчера и сегодня утром, я могу смело заявить, что мы практически имеем дело с российско-грузинским конфликтом. Я не знаю, в курсе ли Ельцин того, что происходит, но если он не в курсе – тем хуже для нас. Я пришел к выводу, что деструктивные силы в российском руководстве хотят перенести акцент на Грузию и тем самым выпустить пар из российского котла»[2].

Э. Шеварднадзе, прибывший в Сухум в полдень 16 марта, после оперативного совещания в штабе командования второго корпуса грузинской армии дал пресс-конференцию для журналистов. Он подчеркнул, что его заявление об открытом российско-грузинском конфликте, к великому сожалению, здесь, в Сухуме, полностью подтвердилось. По словам Шеварднадзе, он попытался при помощи командования российских войск в Тбилиси связаться с гудаутским командованием российских войск и вызвал их на переговоры в Сухум, однако ответа нет. Им было заявлено также, что российской стороне предъявлен ультиматум с требованием вывести личный состав с территории сейсмологической лаборатории, находящейся на линии фронта в селе Эшера. В связи с последними событиями было поставлено под большой вопрос продолжение российско-грузинских переговоров, которые, по словам руководителя грузинской делегации, заместителя министра иностранных дел Грузии М. Уклеба, практически были свернуты «в связи с ужесточением позиции России», особенно в экономических вопросах и в вопросах о сроках и статусе пребывания российских войск в Грузии»[3]. 16 марта М. Уклеба также выступил с заявлением, в котором говорилось, что «кульминацией насилия, творимого на земле суверенной Грузии абхазскими сепаратистами при поддержке российских формирова-

[1] Выступление Э. Шеварднадзе на сессии парламента Грузии. Грузинское телевидение. 11. 30. 16 марта 1993 г. л. 2.

[2] «Независимая газета», № 49... С.1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-17-marta-1993-goda

[3] Газ. «Известия», № 50... С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-marta-1993-goda

ний, дислоцированных в Абхазии, стала бомбежка города Сухум». В документе также содержался призыв к российской и мировой общественности «осудить человеконенавистническую политику абхазских экстремистов и поддерживающих их реакционных сил России»[1]. В ответ на подобные обвинения, Министерство обороны России передало ноту протеста грузинской делегации четвертого раунда переговоров. В ней говорилось, что утверждения об участии в войне российских ВВС на стороне Абхазии не соответствуют действительности[2].

В своем выступлении на сессии парламента Э. Шеварднадзе также отметил: «Мы должны проявить большую осторожность, предусмотрительность и не допустить никаких незаконных действий по отношению к дислоцированным на остальной территории Грузии подразделениям армии России. Если необходимо будет, власти скажут об этом»[3]. На словах Э. Шеварднадзе вынужден был призывать не трогать российские объекты, но на деле его антироссийская риторика привела к тому, что это уже не могло зависеть от его желания. Российские объекты и в Абхазии, и в Грузии стали в то время чаще подвергаться нападениям со стороны грузинских подразделений и преступных групп. В ответ на это Министерство обороны РФ выступило с заявлением, в котором говорилось: «Вновь в связи с активизацией грузино-абхазских боевых действий обострилась обстановка вокруг российских объектов, расположенных в зоне конфликта. Совершенно очевидно, что за подобными провокационными действиями грузинской стороны просматривается стремление вовлечь российскую армию в вооруженный конфликт и разыграть армейскую карту, обострив тем самым до предела и так довольно непростые российско-грузинские отношения. В связи с таким ходом развития событий Министерство обороны Российской Федерации заявляет решительный протест грузинской стороне и еще раз подтверждает, что российские войска не участвуют в конфликте, они соблюдают и будут соблюдать в дальнейшем строгий нейтралитет. Министерство обороны РФ заявляет также, что в случае продолжения противоправных действий в отношении российских объектов россий-

[1] «Независимая газета», № 50, 18 марта 1993 г. С. 1.
[2] Там же.
[3] Грузинское телевидение. 11. 30. 16 марта 1993 г. л. 2.

ские войска будут более решительно, с применением всех имеющихся в их распоряжении средств, пресекать любые провокации и принимать меры, включая вооруженные, по защите чести, достоинства и самой жизни военнослужащих и членов их семей»[1].

17 марта Парламент Грузии направил специальное обращение ООН, Европарламенту, парламентам стран мира, в котором однозначно указывалось, что Россия фактически ведет необъявленную войну против Грузии с целью «отторжения Абхазии от остальной Грузии»[2]. 17 марта во второй половине дня Э. Шеварднадзе обратился с письмом к Б. Ельцину, где информировал его, что «тысячи российских граждан и наемников, а также кадровые военнослужащие оказались вовлеченными в непосредственные военные действия против Грузии»[3]. Э. Шеварднадзе также предложил Б. Ельцину провести личную встречу для урегулирования конфликта в Абхазии или провести переговоры на уровне своих представителей. Для встречи Шеварднадзе готов был прибыть в Москву. А МИД Грузии тогда направил ноту протеста МИД России «в связи с действиями российских войск в Абхазии на стороне войск В. Ардзинба»[4]. Тогда же министр обороны Грузии Т. Китовани ультимативно потребовал вывода из Сухума в 3-дневный срок 901-го парашютно-десантного батальона». В ответ на это 18 марта представитель военного командования российских войск в Гудауте А. Алексеев заявил: «Личный состав 901-го ОПДБ никакого участия в содействии какой-либо противоборствующей стороны не принимал; в случае принятия мер силового воздействия на личный состав 901-го ОПДБ, в т. ч. попадания снарядов на территорию городка и вблизи него, будут приняты меры по немедленному уничтожению всех воздействующих средств ВС Грузии; летательные аппараты в районе военного городка будут уничтожаться, а в случае нанесения бомбо-штурмовых ударов по территории батальона и в 5-километровой зоне от нее будут уничтожены не только самолеты, их наносящие, но и вся авиация на аэродроме ближайшего

[1] «Российская газета», № 54… С. 7. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-20-marta-1993-goda

[2] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 436.

[3] «Независимая газета», № 51, 19 марта 1993 г. С. 1.

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 49, 18 марта 1993 г.

базирования»[1]. Однако на фоне обмена нотами и заявлениями между Россией и Грузией четвертый раунд переговоров между ними продолжался в Москве[2].

Тем временем наступление Абхазской армии 15–16 марта окончилось неудачей. Вновь повторилась трагедия 5 января. В ходе операции имели место разночтения приказов и распоряжений, в результате те боевые группы, которые вклинились в тыл врага, не получив подкрепления, были оставлены на произвол судьбы. Им пришлось в течение 2-3 суток добираться обратно к исходным позициям с боями и многочисленными потерями. Военный историк В. Пачулия, проанализировав ход Мартовского наступления, пришел к выводу, что оно потерпело неудачу по следующим причинам: негативно сказался на всем личном составе Вооруженных сил Республики Абхазия перенос начала операции; несвоевременный выход подразделений 1-го эшелона на исходные позиции; большое морально-психологическое воздействие на войска оказали минные поля; не удалось раскрыть до конца все огневые точки противника; в ходе продвижения войск не очищалась от противника полностью полоса обеспечения, не уничтожались огневые точки по флангам; низкое морально-психологическое состояние отдельных подразделений, безответственность и неопытность некоторых командиров; в ходе боев не было своевременных докладов об обстановке; недостаток в средствах управления, дефицит в радиосредствах; артиллерия практически не нанесла никакого ущерба первой линии обороны противника; недостаток в вооружении, боеприпасах и технике; путаница в поставленных боевых задачах некоторым подразделениям; нехватка времени на подготовительную часть операции; не была отработанной система управления военными действиями; неотработанность взаимодействия частей, подразделений и родов войск; рекогносцировка местности была проведена не всеми подразделениями; бронетехника не сумела вступить в бой[3].

При этом необходимо особо отметить чудеса героизма, проявленного многими воинами и отдельными подразделениями, принимавши-

[1] Заявление Командования ВС России в Абхазии. л. 1.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 49, 18 марта 1993 г.
[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 176-179.

ми участие в боях за освобождение Сухума. 20 марта В. Ардзинба в Обращении к народу отметил, что «если бы все подразделения действовали так, как лучшие, победа, несомненно, была бы за нами»[1]. Позже министр обороны В. Аршба вспоминал: «Самое памятное, самое тяжелое для меня, думаю, и для Президента тоже, это, конечно, неудавшееся наступление 15-16 марта 1993 года. И был такой момент, что мы все уже поняли, что наступление полностью захлебнулось, мы несли большие потери. И тогда Владислав Григорьевич (Ардзинба. – **А. А**.) показал свои бойцовские качества. Он сел вместе с охраной в машину и поехал непосредственно на фронт… И там, на месте, уже было принято решение об отмене операции»[2]. Позже, после войны, начальник Генштаба Абхазской армии С. Сосналиев на вопрос «когда было труднее всего?» ответил: «В марте 1993 года». Далее он отмечал: «Вооруженные силы Абхазии не имели достаточного опыта в ведении широкомасштабных боевых действий. И это наступление сорвалось. Были огромные потери как с абхазской стороны, так и с грузинской. Пережить это морально очень тяжело – видеть, как погибают люди, как остаются невыполненными поставленные задачи. Когда ты ответственен за тысячи людей, когда, посылая людей в бой, знаешь, что половина из них не вернется – выдержать это невообразимо тяжело»[3].

18 марта на заседании ГКО Абхазии министр обороны В. Аршба заявил, что все виновные в провале операции будут наказаны. Он подчеркнул, что «события последних дней на фронте наталкивают на мысль, что противник уже не тот, который был 4–5 месяцев назад». По его мнению, абхазам противостояли теперь «более организованные и сплоченные подразделения»[4]. Несмотря на то, что наступление окончилось неудачно, в ходе него врагу был нанесен существенный физический и моральный урон. После боев была достигнута договоренность о прекращении огня с 4. 00 часов 20 марта до 3. 00 часов 21 марта с тем, чтобы абхазская сторона могла вести поиски в тылу врага погибших и

[1] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994.

[2] Аршба В. Г. Личный пример // «Эпоха Ардзинба» (автор проекта Г. Ш. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 186.

[3] Честь дороже жизни. (Сост. Аламиа Г. Ш.). Сухум, 2012. С. 226.

[4] Газ. «Республика Абхазия», № 15, 19 марта 1993 г.

без вести пропавших. Но удалось найти далеко не всех. Горе людей, потерявших своих близких во время наступления, усугубилось невозможностью их похоронить.

Стремясь к достижению целей идеологической борьбы, грузинская сторона прибегала к спекулятивным действиям. Таковым являлось, в частности, распространение заведомо ложной информации о потерях абхазской стороны, что, по логике грузинских идеологов, видимо, должно было отрицательно сказаться на психологическом состоянии противника. К примеру, исполнявший обязанности заместителя прокурора Гульрипшского района К. Цквитария заявил, что абхазская сторона оставила на поле боя 1790 трупов, 644 из которых оказались российскими военнослужащими и «были захоронены в братской могиле, поскольку абхазская сторона отказалась их принять»[1]. После войны на одном из грузинских сайтов о потерях в Мартовском наступлении сообщалось: «С нашей стороны погибло около 150 бойцов и 40 мирных жителей, потери же абхазов составили около 2 тысяч человек»[2]. Сведения о потерях грузинской стороны, приведенные этим мемуаристом, скорее всего, не далеки от правды, а вот данные о них с абхазской стороны в корне не соответствовали действительности. Две тысячи воинов с абхазской стороны вовсе не были задействованы в названной операции. Однако 24 марта 1993 г. грузинское телевидение передало, что «в последнем наступлении абхазы потеряли убитыми 1000 человек и ранены около 3000»[3]. К тому времени во всей действующей Абхазской армии не было такого количество живой силы. 24 марта грузинское радио также передало заведомо ложное сообщение о том, что «абхазы создали конспиративное подразделение», целью которого являлась «ликвидация наемных казаков и северокавказских боевиков». Грузинское радио утверждало, что «уничтожение наемников предусмотрено во время боевых действий, за несколько дней до окончания контракта»[4]. Однако подобного рода измышления невольно разоблачались самой

[1] Чертинов В. Наказанная Грузия //http://abkhazeti.info/war/2006012644-46893119906.php

[2] http://cyxymu.livejournal.com/16011.html

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 274.

[4] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 274.

оккупационной прессой, в одном из номеров которой был опубликован список 67 бойцов абхазской армии, погибших во время мартовского наступления. Из них 60 были абхазами, 4 армян из Гагры и трое местных русских. Генерал-майор Г. Адамия, комментируя этот список, сказал: «Пропагандистские утверждения, что бремя и жертвы лягут на КГНК, оказались далекими от действительности, демагогической дымовой завесой. Абхазский народ несет невосполнимые потери»[1].

В ходе Мартовского наступления абхазы потеряли погибшими 222 человека, из которых 23 бойца пропали без вести[2]. Тем не менее, Т. Китовани продолжает утверждать, что потери абхазов составили больше, чем 222 человек убитыми[3]. Позже, 25 марта, в Доме культуры Гудауты состоялось собрание родственников павших бойцов. На встрече подавляющее большинство участников высказалось за необходимость продолжения борьбы против оккупантов до победного конца. На собрании было принято обращение, в котором говорилось: «Большое горе постигло нас всех, тяжелую потерю понес наш народ. Но сегодня мы поставлены в такие условия, когда у нас нет выбора. Нашему народу предстоит либо погибнуть, либо завоевать свою Свободу. Народ, который борется за свою свободу, рано или поздно ее завоюет. Наш народ ведет неравную, тяжелую борьбу с сильным и коварным врагом. Еще раз обнажилось подлинное лицо наших врагов, их варварская, бесчеловечная сущность. Поправ элементарные нормы человеческой нравственности, они отказали нам в простом праве оплакать и захоронить наших погибших солдат. Они хотели вызвать недовольство, привести к расколу нашего народа, но враг просчитался. Как бы нам ни было больно, мы знаем, что наши близкие отдали самое дорогое, что у них было – свои жизни за свободу своей Родины. Мы знаем, что они захоронены в родной земле. Память о них еще больше сплотит нас. Еще сильнее наше желание прийти в город, к могилам наших близких и воздать им все подобающие почести»[4].

[1] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 133-134.

[2] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 175.

[3] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

[4] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 132.

19 марта Шеварднадзе в утренней программе грузинского телевидения заявил, что «судьба Сухума висела на волоске»[1]. Газета «Демократическая Абхазия» в номере от 24 марта писала: «Паники и растерянности в городе не было. Тем более, что Сухуми знал, что Э. Шеварднадзе и высшее военное командование Грузии вместе с ним находятся в Сухуми»[2]. А на самом деле с первых минут наступления Э. Шеварднадзе начал вещать на весь мир, что абхазы уничтожают Грузию, объявил всеобщую мобилизацию и обвинил Россию в агрессии против его страны. Он взывал к мировому сообществу, чтобы оно оказало военную помощь, т. к. его силы недостаточны, чтобы остановить абхазских «сепаратистов», тем самым усугубил и без того панические настроения, царившие в Сухуме. Это обращение главы Грузии возымело свое воздействие на западные страны, которые к тому же оказались перед дилеммой: проигнорировать совсем зов о помощи «великого демократа» и одного из могильщиков «империи зла» не могли, а вмешаться открыто в военное противостояние были не готовы. И был найден оптимальный к тому времени путь: уже в ходе мартовского наступления «в ООН собрали 21 миллион долларов для Грузии, а власти Англии выделили ей 500 000 фунтов стерлингов»[3].

Критичность положения оккупационных войск подтверждается и тем фактом, что в этих боях была задействована сухумская полиция, которая до этого не принимала участия в боевых действиях. Министр обороны Грузии Т. Китовани и член Военного Совета Д. Иоселиани высоко оценили действия военных полицейских и объявили им благодарность. А начальник Управления военной полиции С. Ахалая[4] от имени всего личного состава «дал слово руководству Грузии, что военные полицейские все как один в нужный момент окажутся там, где требуется Родине, и до последнего полицейского будут защищать интересы Грузии, также как мир и покой жителей Абхазии»[5]. Как уже говорилось, в

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 268.
[2] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 310.
[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 85.
[4] Кстати, тот факт, что С. Ахалая – человек с криминальным прошлым, стал начальником военной полиции, является еще одним красноречивым свидетельством того, что из себя представляла грузинская власть.
[5] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 312.

ходе Мартовского наступления в Грузии была объявлена всеобщая мобилизация. В ответ на это 19 марта Верховный Совет Абхазии обратился к народам и правительствам республик, краев и областей Северного Кавказа с призывом оказать «любую поддержку, способную сохранить Абхазию»[1]. Президент МЧА Ю. Калмыков послал письмо Э. Шеварднадзе, в котором его заявление о мобилизации в Грузии назвал поспешным и необдуманным шагом и предупредил, что «МЧА оставляет за собой право на призыв всех черкесов и пятимиллионной адыго-черкесской диаспоры для защиты от геноцида братского абхазского народа»[2].

20 марта в Обращении В. Ардзинба к народу было сказано: «Мы должны говорить не о поражении наших войск, а о неудачной попытке наступления. Но сам факт того, что мы предпринимаем одно наступление, следующее наступление, настойчиво ищем путь освобождения нашего родного города, говорит и о нашей силе, и о наших возможностях. На войне как на войне. Не всегда бывают только одни победы, бывают и поражения. Бывают и неудачные наступления. Мы не можем и не имеем права падать духом. Борьба с фашизмом будет продолжаться. Мы сделаем все необходимые выводы из нашего наступления. И я глубоко убежден в том, что победа будет на нашей стороне!»[3]. Тем не менее, в Грузии результаты Мартовского наступления восприняли как прелюдию к полной победе над Абхазией. 21 марта Э. Шеварднадзе сообщил: «Мы формируем сейчас конституционную комиссию, готовится конституция, и в ее рамках будет решен вопрос административного деления и государственного устройства Абхазии»[4]. А 23 марта в доме культуры г. Очамчира грузины устроили концерт «в честь победы на Гумисте»[5].

По мнению В. Пачулия, значение Мартовского наступления заключалось в следующем: «1. Оно содействовало приобретению личным составом опыта ведения боевых действий. Части и подразделения, принимавшие участие в Мартовской наступательной операции, весьма успешно действовали в последующих операциях; 2. Были вскрыты

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 320.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 15, 19 марта 1993 г.
[3] http://www.ardzinba.com/politics.php
[4] Пресс-конференция Э. Шеварднадзе. 21 марта 1993 г. л. 2.
[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 275.

наиболее слабые звенья в управлении и боевом согласовании подразделений, частей, родов и видов войск; 3. Противнику был нанесен удар такой силы, что он не смог контратаковать на всем фронте и перейти в решительное наступление. После марта грузинские войска перешли к обороне и не осуществили ни одной крупномасштабной операции»[1]. В вышеозначенном выступлении министра обороны Абхазии также говорилось о том, что во время Мартовского наступления было уничтожено «большое количество живой силы противника, практически больше, чем было уничтожено во время Гагрской операции, подбили большое количество бронетехники противника»[2]. Позже бывший тогда начальником штаба С. Сосналиев, говоря о значении Мартовского наступления, отмечал, что «благодаря приобретенному тогда боевому опыту удалось удачно провести Сентябрьскую операцию»[3]. С учетом уроков Мартовского наступления абхазская сторона занялась реорганизацией Вооруженных сил, начался процесс формирования бригад Гумистинского фронта. Тем временем, 20 марта российское правительство выступило с заявлением, в котором оно призывало участников войны возвратиться к принципам трехстороннего российско-грузино-абхазского соглашения от 3 сентября 1992 г., в соответствии с которым Абхазия являлась частью Грузии. 22 марта в радиообращении к стране Э. Шеварднадзе положительно отозвался о названном документе[4]. 30 марта газета «Свободная Грузия» опубликовала интервью заместителя командующего группой российских войск в Закавказье Б. Дюкова. Он рассказал, что сложности, связанные с передачей оружия Грузии, происходят в связи с тем, что между Грузией и Россией нет договора о статусе российских войск. Дюков еще раз заявил, что российские войска никакого участия в грузино-абхазском вооруженном противостоянии не принимают[5]. Действительно, несмотря на всю противоречивость взаимоотношений Грузии и России, войска ЗакВО продолжали передавать тбилисским властям вооружение. Только в марте 1993 г. грузинской армии

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 180.
[2] Газ. «Республика Абхазия», №15, 19 марта 1993 г.
[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 139.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 52, 23 марта1993 г.
[5] «Независимая газета», № 59… С. 3 // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-31-marta-1993-goda

были полностью переданы вооружение и оснащение одной из дивизий[1]. Именно тогда представитель ЗакВО Бельченко заявил: «Несмотря на то, что участились случаи нападения на российские военные объекты, российские войска в Закавказье существуют и действуют, помогая республикам в становлении национальной армии»[2].

Тем временем 23 марта состоялась сессия Верховного Совета Абхазии, на которой было принято Обращение к России с просьбой взять Абхазию под покровительство[3]. Комментируя этот документ, заместитель министра иностранных дел Б. Пастухов отметил, что предложение о покровительстве является «наиболее допустимой и приемлемой формой». 30 апреля Совет национальностей Верховного Совета России констатировал, что не выполняются рекомендации ВС РФ правительству РФ о приостановлении до урегулирования в Абхазии передачи Грузии вооружений, прекращении поставки боевой техники и боеприпасов по ранее заключенным контрактам, воздержании от заключения с ней экономических соглашений. Также было заявлено, что «руководство Республики Грузия, пользуясь непоследовательностью действий федеральных органов власти России, пытается решить конфликт в Абхазии, используя силовые методы, необоснованно обвиняя Россию в несоблюдении нейтралитета»[4]. В первом пункте постановления палаты говорилось: «предложить Президенту, правительству России в соответствии с нормами международного права и, прежде всего, уважения прав человека и права народов на самоопределение, активизировать переговоры с руководством Республики Грузия по вопросу Обращения Верховного Совета Республики Абхазия к Верховному Совету Российской Федерации для нормализации обстановки в Абхазии»[5]. 23 марта Верховный Совет Абхазии также обратился к народам и государствам

---

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 55.

[2] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 265.

[3] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 166.

[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 338.

[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 272, 273.

СНГ с «настоятельным ходатайством взять Республику Абхазия, ее население и имущество под покровительство стран содружества в любой приемлемой форме, обеспечивающей мир и безопасность в регионе, сохранение народа Абхазии и необходимое для его существования общее экономическое и культурное пространство с Северным Кавказом»[1]. 23 марта в Обращении Парламента к народам и правительствам государств мирового сообщества содержалась просьба взять Абхазию «под покровительство мирового сообщества на основе принципов Всеобщей Декларации прав человека и актов, определяющих права малых государств и народов, в любой приемлемой форме, позволяющей обеспечить мир и безопасность в регионе»[2].

Сессия также приняла постановления «О порядке приема в гражданство Республики Абхазия отдельных категорий граждан иностранных государств», «Об исполнении бюджета Республики Абхазия за 1992 год и о проекте Республиканского бюджета на 1993 год». Верховный Совет ратифицировал договоры о дружбе и взаимопомощи между Абхазией и Приднестровьем и Абхазией и Гагаузией. Был утвержден ряд постановлений Президиума, принятых между сессиями. Верховным Советом был создан Государственный Комитет по делам репатриации граждан[3].

Как уже было сказано, после мартовского наступления грузинская сторона отказалась выдать трупы погибших абхазских бойцов. Это делалось с умыслом: вызвать недовольство народа своим руководством, привести его к расколу. Именно в те дни скорби, после провала наступления, стали раздаваться голоса недовольства политикой руководства Абхазии и лично В. Ардзинба. Наблюдалось некоторое усиление позиции секты «Свидетели Иеговы», которая, как известно, пропагандирует пацифизм, т. е. отказ от вооруженной борьбы, что в условиях освободительной войны означало призыв к отказу от защиты Родины. В складывавшейся тогда ситуации стали необходимыми консолидации общества, усиление дисциплины, чувства ответственности и требовательности. 26 марта Президиум Верховного Совета Абхазии принял постановление «О мерах по пресечению провокационной деятельности,

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 322.
[2] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 97.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 17, 25 марта 1993 г.

дестабилизирующей общественно-политическую обстановку в Абхазии». В документе было сказано: «Осудить действия отдельных лиц, распространяющих всякого рода слухи, измышления, направленные на дестабилизацию общественно-политической обстановки в Республике Абхазия; Совету министров, главам администраций, руководителям организаций и предприятий провести необходимую разъяснительную работу среди населения, активно используя в этих целях возможности средств массовой информации; министру обороны Республики Абхазия принять необходимые меры для повышения эффективности работы института комиссаров; Органам безопасности Республики Абхазия, прокуратуры, МВД Республики Абхазия выявлять распространителей заведомо ложной информации, панических слухов и применять по отношению к ним предусмотренные законом меры; судебным органам Республики Абхазия обеспечить гласное рассмотрение уголовных дел данной категории»[1].

Тем временем, 26 марта начал свою работу IX съезд народных депутатов России, где ожидалась жаркие дискуссии между сторонниками и противниками президента. Чуть позже Э. Шеварднадзе заявил: «В стабилизации в России заинтересован весь мир. Асфиксия власти в России удушает и нас»[2]. Однако в день открытия съезда, 26 марта, Китовани вылетел в Брюссель. О целях и задачах этого визита рассказал Э. Шеварднадзе 29 марта. Тогда он сообщил: «Отъезд г. Тенгиза связан с тем, что там идут встречи министров обороны. Но на этой встрече не будут обсуждены конкретные проблемы. Они будут рассмотрены в другое время… Более реалистичным считаю, если будем говорить о роли НАТО по отношению к территории бывшего Союза, и я думаю, что НАТО сделает в этом отношении первые шаги, если это не будет унизительным для периферии. Я имею в виду то, что не так далеко то время, когда НАТО проявит чуть больше интереса к Закавказью, особенно к Грузии, тем более что Грузия сама подготовлена к этому и поэтому этот процесс будет сравнительно безболезненным. Я сказал о том, что Турция – член НАТО. Турция – одна из основных ведущих стран НАТО, хотя бы по количеству

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 18, 1 апреля 1993 г.

[2] Газ. «Известия», № 60… С. 1, 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-1-aprelya-1993-goda

армии, по количеству баз, и без Турции это крыло НАТО было бы значительно слабее. Поэтому мне так представляется, что НАТО должна действовать не с сердцевины России, скажем, не путем непосредственного прохода через российское государство, а через развитие активных контактов с такими государствами, как Грузия, возможно, Прибалтика, потом Украина. Я думаю, что это имеет большое будущее»[1].

Тогда в России президент и его противники готовились к очередной политической схватке, что не могло не отражаться на заявлениях и действиях глобальных и региональных акторов рассматриваемых процессов. 20 марта Б. Ельцин выступил с обращением к гражданам, во время которого им было объявлено о введении «особого порядка управления до преодоления кризиса власти». В документе, в частности, было сказано: «Вертикаль исполнительных органов России восстановлена. Главы исполнительной власти и правительства субъектов Российской Федерации подотчетны непосредственно Президенту и Правительству России. Их полномочия не могут быть прекращены без решения Президента Российской Федерации. В то же время и в центре, и на местах выявлено немало случаев, когда руководители исполнительной власти препятствуют проведению политических и экономических реформ. Предупреждаю о персональной ответственности за подобные действия и виновных буду освобождать от работы»[2]. Это выступление было многими воспринято как попытка сосредоточения верховной власти в одних руках, и законодательная власть, почувствовав угрозу, готовилась к ответным действиям, которые должны были озвучены на IX съезде народных депутатов. 21 марта Э. Шеварднадзе поддержал политический курс Б. Ельцина, заявив, что Россия находится на пороге гражданской войны[3]. 22 марта в радиообращении к стране глава Грузии заявил, что он, «как и Запад», неоднократно высказывал поддержку Ельцину. Он отметил: «У меня есть надежда, что Ельцин останется у власти, потому что ему нет альтернативы»[4]. 23 марта Конституционный суд России высту-

[1] Интервью Э. Шеварднадзе грузинскому радио. 29 марта 1993 г. лл. 2-3.
[2] Журн. «Духовное наследие», № 9, 1993 г. // http://www.rau.su/observer/N09_93/9_01.HTM
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 271.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 52, 23 марта1993 г.

пил с заключением, в котором было заявлено, что названное обращение Б. Ельцина «в ряде своих положений» не соответствует Конституции и Федеративному Договору[1]. Действительно, через несколько дней съезд народных депутатов Российской Федерации предпринял попытку отрешить Ельцина от должности в связи с его обращением 20 марта.

В день открытия IX съезда народных депутатов России, 26 марта, генеральный секретарь Кабинета министров Японии И. Коно официально пригласил президента России на предстоявшее в июле в Токио совещание глав государств и правительств семи ведущих промышленно развитых государств[2]. Это следует считать политическим шагом, направленным на демонстрацию поддержки Б. Ельцину со стороны японского руководства. Действительно, тогда в традиционно жесткой политике Токио в отношении России произошли некоторые сдвиги, которые, надо думать, были связаны с политической обстановкой в Москве. Заметно был сбавлен тон традиционных требований вернуть «северные территории». В частности, чуть позже заместитель министра иностранных дел Японии К. Сайто заявил: «Для нас очень важно оказать всю посильную помощь тем шагам, которые предпринимаются в России для проведения реформ. Президент Ельцин и его сторонники прилагают большие усилия для утверждения демократии и рыночной экономики, и нам хотелось бы их поддержать… На данном этапе нерешенность территориального вопроса, как мне кажется, не мешает нашей помощи России»[3].

Тем временем тайное голосование за импичмент Ельцину и отставку Хасбулатова произошло, но не принесло результатов. За импичмент Ельцину проголосовали 618 депутатов при необходимых 699 голосах. 29 марта IX съезд перенес на 25 апреля референдум[4]. Тогда же съезд народных депутатов РФ принял постановление «О неотложных мерах по сохранению конституционного строя Российской Федерации», пер-

[1] Журн. «Духовное наследие», № 9, 1993 г. //http://www.rau.su/observer/N09_93/9_02.HTM

[2] Газ. «Известия», № 57… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-marta-1993-goda

[3] «Независимая газета», № 66… С. 4. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-aprelya-1993-goda

[4] «Независимая газета», № 58, 30 марта 1993 г. С. 1.

вый пункт которого гласил: «Констатировать серьезные нарушения Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России, подтвержденные заключением Конституционного Суда Российской Федерации «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Обращением к гражданам России 20 марта 1993 года». Отметить личную ответственность Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина за усиление конфронтации властей и политическое противостояние в обществе». Документ также предусматривал упразднение института представителей Президента Российской Федерации в крае, области, автономной области, автономном округе, городах Москве и Санкт-Петербурге. В постановлении Президенту России предлагалось: сформировать коалиционное правительство (Правительство национального согласия) Российской Федерации; освободить от занимаемых должностей лиц, скомпрометировавших себя подготовкой Обращения Президента Российской Федерации к гражданам России 20 марта 1993 года и указов Президента Российской Федерации, противоречащих Конституции Российской Федерации»[1].

Пресс-секретарь президента Российской Федерации В. Костиков выступил с заявлением, в котором говорилось: «Пользуясь попустительством Конституционного суда, съезд продолжает разрушать ослабленное предыдущими решениями съезда и Верховного Совета конституционное пространство страны. Съезд преднамеренно толкает президента и население страны к акциям гражданского протеста. Своими непрекращающимися антиконституционными действиями, бесконечными нарушениями регламента съезд поставил себя выше и вне закона, вышел за рамки демократической и российской цивилизации. Он превратил себя в мстительную коммунистическую инквизицию, готовую во имя восстановления своего тоталитарного господства сжечь вокруг себя все, что имеет отношение к демократии, гласности, правам человека, достоинству русского народа, всех россиян»[2]. Руководитель Центра по изучению социально-политических проблем и межгосу-

[1] Журн. «Духовное наследие», № 9, 1993 г. // http://www.rau.su/observer/N09_93/9_03.HTM

[2] Газ. «Известия», № 58, 30 марта 1993 г. С. 1.

дарственных отношений СНГ Института международных политических и экономических проблем А. Мигранян, говоря об основных итогах прошедшего съезда, тогда писал: «Их два. Первый – главный итог: IX съезд окончательно похоронил все надежды на создание более или менее жизнеспособного центра социально-политических сил как альтернативы нынешнему правительству, с одной стороны, и Фронту национального спасения – с другой. Второй итог – относительная победа Ельцина в абсолютно проигрышной ситуации»[1].

Э. Шеварднадзе, также давая оценку итогам IX внеочередного съезда народных депутатов России, сказал: «Своим зарубежным коллегам я не устаю повторять о необходимости коллективной международной поддержки России, Ельцина. Впрочем, особо уговаривать их не приходится»[2]. Действительно, Президент Соединенных Штатов Б. Клинтон подтвердил поддержку Вашингтоном «исторического продвижения России к демократическим реформам и президента Б. Ельцина как лидера этого процесса». Американский президент отметил: «Я пытаюсь выступать в поддержку реформаторов повсюду в России, повсюду в бывшем Советском Союзе. Но, в конце концов, Ельцин – первый избранный президент, у него – мандат, полученный от народа, голосовавшего свободно… Он продемонстрировал большое мужество, отстаивая демократию, гражданские свободы и рыночные реформы. И я намерен поддерживать это»[3]. Тем временем такая позиция администрации Клинтона была продиктована, главным образом, как ни странно, внутриамериканским аспектом. По мнению аналитиков, причина этого заключалась в следующем: «Сейчас, когда решается судьба России, демократам не хочется получить ярлык партии, которая не предотвратила падения Ельцина. Это относилось бы к любой демократической администрации США. Но особенно – к команде Б. Клинтона, которая болезненно чувствительно реагирует на исходящие от Д. Буша обвинения во внешнеполитическом неофитстве. Если Ельцина сметет вол-

[1] «Независимая газета», № 67… С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-10-aprelya-1993-goda

[2] Газ. «Известия», № 60… С. 1, 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-1-aprelya-1993-goda

[3] Газ. «Известия», № 55… С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-marta-1993-goda

на неокоммунизма, республиканцы со злорадством обвинят Клинтона в том, что тот за месяц развалил мировой порядок, который создавался кропотливыми усилиями Д. Буша, – так, по крайней мере, они будут утверждать»[1]. На фоне такого глобального контекста выглядели несущественными в глазах сильных мира того времени заботы абхазской стороны. 30 марта абхазские парламентарии обратились к Генеральному секретарю ОНН с просьбой «выступить в качестве посредника в урегулировании конфликта»[2]. Но и оно было проигнорировано.

Премьер-министр Грузии Т. Сигуа заявил, что ежедневно республика теряла 8–10 млн. руб. в связи с войной в Абхазии. В основном это были деньги, которые уходили на топливо и обслуживание военной техники. Что касается годовой потребности Грузии в нефти и нефтепродуктах, то она тогда составляла около 5 миллионов тонн. Раньше было так: 3,5–3,7 миллиона Грузия получала из России, остальное предоставлял Азербайджан. С прекращением российских поставок в Грузии были вынуждены ограничиться азербайджанской квотой, которая была недостаточна для нормальной работы экономики[3]. Тогда же вице-премьер Р. Гоцеридзе принял посла В. Земского, которому было сообщено о введении в обращение купонов на территории Грузии, т. е. Тбилиси объявлял о выходе из рублевой зоны, зоны доминирования России. Причем было сказано, что эта мера обусловлена невыполнением Россией принятых ею обязательств[4]. Тем временем, 29 марта, выступая по грузинскому радио, Э. Шеварднадзе заявил: «Это вынужденный шаг. Это случилось, потому что Россия начала вывод тех стран, которые входили в рублевую зону. Это проистекает из ее интересов. Потому что Россия сможет раньше выйти из кризиса, чем меньше у нее будет малоресурсных спутников. Поэтому стало необходимым введение купонов, это – не радостное явление, но другого пути нет»[5]. Тогда же не оправдалась последняя надежда на получение из России 60 миллиардов наличных

[1] Газ. «Московские новости», № 13... С. 7 // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-marta-1993-goda

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 325.

[3] «Независимая газета», № 59… С. 3 // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-31-marta-1993-goda

[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 18, 8 апреля 1993 г.

[5] Интервью Э. Шеварднадзе грузинскому радио. 29 марта 1993 г. л. 3.

рублей, которые были необходимы для выплаты зарплат, пенсий и стипендий. Вице-премьер Р. Гоциридзе сообщил: «В этом вопросе Россия пошла навстречу всем бывшим союзным республикам, оставшимся в рублевой зоне, за исключением Грузии. Теперь нам необходимо срочно вводить купоны, чтобы избежать финансового краха»[1].

Тем временем даже финансовый крах, грозивший Грузии, был не способен отвлечь внимание грузинских политиков от «достойного завершения» войны в Абхазии. 29 марта в интервью грузинскому радио Э. Шеварднадзе сказал: «Я думаю, что и в лагере сепаратистов многие убеждаются в том, что, может быть, в диалоге можно увидеть надежную гарантию прекращения войны, установления мира, в переговорах между грузинами и абхазами. Такое настроение постепенно усиливается. Абхазы, я имею в виду сепаратистки настроенные группы, во многом ошиблись, во многом их обманули, их надежды не оправдались. Я не сомневаюсь в том, что они убедятся в том, что самой лучшей гарантией существования абхазов и их культуры, языка является демократическая Грузия, демократическое грузинское государство. Есть надежда на то, что они придут к такому заключению и, если не ошибаюсь, такой процесс уже начался в их рядах»[2]. Глава Грузии также предложил направить в Сухум председателя Госкомитета по национальным отношениям А. Кавсадзе[3]. Сам А. Кавсадзе тогда же выразил желание нанести визит в Абхазию без всяких объяснений о его целях и задачах. Видимо, в Грузии посчитали, что после неудачного наступления боевой дух абхазской стороны сломлен и настал момент диктовать свои условия. Однако вновь просчитались. А. Кавсадзе 2 апреля сообщил грузинскому телевидению о том, что он имел телефонный разговор с В. Ардзинба, во время которого предложил начать ему мирные переговоры. Однако лидер Абхазии ответил, что пока не будут выведены войска из Абхазии, ни о каких переговорах не может быть и речи[4]. В Заявлении пресс-службы Верховного Совета Абхазии от 2 апреля говорилось о том, что целью

[1] Газ. «Известия», № 59… С. 4 // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-31-marta-1993-goda

[2] Интервью Э. Шеварднадзе грузинскому радио. 29 марта 1993 г. л. 1.

[3] «Независимая газета», № 61… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-aprelya-1993-goda

[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 286.

сделанного Грузией предложения является продемонстрировать миру «свои миротворческие усилия». В документе было заявлено: «В условиях, когда на оккупированных Грузией территориях установлен откровенно фашистский режим, столица Абхазии – город Сухум превращен в концентрационный лагерь, где с благословения грузинских властей банды вооруженных уголовников постоянно издеваются и уничтожают мирное население: абхазов, русских, армян, греков, представителей других национальностей, когда правительство Грузии, в нарушение принятых им обязательств, отказало в выдаче тел погибших в боях военнослужащих Вооруженных сил Абхазии, раненые солдаты и пленные умерщвлены в сухумском лагере военнопленных… Правительство Республики Абхазия не сочло возможным принять представителя властей Грузии»[1]. Об истинных задачах грузинских властей свидетельствовала их пропагандистская машина. Так, в начале апреля в оккупационной прессе было объявлено о том, что «из кругов, близких к Ардзинба, стало известно, что абхазская сторона планирует осуществить очередную попытку взятия города Сухуми с 7 по 15 апреля»[2]. В то же время в самой Грузии продолжалось наращивание военной силы. «Согласно достоверным источникам» газеты «Правда», «грузинское командование завершает формирование двух женских батальонов для участия в боевых действиях в Абхазии». С этой целью в Тбилиси тогда зачастили специалисты из НАТО и Израиля[3].

Между тем, 1 апреля парламент Грузии принял постановление «Об осуществлении необходимых мероприятий по охране жизни и безопасности мирного населения в зоне вооруженного конфликта». В нем было заявлено о том, что «на части территории Грузии, в Абхазии, контролируемой Гудаутской сепаратистской группировкой, при содействии российских войск, проводятся этнические чистки, принявшие вид геноцида, направленные против граждан грузинской и других национальностей». В постановлении говорилось о необходимости «незамедлительно обратить внимание международных организаций и

[1] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 241-242.

[2] Газ. «Демократическая Абхазия, №19, 15 апреля 1993 г.

[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 327.

мировой общественности на факты этнической чистки, проводимой на части территории Грузии при содействии иностранного государства, с целью пресечения их непосредственной причины – агрессии»[1]. Как видно, весьма недвусмысленно было заявлено, что Россия проводит этническую чистку и совершает агрессию против Грузии. Однако сам глава Грузии придерживался другой риторики. Одновременно с решением парламента он заявил, что «ключ к урегулированию грузино-абхазского конфликта находится у России, и на ней лежит основная ответственность». При этом Шеварднадзе отметил: «Увы, в течение всех этих дней были невозможны переговоры с Б. Ельциным, у которого не было ни времени, ни возможности для этого. Ускорить встречу сложно, но после переговоров Ельцина с Б. Клинтоном 1 апреля мы встретимся, и тогда многое прояснится»[2].

29 марта, отвечая на вопрос: «Будет ли иметь существенное значение в решении абхазского конфликта встреча Ельцина с Клинтоном?», Э. Шеварднадзе ответил: «Я думаю, нет, потому что на этой встрече основной темой обсуждения будет Россия. Но я думаю, что будет разговор о проблемах Кавказа, конкретно о Грузии, и я уверен, разговор пойдет так, как необходимо в наших интересах»[3]. На пресс-конференции 4 апреля по итогам названной встречи Президент США Б. Клинтон заявил: «Я сейчас возвращаюсь в Соединенные Штаты, укрепившись в решимости следовать этому курсу (поддержке политики реформ в России. – **А. А**.), призвать членов Конгресса от обеих партий и американский народ принять за принцип, что преуспевающая, сильная и демократическая Россия в высшей степени соответствует интересам Америки и всего мира!». На это Б. Ельцин отреагировал следующим образом: «Мы немедленно нашли общий язык в Ванкувере, вероятно, потому, что мы оба деловые люди и оба, до некоторой степени, идеалисты»[4]. Однако, как понятно, названная встреча вовсе не была встречей двух идеалистов, а скорее, напоминала, впрочем, что является обычным делом для

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 437-438.

[2] «Независимая газета», № 61… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-aprelya-1993-goda

[3] Интервью Э. Шеварднадзе грузинскому радио. 29 марта 1993 г. л. 2.

[4] Журн. «Духовное наследие», № 9, 1993 г. //http://www.rau.su/observer/N11_93/006.HTM

подобных рандеву, политический торг[1] – военно-политические уступки России, в обмен на экономическую помощь США. На этих переговорах большое внимание было уделено возможной помощи России со стороны «семерки». Действительно, чуть позже, 14 апреля, в Токио началась встреча министров финансов и министров иностранных дел стран «семерки», центральный вопрос которой – обсуждение и выработка пакета западной экономической помощи российским реформам[2]. По итогам названного саммита была принята «Ванкуверская декларация», в которой Ельцин и Клинтон заявили «о своей твердой приверженности динамичному и эффективному российско-американскому партнерству». Они также высказались за ускорение разработки «семеркой» новых значимых и эффективных экономических инициатив в поддержку политических и экономических реформ в России. США заявили о своей поддержке намерения России стать полноправным членом ГАТТ. Стороны также были намерены развивать равноправное и отвечающее их интересам сотрудничество в экологически безопасной ликвидации ядерного оружия, подпадавшего под действие соответствующих соглашений в области разоружения[3].

9 апреля Шеварднадзе получил письмо от Б. Клинтона, в котором говорилось о том, что правительство США однозначно поддерживает и в будущем будет поддерживать территориальную целостность и суверенитет Грузии. Президент писал, что он озабочен произошедшими событиями в Абхазии. В письме Б. Клинтона отмечалось: «Я этот вопрос поставил перед президентом Ельциным в Ванкувере и подчеркнул

[1] В Ванкувере, в частности, Россия обещала «удовлетворить обеспокоенность» Соединенных Штатов по поводу планировавшихся поставок Индии российской ракетной технологии. Согласно этой договоренности, планировалось поставить Индии не только ракетные двигатели, но и технологию производства этих двигателей. В Ванкувере Б. Ельцин обещал американцам найти приемлемое решение. Однако, к середине июня, Вашингтон, не увидев особых сдвигов, по сути, выдвинул ультиматум: либо вы отказываетесь от поставок технологии, либо мы закроем для вас те области научно-технического и коммерческого сотрудничества, которые были бы чрезвычайно России выгодны в финансовом плане. (http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-17-iyunya-1993-goda#sthash.zc2ejzmb.dpuf).

[2] Газ. «Известия», № 70… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-15-aprelya-1993-goda

[3] Газ. «Известия», № 63… С. 1,3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-6-aprelya-1993-goda-0

свою обеспокоенность по поводу растущего напряжения между Грузией и Россией»[1]. Канцлер Германии в то же время также в письме к Э. Шеварднадзе отмечал, что беспокоится по поводу конфликта на Кавказе и по поводу роли в нем России. Г. Коль тогда писал: «Я этой темы коснулся во время беседы с Ельциным, и федеральный министр Кинкель просил своего русского коллегу Козырева сделать все возможное, чтобы избежать обострения конфликта. Надеюсь, что, в конце концов, победят здравомыслящие силы»[2]. Сам министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель чуть позже приурочил к открытию совещания министров «большой семерки» в Токио «стратегическое заявление», в котором предостерег от развала России и крушения процесса реформ, проводившихся президентом Ельциным. При этом Кинкель сообщил, что выступает за скорейшую интеграцию России в мировую экономику в качестве равноправного партнера[3].

5. 2. Российско-грузинские переговоры в Сочи

1 апреля командование Группы российских войск в Закавказье и Главное командование войск противовоздушной обороны России завершили передачу Вооруженным силам Грузии объектов 19-й отдельной российской армии ПВО, дислоцированных на территории республики. Принципиальное соглашение о передаче российских объектов ПВО Министерству обороны Грузии было достигнуто в конце 1992 года в ходе второго раунда российско-грузинских переговоров[4]. Передача оружия Грузии завершилась 4 апреля в соответствии с договоренностями Ташкентской встречи 15 мая 1992 г. На тот день Грузии было передано: от 10-й мотострелковой дивизии – 108 танков, 111 БМП, 19 БТР-80, 48 МТОБ (малый транспортер «легкий» бронированный), 8 установок МИ-21 «Град», 90 орудий различных систем, 20 минометов, 18 боевых машин ПТУР, более 200 ПЗРК «Стрела-2», 13 ЗСУ 23-4 («Шилка») 18 ЗУ 23-

[1] Грузинское телевидение. 12 апреля 1993 г. л. 6.

[2] Там же.

[3] Газ. «Известия», № 70… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-15-aprelya-1993-goda

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 60, 2 апреля 1993 г.

2, 12 тысяч стрелкового оружия (автоматов). Дивизией МВД передано: 8 танков, 6 БМП, 18 БТР, 12 БРТМ, стрелкового оружия – 2 тысячи. Передала Россия и систему ПВО, в том числе зенитно-ракетные комплексы типа «Круг» и «Куб». Кроме того, грузинская сторона захватила в российских военных частях 25 БМП, десять 100-мм минометов, 18 градобойных зенитных 85-мм орудий, 16 установок «Алазань» на МТЛБ и еще около 1500 единиц стрелкового оружия[1].

Между этими событиями российско-грузинские отношения успели в очередной раз сильно испортиться. Министр обороны Грузии ультимативно заявил о блокировании и выдворении из Сухума 901-го российского десантного батальона. 31 марта российский военнослужащий А. Ситников был задержан в Сухуме якобы во время сбора разведывательной информации. Однако тогда же, 31 марта, Э. Шеварднадзе издал приказ о денежном поощрении ряда старших офицеров РГВЗ за высокую организованность при передаче боевой техники и имущества Вооруженным силам Грузии. К тому времени Грузии, согласно ташкентским соглашениям 1992 г., уже было передано 109 танков, 203 боевые бронированные машины и 13 артсистем и предстояло передать еще 43 военных городка[2].

1 апреля вечером в ответ на целенаправленный обстрел 1 апреля российской военной лаборатории в Эшере в 19. 40 командование оперативной группы войск России приняло решение нанести удар по позициям, с которых велся огонь. По этому поводу Минобороны России выступило с заявлением, в котором говорилось: «Несмотря на то, что наши войска продолжали и продолжают соблюдать строгий нейтралитет, грузинская артиллерия подвергла продолжительному обстрелу сейсмическую лабораторию в Эшере, которую охраняют российские десантники. Обстрел начался в 19.40 и продолжался до тех пор, пока не был подавлен. Перед этим командование российских войск в Абхазии обратилось к заместителю министра обороны Грузии с требованием немедленно прекратить стрельбу, но она все же продолжалась. Тогда в ответ в воздух были подняты два самолета Су-25, которые на-

[1] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир, 2009. С. 295.

[2] Газ. «Иберия-Спектр», № 77, 4–10 мая 1993 г. С. 11.

несли прицельные удары реактивными снарядами по огневым позициям минометной и гаубичной батарей на реке Гумиста, расположенным вне населенного пункта». Пресс-центр Минобороны подчеркивает, что российские штурмовики не наносили ударов по Сухуму[1].

Министр обороны Грузии Т. Китовани в ответ на это заявил, что если российские самолеты вновь попытаются нанести удары по Сухуму, то будут сбиты грузинскими средствами ПВО. Он расценил ракетный удар 1 апреля самолетов СУ-25 как действия, направленные на обострение отношений между двумя государствами и срыв российско-грузинских переговоров. Вместе с тем он сообщил, что договорился встретиться с министром обороны России П. Грачевым в Сочи 6 апреля. На этой встрече, сказал грузинский министр, предполагается обсудить, в частности, вопросы подготовки встречи руководителей двух государств – Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе[2]. 3 апреля в газете «Демократическая Абхазия», со ссылкой на официальные источники, сообщалось «об участии в боевых действиях на сухумском фронте «третьей стороны» – России… ее наемников и даже кадровых наемников», и приводились слова первого заместителя оккупационного правительства Абхазии Л. Маршания: «Сухум не оккупирован, Сухум осажден наемниками России»[3].

По мнению аналитика В. Митяева, антироссийская линия в освещении военных действий в Абхазии, проводившаяся грузинскими властями, преследовала цель привлечения внимания Запада к ситуации и «добиться от ООН посылки туда международных миротворческих сил». Однако, по мнению названного автора, помимо общих деклараций, призывающих стороны к прекращению огня, Совет Безопасности ООН ничего не предпринимал, а западные страны не желали непосредственно вмешиваться в этот сложный конфликт. Исходя из этого, В. Митяев полагает, что, «придя к выводу, что без содействия России достичь продвижения в решении абхазской проблемы (и, прежде всего, прекращения военных действий) невозможно, грузинская сторона

---

[1] Газ. «Известия», № 62… С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-3-aprelya-1993-goda

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 61, 3 апреля 1993 г.

[3] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 133-134.

вынуждена была продолжить сотрудничество с ней в деле урегулирования конфликта»[1]. И в подтверждение этого в рассматриваемое время в прессе появились сообщения о том, что в Дагомысе назначена встреча Э. Шеварднадзе и Б. Ельцина, а также министров обороны России и Грузии, где должны были обсуждаться пути урегулирования войны. В связи с этим в Абхазии и на Кавказе в целом реанимировались опасения о возможности сговора руководителей России и Грузии. Их усугублению способствовал Э. Шеварднадзе, который в интервью телеканалу «Останкино» 4 апреля заявил, что «вопрос о военном конфликте в Абхазии можно было бы решить, если бы не мешал Верховный Совет Российской Федерации»[2].

Одной из контрмер, видимо, направленных на предотвращение нежелательного исхода запланированных российско-грузинских переговоров, можно рассматривать консультативное совещание представителей КНК и казачества Юга России, которое состоялось 4–5 апреля в Пицунде. На нем было подписано Соглашение о заключении договора о дружбе и сотрудничестве между КНК и казачеством Юга России[3]. В этом документе предусматривалось: «Недопущение использования КНК и казачества Юга России в качестве военной силы друг против друга; отказ от территориальных и других претензий между ними, а в случае их возникновения – разрешение всех вопросов исключительно политическими средствами за столом переговоров; создание гарантий коллективной безопасности в случае угрозы применения силы против КНК или казачества»[4]. На совещании также был создан Оргкомитет по проведению съезда КНК и Союза казаков Юга России. Президент Конфедерации М. Шанибов, комментируя состоявшееся совещание, заявил: «Те, кто пытается развязать общекавказскую войну, сегодня ночью не спали: они увидели, что Конфедерация не только вышла на контакт с казачеством Юга России, но и по всем направлениям достигла с ними полного согласия»[5]. Участники консультативного Совещания представителей

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. М., 2002. С. 56, 57.

[2] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 53.

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 19, 8 апреля 1993 г.

[4] Газ. «Конфедерация», № 4, 8 апреля 1993 г.

[5] Газ. «Коммерсантъ», № 64, 8 апреля 1993 г.

Конфедерации народов Кавказа и казачества Юга России в обращении к Президенту России заявили: «На фоне зверских злодеяний, которые чинятся на оккупированной территории Абхазии, готовится очередная российско-грузинская встреча на высшем уровне. В результате первой дагомысской встречи и передачи боевой техники и вооружения Грузии стала возможной агрессия против Абхазии, геноцид ее народа. Мы выражаем решительный протест против новой дагомысской встречи, которая может лишь укрепить режим Шеварднадзе и нанести ущерб политическому авторитету Президента России. Пособничество агрессивной политике Грузии приведет к дестабилизации обстановки на всем Юге России в преддверии общероссийского референдума. Решение проблем Абхазии невозможно за спиной ее народа!». В названном обращении содержались следующие требования: «1. Приостановить переговорный процесс с Грузией по заключению договора о дружбе и сотрудничестве до прекращения грузино-абхазской войны и безоговорочного вывода с территории Республики Абхазия оккупационных грузинских войск; 2. Прекратить передачу и продажу Россией Грузии боевой военной техники, оружия, боеприпасов; 3. Прервать экономические связи с Грузией и принять к ней жесткие санкции»[1].

Тем временем положение в Абхазии – главный вопрос, который должен был обсуждаться на очередном туре российско-грузинских переговоров в Сочи. Об этом заявил руководитель грузинской делегации на переговорах премьер-министр Т. Сигуа. Грузинская сторона собиралась категорически потребовать вывода российских войск из зоны конфликта без всяких оговорок и незамедлительно. Российская сторона на прежнем туре переговоров заявила, что не готова к такой постановке вопроса. Вместе с тем на заседании грузинского парламента утром 6 апреля радикальные фракции требовали принятия ультимативного постановления о немедленном выводе российских войск с территории Грузии и придания им статуса оккупационных[2]. В послании «Грузинского национального собрания (Дарбази)» посольству США в Грузии от 6 апреля было сказано: «Проект российско-грузинского договора обре-

[1] Газ. «Конфедерация», № 4, 8 апреля 1993 г.

[2] Газ. «Известия», № 64… С. 1,2. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-7-aprelya-1993-goda

кает страну на роль сателлита и оформляет бесцеремонное перманентное вмешательство в ее внутренние дела со стороны России, априорно лишает Грузию свободы выбора на протяжении длительного времени. По условиям договора маленькая страна оказывается совершенно беззащитной перед огромной державой… Судьба установления демократии и свободного предпринимательства в Грузии будет полностью зависеть от непредсказуемых социально-политических вихрей, бушующих в России»[1]. Это и другие заявления исходили из стана грузинской оппозиции и не могли оказывать существенного влияния на политическую жизнь страны, и как следствие этого, подготовка к грузино-российской встрече шла своим чередом.

Сама российско-грузинская встреча, о которой было так много сказано перед ее началом, проходила с 6 по 9 апреля в Сочи. Но в её работе не приняли участие первые руководители государств, как об этом было объявлено ранее, из чего уже можно было сделать некоторые прогнозы о ее результатах: Россию представляли – П. Грачев и Б. Пастухов, Грузию – Т. Сигуа, Т. Китовани, Д. Иоселиани. Судя по информации грузинской прессы, на ней должны были быть обсуждены «вопросы, касающиеся двусторонних отношений, а также статус российских войск, временно находящихся на территории Грузии»[2]. А накануне открытия российско-грузинских переговоров, 5 апреля опергруппа Вооруженных сил РФ в Абхазии сообщила, что «в населенном пункте Варча, юго-восточнее Бабушары, был зверски расстрелян грузинскими военнослужащими майор Ю. Вобликов»[3].

Перед началом переговоров Т. Сигуа заявил, что «если не удастся договориться по первому вопросу, то переговоры могут быть прекращены досрочно»[4]. Согласно же заявлению главы российской делегации, переговоры в Сочи не предусматривали подписания каких-либо соглашений. Их цель – проработка совместных предложений к встрече Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе. Т. Сигуа тогда продолжал утверждать, что у грузинской стороны имеются факты прямого участия российской ар-

[1] Газ. «Иберия-Спектр», № 80, 1–7 июня 1993 г. С. 12–16.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 18, 8 апреля 1993 г.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 19, 8 апреля 1993 г.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 63, 7 апреля 1993 г.

мии в абхазском конфликте. П. Грачев отверг это обвинение в участии армии в конфликте и назвал войну в Абхазии «корнем зла» и дал понять, что без решения этого вопроса и без заключения договора о статусе российских войск в Грузии прогресс в двусторонних отношениях невозможен. Российская сторона, по его словам, выступает за сохранение территориальной целостности Грузии при эффективных гарантиях автономии Абхазии и Южной Осетии. Наблюдатели отмечали ряд факторов, препятствовавших успеху переговоров. Абхазская сторона, не приглашенная на встречу, по существу проигнорировала предложение Грачева и Сигуа прекратить боевые действия на период ведения переговоров. Кроме того, российскому руководству приходилось считаться с позицией северо-кавказских народов по этому вопросу: президент Конфедерации народов Кавказа М. Шанибов тогда потребовал прекратить подготовку российско-грузинского договора о дружбе. «Мы предупредили, что если до 25 апреля меры не будут приняты, народы Кавказа сделают выводы», – сказал Шанибов, пояснив, что кавказцы на референдуме могут проголосовать против Ельцина[1].

7 апреля проходила встреча экспертной группы по военно-политическим вопросам, но она также не достигла согласия. 8 апреля состоялось пленарное заседание с участием глав делегаций. По его завершении министр обороны России П. Грачев заявил: «В целом и полностью решаются вопросы, связанные с экономикой и финансами. По этим направлениям обсуждены тринадцать вопросов, они практически готовы к парафированию. Однако в соответствии с Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 25 сентября исключается подписание экономического соглашения». Он также сообщил, что «представленный грузинской стороной проект по урегулированию конфликта в Абхазии неприемлем, т. к. грузинская сторона всю ответственность возлагает на Россию, а о третьей стороне – Абхазии – ничего не говорится»[2]. Несмотря на это, глава грузинской делегации Т. Сигуа, комментируя результаты переговоров, сказал, что «стороны договорились о выводе из Эшер российских воинских подразделений»[3].

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 64, 8 апреля 1993 г.
[2] Газ. «Конфедерация», № 4, 8 апреля 1993 г.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 2, 15 апреля 1993 г.

8 апреля, не придя к единому решению по основному вопросу – о мирном урегулировании в Абхазии, главы делегаций покинули зал заседаний, предоставив экспертам возможность дальнейшего поиска взаимных точек соприкосновения. Неожиданным поворотом в ходе переговоров стало то, что 8 апреля вечером на них прибыли представители Азербайджана и Армении, которые были намерены обсудить с министром обороны России проблемы урегулирования карабахского конфликта[1]. Из-за этого график российско-грузинских переговоров был изменен. 9 апреля в утренней передаче грузинского телевидения Т. Сигуа рассказал о ходе переговоров 8 апреля: «В течение всего дня продолжалась секционная работа, хорошо поработала группа экономистов и финансистов. Практически согласованы все вопросы. Но очень осложнился вопрос о военном соглашении. Дело в том, что мы твердо поставили вопрос о выводе всех военных формирований с территории Абхазии. В основном это касается десантной части, расположенной в Гудаутах, на территории аэропорта Бомборы. Несмотря на проведенную работу в течение всего дня, этот вопрос еще не согласован окончательно. Военные эксперты и специалисты России упорно требуют оставление этой части в Бомборах, хотя бы временно. Наша делегация с этим не соглашается, и сегодня в 10 часов назначено последнее заседание. Наша позиция такова – часть в Бомборах введена в Грузию незаконно, поэтому ее надо вывести. Т. е., как я сообщал вчера, Эшерский вопрос согласован, оттуда выводят, но вопрос вывода части из Бомборы пока не согласован... Сейчас мы основным вопросом считаем вывод воинских частей с территории Абхазии. В противном случае наша делегация оставляет за собой право считать не имеющими силу все ранее достигнутые соглашения, и после этого и четвертый тур закончится безрезультатно»[2].

Несмотря на изменение графика российско-грузинских переговоров, 9 апреля во второй половине дня стороны все-таки подписали компромиссный протокол. Это хотя и не решало всех проблем, но, тем не менее, открывало путь для встречи руководителей России и Грузии. В протоколе переговоров указывалось, что Грузия и Россия «твердо высказались за безотлагательное, полное и без всяких предварительных

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 65, 9 апреля 1993 г.
[2] Грузинское телевидение. 9 апреля 1993 г. лл. 1-2.

условий прекращение огня, запрещение любого применения силы, что послужит началу переходного периода, в ходе которого будет осуществлен комплекс мер взаимного доверия». Как было отмечено в протоколе, «стороны подтвердили готовность прилагать последовательные усилия для устранения образовавшихся негативных наслоений в российско-грузинских отношениях»[1].

По возвращении из Сочи, вечером 9 апреля, Т. Сигуа, комментируя названный протокол, сказал: «Мы довольны тем, что подписали. Т. е. впервые в этом общем протоколе сказано, что грузинская сторона упорно требует вывода воинских частей, расположенных в Бомборском аэропорту. Хотя российская сторона записала в протоколе, что на данном этапе она не готова окончательно решить этот вопрос... Мы фактически доказали российской делегации, что эта часть введена без согласования с грузинской стороной, с нарушением международных норм с территории Азербайджана – из Гянджи в Бомбору… И мы имеем полное юридическое право потребовать вывода этой части… Это фактически разведчики, и они фактически согласились вывести эту часть оттуда. И появилась интересная запись о том, что российская сторона подтверждает, что границы суверенной Грузии должны защищать грузинские военные формирования. Кроме того, по нашему требованию российская сторона согласилась записать, что в последний период активизировалось живое участие в урегулировании абхазского конфликта международных организаций – ООН, экспертов, делегаций. Можно сказать, особенно успешными были встречи наших экономистов и финансистов с их коллегами. Получен довольно хороший протокол, который прилагается к основному протоколу, где говорится о том, что экономические субъекты – Грузия и Россия, которые в последнее время были разъединены, не имели никаких экономических взаимоотношений, теперь на основе этого протокола будут иметь возможность начать активные взаимодействия. Значительным был также факт, что впервые появилась запись о том, что погранвойска оставляют территорию Грузии к концу 1994 года, а войска целиком –31 декабря 1994 года»[2].

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 57.

[2] Грузинское телевидение. Программа «Мацне». 9 апреля 1993 г. лл. 2-3.

10 апреля Э. Шеварднадзе, выступая по грузинскому телевидению, заявил: «Эта встреча была полезной, хотя достигнутыми соглашениями я, разумеется, не доволен. На сегодняшнем этапе отношения между Россией и Грузией настолько сложные, особенно в связи с конфликтом в Абхазии, что невозможно одной, двумя встречами принять существенного значения решения»[1]. В тот же день, 10 апреля, Э. Шеварднадзе принял Полномочного и Чрезвычайного посла США в Грузии К. Брауна и ознакомил его с результатами грузино-российских переговоров в Сочи[2]. 11 апреля Д. Иоселиани, комментируя Сочинскую встречу по грузинскому телевидению, сказал: «Абхазский вопрос является коммунистическим рудиментарным вопросом. Этот рудимент сохранился в лице Ардзинба… Россия не хочет уходить оттуда, и мы их не уступим»[3]. Премьер-министр Грузии Т. Сигуа сообщил, что «переговоры должны были продолжиться в секционных группах по трем основным направлениям – это политическая, военная и торгово-экономическая»[4]. Позже, во время его отчета перед грузинским парламентом, депутаты раскритиковали Т. Сигуа за мягкотелость на переговорах в Сочи. Э. Шеварднадзе, которому было неприятно наблюдать не в меру возбужденных депутатов, заявил, что негоже ставить человека к стенке и обрушивать на него шквал упреков и обвинений, тем более неосновательных. Глава государства считает переговоры в принципе полезными, но он явно не удовлетворен их итогами. Однако, с его точки зрения, без постепенного и поэтапного продвижения все равно не обойтись. Обстановка в Грузии осложняется возрастающей активностью оппозиции[5].

Протокол этого соглашения был передан абхазской стороне, которая отреагировала закономерно: почему «абхазский вопрос» решается без участия Абхазии. В частности, абхазской стороной было заявлено, что «непременным условием прекращения огня должна быть договоренность о выводе из зоны конфликта грузинских вооруженных

---

[1] Грузинское телевидение. 10 апреля 1993 г. л. 2.
[2] Грузинское телевидение. 11 апреля 1993 г.
[3] Там же.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 20, 15 апреля 1993 г.
[5] «Независимая газета», №74… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-21-aprelya-1993-goda

формирований»[1]. У Т. Надарейшвили также были претензии не только к результатам, но и к формату сочинской встречи. На этот раз он был недоволен не только российской, но и грузинской стороной. Глава оккупационных властей Абхазии заявил: «Туда (в Сочи) не должны были пойти Тенгиз Первый и Тенгиз Второй, я имею в виду Сигуа и Китовани. И Чикваидзе не должен был пойти. Туда должен был поехать Надарейшвили, туда должен был поехать наш военный представитель, кто-нибудь из представителей национального движения и наши здешние сухумцы, и мы должны были сесть с русскими и поговорить о вопросах, за которые мы больше несем ответственности и больше понимаем, чем другие, которые приехали»[2]. В то же время Э. Шеварднадзе, по-видимому, также раздосадованный итогами переговоров в Сочи, после своего посещения Украины заявил, что президент Кравчук проявляет большой интерес к Грузии и готов посетить Тбилиси для продолжения уже начатого диалога. Глава грузинского парламента подчеркнул «большую значимость посреднической миссии Украины в прекращении вооруженного противостояния в Абхазии»[3]. Последнее заявление в контексте непростых российско-грузинских отношений и роли России в вооруженном противостоянии между Грузией и Абхазией, никак нельзя было рассматривать дружеским актом по отношению к официальной Москве.

Между тем, Президиум Верховного Совета России по завершении визита делегации российского парламента в Аджарию 12 апреля принял Постановление «О развитии добрососедства, экономических и гуманитарных связей между регионами, автономиями РФ и РГ». В документе правительству России было предложено «рассмотреть вопрос о порядке организации экономических связей с Аджарской АР (до заключения договора о торгово-экономическом сотрудничестве между РФ и РГ) с изданием соответствующего распоряжения»[4]. Как и следовало ожидать, визит российской делегации и названное Постановление

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 57.

[2] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 81, 82.

[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 334.

[4] Газ. «Иберия-Спектр», № 80, 1–7 июня 1993 г. С. 5.

вызвали в Грузии реакцию, похожую на ту, которую вызвал перед этим визит П. Грачева в Батуми. В Тбилиси задавались вопросами: почему российские депутаты поехали в Аджарию, минуя официальный Тбилиси? Насколько Россия правомочна заключать с Аджарией договор о торгово-экономическом сотрудничестве при отсутствии такового между Москвой и Тбилиси и т. д.? Но спор не имел особых последствий, так как уже на второй день, 13 апреля, вице-премьер Грузии А. Маргиани поехал в Москву с целью «привезти партию зерна и продовольственных товаров, которые полагается республике, согласно подписанному соглашению между Россией и Грузией»[1].

Президент КНК Ю. Шанибов, комментируя результаты встречи, сказал, что «частично подтвердились опасения народов Кавказа, что сочинские переговоры могут по своим итогам повторить печально известную дагомысскую встречу»[2]. Б. Пастухов позже, выступая 30 апреля на заседании Совета национальностей ВС РФ, назвал сочинские переговоры 6–9 апреля «непростыми и изнурительными». По словам заместителя МИД РФ, «главным их итогом является согласие грузинской стороны на безотлагательное и полное, без всяких предварительных условий прекращение огня и возобновление деятельности трехсторонней Комиссии по контролю и инспекции в Абхазии»[3]. В. Ардзинба, комментируя названную встречу, заявил: «Ключом к прекращению войны в Абхазии является безусловный вывод всех войск нынешнего фашистского режима Грузии с территории Республики Абхазия». Верховный Совет Абхазии также констатировал, что «встреча делегаций России и Грузии, состоявшаяся в Сочи без участия представителей Абхазии, не могла и не привела к заключению каких-либо соглашений по мирному урегулированию войны между Грузией и Абхазией»[4]. Таким образом, можно сказать, что российско-грузинские переговоры в Сочи состоялись, но на развитие ситуации и на позиции сторон серьезного влияния не оказали.

---

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 24, 23 апреля 1993 г.

[2] Газ. «Республика Абхазия», № 20, 15 апреля 1993 г.

[3] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 54.

[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 334.

6. Майская встреча в Москве. Заочное перемирие или затишье перед бурей

Как ранее было отмечено, трехсторонняя абхазо-грузино-российская встреча на высшем уровне, которая должна была состояться в начале октября 1992 г., сначала была перенесена, а затем и вовсе сорвана грузинской стороной. И с тех пор ее организовать не удавалось, впрочем, по-видимому, не было особой заинтересованности в этом. Мартовское наступление Абхазской армии привело к осложнению отношений Грузии и России. Поэтому нужен был некий «охладительный» период… И по истечении этого периода, 6–9 апреля в Сочи, как уже говорилось, состоялась российско-грузинская встреча. После ее окончания грузинский премьер Т. Сигуа, комментируя возможную встречу Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе, сказал следующее: «Был разговор и по этому поводу. Переговоры на высшем уровне обязательны и, наверно, довольно скоро состоятся. Но мы считаем, что до такой встречи еще один раз должна быть встреча военных экспертов, чтобы уточнить наши требования, чтобы еще раз заявить им наш протест по поводу того, что эти военные формирования находятся у нас с нарушением международных норм. Чтобы до встречи на высшем уровне окончательно решить вопрос о выводе воинских формирований с территории Абхазии»[1]. Сам глава Грузии тогда же сказал, что пока договоренность о встрече с Ельциным не достигнута, но она не только желательна, но и обязательна и неминуема. К этому Шеварднадзе добавил: «В связи с тем, что в России ожидается референдум, не могу сказать, будет ли у Ельцина возможность этой встречи, и мой рабочий график составлен таким образом, что устроить такую встречу пока что невозможно». Грузинский лидер также сообщил, что ни телефонных, ни других контактов с Ельциным у него не было[2].

На фоне российско-грузинских переговоров в Сочи шла подготовка визита Э. Шеварднадзе на Украину. 9 апреля в 12 часов грузинская делегация, готовившая визит главы Грузии, была принята президентом

[1] Грузинское телевидение. Программа «Мацне». 9 апреля 1993 г. л. 3.
[2] Грузинское телевидение. 10 апреля 1993 г. лл. 2-3.

Л. Кравчуком. В политических кругах Киева большой отклик имело заявление Э. Шеварднадзе во время традиционного радиоинтервью 5 апреля о растущей роли Украины в Европе[1]. Накануне своего визита в Киев Э. Шеварднадзе сообщил, что президент Украины проявляет определенный интерес к урегулированию абхазского конфликта как можно скорее[2]. Сам Л. Кравчук перед встречей заявил: «Мне хотелось бы выступить, действительно, используя все свое влияние для того, чтобы остановить тот тяжелый конфликт, который идет на грузинской земле… Мы понимаем, что трудно решить это сегодня грузинскому руководству, но решать надо, и Украина всеми средствами и своими возможностями готова помочь для политического решения. Ясно, что мы эту проблему тоже будем обсуждать, о возможности участия Украины в политическом урегулировании конфликта на грузинской земле, привлечении других возможностей»[3]. Нужно подчеркнуть, что это происходило на фоне того, что в Киеве было распространено открытое письмо президенту Украины Л. Кравчуку, подписанное 87 депутатами, с призывом в одностороннем порядке денонсировать Ялтинское соглашение от 3 августа 1992 г. и построить собственные военно-морские силы. На 4-м съезде Союза офицеров Украины 10 апреля министр обороны этой страны К. Морозов заявил: «Нужно побыстрее поделить боевые корабли Черноморского флота и вывести российскую часть из украинских портов и баз и ни в коем случае не соглашаться на аренду Россией украинской территории. И если за раздел Черноморского флота российская сторона требует именно такую цену, то будет поставлен вопрос о выводе с Украины всего Черноморского флота»[4].

12 апреля Э. Шеварднадзе прибыл с двухдневным визитом в Киев. В тот же день он встретился с глазу на глаз с президентом Украины Л. Кравчуком. 13 апреля проходили переговоры делегаций двух стран в полном составе[5]. В ходе этого визита было подписано 19 документов, регулировавших различные сферы двусторонних отношений. Премьер-

[1] Грузинское телевидение. 9 апреля 1993 г. л. 2.
[2] Грузинское телевидение. 12 апреля 1993 г. л. 2.
[3] Там же. л. 4.
[4] «Независимая газета», № 69… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-14-aprelya-1993-goda
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 67, 13 апреля 1993 г.

министр Грузии Т. Сигуа заявил в Киеве: «Для Грузии даже не так важны экономические и торговые контакты с Украиной, как политическое взаимодействие в тех вопросах, что касаются России... Молдова, Прибалтика, Украина и Грузия должны поставить Россию на место, пояснив ей, что она не старший брат». Шеварднадзе и Кравчук подобных заявлений избегали. На пресс-конференции Кравчук и Шеварднадзе высказались за победу демократических сил в России. В ответ на просьбу Грузии Киев выразил готовность в рамках ООН или СБСЕ быть посредником в грузино-абхазском противостоянии. Об украинской военной помощи Грузии речь не шла. Среди экономических результатов переговоров важнейшим было решение о строительстве терминала в Поти, откуда иранская нефть танкерами перевозилась бы в одесский терминал. Это дало бы возможность использовать для транспортировки иранской нефти на Украину идущие из Азербайджана в Грузию нефтепроводы[1]. В целом итоги визита указывали на украинско-грузинское политическое сближение на фоне сложностей, имеющихся у этих стран в отношениях с Россией. При этом и Шеварднадзе и Кравчук горячо поддерживали Ельцина в предстоявшем в России референдуме. Причем «страстная речь украинского лидера в защиту российской демократии», по образному выражению аналитика, произвела «эффект разорвавшейся бомбы, начиненной ананасами в шампанском»[2].

Продолжением названной политики «поставить Россию на место» явилось посредничество Э. Шеварднадзе на прямых переговорах на высшем уровне между Арменией и Азербайджаном, состоявшихся 22 апреля в Анкаре. Пикантности ситуации добавляло и то, что Армения и Азербайджан прибегли к посредничеству Грузии после неудачной попытки выступить в этой роли России, что имело место во время российско-грузинских переговоров в Сочи, закончившихся для грузинской стороны в целом неудачно. В этих обстоятельствах Э. Шеварднадзе, безусловно, не мог не воспользоваться случаем, чтобы не обвинить перед западными политическими спонсорами «пресловутую» «третью сторону». В частности, глава Грузии, встречаясь с Премьер-министром

1 Газ. «Коммерсантъ», № 68, 14 апреля 1993 г.

2 «Независимая газета», № 75… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-22-aprelya-1993-goda

Турции С. Демирелем, заявил: «Политическое урегулирование конфликта в Абхазии может быть достигнуто самими вовлеченными в него сторонами. Грузинам и абхазам нечего делить. К сожалению, действуя в своекорыстных интересах, внешняя сила срывает поиски путей к миру»[1]. О какой «внешней силе», мешающей поискам мира, говорил Э. Шеварднадзе, было ясно. Причем нужно заметить, что все это было достаточно «оригинально»: глава Грузии отправлял своих посланников за хлебом в Москву и в то же время умудрялся перед «цивилизованным» миром ругать Россию за ее имперские устремления. Что касается миротворчества Э. Шеварднадзе, то, судя по всему, оно не дало никаких положительных результатов. Через несколько дней после названной встречи в Анкаре состоялись переговоры между госсекретарем Азербайджана П. Гусейновым и российским министром иностранных дел А. Козыревым в Москве. На них обсуждался вопрос о создании вокруг Нагорного Карабаха так называемой «зоны безопасности», из которой должны были быть выведены как азербайджанские, так и армянские формирования. В этой демилитаризованной зоне предусматривалось размещение миротворческих сил. Согласно этому плану, Россия использовала свое влияние на Армению и Нагорный Карабах и добивалась вывода армянских сил из Лачина и Кельбаджара, ранее захваченных армянскими войсками, но в ответ Азербайджан должен был согласиться на признание руководства Нагорно-Карабахской Республики равноправным участником переговоров[2]. Новый план урегулирования был окончательно согласован на встрече специальных представителей России, Турции и США, проходившей 29-30 апреля в Москве. Обнародованная 3 мая российско-турецко-американская мирная инициатива по Нагорному Карабаху предусматривала: вывод армянских сил из районов Кельбаджара с 9 по 14 мая; прекращение огня и передвижений войск с 12 мая сроком на два месяца; проведение предварительных переговоров между Арменией и Азербайджаном с 17 по 22 мая в Женеве под эгидой России, Турции и США[3]. Однако главным препятствием для реа-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 23, 26 апреля 1993 г.
[2] «Независимая газета», № 78… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-aprelya-1993-goda
[3] Газ. «Известия», № 83… С. 1, 3 // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-7-maya-1993-goda

лизации инициативы Москвы, Анкары и Вашингтона по-прежнему оставался вопрос о представительстве Нагорного Карабаха. 18 мая Россия, США и Турция выступили с очередной мирной инициативой по Нагорному Карабаху, к которой присоединился также председатель Минской группы М. Рафаэли. План требовал от Еревана установить перемирие вдоль всей армяно-азербайджанской границы и открыть свои транспортные коммуникации для беспрепятственного передвижения грузов, что на деле означало деблокирование Нахичевана. 26 мая первый заместитель министра иностранных дел Армении Ж. Кипаритян провел брифинг, где сообщил, что правительство Армении решило одобрить. По его словам, Ереван просчитал последствия возможного отказа: международное признание Армении государством-агрессором, введение санкций и расширение военных действий[1]. Президент Армении Л. Тер-Петросян намеревался выступить с заявлением о согласии его страны на названную мирную инициативу до 12 часов дня местного времени 26 мая. Однако накануне, 25 мая, в Ереване прошел многотысячный митинг, потребовавший от президента сказать «нет»[2]. Этот проект не поддержал также и Нагорный Карабах.

Между тем, 24-25 апреля Э. Шеварднадзе принял руководителя миссии СБСЕ в Грузии И. Дьярмати. Стороны сошлись во мнении, что в последнее время сформировалось «несколько скептическое отношение к миротворческой миссии России, как с грузинской, так и с абхазской стороны». Однако глава Грузии выразил неудовлетворенность степенью участия ООН и миссии СБСЕ в урегулировании конфликта, призвав их к переходу «от сферы академической к реальной помощи»[3]. О позиции международного сообщества говорил 23 апреля 1993 г. и депутат Верховного Совета Абхазии Ю. Воронов с трибуны Центра кавказоведения Лондонского университета. В его докладе, в частности, отмечалась необходимость «отказа ООН и других международных организаций от прямолинейного использования принципа «территориальной целостности» по отношению к тем республикам бывшего СССР, которые

[1] «Независимая газета», № 97… С. 3. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-maya-1993-goda

[2] Газ. «Известия», № 98… С. 1. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-27-maya-1993-goda

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 77, 27 апреля 1993 г.

развязали войну против бывших автономий и иных территориально-этнических образований (продемонстрировав тем самым свою государственную несостоятельность), в признании права Абхазии и других подобных образований на самоопределение и равноправное участие во всех переговорах и акциях по восстановлению мира в регионе». Ю. Воронов подчеркнул, что «Абхазия является органической частью Северо-Западного Кавказа, что именно Шеварднадзе как глава Республики Грузия несет главную ответственность за уничтожение и разрушение народов бывшей советской Грузии, а прикрываемая его международным авторитетом преступная практика государственного терроризма и политического лавирования между Россией, Ираном и НАТО играют сегодня главную дестабилизирующую роль в Кавказском регионе»[1].

Позицией международных организаций в урегулировании грузино-абхазских отношений были недовольны и в России. По мнению аналитической группы под руководством генерала В. Ачалова при Организационном отделе Верховного Совета России, изложенном тогда в докладе Президиуму Верховного Совета, говорилось, что Грузия, «будучи не в состоянии защититься от ближайших южных соседей, призовет НАТО заполнить всю имеющуюся там военную инфраструктуру, что приведет к тому, что в Абхазии будут дислоцированы ракеты и самолеты НАТО, нацеленные на Россию». Группа Ачалова считала несостоятельным тезис о «внутригосударственном характере грузино-абхазского конфликта» и не принимала во внимание ссылку Грузии на положения Заключительного акта Хельсинкского совещания о незыблемости границ бывших республик СССР. По мнению авторов названного доклада, претензии Грузии к Абхазии были неправомерны «ввиду отсутствия международно-правового договора, признающего Грузию в качестве самостоятельного государства». Факт же принятия Грузии в ООН таким актом не признается. В докладе также указывалось на то, что еще в августе 1990 г. Абхазия приняла Декларацию о суверенитете, а поэтому, приняв Грузию в ООН, международное сообщество эту декларацию нарушило[2].

[1] Воронов Ю. Н. О геополитических аспектах войны в Абхазии // «Юрий Воронов – свет и боль» (сост. – редколлегия) М. – Сухум, 1999. С. 299.

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 77, 27 апреля 1993 г.

У Грузии по понятным причинам была совсем иная позиция по отношению к роли международных организаций в грузино-абхазском противостоянии. В рассматриваемое время в интервью «Демократической Абхазии» Э. Шеварднадзе заявил: «Для ООН и ее СБ конфликт в Абхазии – не частный случай, локальный вопрос. В нем отражается опасная тенденция бесконечного дробления мира, способного ввергнуть человечество в состояние перманентного хаоса и анархии со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для всеобщей безопасности. Поэтому ООН не остается безучастной и, как мне известно, готова осуществить более решительные меры»[1]. В готовность ООН к «более решительным действиям» Э. Шеварднадзе верил до последней минуты. Даже во время решающего штурма Сухума в сентябре 1993 г. он продолжал утверждать о прибытии военной помощи от западных стран. Наверное, будет неверно предполагать, что это было продиктовано исключительно наивностью Э. Шеварднадзе. Не исключено, что в рассматриваемое время ожидания грузинского лидера подогревались и поддерживались и некоторыми западными политиками, подтверждением чему может служить разработанная в стенах самого ООН карта, судя по которой большая часть Абхазии должна была быть присоединена к Грузии, а западные дипломаты открыто говорили о необходимости этнической чистки в той части Абхазии, которую они планировали передать Грузии. При этом также необходимо учитывать, что все это привело бы к ослаблению позиций России в регионе, хотя, как уже говорилось, Запад к тому времени не желал открыто вмешиваться в вооруженное противостояние, что, конечно же, не означало отсутствия у западных стран стремления к утверждению на Кавказе своих далеко идущих геополитических интересов.

Еще 17 апреля Т. Надарейшвили, который успел перенести за это время микроинфаркт, по «абхазскому» телевидению заявил, что «хребет абхазским сепаратистам уже сломан, и война будет окончена в ближайшее время»[2]. 22 апреля парламент Грузии принял обращение к абхазскому народу, где было выражено стремление к прекращению войны. В названном документе также говорилось, что война в Абхазии

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 23, 26 апреля 1993 г.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 289.

только на руку лишь реаниматорам «империи зла» и она инспирирована ими же[1]. В ответ на это 24 апреля Верховный Совет Абхазии заявил: «Если парламент Грузии действительно отказался от силового решения проблемы взаимоотношений Абхазии и Грузии и искренен в своем заявлении о необходимости прекращения войны, подтвердить это может вывод войск из Абхазии, механизм, которого мы готовы обсудить»[2]. О сущности обращения парламента Грузии говорит и тот факт, что через три дня после него был нанесен ракетно-бомбовый удар по Гудауте, ранее не подвергавшейся обстрелам. В заявлении Президиума ВС РА по этому поводу, сделанном 27 апреля, отмечалось, что «подобные действия свидетельствуют об истинных намерениях руководства Грузии, по-прежнему продолжающего делать ставку на силовое решение проблем грузино-абхазских взаимоотношений»[3]. Видимо, эту же бомбардировку имел в виду Т. Надарейшвили, когда говорил: «Что касается Гудауты, мы ее разбомбили дважды, разбомбили очень сильно. Один раз бомбили с воздуха, второй раз – с моря из системы «Град». Жертв много. Разрушений много»[4].

Говоря о сложившейся тогда обстановке, З. Папаскири сообщает: «Ситуация в Абхазии как в военном, так и в хозяйственно-административном отношении, оставалась весьма сложной. Не было должной взаимосвязи между военными и гражданскими властями. Это вынудило руководство Грузии пойти на создание единого военно-политического органа – Совета обороны Абхазии, который должен был сосредоточить всю полноту власти, как военной, так и гражданской, в контролируемых грузинской стороной районах Абхазии». Решение об этом было принято 27 апреля в парламенте Грузии, где обсуждался абхазский вопрос. Председателем новой структуры был назначен Т. Надарейшвили, которому было присвоено звание генерал-майора. В состав Совета обороны вошли: командир 23-й бригады генерал-майор Г. Адамия, мэр Сухума Г. Габескирия, министр внутренних дел Абхазии, полковник Д. Гулуа, командир 2-го армейского корпуса МО Грузии, генерал-майор

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 438.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 22, 29 апреля 1993 г.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 336.
[4] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 78.

В. Квирая, начальник Информационно-разведывательной службы Абхазии А. Иоселиани, первые зам. председателя Совета министров Абхазии Л. Маршания и Р. Сичинава, командир 24-й бригады, генерал-майор З. Учадзе[1].

Уже на следующий день, 28 апреля, новоиспеченный генерал Т. Надарейшвили успел выступить по двум программам грузинского телевидения. Утром по «Алиони» он заявил, что это война, а не игра, и поэтому надо переходить к более решительным шагам и очистить Гудауту, Гагру и Ткуарчал от врага. Программе «Вестник» Т. Надарейшвили сообщил следующее: «Мы не ведем войну, а играем в военные игры. С Ардзинба, Шамба, Озганом, а также и с другими мы на переговоры не пойдем, потому что они преступники, и их должен судить международный суд. Требование абхазской стороны о выводе грузинских войск из Абхазии неприемлемо, так как это означает вывод грузинских войск из Грузии. Сейчас войска в Абхазии укомплектованы местными жителями, и выходит, таким образом, что они должны покинуть родные места»[2]. В этот же день Э. Шеварднадзе, приехав в Абхазию, представил Т. Надарейшвили оккупационным войскам в его новом качестве. В Сухуме глава Грузии заявил: «Я готов к работе по мирному политическому урегулированию конфликта. И могу сегодня же назначить своего представителя на переговорах с руководителями гудаутской и ткварчельской группировок». Однако Э. Шеварднадзе пригрозил, что, если «лидеры абхазских сепаратистов не согласятся на немедленные переговоры без всяких предварительных условий, он будет вынужден выполнить требование грузинских военных о массированной бомбардировке Гудауты и Ткварчели». При этом он выразил надежду, что мировое сообщество правильно оценит действия грузинской стороны. Э. Шеварднадзе, резюмируя свои мысли, заявил: «В любом случае эту войну следует кончать, и вся ответственность за силовое решение конфликта ляжет на руководителей сепаратистов»[3].

Но главу Грузии ждал сюрприз, т. к. в тот же день СМИ передали информацию о том, что войска, верные Т. Китовани, перебрасываются в

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 439-440.

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 303.

[3] Газ. «Известия», № 81… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-30-aprelya-1993-goda

Тбилиси[1]. И в тот же день, 28 апреля, в Ставрополе подписанием соглашения о принципах сотрудничества и взаимопомощи между Конфедерацией народов Кавказа и казачеством юга России завершилась встреча выборных представителей Чеченской, Ингушской республик, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Абхазии и казачества южных регионов России. Представители конфедерации и казачества договорились, что не допустят применения и угрозы применения силы в решении спорных вопросов, в том числе территориальных, будут способствовать мирному, путем переговоров и консультаций, урегулированию региональных конфликтов, ликвидации очагов межнациональной и социальной напряженности на основе уважения суверенитета и права народов на самоопределение[2].

В это же время посол России в Грузии В. Земский в качестве очередной инициативы предложил Шеварднадзе провести встречу с участием Грузии, России и Абхазии[3]. Однако в Тбилиси «на высшем уровне» были заняты очередной политической кампанией. Во второй половине апреля МИД Грузии направил Российской Федерации ноту протеста, в которой говорилось, что «единственной основой для решения конфликта является безотлагательный вывод всех российских военных формирований из Абхазии». Грузинское внешнеполитическое ведомство заявляло: «В случае продолжения со стороны РФ явно враждебных действий, нарушающих суверенитет и территориальную целостность РГ, вся ответственность за последствия ляжет на российскую сторону. МИД РГ уполномочен заявить, что РГ будет вынуждена обратиться в Совет Безопасности ООН с просьбой срочно рассмотреть вопрос об агрессии РФ против РГ»[4]. 25 апреля в Тбилиси на собрании актива правоохранительных органов Грузии Э. Шеварднадзе заявил, что «в Грузии остаются сильнейшая резендентура и агентура» России[5]. В ответ на это, надо полагать, появилась информация о том, что Министерством безопасности Адыгеи «выявлены конкретные факты, свидетельствующие о проведении Ин-

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 304.

[2] Газ. «Известия», № 80… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-29-aprelya-1993-goda

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 77, 27 апреля 1993 г.

[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 23, 26 апреля 1993 г.

[5] Газ. «Демократическая Абхазия», № 26, 6 мая 1993 г.

формационно-разведывательной службой (ИРС) Грузии вербовочных акций в отношении российских граждан, жителей Адыгеи, оказавшихся в период обострения грузино-абхазского вооруженного конфликта в условиях изоляции на контролируемой грузинскими гвардейцами территории Абхазии»[1]. Тогда же в департаменте стран СНГ МИД России, посольстве России в Тбилиси и грузинском МИДе комментировать содержание последних российско-грузинских контактов отказались[2].

27 апреля Парламент Грузии принял постановление «О выводе частей Российской Федерации из зоны Абхазского конфликта». В нем отмечалось, что «дислоцированный на территории Абхазской Автономной Республики контингент Вооруженных сил России активно участвует в военных действиях против Республики Грузия» и что «Верховный Совет России неоднократно принимал постановления, грубо ущемляющие суверенитет государства Грузия». «Считая главной причиной трагического развития событий попытку Российской Федерации осуществить фактическую аннексию части территории Грузии», парламент Грузии постановил: «1. Главе государства Грузия обратиться к президенту Российской Федерации по поводу вывода войск России из Абхазии… 2. В случае невыполнения этого требования считать зону абхазского конфликта северо-западнее реки Гумиста вплоть до российско-грузинской границы – территорией, оккупированной Российской Федерацией, в связи с чем главе государства Грузия, правительству Грузии поставить в Совете Безопасности ООН и других международных организациях вопрос о приведении в действие механизмов, предусмотренных международным правом»[3]. Министр обороны Грузии Т. Китовани, специально созвавший пресс-конференцию в Тбилиси, одновременно с этим заявил: «Только переговоры на высшем уровне способны положить конец этой войне. Россия была и остается крупной военной державой, поэтому к ней следует относиться с осторожностью. Нельзя игнорировать ее интересы, надо искать взаимоприемлемые пути»[4]. Ви-

[1] Газ. «Нарт», №14, апрель 1993 г.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 77, 27 апреля 1993 г.
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 438-439.
[4] «Независимая газета», № 79… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-aprelya-1993-goda

димо, Э. Шеварднадзе также понимал это и без подсказки своего военно-политического оппонента и уже на второй день, 28 апреля, заявил, что в России «завершился один из этапов политического процесса, и теперь есть все основания предполагать, что правительство РФ будет соблюдать положения Итогового документа Московской встречи от 3 сентября»[1]. Глава Грузии, несмотря на периодические витки обострения российско-грузинского противостояния, традиционно рассматривал Б. Ельцина своим союзником. И победа на референдуме президента России преподносилась Э. Шеварднадзе победой всех демократических сил, среди которых он видел, конечно же, и себя. Справедливости ради надо отметить, что не только глава Грузии был удовлетворен итогами российского референдума. В частности, Президент США Б. Клинтон, оценивая итоги референдума в России, тогда заявил: «Это очень и очень хороший день. Для России, для Соединенных Штатов, для всего мира. Победа принадлежит российскому народу, и я рад, что США так последовательно поддерживали демократические преобразования в бывшем Союзе». Клинтон также выразил надежду, что исход референдума в России поможет Белому дому добиться от конгресса Соединенных Штатов одобрения тех пакетов помощи и содействия, которые либо уже объявлены администрацией, либо еще только готовятся[2]. Канцлер Германии Г. Коль, поздравив в телефонном разговоре Б. Ельцина, подчеркнул, что результаты референдума — «с международной точки зрения– вотум доверия. Он свидетельствует о том, что внешнеполитический курс России, направленный на конструктивное сотрудничество с Западом, получил также одобрение и внутри страны». Премьер-министр Канады Б. Малруни в специальном заявлении выразил надежду, что все уровни власти «будут уважать этот мандат» (решение референдума). Министр иностранных дел Великобритании Д. Хэрд также был удовлетворен итогами референдума, он выразил надежду на то, что Ельцину удастся использовать этот успех[3].

---

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 25, 3 мая 1993 г.

[2] Газ. «Известия», № 79… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-aprelya-1993-goda

[3] Газ. «Независимая газета», № 79… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-28-aprelya-1993-goda

Однако результаты российского референдума при всем желании были не способны повлиять положительно на российско-грузинские отношения. 29 апреля МИД РФ принял специальное заявление, а послу Грузии была передана нота, в которой было собрано большое количество фактов, связанных с нападениями на российских военнослужащих и их гибелью, с положением русскоязычного населения, которое в Сухуме по существу было «превращено в заложников»[1]. 30 апреля Совет обороны и Совет Министров оккупированной части Абхазии заявили, что «события последнего времени дают все больше оснований говорить о прямой агрессии России против суверенного Грузинского государства»[2]. 2 мая Совет обороны также возложил всю ответственность за продолжение войны «на гудаутское «правительство» и военное командование оперативной группы российских Вооруженных сил, дислоцированных в Гудауте»[3]. В продолжение антироссийской риторики, 13 мая Т. Надарейшвили сообщил, что его «не интересует большая или маленькая страна – Россия, и даст приказ о том, чтобы та лаборатория и та часть (российская), которая находится в Сухуми, были уничтожены»[4].

Несмотря на все это, и Грузия, и Россия сошлись на необходимости встречи на высшем уровне, что, как представляется, было вызвано как глобальными, так и локальными обстоятельствами. И как следствие было объявлено, что 14 мая состоится встреча Э. Шеварднадзе и Б. Ельцина в Москве, где одной из ключевых тем должно было стать обсуждение путей разрешения грузино-абхазского военного противостояния. Антироссийская риторика к тому времени считалась правилом хорошего тона в среде военно-политического истеблишмента Грузии – с одной стороны, а с другой – в создавшихся тогда условиях Э. Шеварднадзе мог удержаться у власти только с помощью поддержки извне, в первую очередь России, которую демонстрировала официальная Москва, несмотря на все видимые противоречия. Такая политика могла быть продиктована боязнью России того, что в случае свержения Э. Шеварднадзе политика Грузии могла стать совсем непредсказуемой, что,

[1] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 54.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 26, 6 мая 1993 г.
[3] Там же.
[4] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 78.

в свою очередь, было хуже, чем попытки главы грузинского государства вести собственную игру на противоречиях Запада и России. И это обстоятельство, думается, сыграло немаловажную роль в определении места и сроков проведения российско-грузинской встречи на высшем уровне. Она должна была состояться в переломный для грузинского руководства момент. К тому времени противостояние Э. Шеварднадзе и Т. Китовани завершилось поражением последнего, который вместе с другим строптивцем Д. Иоселиани был, правда, с большими «почестями» отправлен в отставку. Но это еще не могло свидетельствовать о наступлении спокойствия вокруг грузинского «престола». Несмотря на оттеснение главных своих противников, позиции Э. Шеварднадзе в Грузии оставались весьма шаткими, и предсказать дальнейшее поведение, казалось бы, поверженных соперников было невозможно. Нельзя было забывать и о том, что и Т. Китовани, и Д. Иоселиани до этого уже один раз были преданы политической анафеме президентом Грузии З. Гамсахурдиа, но они тогда не только «воскресли» в большой грузинской политике, но и свергли своего обидчика.

В этих условиях задачей первостепенной важности становились, несмотря на всю воинствующую риторику Э. Шеварднадзе, не победа в Абхазии, а удержание у власти в самой Грузии и обеспечение надежного тыла. Стоит особо отметить, что в рассматриваемое время мало кто из грузин мог поверить в правдоподобность, что какой бы то ни было политик способен удержаться у власти в Грузии, не обеспечив «достойного завершения» войны с Абхазией. С учетом времени и контекста их проведения московские переговоры преследовали цель не столько достижения каких-то конкретных результатов по текущим грузино-российским противоречиям или урегулирования абхазо-грузинской войны, а скорее, были демонстрацией Россией поддержки Э. Шеварднадзе во внутригрузинском противостоянии. Это обстоятельство имело принципиальное значение и для Москвы, и для Э. Шеварднадзе. С одной стороны, главе Грузии необходимо было продемонстрировать свою твердую позицию внутри страны, заручившись поддержкой России, без которой, несмотря на всеобщую критику Москвы со стороны всех политических групп в Грузии, невозможно было решить проблему Абхазии, что к тому времени стало очевидно многим, и с чем уже не-

возможно было не считаться. Более того, последние события внутригрузинского противостояния показали, что Россия обладала достаточными рычагами давления и провоцирования дестабилизации внутри Грузии, что в условиях ведения войны фактически на два фронта – на абхазском и мегрельском – грозило ей полным фиаско.

С другой стороны, необходимо учитывать, что подобная позиция России могла быть продиктована и появлением нового фактора вокруг абхазо-грузинского вооруженного противостояния в лице Украины, заявившей о своей готовности под флагом ООН ввести в Абхазию миротворческие силы. И, наверное, неспроста Э. Шеварднадзе еще раз напомнил об этом 28 апреля, находясь в оккупированном Сухуме[1], куда он приехал для представления руководства вновь созданного Совета обороны Абхазии. Украина стремилась, впрочем, как и сама Грузия, ассоциироваться с западной политикой, и данное заявление Киева могло быть демонстрацией позиции Запада по поводу создавшейся ситуации в регионе в целом, и в Грузии, в частности. Запад к тому времени однозначно делал ставку на Э. Шеварднадзе, и это тогда не нуждалось в дополнительных доказательствах. Так, 1 мая на встрече с главой Грузии руководитель делегации СБСЕ Х. Акинджи заявил: «Мы приложим все усилия, чтобы способствовать формированию в мире объективного общественного мнения на происходящие в Грузии процессы»[2]. В контексте сложившейся ситуации это означало, что СБСЕ было намерено лоббировать интересы Грузии и лично Э. Шеварднадзе. Не последнюю роль, видимо, сыграло и решение ООН более активно вмешаться в грузино-абхазское противостояние. В письме Генерального секретаря на имя Председателя Совета Безопасности ООН от 5 мая говорилось, что еще одна выездная миссия «не явится адекватной мерой в попытке оживить мирный процесс», поэтому «необходимы более сконцентрированные меры». Одним из таковых Генсек считал назначение посла Э. Бруннера его специальным представителем по Грузии. В задачи спецпредставителя, согласно письменным заверениям Б. Гали, входили: «а) достижение соглашения о прекращении огня; б) оказания сторонам содействия в оживлении процесса переговоров с целью найти

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 25, 3 мая 1993 г.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 26, 6 мая 1993 г.

политическое решение конфликта; в) обеспечение поддержки со стороны соседних стран и других заинтересованных сторон в достижении вышеуказанных целей». Б. Гали также сообщал, что он «просил посла Бруннера представить доклад о достигнутых результатах по истечении первоначального периода в три месяца, после чего я приму решение о том, следует ли продолжить срок его назначения»[1].

За день до этого, 4 мая, на заседании грузинского парламента Т. Китовани, которому оставалось пробыть на посту министра обороны менее двух суток, заявил: «Нам никто не даст оружия, ни НАТО, ни другие. Здесь мы должны начать политическую войну, должны вывести население из передних линий и усилить армию… Нам оружия никто не даст. И вы не думайте, что у нас нескончаемый запас боеприпасов. Мы можем оказаться в тупике»[2]. Данное выступление министра обороны вызвало большую панику в Сухуме. Об этом тогда заявил глава оккупационных властей Абхазии Т. Надарейшвили. Он сообщил: «Заседание Парламента Грузии 4 мая породило много тревог. Нам пришлось несколько раз выступить по телевизору, радио, имели встречи с населением города, сумели убедить народ в том, что нет никакой тревоги, что мы готовы и имеем достаточно сил защитить город. В тот же день, 4 мая, программа «Вести» передала информацию Кандиашвили о том, что в Тбилиси нет электроэнергии, отключены телефоны, не работает метро, создалось впечатление переворота в Тбилиси. Это больше всего напугало население, нам опять пришлось их успокаивать. Поэтому прошу всех парламентариев, официальные власти работников массовой информации, чтобы перед тем, как сделать то или иное заявление, проанализировать, какая ситуация создана сейчас, и только потом заявлять свое мнение. В противном случае я как председатель Совета обороны запрещу трансляцию парламента Грузии на территории Абхазии, так как я считаю, что оно вредно воздействует на наше население»[3].

Тем временем президент МЧА и бывший председатель ККН Ю. Калмыков, один из организаторов добровольческого движения в под-

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2008 гг. М., 2008. С. 309.

[2] Газ. «За наше Отечество», № 2, 14 мая 1993 г.

[3] Там же.

держку Абхазии, был назначен заместителем министра юстиции РФ. По словам президента КНК Ю. Шанибова, это означало «в определенной степени извинение руководства России, с сохранением лица, перед народами Кавказа»[1]. Может, это было не совсем извинением, но, по всей вероятности, некой демонстрацией пересмотра Москвой своей позиции относительно общественной деятельности Ю. Калмыкова. Следует помнить о том, что он был назначен руководителем того министерства, которое ранее объявило о незаконности добровольческого движения и о преследовании КНК.

5-6 мая в Майкопе с участием представителей республик Северного Кавказа состоялись российско-абхазские консультации по урегулированию войны в Абхазии. Российскую делегацию возглавлял Б. Пастухов, абхазскую – С. Джинджолия. Их приветствовал Президент Республики Адыгея А. Джаримов. В коммюнике о встрече было сказано: «Участники консультаций высказались за ускорение подготовки новой встречи на высшем уровне в формате Итогового документа от 3 сентября 1992 г., которой должна предшествовать интенсивная работа экспертов. Они обсудили вопросы, которые могли бы найти отражение в решениях такой встречи»[2]. Названные события, думается, нужно рассматривать также в контексте взаимоотношений внутри политического квартета: Россия – Грузия – Абхазия - Северный Кавказ. После завершения консультаций относительно вопросов подготовки их проведения Б. Пастухов сказал: «Мы одновременно с руководством Абхазии высказали пожелание провести эту встречу в Майкопе, и нас с полуслова понял Президент А. Джаримов». В свете этого названное заявление заместителя министра иностранных дел России вряд ли верно рассматривать только как дань дипломатической вежливости. Это, скорее всего, был осознанный политический ход Москвы. Тем самым она показывала народам Северного Кавказа, что уважает и прислушивается к их мнению относительно событий в Абхазии.

Говоря о событиях и явлениях, обусловивших Московскую встречу, как представляется, нужно учитывать еще один существенный фактор.

---

[1] Абхазия: события 1992–1993 гг. в газете «Северный Кавказ». Нальчик, 2008. С. 129.

[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. М., 2008. С. 273, 274.

Наблюдая тенденцию к ужесточению позиции грузинского руководства и в ответ на мобилизацию населения оккупированной территории Абхазии, В. Ардзинба 7 мая заявил, что «если Грузия активизирует боевые действия, мы будем вынуждены обратиться за помощью к братским народам Северного Кавказа, попросить их о возобновлении записи добровольцев»[1]. Наверное, такая постановка вопроса абхазской стороной была еще одним стимулом для России создать какой-то документ, призванный сделать видимость начала урегулирования конфликта в Абхазии, так как именно кавказский фактор, несмотря на наличие остальных весьма существенных составляющих российских интересов, стоял особняком в этом процессе, поскольку от него зависело спокойствие в самой России. Это, как представляется, для российского политического истеблишмента становилось вопросом первостепенной важности. В противном случае, с учетом сложившихся тогда условий, при соперничестве Запада, интересы которого в регионе получали четкие очертания, и втягивании в арену его геополитических интересов постсоветских государства, при фактическом отсутствии контроля Москвы над Чечней, возрастании недовольства среди кавказских народов, это грозило бы весьма печальными последствиями для территориальной целостности самой России.

10-11 мая Северный Кавказ с визитом посетила российская правительственная делегация в составе председателя Совета Министров России В. Черномырдина, председателя Совета Национальностей ВС России Р. Абдулатипова и председателя Госкомфедерации С. Шахрая. Эта поездка была вызвана, скорее всего, итогами референдума по поддержке Президента России, которые оказались негативными для него. Доверие президенту выразили: в Адыгее – 44%, в Кабардино-Балкарии – около 36%, в Карачаево-Черкессии – 26%, в Дагестане – 15%, а в Ингушетии всего лишь 2% принявших участие в голосовании, и лишь в Северной Осетии – более 60%. Одной из главных причин такого результата являлась позиция президента России по абхазо-грузинской войне. После названной поездки В. Черномырдин заявил, что «стабильность на Кавказе представляет для руководства России особую важность»[2].

[1] Газ. «Труд», № 106, 7 мая 1993 г.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 88, 13 мая 1993 г.

С другой стороны, Москва названными действиями и заявлениями демонстрировала грузинским властям, что у России в регионе могут быть более важные «дела», чем неприкосновенность «территориальной целостности» Грузии. Думается, что названные обстоятельства не могли не привести к пониманию Тбилиси в необходимости ослабления своей первоначальной позиции относительно военного присутствия России в Грузии и самой Грузии в СНГ. Ведь не на пустом месте появилось выступление посла Грузии в России В. Адвадзе, который с сожалением констатировал, что «с самого начала своего существования СНГ было заклеймено националистическими силами как попытка реставрации империи». И это, по его словам, «осталось в сознании многих наших граждан, предубежденных против вхождения Грузии в СНГ». При этом дипломат более чем красноречиво добавил: «Лично я не считаю, что раз Грузия не в СНГ, а скажем, Армения в СНГ, то у нас независимости больше, чем у них»[1]. Тем временем, 11 мая одна из групп «Мхедриони» в целях захвата оружия совершила нападение на инженерно-саперную часть российских войск, дислоцированную в городе Кутаиси. В этот же день в Кутаиси прибыл Э. Шеварднадзе, который заявил, что Министерство обороны Грузии не имеет никакого отношения к этому инциденту и действия участников акции были самовольными. В интервью грузинскому телевидению он заявил: «Я думаю, что этот случай является частью провокации, направленной на срыв моей предстоящей встречи с Ельциным в Москве»[2].

Глава оккупационных властей Абхазии Т. Надарейшвили 13 мая выступил с воинственными заявлениями в адрес России и ее войск, расквартированных в Абхазии. В тот же день, 13 мая, Э. Шеварднадзе заявил, что намечается ввод в Абхазию украинских миротворческих сил[3]. Тогда же руководитель Грузии заявил, что не следует возлагать больших надежд на его встречу с Б. Ельциным. При этом он подчеркнул: «Если мы договоримся о сроках подписания большого пакета соглашений между Грузней и Россией – это будет шагом вперед»[4]. На этом фоне,

[1] Газ. «Иберия-Спектр», № 81, 8–14 июня 1993 г. С. 14.
[2] «Независимая газета», № 87… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-maya-1993-goda-0
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 325.
[4] Газ. «Известия», № 89… С. 1, 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-14-maya-1993-goda

14 мая в Москве состоялась встреча Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе, на которой был подписан документ, предусматривавший временное прекращение огня в Абхазии.

Россия, как уже говорилось, тогда обладала достаточно действенными рычагами давления на Тбилиси, но демонстративно игнорировать пожелания Запада также, видимо, посчитала неполиткорректным. Но при этом, наверное, нужно исходить из того, что Москва, принимая решение о поддержке Э. Шеварднадзе, защищала, прежде всего, свои собственные интересы. А судьба грузинского лидера и пожелания Запада, по всей видимости, играли подчиненную роль. В действительности, тогда положение Э. Шеварднадзе было тяжелым и непредсказуемым, о чем также свидетельствует его заявление по окончании встречи 14 мая о том, что он надеялся, что ее результатом будет «долгожданное потепление» в отношениях России и Грузии, однако «удалось достичь гораздо большего»[1]. Причем под «гораздо большим» глава грузинского государства, судя по всему, имел в виду согласие Москвы на поставку в Грузию 150 тыс. тонн зерна в кредит[2]. Тбилиси также рассчитывал на кредит в 200 млрд. рублей, на получение которого, по словам Т. Сигуа, «в принципе» согласие главы российского правительства было получено[3].

Через несколько дней после встречи посол Грузии в России В. Адвадзе охарактеризовал состояние своей страны следующим образом: «Такую независимость, которая сегодня есть у Грузии, я врагу не пожелаю. Прекращены всяческие экономические связи с Россией, парламент России объявил нам экономический бойкот – все это ведет к утрате независимости, а не к ее укреплению»[4]. В таких условиях Москва решила лучшим выходом продемонстрировать поддержку грузинскому лидеру в столь сложный для него период. Тем самым Россия также отводила от себя всякие обвинения в поддержке Т. Китовани в его противостоянии с Шеварднадзе. С другой стороны, московская встреча была возможно-

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 57.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 26, 27 мая 1993 г.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 90, 15 мая 1993 г.
[4] Газ. «Иберия-Спектр», № 81, 8-14 июня 1993 г. С. 14.

стью для России оказать, в очередной раз, поддержку Э. Шеварднадзе, не опасаясь опять быть подвергнутой обвинениям во вмешательстве во внутренние дела суверенного грузинского государства. О том, что эта встреча была продиктована стремлением сохранить режим Э. Шеварднадзе, говорилось и в Заявлении схода абхазского народа в Лыхны 20 июня 1993 года[1].

Между тем, формат этой встречи был неприемлем как для Абхазии, так и для народов Северного Кавказа. Абхазская сторона заявила, что проведение подобной встречи «в условиях, когда руководство Грузии не собирается прекращать войну и выводить свои войска из Абхазии …будет способствовать дальнейшему уничтожению людей и культуры в этом регионе». В силу этого обстоятельства 12 мая Президиум Верховного Совета Абхазии обратился к президенту России с просьбой «воздержаться от встречи с Э. А. Шеварднадзе впредь до прекращения огня в Абхазии и вывода с ее территории оккупационных войск Грузии». В Абхазии, конечно же, понимали, что это их пожелание останется неучтенным, и поэтому в указанном обращении также говорилось: «Если же такая встреча с лидером государства, совершившего агрессию, все же состоится, Президиум ВС РА просит Вас дать согласие провести аналогичную встречу с главой Парламента Абхазии В. Г. Ардзинба сразу же после переговоров с лидером Грузии»[2]. Но и эта просьба абхазской стороны, впрочем, как и многие другие, не была выполнена. Накануне переговоров в Москве, 13 мая, Т. Надарейшвили сообщил о невозможности переговоров с абхазской стороной. Он также с негодованием сообщил: «Может, на моем уровне не решается этот вопрос, но за моей спиной идут какие-то переговоры о том, что мы должны сесть за стол переговоров, должны провести переговоры с Ардзинба и т. д. Этого еще никто мне не говорил, но если мне скажут это, я должен сказать, что это будет невозможно»[3]. Уже в день встречи в Москве Т. Надарейшвили пригрозил начать боевые действия против войск России, дислоцированных в Эшере и Гудауте. При этом он заявил: «Мы будем бомбить Гудауту. Для этого мне надо только дать приказ своим солдатам. Мы го-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 30, 24 июня 1993 г.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 343, 344.
[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 80.

товы идти вперед, и абхазы, среди которых начнется паника, переселятся в Москву и другие города России»[1].

Тем временем сама встреча Э. Шеварднадзе и Б. Ельцина проходила за закрытыми дверями. Параллельно с главами государств вели диалог премьер-министры, а затем состоялась общая беседа членов делегаций. Договаривающиеся стороны согласились ускорить подготовку к повторной встрече на высшем уровне по Абхазии, а также высказались за активизацию роли ООН и СБСЕ в мирном урегулировании конфликта. На встрече было достигнуто Соглашение о прекращении огня в Абхазии с 20 мая. Кроме того, Соглашением было предусмотрено с 25 мая прекращение полетов грузинских, абхазских и российских военных самолетов и вертолетов в зоне конфликта. Стороны также договорились ускорить подготовку документов к повторной встрече лидеров Грузии, Абхазии и России на основе Московских соглашений от 3 сентября 1992 г.[2]. По окончании переговоров президент России заявил, что «сначала будет прекращен огонь, а с середины июня начнется вывод тяжелой техники из зоны конфликта»[3]. Б. Ельцин и Э. Шеварднадзе договорились, что у них будут личные представители в Абхазии. И уже в тот же день Б. Пастухов был назначен специальным представителем президента России по грузино-абхазскому вооруженному противостоянию, что могло свидетельствовать о более пристальном внимании России к войне в Абхазии. Хотя внешне все говорило о неизменности позиции Москвы, но данный демарш мог быть политическим шагом, призванным продемонстрировать некое, хотя и неофициальное, повышение интереса к позиции абхазской стороны со стороны российского руководства. Личным и полномочным представителем Э. Шеварднадзе «по урегулированию конфликтов в Абхазии и Цхинвалском регионе» 17 мая был назначен А. Кавсадзе. Последний после своего назначения высказал очень странную мысль о том, что «конфликт в Абхазии подступил к той грани, когда становится невозможной общая жизнь на этой земле людей, связанных многовековой историей, и разрешить этот конфликт можно только мирным путем»[4].

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 90, 15 мая 1993 г.
[2] Там же.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 28, 16 мая 1993 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 355.

Не в пример ему накануне, 16 мая, В. Ардзинба вполне понятно заявил: «Мы готовы прекратить огонь, если из Абхазии будет выведена тяжелая техника»[1]. Тем временем еще 15 мая в Москве состоялась встреча министров обороны России и Грузии. По мнению министра обороны Грузии Г. Каркарашвили, наиболее значительным результатом этой встречи явилась договоренность о демонтаже российской сейсмической лаборатории в Нижней Эшере, а также о выводе с ее территории российского десантного батальона. Министры также подтвердили ранее достигнутую договоренность о выводе к концу 1995 г. с территории Грузии российских войск. Г. Каркарашвили даже заявил о готовности грузинского министерства обороны нести ответственность за любые нападения на российские войска, если будет принято решение об их скорейшем выводе. На этой встрече министров обороны России и Грузии была создана совместная группа военных экспертов, которая приступила к работе 17 мая. Совместной группе под руководством А. Галкина и Л. Шарашенидзе вменялось в обязанность разработать взаимоприемлемые предложения по урегулированию ситуации в Абхазии, а также проведение консультации по проблеме пребывания российских войск на территории Грузии[2].

Тем временем в Тбилиси итоги переговоров между Шеварднадзе и Ельциным были восприняты неоднозначно. Например, бывший министр обороны Грузии Т. Китовани заявил, что решение о выводе тяжелой техники и артиллерии из зоны конфликта – большая ошибка, так как это, по его словам, приведет к потере Сухума. А центристы парламента выразили сомнение в успехе переговоров в Москве и заявили, что необходимо потребовать немедленного вывода российских войск из Грузии. Сам Э. Шеварднадзе, комментируя итоги переговоров в Москве, заявил, что не строит иллюзий на их счет, и что никаких гарантий у грузинской стороны нет. Однако, как отметил глава грузинского государства, «процесс пошел, и все зависит от поведения России после 20 мая». Главный же итог встречи, по его мнению, состоял в том, что конфронтация с соседним государством, т. е. Россией, прекратилась[3].

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 329.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 91, 18 мая 1993 г.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 94, 21 мая 1993 г.

Хотя решение о перемирии было принято без участия Абхазии, В. Ардзинба 19 мая издал приказ о прекращении огня на всех фронтах абхазо-грузинской войны с 20 мая 1993 г. Тогда же аналогичный приказ был отдан и министром обороны Грузии Г. Каркарашвили. Комментируя эти решения, Э. Шеварднадзе в интервью газете «Свободная Грузия» заявил: «Я приветствую аналогичный шаг, предпринятый гудаутским руководством, и выражаю надежду, что эти приказы будут выполнены неукоснительно… Со стороны Грузии гарантом этого выступаю я, а со стороны России таким гарантом выступает ее президент... Нет и не может быть Абхазии без мирного сожительства абхазов и грузин, как и не может быть Грузии без ее неотъемлемой составляющей – Абхазии»[1]. Однако накануне, 19 мая вечером, во время встречи с Б. Пастуховым Ардзинба снова заявил, что урегулирование в Абазии возможно только при условии вывода грузинских войск. В то же время грузинская сторона, считая Абхазию неотъемлемой частью Грузии, не была намерена выводить свои воинские подразделения. И в соответствии с этой стратегией она стремилась использовать прекращение огня для активизации работ по переброске дополнительных сил в зону конфликта, особенно в оккупированный Сухум[2]. Позже, 20 июня, участники схода абхазского народа в Лыхны назвали договоренности в Москве «передышкой, необходимой Шеварднадзе и его окружению для самосохранения». Тогда в обращении форума к В. Ардзинба констатировалось, что «этот временный мир, который нам пытаются навязать в Тбилиси и Москве, будет означать продолжение войны»[3].

О том, что московские переговоры носили более демонстративный характер, нежели были направлены на достижение конкретных результатов, свидетельствуют и противоречивые высказывания их участников. По ним чувствовалось, что Э. Шеварднадзе был не совсем уверен в своих силах, и его обычная риторика, граничившая с бравадой, на этот раз отсутствовала. В ответ на заявление Б. Ельцина о выводе в июне грузинской боевой техники с территории Абхазии, глава Госсовета отреагировал, что результаты встречи превзошли его ожидания. В этом,

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 358.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 26, 27 мая 1993 г.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 30, 24 июня 1993 г.

судя по всему, просматриваются некоторые подводные камни, сопровождавшие эти переговоры. Россия, уже проведением самой встречи оказывая большую поддержку Э. Шеварднадзе, что было необходимо ему для укрепления авторитета в своей стране, в то же время не могла не воспользоваться этим обстоятельством для политического давления на Тбилиси. О давлении на Грузию со стороны России, и как следствие некоторое ее послабление по отношению к Абхазии, свидетельствует и следующее высказывание Б. Ельцина после встречи 14 мая: «Я заверил Э. Шеварднадзе, что наша позиция неизменна, это: целостность Грузии, однако и абхазцы должны чувствовать уважение своих прав. Здесь надо подумать о разграничении функций»[1]. Спустя несколько дней с необходимостью разграничения компетенции между центром и автономиями также согласился и посол Грузии в России В. Адвадзе[2]. Грузинский представитель в Москве считал нужным повторить высказывание Президента России, что могло свидетельствовать о его осознании необходимости возвращения Грузии в фарватер российской политики.

Хотя уже 15 мая В. Ардзинба выразил признательность и благодарность президенту России за «твердую, принципиальную позицию относительно прекращения войны в Абхазии»[3], однако было понятно, что эти переговоры были политической игрой, направленной на достижение целей, далеких от интересов абхазской стороны. И уже тогда было ясно, что подобным политическим торгом, тем более без участия Абхазии, не удастся решить вопрос урегулирования абхазо-грузинского вооруженного противостояния. Переговорами был недоволен и бывший президент Грузии З. Гамсахурдиа, но, как понятно, совсем по другому поводу. 15 мая он выступил с заявлением, в котором отмечалось: «Если РФ реально стремится к мирному урегулированию грузино-абхазского конфликта, она не должна поддерживать его виновников. Она должна порвать дипломатические отношения с преступным режимом, признать законную, конституционную власть Грузии и вести с ней переговоры. Без этого немыслимо прекращение войны между грузинами и

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 28, 16 мая 1993 г.
[2] Газ. «Иберия-Спектр», № 81, 8–14 июня 1993 г. С. 14.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 345.

абхазами и восстановление мира и стабильности в Грузии»[1]. Несмотря на подобное заявление, рассматриваемое время было очередным кратковременным периодом перехода звиадистов на сторону официального Тбилиси и участия военных подразделений из Мегрелии в боях в Абхазии. В частности, на Очамчырско-Ткуарчальском направлении за «территориальную целостность» Грузии сражался отряд Л. Кобалия, что, по словам Э. Шеварднадзе, имело «большое политическое, психологическое и моральное значение»[2]. Это примирение, как и все предыдущие, было очень кратковременным, и уже 24 июня тот же Л. Кобалия захватил с. Цаиши Зугдидского района и заявил о готовности идти походом на Тбилиси.

Между тем, встречу 14 мая в Москве можно назвать неким промежуточным финишем в абхазо-грузинской войне. При этом нужно рассматривать все вопросы через призмы интересов, целей и средств трех заинтересованных сторон – Абхазии, Грузии и России – и их трансформаций. Еще на переговорах в Сочи 6–9 апреля российская делегация согласилась вывести свои войска из Грузии до конца 1995 г., а из Абхазии – отказалась. А 5–6 мая последовала абхазо-российская встреча, само проведение которой уже свидетельствовало о признании Москвой за Абхазией некоего более высокого статуса, нежели строптивой, но рядовой автономной единицы целостной Грузии. А в Соглашении от 14 мая говорилось уже о выводе грузинской тяжелой техники из Абхазии. Так что получалось: грош цена «территориальной целостности» Грузии, незыблемость которой поддерживал на словах Б. Ельцин?! Однако необходимо учитывать, что все это была только видимая малая часть айсберга. На самом же деле, Россия никогда не стремилась вывести войска из Грузии: во-первых, некуда было девать те войска, выведенные ранее из других стран; во-вторых, и главное, Россия, несмотря ни на что, не желала уменьшать свой военный потенциал в Ближнем зарубежье. А договор о выводе войск до 1995 г. был подписан, вероятно, с целью пресечения обвинений в экспансионистских намерениях России по отношению к странам, стремившихся к упрочению своей независимости. Причем эти обвинения имели место в Грузии непрерывно, начиная с

[1] Газ. «Иберия-Спектр», № 80, 1–7 июня 1993 г. С. 4.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 25, 3 мая 1993 г.

1988 г., и получали поддержку на Западе. Теперь невывод своих войск из Абхазии Россия могла мотивировать перед Западом миротворческими функциями в грузино-абхазском вооруженном противостоянии. А тогда западное сообщество пока было не готово с открытым забралом ринуться отстаивать свои интересы в Грузии, поскольку Запад, хотя и молчаливо, но все же признавал этот регион, в отличие от Прибалтики[1], сферой влияния и зоной ответственности России. И в Москве прекрасно понимали, что Грузия долго не продержится на демагогии Э. Шеварднадзе о поддержке со стороны мирового сообщества и, в конце концов, она повернется лицом к России. При этом было очевидно, что Абхазия оставалась в руках у России «козырной картой» в борьбе за усмирение слишком уж зазнавшейся Грузии, которая то и дело предпринимала попытки разрешить «абхазский вопрос» без участия «великого северного соседа», и вообще выйти из-под политического контроля Москвы. Политика России сводилась, вероятно, к следующему: если Грузия будет под Россией, то и Абхазия будет в составе Грузии; если же Грузия попытается отойти от России, то и Абхазия может уйти от Грузии, а как это могло быть осуществлено – де-факто или де-юре – вопрос второй. Этот достаточно бесхитростный расклад очень долго и упорно российские политики старались довести до сознания правителей Грузии. Но те не желали понимать этого, при этом периодически шантажируя Россию и обращаясь за поддержкой к Западу. Однако на тот временной промежуток мир уже был поделен, и великие державы только готовились к очередному его витку. Но такие важные события не делаются так быстро, как того желали бы грузинские политики. Очередной виток передела мира тогда начинался на Балканах, что неизменно перекинулось бы и на Кавказ, но для этого требовалось время, а у Грузии ее тогда не было.

Между тем, 18 мая Генеральный секретарь ОНН М. ван В. Прааг прислал письмо на имя Председателя Верховного Совета Абхазии, в кото-

[1] 14 мая, в день переговоров между руководителями России и Грузии в Москве, Эстония была принята в Совет Европы, что, в свою очередь, стало причиной отказа министра иностранных дел России от выступления на сессии Комитета министров Совета Европы в Страсбурге (Газ. «Московские новости», № 21… С. 7А. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-23-maya-1993-goda).

ром предлагал «активизировать поиски путей мирного урегулирования в Абхазии». В ответном послании В. Ардзинба отмечалось о совпадении позиций руководства Абхазии и ОНН. Абхазия со своей стороны предложила посредничество Организации непредставленных народов, которая, по ее мнению, была хорошо информирована о ситуации здесь и в силу этого пользуется доверием. Спецпредставитель Генсека ООН Э. Бруннер чуть позже согласился на это, хотя и без особого энтузиазма, подчеркнув, что ОНН – это неправительственная организация[1]. А за день до этого, 17 мая, было создано Министерство иностранных дел Республики Абхазия – ведомство, являющееся атрибутом независимого государства.

Перед приездом очередной миссии ООН грузинский парламент принял постановление о присоединении Грузии к Международной конвенции ООН «О предупреждении преступлений геноцида и наказания за него» (Конвенция от 9 ноября 1948 г), о чем незамедлительно был поставлен в известность Генсек ООН[2]. Этот документ предусматривает: «Статья II. В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: a) убийство членов такой группы; b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Статья III. Наказуемы следующие деяния: a) геноцид; b) заговор с целью совершения геноцида; c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; d) покушение на совершение геноцида; e) соучастие в геноциде»[3]. По этой Конвенции ответственность за преступления в Абхазии должна была нести сама Грузия.

---

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 351.

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 360.

[3] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г.) // http://base.garant.ru/2540376/.

Между тем, 20 мая в Тбилиси прибыл специальный посланник Генерального секретаря ООН Э. Бруннер. Он имел встречу в Тбилиси с Э. Шеварднадзе, Т. Сигуа, А. Кавсадзе, Г. Каркарашвили. Затем в Сухуме с Т. Надарейшвили, с представителями Комитета спасения Абхазии и членами Совета национального единства[1]. Тем временем 21 мая в обращении В. Ардзинба Генеральному секретарю ООН были обозначены магистральные пути развития абхазского государства в послевоенное время. В документе подчеркивалось, что после всего, что произошло, уже будет невозможно вернуться к тому, что было вполне реально до войны. Относительно будущего политического статуса Абхазии в письме ее лидера отмечалось, что «приемлемым для абсолютного большинства жителей республики можно рассматривать следующие варианты: а) нейтральное демилитаризованное государство, чья независимость гарантирована ООН или иной международной организацией; б) суверенное государство под покровительством (опекой) России; в) суверенное государство, состоящее в конфедеративных отношениях с Республикой Грузия (хотя последний вариант теперь будет иметь много противников среди граждан Абхазии – негрузин и вряд ли получит достаточную поддержку на референдуме или опросе). В письме В. Ардзинба Генсеку ООН от 21 мая подчеркивалось о желательности «предоставления лидерам Абхазии возможности выступить в ООН, СБСЕ, Совете Европы или в какой-либо другой организации»[2]. В документе также сообщалось, что «в настоящее время ведется работа над несколькими проектами Конституции Республики Абхазия». И уже в середине июня один из таких проектов, провозглашавший Абхазию «суверенным, демократическим, правовым государством», был опубликован в печати[3].

22 мая из Тбилиси в Гудауту прибыл спецпосланник Генсека ООН Э. Бруннер, который предложил провести встречу противоборствующих сторон под эгидой ООН. В. Ардзинба в беседе с журналистом А. Карауловым по поводу названной встречи отмечал: «Мы, во-первых, внесли соответствующие предложения, они переданы недавно побывавшему у нас представителю, послу по особым поручениям, господину Брун-

[1] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 25.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 347, 349.
[3] Газ. «Бзыбь», № 36, 16 июня 1993 г.

неру. Эти предложения доведены до грузинской и российской сторон, они представляют собой план мирного цивилизованного решения проблемы войны в Абхазии. Они включают в себя, в частности, отвод войск с линии противостояния, затем вывод всех войск с территории Абхазии, введение миротворческих сил, возобновление работы законных органов власти, создание необходимых условий для возвращения людей в места их постоянного проживания и, естественно вопрос, о компенсации того ущерба, который нанесен Абхазии Республикой Грузия»[1]. При этом интересно проиллюстрировать, как это было воспринято Генеральным секретарем ООН. Б. Гали, который позже, говоря об этой встрече Э. Бруннера с В. Ардзинба, заметил, что «абхазская сторона потребовала также политического восстановления власти, которую они считают законной властью Абхазии»[2]. Тогда Э. Бруннер возвратился в Тбилиси, где 24 мая состоялась его встреча со спикером парламента Грузии В. Гогуадзе[3].

Тем временем 21 мая в Гудауту прибыл заместитель министра иностранных дел Б. Пастухов в качестве спецпредставителя президента РФ. Это могло быть свидетельством демонстрации наличия у России серьезных намерений в регионе и решимости Москвы более последовательно защищать и претворять в жизнь свои интересы в зоне конфликта. Наряду с назначением спецпредставителя президента в зоне вооруженного противостояния Россия, по всей видимости, вернулась к некой политике умиротворения или ее видимости, агрессивной Грузии. 24 мая над с. Сакен Гульрипшского района Абхазии был сбит российский вертолет МИ-8, перевозивший гуманитарный груз из Теберды в Ткуарчал. Погибло пять членов экипажа, но официальная Россия отреагировала очень сдержанно. В то же время ВС РФ отказался рассматривать проект документа по поводу претворения в жизнь его же Постановления «О положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии», предложенный на обсуждение депутатом У. Темировым[4]. Москва, несмотря на протесты абхазской стороны и части интеллигенции

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=106

[2] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 26.

[3] «Независимая газета», № 95… С. 3. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-25-maya-1993-goda

[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 28, 16 мая 1993 г.

России[1], продолжала демонстрировать свою готовность заключить всеобъемлющий договор с Грузией. Это тогда, когда в выступлении Б. Ельцина 14 мая недвусмысленно было заявлено о том, что подписание всеобъемлющего договора между Грузией и Россией станет возможным, только если процесс урегулирования в Абхазии «пройдет успешно»[2].

В связи с этим интересно послушать свидетельства В. Ардзинба, который в беседе с российским журналистом А. Карауловым, имея в виду события, последовавшие после подписания коммюнике от 14 мая, отмечал: «Выясняется из уст тех, которые участвуют с грузинской стороны, что во время переговоров обсуждался вопрос о выводе лаборатории Эшерской и что якобы есть такое решение. Кроме того, недавно мне звонил Шеварднадзе и на вопрос о том, когда же начнется, как это и сказано в коммюнике, вывод тяжелой техники с территории Абхазии, он заявил, что этот вопрос должен решаться одновременно с выводом российских войск с территории Абхазии. На мой вопрос «Разве здесь есть какая-то связь?» он сказал: «Да, такая связь есть, мы об этом уже говорили, скоро приедет к нам военная делегация России, и мы этот вопрос решим». И действительно, в последнее время стала поступать информация, что якобы действительно принимается решение о выводе войск с территории Абхазии. Вроде бы есть один уровень переговоров, одна информация, а за этим какая-то другая. Мы, естественно, по этому поводу испытываем большое беспокойство: как же на самом деле? Ведь четкая позиция была заявлена руководством России: пока не будет решена проблема Абхазии, мирное решение этой проблемы, не будет подписан договор с Грузией. Между тем, есть сведения, мы надеемся, что они не достоверные, о том, что действительно готовится подписание этого договора и что прекращение огня фактически необходимо грузинской стороне для создания видимости того, что в Абхазии все пошло к миру и можно уже договор подписывать. Но дело в том, что, подписав этот договор, Грузия получит более 250 миллиардов рублей, она получит экономическую помощь и, главное, получит оружие. Тогда, получив все это, она с новой силой возобновит войну в Абхазии»[3].

---

[1] Песнь мужества. Сухум, 1996. С. 213, 214.

[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 28, 16 мая 1993 г.

[3] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=106

Тогда же усилилась тенденция использования российскими СМИ грузинской терминологии относительно происходивших в Абхазии событий. В связи с этим чуть позже, 8 июня, МИД Абхазии выступило с заявлением, в котором было сказано: «В последнее время под влиянием грузинской пропаганды средства массовой информации России (в частности, телеканал Останкино, программа «Вести»), а вслед за ними и ряд ответственных должностных лиц Российской Федерации, стали употреблять термин «Руководство Абхазии» применительно к т.н. Совету Министров Автономной Республики Абхазия, базирующемуся в оккупированном Сухуме… Вызывает серьезную озабоченность тот факт, что некоторые представители российского руководства и журналисты в силу своей неосведомленности сотрудничают с неконституционными органами власти Абхазии, поощряя, таким образом, беззаконие и безвластие. Если в официальных документах и теле- радиорепортажах о войне в Абхазии и впредь нелегитимное сухумское правительство будет именоваться «руководством Абхазии», а законные органы власти Республики Абхазия – «гудаутской группировкой» и т.п., мы будем вынуждены отказаться от сотрудничества с допускающими подобные высказывания официальными лицами и телерадиокомпаниями»[1].

К тому времени уже имел место инцидент в абхазской части села Аибга, что могло бы вызвать негативную реакцию в некоторых кругах России и подтолкнуть ее к некоторому ужесточению своей позиции. Аибга – небольшое село в верховьях реки Псоу, часть которого расположена на абхазской стороне, а другая – на российской. На абхазской территории села проживало 22 двора, в основном русские. Паспорта у них были российские, прописка – адлерская. Здесь, по сведениям абхазских пограничников, еще с конца 1992 г. скрывались грузинские гвардейцы и мхедрионовцы и их оружие. Абхазский отряд, прибывший в Аибгу в первой половине мая 1993 г., ни грузин, ни оружия не нашел, но вызвал недовольство жителей, которые пожаловались в Сочи. Там были сделаны далеко идущие выводы о том, что если граждане российские, то почему территория не должна быть также российской? Эти претензии тогда были поддержаны и некоторыми московскими политиками. Усугублению ситуации способствовало и то, что после установ-

[1] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/

ления Советской власти ВЦИК постановил, что южная граница России проходит по южной границе ее населенных пунктов, затем появилось Постановление Совета Министров о том, что эта граница проходит по реке Псоу. Начальник Адлерского РОВД А. Дубинский, также сделав многозначительную оговорку на предмет того, что Аибга получает снабжение из России, предложил «сесть за стол переговоров на межправительственном уровне и решить проблему»[1]. Центральная российская пресса также, мягко говоря, не совсем способствовала стабилизации ситуации вокруг Аибги. Она о названных событиях сообщала следующее: «Расположенное высоко в горах, оно оказалось разделенным. Одна половина находится на территории России, другая – на территории Грузии, которую контролируют абхазцы. А все жители села, из обеих половинок, являются российскими гражданами с соответствующей пропиской в паспортах. Так вот, недавно в «свою» половину Аибги заявился вооруженный отряд абхазских ополченцев. Пришли искать оружие, которое якобы спрятали здесь грузины. Оружия не нашли, а вот всех жителей поставили «на уши», устроили стрельбу в воздух и по домашним животным»[2].

Между тем, и та часть с. Аибги, находящаяся по абхазскую сторону р. Псоу, и та – находящаяся на российской стороне, до завоевания этой территории Россией, являлись единой территориальной единицей и составляли одноименную абхазскую горную общину. Это, конечно же, является еще одним дополнительным аргументом в пользу безосновательности претензий грузинских и некоторых российских политиков по поводу территориальной принадлежности левобережной части села Аибга. Тогда проблема была разрешена без лишних нежелательных последствий. К тому же писавшие о ней сочинские газеты дружно относили его не к «пограничным», а к «бытовым» инцидентам[3]. Проблема с. Аибги получила новое звучание во взаимоотношениях России и Абхазии спустя почти 20 лет. Но это – тема, как понятно, для другого разговора.

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», №27, 3 июня 1993 г.

[2] Газ. «Известия», № 96… С. 6. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-25-maya-1993-goda

[3] Газ. «Республика Абхазия», №27, 3 июня 1993 г.

Абхазия стремилась к тому, чтобы ее судьбу не решали без ее участия, и предпринимала военно-политические шаги, направленные на отстаивания своих интересов. Это в сложившихся условиях означало укрепление боеспособности Абхазской армии, ее укомплектование личным и командным состав, создание необходимой инфраструктуры. В связи с тем, что у В. Аршба в начале апреля обострилась болезнь, которая у него развилась в результате ранее полученного им ранения, он вынужден был оставить пост министра обороны Абхазии. 25 апреля постановлением Верховного Совета исполняющим обязанности министра обороны был назначен полковник С. Сосналиев. Позже 21 мая начальником Генерального штаба Вооруженных сил Республики Абхазия был назначен полковник С. Дбар. Тогда же были произведены и другие назначения как в Министерстве обороны, так и во вновь создаваемых и реорганизованных подразделениях Вооруженных сил Республики Абхазия[1]. 23 мая решением Президиума ВС РА и. о. министра обороны С. Сосналиеву и начальнику Генштаба Вооруженных сил Абхазии С. Дбар было присвоено звание генерал-майора[2]. В середине июня были завершены формирования 1-й и 2-й бригад Гумистинского фронта, которыми командовали М. Килба, исполнявший также обязанности командующего Гумистинским фронтом, и Г. Чанба. Одновременно шел процесс создания мощных ударных группировок, пополнения Гумистинского и Восточного фронтов личным составом, вооружением, боевой техникой, усиления тыловых коммуникаций[3].

Тем временем миссия ООН под руководством Э. Бруннера, вернулась в Тбилиси и имела повторную встречу с Э. Шеварднадзе, Т. Сигуа, А. Кавсадзе и представителями дипломатического корпуса. После завершения визита в Грузию и Абхазию миссия имела встречу в Стокгольме с министром иностранных дел Швеции и действовавшим тогда Председателем СБСЕ М. Углас, а также с ее личным представителем И. Дьярмати[4]. После переговоров с представителями СБСЕ Э. Бруннер отправился в Москву, где встретился с А. Козыревым и Б. Пастуховым.

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 186-187

[2] Там же. С. 187.

[3] Там же.

[4] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 25.

Российская сторона полностью одобрила идею безотлагательного размещения в Абхазии ВНООН. Вместе с тем Козырев заявил, что его правительство хотело бы продолжить изучение вопроса о возможном созыве мирной конференции ООН[1]. Тем временем сам Совет Безопасности 26 мая, в день независимости Грузии, рекомендовал Генеральной Ассамблее принять Эритрею в члены Организации Объединенных Наций[2].

Министр обороны Грузии Г. Каркарашвили 27 мая заявил: «Я прекратил войну. Это Ардзинба ее продолжает»[3]. 31 мая парламент Грузии принял очередное постановление о выводе российских войск с территории республики. Спикер парламента Грузии В. Гогуадзе, комментируя это решение, сказал, что оно «не является конфронтацией с Россией и не несет в себе источников какого-либо острого противостояния»[4]. Видимо, вопросы, порожденные этим решением, также обсуждались 2 и 3 июня на встрече заместителя министра обороны Грузии Л. Шарашенидзе с министром обороны России П. Грачевым и начальником Генштаба М. Колесниковым. Во время нее П. Грачев повторил официальную позицию: «Российские вооруженные силы не участвуют в конфликте, а лишь выполняют боевую задачу по охране российских воинских объектов». Что касается предложений повлиять на абхазскую сторону, то П. Грачев посоветовал обращаться с ними в МИД. 3 июня в заявлении военного ведомства Грузии утверждалось, что гарантом выполнения Гудаутой соглашения от 14 мая выступает Россия, но она «не оказывает соответствующего влияния на тех, кто продолжает проливать кровь» [5]. В то же время, в начале июня в российских СМИ вновь появилась информация о том, что на территории Республики Адыгея было задержано несколько российских граждан, завербованных спецслужбами Грузии для сбора военно-политической информации. В специальном заявлении пресс-службы управления Министерства безопасности России по Краснодарскому краю и Министерства безопасности Республики Адыгея, по версии газеты «Известия», говорилось: «Инфор-

[1] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 27.

[2] http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res828.htm

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 367.

[4] «Независимая газета», № 102… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-iyunya-1993-goda

[5] Газ. «Коммерсантъ», № 104, 4 июня 1993 г.

мационно-разведывательная служба Грузии принуждает к негласному сотрудничеству российских граждан, оказавшихся после начала вооруженного грузино-абхазского конфликта на территории Абхазии, контролируемой грузинской стороной. Перед завербованными ставились задачи по сбору в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации и передаче спецслужбам Грузии разведывательной информации о национальных движениях и общественных организациях, а также их лидерах и прочие сведения»[1]. «Независимая газета» в номере за тот же день передала эту же информацию, снабдив ее некоторыми уточнениями: «Перед завербованными ставились задачи по сбору в Северо-Кавказском регионе РФ и передаче в ИРС Грузии информации военно-политического характера, а также сведений о национальных движениях и общественных организациях Северного Кавказа и их лидерах. Как сообщили в пресс-службе управления Министерства безопасности РФ по Краснодарскому краю, факты вербовки агентов спецслужбами Грузии зафиксированы и на территории Краснодарского края»[2].

Тем временем 3 июня в грузинском посольстве в Москве состоялась пресс-конференция В. Адвадзе и Л. Шарашенидзе. Последний представил журналистам «список, в котором зафиксированы десятки нарушений абхазской стороной договоренности о прекращении огня, вступившей в силу 20 мая»[3]. 7 июня Э. Шеварднадзе, находясь в Сухуме, заявил о необходимости не только «достойно выйти из этой войны», но и «победить в борьбе за мировое общественное мнение»[4]. Видимо, под влиянием этих и подобных заявлений тогда Генеральный секретарь ООН Б. Гали сообщил, что «перемирие нарушила абхазская сторона»[5].

Проблемы, связанные с реализацией договоренностей от 14 мая, также обсуждались в ходе визита 9 июня в Грузию министров иностранных дел и безопасности России А. Козырева и В. Баранникова. Российские министры побывали не только в Тбилиси, где встретились с

[1] Газ. «Известия», № 102… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-iyunya-1993-goda

[2] «Независимая газета», № 101… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-iyunya-1993-goda

[3] Газ. «Коммерсантъ», № 104, 4 июня 1993 г.

[4] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 17 июня 1993 г.

[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 394.

Э. Шеварднадзе, но и в Сухуме и Гудауте. Наблюдатели отмечали, что визит состоялся ровно через неделю после того, как Грузия обратилась к России с просьбой повлиять на абхазов и не допустить срыва соглашения о прекращении огня на грузино-абхазском фронте[1]. В ходе своего вояжа А. Козырев заявил, что впредь позиция России «будет жесткой, и отношения с обеими сторонами будут зависеть от их готовности пойти по пути мирного урегулирования»[2]. Во время встречи с российским коллегой А. Чикваидзе передал ему постановление парламента Грузии, предусматривавшего немедленный вывод дислоцированных в Грузии российских воинских частей[3]. Э. Шеварднадзе и А. Козырев после приватной встречи, длившейся полтора часа, и пленарного заседания с участием всех членов делегации, выразили удовлетворение результатами переговоров. Сразу же после встречи с Козыревым глава грузинского государства заявил, что подписание всеобъемлющего договора о дружбе и сотрудничестве с Россией является вопросом жизни для Грузии. Если парламент будет упорствовать и оттягивать заключение этого договора, Шеварднадзе отметил, что он оставляет за собой право настаивать на проведении референдума[4].

Из Тбилиси А. Козырев прибыл в оккупированный Сухум, где заявил: «Будут гарантированы целостность Грузии и права Абхазии. Россия больше не может переносить кровопролитие. Мы не допустим гибели людей и новых разрушений». Он также сообщил, что намерен «настаивать, чтобы и грузинская, и абхазская стороны подтвердили полные гарантии перемирия»[5]. Говоря о переговорах А. Козырева в Сухуме, руководитель пресс-службы парламента Грузии Р. Челидзе сказал, что разговор был резким настолько, что порой «выходил за дипломатические рамки»[6].

Из Сухума А. Козырев прибыл в Гудауту, где состоялась его встреча с руководством Абхазии. У сторон наблюдались различные подходы к

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 108, 10 июня 1993 г.

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 109, 11 июня 1993 г.

[3] Грузинское радио. 30 июня 1993 г. 8. 00. л. 2.

[4] Газ. «Известия», № 109… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-11-iyunya-1993-goda

[5] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 362.

[6] Газ. «Коммерсантъ», № 109, 11 июня 1993 г.

проблеме урегулирования грузино-абхазского противостояния. В частности, вопрос прекращения огня руководитель внешнеполитического ведомства России не рассматривал в контексте с последующим выводом грузинских войск с территории Абхазии. А позиция руководства Абхазии оставалась прежней – прекращение огня и вывод грузинских войск с территории республики[1]. План А. Козырева также не предусматривал возвращения в Сухум законных органов власти, отсюда можно заключить, что он преследовал единственную цель – консервацию сложившейся к тому времени ситуацию в абхазо-грузинской войне. Заместитель Председателя Верховного Совета Абхазии С. Джинджолия, принимавший участие в названных переговорах с Козыревым, вспоминает: «Козырев в разговоре произнес буквально такую фразу: «Предупреждаю вас о недопустимости попыток территориальных приобретений». А Владислав Григорьевич буквально взорвался: «Какие территориальные приобретения? Мы идем освобождать свою территорию, свою землю. А вы говорите о территориальных приобретениях»[2].

Позже, в конце июня, В. Ардзинба, комментируя жесткую позицию российского министра иностранных дел, отмечал: «Насколько я понимаю, г-н Козырев должен заниматься международными делами России. Пусть он этим и занимается. Вопрос о том, какая у нас будет форма государственности – это вопрос не господина Козырева, это вопрос народа Абхазии. Мы и только мы будем определять и форму нашей государственности, и вопросы взаимоотношений с соседями»[3]. С политикой давления Москвы на Абхазию была не согласна и Конфедерация народов Кавказа, которая выразила недовольство и позицией руководителей республик Северного Кавказа, по мнению КНК, «оказывающихся зачастую безучастными в решении судьбы руководимых ими народов». В Заявлении председателя парламента и президента КНК Ю. Сосламбекова и Ю. Шанибова от 12 июня говорилось: «Вхождение народов и республик в состав РФ оправдано до тех пор, пока российское руководство защищает их интересы и выступает гарантом стабильности обстановки в регионе. В этой связи КНК заявляет о своей твердой ре-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 28, 10 июня 1993 г.
[2] Интервью О. Дубинской с С. Джинджолия. Сухум, 2010 г.
[3] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.

шимости принять все меры для освобождения Абхазии и защиты прав народов Северного Кавказа и Южной Осетии от посягательств со стороны агрессивной политики, проводимой правящими кругами Грузии и других стран»[1].

Позже, 5 июля, уже в ходе июльского наступления профессор Л. Алексидзе, комментируя жесткие заявления А. Козырева, сказал, что они были адресованы абхазской стороне, потому что, по его мнению, «все хорошо знают, кто должен быть наказан, и что Генсек ООН на заседании Совета Безопасности высказал мнение относительно невозможности наказания Грузии, которая ничего не делает, на которую, наоборот, нападают в Сухуме, Очамчыре»[2]. Т. Надарейшвили, комментируя визит и его позицию во время переговоров в Грузии и Абхазии, сказал: «Единственная цель А. Козырева – это прекращение огня в Абхазии. А остальное – как жить дальше, каков будет механизм взаимоотношений между грузинами и абхазами – это внутреннее дело страны, это решать грузинам и абхазам. Должна быть восстановлена граница между Россией и Грузией, на которой должны стоять российские пограничники». Т. Надарейшвили сообщил, что будут созданы рабочие группы, куда войдут и грузины и абхазы, но никакие переговоры он лично с Ардзинба вести был не намерен. Если будет так, то он пошлет на переговоры своего личного представителя, а сам в Гудауту не поедет, потому что Ардзинба – государственный преступник, и в отношении него возбуждено уголовное дело. Надарейшвили также заявил: «Ардзинба хочет установить границу с Грузией по реке Ингури, ибо он – ненормальный человек»[3]. Сам Ардзинба примерно тогда же, отвечая на замечание о том, что «Грузия никогда не согласится с тем, что Абхазия перестанет быть частью ее территории», сказал: «Когда-то то же самое говорили о Советском Союзе, но, к сожалению, как вы знаете, имеем дело с совершенно иной реальностью. Должен вам сказать, что многие республики, которые стали сегодня суверенными государствами, в тот период, когда Абхазия была Советской Социалистической Республикой, были

[1] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 244-245.

[2] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 59.

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 375-77.

автономными областями, автономными республиками... Тогда, может быть, нельзя предположить, что так произойдет. Я думаю, что и здесь это закономерный процесс»[1].

В то время по предложению главы Грузии в ООН обсуждалась проблема направления международных наблюдателей в Абхазию. В связи с этим 10 июня МИД Абхазии выступил с заявлением, в котором говорилось: «Направление наблюдателей ООН в Абхазию может быть осуществлено с согласия обеих сторон, участвующих в вооруженном конфликте. Такого согласия руководство Республики Абхазия не давало. Подобный дипломатический маневр понадобился Э. Шеварднадзе с целью создания благоприятного фона для заключения договора с Россией и обмана мировой общественности, будто он ищет пути мирного решения проблемы грузино-абхазской войны, но абхазская сторона якобы не желает прекращения огня… Пока Грузия не даст принципиального согласия на вывод своих войск с территории Абхазии, присутствие здесь наблюдателей ООН бессмысленно и есть не что иное, как продолжение войны под эгидой этой международной организации. Руководство Республики Абхазия еще раз подтверждает свою готовность сотрудничать с любой международной организацией, в том числе ООН, которая будет вносить реальный вклад в прекращение войны и защиту права народа Абхазии на самоопределение»[2]. 15 июня в Вене на встрече с Генеральным секретарем Б. Гали и Э. Бруннером А. Козырев заявил, что «на данном этапе у его правительства имеются серьезные оговорки в отношении мирной конференции Организации Объединенных Наций по конфликту в Абхазии»[3]. Между тем, начались трехсторонние российско-грузино-абхазские переговоры, в ходе которых 18 июня была достигнута договоренность о создании смешанных групп по урегулированию «конфликта»[4].

18 июня Т. Надарейшвили предложил депутатам приехать в Сухум и провести там выездную сессию грузинского парламента. При этом за безопасность депутатов он ручался. Глава оккупационных властей

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=106
[2] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/
[3] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 27.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 390.

Абхазии сообщил парламентариям: «Сухум разрушен, как Сталинград, и положение в нем критическое. Не хватает оружия, боеприпасов, обмундирования. Поэтому необходимо перевести некоторые заводы Тбилиси, Кутаиси, Зугдиди на военный лад. Необходимо ускорить подписание российско-грузинского договора, вернуть Гагру и установить границу по реке Псоу»[1]. Однако уже 22 июня Т. Надарейшвили в очередной раз обвинил российские войска в Абхазии в подготовке наступления на Сухум. В ответ на это командующий оперативной группой войск РФ в Абхазии А. Чиндаров заявил: «Это не первое высказывание грузинского политика, в котором он пытается переложить ответственность за возможное обострение ситуации на российскую сторону. В каких только грехах не обвиняли войска России. Однако ни одно подобное утверждение не подтверждено достоверными фактами. Я хочу еще раз заявить, что части российских войск, дислоцированных в Абхазии, придерживаются строгого нейтралитета и не позволят ни одной из сторон втянуть себя в этот конфликт»[2].

Вместе с тем, 19 июня Государственный комитет РФ по делам Федерации и национальностей сделал заявление, в котором по существу обвинил абхазскую сторону в эскалации конфликта. В документе «единственным разумным выходом» из создавшейся ситуации было названо вхождение Абхазии и Юго-Осетии в состав «целостного грузинского государства» в качестве автономных образований[3]. 25 июня МИД РА в связи с этим выступил с заявлением и назвал это «очередной попыткой прикрыть формальной федерацией решение вопроса о нашей судьбе за нашей спиной»[4].

Тем временем глава Грузии также был намерен «достойно» завершить войну в Абхазии и с этой целью искал все новых и новых союзников, во всяком случае, предпринимал попытки. В это время, видимо, предчувствуя наступление некоего момента истины в вооруженном противостоянии с Абхазией, Э. Шеварднадзе развил бурную диплома-

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 392-393.

[2] Заявление командующего Оперативной группы войск РФ в Абхазии. 22 июня 1993 г. л. 1.

[3] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 247, 248.

[4] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/

тическую деятельность с целью убедить страны Запада оказать Грузии военно-политическую поддержку. Однако Грузия нуждалась не только в военно-политической поддержке. 16 июня состоялось очередное заседание чрезвычайного совета при главе государства, где Э. Шеварднадзе заявил, что «стране грозит голод»[1]. Забегая вперед, скажу, что проблему голода временно он решил в ходе своего визита в Европу. Но сам визит при определенных политических раскладах мог не состояться. Накануне в связи с осложнением внутриполитической ситуации в Грузии 18 июня Э. Шеварднадзе заявил, что если парламент выразит ему недоверие, то он отменит свою поездку в Германию, в НАТО[2]. Но парламентарии выражать недоверие ему не стали, и он отправился в турне по Европе.

Тогда Э. Шеварднадзе выступал в штаб-квартире НАТО в Брюсселе и встречался с главнокомандующим объединенными Вооруженными силами НАТО в Европе Д. Шаликашвили и Генеральным секретарем НАТО М. Вернером. На заседании Совета НАТО Э. Шеварднадзе так закончил свое выступление: «Сейчас, когда я убежден в том, что ответственность НАТО за безопасность и мир в Европе гораздо больше, чем раньше, просим расположить нас в сферу своего влияния»[3]. Некоторые наблюдатели квалифицировали это выступление как просьбу принять активное участие в разрешении конфликта между грузинами и абхазами[4]. В свою очередь М. Вернер заявил, что его организация со всей серьезностью рассмотрит вопрос о помощи в урегулировании абхазского конфликта[5]. 22 июня в Брюсселе Э. Шеварднадзе во время встречи с Э. Брунером «настоятельно призвал немедленно направить ВНООН с целью размещения их в контролируемом правительством районе Абхазии»[6]. По данным грузинского радио, озвученным чуть позже, «Шеварднадзе и Вернер пришли к согласию об активном участии НАТО в урегулиро-

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 406.

[2] Там же. С. 391-392.

[3] Грузинское радио. Интервью Шеварднадзе. 28 июня 1993 г. л. 2.

[4] Коппитерс Б. «Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях» // http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/coppieters1.htm.

[5] Газ. «Известия», № 119… С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-29-iyunya-1993-goda

[6] Документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Часть 2(1). Сухум, С. 27.

вании грузино-абхазского конфликта»[1]. Сам глава Грузии, комментируя итоги своего визита в Европу и возможную трансформацию политики НАТО в регионе, отметил: «Сфера внимания означает определенную помощь, но это пусть никто не понимает таким образом, что НАТО готово сейчас же ввести сюда войска и создать свои базы в Грузии и на Кавказе. Для этого НАТО не готово, и мы не должны требовать этого от него»[2]. Тем временем в Бельгии был создан фонд Шеварднадзе. Сам глава Грузии, комментируя это, сказал: «Я не могу сказать, что этот фонд будет иметь большое будущее, но друзья нашей страны решили создать этот фонд, и он будет служить подготовке грузинской молодежи в вузах различных стран»[3].

23 июня Э. Шеварднадзе начал визит в Германию, в ходе которого была подписана Декларация об основах межгосударственного сотрудничества между ФРГ и Грузией. С этого момента Германия начала оказывать Грузии существенную экономическую помощь[4]. В ходе визита были подготовлены 8 проектов двусторонних политических соглашений и блок экономических документов[5]. По возвращении в Тбилиси Э. Шеварднадзе назвал свой визит «большим визитом». Он так считал, потому что: «В Германии г-н Коль сказал нам, что не будет проблемы об объеме помощи, если мы представим проекты. 20 млн. марок было выделено как помощь, чтобы как-то снять проблему голода, и к этому еще 30 млн. – для преодоления результатов стихийных бедствий и еще 10 млн. марок в виде гуманитарной помощи. И я послал письмо в евро-объединение о выделении 70-80 млн. экю, и канцлер обещал мне, что там велика доля Германии, почти 70-80%, и сам лично займется этим вопросом»[6]. Канцлер Г. Коль во время встречи в Бонне также обещал содействовать выделению кредита Грузии в рамках встречи «большой

---

[1] «Независимая газета», № 118… С. 3. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1993-goda

[2] Грузинское радио. Интервью Шеварднадзе. 28 июня 1993 г. л. 3.

[3] Грузинское радио. Интервью Шеварднадзе. 28 июня 1993 г. л. 5.

[4] Комиссина И. Н. Грузия и Западная Европа: курс на интеграцию // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 1. М., 2001. С. 255.

[5] «Независимая газета», № 118… С. 3. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1993-goda

[6] Грузинское телевидение. 26 июня 1993г. л. 1.

семерки» в Токио[1], которая должна была начаться 7 июля. Судя по всему, глава Грузии очень рассчитывал на своего германского коллегу по созданию «общеевропейского дома». Грузинское радио сообщило, что Шеварднадзе на встрече с Колем поставил вопрос о вводе «голубых касок» в Абхазию[2]. Вечером 26 июня по грузинскому телевидению Шеварднадзе, комментируя переговоры в Германии, заявил: «Думаю, что результаты наших переговоров должны повлиять на наши взаимоотношения с Россией… Скоро собирается большая семерка, и там будет серьезный разговор о конфликтах, в том числе и об абхазском. В том, что там поддержат Грузию в этом главном вопросе, я получил гарантию»[3]. Кроме всего прочего, во время этого визита главе Грузии вручили премию И. Канта за вклад в развитие мира[4]. Именно в те дни было сообщено, что в виде помощи Турция предоставит Грузии 50 тыс. тонн зерна. Тогда 1300 тонн муки из Турции было доставлено в порт Батуми. По этому поводу до выезда в Бельгию и Германию Шеварднадзе послал письмо президенту С. Демирелю[5]. Причем в это время в Аджарии находился посол США в Грузии К. Браун с сопровождающими лицами «для ознакомления с автономной республикой[6]. Ранее в Турции побывали грузинские парламентарии во главе с В. Гогуадзе, где участвовали на совещании представителей государств Черноморского региона[7].

В названном интервью грузинскому радио 26 июня Шеварднадзе, сообщив, что «нельзя прекращать диалог с Россией», поведал следующее: «В эти дни я включусь в этот процесс. Конечно, переживаю то, что происходит, даже собирался прервать визит в Германию, прибыть сюда из-за бомбардировки Сухуми, но потом посовещался с коллегами в Германии и с теми, кто там остался, я думаю, было бы нехорошо, если бы прервал визит»[8]. Глава Грузии имел в виду обстрел Сухума, по поводу

[1] Газ. «Известия», № 119… С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-29-iyunya-1993-goda

[2] «Независимая газета», № 118… С. 3. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1993-goda

[3] Грузинское телевидение. 26 июня 1993г. л. 1.

[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 412.

[5] Грузинское радио. 26 июня 1993 г. л. 3.

[6] Там же.

[7] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 403.

[8] Грузинское телевидение. 26 июня 1993г. л. 1.

которого в тот же день грузинский парламент принял обращение к Генеральному секретарю ООН, президенту России и ее Верховному Совету, в котором содержалось требование к Москве выполнить взятые ею обязательства по контролю над прекращением огня[1]. В ответном заявлении пресс-службы Генсека ООН Б. Гали выражалось беспокойство по поводу того, что «абхазские силы продолжают каждодневную бомбежку грузинского г. Сухуми»[2]. МИД Абхазии 30 июня выступило с заявлением, в котором прокомментировало названный документ: «Вызывает, по меньшей мере, удивление мгновенная реакция Генерального секретаря ООН господина Б. Гали на очередную пропагандистскую шумиху грузинского руководства по поводу обстрела г. Сухума. При этом уважаемый Генеральный секретарь ООН в своем заявлении называет г. Сухум грузинским городом. Тогда как г. Сухум, оккупированный грузинскими войсками, является столицей Республики Абхазия»[3].

На заседании грузинского парламента 24 июня также парламентарии обсуждали абхазский вопрос. Депутаты говорили и о необходимости объявить в Грузии всеобщую мобилизацию и ввести чрезвычайное положение. Превалировала мысль, что если мирные пути ничего не дают, то следует прибегнуть к военным программам. Бывший министр внутренних дел Абхазии Г. Ломинадзе сказал: «Грузия воюет не с Россией, как это преподносят многие местные политики, а именно с группой абхазских сепаратистов. Между прочим, наши войска вооружены тоже не израильским или американским оружием». По-другому думал лидер радикалов И. Церетели: «Наш враг не Ардзинба, а Россия». Разногласия среди депутатов были столь острыми, что обсуждения порой переходили в личные оскорбления, и спикер Гогуадзе был вынужден распорядиться о прекращении прямой трансляции. Было решено возобновить обсуждение абхазского вопроса в 12 часов дня 25 июня[4].

На названном заседании парламента выступил вернувшийся из Москвы, где проходили грузино-абхазские переговоры, личный полно-

[1] Газ. «Известия», № 118… С. 1, 2. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1993-goda

[2] Грузинское радио. 27 июня 1993 г. 9.00. л. 2.

[3] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/

[4] «Независимая газета», № 118… С. 3. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1993-goda

мочный представитель главы государства по Абхазии А. Кавсадзе. По его словам, переговоры были прекращены в связи с тем, что представители Гудауты отказались принять предложение Тбилиси немедленно подписать соглашение о прекращении огня. Отказ абхазская сторона объяснила своим стремлением приступить к выработке механизма урегулирования в целом[1]. Дело в том, что Абхазия выступала не за прекращение огня, а за прекращение войны и поэтому считала, что подписывать очередной протокол о приостановлении боевых действий бессмысленным, т. к. без политических гарантий вывода грузинских войск из Абхазии война не могла быть завершена, поскольку их наличие здесь и являлось основным конфликтогенным фактором. Действительно, 25 июня московские трехсторонние переговоры окончились безрезультатно[2].

После обстрела Сухума 24 июня в тот же день Т. Надарейшвили заявил по грузинскому телевидению, что исчерпаны все надежды на мирное урегулирование конфликта и что он отдал приказ командованию второго армейского корпуса принять адекватные меры в отношении городов Ткуарчал и Гудаута с применением всех имеющихся в распоряжении грузинской стороны средств[3]. Однако военные не выполнили приказ. Как заявил начальник штаба ВС Грузии А. Цкитишвили, Надарейшвили превысил свою компетенцию, поскольку в тот момент в Сухуме находился министр обороны Г. Каркарашвили, который посчитал такие действия нецелесообразными[4]. Это обстоятельство привело к трениям между оккупационными властями Абхазии и грузинским военным руководством, которые затем пришлось сглаживать самому Э. Шеварднадзе. Однако министр обороны Грузии посчитал «нецелесообразными те «адекватные меры», предлагавшиеся Т. Надарейшвили, а был уязвлен тем, что приказ о названных действиях был отдан без согласования с ним, т. е. без учета субординации. Об этом свиде-

[1] «Независимая газета», № 118… С. 3. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1993-goda

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 412.

[3] Газ. «Известия», № 118… С. 2. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-26-iyunya-1993-goda

[4] Газ. «Известия», № 119… С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-29-iyunya-1993-goda

тельствуют последовавшие события. Уже вечером 25 июня «абхазское» телевидение передало следующее заявление Г. Каркарашвили: «Если абхазская сторона не прекратит обстрел Сухума и начнет его штурм, мы дадим такой ответ, что это навсегда войдет в историю абхазского народа. Если даже абхазам на время удастся взять верх, мы никогда не уступим»[1]. Видимо, чтобы укрепить эту «убежденность», 26 июня в Сухум прибыли В. Гогуадзе и другие члены парламента[2].

Тем временем из Германии Э. Шеварднадзе 26 июня совершил визит в Киев, в ходе которого также было подписано межгосударственное соглашение. Комментируя этот визит, глава Грузии подчеркнул, что встреча с Кравчуком была обусловлена особыми взаимоотношениями стран. На встрече обсуждался вопрос миссии Украины в урегулировании ситуации в Абхазии. Э. Шеварднадзе по этому поводу отметил: «Мы вместе ищем выход из этого кризисного явления. Такие вопросы волнуют и Украину, и надо найти выход без войны и кровопролития»[3]. 26 июня МИД РА заявило: «Руководство Республики Абхазия разделяет обоснованное беспокойство Правительства Российской Федерации по поводу продолжающихся обстрелов населенных пунктов Абхазии, ведущих к эскалации боевых действий... При этом Грузия взывает к мировому сообществу с просьбой защитить четырехмиллионный грузинский народ от 100-тысячного абхазского народа. Именно с целью получения необходимой помощи для успешного ведения войны в Абхазии были осуществлены последние визиты Э. Шеварднадзе, включая встречу в Киеве с президентом Украины Л. Кравчуком, на которой, по сообщению грузинского радио, шел «разговор о выполнении грузино-украинского соглашения, о сложившейся ситуации в Абхазии и о миссии Украины в урегулировании этого конфликта»[4].

Тем временем утром 27 июня США нанесли ракетный удар по Багдаду. А через несколько часов после этого Москва полностью поддержала действия американской администрации. Вначале с коротким заявлением выступило Министерство иностранных дел, а вслед за тем, разъ-

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 413.
[2] Там же. С. 416.
[3] Грузинское радио. Интервью Шеварднадзе. 28 июня 1993 г. л 4.
[4] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/

ясняя позицию Кремля, постоянный представитель России при ООН Ю. Воронцов сказал на заседании Совета Безопасности в Нью-Йорке, что «по мнению российского руководства, действия США оправданы, поскольку вытекают из права государства на самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН»[1]. Вечером 27 июня по завершении своей поездки по Европе Э. Шеварднадзе вылетел в Сухум, где встретился с военным и политическим руководством региона, и, по-видимому, главной его целью было уладить трения, возникшие между военным командованием и Т. Надарейшвили[2], о которых говорилось чуть выше.

28 июня Э. Шеварднадзе, комментируя итоги своего визита в Европу, отметил: «Сам по себе тот факт, что происходит трансформация этой организации в одну из значительнейших гарантий мира с политической и военной точек зрения, это входит в наши интересы. И то высокое внимание, которое они уделили грузинской делегации, и те деловые разговоры, которые произошли, говорит о том, что НАТО заинтересовано в Кавказе и конкретно в возрождении Грузии. Я должен вам сказать, что это не противоречит интересам России»[3]. Однако, судя по всему, в самой России не были согласны с последним тезисом Э. Шеварднадзе. По словам посла Грузии в России В. Адвадзе, «российская пресса не выразила большого энтузиазма по поводу визита Шеварднадзе в Европу, немного даже раздражена»[4]. Свое отношение к этим визитам высказал и Т. Надарейшвили. На заседании парламента 29 июня он сказал: «Сегодня у Грузии есть авторитет в мире. На высшем уровне были проведены визиты в Турцию, Китай, Казахстан, Украину, Германию. Но Россия имеет свое место. Те соглашения, которые сегодня заключаются, результаты дадут лишь через два года, а из России результаты можем получить реально. Я не знаю в мире страну, которая, как бы не уважала Грузию, из-за нее обидит Россию. Мы же систематически, извините, как моська, лаем на этого большого слона, который может в любое время нас

[1] Газ. «Известия», № 119… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-29-iyunya-1993-goda

[2] Газ. «Известия», № 119… С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-29-iyunya-1993-goda

[3] Грузинское радио. Интервью Шеварднадзе. 28 июня 1993 г. л. 3.

[4] Грузинское радио. 29 июня 1993 г. 8. 00. лл. 1-1 об.

раздавить»[1]. На первый взгляд, можно было воскликнуть: Надарейшвили подменили. Однако он говорил не о развороте в сторону России вообще, а всего лишь о выгодах для Грузии от «временной дружбы» с Москвой.

Между тем, в названном заявлении Министерства иностранных дел РА от 25 июня было сказано, что «продолжение войны, прежде всего, не в наших интересах, но мы не хотим, чтобы нам навязали такой мир, который обернется для нас тихим удушением и сбросит абхазский народ в пропасть истории»[2]. А сам абхазский народ за пять дней до этого, 20 июня, заявил: «Мы за вывод оккупационных войск Грузии из Абхазии…, за то, чтобы Абхазия была Абхазией, а не колонией Грузии»[3]. Таким образом, абхазский народ высказался против того, чтобы он был «сброшен в пропасть истории», а этого можно было не допустить только единственным путем – отстояв свободу и независимость Абхазии.

[1] Газ. «За наше Отечество», №5, 2 июля 1993 г.
[2] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 30, 24 июня 1993 г.

∾ РАЗДЕЛ 5. ∾

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

1. Июльское наступление

Позиции воевавших в Абхазии сторон оставались диаметрально противоположными, и к рассматриваемому временному отрезку надежды на мирный исход войны становились мизерными. Законные власти Абхазии не могли функционировать вечно в изгнании. Хотя Гудаута – один из городов Абхазии, но центральные органы страны должны были работать в столице государства. А при сложившихся тогда условиях законные власти Абхазии могли вернуться в свою столицу только путем изгнания из нее агрессоров, поскольку о добровольном выводе грузинских войск не было и речи. Все это, безусловно, вело к усилению военно-политического противостояния и ужесточению боевых действий на фронтах абхазо-грузинской войны.

В период прекращения огня, договоренность о котором была достигнута в ходе московской встречи 14 мая, грузинская сторона не вывела тяжелую военную технику из зоны боевых действий. Более того, как уже говорилось, она использовала соглашение для перегруппировки сил, наращивания боевой техники и войск на линии противостояния, строительства новых укрепительных сооружений. На оккупированной территории Абхазии продолжались этническая чистка и политика геноцида. В то же время мировой общественности внушалась мысль о том, что якобы российские войска принимают участие в войне против Грузии. О стратегии грузинского руководства свидетельствовал и факт

его отказа от рассмотрения на трехсторонних переговорах плана прекращения войны, предложенного тогда абхазской стороной[1].

Во всем этом просматривалась решимость официальных властей Тбилиси довести войну с Абхазией до победного конца. Учитывая указанное обстоятельство, сход абхазского народа в с. Лыхны 20 июня потребовал от Верховного Совета и правительства Абхазии «не идти на поводу половинчатых решений нашего вопроса, ибо оно может привести к трагическим последствиям для народа Абхазии»[2]. А в конце июня председатель т. н. Совета обороны Абхазии Т. Надарейшвили выехал в Тбилиси, чтобы «предупредить власти Грузии о возможности начала нового абхазского наступления на Сухум»[3]. Видимо, ответом на это предупреждение стал приезд 27 июня Э. Шеварднадзе в оккупированную абхазскую столицу, чтобы, по его словам, в случае чего возглавить оборону города[4]. Таким образом, Грузия в очередной раз подтвердила, что она не собиралась выводить свои войска из Абхазии. Напротив, делалось все для поднятия боевого духа личного состава грузинской армии, задействованного в войне. Именно эту цель, в первую очередь, преследовал визит главы Грузии в Сухум, которому предшествовал его вояж по западным странам, где он добивался всевозможной, в том числе военной, поддержки в противостоянии с абхазами. В этом, можно сказать, он медленно, но продвигался вперед.

1 июля 1993 г. Генсек ООН Б. Гали выступил с докладом, в котором с учетом неоднократных просьб правительства Грузии рекомендовал Совету Безопасности разместить в Абхазии в районах Сухума и Очамчыры группу военных наблюдателей ООН в количестве 50 человек под командованием Главного военного наблюдателя в звании бригадного генерала[5]. Осуществление этого предложения в контексте позиции ООН по отношению к войне означало, в лучшем случае, консервацию ситуации, а не ее разрешение.

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 31, 1 июля 1993 г.

[2] Газ. «Республика Абхазия», № 30, 24 июня 1993 г.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 67.

[4] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 298.

[5] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 311.

В таких условиях Абхазия, окончательно убедившись в отсутствии иного пути решения взаимоотношений с Грузией, вынуждена была добиваться справедливости адекватными средствами и также переключиться на силовые методы разрешения противоречий с Грузией. В начале июля 1993 г. абхазская армия предприняла военную операцию по освобождению Сухума и всей оккупированной части страны. В отличие от предшествовавших операций, она не стала краткосрочной и вошла в историю под названием «Июльское наступление». Оно началось в ночь с 1 на 2 июля с высадки морского десанта в районе с. Тамыш. Десант, соединившись с подразделениями Восточного фронта, перекрыл трассу, ведущую в Сухум в радиусе 10 км, не давая грузинской стороне возможности в течение 7 дней перебросить подкрепления в оккупированную абхазскую столицу.

Начало наступления совпало с очередным раундом русско-грузинских переговоров по выработке большого рамочного договора. Это совпадение уже по традиции не могло не послужить поводом для спекуляций грузинской стороны. По истечении немалого количества времени, уже после войны, на одном из грузинских сайтов в Интернете был помещен очерк В. Чертинова под красноречивым названием «Наказанная Грузия». В нем говорилось: «2 июля 1993 г. опять-таки в момент очередных грузино-российских переговоров в Очамчирском районе Абхазии с военных кораблей Черноморского флота был высажен десант, состоявший наполовину (опять-таки судя по трупам, которых насчитали порядка тысячи) из российских наемников, боевиков батальона «Днестр» и офицеров 14-й армии, находящихся в отпусках»[1].

Это сообщение изобилует неточностями. Во-первых, никаких кораблей Черноморского флота в операции не было задействовано. Высадка десанта была осуществлена двумя баржами ВМФ Абхазии. Во-вторых, никаких «российских наемников», «боевиков батальона «Днестр» и «офицеров 14-й армии» в составе десанта не было и не могло быть. На абхазской стороне вообще не было наемников, а десант состоял из бойцов Абхазской армии, в рядах которой сражались добровольцы из Северного Кавказа, различных уголков бывшего Советского Союза и

[1] Чертинов В. Наказанная Грузия //http://abkhazeti.info/war/20060126444-6893119906.php

представители зарубежной абхазской диаспоры. В-третьих, что касается трупов, «которых насчитали порядка тысячи», – то это просто блеф. Десант всего состоял из 300 бойцов, который, к тому же, высадился без единой потери[1]. В ходе боев по удержанию захваченного коридора десант и подразделения Восточного фронта потеряли 58 человек убитыми и около 200 ранеными[2]. Во всей же Июльской операции и на Восточном, и на Гумистинском фронтах абхазская сторона потеряла 400 воинов, более 80% из которых были абхазами[3]. Таким образом, вышеприведенная выдержка из грузинского сайта является ничем иным, как сплошной выдумкой, направленной на идеологическое обоснование военной неудачи грузинской армии. Грузинский историк З. Папаскири, также преследуя цель обвинить в поражении грузинской армии в июле 1993 г. российские войска, пишет: «2 июля в районе с. Тамыш была осуществлена высадка десанта, основной костяк которого составляли вооруженные до зубов российские спецназовцы»[4]. О том, что российские спецназовцы, равно как и другие подразделения российской армии, не участвовали и не могли участвовать в названной военной операции Абхазской армии, говорилось выше. Удивляет недовольство названного автора по поводу того, что десант был вооружен, – в конце концов, он шел не на прогулку, а высаживался в тыл противника.

2 июля Э. Шеварднадзе в связи с событиями в Абхазии обратился к грузинскому народу, в котором, в частности, говорилось: «Я обращаюсь ко всем гражданам, которые по разным причинам взялись за оружие, забыть противостояния и обиды, помириться и мирно жить вместе, бороться вместе за территориальную целостность Грузии, за совместное урегулирование абхазского конфликта, за будущее благосостояние Грузии»[5]. Событиям в Абхазии было посвящено и экстренное заседание парламента, состоявшееся 2 июля. На нем Э. Шеварднадзе сообщил, что собирается вылететь в Сухум, чтобы на месте разобраться с ситуацией и наметить конкретные меры военного характера. Парламентарии

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 33, 15 июля 1993 г.
[2] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008. С. 27.
[3] Эти данные предоставлены автору военным историком В. Пачулия.
[4] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 442.
[5] Грузинское радио. 2 июля 1993 г. 11. 00. л. 1.

призвали все политические силы Грузии забыть о распрях и объявить всеобщую мобилизацию. На этом же заседании Т. Китовани заявил, что направляется в Очамчиру, чтобы чуть ли не рядовым бойцом встать в ряды грузинской армии[1]. Э. Шеварднадзе призвал парламентариев не ехать в Сухум и объявил всем службам казарменное положение. Сам глава Грузии 2 июля срочно вылетел в Сухум, куда «перенес управление страной»[2]. Наряду с этим он объявил всеобщую мобилизацию, что было расценено Верховным Советом Абхазии как попытка уничтожения стотысячного абхазского народа[3].

2 июля, как уже говорилось, Э. Шеварднадзе обратился к мингрельскому народу, в котором признал, что были ошибки со стороны властей, но «что было, то было», а «теперь надо объединиться во имя спасения Грузии, ее единства и территориальной целостности»[4]. Его призыв не остался без реагирования. Уже в тот же день, 2 июля, Л. Кобалия прибыл в Очамчиру и с ходу вступил в бой с десантом на стороне грузинских войск[5]. 4 июля утром на Восточном фронте в бой на этом участке вступили также прибывшие на автобусах бойцы организации «Мхедриони», дивизии «Тбилисели»[6]. При этом «в Очамчирском регионе грузинскими войсками руководили Иоселиани, Китовани и Кобалия»[7]. З. Папаскири, оценивая этот эпизод, по истечении времени писал: «Впервые за все время Абхазской военной кампании в боевых действиях против сепаратистов и наемников принимали участие верные свергнутому президенту Грузии З. Гамсахурдиа бойцы национальной гвардии во главе с Вахтангом (Лоти) Кобалия»[8]. Однако, судя по всему, до политического и национального братания мегрелов с грузинами было далеко. 8 июля на утреннем заседании грузинского парламента И. Церетели зачитал обращение всегрузинского общества им. К. Гамсахурдиа. Его авторы выражали опасение, что «вооруженные подразделения Кобалия, кото-

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 419.
[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 68.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 32, 8 июля 1993 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 420.
[5] Там же. С. 420.
[6] «Независимая газета», № 124, 6 июля 1993 г. С. 1.
[7] «Независимая газета», № 125, 7 июля 1993 г. С. 1.
[8] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 443.

рые несколько дней назад перешли в Абхазию и сражались на стороне Грузии, могли быть уничтожены правительственными войсками Грузии после того, как надобность в их услугах отпадет»[1]. Тем временем на том же заседании и все тот же И. Церетели заявил, что он заканчивает с митингами и протестами против власти и тоже едет на войну – на Очамчирский фронт[2].

Между тем, уже утром 3 июля грузинская сторона заявила, что она полностью контролирует шоссейную автостраду[3], а 3 июля в вечерней программе грузинского телевидения «Мацнэ» телеведущая сообщила, что в районе села Тамыш идет «ликвидация остатков десанта»[4]. 5 июля в интервью грузинскому телевидению, Э. Шеварднадзе также «подтвердил», что «десант локализован и идет его ликвидация»[5].

2 июля в связи с эскалацией военных действий Верховный Совет Абхазии обратился к президенту КНК с призывом «оказать нам незамедлительную помощь всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами»[6]. Братские народы откликнулись незамедлительно[7]. Уже 3 июля командующий войсками КНК Ш. Басаев издал приказ о приведении в состояние повышенной боевой готовности всех подразделений КНК в Абхазии; объявлении во всех подразделениях казарменного положения; приведении в состояние готовности № 1 первого эшелона резервистов во всех республиках, входящих в Конфедерацию народов Кавказа[8]. А 4 июля представители общественности Кабардино-Балкарии обратились к Президенту и Председателю Верховного Совета республики со следующими предложениями: созвать Чрезвычайную сессию Верховного Совета и обсудить вопрос о неотложных мерах по оказанию всесторонней помощи Абхазии; добиться политическим путем вывода грузинских войск с ее территории; срочно организовать и

[1] «Независимая газета», № 127, 9 июля 1993 г. С. 3.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 430-31.
[3] Там же. С. 422.
[4] Там же. С. 423.
[5] Там же. С. 424.
[6] Песнь мужества. Сухум, 1996. С. 297, 298.
[7] 8 июля на пресс-конференции в Гудауте В. Ардзинба выразил благодарность КНК за оказываемую всестороннюю поддержку. (Абхазия: события 1992–1993 гг. в газете «Северный Кавказ». Нальчик, 2008. С. 133).
[8] Газ. «Республика Абхазия», № 32, 8 июля 1993 г.

провести конкретные мероприятия по защите народа Абхазии и усилению оказания ему необходимой помощи вплоть до содействия всеобщей мобилизации добровольцев; руководству республики выступить с инициативой срочного созыва совещания руководителей республик Северного Кавказа для обсуждения создавшейся ситуации[1].

2 июля министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе заявил представителям США, Германии, Турции, Ирана, Китая и ООН в Тбилиси, что наступательные операции абхазских военных формирований поддерживаются Вооруженными силами России. Это утверждение на следующий день было опровергнуто прибывшим в Сухум представителем президента РФ Б. Пастуховым[2]. В то же время некоторые высказывания Э. Шеварднадзе в этот период звучали более умеренно. Он признавал, что глобального участия в конфликте российская сторона не принимает, но утверждал, что она «снабжает абхазов оружием и готовит их военные кадры»[3].

2 июля в Москве возобновились трехсторонние переговоры, в которых принимал участие и посол Грузии в России В. Адвадзе[4]. Однако, по сообщению программы «Новости», 3 июля «трехсторонние переговоры о прекращении огня закончились безрезультатно», а Б. Пастухов вел переговоры с Ардзинба в Гудауте[5]. 4 июля министр иностранных дел России А. Козырев, выступая в программе «Итоги», заявил: «В Москве разработан механизм гарантированного прекращения кровопролития в Абхазии». Он считал, что «автономия Республики Абхазия должна быть гарантирована, но в рамках целостности Грузии». По его мнению, в зоне грузино-абхазского конфликта «действительно действует партия войны с обеих сторон, которая рвет Абхазию на части». «Единственный способ бороться с партией войны – прекратить войну, прекратить кровопролитие». Если события не пойдут по этому сценарию, то «та сторона, которая откажется подписать соглашение, будет подвергнута са-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 32, 8 июля 1993 г.
[2] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. М., 2002. С. 56.
[3] Там же.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 420.
[5] Там же. 422.

мому жестокому давлению со стороны России»[1]. Шеварднадзе заявил в Сухуме, что, несмотря на эскалацию боевых действий, возможности для мирных переговоров не исчерпаны. Он подчеркнул, что в Грузии почти никто не ставит под сомнение права Абхазии на самую широкую автономию, и назвал позицию Козырева, высказанную в программе «Итоги», конструктивной[2].

Сами переговоры в Москве продолжались. В ходе них 6 июля представители Тбилиси выразили согласие на подписание Соглашения о прекращении огня и выводе всех вооруженных формирований с территории Абхазии. Учитывая важность подобного шага, в случае осуществления которого открывалась дорога к полномасштабному урегулированию, абхазской стороной было высказано предложение о подписании такого документа высшими должностными лицами Грузии и Абхазии[3]. Грузинская сторона, сославшись на «какие-то сложности»[4], отказалась от этого предложения, и соглашение в тот день не было подписано.

Между тем, события в театре военных действий развивались своим чередом. После высадки Тамышского десанта наступление Абхазской армии началось и на Гумистинском фронте. В третьем часу ночи 4 июля в Нижней Эшере абхазскими подразделениями был осуществлен отвлекающий маневр. В соответствии с планом была форсирована Гумиста, и в результате кровопролитных боев были заняты передовые посты противника. Группа продержалась до конца следующего дня и вернулась на прежние позиции. Задача была выполнена, противник был отвлечен от основного северного (Шромского) направления наступления Абхазской армии. В интервью грузинскому телевидению Э. Шеварднадзе, заявил, что «противник собирался атаковать Сухум, однако нами были приняты соответствующие меры для укрепления города». Он это сказал, прибыв 4 июля в штаб 23-й бригады Вооруженных сил Грузии, где с Каркарашвили «участвовал в разработке плана боевых действий»[5].

---

[1] «Независимая газета», № 124, 6 июля 1993 г. С. 3.
[2] Газ. «Известия». № 125, 7 июля 1993 г. С. 1.
[3] Песнь мужества. Сухум, 1996. С. 359.
[4] Газ. «Республика Абхазия», № 33, 15 июля 1993 г.
[5] «Независимая газета», № 124, 6 июля 1993 г. С. 1.

Тем временем ожидалось прибытие в Сухум и Очамчиру более 50 наблюдателей ООН, которым вменялось в обязанность фиксировать действия противоборствующих сторон. Вопрос об Абхазии должен был быть рассмотрен 6 июля на Совете Безопасности ООН. В Грузии уже был известен текст проекта резолюции, где однозначно осуждалась только абхазская сторона. И если Россия наложила бы вето на эту резолюцию, по мнению наблюдателей, ей пришлось бы столкнуться с большими трудностями в Токио на встрече большой семерки, которая должна была открыться на следующий день, 7 июля. По словам Э. Шеварднадзе, на этой встрече вопрос Абхазии собирались поставить на обсуждение некоторые западные страны – в первую очередь, Германия и США[1]. Глава Грузии еще 2 июля заявил, что обострение ситуации – дело рук реакционных сил России, которые тем самым хотят помешать встрече российского президента в Токио со странами «большой семерки»[2]. Может быть, с целью повлиять на позицию России и своих «друзей» – участников «семерки» он 5 июля заявил, что десант в Тамыше состоял на 40-50% из граждан России. Вместе с тем, 5 июля В. Чиковани опроверг сообщение ряда СМИ о том, что якобы в Абхазию были введены крупные подразделения войск российской армии[3]. 9 июля Э. Шеварднадзе направил письмо в Токио, где уже работал саммит «большой семерки» с просьбой оказать содействие в прекращении огня в Абхазии. Премьер-министр Англии Д. Мейджер призвал участников саммита помочь Грузии в установлении мира в Абхазии[4].

Как было отмечено ранее, ООН принял решение направить в Абхазию военных наблюдателей, что было реакцией на просьбу грузинской стороны. С началом Июльского наступления стали предприниматься конкретные шаги к осуществлению данного решения. В связи с этим 5 июля В. Ардзинба направил послание заместителю Генерального секретаря ООН по политическим вопросам М. Голдингу. В нем говорилось о целесообразности «до решения этого вопроса для ООН получить от абхазской и грузинской сторон обязательства, подтверждающие их

[1] Газ. «Известия», № 125, 7 июля 1993 г. С. 1.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 420.
[3] Газ. «Независимая газета», № 125, 7 июля 1993 г. С. 1.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 432.

стремление к прекращению войны в Абхазии». Абхазской стороной в качестве таковых предлагалось: «прекращение огня; вывод из Абхазии в 10–15-дневный срок с момента прекращения огня всех вооруженных формирований Республики Грузия; разоружение и расформирование подразделений, созданных из числа граждан Абхазии на занятой грузинскими войсками территории; одновременный вывод из Абхазии добровольческих отрядов; создание сторонами конфликта необходимых условий для ввода и функционирования военных наблюдателей ООН и миротворческих сил»[1]. Однако Совет Безопасности, конечно же, не мог допустить и мысли об учете мнения абхазской стороны и 6 июля принял резолюцию об отправке пятидесяти военных наблюдателей в зону конфликта. Ардзинба негативно воспринял это решение, о чем он сообщил в своем ответном послании[2].

Тем временем 6 июля с 22 часов приказом Э. Шеварднадзе в Абхазии было введено чрезвычайное положение сроком на два месяца[3], утвержденное 8 июля на утреннем заседании грузинского парламента[4]. 6 июля из Тбилиси в Турцию отбыла правительственная делегация для подготовки визита Шеварднадзе в Турцию, запланированного на 9-10 июля[5].

5 июля 16 грузинских солдат добровольно сдались, что свидетельствовало о том, что в рядах грузинской армии стали сомневаться в победе. Однако несмотря на то, что всем сдавшимся грузинским пленным был разрешен выезд из Абхазии, в Тбилиси опровергли сообщение об этом факте[6]. Тем не менее, Министерство обороны Абхазии заявило, что гарантирует неприкосновенность и беспрепятственный выезд из республики «всем лицам, добровольно сложившим оружие и сдавшимся в плен»[7]. А Вооруженные силы Абхазии в результате развития наступления заняли населенные пункты Гума, Ахалшени, Каманы, а также СухумГЭС, что не могло не повлиять на общую военно-политическую обстановку в Абхазии и вокруг нее.

---

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 355.
[2] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 359.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 425.
[4] «Независимая газета», № 127, 9 июля 1993 г. С. 3.
[5] «Независимая газета», № 126, 8 июля 1993 г. С. 3.
[6] «Независимая газета», № 126, 8 июля 1993 г. С. 3.
[7] Газ. «Республика Абхазия», № 32, 8 июля 1993 г.

6 июля глава Грузии на совместном заседании Совета обороны и Совета министров в Сухуме, в котором участвовали также и депутаты грузинского парламента, заявил: «Грузинское правительство и общество никогда не ставили под сомнение статус Абхазии. Я объявляю всем, всему миру, абхазам: будет гарантирована широкая автономия, будут гарантированы права каждого абхаза»[1]. Шеварднадзе заявил, что война в Абхазии вступает в «жесточайшую фазу»: «Сегодня вся Грузия должна жить по законам войны, а объявленное в Абхазии военное положение должно беспрекословно выполняться». Глава Грузии призвал военную прокуратуру начать эффективную борьбу против тех, кто распространяет дезинформацию, и против дезертиров: «Я не хочу, чтобы меня поняли так, что должны начаться массовые расстрелы и наказания, однако война есть война, и у нее свои законы»[2].

7 июля Э. Шеварднадзе уточнил сказанное накануне следующим образом: «Грузинские войска никогда не будут выведены из Абхазии, несмотря на то, будет продолжаться война или нет»[3]. Наверное, появлению такого его заявления в немалой степени способствовало и то, что 6 июля грузинские войска, получив подкрепление, перешли в наступление с целью ликвидации созданного абхазскими силами коридора на Восточном фронте. В этих боях, наряду с другими, были задействованы два батальона звиадистов – Сенакский и Хобский, общей численностью до 600 человек. Грузинским войскам удалось вклиниться в оборону коридора вдоль берега моря со стороны с. Цагера. Однако совместными действиями войск ВФ и морского десанта они были отброшены на исходные позиции[4]. Но было похоже, что в самой Грузии осталось немного желающих погибать за честолюбивую и отчасти мифологизированную идею нерушимости «территориальной целостности». Несогласие стали проявлять даже там, где, казалось бы, этого нельзя было ожидать. Так, начальник высшего полицейского училища в Тбилиси Г. Квинтилиани отказался ехать на войну и послать туда своих курсантов, за что был

[1] Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 35.
[2] Газ. «Известия», № 126, 8 июля 1993 г. С. 1.
[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 377.
[4] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008. С. 26.

разжалован в рядовые[1]. 7 июля, давая понять о больших ставках, задействованных в «игре», Э. Шеварднадзе заявил: «Мой уход в отставку осуществим гораздо проще, чем сдача Сухуми»[2].

В связи с резким ухудшением ситуации в зоне боевых действий специальный представитель президента России Б. Пастухов в очередной раз побывал в Гудауте и Сухуме, где встретился с руководителями Грузии и Абхазии. По словам российского дипломата, в ходе этой поездки удалось сформулировать целый ряд принципиальных положений, которые могли бы стать основой для комплексных решений по прекращению военных действий[3]. 6 июля программа «Вестник» грузинского телевидения сообщила: «Трехсторонние переговоры в Москве возобновлены. Абхазская делегация на них представила свой вариант соглашения, который грузинская сторона посчитала неприемлемым, однако он принят на изучение»[4].

7 июля в Тбилиси Премьер-министр Грузии Т. Сигуа вызвал к себе командующего ЗакВО и потребовал у него боеприпасы[5]. В тот же день Т. Сигуа заявил, что посол Грузии в России будет отозван, если в течение двух дней Россия не настоит на подписании соглашения о прекращении огня[6]. 8 июля грузинский премьер в интервью грузинскому телевидению обвинил российскую сторону в пособничестве Гудауте и поставках ей вооружения и энергоносителей. Он не исключил, что в определенный момент речь, действительно, может зайти о судьбе дипотношений России и Грузии[7].

Тем временем, 8 июля в Москве продолжились трехсторонние российско-грузино-абхазские консультации по урегулированию ситуации в Абхазии. В ходе переговоров сторонам удалось согласовать практически все пункты проекта соглашения о прекращении огня, однако сроки подписания этого документа по-прежнему не были определены[8].

---

[1] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1996. С. 81.
[2] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 377.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 126, 7 июля 1993 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 425-6.
[5] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 304.
[6] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 428.
[7] «Независимая газета», № 128, 10 июля 1993 г. С. 3.
[8] Газ. «Коммерсантъ», № 128, 9 июля 1993 г.

8 июля А. Кавсадзе по грузинскому телевидению заявил, что абхазская сторона выдвигает все новые и новые требования, но идет поиск вариантов и компромиссов[1].

8 июля Э. Шеварднадзе заявил, что он останется в Сухуме до тех пор, «пока это необходимо»[2]. Такая смелость была оценена высоко послами США, Германии и России, а также группой представителей ООН в составе 7 человек, которые прилетели в оккупированную абхазскую столицу в тот же день, 8 июля[3]. Прибытие в Сухум руководителей иностранных миссий в Грузии Э. Шеварднадзе назвал «визитом поддержки»[4]. При этом американский дипломат К. Браун заявил, что «в интересах Ельцина поддерживать Шеварднадзе и его политику демократических преобразований в Грузии»[5]. О какой «политике демократических преобразований» говорил заокеанский дипломат, не совсем понятно, но вот какого рода поддержка требовалась от Б. Ельцина главе Грузии, было ясно всем. И это замечание Запада не прошло незамеченным в Москве. Тогда же стало известно, что по инициативе министра иностранных дел России А. Козырева российско-абхазская граница по р. Псоу в ближайшие дни должна была быть перекрыта[6]. Это, безусловно, в тех условиях привело бы к политической и экономической блокаде Абхазии и еще больше развязало бы руки режиму Э. Шеварднадзе в его стремлении покорить абхазский народ. В связи с этим 8 июля Верховный Совет Абхазии принял Обращение к народам Северного Кавказа, в котором данный акт России расценивался как попытка «изолировать нас друг от друга», напоминающая «политику нашего раздела на сферы влияния между Россией и Грузией»[7].

---

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 429.

[2] Там же. С. 429.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 68, 69.

[4] «Независимая газета», № 128, 10 июля 1993 г. С. 3.

[5] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 304.

[6] В ответ на это в Нальчике ККН и «Адыгэ Хасе» был организован бессрочный митинг в поддержку Абхазии. Выступая на нем, президент КНК Ю. Шанибов сказал, что если Россия закроет границы, «добровольцы будут штурмовать перевалы, кавказцы не дадут уничтожить Абхазию». Совет старейшин КНК заявил о начале формирования добровольческих отрядов старейшин Кавказа. (Абхазия: события 1992–1993 гг. в газете «Северный Кавказ». Нальчик, 2008. С. 138).

[7] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 358.

В письме В. Ардзинба к Президенту Российской Федерации Б. Ельцину от 8 июля было сказано: «Как стало известно, по инициативе министра иностранных дел России А. Козырева на границе между Российской Федерацией и Абхазией по реке Псоу в ближайшие дни вводится визовый режим пропуска граждан. Осуществление этого намерения, которое поставило бы в крайне тяжелое положение население Абхазии, более 80-ти тысяч которого составляют русские, ни в коей мере не отвечает национальным интересам самой России. Ужесточение пропускного режима на границе, крайне затрудняющее общение между абхазами и этнически близкими им народами, вызовет негативную реакцию не только в республиках Северного Кавказа, но и на Юге России. Фактическое перекрытие границы усугубит и без того тяжелое положение Абхазии, народ которой ведет неравную, но справедливую борьбу за самосохранение, еще больше развяжет руки режиму Шеварднадзе. Закрытие границы будет означать установление экономической и политической блокады Абхазии и приведет к новому потоку беженцев в сопредельные районы Российской Федерации»[1].

Однако грузинской стороне этого было недостаточно, она старалась вынудить Россию к тому, чтобы та решилась оказать Грузии военную поддержку. Грузинский премьер тогда стал своего рода антироссийским рупором в Грузии. 9 июля и на русском, и на грузинском языках он дал интервью грузинскому телевидению, в ходе которого заявил, что Россия оказывает «гудаутской группировке» материальную и иную помощь: снабжает продуктами питания, горючим, транспортом[2]. В тот же день в Москве состоялась пресс-конференция грузинской делегации на трехсторонних переговорах. На ней личный представитель главы грузинского государства, руководитель названной делегации С. Кавсадзе объявил, что «соглашение о прекращении огня в зоне вооруженного конфликта в Абхазии может быть подписано в ближайшее время, если сторонам удастся найти взаимоприемлемые формулировки по некоторым спорным вопросам». Он выразил неудовольствие тем, что абхазская сторона настаивала на полном выводе «грузинских Вооруженных сил при сохранении там своих войск». Он подчеркнул, что «данное

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=65
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 431.

условие является заведомо неприемлемым для Грузии». Посол Грузии в Москве В. Адвадзе заявил, что уверен в оказании значительной помощи «гудаутской администрации» со стороны определенных кругов России, «поскольку без такой помощи гудаутское руководство не смогло бы вести затяжную войну». В то же время С. Кавсадзе отметил, что «последние шаги российского руководства и активная посредническая роль российских дипломатов на нынешних переговорах дают основания заявить о том, что официальные российские власти трезво оценивают обстановку и играют в урегулировании конфликта позитивную роль». Личный представитель главы Грузии особо отметил большое значение «последних мер российского правительства по закрытию границы на Кавказе и предотвращению проникновения в зону конфликта оружия и военной техники»[1].

Тем временем 7 июля на пресс-конференции в посольстве Турции в Грузии поверенный в делах Ездемир заявил журналистам, что обстановка в Абхазии вызывает озабоченность у руководства Турции. «Окончательная позиция Турции по этому вопросу будет определена во время визита в нашу страну Шеварднадзе», – сказал Ездемир. Однако глава Грузии в связи с событиями в Абхазии перенес названный визит на более поздний срок. 7 июля вечером МИД Грузии направил специальную ноту, где уведомил руководство Турции об этом решении грузинских властей[2]. В тот день внимание тбилисского политического истеблишмента было приковано к Токио, где начиналась встреча «большой семерки». По мнению грузинских обозревателей, члены «семерки» должны были обсудить положение в Грузии. В связи с этим, согласно некоторым тогдашним прогнозам, позиция России по отношению к Грузии могла кардинально измениться[3]. 7 июля также состоялось заседание Совета Безопасности ООН, по итогам которого было заявлено, что в зону конфликта будут направлены 50 военных наблюдателей[4]. Однако 8 июля Премьер Грузии Т. Сигуа заявил, что он не питает никаких иллюзий в отношении СБСЕ и ООН. По его мнению, за последнее время этим

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 129, 10 июля 1993 г.
[2] «Независимая газета», № 127, 9 июля 1993 г. С. 3.
[3] Там же.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 427.

международным организациям не удалось потушить ни одного очага военного конфликта в мире[1]. И как бы в ответ грузинскому премьеру, в тот же день, 8 июля, ООН решила не отправлять наблюдателей в Абхазию, пока в зоне конфликта не прекратится огонь[2]. На второй день, 9 июля, Совет Безопасности ООН на своем 3252-м заседании единогласно принял Резолюцию 849 (1993), в постановительной части которой было сказано: «1. С удовлетворением принимает к сведению замечания, содержащиеся в докладе Генерального секретаря; 2. Просит Генерального секретаря направить в регион своего специального посланника для оказания содействия в достижении соглашения об осуществлении прекращения огня и немедленно приступить к осуществлению необходимых подготовительных мероприятий, включая установление контактов с теми государствами-членами, которые могут предоставить наблюдателей, и отправку в район группы планирования, связанных с направлением в Грузию пятидесяти военных наблюдателей, как только будет осуществлено прекращение огня; 3. Просит также Генерального секретаря уведомить Совет – на предмет принятия им решения – о том, когда осуществлено прекращение огня и когда, на его взгляд, условия позволят разместить наблюдателей, и на этом этапе вынести рекомендации в отношении их мандата и заявляет о своей готовности оперативно принять меры по получении такого уведомления; 4. Приветствует в этом контексте продолжающиеся усилия Генерального секретаря, направленные на то, чтобы начать мирный процесс с участием сторон в конфликте и с участием правительства Российской Федерации как оказывающего содействие; 5. Поддерживает продолжающееся сотрудничество Генерального секретаря с действующим Председателем Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в их усилиях по установлению мира в регионе; 6. Призывает правительство Республики Грузии без промедления приступить к обсуждению с Организацией Объединенных Наций соглашения о статусе сил, с тем, чтобы способствовать скорейшему размещению наблюдателей после того, как Совет примет об этом решение»[3].

---

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 429.
[2] «Независимая газета», № 127, 9 июля 1993 г. С. 3.
[3] http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res849.htm

К 24 часам 9 июля абхазами было освобождено с. Шрома, которое долгое время оставалось одним из самых надежных оплотов оккупантов. Это было, безусловно, большим разочарованием для Э. Шеварднадзе, «руководившего обороной» Сухума. Однако вскоре у него появился повод для бравых заявлений. Тамышский десант, выполнив свою задачу по занятию и блокированию шоссейной трассы на Сухум, что сделало невозможным доставку дополнительных грузинских сил для обороны абхазской столицы, и тем самым, по обеспечению прикрытия абхазских подразделений, наступавших на Гумистинском фронте, отступил на исходные позиции на Восточном фронте. В приказе Главнокомандующего Вооруженными силами РА от 10 июля, изданном в связи с этим, говорилось: «…бойцы военно-морского десанта соединились с частями Восточного фронта и в течение семи дней не только сдерживали натиск 8-ми мотострелковых батальонов противника, одной механизированной танковой бригады и артиллерийского дивизиона, но и действовали настолько умело, что командование грузинских войск сочло их численность превышающий 1500 человек»[1]. В документе всем участникам десанта, а также подразделениям Восточного фронта, обеспечивавшим его высадку и выполнение им поставленной задачи, выражалась благодарность. По данным В. Пачулия, за время боев было уничтожено 5 танков, 3 БМП, 2 боевых вертолета и было захвачено 3 танка, 1 БМП, 2 БТРа противника, а его потери в живой силе достигли 1000 человек убитыми и ранеными[2]. Начальник штаба ВФ Б. Джапуа о результатах данной операции сообщает следующее: «Противник понес большие потери, составившие около 1500 человек убитыми и ранеными. Сбит один вертолет МИ-8. В плен попало несколько десятков грузинских солдат и офицеров. Противнику после восстановления контроля над трассой пришлось осуществить полную ротацию войск от с. Цагера до с. Кындыг, которые были практически уничтожены. До конца войны ни один позывной этих подразделений больше не звучал в эфире»[3].

Т. Китовани, вспоминая высадку Тамышского десанта и мероприятия по борьбе с ним, не без некоторой доли бравады, заявил: «Я приехал

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 33, 15 июля 1993 г.
[2] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 196.
[3] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008. С. 27.

со своими ребятами в Очамчиры и освободил этот коридор». При этом он признал, что потери грузинской стороны дошли до 1000 человек[1]. 10 июля по грузинскому телевидению генерал Г. Адамия многозначительно сообщил: «Конечно, это (Абхазия. – **А. А**.) и земля абхазов, но они не захотели с нами жить, поэтому мы их вытесним, и пусть уходят к чертям»[2]. Тем не менее, грузинской стороне необходима была пусть промежуточная, но победа, и весть о ней пришла из уст главы Грузии, который в ночь с 11 июля на 12 июля вернулся из Сухума в Тбилиси. 13 июля, Шеварднадзе, выступая с информацией о положении в Абхазии на сессии возобновившего свою работу парламента, сказал, что в «настоящий момент более благоприятная обстановка для грузинских войск складывается в Очамчирском районе, где в эти дни была ликвидирована абхазская группа в районе Тамыш в количестве 600 человек и разблокирована дорога». Он также сообщил, что «12 июля по этому маршруту был отправлен первый эшелон с продовольствием в Сухум, который благополучно прибыл к месту назначения»[3].

Тем временем многие наблюдатели тогда отмечали, что жесткая позиция абхазской делегации на переговорах в Москве, отъезд Шеварднадзе из Сухума в Тбилиси и неудачи грузинских войск на Гумистинском фронте свидетельствовали о близком падении Сухума[4]. Однако 13 июля министр обороны Грузии Г. Каркарашвили заявил, что грузинская сторона «использует лишь 20% своего военного потенциала». Он, видимо, по старой привычке предъявил ультиматум абхазской стороне: «Если в течение 24 часов, начиная с 12 часов ночи 14 июля, абхазские сепаратисты не выведут свои соединения из сел Шрома и Ахалшени и не прекратят варварские обстрелы г. Сухуми, Вооруженные силы Грузии осуществят крупномасштабные наступления на Гумистинском фронте в направлении г. Гудаута»[5]. Но на штурм грузинская армия была не способна, и по истечении срока, указанного в ультиматуме, никаких существенных мер по его воплощению не было предприня-

[1] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 433.
[3] «Независимая газета», № 130, 14 июля 1993 г. С. 3.
[4] Газ. «Известия», № 130, 14 июля 1993 г. С. 1.
[5] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 380.

то. Зато к сроку истечения ультиматума абхазской стороне 14 июля в порту Батуми пришвартовалось судно «Мезин» Украинского морского пароходства «с грузом, предназначенным для МО Грузии, а именно военная техника, оружие, боеприпасы»[1]. Комментировать ультиматум Каркарашвили в Грузии никто из официальных деятелей не стал. Лишь В. Чиковани в неофициальной беседе с корреспондентом грузинского еженедельника «Новая газета» заметил: «Он министр, ему виднее». При этом Чиковани сказал, что постановка вопроса несколько преждевременна, но для осуществления ультиматума силы у Каркарашвили более чем достаточно[2]. 25 июля Шеварднадзе сообщил, что названный ультиматум носил профилактический характер[3]. Видимо, важная роль была отведена и выступлению 14 июля по грузинскому телевидению главного абхазского коллаборациониста Л. Маршания. Он заявил, что в окружении Ардзинба есть конструктивно мыслящие политики, с которыми необходимо вести диалог. По его словам, такими людьми являлись А. Анкваб, Т. Шамба, С. Багапш, З. Лабахуа и другие[4].

В Москве при посредничестве России продолжались грузино-абхазские переговоры о прекращении огня. 10 июля глава грузинской делегации, личный представитель Э. Шеварднадзе С. Кавсадзе сделал заявление, в котором обвинил абхазскую сторону в сознательном затягивании переговоров. В частности, он отметил, что, когда соглашение было уже окончательно согласовано и готово к подписанию, абхазская делегация потребовала внести отдельным пунктом положение о функционировании законных органов власти на всей территории Абхазии. Грузинская сторона, по его словам, в принципе не возражая против рассмотрения этого положения, считала, что данный вопрос должен был стать предметом обсуждения на следующем этапе переговоров – при выработке соглашения о полномасштабном урегулировании конфликта[5].

Тем временем министр иностранных дел Абхазии С. Таркил высказал недоумение в связи с заявлениями российской и грузинской де-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 34, 22 июля 1993 г.
[2] «Независимая газета», № 133, 17 июля 1993 г. С. 3.
[3] Интервью Э. Шеварднадзе. Грузинское телевидение. 25 июля 1993 г. 20. 30. л. 7.
[4] «Независимая газета», № 132, 16 июля 1993 г. С. 3.
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 130, 13 июля 1993 г.

легаций на переговорах в Москве по урегулированию в зоне боевых действий о том, что абхазская делегация выдвинула «новое» требование – возвращение парламента и других законных органов власти в Сухум. Из-за этого требования, согласно заявлениям представителей грузинской и российской делегаций, не удалось 12 июля полностью согласовать условия прекращения огня. «Неужели российские и грузинские дипломаты уже забыли положение итогового документа по Абхазии 3 сентября, где в статье 10 предусмотрено возобновление законных органов власти Абхазии» – сказал Таркил[1]. В продолжение этой темы 13 июля МИД РА заявил следующее: «12-13 июля в информационных программах «Новости» и «Вести» неоднократно сообщалось, что на проходящих в Москве переговорах по урегулированию обстановки в Абхазии после того, как грузинская сторона согласилась вывести свои вооруженные формирования с территории Абхазии, абхазская сторона выдвинула якобы новое требование о возобновлении деятельности законных органов власти в Абхазии, в результате чего переговоры были прерваны. В этой связи Министерство иностранных дел Республики Абхазия считает необходимым заявить, что сообщение о том, что требование абхазской стороны о необходимости возобновления деятельности законных органов власти в Абхазии является новым, не соответствует действительности» [2]. Чуть позже В. Ардзинба, говоря о ходе подготовке Соглашения, отмечал: «Нам постоянно навязывали то, чтобы принять просто соглашение о прекращении огня с тем, чтобы другие вопросы перенести на потом, т. е. мы могли бы потом 5 лет сидеть и обсуждать: вернутся органы власти или не вернутся и т. д., а Абхазия была бы разделена Мы решительно против этого – и свою точку зрения отстояли»[3].

12 июля по возвращении из Сухума Э. Шеварднадзе заявил, что ключ к разрешению абхазской проблемы лежит в Москве[4]. Наряду с этим у него, судя по всему, все еще оставалась вера в то, что Запад его не оставит. 13 июля на парламенте глава Грузии заявил: «Я не хочу игнорировать международные организации, но в условиях возникновения

[1] Газ. «Известия», № 130, 14 июля 1993 г. С. 1.
[2] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/
[3] Газ. «За нашу Отечество», № 8, , 29 июля 1993 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 438.

целого ряда конфликтов в разных точках земного шара чрезвычайно ограничены возможности для оперативного эффективного реагирования международных организаций»[1]. Этим высказыванием, видимо, он хотел дать понять своим соотечественникам, что не стоит ждать военной помощи от стран Запада. Но наряду с этим, отменять очередную поездку в Брюссель глава Грузии не стал. Перед этим визитом Э. Шеварднадзе еще в Сухуме заявил, что война в Абхазии не может быть прекращена политическим путем, необходимо сочетание военных и политических средств, и руководство Грузии не может согласиться с требованием о выводе вооруженных формирований как предварительном условии всеобъемлющего урегулирования. Более того, глава грузинского государства пригрозил, что будут предприняты жесткие военные шаги, и что у Грузии для этого есть силы. В Заявлении МИД Абхазии по этому поводу 12 июля было сказано: «Становится очевидным, что неоднократные заявления Шеварднадзе за период войны Грузии против Абхазии о необходимости продолжения диалога по мирному урегулированию являются ничем иным как попыткой ввести в заблуждение широкую общественность, все мировое сообщество и добиться своей цели – уничтожить народ и государственность Абхазии»[2].

Тем временем, Э. Шеварднадзе, прибыв в Брюссель, дал понять тамошним военным и политикам следующее: «Мы поддержали бы любое участие НАТО и Совета Безопасности в урегулировании конфликта в Абхазии»[3]. Но мировое сообщество и Североатлантический альянс тогда отказались от военной поддержки Тбилиси, что, безусловно, привело бы к крайне резкой негативной реакции со стороны России, посчитав, что пока нет подходящих для этого условий. А Москва на фоне развития наступления Абхазской армии продолжала придерживаться политики максимального ослабления Грузии. В этих условиях глава грузинского государства, несмотря на свои колебания, видимо, все же вынужден был переключиться на мирные переговоры с абхазской стороной, хотя бы для того, чтобы выиграть время и дождаться реванша.

[1] «Независимая газета», № 130, 14 июля 1993 г. С. 3.
[2] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/
[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 381.

Нужно заметить, что, по всей вероятности, Россия, желая ослабления Грузии, в то же время не желала усиления Абхазии.

Поздно вечером 13 июля в Сочи завершилось совещание по проблемам Северо-Кавказского региона, в котором приняли участие руководители республик, краев и областей Северного Кавказа и юга России, а также представители федерального правительства РФ. На совещании обсуждались вопросы региональных конфликтов в Закавказье и их влияния на ситуацию в сопредельных районах России. В совещании, помимо глав республик, краев и областей, приняли участие руководители местных органов безопасности и внутренних дел. Федеральные органы власти в Сочи представляли председатель Совета Национальностей Верховного Совета Р. Абдулатипов, вице-премьер правительства России С. Шахрай, министр иностранных дел А. Козырев, министр безопасности В. Баранников и председатель Госкомитета по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу. Встреча прошла за закрытыми дверями. Как считали местные наблюдатели, закрытый характер встречи был вызван не столько проработкой вопросов безопасности, сколько наличием серьезных разногласий среди участников. Позицию российского МИД по вопросу урегулирования грузино-абхазского конфликта северо-кавказские республики считали прогрузинской и требовали от центра более определенной поддержки Абхазии. Однако Россия, выполнявшая роль посредника на грузино-абхазских переговорах, предпочитала иметь пространство для маневра, сохраняя определенную дистанцию в отношениях с обеими сторонами[1].

На названном совещании А. Козырев проинформировал о российских инициативах по вопросу урегулирования вооруженного конфликта в Абхазии. Россия выступала за сохранение целостности Грузии, но с гарантией широкой автономии для Абхазии и Южной Осетии. Шахрай высказал мнение, что при урегулировании грузино-абхазского конфликта можно использовать «южноосетинскую модель», т. е. прекращение огня, развод воюющих сторон, ввод миротворческих сил и дальнейшее политическое разрешение конфликта[2]. В Нальчике состоялась пресс-конференция Президента Кабардино-Балкарии В. Кокова по ито-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 132, 15 июля 1993 г.
[2] Газ. «Известия», № 131, 15 июля 1993 г. С. 1.

гам названного совещания. На ней Президент отметил, что на совещании впервые была представлена системная концепция политики РФ по отношению к Грузии в связи с продолжающейся войной в Абхазии. Данная концепция предполагала: обеспечение всеми средствами российской дипломатией выполнения ранее достигнутых договоренностей о прекращении огня, разведение Вооруженных сил Абхазии и Грузии на заранее оговоренные позиции, введение в образовавшийся коридор миротворческих сил, отказ от заключения широкомасштабного договора РФ и РГ до разрешения грузино-абхазского конфликта, обеспечение автономии Абхазии при соблюдении территориальной целостности Грузии. Коков считал, что взаимоотношения Абхазии с Грузией – не та проблема, которую можно разрешить с помощью оружия[1].

12 июля в Абхазию должна была прибыть миссия ООН, которую возглавлял М. Старчевич. Накануне визита он опроверг слухи о том, что В. Ардзинба против направления группы наблюдателей ООН в Абхазию, в частности в Гудауту, и заявил, что тот готов принять их и участвовать в дальнейших переговорах[2]. 13 июля в Грузию прибыл Э. Бруннер в сопровождении восьми членов группы планирования ООН с целью подготовки к размещению в Абхазии группы из 50 наблюдателей, посылаемых ООН в зону конфликта[3].

14 июля в Сочи А. Козырев, Б. Пастухов и С. Шойгу встретились с В. Ардзинба. Российской стороной был предложен план прекращения боевых действий. Руководитель Абхазии «попросил дать ему время на обсуждение с депутатами абхазского парламента»[4]. Вечером того же дня, 14 июля, личный представитель Президента РФ по урегулированию грузино-абхазского конфликта Б. Пастухов встречался с абхазскими парламентариями, которым предложил остановить наступление. Из Гудауты он полетел в Сухум, а затем – в Тбилиси[5]. 17 июля в заявлении МИД РА говорилось: «14 июля во время пребывания в г. Гудауте специального представителя Президента Российской Федерации, заместителя мини-

[1] «Независимая газета», № 134, 20 июля 1993 г. С. 3.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 437.
[3] «Независимая газета», № 130, 14 июля 1993 г. С. 3.
[4] Абхазия: события 1992–1993 гг. в газете «Северный Кавказ». Нальчик, 2008. С. 135.
[5] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 69.

стра иностранных дел Б. Пастухова руководство Абхазии дало свое согласие на подписание упомянутого «Соглашения»[1].

15 июля Б. Пастухов из Гудауты прибыл в Тбилиси с текстом соглашения, согласованным с абхазской стороной[2]. 15 июля состоялась встреча Пастухова с Кавсадзе, затем с Шеварднадзе, 16 июля он отбыл в Москву[3]. При этом А. Кавсадзе тогда заявил, что усилия по мирному урегулированию конфликта зашли в тупик, а очередные предложения абхазской стороны, которые он назвал неприемлемыми, не содержат ничего нового, повторяя тезис о незамедлительном выводе грузинских войск как условии для прекращения огня[4].

17 июля в заявлении МИД РА говорилось: «Как стало известно, во время встречи Б. Н. Пастухова с руководством Грузии, проходившей в г. Тбилиси 15-16 июля, грузинская сторона в очередной раз отмежевалась от согласованных в ходе переговоров в г. Москве положений соглашения. Она отказалась от полного вывода оккупационных войск с территории Республики Абхазия, от обеспечения гарантий политического статуса и государственного устройства Абхазии. В связи с этим Министерство иностранных дел Республики Абхазия уполномочено заявить, что вся ответственность за возможные последствия срыва мирного урегулирования в Абхазии целиком и полностью ложится на грузинскую сторону»[5]. 16 июля на пресс-конференции в Москве А. Джергения заявил, что абхазская сторона готова подписать соглашение о перемирии и прекращении огня[6].

В то же время в Грузии делалось все для того, чтобы поддержать моральный дух своего населения, и с этой целью грузинское телевидение выступало с постоянными информационными сообщениями о возврате потерянных в ходе боев населенных пунктов. 16 июля грузинское телевидение сообщило, что «грузинские войска перешли в наступление по всему Гумистинскому фронту и противник отступает, неся большие потери»[7].

---

[1] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 442.
[3] «Независимая газета», № 133, 17 июля 1993 г. С. 3.
[4] Газ. «Известия», № 137, 23 июля 1993 г. С. 1.
[5] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/
[6] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 444.
[7] Там же. С. 444.

17 июля российское телевидение передало, что «грузинские войска уже контролируют Шрому и успешно продвигаются вперед, уничтожив большое количество живой силы и военной техники противника»[1]. В ответ на эти сообщения абхазская сторона вынуждена была заявить: «За истекшие сутки никаких наступательных действий со стороны грузинских войск не было. МО РА утверждает, что населенные пункты Ахалшени, Шрома, Каман, Гума, СухумГЭС по-прежнему находятся под контролем войск РА»[2].

Тем временем, воспользовавшись относительным затишьем на грузино-абхазском фронте, российская дипломатия возобновила активные усилия по приведению позиций сторон к общему знаменателю. 17-18 июля личный представитель президента России Б. Пастухов снова побывал в зоне военного противостояния, встретившись с руководством Грузии и Абхазии[3]. 18 июля состоялась встреча Шеварднадзе с Пастуховым. После встречи они сообщили журналистам, что обсудили вариант урегулирования конфликта в Абхазии – полную демилитаризацию Абхазии. По словам Шеварднадзе, на первом этапе планировалось вывести большую часть боевых частей из Абхазии, оставив определенные контингенты в Сухуме и Гудауте, а затем уже – полная демилитаризация и отвод войск из зоны конфликта[4].

Между тем, Э. Шеварднадзе, видимо, еще во время своего нахождения в Сухуме успел убедиться в необходимости оперативного вмешательства и корректировке провозглашенного им курса на «достойное завершение войны». Но объявить об этом сразу грузинскому обществу означало отдать себя на растерзание, его необходимо было подготовить. Видимо, в безнадежности своего положения Шеварднадзе убедили и позиция Абхазии, и переговорный процесс с участием России. И он переключился на заключение перемирия во избежание военного краха, для чего глава Грузии вынужден был согласиться на главное условие абхазской стороны – зафиксировать в документе положение о выводе грузинских войск из Абхазии. В. Ардзинба тогда отмечал, что согласие грузинской стороны на подписание соглашения было связано

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 446.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 34, 22 июля 1993 г.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 135, 20 июля 1993 г.
[4] «Независимая газета», № 134, 20 июля 1993 г. С. 3.

с тем, что военное положение, сложившееся в то время, было «совсем не в пользу» Грузии[1]. Но прежде главе Грузии надо было решить еще одну проблему – проблему Т. Надарейшвили, который, в свою очередь, обещал не оставить проблему абхазов своим потомкам, был сторонником силового решения вопроса взаимоотношений с Абхазией. Однако Шеварднадзе решил эту проблему довольно просто, ему оказалось гораздо сложнее убедить в правоте своей позиции тбилисских политиков. Главной причиной названного обстоятельства, видимо, явилось то, что Надарейшвили находился в условиях, приближенных к боевым, и он не мог не чувствовать, что запахло жареным, а до Тбилиси, судя по всему, этот запах «гари» не доходил. В грузинской столице готовы были бесконечно упражняться в любовании собственной театральностью, нежели снизойти до рассуждений о настоящем положении дел на фронтах абхазской войны.

Тем временем 18 июля глава Грузии, снова прилетев в Сухум, посодействовал тому, чтобы Т. Надарейшвили ушел со всех своих постов в Абхазии «в связи с ухудшением здоровья». Правда, за своевременное ухудшение здоровья, то бишь «за проявленную стойкость в борьбе за защиту Сухуми»[2], он был награжден орденом В. Горгосала первой степени. Т. Надарейшвили еще только в мае заявлял, что его отставка не означает, что он поедет в Тбилиси и оттуда будет смотреть, когда освободят город. Главный оккупант тогда говорил: «Наоборот, когда сниму с себя этот груз в виде Военного Совета, в виде Совета Министров, я возьму оружие и пойду на переднюю позицию. Стоять там для меня легче, чем находиться здесь»[3]. Но все же после своей отставки он сел в самолет и улетел в Тбилиси[4] и смотрел оттуда, что же произойдет – т. е. сделал все наоборот тому, что говорил. Т. Китовани, комментируя названное событие, сказал, что Надарейшвили «в принципе не хотел оставаться» и при первом удобном случае убежал[5].

---

[1] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.

[2] Отечественная война… Т. 1. Сухум, 2003. С. 186.

[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 81.

[4] В октябре 1993 г., после победы Абхазии над Грузией, Т. Надарейшвили, находившийся несколько месяцев не у дел, был назначен вице-премьером и чрезвычайным представителем главы государства по особым вопросам.

[5] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

3. Папаскири, размышляя о названных событиях, пишет: «Грузинское руководство оказалось не в состоянии предпринять адекватные ответные меры и взяло курс на активизацию мирного диалога. В условиях новой конъюнктуры в Абхазии понадобился лидер, с которым абхазская сторона (да и русская тоже) более охотно села бы за стол переговоров»[1]. Таким лидером оказался депутат Парламента Грузии Ж. Шартава, которого Э. Шеварднадзе и назначил председателем Совета Министров и Совета обороны Абхазии. Глава Грузии и новый руководитель оккупационных властей Абхазии были очень близки и даже дружили семьями. Также «при его назначении учитывалось и то обстоятельство, что он по комсомольской работе в прошлом имел теплые дружественные связи как с отдельными абхазскими лидерами, так и, что особенно важно, с личным представителем президента РФ в зоне конфликта Б. Пастуховым, долгое время работавшим первым секретарем ЦК ВЛКСМ»[2]. При этом Ж. Шартава был моложе Э. Шеварднадзе, и потому в некоторых тбилисских кругах рассматривался в качестве официального преемника главы государства. И, по мнению публициста Е. Крутикова, его назначение председателем правительства Абхазии «было, помимо всего прочего, еще одним шагом на этом пути – если бы грузинской армии удалось отстоять Сухум, львиная доля лавров досталась бы и Шартава»[3]. Однако именно в этом и заключалась смертельная опасность для него, поскольку если бы он сумел выполнить возложенную на него «миссию», то в глазах соотечественников вознесся бы над самим Э. Шеварднадзе, который, понятное дело, не для этого старался. Словом, само назначение Шартава в тех реалиях на эту должность было равносильно приговору, что подтвердили и последовавшие события, которые рассмотрим немного ниже. Однако тогда только что назначенный «прокуратор», видимо, старясь соответствовать имиджу человека, с которым можно договариваться, сразу же по назначении заявил: «Абхазия мертвая не нужна ни абхазам, ни грузинам»[4].

---

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 443-444.

[2] Там же. С. 444.

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 15-16 марта 2001 г.

[4] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 322.

Э. Шеварднадзе в своих мемуарах, говоря об этом эпизоде своей политической карьеры, сообщает следующее: «Тогда в Сухуми нашим председателем Военного Совета был Т. Надарейшвили – потомок абхазского князя Шервашидзе. Он, современный представитель династии, находился к оппозиции к Ардзинбе. К сожалению, у этого хорошего бойца были проблемы с сердцем. Я отправил Надарейшвили на лечение в Тбилиси. По моему предложению его место занял Г. Хаиндрава. Он приехал из Тбилиси вместе с отцом и братом. Хаиндрава отличился 9 апреля 1989 г.: он снимал на свою камеру печально известную бойню в Тбилиси. В определенном смысле это стало для меня решающим фактором, чтобы остановить на нем свой выбор»[1]. Э. Шеварднадзе к моменту написания мемуаров уже не помнил, «как это было». Как уже говорилось, у «этого хорошего бойца» проблемы с сердцем были связаны с тем, что он был слишком воинствующим политиком. Когда в результате безуспешных попыток сдержать наступление абхазов глава Грузии вынужден был, безусловно, временно, как он считал, переключиться на заключение перемирия с абхазами, этому воспротивился Надарейшвили. Он был главой оккупационных властей Грузии в Абхазии, что не позволяло просто проигнорировать его мнение. Поэтому понадобилось поменять Надарейшвили на более лояльного и «дипломатичного» оккупанта. Если принять всерьез поговорку о том, что «коней на переправе не меняют», произошедшее не могло предвещать ничего хорошего для Грузии и ее политики относительно Абхазии.

Справедливости ради надо отметить, что у Надарейшвили со здоровьем действительно были проблемы, и он скончался в возрасте 50 лет именно из-за болезни сердца. Но его отставка в Абхазии была вызвана бескомпромиссной позицией по отношению к абхазам. А то, что его сердце могло еще ему позволить послужить «территориальной целостности», было продемонстрировано тем, что он долгое время возглавлял т. н. «правительство Абхазии в изгнании» в Тбилиси, которое являлось фактором дестабилизации обстановки в уже освободившейся от оккупационных войск Абхазии. Тогда ему на замену глава Грузии привез не Хаиндрава, а Ж. Шартава. Шеварднадзе запамятовал этот факт, наверное, потому что он чувствовал ответственность за гибель Шар-

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 361-362.

тава, в чем его вина действительно велика. А Хаиндрава глава Грузии действительно назначил в Абхазию – но не в рассматриваемое время, а значительно ранее – в октябре 1992 г., и был назначен не вместо Надарейшвили, а наряду с ним – на должность министра Грузии по делам Абхазии. Они должны были координировать свои действия, а равно и деятельность Тбилиси и оккупированного Сухума. А в названное время Хаиндрава уже давно в Абхазии не появлялся, о чем, кстати, очень сожалел сам Надарейшвили еще в его бытность главой грузинских оккупантов в Сухуме.

С 19 по 26 июля в Абхазии находилась группа планирования ООН во главе с Д. Л. Шерри. Она была прислана в зону противостояния, согласно резолюции Совета Безопасности от 19 июля 1993 г. Ее целью являлось разъяснение концепции миссии военных наблюдателей ООН в Грузии, а также обсуждение практических вопросов выбора мест для штаб-квартир, размещение наблюдателей и материально-технического обеспечения миссии[1]. Они также имели встречу с Шеварднадзе, на которой вновь подтвердили готовность ООН прислать 50 международных наблюдателей в случае реального прекращения огня. Их согласился принять и Ардзинба. Некоторые наблюдатели тогда высказывали предположение, что усилия ООН вызывали серьезную ревность российской дипломатии, которая не хотела уступать монопольное право единственного и главного посредника в конфликтах на территории бывшего СССР[2].

25 июля Э. Шеварднадзе во время своего выступления по грузинскому телевидению также сообщил, что «из ООН прибыла группа», которая «находилась в Гудауте, Сухуми и вернулась в Тбилиси». Глава Грузии не упустил случая заметить, что «очень примечательно то, что на всей территории бывшего СССР, впервые в Грузии, на территории конфликта, будут работать представители ООН, Совета Безопасности, СБСЕ»[3]. Это выступление имело место уже после обсуждения в парламенте соглашения с абхазами, которое вызвало большие разногласия и жесткую

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989 – 2006 гг. М., 2008. С. 312.

[2] Газ. «Известия», № 137, 23 июля 1993 г. С. 2.

[3] Интервью Шеварднадзе. Грузинское телевидение. 25 июля 1993 г. 20. 30. л. 1.

критику в его адрес. И здесь, скорее всего, чтобы уйти от еще больших обвинений в русофильстве и потворстве «российской агрессии», о которой в Грузии в то время было очень модно говорить, он также сообщил слушателям следующее: «Я в письменном виде обратился ко всем членам большой «семерки». Я уже получаю ответы на мои письма. Уже получил от президента США Клинтона, где четко прослеживается позиция США… Они (представители стран «семерки» - **А. А**.) стоят на позиции территориальной целостности Грузии и готовы оказать нам помощь. Я думаю, что это большой фактор. Раньше трудно было мечтать об этом. Естественно, в России вновь появятся силы, дестабилизирующие обстановку в Грузии. Я думаю, в таком случае международное сообщество не останется равнодушным. Об этом хорошо знает российское руководство»[1]. Однако в том же выступлении Э. Шеварднадзе заявил, что «если мы хотим серьезно говорить об окончании конфликта, то без участия России невозможно решить эту проблему». Он также считал, что «само участие России в урегулировании вопроса повышает ответственность России», и поэтому это было «приемлемо для нас для окончательного разрешения конфликта»[2]. Но ведь не придерешься. Все сказал: и о том, что Запад поддерживает «территориальную целостность», и что поможет обуздать агрессивные интересы России, которая, в свою очередь, ответственна за разрешение отношений Тбилиси с Абхазией. Одним словом, выступил и наговорил столько, что каждый в Грузии, и не только, мог найти, что ему было по душе. В этом, видимо, и заключался тогда великий миротворческий опыт Э. Шеварднадзе.

20 июля в Майкопе начал свою работу второй конгресс Международной Черкесской Ассоциации. На нем выступили президент Адыгеи А. Джаримов, и президент МЧА Ю. Калмыков[3]. В Адыгею на свою историческую родину съехались адыги, или, как их обычно называют, черкесы из США, Голландии, Германии, республик бывшей Югославии, Израиля, Иордании, Турции, Сирии, Объединенных Арабских Эмиратов, Египта. В центре внимания конгресса была абхазо-грузинская война. Войну в Абхазии нужно закончить миром, но если мирные соглашения будут со-

[1] Интервью Шеварднадзе. Грузинское телевидение. 25 июля 1993 г. 20. 30. л. 6.
[2] Там же. л. 3.
[3] «Независимая газета», № 136, 22 июля 1993 г. С. 3.

рваны, черкесы, а с ними и представители других народов Северного Кавказа, готовы всеми доступными способами и средствами защитить Абхазию[1]. Участники конгресса приняли обращения к руководству России, США и Германии с просьбой приложить все усилия, необходимые для прекращения войны, восстановления мира и защиты государственности Абхазии[2].

Между тем, на переговорах в Москве Абхазия настаивала на полном выводе грузинских войск с ее территории и, наученная горьким опытом договоренностей с Грузией и Россией, не соглашалась на прекращение огня до того, как Грузия документально на официальном уровне не закрепит полный и безоговорочный вывод своих войск из Абхазии. Но Грузии тяжело было на это решиться. С одной стороны, не подписать Соглашение грузинская сторона не могла, т. к. в этом случае ей грозило военное поражение. А с другой стороны, в случае подписания, кроме удара по самолюбию грузинских политиков, был и другой фактор – необходимость объяснить все грузинскому обществу, которое это восприняло бы как капитуляцию. Нужно отметить, что переговоры вызывали определенный скепсис не только в рядах грузинского политического бомонда, но и в среде абхазских парламентариев. В частности, депутат ВС Абхазии З. Ачба, отвечая тогда на вопросы журналистов, обозначил свою позицию следующим образом: «Прекращение огня означает, что грузинские войска останутся на занятых территориях. Мы категорически против этого плана, который означает разделение Абхазии. Пока мы не освободим нашу столицу, огонь не прекратится. Мы будем воевать до тех пор, пока не восстановим на всей территории Абхазии нашу законную власть, как долго бы это не продолжалось. И готовы к мирным переговорам на этом условии. Они начнутся, только когда Грузия выведет свои войска, будут введены миротворческие силы и все добровольцы уйдут»[3].

Личный представитель главы Грузии на этих переговорах С. Кавсадзе тогда, во время выступления по радио, говорил своему народу следующее: «Мы один месяц работали над этим текстом и достигли того, чтобы

[1] Газ. «Конфедерация», № 6, 6 августа 1993 г.
[2] Газ. «За наше Отечество», № 10, 14 августа 1993 г.
[3] «Независимая газета», № 137, 23 июля 1993 г. С. 3.

получить инициативу по урегулированию конфликта мирным путем, и я сегодня думаю, что наша основная линия и задача выполнена, политическая инициатива сегодня на стороне Грузии. Наряду с вопросом о прекращении огня, эта комиссия работала над тем, чтобы принять второе существенное решение об основах переговоров, что предусматривает, что основой переговоров является территориальная целостность Грузии, интересы единого государства»[1]. Сам Э. Шеварднадзе, понимая, что подписание подобного документа вызовет недовольство в реваншистски настроенном грузинском обществе, вынужден был оправдываться, говоря о том, что в нем указано, что «на этом этапе в контроле примут участие три стороны: Грузия, Россия и та сторона Абхазии, которая находится в Гудауте». Но, чтобы совсем не ударить в грязь лицом, глава Грузии добавил: «Конечно, примут участие и представители сухумской власти». Э. Шеварднадзе сообщил, что «определенной компенсацией» за вывод грузинских войск из Абхазии станет «воинская часть, которая будет создана на базе местных грузин»[2]. Но это не помогло ему уйти от жесткой критики грузинских политиков. На это глава Грузии отреагировал следующим образом: «Прекращение войны внутри своей страны, даже если будет какой-то компромисс, это уже есть победа. Я хочу сказать откровенно: нервы мои расшатаны, особенно, когда я вижу и вспоминаю число погибших, раненых, искалеченных людей, скорбящих семей, женщин в черном. Уже невозможно так жить. Я не говорю, что мы должны достичь мира в ущерб национальным интересам Грузии, но мир для Грузии выгоден и необходим, как вода и воздух»[3].

Позже, в 2001 г., представитель Грузии в России З. Абашидзе, говоря о возможности существования Грузии без Абхазии, писал: «Психологическое состояние рядового грузина можно было бы гипотетически сравнить с состоянием француза, потерявшего Лазурный берег, или американца, потерявшего Калифорнию»[4]. В итоге переговоры затягивались. Но грузинская сторона стала сговорчивее, когда в результате

[1] Грузинское радио. 9. 00. 26 июля 1993 г. л. 1.

[2] Интервью Э. Шеварднадзе грузинскому телевидению. 25.07.1993 г. Перевод с грузинского.

[3] Там же.

[4] Абашидзе З. Россия – Грузия: проблемы и перспективы // Журн. «Вопросы истории». М., 2001. № 10. С. 138.

дальнейших наступательных действий абхазской армии ею были заняты Апианда, Хабюк и другие господствовавшие над Сухумом высоты. Тем временем, усмотрев неблагоприятную для Тбилиси обстановку, звиадисты в Зугдиди провели сессию, на которой потребовали отставки Э. Шеварднадзе. А сам З. Гамсахурдиа в письме к сессии предложил немедленно начать сбор подписей бойцов с тем, чтобы хунта ушла в отставку, а он вернулся обратно. Судя по всему, и это обстоятельство сыграло также свою роль в дальнейшем обсуждении вопроса о заключении соглашения с Абхазией.

20 июля в Гудауте состоялась пресс-конференция В. Ардзинба, во время которой он отметил, что «Грузия пытается всячески затянуть подписание Соглашения о прекращении войны и вывод своих войск с территории Абхазии». Главнокомандующий Абхазской армией заявил: «Если в ближайшее время не будет решен вопрос мирного урегулирования военного конфликта между двумя государствами, то Вооруженные силы Республики Абхазия готовы освободить свою столицу и оккупированную часть республики силой»[1]. А чуть более чем через сутки, вечером 21 июля, во время приезда в Тбилиси Б. Пастухова было объявлено, что выработан и согласован текст Соглашения о прекращении огня[2]. Утром 22 июля российские «Новости» передали, что «проект Соглашения о перемирии окончательно согласован между обеими сторонами и готов к подписанию»[3]. 22 июля он был обсужден в Сухуме на заседании Совета обороны оккупационных властей Абхазии, которое прошло «в весьма острой и напряженной атмосфере»[4]. Проект Соглашения должен был быть рассмотрен 23 июля на заседании грузинского парламента, но был отложен на следующий день[5]. Зато 23 июля Премьер-министр Грузии Т. Сигуа в интервью тбилисской «Новой газете» уже в очередной раз заявил: «Пора открыто говорить о войне с Россией... Грузия не исключает разрыва дипломатических отношений с Россией». А Д. Иоселиани публично пообещал уничтожить семьи неугод-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 34, 22 июля 1993 г.
[2] «Независимая газета», № 139, 27 июля 1993 г. С. 3.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 453.
[4] «Независимая газета», № 139, 27 июля 1993 г. С. 3.
[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 456.

ных ему российских генералов Г. Кондратьева и А. Сигуткина[1]. В то же время Э. Шеварднадзе признал Россию определяющей силой, объявив, что он не против участия Москвы в контроле за соблюдением соглашения о прекращении огня, которое должно было быть подписано. А уже 24 июля глава Грузии пошел еще дальше, засвидетельствовав «несомненное возрастание роли России»[2].

Судя по всему, российский фактор к рассматриваемому времени становится существенным и во внутриполитической борьбе в Грузии. Об этом может свидетельствовать контрастность приведенных высказываний грузинских политиков. При этом не исключено, что в заявлениях Д. Иоселиани может просматриваться элемент оппозиционности к Э. Шеварднадзе. Более того, названное соглашение с Абхазией в Грузии было очень непопулярным решением. Таким образом, мотивация Иоселиани в этом вопросе ясна, но вот чем были продиктованы заявления Сигуа? Причем грузинский премьер жесткую антироссийскую линию выдерживал почти все время войны в Абхазии. С одной стороны, как уже известно, Э. Шеварднадзе делал все возможное и невозможное для того, чтобы рассматриваемое соглашение было подписано, срыв которого привел бы к его военному фиаско в Абхазии, за которым могло бы последовать его политическое фиаско уже и в Грузии. Подписать же это соглашение он мог только при посредничестве России. На фоне этого в самый, казалось бы, ответственный момент премьер правительства Грузии, главой которой являлся Шеварднадзе, заявляет о войне с Россией. С одной стороны, Сигуа мог стремиться к осложнению положения главы Грузии, также набирая по сути валяющиеся под ногами политические дивиденды, делая безответственные и ни к чему не обязывающие заявления о российской агрессии против Грузии, т. к. всю ответственность нес тогда Шеварднадзе. Но это, с учетом той неопределенности, которая имела место в Тбилиси, означало в положении Сигуа «рубить сук, на котором сам сидел». С другой стороны, подобное поведение Т. Сигуа могло быть согласовано с самим Шеварднадзе, который тем самым доказывал Москве, что за свою более или менее явную лояльность к Москве на своей Родине он подвергается нападкам. Этим политиче-

[1] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000) // www.abkhaziya.org.
[2] Лакербай Ю. После грозы // Дорогой Леона. Сухум, 2003. С. 85.

ским давлением грузинской общественности он мог объяснять невступление Грузии в СНГ и, вообще, всякие антироссийские политические маневры Грузии. Судя по всему, в рассматриваемое время эти заявления Сигуа были свидетельством согласованных действий с Шеварднадзе. Но вскоре Сигуа вынужден был уйти в отставку, после чего он стал критиковать Э. Шеварднадзе именно за его антироссийскую политику. Стоить отметить, что критика задним числом как для грузинских политиков в целом, так и для Т. Сигуа, в частности, была привычным делом. Напомню, что никто иной, как Т. Сигуа уже был премьером Грузии при президентстве Гамсахурдиа. Тогда он также стал критиковать Президента после своего ухода с должности. Возможно ли, чтобы все главы государства были плохими, а премьер правительства, причем один и тот же при этих главах, оставаться хорошим?!

В. Ардзинба, говоря о том, почему он считал нужным подписывать Соглашение о прекращении войны в Абхазии, отмечал: «Есть у нас хорошие возможности, чтобы решить проблему Сухума. Но взятие города – это большие жертвы среди мирного населения. Кроме того, потери среди тех, кто будет брать город. И если можно решить эту проблему, восстановления нормальной деятельности и возвращение людей мирным путем, я считаю, что нужно стремиться к тому, чтобы не было пролито больше ни одной капли крови. Достаточно тех жертв, что имеем»[1]. Это Соглашение, как уже говорилось, вынужден был подписать и Э. Шеварднадзе, которому надо было доказать необходимость этого политического шага грузинскому Парламенту, который обсуждал проект Соглашения 24 июля на закрытом заседании. Многие депутаты выступили против подписания предложенного главой государства проекта Соглашения. Они заявили, что условия договора очень тяжелы для Грузии, а некоторые назвали его капитуляцией. На заседании речь в защиту Соглашения держал Э. Шеварднадзе, у которого было альтернативное Ардзинба понимание целей и задач предложенного документа. Глава Грузии, в частности, согласно стенограмме заседания, сказал: «Я еще раз хочу подчеркнуть, что это (Соглашение. – **А. А**.) является промежуточным документом. Я все время говорил, что мы Сухуми не уступим – не будет этого. Пока дышу, город защитим. Я исключаю разговор о том,

[1] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.

что Грузия может сдать Сухуми. Категорически против того, чтобы на кого-нибудь перекладывать ответственность. Ответственность должен взять на себя глава государства, но для меня мнение парламента, конечно же, является законом. Но когда речь идет о принятии решения – решение должен принять глава государства и, как написали в одной из газет, с которой по известной причине не согласен, он должен подняться на виселицу и поднимется, без сомнения, если потеряем Сухуми… Я не думаю, что сегодня парламент должен проголосовать за это. Речь идет о том, одобрим или не одобрим, примем или не примем. В протокол заседания можно записать, что всю ответственность за это соглашение и его последствия, включая подпись, возлагается на главу государства. Я готов отвечать за каждое слово, за каждую фразу и, конечно же, за последствия»[1].

Однако, судя по всему, Э. Шеварднадзе был не готов отвечать за содержание и последствия этого документа и отказался поставить свою подпись под ним. Тогда, комментируя это решение главы Грузии, В. Ардзинба отмечал: «Мы с самого начала заявляли и считали, что Соглашение должны подписывать высшие лица государств. Но, видимо, есть определенная политическая ситуация в Грузии; видимо, Шеварднадзе хочет дистанцироваться от этого, тем более, были угрозы в его адрес. И он поручил подписание второму должностному лицу Грузии – Гогуадзе. Я думаю, что если этот документ не будет выполняться грузинской стороной, вряд ли Шеварднадзе удастся уйти от ответственности»[2]. Но об ответственности думать главе Грузии было, судя по всему, некогда. Ему надо было спасать ситуацию. Также следует подчеркнуть, что в кулуарах грузинского парламента даже наиболее последовательные сторонники договора отмечали, что подписание Соглашения ни в коем случае не означает ослабления обороны Сухума[3]. В итоге голосования по этому вопросу не было. Решили предоставить Э. Шеварднадзе возможность в соответствии с имеющимися у него чрезвычайными полномочиями самому принять решение[4].

---

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 414.
[2] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.
[3] Газ. «Известия», № 139, 27 июля 1993 г. С. 5.
[4] «Независимая газета», № 139, 27 июля 1993 г. С. 3.

Сам парламент Грузии принял Обращение к гражданам, которое было озвучено утром 25 июля по грузинскому радио. В нем, в частности, было отмечено: «Сейчас в этот тяжелый период, когда тысячи юношей готовы погибнуть в борьбе за единство Грузии, каждый гражданин переносит несчастие и голод, пример высокой духовности демонстрируют защитники Сухуми, мы, парламентарии, принимаем историческую ответственность и просим главу государства провести переговоры с абхазской стороной о прекращении огня»[1]. 24 июля Э. Шеварднадзе, которому в этот день предоставили полномочия для подписания Соглашения с абхазами, объявил: «После обсуждения в парламенте проекта Соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением я принял решение поручить полномочным представителям Грузии после необходимых поправок подписать его. Готовое к подписанию Соглашение содержит все необходимые условия, кроме, пожалуй, одного, и я хочу сформулировать его: в первую очередь огонь должен быть прекращен в умах и сердцах людей, трагически втянутых в это катастрофическое для двух народов противостояние»[2]. А вот как глава Грузии убеждал сограждан в необходимости заключения перемирия: «Мы делаем все для того, чтобы Сухуми не пал. Тем более, если пойдем на подписание Соглашения. Верьте мне. Я хочу обратиться к народу, чтобы он понял – другого пути нет. И разговоры о том, что кто-то специально планировал нынешнее состояние, неверны, более того, унизительны»[3]. Накануне подписания Соглашения руководитель Абхазии, прогнозируя возможное развитие событий, подчеркнул: «Я думаю, расслабляться никаким образом нельзя. В первую очередь, это касается тех, кто сегодня с оружием в руках. Потому что есть у меня, например, выступление Шеварднадзе, из которого видно, как он это все трактует. Это конечно, вызывает серьезное беспокойство. Мы обратили внимание российской стороны на то обстоятельство, что, фактически еще не подписав документ, г-н Шеварднадзе занимается ревизией этого документа, т. е. все трактует так, как это ему нравится. Но, простите, это искажение сути самого документа. Если Шеварднадзе будет пы-

[1] Грузинское радио. 25 июля 1993 г. 9. 00. л. 1.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 41, 29 июля 1993 г.
[3] Лакербай Ю. Дорогой Леона. Сухум, 2003. С. 85.

таться идти по этому пути, можно заранее сказать, что это Соглашение обречено на неудачу… Либо кто-то искренне хочет стремиться к миру либо придется продолжить то, что мы делаем, до того момента, пока не будет решена эта проблема»[1].

24 июля, в тот же день, когда в грузинском парламенте обсуждался вопрос о перемирии с Абхазией, Президиум Верховного Совета Аджарии принял Обращение к руководству Грузии. В документе «во избежание утраты целостности и государственной независимости Грузии предлагалось безотлагательно подписать договор с Российской Федерацией». Требования о немедленном и безусловном выводе из Грузии Группы российских войск были названы «лишенными политического реализма»[2]. Думается, что политический фон и контекст данного Обращения свидетельствуют о неслучайном характере совпадения даты его принятия с дискуссией в грузинском парламенте. Исходя из этого, можно предположить, что данный документ оказал пусть даже не решающее, но все же влияние на исход обсуждения в парламенте. Дело не в том, что на грузинских парламентариев подействовал тезис аджарского руководства о мирном решении абхазской проблемы, за этим обращением в Тбилиси, по всей вероятности, четко увидели настойчивое пожелание России. Ведь неспроста накануне этого обращения в Батуми вслед друг за другом побывали командующий группой российских войск в Закавказье Ф. Реут и личный представитель Президента России Б. Пастухов[3]. А в условиях сильного политического влияния Москвы и нахождение ее военных баз в Аджарии, на фоне фактической независимости Батуми от Грузии проигнорировать пожелание России было весьма чревато, если вовсе возможно.

Вечером 25 июля по грузинскому телевидению было передано выступление Э. Шеварднадзе, во время которого он сказал: «Я думаю, Россия действительно стремится к миру, чтобы закончилась эта война. У нее много проблем на Северном Кавказе, Таджикистане, а также и внутренние проблемы. И все это подталкивает Россию, чтобы она играла

[1] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.

[2] Крутов А. А. Аджарская автономная республика: остров стабильности Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 215, 216.

[3] Там же. С. 215.

положительную роль, хотя бы на этом этапе… Однако мы не должны терять бдительность, пока реально не прекратится огонь, не придут наблюдатели и не станут там, пока мы не получим гарантии невозобновления конфликта. И там ожидать нападения, мы должны иметь достаточно сил. Я хочу подчеркнуть, что такого внимания со стороны ООН и СБСЕ не наблюдается ни в одном конфликте. Поэтому это есть та гарантия, что Россия будет вынуждена выполнять свои обещания»[1]. Однако он сам поздно ночью 25 июля вылетел в Сухум, где встретился с Б. Пастуховым, прилетевшим для этого в абхазскую столицу[2]. А перед этим тем же вечером представитель президента России прибыл в Гудауту и встречался с В. Ардзинба и абхазскими депутатами, где обсуждал с ними проект Соглашения о прекращении огня в Абхазии[3]. После уже названной короткой встречи с Э. Шеварднадзе в Сухуме Б. Пастухов опять вылетел в Гудауту[4].

Глава Грузии в эту же ночь в Сухуме имел беседу с представителями министерства обороны Грузии. В конце встречи он поблагодарил собравшихся за поддержку и правильное понимание его действий по подписанию проекта Соглашения о прекращении огня. Э. Шеварднадзе сказал, что 27 июля Соглашение о прекращении огня в Абхазии будет подписано его полномочным представителем и что это будет реальным шагом к завершению войны в Абхазии[5]. По всей видимости, об этой встрече повествует З. Папаскири, который сообщает следующее: «К середине третьей декады июля обстановка на Гумистинском направлении для грузинской стороны резко ухудшилась. Возникла реальная угроза падения Сухуми. В этой ситуации в Сухуми под руководством Ж. Шартава состоялось расширенное заседание Совета обороны, на котором присутствовали начальник генерального штаба Вооруженных сил Грузии генерал А. Цквитишвили, представители политического руководства Грузии, члены Совета национального единства (в том числе и автор этих строк). Выступившие на собрании А. Цквитишвили, коман-

[1] Интервью Шеварднадзе. Грузинское телевидение. 25 июля 1993 г. 20. 30. л. 6.
[2] Газ. «Известия», № 139, 27 июля 1993 г. С. 5.
[3] «Независимая газета», № 140, 28 июля 1993 г. С. 3.
[4] Газ. «Известия», № 139, 27 июля 1993 г. С. 5.
[5] Газ. «Независимая газета», № 139, 27 июля 1993 г. С. 3.

дир 2-го корпуса З. Учадзе, начальник Службы безопасности Абхазии Ю. Кешелава и другие компетентные лица, оценив военную обстановку как критическую, единственным выходом из сложившейся ситуации посчитали немедленное подписание Соглашения «О прекращении огня». Практически никто из присутствовавших (в том числе и депутат Парламента Грузии Б. Какубава[1]) не возражал. Так, с согласия военных, политического истеблишмента, представителей общественности Абхазии было принято решение о необходимости подписания злополучного Сочинского Соглашения 27 июля 1993 г.»[2].

Утром 26 июля Э. Шеварднадзе вернулся в Тбилиси, где в тот же день на заседании парламента сообщил, что «подписание, возможно, состоится 27 июля в Сочи». По его словам, Б. Пастухов, находившийся тогда в Гудауте, вечером 25 июля проинформировал его о том, что гудаутская сторона в принципе согласна с условиями Соглашения о прекращении огня, и у абхазских лидеров имеются лишь стилистические поправки к тексту документа. Э. Шеварднадзе также сообщил, что грузинская делегация 26 июля отправляется в Сочи и ознакомится с этими изменениями[3].

В 8. 00. утра 26 июля грузинское радио передало обращение Э. Шеварднадзе к грузинскому и абхазскому народам, в котором, в частности, было сказано: «Будущее грузин и абхазов должны определить сами эти народы. Между нашими народами не существует никакого спорного вопроса, который не сможем сами решить. Совместные усилия абхазов и грузин должны объединить разделенную на двое Абхазию и утвердить ее государственность в составе Грузии. Нужно создать такую ситуацию, которая будет гарантировать культуру, язык, самобытность абхазского народа… Огромное старание и доброе воля нам необходимы, чтобы восстановить нормальные условия жизни во всех городах и регионах Абхазии, создать условия для возвращения беженцев в свой собственный очаг. Я глубоко убежден в том, что грузинский и абхазский народы опять найдут пути к сердцам друг друга, совместными усили-

[1] З. Папаскири особо заостряет внимание на личности Б. Какубава, т. к. он был известен своей бескомпромиссной воинственной риторикой о необходимости силового решения вопроса с Абхазией и войны до победного конца.

[2] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 444.

[3] Газ. «Известия», № 140, 28 июля 1993 г. С. 1.

ями мы установим мир в нашей стране»[1]. В данном послании не было сказано ни слова о выводе грузинских войск из Абхазии. Но сам факт того, что в Тбилиси заговорили о перемирии на фоне успешных наступательных действий абхазской стороны, уже говорил о многом. Однако в этот же день глава Грузии присвоил Ж. Шартава звание генерала[2] и дал поручение Г. Каркарашвили вылететь в Сухум для того, чтобы «предотвратить наступление на город»[3]. Тогда же Э. Шеварднадзе обратился с просьбой в ООН прислать не 50 наблюдателей, а в 2-3 раза больше[4]. Судя по всему, эти силы глава Грузии рассматривал в качестве одной из преград возвращения абхазов в Сухум, о недопустимости которого он говорил и повторял неустанно.

26 июля во время обсуждения на сессии Верховного Совета Абхазии под председательством В. Ардзинба вопроса о заключении Соглашения с Грузией также возникли разногласия. Часть парламентариев полагала, что его подписание приведет только к консервации ситуации, а не к ее разрешению, считали, что освободить Абхазию можно только военным путем, ибо грузинская армия сама, несмотря ни на что, не уйдет. Следует отметить, что развитие событий показало, что эти доводы были верными. Но при этом следует заметить и то, что сторонники Соглашения также не могли не понимать обоснованность озвученных выше опасений. Но, как известно, политики, представляющие малые страны, в особенности находящиеся в состоянии войны, не всегда могут поступать, исходя из своих опасений, а в большинстве случаев вынуждены руководствоваться политической целесообразностью или тактикой «наименьшего зла». Нужно учитывать, что иногда вовремя не поставленная подпись может перевернуть ситуацию не в пользу страны, если даже подпись не ставилась ради ее пользы. Может быть и, безусловно, наоборот. Во всех случаях нельзя терять чувства ответственности за судьбы страны и народа. Тогда в итоге обсуждения «с учетом внесенных поправок депутаты пришли к мнению о целесообразности подписания данного Соглашения»[5]. Для участия в его подписании была

[1] Грузинское радио. 8. 00. 26 июля 1993 г. рукоп. лл. 2-3.
[2] Грузинское радио. 8. 00. 26 июля 1993 г. рукоп. л. 1.
[3] Газ. «Известия», № 140, 28 июля 1993 г. С. 2.
[4] «Независимая газета», № 140, 28 июля 1993 г. С. 3.
[5] Газ. «Республика Абхазия», № 35, 29 июля 1993 г.

сформирована делегация Республики Абхазия. Решением сессии подписать Соглашение 27 июля в Сочи было поручено заместителю Председателя ВС Абхазии С. Джинджолия[1].

Комментируя ход этого заседания и обсуждавшиеся на нем вопросы, В. Ардзинба тогда отмечал: «Несколько часов длилось заседание, должен сказать, очень непростое, потому что мнения депутатов по этому вопросу разошлись, и были принципиальные противники этого соглашения. Главные возражения депутатов были связаны с тем, что обычно грузинская сторона не выполняет условия соглашения и пытается использовать это в своих интересах. Кроме того, дополнительным аргументом критики со стороны депутатов этого соглашения было то, что за последние дни представители органов власти Грузии, в том числе сам Шеварднадзе, Кавсадзе, весьма активно комментируют этот документ. Пытаются каждое положение истолковать в угодном для них смысле. Коль скоро такое явление имеет место, то естественно, что у депутатов самые серьезные возражения. После продолжительных и очень острых дискуссий большинством голосов все же было принято решение, что это соглашение надо подписать. Я как раз отношусь к числу тех, кто считает, что это соглашение надо подписать… Сейчас наступил момент, когда противная сторона, наконец-то, я надеюсь, пришла к выводу, что силой этот вопрос решить нельзя, что необходимо искать пути мирного урегулирования. Более того, она соглашается на те условия, которые постоянно ставились нами… Я лично считаю, что это документ, который надо было подписать, потому что мы никогда не стремились силой решить эти проблемы»[2].

27 июля на утреннем заседании парламента глава Грузии заявил, что если с гудаутской стороны не будет внесено серьезных изменений в текст договора, то появится возможность 27 или утром 28 июля подписать его[3]. Как видно, Э. Шеварднадзе продолжал, может быть, на всякий случай, кривить душой, поскольку он уже достаточно давно знал точную дату подписания Соглашения и не раз ее озвучивал как в Сухуме, так и в Тбилиси.

---

[1] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.
[2] Там же.
[3] «Независимая газета», № 140, 28 июля 1993 г. С. 3.

27 июля в Сочи было подписано «Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением». Его подписали: с абхазской стороны – заместитель Председателя Верховного Совета С. Джинджолия, с грузинской – Спикер Парламента В. Гагуадзе, с российской – министр иностранных дел А. Козырев. Документ предусматривал:

1. Участвующие в конфликте стороны с 12. 00 часов 28 июля 1993 года возвращаются к строгому соблюдению режима прекращения огня и неприменения силы друг против друга в зоне конфликта, который был установлен на 20 мая с. г. Запрещается какое-либо боевое применение авиации, артиллерии, плавучих средств, любой военной техники и оружия. В Зоне конфликта (на территорию Абхазии) не будут вводиться дополнительные войска и другие вооруженные формирования, не будет проводиться мобилизация, несогласованное перемещение войск и иных формирований, завозиться оружие и боеприпасы, строиться объекты военной инфраструктуры.

2. С 29 июля 1993 г. начинают функционировать грузино-абхазо-российские временные контрольные группы (по 3 – 9 человек), персональный состав которых будет согласован сторонами. Временные контрольные группы осуществляют наблюдение за соблюдением режима прекращения огня. Они размещаются в Сухуме, Гульрипше, Очамчире, Гудауте, Новом Афоне, Ткварчели, Гали. В случае необходимости такие группы размещаются по согласию сторон и в других пунктах. Контрольные группы имеют право на доступ в любую интересующую их точку зоны конфликта после соответствующего уведомления сторон. Стороны в конфликте обеспечивают безопасность контрольных групп, создают условия для их проживания, предоставляют им средства передвижения. Контрольные группы могут рассматривать обращения населения по различным вопросам. По прибытии международных наблюдателей временные контрольные группы входят с ними в тесный контакт.

3. Каждая сторона в конфликте обязуется принимать незамедлительные, эффективные меры по пресечению любого нарушения ее формированиями режима прекращения огня, зафиксированного контрольными группами, оперативно реагировать на рекомендации и предложения контрольных групп. О нарушениях обязательств, приня-

тых по данному соглашению сторонами в конфликте, ставится в известность ООН и СБСЕ.

4. До 5 августа 1993 года формируется Объединенная комиссия по урегулированию в Абхазии (ОК). Положение о ней утверждается сторонами. В работе комиссии участвуют представители и наблюдатели от ООН и СБСЕ при их согласии.

5. Стороны считают необходимым приглашение и использование в зоне конфликта международных наблюдателей и миротворческих сил. При этом имеется в виду, что численность и состав международных миротворческих сил будут определены по консультации с Генеральным секретарем и Советом Безопасности ООН при наличии согласия сторон.

6. Начинается поэтапная демилитаризация зоны конфликта. В зону конфликта незамедлительно вводятся международные наблюдатели и в течение 10-15 дней со дня прекращения огня с территории Абхазии будут выведены вооруженные формирования Республики Грузия. В эти же сроки расформировываются и выводятся из Абхазии вооруженные формирования, группы и лица, находящиеся в зоне конфликта. Для охраны магистральных путей, важных объектов в соответствии с Итоговым документом Московской встречи 3 сентября 1992 года в зоне конфликта из местного населения формируются подразделения внутренних войск грузинской стороны, которые будут находиться на казарменном положении. Впоследствии это подразделение вместе с нижеупомянутым полком внутренних войск войдет в состав полинациональных внутренних войск Абхазии. Вооруженные формирования абхазской стороны сводятся в полк внутренних войск, который переходит на казарменное положение и выполняет до полномасштабного урегулирования свойственные внутренним войскам функции (охрана магистральных путей, важных объектов). Все вышеуказанные действия осуществляются под наблюдением Объединенной комиссии. По рекам Гумиста, Псоу, Ингур выставляются международные наблюдатели. Сразу после прекращения огня для поддержания общественного порядка в зоне конфликта создается полинациональная милиция, состав и численность которой определяются сторонами. К поддержанию режима прекращения огня и правопорядка привлекаются международные

силы, а также, по консультации с ООН, российский воинский контингент, временно расположенный в зоне конфликта. Стороны в конфликте гарантируют соблюдение прав многонационального населения. Будут приняты меры для возвращения беженцев в места их постоянного проживания, оказания им помощи. Для оперативного решения задач, связанных с проблемой беженцев, Объединенная комиссия создает специальную группу.

7. Российские войска, временно находящиеся на территории Абхазии, соблюдают строгий нейтралитет. Статус временного пребывания, условия функционирования, сроки и порядок вывода воинских формирований и пограничных войск Российской Федерации будут определены отдельными договорными документами. Стороны обеспечат безопасность российских военнослужащих и членов их семей.

8. В соответствии с Итоговым документом Московской встречи 3 сентября 1992 года стороны создадут условия для возобновления нормальной деятельности законных органов власти в Абхазии.

9. Стороны в конфликте под эгидой ООН и посредничестве России безотлагательно продолжат переговоры по подготовке Соглашения о полномасштабном урегулировании конфликта в Абхазии. В Соглашении будут отражены принципиальные вопросы поддержания мира, демилитаризации зоны конфликта, использования международных миротворческих сил, налаживания экономической жизни, поддержания правопорядка, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление против мирного населения, возвращение беженцев в места их постоянного проживания, соблюдения прав человека и национальных меньшинств, гарантий обеспечения политического статуса и государственного устройства Абхазии. Участники настоящего Соглашения обязуются не использовать его положения, режим прекращения огня для действий, которые могли бы нанести ущерб интересам любого из них»[1].

После подписания В. Гогуадзе прокомментировал его следующим образом: «Это была действительно сложная, тяжелая миссия, но после подписания у меня отлегло от сердца. До подписания соглашения меня терзали сомнения, тревожили мысли о том, не иду ли я на какие-то

[1] Газ. «Конфедерация», № 6, 6 августа 1993 г.

уступки, которые не в интересах моего народа. Но я реалист, и я решил, что только мир и согласие могут спасти нас в эти трудные времена. Мы надеемся, что прекращение огня – это первый знак того, что все войдет в нормальное русло. Подписание соглашения – удачное начало большого дела»[1]. Однако так думали далеко не все. З. Папаскири свидетельствует об умонастроениях, царивших тогда в оккупированном Сухуме. Здесь Соглашение восприняли следующим образом: «Подавляющее большинство считает данное соглашение капитулянтским со стороны грузинского руководства. Более того, даже существует мнение, что Э. Шеварднадзе и его окружение якобы преднамеренно подписали это соглашение и этим самым подготовили почву для сдачи Абхазии»[2]. В 2002 г. Т. Китовани во время своего интервью заявил что те, кто подписал Сочинское соглашение, «должны ответить за все»[3], видимо, имеется в виду поражение Грузии в войне.

Тем временем после подписания Соглашения Главнокомандующий Вооруженными силами Абхазии В. Ардзинба издал приказ о прекращении огня с 12 часов 28 июля[4]. Такой же приказ издал и министр обороны Грузии Г. Каркарашвили[5].

Сочинское соглашение высоко оценили западные дипломаты. В частности, посол Германии в Грузии Г. Дельхофф тогда заявил: «Федеральное правительство придерживается того мнения, что одно только прекращение огня – это серьезный путь, идя по которому, можно продолжать переговоры. Следует отметить роль г-на Шеварднадзе в достижении этого соглашения. Успех его политики заключается в том, что в России он видит партнера, с которым думает сотрудничать. В подписании этого соглашения велика заслуга и российской стороны. От нее во многом зависит, насколько надежным будет реальное прекращение огня»[6]. Ему вторил посол США в Грузии К. Браун: «Этот документ является шагом вперед. Правительство США всегда считало, что урегулировать сложные проблемы военной силой нельзя. Шеварднадзе принял

[1] «Независимая газета», № 147, 6 августа 1993 г. С. 3.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 445-446.
[3] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
[4] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.
[5] «Независимая газета», № 141, 29 июля 1993 г. С. 3.
[6] «Независимая газета», № 143, 31 июля 1993 г. С. 3.

важное решение, которое выражается, прежде всего, в прекращении огня в зоне конфликта. Верю в то, что Президент России Ельцин заинтересован в установлении мира в Абхазии»[1]. Министр иностранных дел Грузии при президентстве З. Гамсахурдиа М. Оманидзе, говоря о Сочинском Соглашении, тогда сказал: «Придет время, когда история скажет свое слово и оценит недавний еще один мужественный шаг Шеварднадзе – ведь он взял на себя ответственность за подписание соглашения о прекращении войны в Абхазии. Кстати, этот шаг увеличил его авторитет на Западе. Я убедился сам, находясь в конце июля в Бельгии, Голландии, Италии и Испании. Представители деловых и политических кругов этих стран говорили мне об этом, так необоснованными являются обвинения в адрес Шеварднадзе, что он согласился подписать капитулянтское соглашение»[2].

В августе 2008 г. в интервью журналу «Моя Москва» Б. Пастухов вспоминал: «В 1993 году я был назначен личным представителем президента России на переговорах об урегулировании острейшего конфликта в Абхазии. С этих пор моя жизнь протекала в бесчисленных поездках, встречах в Сухуми, в Тбилиси, в Москве. Дипломатические усилия привели к перемирию и подписанию соответствующего соглашения, что по тем временам означало мирный выход из кризиса»[3]. Б. Пастухов, по всей видимости, имеет в виду соглашение, подписанное 27 июля 1993 г. в Сочи. Однако замечу, что «бесчисленные поездки, встречи в Сухуми, в Тбилиси, в Москве» и никакие «дипломатические усилия» Б. Пастухова сами по себе не могли бы привести к подписанию этого соглашения. Оно стало возможным только в силу угрозы военного краха Грузии, возникшей в ходе Июльского наступления Абхазской армии. Замечание Б. Пастухова по поводу того, что «дипломатические усилия привели к перемирию и подписанию соответствующего соглашения, что по тем временам означало мирный выход из кризиса», не полностью соответствует действительности. Сочинское соглашение являлось перемирием, как справедливо пишет Б. Пастухов, но никоим образом оно не «означало мирный выход из кризиса», о чем также сообщает дипломат. Как

[1] «Независимая газета», № 143, 31 июля 1993 г. С. 3.
[2] «Независимая газета», № 147, 6 августа 1993 г. С. 3.
[3] http://www.moyamoskva.ru/articles/2008/08-n08-14.php

известно, невыполнение грузинской стороной Сочинского соглашения привело к эскалации военных действий и к началу Сентябрьского наступления абхазов, что также трудно назвать мирным исходом кризиса. Более того, и теперь, спустя 20 лет после изгнания оккупантов с территории Абхазии, в силу отсутствия мирного договора Грузия и Абхазия продолжают оставаться в состоянии войны.

Руководство России и международные организации (ООН и СБСЕ), оказывая политическую поддержку Э. Шеварднадзе, с начала грузинской агрессии против Абхазии вопреки принципам международного права стояли на позициях сохранения «территориальной целостности» Грузии. Теперь же российская сторона, подписав Соглашение в качестве посредника, и ООН, и СБСЕ, согласившись на участие своих представителей в Комиссиях по контролю за соблюдением Соглашения, признали Абхазию в качестве воюющей стороны и признали также косвенно наличие акта агрессии в действиях Грузии. Таким образом, справедливо замечание В. Хагба, который, давая оценку подписанному Соглашению, писал: «При всей неоднозначности оценок этого Соглашения можно с уверенностью говорить о трансформации позиций Республики Грузия, Российской Федерации и ООН при неизменности позиции Республики Абхазия»[1]. По его же мнению, главным недостатком документа являлось отсутствие в нем пункта о «международно-правовой ответственности Республики Грузия за совершенные преступления, агрессию и геноцид»[2].

Говоря об итогах Июльского наступления, абхазский историк В. Пачулия пишет: «На Гумистинском фронте Абхазская армия овладела стратегическими высотами над северо-западной частью Сухума. А на Восточном фронте, также завладев важнейшими стратегическими высотами, получила возможность контролировать часть Гальского района, от с. Чхортол до с. Река. С потерей указанных высот противник утратил возможность наносить прицельный огонь по населенным пунктам на подступах к Ткуарчалу и тем самым потерял важнейший плацдарм для наступления на город»[3].

---

[1] Хагба В. Агрессия Грузии и Международное право. Гагра, 1995. С. 46.
[2] Там же. С. 48.
[3] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 225.

По истечении немалого количества времени в Грузии преобладает мнение о том, что «вместо принятия неотложных мер военно-стратегического характера, изменения в свою пользу неблагоприятной оперативной обстановки, созданной на фронтах после Июльского наступления противника, политическое руководство Грузии по-прежнему продолжало капитулянтскую дипломатическую игру с Россией»[1]. Не хочется очень уж далеко отходить от законов жанра, но все же трудно удержаться от того, чтобы процитировать классическое двустишье: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Что же касается спекуляций на тему «капитулянтской дипломатической игры с Россией», то они и вовсе неуместны. Так как «отчаянное положение, в котором оказались грузинские войска, вынудило российское правительство оказать давление» именно «на абхазскую сторону»[2], что, по мнению С. Лакоба, «спасло Грузию от преждевременного поражения»[3]. Соглашение было подписано, «однако ни одна из сторон не доверяла подписи противника»[4] под ним. А накануне подписания Э. Шеварднадзе назвал его «промежуточным». «Это не документ полного урегулирования конфликта», – заявил он по грузинскому телевидению[5]. Это было свидетельством того, что этот документ не был достаточной гарантией для прекращения войны в Абхазии.

27 июля в Сочи Грузия вынуждена была заявить о готовности вывести свои войска из Абхазии, но продолжала готовиться к обороне Сухума. Это еще раз свидетельствовало о том, что Грузия пошла на подписание Соглашения не для того, чтобы его соблюдать, а выиграть время и собраться с силами. Именно этот аргумент противопоставлял Э. Шеварднадзе противникам подписания Соглашения в Грузии. Несмотря на это, глава грузинского государства подвергался критике, а 31 июля

[1] Джоджуа Д. Война в Абхазии. 1992-1993 годы // Очерки истории Грузии. Абхазия. Тб., 2009. С. 557.

[2] Грузино-абхазский конфликт: прошлое, настоящее, перспективы урегулирования. Институт диаспоры и интеграции (институт стран СНГ). www.archipelag.ru.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 82.

[4] Грузино-абхазский конфликт: прошлое, настоящее, перспективы урегулирования. Институт диаспоры и интеграции (институт стран СНГ). www.archipelag.ru/text/034.htm.

[5] Интервью Э. Шеварднадзе грузинскому телевидению. 25.07.1993 г. Перевод с грузинского.

ему пришлось даже заявить о своей готовности уйти в отставку, «если это может предотвратить столкновения в Грузии»[1]. Конечно же, это заявление было фальшивым, но, тем не менее, оно свидетельствовало о противоречиях внутри грузинской политической элиты, вызванных заключением Сочинского Соглашения, которое некоторые грузинские политики не называли иначе как капитуляцией. Еще накануне подписания Соглашения В. Ардзинба подчеркивал: «Должен сказать, что я тоже с большим недоверием отношусь к тому, насколько грузинская сторона готова выполнить это соглашение, но это не дает оснований не подписывать этот договор. Во всяком случае, в худшем положении, чем были, не окажемся. Есть у нас силы. Не получится по-хорошему, будем продолжать борьбу»[2]. Но, судя по всему, Э. Шеварднадзе не собирался капитулировать ни перед внутренними, ни перед внешними врагами. В подтверждение этого по его приказу еще 30 июля министру внутренних дел АРА Д. Гулуа было присвоено звание генерал-майора[3]. А 31 июля начальник Сухумского военного гарнизона генерал Г. Адамия издал приказ «Об укреплении обороноспособности г. Сухуми»[4]. Приказ предусматривал отмену с 31 июля всех видов отпусков и запрет выезда за пределы Сухумского гарнизона на всех видах транспорта. Эти ограничения вводились сроком на один месяц и относились как к военнослужащим, так и к гражданскому населению[5].

В Сочинском Соглашении было сказано о возвращении законных органов власти в Сухум в течение 10-15 дней, а названное решение грузинских властей было направлено на недопущение этого, тем самым на срыв самого Соглашения. Э. Шеварднадзе еще 25 июля в интервью Грузинскому телевидению, говоря об этой статье Соглашения, отметил, что оккупационные структуры власти в Сухуме «такие же законные, как и действующие на другой стороне»[6]. Несколькими днями позже, комментируя данное высказывание, В. Ардзинба сказал: «Это не соответствует элементарной логике. Законными органами власти в Абхазии

[1] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 310.
[2] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.
[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 389.
[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 369.
[5] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 388.
[6] Интервью Э. Шеварднадзе. Грузинское телевидение. 25 июля 1993 г. 20. 30. л. 4.

являются органы власти, существовавшие до 14 августа 1992 г., т. е. до момента вторжения. Я хотел бы отметить, что есть текст выступления Шеварднадзе о назначении Надарейшвили председателем Совета Министров. Шеварднадзе прямо сказал, что это незаконно. Не может парламент Грузии назначать председателя Совета Министров Абхазии. Это может делать только парламент Абхазии. Все это сделано вопреки существующей Конституции. И, естественно, все эти органы власти должны быть распущены. Должна быть восстановлена та власть, которая существовала до войны. И это будет»[1].

Все эти заявления и действия красноречиво свидетельствовали о серьезности ситуации, на фоне которой должна была начать свою работу Объединенная комиссия по урегулированию в Абхазии. Развитие событий не оставляло сомнений в том, что заключенное соглашение о перемирии далеко не является прелюдией к концу войны. Однако это, безусловно, никак не умаляет значения Июльского наступления, победа в котором Абхазской армии явилась коренным переломом в ходе Отечественной войны, и стратегическое превосходство после этого окончательно перешло к Вооруженным силам Республики Абхазии[2].

2. Абхазия и Грузия во время перемирия

2. 1. Объединенная комиссия и ее деятельность

В соответствии со статьей 4 Сочинского Соглашения, предусматривавшей создание до 5 августа Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии, началось ее формирование. С российской стороны сопредседателем этой комиссии был назначен председатель ГКЧС России генерал С. Шойгу. Абхазская ее часть в составе Н. Хашба, С. Таркил, Г. Берулава, Г. Допуа, С. Лакоба, Б. Кобахия была образована Верховным Советом 30 июля[3].

---

[1] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.
[2] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 220.
[3] Газ. «За наше Отечество», № 9, 7 августа 1993 г.

Согласно договоренности сторон, абхазо-грузино-росийские временные контрольные группы за соблюдением прекращения огня должны были начать работу с 29 июля. Ответственным с грузинской стороны за создание контрольных групп назначен заместитель министра обороны Л. Шарашенидзе[1], который уже 30 июля в сопровождении нескольких сотрудников Минобороны вылетел в Гудауту. Туда же должен был приехать и специальный представитель Генерального секретаря ООН Э. Бруннер, но не смог из-за непогоды[2].

Утром 30 июля Э. Шеварднадзе вернулся из Сухума в Тбилиси. Еще находясь в оккупированной абхазской столице, он поведал журналистам о том, что среди военных есть много недовольных подписанием Соглашения о перемирии. Однако, по его словам, население Сухума в целом одобрительно относится к миротворческому процессу[3]. Тем не менее, «миротворческий процесс» вызвал отток населения из Сухума. В связи с этим, согласно личному распоряжению Э. Шеварднадзе, комендант Сухума издал приказ о прекращении полетов самолетов гражданской авиации из сухумского аэропорта Бабушера[4].

Вопросы, связанные с реализацией Соглашения о прекращении войны и механизме контроля за его соблюдением, обсуждались на встрече В. Ардзинба с личным представителем Генерального секретаря ООН Э. Бруннером 31 июля в Сочи[5]. На ней абхазская сторона заявила, что если с грузинской стороны будет допущено невыполнение Соглашения и в особенности его основных положений – вывод грузинских войск и восстановление законных органов власти Абхазии, то ответственность за дальнейшее развитие событий целиком и полностью ляжет на неё. Тогда же вопросы, связанные с направлением и привлечением международных наблюдателей ООН и СБСЕ, а также миротворческих сил в Абхазию, обсуждались на встрече личного представителя Генерального секретаря ООН Э. Бруннера с руководителем российской части объединенной комиссии С. Шойгу, состоявшейся также в Сочи[6]. После этих

[1] Газ. «Известия», № 142, 30 июля 1993 г. С. 1.
[2] «Независимая газета», № 143, 31 июля 1993 г. С. 3.
[3] Газ. «Известия», № 143, 31 июля 1993 г. С. 1.
[4] «Независимая газета», № 145, 4 августа 1993 г. С. 3.
[5] Газ. «Республика Абхазия», № 36, 5 августа 1993 г.
[6] Там же.

встреч в тот же день, 31 июля, Э. Бруннер прибыл в Тбилиси, чтобы обсудить вопросы с введением военных наблюдателей ООН в Абхазию[1].

Тем временем в Грузии Соглашение вызвало острую и порой весьма противоречивую реакцию. Одна часть грузинских политиков и грузинского населения полагала, что Соглашение – это вынужденный шаг, что у Грузии нет сил и возможностей продолжать войну. Другая часть придерживалась противоположного мнения. Она обвиняла руководство Грузии и лично Шеварднадзе в капитуляции и предательстве интересов Грузии и считала Соглашение кабальным для Грузии. Об этом говорилось на митингах сторонников Гамсахурдиа, в том числе в Тбилиси[2]. Соглашением был недоволен и бывший «прокуратор» Абхазии Т. Надарейшвили, который поделился своим мнением с читателями газеты «Свободная Грузия». На ее страницах в номере от 3 августа он заявил: «Мы были вынуждены сделать этот шаг. Несмотря на мою радикальную позицию и неоднократные заявления о том, что мирные переговоры не дадут положительных результатов (а я и сейчас придерживаюсь такого мнения), я также уверен в необходимости такого документа». Однако, на его взгляд, большие сомнения вызывали пункты 6 и 8. В 6-м пункте было сказано, что все войска Грузии должны быть выведены из Абхазии. По его мнению, на территории Абхазии необходимо было оставить армейский корпус под руководством Учадзе и две механизированные бригады – 23-ю и 24-ю, укомплектованные жителями Сухума и Сухумской зоны. В статье 8 речь шла о восстановлении законных органов власти Абхазии, то есть парламента во главе с В. Ардзинба. Т. Надарейшвили выразил свое решительное несогласие с возвращением к власти в Абхазии Ардзинба, а депутатов парламента республики назвал «военными преступниками». Он также заявил, что против Ардзинба и Шамба как против организаторов этой войны, а также руководителей фашистской, по его словам, организации «Аидгылара» возбуждены уголовные дела[3].

Вот на таком «благополучном» фоне предстояло начать свою работу трехсторонней Объединенной комиссии. 3 августа в Сухум прибыл

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 467.
[2] «Независимая газета», № 143, 31 июля 1993 г. С. 3.
[3] «Независимая газета», № 145, 4 августа 1993 г. С. 3.

председатель Госкомитета по ЧС, представитель России в ОК С. Шойгу. Поздно вечером 3 августа в Сухуме состоялось первое заседание Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии, на котором рассматривались организационные вопросы, а также планы и сроки ввода в зону конфликта международных наблюдателей. Российскую часть объединенной комиссии возглавлял С. Шойгу, абхазскую – Н. Хашба, грузинскую – Ж. Шартава. В работе комиссии также принимали участие находившиеся в Сухуме международные наблюдатели, однако основная часть наблюдателей ООН и СБСЕ к тому времени еще не успела приехать в Абхазию. На заседании в Сухуме рассматривался и вопрос о вводе миротворческих сил ООН, что было возможно лишь после разведения вооруженных формирований противоборствовавших сторон[1].

Между тем, Э. Шеварднадзе считал участие ООН в урегулировании в Абхазии значимым фактором и возлагал на него большие надежды. 4 августа, видимо, чтобы зарекомендовать себя поборником прав человека перед западными участниками начавшегося процесса, он поручил Министерству обороны Грузии создать лагерь для захваченных в Абхазии военнопленных. Глава Грузии издал распоряжение «О разработке механизма защиты прав захваченных во время военных действий военнопленных и порядке захоронения тел погибших или скончавшихся воинов противника и передачи их противоборствующей стороне», тем самым категорически запретив расстрелы без суда. Этот документ был составлен в соответствии с требованиями дополнительного протокола «О защите жертв вооруженных конфликтов международного характера» Женевской конвенции от 12 августа 1949 года. Исходя из этих требований, глава грузинского государства поручил министру обороны создать на базе одной из воинских частей лагерь военнопленных. Он должен был быть обеспечен всем необходимым: продуктами питания, соответствующей погоде одеждой для пленных и прочим. Отдельным пунктом в распоряжении главы грузинского правительства было записано: «Категорически запретить посягательство на жизнь военнопленных. Не допускать оскорбления их человеческого достоинства. За расстрел военнопленных без суда виновные будут привлекаться к

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 147, 5 августа 1993 г.

уголовной ответственности»[1]. Стоить отметить, что это решение, как и ожидалось, было, даже при большом желании, не способно привести к каким-либо результатам. Что интересно, именно 4 августа в письме на имя Председателя Совета Безопасности Генеральный секретарь ООН предложил срочно направить в регион передовую группу до десяти военных наблюдателей ООН, с тем, чтобы «она приступила к оказанию содействия в проверке соблюдения прекращения огня, как это установлено соглашением о прекращении огня». Это предложение было утверждено резолюцией 854 Совета Безопасности 6 августа[2]. Уже на следующий день, 7 августа, в Грузию прибыла первая группа военных наблюдателей ООН[3]. В тот же день грузинское телевидение передало, что Э. Шеварднадзе и посол Грузии в США П. Чхеидзе принимают все меры для того, чтобы военные наблюдатели и «голубые каски» были направлены в Абхазию в возможно короткие сроки[4].

6 августа на Совете Безопасности ООН Генеральный секретарь выступил с докладом во исполнение резолюции 849 от 9 июля 1993 г. Позже, 16 сентября, В. Ардзинба в письме Генеральному секретарю ООН, отмечал, что, ознакомившись с названным документом, «был удивлен и озабочен некоторыми неточностями, а может быть, и искажениями духа и буквы Соглашения от 27 июля». Далее лидер Абхазии разъяснял свою позицию: «Прежде всего, я имею в виду упоминание о неких «абхазских властях в Гудауте» (пп. 3, 11, 17 Доклада). Я не знаю, кого подразумевает Генеральный секретарь – местную администрацию в г. Гудауте или временно находящийся в г. Гудаута и избранный в результате демократических законных выборов Парламент (Верховный Совет), а также назначенное им в соответствии с Конституцией Республики Абхазия Правительство. Хотелось бы получить разъяснения на сей счет. Вызывает сомнение и толкование докладчиком роли г-на Пастухова – личного представителя Президента России, который выступает в роли посредника, а не «оказывает содействие» (П.3). В Соглашении от 27 июля говорится: «К поддержанию режима прекращения огня и правопоряд-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 147, 5 августа 1993 г.
[2] http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res854.htm
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 476.
[4] Там же. С. 476.

ка привлекаются международные миротворческие силы, а также, по консультации с ООН, российский воинский контингент, временно расположенный в зоне конфликта» (Ст. 6). В то же время пункт 6 доклада говорит, что привлечение российского контингента всего лишь возможно. В п. 10 доклада речь идет о мнении грузинских должностных лиц относительно необходимости эффективного перекрытия российско-абхазской границы, что не предусмотрено текстом Соглашения и вряд ли входит в компетенцию ООН и руководства Грузии. Утверждение о том, что «абхазские власти в Гудауте» скептически отозвались о необходимости вовлечения ООН в конфликт» (п. 11 доклада), выглядит весьма странным после многочисленных официальных и неофициальных контактов руководства Республики Абхазия с представителями ООН различного уровня. Эти контакты имели место в г. Гудауте, Нью-Йорке и Сочи и способствовали выработке конструктивных решений, итогом которых и стало Соглашение от 27 июля с.г. Подобные высказывания являются свидетельством некоторой предвзятости ООН, что, впрочем, вполне объясняется тем, что: 1) Грузия является членом ООН, а Абхазия – нет; 2) в Грузии находится представительство ООН, а в Нью-Йорке, в штаб-квартире ООН есть грузинская миссия, что создает условия для постоянных тесных контактов; 3) нестабильная ситуация и рост терроризма в Грузии являются факторами, создающими определенный прессинг на представителей ООН и других международных организаций»[1].

Между тем, грузинский лидер подчеркивал и важную роль России в мирном процессе. По словам главы Грузии, Россия объективно была заинтересована в стабилизации на Кавказе, и курс Тбилиси на сотрудничество с Москвой – не случайность, а необходимость. Тем временем российская сторона к тому времени начала создавать в Сухуме оперативный штаб для реализации Соглашения о прекращении огня. По словам руководителя штаба С. Шойгу, это подразделение собиралось заниматься разведением войск противоборствующих сторон и организовывать их вывод из зоны конфликта. 4 августа в Тбилиси С. Шойгу встретился с Э. Шеварднадзе и обсудил вопросы организации работы оперативного штаба и формирования российской части миротвор-

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=68

ческих сил[1]. 5 августа распоряжением правительства России была утверждена российская часть объединенной комиссии, в которую входил 21 человек, а ее руководителем был утвержден председатель ГКЧС С. Шойгу[2].

5 августа в перерыве заседания грузинского парламента Т. Китовани подтвердил наличие разногласий с Э. Шеварднадзе, которые, по его словам, в основном касались будущего устройства Абхазии. Бывший министр обороны считал необходимым создать федеральные земли Грузии и ликвидировать все автономии. Он также сообщил, что в ближайшие дни собирался в Абхазию[3]. На этом же заседании парламента Грузии 5 августа Э. Шеварднадзе заявил о своем решении направить в Абхазию дополнительный контингент грузинских войск, а именно подразделения военизированного формирования «Мхедриони». В связи с этим тогда же, 5 августа, руководитель абхазской части Объединенной комиссии Н. Хашба выразил «решительный протест». Было заявлено, что названное решение председателя парламента Грузии грубо противоречит статье 1 Соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме за его соблюдением, поскольку, согласно ему, «запрещается вводить дополнительные войска и другие вооруженные формирования в зону конфликта». Н. Хашба заявил, что «решение главы Грузии фактически направлено на срыв выполнения Сочинских договоренностей и вызовет осложнение в зоне грузино-абхазского военного конфликта, ответственность за что целиком и полностью ложится на грузинскую сторону»[4].

О нежелании грузинской стороны соблюдать подписанные обязательства свидетельствовало и то, что она не приняла участия в заседании Объединенной комиссии 8 августа[5]. Вместе с тем, после подписания Соглашения о прекращении огня усилился террор по отношению к негрузинскому населению оккупированного Сухума. Грузинской стороной был сорван график развода войск и вывода тяжелой техники. Не

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 147, 5 августа 1993 г.
[2] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989 – 2006 гг. М., 2008. С. 277-279.
[3] «Независимая газета», № 148, 7 августа 1993 г. С. 3.
[4] Газ. «Конфедерация», № 6, 6 августа 1993 г.
[5] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 368.

были отведены орудие и бронетехника на Восточном фронте, а на Гумистинском фронте большая часть артиллерийских установок и бронетехники продолжала оставаться на передней линии соприкосновения военных сил сторон. В то же время Грузия укрывала часть бронетехники и артиллерии для возможного последующего использования. Невыполнение грузинской стороной мероприятий по отводу войск сорвало своевременный ввод Миротворческих сил. Она также не подготовила карты минных полей и другие необходимые данные, которые требовались от нее по протоколам заседаний ОК. Обо всем этом говорилось в послании В. Ардзинба президенту России и Генеральному секретарю ООН от 9 августа, в котором «ответственность за последствия срыва Соглашения» «целиком и полностью» были возложены на грузинскую сторону[1]. А еще ранее пресс-служба полномочного представителя Абхазии в России выступила с заявлением, в котором было сказано: «Аргументы противной стороны о том, что в ее войсках сражаются в основном местные жители и их некуда выводить, в Гудауте считают несущественными, настаивая на том, что все, кто под грузинским флагом воевал в Абхазии, должны покинуть территорию республики. В то же время в будущем после разоружения это не исключает возможности и права жителей Абхазии грузинской национальности, естественно, только тех, кто не запятнан в военных преступлениях, убийствах, грабежах и мародерстве, вернуться в места своего постоянного проживания»[2].

В Грузии тем временем разразился правительственный кризис: кабинет министров во главе с премьером Т. Сигуа подал в отставку. С. Шойгу назвал это нежелательным фактором для дальнейшей работы по установлению мира в Абхазии[3]. На этом фоне 7 августа возобновились российско-грузинские консультации в Тбилиси, куда прибыл российский посол по особым поручениям Ф. Ковалев. До марта 1993 г., как уже говорилось, попеременно в Москве и Тбилиси прошло четыре раунда переговоров, после чего они были приостановлены. Возобновление переговорного процесса стало возможным после подписания Сочинского соглашения, т. к. Москва неоднократно заявляла, что готова под-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 37, 12 августа 1993 г.
[2] «Независимая газета», № 148, 7 августа 1993 г. С. 3.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 473.

писать большой рамочный договор с Грузией только после прекращения войны в Абхазии.

Однако Э. Шеварднадзе, на которого парламент возложил исполнение должности премьер-министра, ждало и другое испытание. 8 августа у грузинского села Натахтари недалеко от Тбилиси был убит сотрудник политического отдела посольства Соединенных Штатов Америки Ф. Вудрофф, о чем «с глубоким прискорбием» извещали грузинские власти. В заявлении правительства Грузии говорилось: «Трагический случай произошел тогда, когда господин Ф. Вудрофф возвращался в Тбилиси после осмотра достопримечательностей Казбеги и Военно-грузинской дороги»[1]. Ф. Вудрофф был сотрудником ЦРУ – об этом тогда сообщила газета «Нью-Йорк таймс». По данным газеты, Вудрофф, который официально числился как работник политической референтуры посольства США в Тбилиси, занимался «обучением групп обеспечения безопасности» Шеварднадзе и других высших руководителей Грузии. Первые предположения о том, что он не «чистый» дипломат, появились сразу же, как стало известно, что в машине, в которой ехал американец и в которой он был убит выстрелом из засады, его сопровождал главный телохранитель Шеварднадзе[2]. 10 августа за телом Вудроффа был прислан специальный самолет, на котором прибыл директор ЦРУ США Д. Вулси. Гроб, накрытый американским флагом, в аэропорту провожал Э. Шеварднадзе, который имел часовой разговор с глазу на глаз с Вулсом. Президент США Б. Клинтон также заверил, что этот трагический случай не повиляет на позитивный характер взаимоотношений двух стран[3].

Подтверждением этого некоторые могли воспринять и то, что американец грузинского происхождения Д. Шаликашвили был назначен на пост председателя Комитета начальников штабов Вооруженных сил США – высший военный пост США. Это решение было принято в связи с тем, что 30 сентября К. Пауэлл должен был уйти в отставку[4]. Однако следует заметить, что Д. Шаликашвили даже при большом желании не мог оказать существенную поддержку Грузии, так как США к тому вре-

[1] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 390.
[2] Газ. «Известия», № 150, 11 августа 1993 г. С. 3.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 479.
[4] Газ. «Известия», № 153, 14 августа 1993 г. С. 3.

мени не были готовы на военное вмешательство в войну в Абхазии. К тому же он был назначен на высший военный пост США, но вопросы военного вмешательства принимаются политическим руководством, а для этого время еще тогда не пришло. Кроме того, в день его вступления в должность война в Абхазии была завершена, а грузинские войска были изгнаны из ее пределов. К тому времени прерогатива решения вопросов военно-политического характера в рассматриваемом регионе пока оставалась за Россией. С этим Грузия не желала соглашаться, но ничего поделать не могла. В конце концов, Э. Шеварднадзе, видимо, принял эту реальность и только этим сохранил себя у власти, а Грузию, может быть, от распада на мелкие удельные княжества. Но это было потом, а в интересующее нас время глава Грузии был занят другими заботами. Э. Шеварднадзе 12 августа беседовал по телефону с Генеральным секретарем ООН Б. Гали и просил его как можно скорее направить дополнительный контингент наблюдателей в зону конфликта. Глава Грузии сказал Генсеку, что если потерять темп урегулирования, то впоследствии уже будет невозможно разрешить конфликт[1]. По словам его пресс-секретаря Р. Эгадзе, Б. Гали заверил Э. Шеварднадзе, что сделает все, чтобы в зону конфликта как можно скорее были направлены дополнительные силы наблюдателей[2].

Тем временем убийство Вудроффа представляется происшествием, достойным того, чтобы еще раз вернуться к нему, тем более что оно приобрело серьезный геополитический подтекст. Обозреватель С. Кондрашов, анализируя ситуацию вокруг гибели американского дипломата, тогда писал: «По случайному совпадению в Москве находился в те дни глава ЦРУ Вулси, встречавшийся с шефом российской службы военной разведки. Вулси на правительственном «Боинге» прилетел в Тбилиси, чтоб забрать тело Вудроффа и заодно провести часовую беседу в аэропорту с Шеварднадзе, о содержании которой публике не сообщили. Гибель сотрудника ЦРУ почти совпала с сенсационным сообщением «Вашингтон пост» от 5 августа, что госдепартаментом разработана и ждет подписи Клинтона директива о новой роли США как посредника в спорах на территории бывшего СССР. Замысел грандиозный: «Помочь

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 154, 14 августа 1993 г.
[2] Газ. «Известия», № 152, 13 августа 1993 г. С. 1.

покончить с конфликтами до того, как они дестабилизируют режим президента Ельцина в Москве, вызовут этнический и религиозный конфликт более широких масштабов в Турции и Южной Азии или создадут предлог для осуществления военной агрессии российских Вооруженных сил за пределами границ России». «Дипломатический арбитраж» должен опираться на тот факт, что «у многих участников конфликтов лучшие отношения с Вашингтоном, чем друг с другом или с Москвой»… 13 августа и в Москве, и в Вашингтоне американскими дипломатами были проведены специальные пресс-конференции – с целью «исправить возможное неверное представление о позиции США». Было подчеркнуто, что в деле устранения препятствий, вызываемых конфликтами, США хотят «работать на основе партнерства с Россией», с условием согласия «всех сторон». «У нас нет намерения действовать в одностороннем порядке в регионе, и мы будем концентрировать наши усилия на сотрудничестве в рамках таких многонациональных форумов, как ООН и СБСЕ», – было заявлено на брифинге в Вашингтоне»[1].

Тем временем спустя две недели после трагического происшествия заместитель генпрокурора Грузии заявил: «Грузинский солдат, сознавшийся в убийстве Вудроффа, мотивировал свои действия тем, что был рассержен, так как машина дипломата не остановилась, когда он голосовал на дороге после поломки собственного автомобиля. Солдат заявил следователю, что был в плохом настроении и не собирался никого убивать, когда открыл огонь по машине дипломата»[2]. Ничего себе объяснение: грузинские солдаты, оказывается, когда у них портилось настроение, тешили себя тем, что убивали иностранных дипломатов.

Между тем, в конце июля – в начале августа в Грузию прибыла греческая делегация – консул Греции в России Д. Каламврезос, военный атташе Г. Куцулиси и представители фонда по приему и устройству греков-репатриантов. Цель их визита – познакомиться с положением своих соплеменников в Абхазии, помочь с выездом на историческую родину тем из них, кто хотел это сделать. Делегация вылетела в Сухум 31 июля и вернулась в Тбилиси 7 августа. По результатам этой поездки

[1] Газ. «Известия», № 158, 21 августа 1993 г. С. 7.
[2] Газ. «Известия», № 159, 24 августа 1993 г. С. 3.

Д. Каламврезос сообщил: «Мы объехали все места компактного проживания греков как в Сухуме, так и в районах, удалось встретиться даже с теми соотечественниками, которые живут в отдаленных селах Сухумского района». Он выразил благодарность властям за содействие в оформлении выездных документов. «Большое впечатление на греческую делегацию произвело то, что большинство греков в Абхазии сохранили родной язык. Нужно будет организованно собрать и вывезти репатриантов из места жительства в Сухумский порт»[1]. Министерство обороны Греции сообщило об отправке в Грузию военного и дипломатического персонала для спасения более тысячи этнических греков, проживающих в Абхазии[2]. 15 августа в Сухуми из Греции пришел корабль с 14 тоннами гуманитарного груза[3]. Обратным рейсом на нем только за один день, 15 августа, из Сухумского морского порта было отправлено в Грецию более 1200 греков – жителей Сухума и окрестных сел. Как правило, выезжавших граждан грузинские военные власти выписывали с места жительства, взяв с них письменные обязательства в том, что они больше не возвратятся в Абхазию[4]. Эвакуацией понтийцев из Сухума занималось греческое правительство, предоставившее им беспрепятственный визовый режим и транспорт. Операция по вывозу греков из оккупированной части Абхазии получила название «Золотое руно»[5]. Грузия, видимо, поняв, что военным путем добиться желаемого результата невозможно, стремилась к проведению этнической чистки на оккупированной территории, с тем, чтобы иметь больше оснований потребовать проведения границы между Грузией и Абхазией по р. Гумиста. Такие призывы тогда все чаще стали звучать как в оккупированной части Абхазии, так и в Грузии.

9 августа в Сочи с участием военных наблюдателей ООН состоялась очередная трехсторонняя встреча. Однако на ней, по словам вице-премьера Грузии А. Кавсадзе, из-за отсутствия военных был отложен во-

---

[1] «Независимая газета», № 153, 14 августа 1993 г. С. 3.

[2] Газ. «Известия», № 153, 14 августа 1993 г. С. 3.

[3] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

[4] Пачулиа В., Ачугба Т. Абхазия на рубеже XX–XXI вв. // Абхазы. М., 2007. С. 111.

[5] Комиссина И. Н. Грузия и Западная Европа: курс на интеграцию // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 1. М., 2001. С. 265.

прос о выводе из зоны конфликта тяжелой военной техники[1]. 10 августа в Пицунде состоялось очередное заседание Объединенной комиссии, на котором было достигнуто Соглашение о завершении вывода войск из зоны конфликта к 24 часам 16 августа[2]. В ходе первого этапа к 10 часам утра 14 августа должны были быть выведены грузинские войска и добровольческие формирования. Второй этап должен был начаться в 12 часов 14 августа и закончиться в 12 часов 16 августа, когда должны были быть выведены местные вооруженные формирования в те районы, где будут расположены части внутренних войск Абхазии: абхазские войска отводились в Новый Афон, грузинские – в Мачара[3]. До 24 часов 16 августа временными контрольными группами и наблюдателями должен был быть зафиксирован вывод всех войск и вооруженных формирований со всех позиций и укрепленных рубежей. 17 августа должен был быть произведен подрыв всех фортификационных сооружений и разминирование минных полей[4]. Это был очередной срок. До этого завершение вывода грузинских войск приурочивалось к 9, 11 и 14 августа. Однако все они были сорваны грузинской стороной.

13 августа в Сочи состоялось очередное заседание комиссии. Российскую ее часть возглавлял С. Шойгу, абхазскую – Н. Хашба, грузинскую – Ж. Шартава. В работе комиссии также принимали участие находившиеся в Сухуме международные наблюдатели. На заседании планировалось обсудить последующее после вывода грузинских войск возвращение парламента и правительства Абхазии и беженцев в места постоянного проживания[5]. 14 августа, в годовщину начала грузинской агрессии, в Абхазии был отмечен День памяти защитников Отечества[6]. Тем временем ущерб, нанесенный Абхазии, по словам члена абхазского Верховного Совета З. Ачба, оценивается в $50 млрд., а расходы Грузии на военные действия, по данным бывшего грузинского премьер-министра Т. Сигуа, составляли 50 млн. рублей ежедневно[7].

---

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 477.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 37, 12 августа 1993 г.
[3] «Независимая газета», № 152, 13 августа 1993 г. С. 3.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 154, 14 августа 1993 г.
[5] «Независимая газета», № 153, 14 августа 1993 г. С. 3.
[6] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 84.
[7] Газ. «Коммерсантъ», № 154, 14 августа 1993 г.

Абхазское радио сообщило, что 15 августа в Гудауте состоялось рабочее заседание объединенной комиссии, где и было заявлено, что грузинская сторона срывает сроки вывода своих войск. Грузинская сторона объяснила это тем, что у нее не хватает горючего, и поэтому приходится вывозить живую силу и технику морским путем[1]. Несмотря на это, 16 августа Д. Иоселиани заявил, что «почти полностью выведены из Абхазии подразделения «Мхедриони». Он высказал недоумение в связи с несколько странным отношением в Грузии к «Мхедриони»: «Если нас не любят враги, то это понятно, но почему к нам относятся с опаской наши сторонники, вызывает удивление»[2]. Наверное, Д. Иоселиани имел в виду позицию А. Абашидзе, решительно выступившего против идеи вывоза техники через Батуми и не желавшего пускать грузинские войска в Аджарию ни под каким видом[3]. Иоселиани тогда также сообщил, что он в ближайшее время собирается вылететь в Сухум[4].

Абхазия, несмотря на то, что грузинская сторона пренебрегала выполнением своих обязательств, приступила к выводу добровольческих подразделений, требование о котором также содержалось в Сочинском Соглашении от 27 июля. Так, 17 августа на многолюдном митинге в Гудауте провожали добровольцев из Северного Кавказа и Юга России[5]. В то же время Грузия была занята поиском союзников, которые помогли бы ей удержать ситуацию под контролем. Одним из таких шагов следует назвать визит Э. Шеварднадзе в Туркмению, завершившийся 18 августа. Помимо 25 договоров и основного договора, подписанных Шеварднадзе и Ниязовым в Ашгабаге, лидер Грузии сумел договориться о достаточно мягком порядке выплаты Грузией долга за природный газ, поступавшего из Туркменистана. На обратном пути Шеварднадзе залетел в Баку и имел многочасовую беседу с азербайджанским президентом Г. Алиевым[6].

---

[1] «Независимая газета», № 154, 17 августа 1993 г. С. 3.

[2] «Независимая газета», № 155, 18 августа 1993 г. С. 3.

[3] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысяча лет. М. – Владимир, 2009. С. 306.

[4] «Независимая газета», № 155, 18 августа 1993 г. С. 3.

[5] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 112.

[6] «Независимая газета», № 156, 19 августа 1993 г. С. 1.

Это, видимо, позволило Грузии отказаться от своих обязательств по Сочинскому Соглашению и других протокольных решений. 17 августа в Сухуме состоялась рабочая встреча Объединенной комиссии, которая констатировала, что грузинская сторона практически сорвала график вывода и разведения войск, а также зафиксировала наличие в оккупированной абхазской столице местных грузинских формирований и бронетехники[1]. Таким образом, стало очевидным, что Грузия саботирует подписанное ею же Соглашение и не собирается выводить свои Вооруженные силы из Абхазии. Не соблюдая Соглашение, грузинская сторона создавала препятствия для возобновления нормальной деятельности в г. Сухум законных органов власти, т. е. структур, существовавших до вторжения грузинских войск на территорию Абхазии. В послании В. Ардзинба в Объединенную комиссию от 19 августа говорилось о необходимости рассмотрения вопроса «о незамедлительном завершении вывода войск Грузии и обеспечении условий для возобновления работы законных органов власти в г. Сухум»[2].

Тогда в оккупированной абхазской столице каждый день шли митинги: одни требовали отставки Э. Шеварднадзе, другие – прекращения войны, третьи – установить границу между Абхазией и Грузией по р. Гумиста[3]. В грузинском обществе господствовало нетерпимое отношение как к абхазам, так и к России. Грузинский журналист Т. Пачкория сообщает весьма примечательный факт: в августе 1993 г. он взял интервью у Героя Советского Союза М. Кантария. «Ветеран заявил, что единственным выходом из создавшегося положения является невозобновление войны и вступление Грузии в СНГ, что вызвало шквал негодования и оскорблений в его адрес»[4]. На фоне всего этого в прессе появилась информация о том, что «Сухум полностью обеспечен электроэнергией», «сюда возвращаются беженцы», «начали выходить газеты, в том числе и «Демократическая Абхазия» на русском языке»[5].

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 38, 19 августа 1993 г.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 370.
[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 397.
[4] Думаа К. Н. Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002. С. 404.
[5] «Независимая газета», № 155, 18 августа 1993 г. С. 3.

Тем временем, очередное заседание Объединенной комиссии состоялось 22 августа в Сочи, на котором были подведены итоги выполнения плана и графика разъединения сторон и вывода войск. Стороны констатировали, что, несмотря на неоднократные переносы сроков, вопрос вывода грузинской бронетехники и тяжелого вооружения не решен[1]. Было принято к сведению заявление грузинской стороны, что окончательный вывоз всей бронетанковой техники и тяжелого вооружения будет осуществлен либо до 25 августа ж/д транспортом, либо до 1 сентября морским или воздушным путем. Было решено, что бронетехника, тяжелое вооружение, авиация и военно-морская техника, обнаруженные вне мест, определенных протоколом, подлежат немедленной ликвидации. С 10.00 23 августа в демилитаризованную зону Восточного фронта должны были быть введены 6 усиленных временных контрольных групп. ОК приняла к сведению заявление грузинской стороны о том, что группа украинских добровольцев, воевавших на стороне Грузии, полностью выведена с территории Абхазии. Стороны согласились приступить к комплектованию подразделений внутренних войск. В двухдневный срок должна была быть организована трехсторонняя комиссия по набору в названные формирования. В течение недели в эти подразделения планировалось зачислить до 300 человек[2]. Следующее заседание комиссии было намечено провести 25 августа в Сухуме.

Между тем, Москва продолжала играть определяющую роль в урегулировании ситуации в Абхазии. С этим обстоятельством сторонам приходилось считаться. К тому времени в Грузии все чаще стали говорить о том, что настал момент для подписания большого рамочного договора с Россией. Это обсуждалось на фоне категорического неприятия даже намеков вступления Грузии в СНГ, т. е. в сферу влияния России, что в Москве не могло не восприниматься с некоторой долей недоверия относительно искренности намерений Грузии. Тем не менее, в рассматриваемое время готовилась встреча руководителей России и Грузии. Обеспечение благоприятного фона для их проведения пытался взять на себя представитель Грузии в России В. Адвадзе. 19 августа он встречался с Р. Хасбулатовым, но, похоже, мало в чем его убедил, кроме

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 39, 26 августа 1993 г.
[2] «Независимая газета», № 159, 24 августа 1993 г. С. 3.

необходимости обменяться парламентскими делегациями[1]. На пресс-конференции в Москве 20 августа В. Адвадзе сообщил, что в ходе намеченной на 23 августа российско-грузинской встречи в верхах «принципиально» будет решен вопрос о дате подписания рамочного российско-грузинского политического договора. Б. Ельцин и А. Козырев неоднократно заявляли, что выступают за территориальную целостность Грузии при гарантиях автономии Абхазии и Южной Осетии. В Тбилиси, как сказал В. Адвадзе, хотели бы, чтобы эти слова как можно скорее были перенесены на бумагу — «и тогда не будет никаких проблем»[2]. Он признал, что экономическое положение Грузии, которая 85% энергоносителей получала извне (только из России более половины), «наиболее худшая в бывшем СССР». В. Адвадзе резюмировал: «Поэтому Грузия с большим интересом отнеслась к проекту экономического союза стран СНГ, и ее представители примут участие в намеченной на 7 сентября встрече глав правительств СНГ»[3].

В ходе переговоров Ельцина и Шеварднадзе 23 августа превалировала абхазская тема. У здания, где проходила названная встреча, был устроен пикет, организованный Московским обществом абхазской культуры «Нартаа». Участники акции выразили протест по поводу проходивших переговоров Ельцина и Шеварднадзе. В петиции, оглашенной на митинге, было сказано: «Мы требуем выполнения грузинской стороной пунктов сочинского Соглашения и немедленного вывода грузинских оккупационных войск с территории Республики Абхазия… Мы протестуем против визита Шеварднадзе в Москву и требуем, чтобы правительство РФ не подписывало договор с Республикой Грузия до полномасштабного урегулирования ситуации в Абхазии»[4]. Ну а на самой встрече Э. Шеварднадзе подчеркнул, что прекращение огня в Абхазии стало возможным благодаря активной посреднической роли России. Ответным реверансом стало заявление Ельцина о неизменной поддержке территориальной целостности Грузии. Президент России высказал мысль о необходимости переговоров по полномасштабному

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 159, 21 августа 1993 г.
[2] Там же.
[3] «Независимая газета», № 158, 21 августа 1993 г. С. 3.
[4] Газ. «За наше Отечество», № 11, 28 августа 1993 г.

урегулированию грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, в том числе по определению на взаимоприемлемых для сторон принципов государственно-политического устройства Грузии. В свою очередь, Шеварднадзе отметил, что вопрос будет решаться в рамках новой грузинской Конституции, проект которого в настоящее время разрабатывается. Участники беседы подтвердили приверженность договоренностям от 14 мая 1993 года об ускорении формирования договорно-правовой базы отношений между РФ и РГ, имея в виду до конца августа провести переговоры государственных делегаций и при благоприятных условиях подписать в сентябре Договор о добрососедстве и сотрудничестве[1].

При этом было согласовано, что церемония подписания состоится в Тбилиси, в связи с чем в грузинскую столицу прибудет российский президент[2]. 25 августа в СМИ было опубликовано обращение к руководству России председателя Верховного Совета Северной Осетии А. Галазова. В нем было высказано недовольство высказываниями о скором подписании российско-грузинского договора. В документе говорилось: «В заявлении ряда высших должностных лиц России неоднократно сообщалось, что Россия не подпишет полномасштабного договора с Грузией до полного урегулирования отношений с Абхазией и Ю. Осетией, определения их политического статуса»[3]. 26 августа в Цхинвале перед зданием ВС собрались несколько тысяч человек и потребовали направить телеграммы в адрес президента и премьер-министра России с просьбой не подписывать российско-грузинский договор до тех пор, пока Грузией не будет признан статус Республики Южная Осетия[4].

Между тем, 23 августа вместе с Э. Шеварднадзе в Москву приехал и новый премьер-министр Грузии 64-летний О. Пацация, а также министр финансов К. Попиашвили. Вечером грузинская делегация в полном составе отправилась на встречу с главой российского правительства В. Черномырдиным[5].

---

[1] «Независимая газета», № 160, 25 августа 1993 г. С. 1.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 160, 24 августа 1993 г.
[3] «Независимая газета», № 161, 26 августа 1993 г. С. 3.
[4] Газ. «Известия», № 162, 27 августа 1993 г. С. 1.
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 160, 24 августа 1993 г.

24 августа, на следующий день российско-грузинского саммита на высшем уровне, в Москве состоялась встреча В. Ардзинба и Б. Ельцина. По мнению некоторых наблюдателей, эта встреча носила характер профилактический – т. е. абхазского лидера нужно было убедить в том, что «Россия не может из-за Абхазии постоянно пренебрегать необходимостью иметь нормальные отношения и с Грузией»[1]. На встрече Президент Б. Ельцин поинтересовался обстановкой в республике и идет ли дело к стабилизации, на что В. Ардзинба ответил: «Похоже на то»[2]. Абхазский лидер также выразил благодарность РФ и ее народу за помощь, оказанную Абхазии в тяжелое время войны. Основной темой беседы двух руководителей была проблема выполнения сторонами Сочинского Соглашения о прекращении огня. В. Ардзинба обратил внимание Президента Ельцина на то, что Грузия практически сорвала предусмотренный Соглашением вывод войск с территории Абхазии. По его мнению, грузинские власти были намерены скрыть часть военной техники, а переодетых военных в гражданскую форму оставить в Абхазии. «Трагедией Сочинского Соглашения» назвал В. Ардзинба стремление грузинской стороны оспорить и поставить под сомнение статью Соглашения, предусматривавшую возобновление деятельности законных органов власти на всей территории Абхазии[3]. После получасовой беседы за закрытыми дверями абхазский лидер заявил журналистам следующее: «Я более чем удовлетворен беседой. Речь шла о выполнении соглашения о прекращении огня, достигнутого в Сочи, которое включает такие основополагающие моменты, как вывод грузинских войск из Абхазии, возобновление деятельности законных органов власти в республике, восстановление нормальной жизни». На вопрос, как ему представляется послевоенное устройство Абхазии, Ардзинба ответил: «К этому этапу мы должны подойти после того, как с территории республики будут выведены войска и восстановят работу местные органы власти. Мы всегда выступали и выступаем за цивилизованное решение всех проблем за столом переговоров». Отвечая на прямой вопрос, возможна ли его встреча с Шеварднадзе, абхазский лидер ответил, что «в принципе

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 159, 21 августа 1993 г.
[2] Газ. «Известия», № 160, 25 августа 1993 г. С. 2.
[3] «Независимая газета», № 161, 26 августа 1993 г. С. 3.

такая встреча всегда возможна, основная проблема здесь – чтобы обе стороны, безусловно, выполняли подписанные соглашения»[1]. Позже, 29 августа, в интервью абхазскому телевидению В. Ардзинба, комментируя эту встречу, выразил удовлетворенность ее результатами. Глава Абхазии также сообщил, что абхазская сторона обратила «внимание на то обстоятельство, что сроки фактически уже сорваны и что бесконечно долго ждать того, когда эти войска будут выведены, мы тоже не можем, и настаиваем, чтобы это происходило как можно быстрее»[2].

Что интересно, все три стороны, участвовавшие в названных переговорах 23 и 24 августа, заявили о своей удовлетворенности их итогами. Однако на фоне чуть ли не идиллического настроения участников переговоров чем-то малозаметным показалось весьма существенное разногласие. Б. Ельцин заявил о необходимости переговорного процесса «по решению на взаимоприемлемой для сторон основе вопросов государственно-политического устройства» Грузии. С такой постановкой вопроса согласился В. Ардзинба. В то же время Шеварднадзе заявил, что этот вопрос будет решен не в ходе переговоров, а в рамках новой Конституции, работа над которой уже шла[3].

26 августа Э. Шеварднадзе создал комиссию по определению политического статуса Абхазии и по разграничению функций между ней и Грузией во главе с А. Кавсадзе [4]. В тот же день, 26 августа, В. Ардзинба заявил о том, что законное абхазское руководство вернется в Сухум в ближайшее время. Также он сообщил, что Грузия должна выплатить Абхазии 2 трлн. рублей за ущерб, нанесенный оккупацией[5]. Тем временем, намеченный на 27 августа обмен пленными между грузинской и абхазской сторонами не состоялся. Грузины заявили, что у них пленных абхазов больше нет, тогда абхазская сторона ответила, что выдаст пленных после вывода из Абхазии тяжелой техники и артиллерии грузинских Вооруженных сил[6]. Все это не могло содействовать ослаблению напряженности в регионе. Более того, газета «Иверия-спектр» от 25 августа

[1] Газ. «Известия», № 160, 25 августа 1993 г. С. 2.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 40, 2 сентября 1993 г.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 161, 25 августа 1993 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 488.
[5] Там же. С. 487.
[6] Газ. «Коммерсантъ», № 164, 28 августа 1993 г.

сообщала, что при разведении войск на р. Гумиста некоторые сухумцы не оставляли своих позиций, их насильно сажали в машины и отвозили от занимаемой ими линии обороны[1].

Между тем, грузинское руководство все больше уповало на усилия международных организаций и западных стран. 24 августа, когда в Москве встречались Ельцин и Ардзинба, Совет Безопасности ООН принял резолюцию 858, согласно которой в Абхазию направлялось 88 военных наблюдателей с миротворческой миссией под командованием генерала Хвидигаарда[2]. Это была первая подобная группа ООН, направленная в бывший Советский Союз, что могло иметь прецедентный характер. Миссия ООН была рассчитана на полгода и обошлась бы в $16,2 млн. Стоить отметить, что и это решение СБ было принято в ответ на просьбу Э. Шеварднадзе, который уже давно ратовал за усиление вовлеченности международных организаций и западных стран в процесс урегулирования в Закавказье. Председатель Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба, комментируя названное решение, 29 августа сказал: «Я даже думаю, если бы 16 миллионов долларов были бы выделены в качестве гуманитарной помощи Абхазии, это тоже была бы большая помощь, но, тем не менее, наблюдатели, думаю, сыграют здесь важную роль. Что касается конкретных сил, то там никаких решений нет, и видимо, в ближайшем будущем ожидать их не приходится»[3]. Незадолго до этого решения СБ ООН в интервью английской газете «INDEPENDENT» Э. Шеварднадзе подчеркнул, в частности, роль давления со стороны Германии и США на Россию, которое, по его мнению, повлияло бы на эволюцию позиции Москвы в регионе: «Вы не можете напугать русских, однако Россия, безусловно, принимает во внимание пожелания США и Германии». Особые надежды Шеварднадзе также связывал с администрацией Б. Клинтона. В частности, выступая в грузинском парламенте, он отметил что «нынешняя администрация США располагает более реалистической картиной событий, происходящих в регионе». Противо-

[1] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

[2] http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res858.htm

[3] Газ. «За наше Отечество», № 12, 2 сентября 1993 г.

поставление администраций Б. Клинтона и Д. Буша, между тем, вполне укладывалось и в рамки нового подхода к «постсоветскому пространству» администрации демократов, основные черты которого нашли отражение в «Директиве 13». Они отличаются не просто большей активностью США, но и готовностью действовать самостоятельно в регионах, которые Москва считала зоной своей национальной безопасности[1]. Однако в то же время МИД Грузии решило не вводить визовый режим для граждан СНГ. Это решение было принято, несмотря на то, что согласно соответствующему закону, который вступал в силу 1 сентября, подданные стран ближнего зарубежья должны были бы соблюдать процедуру, распространявшуюся на граждан дальнего зарубежья[2]. Это был уже реверанс в сторону России.

Продолжением взаимных реверансов Грузии и России являлся визит П. Грачева в Тбилиси и его встреча с Э. Шеварднадзе. После двухчасовой беседы российский министр обороны сообщил журналистам, что целью его приезда является выполнение поручения Б. Ельцина по обсуждению ряда вопросов военного характера в преддверии подписания большого договора. По словам Грачева, после подписания большого договора между Россией и Грузией абхазская группировка российских войск перейдет из московского подчинения под командование российской группы войск в Закавказье, штаб которой располагался в Тбилиси. Сама ситуация в Абхазии, по его словам, на встрече не обсуждалась. При этом Грачев подчеркнул: «Как у России в Грузии, так и у Грузии в России есть стратегические интересы, что является вполне закономерным обстоятельством»[3]. По результатам переговоров было объявлено, что на территории Грузии останутся три основные группировки российских войск – тбилисская, батумская, ахалкалакская. И это согласие Э. Шеварднадзе на фоне постоянных и безапелляционных требований вывода российских войск из Грузии можно рассматривать как некоторую демонстрацию поддержки Б. Ельцину в непростое для него время.

Но некоторое послабление Грузии по отношению к присутствию российских военных баз, по всей видимости, было связано, в первую

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 164, 28 августа 1993 г.
[2] Газ. «Известия», № 165, 1 сентября 1993 г. С. 1.
[3] «Независимая газета», № 166, 2 сентября 1993 г. С. 3.

очередь, с изменением военно-политической ситуации в самой Грузии. К тому времени уже были не единичными столкновения вернувшихся из Абхазии боевиков и «мхедрионовцев» с местным населением. Еще 6 августа, в день начала работы Объединенной комиссии по урегулированию войны в Абхазии, ушел в отставку Т. Сигуа, который перешел в оппозицию к Э. Шеварднадзе. К 1 сентября, то есть ко дню названной встречи в Тбилиси, в Мегрелии сложилась очень напряженная обстановка. Тогда СМИ Грузии и России сообщили, что в Зугдиди съехались члены бывшего, гамсахурдиевского, парламента. Они с помощью вооруженных сторонников угрожали должностным лицам, приверженцам официальных грузинских властей, и требовали, чтобы те присягнули им, а непокорных смещали и назначали на их места своих людей. По сообщению главы Гальской управы Р. Цатава, звиадисты из Мегрелии угрожали, что если Гальский район не присоединится к ним, они придут и туда[1]. А 3 сентября в Зугдиди состоялась сессия ВС РГ, действовавшая при З. Гамсахурдиа, которая обратилась к нему с просьбой вернуться в Грузию и приступить к исполнению обязанностей президента. Его вооруженные сторонники с конца августа контролировали семь из восьми районов Мегрелии[2].

Лидер Аджарии, который старался примирить официальные власти Грузии со сторонниками З. Гамсахурдиа, особых успехов не добился. В этих условиях стало ясно, что удержаться у власти в Грузии режим Э. Шеварднадзе в состоянии только благодаря военной поддержке извне. 2 сентября в Батуми прибыли 2 американских корабля, доставившие 60 тысяч тонн зерна в качестве гуманитарного груза[3]. Однако было ясно, что западные страны не пойдут дальше. Исходя из складывавшихся тогда обстоятельств, в Тбилиси могли рассчитывать на военную поддержку только со стороны России. И здесь было не столь важным, кто выйдет победителем из внутрироссийского противостояния, а важно было сохранить хорошие отношения с ее вооруженными силами. При этом политическая конъюнктура была такова, что любая сила, пришедшая

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 500.
[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 70.
[3] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

к управлению Россией, поддержала бы Э. Шеварднадзе в противостоянии с оппозицией и предотвратила бы его свержение, что в тех реалиях привело бы к бесконтрольному дроблению Грузии. А это не могло соответствовать интересам России в регионе, о которых неоднократно говорилось выше.

Подтверждением сказанному может служить и тот факт, что именно тогда с 7 по 9 сентября в Тбилиси проходил пятый раунд российско-грузинских переговоров по выработке большого рамочного договора. Грузия больше, чем Россия, была заинтересована в подписании этого документа, но Москва, несмотря на наличие существенных внутренних проблем, продолжала использовать заключение договора как рычаг давления на Грузию. Она затягивала его подписание в ответ на неуступчивость Тбилиси в вопросе вступления в СНГ[1]. Может быть, к тому времени Э. Шеварднадзе уже начинал задумываться над возможностью вступления Грузии в СНГ, в сферу влияния России, но понимал, что даже заикаться об этом на своей родине пока было нельзя. Грузинской общественностью, во многом благодаря стараниям самого Шеварднадзе, Россия воспринималась как скрытый агрессор, который стремится поработить Грузию. В такой ситуации надо было обладать большим мужеством и изворотливостью, чтобы заявить о вступлении в один союз с Россией. Ведь не зря, наверное, Б. Ельцин позже назвал решение Шеварднадзе о вступлении в СНГ «очень смелым и мужественным шагом». Видимо, он из Москвы хорошо видел, как нелегко было Шеварднадзе уговорить театрально тщеславных грузин признать свою несостоятельность в потугах решить собственные вопросы без помощи и поддержки коварного, но единственно способного поддержать соседа – России.

Между тем в самой России надвигалось большое противостояние. 1 сентября Б. Ельцин временным указом снял со своего поста вице-президента А. Руцкого, что привело к возрастанию накала страстей. Как видно, в Москве возникли очень серьезные внутренние проблемы, которые, по идее, должны были привести к ослаблению ее внимания к абхазо-грузинской войне.

Тем временем еще 23 августа, после окончания переговоров с Б. Ельциным, Э. Шеварднадзе заявил, что возвращение беженцев уже нача-

[1] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001С. 71.

лось. По его словам, особое внимание власти обращали на подготовку к новому учебному году – реконструкцию школ, учету детей школьного возраста. При этом Э. Шеварднадзе подчеркнул, что «это обыденное мероприятие стало весьма знаменательным событием для Сухуми»[1]. Начало учебного процесса должно было продемонстрировать стабильность ситуации в оккупированной столице Абхазии и поднять дух его «мирных жителей». З. Папаскири считает, что «это имело большое политическое значение». Свою позицию он подтверждает следующим образом: «Оно поднимало моральный дух грузинского населения и показывало всему миру, что оно настроено миролюбиво и без всякой паники возвращается к мирной жизни, призывая тем самым абхазских собратьев последовать их примеру»[2]. В результате 1 сентября, несмотря на то, что это нужно было, в первую очередь, политикам, а не школьникам, во всех учебных заведениях Сухума начались занятия[3]. После войны на одном из грузинских сайтов о рассматриваемом вопросе рассуждали следующим образом: «Э. Шеварднадзе, который будет гореть в аду за развязывание войны, добавил к своим грехам еще один. Он объявил, что 1 сентября начнется новый учебный год, и кто не приедет в Сухуми, будет отчислен. Тысячи людей, которые увезли своих детей подальше от бомбежек в центральную Грузию, вернулись, привезя с собой все свое движимое имущество»[4]. Однако на защиту Э. Шеварднадзе встает З. Папаскири, который пишет: «Со всей ответственностью следует заявить, что в этом меньше всего вина политического руководства страны, и решение о целесообразности возобновления учебного процесса принималось исключительно в Сухуми. На этом настаивали прежде всего представители местной общественности (в том числе и автор этих строк). Кстати, сам Ж. Шартава, проявляя осторожность, долгое время воздерживался от принятия решения о начале учебного года»[5].

3 сентября Б. Гали направил письмо Э. Шеварднадзе, где призвал решить абхазский вопрос мирными средствами, путем переговоров и

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 160, 24 августа 1993 г.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 449.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 500.
[4] Воспоминания из груз. сайта http://cyxymu.livejournal.com/16011.html
[5] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 449.

компромиссов. Генеральный секретарь заверил, что направит в Абхазию группу военных наблюдателей[1]. Эта группа военных наблюдателей ООН в количестве 88 человек под командованием генерала Хвидегаарда прибыла в Абхазию 9 сентября[2].

Тем временем в конце августа – начале сентября трехсторонний пресс-центр Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии неоднократно констатировал факт невыполнения грузинской стороной пунктов Сочинского Соглашения. 5 сентября в г. Гудауте состоялось очередное заседание Объединенной комиссии, где была создана рабочая правительственная группа. Она должна была приступить к работе 9 сентября в столице Абхазии г. Сухум для создания условий и возобновления нормальной деятельности законных органов власти Абхазии[3]. Между тем, в связи с завершением первого этапа Сочинского Соглашения о прекращении огня в Абхазии по разводу противоборствующих сторон президент России издал указ об освобождении С. Шойгу от обязанностей руководителя российской частью ОК в Абхазии, эта обязанность будет возложена на другую кандидатуру[4]. Через некоторое время появилась информация о том, что С. Шойгу сместили из-за того, что он ратовал за возвращение «Ардзинба и его парламента» и заявил: «Если этого не произойдет, я верну абхазам сданные ими замки от орудий»[5]. Следует отметить, что в дальнейшем эта информация так и не получила подтверждения, но и не была опровергнута. На место С. Шойгу действительно была назначена другая кандидатура – В. Шуйков. Однако, скорее всего, это было связано с тем, что ранее правительством России было принято решение, что с 1 сентября в трехсторонней комиссии будут принимать участие сотрудники Госкомитета РФ по делам беженцев, сменив сотрудников ГКЧС[6].

6 сентября сессия Верховного Совета заявила «решительный протест против действий грузинской стороны, направленных на срыв Соглашения» и «возложила на нее всю ответственность за возможные

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 502.
[2] Там же. С. 516.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 43, 16 сентября 1993 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 508.
[5] Там же. С. 517.
[6] Газ. «За наше Отечество», № 11, 28 августа 1993 г.

последствия»[1]. На следующий день, 7 сентября, вооруженный отряд сторонников З. Гамсахурдиа под командованием Л. Кобалия численностью до 200 человек занял Гальский район[2]. Грузинские правительственные войска, контролировавшие эту территорию, не оказали ему никакого сопротивления. Это было расценено Верховным Советом как намерение грузинских властей сохранить военное присутствие Грузии в республике[3]. 8 сентября МИД России направило письмо МИДу Грузии, в котором констатировался тот факт, что вошедшие в Гал и Гальский район военные формирования Л. Кобалия захватили военную технику, вывозимую из Абхазии[4]. 9 сентября А. Кавсадзе отметил, что ввод названной группировки в Абхазию в период реализации миротворческой программы приведет к обострению ситуации. Более того, он заявил, что этот демарш может привести к серьезным последствиям для всей Грузии – даже к потере Абхазии[5].

Между тем, 7 сентября начался пятый раунд российско-грузинских переговоров. Присутствовавший 6 сентября на его открытии министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе выразил надежду, что раунд окажется завершающим и после него можно будет вести речь о заключении договора между Россией и Грузией. Руководитель российской делегации Ф. Ковалев ограничился заявлением, что Россия хочет обсудить от 16 до 18 проблемных моментов[6]. В результате названных переговоров были подготовлены тексты всех основных договоров. Однако проявились и определенные противоречия. Самым спорным моментом стала дата начала инвентаризации российского военного имущества, находившегося на территории Грузии. Эта дата так и не была установлена. Не были определены и доли сторон в экономическом восстановлении районов, пострадавших в результате грузино-осетинского копфликта, а также не были определены доли сторон по финансированию российских пограничных войск, охраняющих турецко-грузинскую границу. В целом посол по особым поручениям России Ф. Ковалев позитивно

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 41, 9 сентября 1993 г.
[2] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 396.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 378.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 512.
[5] «Независимая газета», № 172, 10 сентября 1993 г. С. 3.
[6] «Независимая газета», № 170, 8 сентября 1993 г. С. 3.

оценил итоги 5 раунда. Что же касается вопросов непосредственного подписания договора о дружбе и сотрудничестве между Россией и Грузией, то это будет решаться только главами государств. Руководитель грузинской делегации М. Уклеба в очередной раз заявил, что Грузия просит представить инвентаризационные списки о движимом и недвижимом имуществе российских войск для решения вопроса о передаче их под юрисдикцию Грузии[1].

9 сентября заседание Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии сорвалось по причине того, что в знак протеста из-за задержания грузинами спасателей ГКЧС России, российская сторона отказалась участвовать в его работе. Суть произошедшего, по словам руководителя грузинской части объединенного пресс-центра А. Берулава, состояла в следующем: «Инцидент имел место в горном селе Ажара. В июле нынешнего года в окрестностях Марухского перевала упал вертолет неизвестной принадлежности. Сейчас стало известно, что он перевозил грузы абхазской стороны. С северной стороны хребта без согласования с грузинскими властями налаживался воздушный мост на Ткуарчал. Летчики на свой страх и риск летали в зоне боевых действий. Это вызвало серьезную озабоченность грузинских властей. До сих пор вертолет никто не разыскивал». Вертолет и останки были найдены, но грузинские военные вмешались и захватили участников поисков, которые после переговоров были отпущены[2]. По поводу названного происшествия 8 сентября Президиум Верховного Совета Абхазии выступил с заявлением, в котором сообщалось следующее: «7 сентября 1993 года группа спасателей из Карачаево-Черкесии прибыла на Марухский перевал для вывоза тел погибших в ранее сбитом грузинскими вооруженными формированиями вертолете, выполнявшем гуманитарный рейс в блокадный город Ткуарчал. Вместе со спасателями находились также и родственники погибших. Вопрос вывоза тел погибших и прибытия в связи с этим указанной группы спасателей и родственников был согласован с грузинской стороной, которой были даны письменные гарантии обеспечения безопасности всем участникам акции. Однако вопреки достигнутому соглашению, грузинская сторона воспрепятствовала

[1] «Независимая газета», № 173, 11 сентября 1993 г. С. 3.
[2] Там же.

вывозу тел погибших, а их родственников и спасателей объявила заложниками. Только после вмешательства российской стороны спустя сутки заложники были освобождены»[1].

9 сентября, когда в Сухуме должна была приступить к работе правительственная группа, в оккупированной абхазской столице был проведен митинг, на котором грузинское население заявило, что оно с абхазами «жить вместе не хочет и не пустит их в город»[2]. Накануне на заседании Совета Министров в Сухуме с участием С. Кавсадзе и других представителей из Тбилиси обсуждался вопрос выполнения Сочинского соглашения и возвращения законного правительства Абхазии в Сухум. На нем депутат грузинской фракции Верховного Совета Абхазии Н. Месхия предложил «прекратить пересмотр соглашения, освободить кабинеты и не препятствовать возвращению абхазского правительства». Это вызвало споры, очень резко выступили против такого предложения Б. Какубава и Д. Джанилидзе. О том, что последовало за этим, сообщает Н. Месхия: «На второй день я встретился с Шартава, и он попросил выступить по телевидению в поддержку Сочинского соглашения. Но нас опередили, поспешно организовали митинг против возвращения абхазов»[3]. 9 сентября т. н. «Абхазское» телевидение передало сообщение о том, что «сегодня на центральной площади Сухума состоялся митинг, выступали против возвращения Ардзинба и его парламента, требовали его отставки и новых выборов»[4]. 12 сентября в Очамчире состоялся митинг против возвращения абхазов[5]. Причем решения митингов претворялись в жизнь.

Грузинская сторона отказывалась выполнить главное требование Сочинского Соглашения – вывод войск Грузии с территории Абхазии. В Сухуме, в Гульрипшском и Очамчирском районах была укрыта значительная часть военной техники, предназначенной к эвакуации, а солдаты и офицеры были переодеты в гражданскую одежду и под видом местных жителей были размещены в городе и близлежащих районах[6].

[1] Газ. «За наше Отечество», № 13, 10 сентября 1993 г.
[2] Предварительные материалы …
[3] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 159-160.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 516.
[5] Там же. С. 523.
[6] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 71.

Таким образом, выяснилось, что Соглашение грузинская сторона не будет выполнять. С учетом всего этого, а также неоднократных срывов грузинской стороной графика вывода своих войск из Абхазии, в письме в Объединенную комиссию по урегулированию ВС РА 11 сентября заявил, что «дальнейшее участие абхазской части в работе ОК возможно лишь при условии получения гарантий выполнения грузинской стороной всех решений комиссии, принятых во исполнение Сочинского Соглашения от 27 июля 1993 года»[1]. 13 сентября В. Ардзинба в очередном послании Генеральному секретарю ООН сообщал о готовности принять участие в конференции в Женеве, проведение которой была намечено на 30 сентября 1993 г. При этом он попросил о согласии Генсека на участие в работе названной конференции делегации Абхазии в качестве консультанта[2]. 14 сентября в Сочи состоялось консультативное совещание руководителей части ОК по урегулированию конфликта в Абхазии. От российской стороны принимали участие В. Шуйков, Б. Пастухов, от грузинской – Ж. Шартава, Р. Сичинава, от абхазской – Н. Хашба, С. Таркил. Б. Пастухов заявил, что «главный итог консультативного совещания – то, что стороны подтвердили стремление урегулировать конфликт мирным путем»[3].

Утром 15 сентября было объявлено о согласии депутатов парламента на введение ЧП в Грузии. Тогда же глава Грузии объявил, что намерен ввести ЧП с 20 сентября. 15 сентября в интервью грузинскому радио Шеварднадзе подчеркнул, что стабилизация ситуации в республике во многом будет зависеть от взаимоотношений с Россией. Видимо, в Тбилиси особо чувствовалась сложность ситуации, и никто не мог взять на себя ответственность за судьбу страны, и потом, наверное, все понимали, что без России не удастся решить абхазскую проблему, а тогдашний глава грузинского государства рассматривался единственным политиком, способным договориться с Москвой. В соответствии с этим имиджем 15 сентября на заседании парламента он заявил: «Я не мыслю будущего Грузии без России, но вы не даете мне ничего делать»[4]. Демонстраци-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 43, 16 сентября 1993 г.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны … Сухум, 2004. С. 383.
[3] Сообщение пресс-службы ВС РА. 15 сентября 1993 г. л. 1.
[4] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 319.

ей позиции самой России можно рассматривать российско-грузинское соглашения, подписанные 14 сентября. В частности, следующие документы: об урегулировании вопросов правопреемства в отношении государственного долга и активов бывшего Союза[1]; о порядке межбанковских отношений после введения Грузией национальной валюты[2]; о взаимных обязательствах и взаимной поддержке в связи с введением государствами национальной валюты[3]; о взаимных обязательствах и требованиях, связанных с прекращением использования рубля в качестве средства обращения на территории Республики Грузия и введением Республикой Грузия национальной валюты[4]. Серьезным фактом, подтверждавшим новый расклад сил, явился визит 15 сентября Г. Каркарашвили в Москву для переговоров с П. Грачевым[5]. Причем, по данным СМИ, тогда в Москву же был вызван и командующий группой российских войск в Закавказье Ф. Реут[6]. А. Асатиани – депутат грузинского парламента и бывший спикер гамсахурдиевского парламента, тогда утверждал, что «Москва может оказать Шеварднадзе не только моральную и экономическую, но и военную поддержку». К тому же, Россия, по его мнению, не была заинтересована в возвращении к власти З. Гамсахурдиа. По мнению же аналитиков, неизвестно, насколько было оправдано предположение Асатиани, но то, что высокопоставленная грузинская делегация находилась в России в момент обострения внутриполитической борьбы, демонстрировало, на чьей стороне симпатии Москвы[7]. Вместе с министром обороны тогда в Россию выехал и премьер-министр Грузии О. Пацация. Уже в тот же день, 15 сентября, были подписаны протокол между правительствами России и Грузии о торгово-экономическом сотрудничестве в 1993 году[8]; соглашение между правительствами России и Грузии о государственном кредите на 1993 год[9]; соглашение о переоформлении задолженности по техническим

[1] http://infopravo.by.ru/fed1993/ch01/akt11545.shtm
[2] http://infopravo.by.ru/fed1993/ch01/akt11546.shtm
[3] http://infopravo.by.ru/fed1993/ch01/akt11549.shtm
[4] http://infopravo.by.ru/fed1993/ch01/akt11550.shtm
[5] «Независимая газета», № 176, 16 сентября 1993 г. С. 1.
[6] Газ. «Коммерсантъ», № 177, 16 сентября 1993 г
[7] Газ. «Коммерсантъ», № 177, 16 сентября 1993 г
[8] http://infopravo.by.ru/fed1993/ch01/akt11533.shtm
[9] http://infopravo.by.ru/fed1993/ch01/akt11534.shtm

кредитам по итогам 1992 года в Государственный кредит правительству Республики Грузия[1]. Более того, политолог А. Скаков допускает вероятность неслучайного совпадения предоставления чрезвычайных полномочий Э. Шеварднадзе в Грузии с роспуском Верховного Совета в России[2], решение о котором было принято через несколько дней.

Спустя время академик Каркашадзе говорил: «Я считаю, что абхазцам и грузинам жить вместе будет очень тяжело. Еще когда шла война в Абхазии, мы собрались в Академии наук Грузии, и я тогда с большой болью внес предложение провести абхазо-грузинскую границу вдоль реки Гумиста. За Гумистой – Абхазское государство, а от реки территория Грузии». Эта идея, как выяснилось, была поддержана не только руководством Грузии, но и ООН, и представителями некоторых западных стран. Тогда же в ООН была составлена карта, где нашла свое отражение идея урегулирования на основе этнических чисток территорий. Согласно ей территория Абхазии была обозначена западнее реки Гумиста с грузинским названием «Абхазети», что свидетельствовало о том, что руководство Грузии при поддержке влиятельных кругов Запада вынашивало план раздела Абхазии на две части, одна из которых, включая и ее столицу город Сухум, должна была остаться под полным контролем грузинских властей[3]. Чуть позже В. Ардзинба в письме к Генеральному секретарю ООН также отметил, что «эта карта подтверждает нескрываемое намерение Грузии в отношении территории Абхазии – разделение ее на две части с осуществлением этнической чистки», при этом он многозначительно выразил сожаление по поводу того, что «такая карта тиражируется в официальных документах ООН»[4].

Прокуратура Республики Абхазия располагала рукописной записью выводов посла Германии в Грузии Г. Дальхоффа по результатам беседы с Э. Шеварднадзе. В ней было зафиксировано следующее мнение дипломата: «Установление мира между Грузией и Абхазией займет годы, и поэтому сейчас возможен процесс политических переговоров только

---

[1] http://infopravo.by.ru/fed1993/ch01/akt11535.shtm

[2] Скаков А. Ю. Внутриполитическая ситуация в Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 272.

[3] Отечественная война и «грузинские беженцы» Т. 1. Сухум, 2003. С. 250.

[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 387.

по прекращению огня. Этническая чистка – есть фактор установления мира, так как она ведет к решению проблемы»[1]. В связи с этим сошлемся на В. Ардзинба, который тогда сообщил: «Мы обладаем оригиналами записей бесед с бывшим послом Германии в Грузии Дальхоффом и нынешнем послом США в Грузии К. Брауном. Там речь идет о проведении будущей границы между Грузией и Абхазией по р. Гумиста. Дальхофф прямо заявил, что всех негрузин надо выселить из Сухума, и что этническая чистка есть фактор стабилизации»[2]. Процитированный разговор можно назвать сверкой позиций западных стран, которые были едины в необходимости узаконить уже осуществленную грузинскими властями этническую чистку в Абхазии. Позже, 16 сентября, В. Ардзинба в письме к одному из руководителей ООН К. Аннану писал: «Было бы непростительной ошибкой, если бы военные наблюдатели или миротворческие силы ООН делали «грязную работу» для генерала Каркарашвили в целях очистки Абхазии от негрузин и недопущения законных органов власти в столицу – г. Сухум»[3].

2. 2. Сочинское Соглашение и внутриполитические процессы в Грузии

Как уже говорилось, в Грузии заключение Сочинского соглашения вызвало острую и порой весьма противоречивую реакцию. Часть грузинских политиков и грузинского населения полагала, что соглашение – вынужденный шаг, что у Грузии нет сил и возможностей продолжать войну. Другая часть придерживалась противоположного мнения. Она обвиняла руководство Грузии и лично Шеварднадзе в капитуляции и предательстве интересов страны и считала соглашение кабальным. Об этом говорилась и на митингах сторонников Гамсахурдиа, в том числе

---

[1] Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992-1993 гг**. //** www.eurasiatimes.org/index.php?page=researches&article_id...

[2] Газ. «Время», № 23, 30 сентября – 7 октября 1993 г.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум. 2004. С. 387.

в Тбилиси[1]. Уже в день подписания Сочинского соглашения в Тбилиси прошел митинг трехсот звиадистов, которые призывали воевать до победного конца и обвиняли Э. Шеварднадзе в позорном проигрыше в войне. И. Церетели призвал все партии объединиться для борьбы против главы государства, заявив при этом, что Гитлер для Германии был более прогрессивным явлением, чем Шеварднадзе – для Грузии. Некоторые политические деятели настаивали на аннулировании Сочинского соглашения и возобновлении боевых действий[2]. Однако самая большая опасность для грузинских властей заключалась в возможности раскола в самом их лагере. Противоречия между Шеварднадзе и Сигуа, Шеварднадзе и Иоселиани при наличии крайне радикальной оппозиции внутри парламента, а также фактора опального и обиженного, но по-прежнему влиятельного и повоевавшего в Абхазии Китовани, курсировавшего тогда по Западной Грузии «с непонятными намерениями», создавали крайне тяжелый фон, грозивший последствиями необратимого характера для самого грузинского государства[3]. Хотя сам Т. Китовани опровергал эти сообщения. В частности, 5 августа он заявил: «Слухи о моих контактах с антиправительственными силами в Западной Грузии являются измышлениями коррумпированных политиков, которые заинтересованы в разжигании страстей и дальнейшей дестабилизации. Да, я неоднократно встречался с Кобалия и даже считаю, что его группировке необходимо придать официальный статус армейского подразделения в составе Вооруженных сил Грузии, но не следует домысливать эту ситуацию и снабжать ее несуществующими деталями»[4]. Но это сути дела не меняло.

Плюс ко всему, вернувшись из Абхазии, 31 июля в Сенаки войска, верные Л. Кобалия разогнали местную власть и утвердили свою власть[5]. Обстановка в Западной Грузии стала предметом разговора с глазу на глаз Иоселиани и Шеварднадзе в кабинете главы государства 31 июля. Иоселиани стремился получить согласие на отправку «Мхедриони» в

[1] «Независимая газета», № 143, 31 июля 1993 г. С. 3.
[2] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php
[3] «Независимая газета», № 146, 5 августа 1993 г. С. 3.
[4] «Независимая газета», № 148, 7 августа 1993 г. С. 3.
[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 465.

Западную Грузию. Шеварднадзе поначалу сомневался, но потом дал на это согласие, и уже 1 августа бойцы «Мхедриони» на автобусах отправились в зону конфликта. 2 августа по грузинскому радио Э. Шеварднадзе сказал, что сторонники Гамсахурдиа преследуют одну цель – «сделать все, чтобы не было в Грузии стабильности, чтобы не завершилась война в Абхазии»[1]. Однако уже в тот же день, 2 августа, СМИ сообщили, что в результате переговоров Кобалия оставил г. Сенаки и там была восстановлена власть правительства[2].

Тем временем, давление на Э. Шеварднадзе было таким жестким, что 31 июля он сделал очередное заявление о готовности уйти в отставку, «если это может предотвратить столкновения в Грузии». А 3 августа глава грузинского государства предложил выразить ему вотум доверия или недоверия. Однако парламент голосовать по этому вопросу не стал и выразил тем самым ему вотум доверия[3]. Но это не могло привести к стабилизации обстановки. Симптоматичным для того времени и является следующее происшествие. 3 августа, около 20:00, в Тбилиси на проспекте Церетели трое изрядно подвыпивших солдат ворвались в один из коммерческих магазинов. Размахивая оружием, они потребовали выдать им бесплатно импортные сигареты и алкогольные напитки. Сотрудники магазина отказались удовлетворить эти требования, после чего нападавшие открыли огонь из автоматического оружия по витринам магазина, ранив при этом проходивших мимо женщину и ее трехлетнего ребенка. Прибывший наряд полиции задержал стрелявших. Ими оказались командир одной из воинских частей грузинской армии, майор М. Инашвили, заместитель командира одной из частей, подполковник А. Элбакидзе и командир разведывательной группы, старший лейтенант А. Джохадзе. После их задержания мгновенно собравшаяся толпа примерно из 100 человек вырвала преступников из рук блюстителей порядка и на месте устроила самосуд. До смерти был избит старший лейтенант Джохадзе, который скончался на месте. Остальные двое в тяжелом состоянии были доставлены в больницы города[4]. При этом

[1] Газ. «Известия», № 144, 3 августа 1993 г. С. 1.
[2] «Независимая газета», № 144, 3 августа 1993 г. С. 3.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 470-71.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 147, 5 августа 1993 г.

надо отметить, что названный случай бесчинства защитников «территориальной целостности» не был единичным. По словам начальника тбилисского управления полиции Д. Зеикидзе, синдром безнаказанности среди военнослужащих и членов различных вооруженных формирований достиг катастрофического предела. По его словам, военная полиция и прокуратура практически всегда отпускали злоумышленников в военной форме. Мотивация, как правило, одна: они воевали в Абхазии, проливали кровь за родину. Из 312 случаев задержания с начала 1993г., по его словам, наказание понесли только десять преступников в военной форме[1]. Названный факт был показательным: грузинская армия привыкла безнаказанно себя вести вызывающе, без суда и следствия расстреливать людей на оккупированных территориях Абхазии, и вот после перемирия вернувшись к себе на Родину, они взялись за старое. Но не тут-то было. Жителям Тбилиси не понравилось, что офицеры поступили бесчеловечно по отношению к своим согражданам, а вот когда эти же «вояки» терроризовали беспомощное население захваченных абхазских населенных пунктов, их это не заботило, более того, выступали за войну до победного конца.

Тем временем, 5 августа Э. Шеварднадзе, выступая на чрезвычайном заседании парламента, заявил о необходимости введения чрезвычайного режима в стране как единственной возможности предотвратить скатывание Грузии к анархии и краху. Он, в частности, заметил: «Коррупция и воровство достигли невиданных размеров и приобрели особо циничный характер. Разворовывалось буквально все: и наше стратегическое сырье, и та помощь, которую нам присылают из-за границы. Даже до солдат, воюющих в Абхазии, доходило лишь двадцать процентов выделенных продуктов питания и других необходимых товаров. Остальное набивало чей-то карман»[2]. На этой же сессии глава Грузии заявил: «Я сам сегодня не делаю заявления об отставке только потому, что не знаю, к каким последствиям это может привести»[3]. Зато уже на второй день об отставке сообщил премьер грузинского правительства Т. Сигуа. 6 августа на вечернем заседании парламента он сказал. «Мы

[1] Газ. «Известия», № 148, 7 августа 1993 г. С. 2.
[2] Там же.
[3] «Независимая газета», № 148, 7 августа 1993 г. С. 3.

заседали до поздней ночи и единодушно пришли к выводу о необходимости нашего ухода, руководствуясь нежеланием усугублять раскол между исполнительной и законодательной властями»[1]. Позже, комментируя уход Сигуа в отставку, Китовани сказал: «Сигуа остался без меня, без силы, без поддержки армии, и легче было его вытолкнуть оттуда, Сигуа никакой силы не представлял. Шеварднадзе боялся меня. Я ушел, а что Сигуа… Хорошо, что Сигуа ушел до того, как пал Сухум»[2]. Тем временем исполнение должности премьер-министра парламент возложил на самого Шеварднадзе, который 17 августа на расширенной консультативной встрече с участием всех представленных в парламенте партий предложил на пост главы правительства кандидатуру З. Кервалишвили. Однако она была отвергнута всеми фракциями парламента. Тогда глава Грузии предложил кандидатуру О. Пацация, главу Зугдидского района, контролировавшегося сторонниками Гамсахурдиа. Это многими было воспринято как попытка навести мосты между сторонниками бывшего президента и действовавшей властью[3]. В ходе обсуждения этой кандидатуры мнения депутатского корпуса разделились. Т. Китовани заявил, что назначение Пацация приведет к серьезной дестабилизации в Западной Грузии. Открыто против выступила и Республиканская партия, отказавшись участвовать в голосовании. Сам Пацация, выступая перед голосованием, сказал: «На данном этапе главное – это объединить нацию и взять курс на политическую стабилизацию. Без этого экономические реформы не дадут никаких результатов»[4]. Большинством голосов кандидатура Пацация была утверждена на должность главы правительства Грузии.

Тем не менее, в газете «Иберия-Спектр», в номере от 18-24 августа 1993 г., было опубликовано интервью З. Гамсахурдиа, где он сообщил, что «военные формирования «господина Л. Кобалия» являются законными, ибо сохранили верность клятве, данной президенту. Предупредил, что готовится «вторая волна» в Мегрелии, и если Шеварднадзе не откажется от своей авантюристической политики, то «будут уничтоже-

[1] «Независимая газета», № 148, 7 августа 1993 г. С. 3.
[2] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
[3] Газ. «Известия», № 158, 21 августа 1993 г. С. 1.
[4] «Независимая газета», № 158, 21 августа 1993 г. С. 3.

ны его криминальные банды и этим закончится все». Призвал население оказывать неповиновение «нынешним незаконным властям и добиваться их смещения, но мирным путем, без гражданской войны»[1]. Наряду с этим с 20 по 25 августа в Западной Грузии прошла серия встреч и переговоров представителей официальных властей с Л. Кобалия. В частности, с лидером вооруженной оппозиции встречались Г. Каркарашвили, Т. Хачишвили, А. Абашидзе, Д. Иоселиани. На них обсуждался вопрос официального статуса войск Кобалия в составе Вооруженных сил Грузии[2]. Однако эти переговоры окончились безрезультатно, и уже 26 августа отряды Кобалия захватили два рыболовецких сейнера в населенном пункте Анаклия и предъявили ультиматум руководству местных администраций: обменять суда на танки и боеприпасы[3]. 27-28 августа, по данным некоторых СМИ, из Сухума в Поти был направлен корабль с боевой техникой для укрепления позиций правительственных войск в городе. В Поти и Самтредиа были посланы подразделения «Мхедриони»[4].

28 августа в Кутаиси у храма Баграта с участием Ильи II была организована многотысячная акция примирения, в которой приняла участие и делегация из оккупированной части Абхазии во главе с Л. Маршания[5]. Однако примирения не получилось, т. к. уже в 4 часа утра 28 августа Кобалия занял города Сенаки, Хоби, Абаша. Получалось, что как только в Грузии придумывали акацию примирения, обязательно начиналась война или эскалация напряженности. Так было и перед вторжением в Абхазию. При этом в Абашу и Хоби звиадисты ввели свои формирования без всякого сопративления. Столкновения имели место только в Сенаки, где в ходе перестрелки погибли 2 и 4 были ранены. Звиадисты ввели в город танки и БТР, в передаче которых обвиняли Китовани. Сам экс-министр обороны, выступая по грузинскому телевидению, назвал происходившее провокацией, явно подразумевая при этом власти, и назвал Кобалия человеком слова, с которым можно и необходимо до-

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 505-06.
[2] «Независимая газета», № 164, 31 августа 1993 г. С. 3.
[3] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm
[4] «Независимая газета», № 164, 31 августа 1993 г. С. 3.
[5] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 448.

говариваться. Ответные действия правительства начались с переброски войск в Самтредиа и Поти, граничащие с захваченными районами. В Самтредиа отправился и Д. Иоселиани[1].

Шеварднадзе активизацию звиадистов назвал акцией, преследующей целью ввергнуть республику в хаос. Он заявил: «Они хорошо знают, что это грозит голодом для Тбилиси»[2]. Но наряду с этим захват звиадистами Сенаки и блокада Поти в определенной степени сыграли на руку Э. Шеварднадзе, у которого, таким образом, появилось новое оправдание крайне медленного вывода грузинских войск из Абхазии. 25 августа истек очередной срок вывода; абхазы снова согласились на его продление, поскольку грузинское командование достигло договоренности с российскими военными о вывозе тяжелой техники по морю на десантных кораблях. Но когда наступило время погрузки, грузины вступили в конфликт с россиянами, желая плыть на том же корабле и сверх того – получить обратно сданные по договору на склады российских военных баз опечатанные затворы, снятые с разводимой бронетехники (как грузинской, так и абхазской). Грузины заявили, что тяжелое вооружение понадобится им в Грузии для обороны против звиадистов. Затем грузинские военные и вовсе начали отказываться вывозить технику в осажденный Поти. Против идеи вывоза техники через Батуми, как уже отмечалось, решительно воспротивился А. Абашидзе, не желая пускать грузинские войска в Аджарию[3].

Между тем, 30 августа Э. Шеварднадзе направил послание мегрельскому предводителю, где призвал к отказу от конфронтации, сохранению единства и территориальной целостности Грузии и национальное единение[4]. Однако 3 сентября в Зугдиди состоялась сессия Гамсахурдиевского парламента, на которой с докладом выступил бывший премьер В. Гугушвили. Было объявлено, что его правительство возобновляет деятельность на подконтрольных Кобалия территориях[5], а Гамсахурдиа

[1] Газ. «Известия», № 165, 1 сентября 1993 г. С. 2.
[2] Газ. «Известия», № 164, 31 августа 1993 г. С. 1.
[3] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 495.
[5] «Независимая газета», № 168, 4 сентября 1993 г. С. 3.

заявил, что дни хунты сочтены[1]. 6 сентября Шеварднадзе, выступая по национальному радио, заявил, что есть реальная опасность начала в Грузии новой гражданской войны из-за событий в Мегрелии[2].

Ночью 10 сентября в Кабулети безрезультатно завершились переговоры вице-премьера Грузии А. Маргиани с В. Кобалия[3]. В ответ на это 11 сентября на заседании общества «Тбилисели» (Тбилисец) Шеварднадзе заявил: «Хватит говорить о нашем вкладе в развитие человечества, народ устал от демагогии. Пора принимать решительные меры». На этой же встрече глава Грузии заявил, что поставит перед парламентом вопрос о введении в стране чрезвычайного положения[4]. 12 сентября был сформирован новый состав Кабинета Министров, который представил Шеварднадзе на собрании в Кутаиси. Он сообщил, что вопрос о введении ЧП будет поставлен на заседании парламента 14 сентября. При этом глава Грузии заявил: «Тот, кто не сложит оружия, будет уничтожен»[5], имея в виду бандформирования.

14 сентября на заседании грузинского парламента Д. Иоселиани обвинил Э. Шеварднадзе в стремлении узурпировать власть и установить диктатуру. Источником напряжения между Шеварднадзе и Иоселиани на этот раз стало решение о смещении министра внутренних дел Т. Хачишвили – ставленника Иоселиани и совмещение Э. Шеварднадзе обязанностей главы государства и МВД, а также планировавшая операция по ликвидации вооруженной группировки из 120 человек, действовавшей в Рустави, для чего планировалось ввести в город отряд полиции и войск численностью 500 человек[6]. У Иоселиани были личные «воровские» интересы, поскольку Шеварднадзе через правоохранительные органы приблизился к другому его ставленнику – руководителю отделения «Мхедриони» в Рустави Т. Талахадзе[7]. Ни один коммерческий киоск нельзя было открыть без его разрешения. Руставский отряд «Мхе-

[1] Газ. «Известия», № 168, 6 сентября 1993 г. С. 2.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 507.
[3] Газ. «Независимая газета», № 173, 11 сентября 1993 г. С. 3.
[4] Газ. «Известия», № 175, 15 сентября 1993 г. С. 1.
[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 524.
[6] «Независимая газета», № 175, 15 сентября 1993 г. С. 1.
[7] Т. Талахадзе погиб 28 января 1994 г. в результате взрыва в парикмахерской города Рустави.

дриони» располагал значительным количеством оружия, боеприпасов и военной техники. Через Талахадзе шла торговля оружием и наркотиками[1]. По словам Шеварднадзе, решение о проведении операции в Рустави было вынужденным и исходило из сложившейся там обстановки и террора, которому был подвергнут город этой группировкой[2].

В ответ на названные упреки Иоселиани Шеварднадзе заявил, что не видит смысла в таких условиях находиться на посту главы государства и подает в отставку[3]. «Если вы хотите иметь главу государства, которому можете плевать в лицо и оскорблять его, то в отношении меня это не пройдет» – заявил Шеварднадзе после завершения выступления Иоселиани. Глава Грузии своему демаршу придал политический оттенок, ибо он был уверен, что никуда не уйдет, а остаться и быть человеком, который подавал в отставку из-за разборок государства с криминалом, ему, видимо, не хотелось. А насчет его ухода с политической сцены: он столько сделал для своего продвижения к единоличной власти в Грузии, что сейчас, когда он убрал своих главных конкурентов, которые обладали самым главным аргументом в споре с ним – военной силой, уйти он не мог. А политических оппонентов, очевидно, он не боялся, ибо интриги и подковерные игры – это было кредо самого Э. Шеварднадзе. Так что его заявление об отставке было всего лишь политическим демаршем. Тем временем заявление об отставке вызвало переполох в парламенте и даже сам «возмутитель спокойствия» Иоселиани выступил и заявил, что он остается сторонником Э. Шеварднадзе и считает, что ему нельзя уходить в отставку. Тогда же прибывший на сессию Г. Каркарашвили заявил, что армия и он лично поддерживают Э. Шеварднадзе[4].

Вечером перед парламентом собрался многотысячный митинг и буквально на коленях просил Шеварднадзе изменить свое решение. Не принял его отставку и парламент, явно испугавшись последствий такого шага и свалившейся на него ответственности. К Шеварднадзе обратился Илья II, который от имени православной паствы призвал его

---

[1] Разоренова М. Грузия в январе 1994 года // http://igpi.ru/monitoring/ 104764-5476/jan1994/Gruziya0194.htm

[2] «Независимая газета», № 175, 15 сентября 1993 г. С. 1.

[3] Газ. «Известия», № 175, 15 сентября 1993 г. С. 1.

[4] «Независимая газета», № 175, 15 сентября 1993 г. С. 1.

не уходить со своего поста ради спасения страны. Шеварднадзе, выступая перед собравшимися, сказал, что готов изменить свое решение при условии введения чрезвычайного положения и роспуска парламента сроком на три месяца. При этом он заявил: «Я не могу работать в условиях, когда обсуждение важных государственных вопросов больше напоминает воровские разборки»[1]. Глава Грузии также сообщил, что у деструктивных сил Грузии разработана целая программа, направленная на то, чтобы заставить его уйти от власти. В частности, в свое время, по его словам, разрабатывался даже план сдачи Сухума[2]. Парламент Грузии на заседании 15 сентября принял решение о приостановлении своей работы на время действия режима чрезвычайного положения, то есть на два месяца. Из 156 голосовавших против приостановления работы парламента высказалось лишь 6 депутатов[3]. Тогда же глава Грузии объявил, что намерен ввести ЧП с 20 сентября. 15 сентября, Шеварднадзе прибыл в Кутаиси, где накануне, в ночь с 14 на 15 сентября антиправительственная группировка в Западной Грузии перешла к активным действиям. Вместе с тем представитель западногрузинской администрации из Зугдиди М. Чухуа заявил, что в регионе не было никаких боев и никаких жертв[4]. Однако Шеварднадзе отдал приказ о начале операции против звиадистов[5].

3. Сентябрьское наступление

Между тем, к середине сентября стало ясно, что Сочинское Соглашение не будет выполняться Грузией и грузинский режим не допустит возобновления деятельности законных органов власти в абхазской столице. Это в контексте с проводившейся этнической чисткой на оккупированной территории и практическое согласие ООН на разделение Абхазии по Гумисте служило наглядным свидетельством невозможности достижения целей Соглашения мирным путем. Поэтому не нужно

[1] Газ. «Известия», № 176, 16 сентября 1993 г. С. 1.
[2] «Независимая газета», № 176, 16 сентября 1993 г. С. 1.
[3] Газ. «Известия», № 176, 16 сентября 1993 г. С. 1.
[4] «Независимая газета», № 177, 17 сентября 1993 г. С. 3.
[5] Газ. «Известия», № 177, 17 сентября 1993 г. С. 1.

было быть провидцем, чтобы понять, что широкомасштабные боевые действия рано или поздно возобновятся. В этих условиях Генштаб Вооруженных сил Абхазии разработал в обстановке строжайшей секретности план операции по освобождению Сухума и всей оккупированной территории Абхазии. Он был разработан министром обороны С. Сосналиевым и начальником Генштаба С. Дбар. Разработка плана проходила под непосредственным руководством Главнокомандующего Вооруженными силами В. Ардзинба[1]. О ней позже С. Дбар рассказывал: «В принципе мы добились внезапности. Эта операция отличалась от предыдущих. Если раньше, определив направление главного удара, мы сразу же выводили на передний план технику группировки, то сейчас же до наступления на линию соприкосновения выводили только командиров бригад, и задача, которая ставилась перед ними, была конкретной, без раскрытия общего замысла наступления. После этого каждый командир вместе с теми, кто возглавлял отдельные подразделения, должен был изучить обстановку в глубину, по заданному ему направлению. И артиллерия выводилась на огневые позиции только с началом наступления. Атака началась без предварительной, как бывает в таких случаях, артиллерийской и авиационной подготовки. Просто каждое подразделение выходило на свое место и бесшумно убирало наблюдательные посты»[2].

Таким образом, в середине сентября по причине того, что абхазы, исчерпав все другие методы, вынуждены были военной силой заставить противную сторону выполнить подписанные соглашения, возобновились широкомасштабные боевые действия. Руководитель Абхазии В. Ардзинба, отвечая на обвинения о нарушении Сочинского Соглашения, неизменно заявлял, что абхазская сторона, напротив, вынуждена была заставить Грузию выполнить условия Соглашения. Уже после воны президент Адыгеи А. Джаримов также отмечал, что «ничего другого абхазской стороне не оставалось, как только самим же защищать свои права и бороться за освобождение своей республики»[3]. Об этом же свидетельствует и телевизионное обращение В. Ардзинба к народу

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 226.

[2] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир, 2009. С. 308.

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 2, 8 января 1994 г.

накануне Сентябрьской наступательной операции, в котором, в частности, было сказано: «Я обращаюсь к каждому гражданину нашей страны! Последние события показывают, что наступил критический час для нашей Родины. Грузинское руководство, которое не желает прекращения войны, строгого соблюдения Сочинского Соглашения, объявило всеобщую мобилизацию. В этих условиях мы обязаны все, как один, встать на защиту нашей священной Родины!»[1]. Содержание этого обращения не оставляло сомнений относительно дальнейшего развития событий.

Абхазская сторона была поставлена перед необходимостью предпринять шаги по изгнанию оккупантов до наступления зимы. Учитывая суровые условия этого времени года и ограниченность ресурсов жизнеобеспечения у Абхазии в условиях войны, выдержать ей еще одну военную зиму было бы неимоверно тяжело. Это обстоятельство, думается, было одним из моментов, определивших время начала абхазского наступления. К таковым также можно отнести: назревание политического кризиса в Москве, что не позволяло бы ей уделять повышенное внимание событиям в Абхазии; нестабильная политическая обстановка в Тбилиси; начало наступления сторонников З. Гамсахурдиа, контролировавших к тому времени почти всю Мегрелию, на внутренние районы Грузии. Последнее обстоятельство, безусловно, не говорит о координации действий абхазов со сторонниками Гамсахурдиа. С. Шахрай уже в разгаре Сентябрьского наступления, размышляя относительно причин возобновления боевых действий, говорил: «Первое – мы не успели ввести миротворческие силы. Второе – абхазская сторона использовала неоднократные нарушения грузинской стороной Сочинских соглашений. Третье – гражданская война в самой Грузии»[2]. Хотя многие политики и аналитики склонны утверждать о наличии сговора абхазской стороны со сторонниками экс-президента Грузии, но это мнение безосновательно. Даже поверхностный анализ противостояния между властями Грузии и сторонниками З. Гамсахурдиа опровергает данное утверждение. Более того, именно утром 16 сентября Э. Шеварднадзе

[1] http://www.ardzinba.com/politics.php
[2] Газ. «Известия», № 180, 22 сентября 1993 г. С. 2.

отдал приказ о начале вооруженной операции против звиадистов[1]. Тогда же, 16 сентября, участники совместного заседания НАТО и Североатлантического сотрудничества в Брюсселе с пониманием восприняли информацию о предпринимаемых руководством Грузии усилиях по сохранению территориальной целостности в Западной Грузии[2]. Подробнее останавливаться здесь на этой проблеме, на мой взгляд, нет необходимости, более того, отвлечет от основной нашей темы. Вернемся к ее рассмотрению в свое время чуть позже.

Пресс-служба Госкомитета РФ по ЧС сообщила, что 16 сентября в 5.40 на участке Меркула–Араду–Очамчира абхазские подразделения провели короткую наступательную операцию, основные боевые действия в ходе которой развернулись в районе моста через р. Кодор[3]. При этом начальник Оперативного штаба ОК с российской стороны подполковник Кудрявцев не исключил, что на очамчирском направлении в вооруженных формированиях абхазской стороны произошел переворот, и боевыми действиями руководят радикально настроенные силы внутриабхазских формирований, желающие продолжить войну[4]. Тем временем, согласно сообщению пресс-службы Верховного Совета Абхазии от 16 сентября, произошло следующее: «События на Восточном фронте, где отчаявшиеся в результате 400-дневной блокады, измученные голодом, обстрелом жители Ткуарчала и Очамчирского района решились на прорыв блокады и были встречены грузинскими войсками огнем, всколыхнуло все население Абхазии. На стихийных митингах прозвучали призывы к солдатам решительно поддержать своих братьев на востоке республики, изгнать оккупантов из столицы Абхазии… Такое развитие событий стало результатом намеренного срыва грузинской стороной выполнения Сочинского Соглашения»[5]. Это и стало началом Сентябрьского наступления Абхазской армии.

Личный представитель Президента России Б. Пастухов к исходу Сентябрьского наступления рассказал, что узнал о начале боев вокруг

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 178, 17 сентября 1993 г.
[2] «Независимая газета», № 178, 18 сентября 1993 г. С. 1.
[3] Газ. «Известия», № 177, 17 сентября 1993 г. С. 1.
[4] «Независимая газета», № 177, 17 сентября 1993 г. С. 3.
[5] Сообщение пресс-службы ВС РА, 16 сентября 1993 г.: л. 1.

Сухума в восемь утра 16 сентября и тут же позвонил в Гудауту, где помощники абхазского лидера стали убеждать его: «Стрельба возникла в районе Очамчиры из-за недисциплинированности некоего полевого командира». Он тогда безапелляционно заявил: «Вина за срыв Сочинского соглашения целиком и полностью лежит на абхазской стороне»[1]. Тогда же, спустя несколько часов после возобновления крупномасштабных боевых действий в Абхазии, Э. Шеварднадзе связался по телефону с Б. Ельциным. По сообщению пресс-службы главы российского государства, обсуждалась ситуация в зоне грузинско-абхазского конфликта. Беседа, по словам руководителя пресс-службы грузинского парламента Р. Челидзе, была тяжелой[2]. Тем временем находившиеся в Тбилиси замминистра иностранных дел России Б. Пастухов и руководитель российской части Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии В. Шуйков встретились с Шеварднадзе, а затем вылетели в Гудауту для изучения обстановки в зоне конфликта[3]. Перед вылетом в Гудауту они успели выступить с заявлениями. Б. Пастухов сказал: «В Абхазии произошло грубое нарушение Сочинского соглашения. Мы прямо сейчас вылетаем в Абхазию для того, чтобы на месте разобраться в причинах событий». В. Шуйков, в свою очередь, отметил: «Я бы не хотел делать преждевременных выводов, так как сначала надо разобраться с происшедшим. Мы не располагаем полноценной информацией и имеем лишь отрывочные сведения, которые свидетельствуют о том, что в Абхазии произошло серьезное нарушение соглашения. Если мы не примем решительных мер, то последствия могут быть крайне тяжелыми»[4].

После телефонного разговора с Б. Ельциным Э. Шеварднадзе написал письмо президенту России, в котором говорилось: «Нас обезоружили, и это произошло потому, что мы поверили Вам. Теперь нам нечем защищаться, и мне не остается ничего другого, как вылететь в Сухуми и вместе с его безоружными горожанами голыми руками отстаивать город»[5]. Действительно, тогда в связи с эскалацией военных

[1] Газ. «Известия», № 187, 1 октября 1993 г. С. 2.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 178, 17 сентября 1993 г.
[3] Там же.
[4] «Независимая газета», № 177, 17 сентября 1993 г. С. 3.
[5] www.abkhazeti.ru.

действий Э. Шеварднадзе пришлось лететь в Сухум с тем, чтобы самому «руководить обороной города». Относительно этого эпизода после войны однин из бывших жителей Сухума вспоминал: «Прилетел президент Грузии Шеварднадзе, который заявил, что если Сухуми падет, то он останется в Сухуми и погибнет в нем (ага, остался)»[1]. Грузинский историк Д. Джоджуа, также поддерживая тезис о разоружении грузинских войск, но и чтобы соответствовать новым веяниям, возлагая порцию ответственности и на тогдашнюю грузинскую власть, пишет: «В августе и первой половине сентября 1993 г. грузинская сторона осуществила целый комплекс капитулянтских мероприятий: роспуск Гумистинского и Очамчирского фронтов, оставление на Гумистинской линии только двух (?) грузинских наблюдательных пунктов, роспуск грузинских военных соединений и батальонов, в том числе 23-й бригады, оборонявшей г. Сухуми»[2]. При этом как Э. Шеварднадзе, так и Д. Джоджуа передергивают факты, когда говорят о том, что грузинские формирования остались с «голыми руками». Однако грузинский генерал В. Чиковани в те дни заявлял, что «в Сухуми достаточно сил и боевой техники для отражения атаки абхазских формирований»[3]. В действительности же в рассматриваемое время Грузия располагала в Абхазии очень мощной военной группировкой: 2-й армейский корпус, состоявший из 23-й и 24-й бригад, а также многочисленных подразделения корпусного подчинения: танковый батальон, ракетный и артиллерийский дивизионы, горно-стрелковый Шромский батальон, батальон «Союз афганцев», бригада быстрого реагирования, батальон Шевердени, Военная полиция, 3-й полк, батальон имени К. Чолокошвили, а также множество спецподразделений и служб обеспечения. 23-я механизированная бригада, о роспуске которой так сокрушается задним числом Д. Джоджуа, была дислоцирована на сухумском направлении, а в общей сложности на этом направлении численность грузинской боевой группировки достигала от 12 до 15 тысяч человек.

[1] Воспоминания из груз. сайта http://cyxymu.livejournal.com/16011.html

[2] Джоджуа Д. Война в Абхазии. 1992-1993 годы // Очерки истории Грузии. Абхазия. Тб., 2009. С. 557.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 74.

На Очамчирском направлении была дислоцирована 24-я бригада, в которой состояло около 8 тысяч военнослужащих[1].

Несмотря на обвинительный тон, который мог бы не понравиться в России, тогда «плач генерала Шеварднадзе» возымел свое воздействие, и главная цель его письма была достигнута. Ближе к полудню стало известно, что грузинская сторона обратилась с просьбой вернуть оборудование, снятое ранее с тяжелого вооружения и сданное на хранение в соответствии с мирным соглашением[2]. С. Жидков, говоря об этом этапе развития событий, сообщает следующее: «Поскольку большая часть грузинских солдат и техники оставалась в Абхазии и в самом Сухуме, грузины в считанные часы восстановили свой контроль над столицей республики и вступили в ожесточенные бои с абхазской армией. Командующий российским штабом миротворцев С. Кудинов распорядился выдать грузинской стороне опечатанные клин-затворы, поскольку грузины угрожали отнять их с применением оружия. Фактически положение абхазов было не лучшим, чем при Июльском наступлении, с той лишь разницей, что шромский плацдарм находился теперь в их руках. Но абхазы сражались теперь еще более упорно, понимая, что эта битва – их последний шанс»[3]. Бывший заместитель министра обороны Грузии Л. Шарашенидзе сообщает о том, что он и министр обороны Г. Каркарашвили 16 сентября в Москве встречались с министром обороны России П. Грачевым. О ее результатах он сообщает следующее: «Встреча прошла хорошо. Грачёв обещал оружие, технику и всяческое содействие в выполнении абхазской стороной условий прекращения огня»[4]. В то же время различные информагентства сообщили о том, что российская армия получила приказ пресечь наступления абхазских формирований на Сухум и восстановить положение, существовавшее на 16 сентября. Однако заместитель командующего Группой российских войск в Закавказье Б. Дюков назвал эту информацию «гру-

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 226-227.

[2] «Независимая газета», № 177, 17 сентября 1993 г. С. 3.

[3] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[4] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

бой выдумкой»[1]. Тем временем вечером 16 сентября в Тбилиси, в штабе группы российских войск в Закавказье, произошла встреча спикера грузинского парламента В. Гогуадзе с руководством группы российских войск в Закавказье[2].

Между тем, в заявлении официального представителя Генерального секретаря ООН Д. Силлса говорилось, что Генсек «чрезвычайно обеспокоен внезапным началом боев в Абхазии». Совет Безопасности ООН также призвал незамедлительно прекратить военные действия. С заявлением по этому поводу после консультаций в СБ выступил его председатель А. Р. Тайлардат из Венесуэлы. Обострение грузино-абхазского конфликта вызвало серьезное беспокойство в госдепартаменте США. Официальный представитель этого ведомства М. Маккэри сообщил: «Мы довели нашу озабоченность до сведения сторон. Мы продолжаем работать с участниками минской группы СБСЕ с тем, чтобы привести противников в этом конфликте за стол переговоров, результатом которых было бы прекращение боевых действий»[3]. Вечером 16 сентября состоялось совместное заседание НАТО и Североатлантического сотрудничества в Брюсселе. Было подчеркнуто, что в соответствии с Сочинским соглашением российская сторона должна принять срочные меры по осуществлению роли гаранта мира и пресечению провокаций[4]. Москва, надо сказать, отреагировала оперативно: 16 сентября, около 18 часов, в Тбилиси пришел факс из российской столицы с текстом заявления правительства РФ. Правительство России потребовало прекращения абхазской стороной наступления и обвинило ее в крупном нарушении соглашения. Оно также заявило, что продолжение наступления будет расценено как вызов, который будет иметь политические и экономические последствия[5]. Здесь нужно иметь в виду и то, что такие заявления и действия были направлены не на защиту грузинских интересов, а на отстаивание интересов самой России. Она тогда, стремясь избежать обвинений в неоимперских амбициях, ужесточила

[1] Газ. «Известия», № 178, 18 сентября 1993 г. С. 1.
[2] «Независимая газета», № 178, 18 сентября 1993 г. С. 1.
[3] Газ. «Известия», № 178, 18 сентября 1993 г. С. 2.
[4] «Независимая газета», № 178, 18 сентября 1993 г. С. 1.
[5] «Независимая газета», № 178, 18 сентября 1993 г. С. 1.

свою позицию по отношению к Абхазии. Таким образом, Москва, ООН и НАТО тогда требовали от абхазской стороны прекратить наступление, но оно продолжалось.

17 сентября в Гудауте состоялась встреча министра обороны России П. Грачева с Председателем ВС Абхазии В. Ардзинба. На встрече обсуждались возможные пути выхода из сложившейся ситуации. В. Ардзинба подчеркнул, что прорыв в восточной части Абхазии жесточайшей блокады был обусловлен нежеланием руководства Грузии выполнять условия Сочинского соглашения и неоднократными срывами графика вывода грузинских военных группировок и возобновления деятельности в г. Сухуме законных органов власти. Руководство Абхазии заявило, что в связи с последними событиями в Восточной Абхазии, повлекшими активизацию боевых действий и на Сухумском направлении, судьба Сочинского соглашения напрямую зависит от дальнейших действий руководства Грузии, которое несет всю ответственность за новый виток эскалации военного конфликта между двумя государствами. Затем Грачев отбыл в Адлер для встречи с Шеварднадзе[1].

17 сентября в Адлере состоялась встреча П. Грачева и главы Грузии, которую З. Папаскири почему-то называет «конфиденциальной»[2]. Сам Э. Шеварднадзе, уже спустя время, в октябре 2008 г., на страницах газеты «Сакартвелос Республика» писал: «Хочу рассказать о так называемом «плане Грачева». Встреча с Грачевым произошла в Адлере. До этого он избегал контакта со мной. На встрече, кроме меня, присутствовали Каркарашвили и Батиашвили. Грачев предложил увеличение русского контингента, находящегося в Абхазии, еще двумя-тремя тысячами бойцов, с тем условием, что установил бы полный порядок в Абхазии. В связи с предложением Грачева Каркарашвили и Батиашвили выразили протест и объявили о подаче в отставку. Осуществление плана Грачева вызвало бы переход российских Вооруженных сил через Ингури и разграбление Мингрелии. Так была воспринята перспектива плана Грачева моими молодыми боевыми друзьями, и их острая реакция была вызвана этим»[3]. Он же уже в своих мемуарах, изданных в 2009 г., вспоминал: «Еще

[1] Сообщение пресс-службы ВС РА. 17 сентября 1993 г. л. 1.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 450.
[3] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 404.

до того, как положение обострилось, я многократно просил находившегося в Гудауте Грачева о встрече, но до этого так и не дошло»[1]. Л. Шарашенидзе, находившийся тогда в Москве, позже вспоминал, что после начала Сентябрьского наступления ему «позвонил Э. А. Шеварднадзе и попросил связаться с П. С. Грачевым с тем, чтобы принять меры и остановить абхазскую сторону»[2]. Далее в своих мемуарах Э. Шеварднадзе пишет: «Позже, когда ситуация стала критической, он сам позвонил мне и сообщил, что сейчас находится в Адлере и предложил встретиться. Мы отправились в Адлер втроем: Г. Каркарашвили, И. Батиашвили и я. Мы считали необходимым сказать следующее: если русские не хотят нам помочь, то они должны как минимум сохранять нейтралитет»[3]. Здесь опять прервусь для того, чтобы привести следующее свидетельство В. Баранца о том, что «в 1993 году Эдуард Шеварднадзе просил от нас (Вооруженных сил России. – **А. А**.) «более эффективной» военной помощи»[4]. Вернемся к мемуарам Э. Шеварднадзе: «На это Грачев отвечал с большим нажимом: «Мы освободим вас от абхазской проблемы, нам нужно только задействовать еще два дополнительных дивизиона». Когда Каркарашвили и Батиашвили это услышали, то оба в знак протеста ушли в отставку… Согласиться на это означало бы обречь себя на тотальную блокаду»[5]. В связи с этим приведу свидетельства Л. Шарашенидзе, который, кстати, по ошибке считает, что названная встреча состоялась 18 сентября. Он сообщает следующее: «Грачев предложил ввести в Грузию две воздушно-десантные дивизии, Псковскую и Тульскую, с последующим вводом одной из них в Азербайджан, согласие азербайджанской стороны они имели. На это предложение очень болезненно отреагировал Г. Каркарашвили, заявив, что это будет новой оккупацией Грузии, и он уйдет в отставку, а Шеварднадзе промолчал, тем самым отказав в согласии на ввод российских войск»[6].

---

[1] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 363.

[2] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

[3] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 363.

[4] Баранец В. Н. Генштаб без тайн. http://www.erlib.com

[5] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 363.

[6] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

В комментариях относительно этой встречи Э. Шеварднадзе неустанно апеллировал тем, что против ввода российских регулярных частей на территорию Грузии категорически выступили министр обороны Г. Каркарашвили и руководитель информационно-разведывательной службы И. Батиашвили. Однако тогда и сам Э. Шеварднадзе признавал, что ввод российских войск означал бы оккупацию Абхазии Россией. З. Папаскири по этому поводу пишет следующее: «Может быть, на первый взгляд, это действительно означало бы оккупацию части государства, а идти на подобный непопулярный шаг в ситуации, когда оппозиция перешла в тотальное наступление и грозила свержением существующей власти, для Шеварднадзе было слишком рискованно»[1]. Вместе с тем, не кто иной, как сам названный автор, З. Папаскири, сообщает о другой мотивации Э. Шеварднадзе, которая заключалась в следующем: «Все еще была надежда, что в критический момент оппозиция откажется (хотя бы временно) от своей борьбы за власть и повернет оружие против сепаратистов и их покровителей. Справедливости ради следует отметить, что поначалу переговоры с оппозицией в этом направлении были вполне обнадеживающими»[2]. Действительно, через два дня после названой встречи в Адлере, 19 сентября, в Кобулети руководитель воинских подразделений звиадистов Л. Кобалия и представители Министерства обороны Грузии пришли к соглашению о создании Объединенного корпуса, в который вошли бы регулярные части правительственных войск и некоторые отряды сторонников З.Гамсахурдиа. Возглавил корпус Г. Каркарашвили, и его первые части к тому времени уже вошли в Очамчирский район[3]. В силу всех этих причин Э. Шеварднадзе отказался от предложения П. Грачева. Тогда же, 17 сентября, Э. Шеварднадзе не принял предложение В. Ардзинба срочно встретиться в г. Сочи при посредничестве министра обороны России П. Грачева[4]. Кроме того, глава Грузии в тот же день, 17 сентября, объявил всеобщую мобилизацию[5].

---

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 450.
[2] Там же.
[3] «Независимая газета», № 179, 21 сентября 1993 г. С. 3.
[4] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/
[5] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 114.

Для подобного поведения у Э. Шеварднадзе была и другая, не менее существенная причина. Он пока еще считал лучшим надеяться на помощь Запада и стремился превратить Абхазию в арену действий «миротворческих» сил ООН. 17 сентября он выступил с обращением к Президенту России, Генеральному секретарю ООН и мировой общественности, в котором призвал остановить «казнь маленькой страны», спасти «мою родину и мой народ от гибели»[1], будто бы шли бои за столицу не Абхазии, а Грузии. На следующий день, 18 сентября, Э. Шеварднадзе направил «Обращение ко всем друзьям моей родины», в котором прямо обвинил высшие воинские чины и определенные политические круги России в развязывании кровопролития. Лидер Грузии призвал мировое сообщество осознать, что «Абхазия – это поле боя кровавого реванша империи, «второй август», та пороховая бочка, посредством которой хотят взорвать Грузию»[2]. Однако тогда же глава Грузии предложил находившемуся в Москве Л. Шарашенидзе «немедленно вылететь в Сухуми с подготовленным нами проектом статуса российских войск в Закавказье» [3].

Тогда же, 17 сентября, Верховный Совет России рассмотрел вопрос о ситуации в Абхазии. В ходе обсуждения начальник генштаба Минобороны России М. Колесников заявил, что г. Сухум будет освобожден абхазами в ближайшее время. В принятом же постановлении Верховный Совет России рекомендовал правительству «оказать мирными политическими средствами необходимое воздействие на конфликтующие стороны, исключая применение силы»[4]. МИД РФ в тот же день, 17 сентября, в свою очередь осудил действия абхазской стороны и предупредил о том, что если к 20 часам 17 сентября наступление не будет остановлено, то «Россия примет меры экономического воздействия, в том числе отключит энергоснабжение»[5].

В ответ на объявление всеобщей мобилизации в Грузии 18 сентября Верховный Совет Абхазии обратился к народам Северного Кавказа

---

[1] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 413.

[2] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 451.

[3] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 179, 18 сентября 1993 г.

[5] Данилов Д. Россия в Закавказье в поисках международной легитимации // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 158.

с призывом оказать поддержку[1]. Уже в тот же день, 18 сентября, КНК в Обращении к Б. Гали, обвинив ООН в том, что именно его позиция «стала одной из решающих причин возобновления боевых действий в Абхазии», выразил решимость «не допустить истребления абхазского народа[2].

Таким образом, спираль войны раскручивалась, и становилось ясно, что чем дальше будут развиваться события, тем меньше будет шансов остановить эскалацию боевых действий. А они развивались не в пользу Грузии, поэтому ее руководитель был вынужден искать иные пути утверждения своей «правды». Тогда Э. Шеварднадзе, находившийся в оккупированной столице Абхазии, заявил: «Потеря Сухуми будет означать распад Грузии»[3]. Тем не менее, осознав угрозу городу, глава Грузии перенес свой командный пункт из Сухума в Агудзеру[4] – на безопасное расстояние от эпицентра боевых действий. Правда, последние дни и часы перед освобождением абхазской столицы Э. Шеварднадзе оставался в Сухуме. Именно в Сухум поздно ночью 19 сентября прилетел к нему из Москвы Л. Шарашенидзе, который «доложил ему проект статуса российских войск в Грузии, согласованный с Российской стороной, и попросил его согласиться с предложением П. С. Грачева о вводе в Грузию двух дивизий и со вступлением в СНГ». Но тогда глава Грузии ответил: «Подождем пару дней»[5]. Но, как выяснилось, именно пары дней у Шеварднадзе не было, и он не мог не понимать этого. Поэтому 19 сентября Шеварднадзе послал министру обороны России телеграмму, в которой выразил свое согласие со всеми российскими предложениями. Однако П. Грачев заявил, что обстановка в районе настолько изменилась, что применение миротворческих сил для разъединения конфликтующих сторон уже невозможно[6].

К тому времени на Восточном фронте Абхазской армией были освобождены села Адзюбжа, Ахалдаба, Скурча. К северу от столицы были

---

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны … Сухум, 2004. С. 389, 390.

[2] Газ. «Республика Абхазия», № 43, 30 сентября 1993 г.

[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 76.

[4] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 15, 16 марта 2001 г.

[5] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

[6] Газ. «Известия», № 179, 21 сентября 1993 г. С. 1.

заняты населенные пункты Одиши, Тависуплебо, Бирцха и другие. В ночь на 20 сентября на Восточном фронте была полностью блокирована автомагистраль Сухум – Очамчыра. На Гумистинском фронте бои начались в черте столицы Абхазии. Положение оккупационных сил становилось критическим. Абхазское радио за сутки до этого, в ночь на 19 сентября, передало обращение к населению Сухума на русском и грузинском языках с призывом сложить оружие. В этом обращении мирному населению города (включая и грузин) была гарантирована безопасность и неприкосновенность после изгнания оккупантов[1].

Главным требованием абхазов оставался безусловный вывод грузинских войск из Абхазии, с чем грузинская сторона не была согласна. Это не могло не отразиться на ходе переговорного процесса, в рамках которого 19 сентября в Сочи состоялось очередное заседание трехсторонней комиссии. Тогда помощник главы Грузии Т. Степанов заявил, что грузинская сторона приостанавливает свое участие в ОК, т. к. требования абхазов считает нереальными[2]. По поводу названного заседания З. Папаскири значительно позже писал, что «из-за деструктивной позиции абхазов Ж. Шартава прервал переговоры в Адлере»[3]. Руководитель российской части ОК В. Шуйков дипломатично прокомментировал произошедшее, сказав, что началась выработка мер, «направленных на нормализацию обстановки и полное и незамедлительное соблюдение условий Сочинского соглашения о прекращении огня в Абхазии». Министр обороны П. Грачев тогда заявил, что единственным выходом из военного кризиса является немедленный вывод грузинских войск с территории Абхазии. Он также сообщил, что с В. Ардзинба достигнуто соглашение о том, что абхазская сторона откроет коридор для выхода грузинских формирований из Сухума в любую точку Грузии. П. Грачев к сказанному добавил, что удалось также уговорить В. Ардзинба прекратить обстрелы Сухума и не вводить туда войска[4].

19 сентября правительство России приняло постановление «О мерах в связи с нарушением абхазской стороной Сочинского соглашения

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 180, 21 сентября 1993 г.
[2] Газ. «Известия», № 181, 23 сентября 1993 г. С. 1.
[3] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 451.
[4] Газ. «Известия», № 179, 21 сентября 1993 г. С. 1.

от 27 июля 1993 года о прекращении огня». Названный документ предусматривал следующее: «1. В связи с нарушением абхазской стороной Сочинского соглашения о прекращении огня признать необходимым: воздержаться от принятия решений по просьбам руководства Абхазии о льготных условиях торгово-экономических и финансово-кредитных связей для этой республики до обеспечения абхазской стороной соблюдения своих обязательств по Сочинскому соглашению; использовать в случае продолжения несоблюдения абхазской стороной Сочинского соглашения предусмотренные международным правом меры, включая прекращение энергоснабжения Абхазии с территории России; 2. МБ, МО, МВД и ГТК России принять соответствующие меры к пресечению передачи и продажи с территории Российской Федерации абхазским вооруженным формированиям вооружения и военной техники; 3. Органам исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев и областей Северо-Кавказского региона, МБ, МВД и МО России осуществить необходимые меры по обеспечению нормальной обстановки в указанном регионе и недопущению распространения конфликта на территорию России[1].

По всей вероятности, под давлением «российских санкций» – политических и экономических – 20 сентября по приказу командования темпы наступления Абхазской армии снизились, а на некоторых участках абхазские формирования отошли на несколько километров, и В. Ардзинба стал выходить на связь с Э. Шеварднадзе[2]. Позже, 28 сентября, уже после освобождения Сухума, Верховный Совет констатировал, что «после возобновления боевых действий руководство Абхазии неоднократно заявляло о своей готовности перейти к мирному урегулированию конфликта»[3]. По мнению С. Лакоба, эти шаги были предприняты с целью ввести в заблуждение российских военных, в планы которых не входило освобождение абхазами своей столицы. Однако эти шаги абхазов были расценены грузинской стороной как проявление слабости, будто «грузинские силы перехватили инициативу и имеют военное

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 180, 21 сентября 1993 г.

[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 76.

[3] Отечественная война…. Т. 1. Сухум, 2003. С. 250.

преимущество»[1]. Тогда это ввело в заблуждение и некоторых сторонних наблюдателей. В частности, аналитик газеты «Коммерсант» считал: «Сухуми по-прежнему остается в руках грузинских правительственных войск и ополченцев. И со временем шансы абхазских формирований на захват города заметно убывают, поскольку на отбитый грузинами аэродром постоянно прибывают самолеты с добровольцами из Тбилиси. К тому же сторонники экс-президента Гамсахурдиа вновь заключили перемирие с Шеварднадзе, чтобы включиться в защиту Сухуми»[2].

Заблуждались люди, не имевшие достоверной информации о состоянии дел на военно-политических фронтах войны в Абхазии. Э. Шеварднадзе и В. Гогуадзе, по всей вероятности, к ним относить нельзя. Неслучайно именно 20 сентября на фоне таких эйфорических комментариев спикер парламента Грузии В. Гогуадзе, обращаясь к депутатам, заявил о том, что «вступление в СНГ – единственный шанс спасти страну». В. Гогуадзе утверждал, что лишь присоединение страны к СНГ снимет конфронтацию в Абхазии, поможет сохранить целостность Грузии и позволит облегчить экономический кризис. Он заявил, что в настоящий момент Грузия идет не по пути независимого развития, а по пути «независимого самоуничтожения». Спикер также подчеркнул, что многие в грузинском парламенте, включая и представителей радикальной оппозиции, согласны с его мнением. При этом заявление В. Гогуадзе прозвучало в самый трудный для Сухума момент, когда военные специалисты в один голос предрекали скорое падение города. В те же дни Э. Шеварднадзе, обращаясь к Б. Ельцину, говорил о том, что лишь вмешательство России может остановить войну[3].

Поэтому слова спикера вполне могли быть своеобразным пробным шаром, направленным на то, чтобы выяснить реакцию общества на возможное вступление Грузии в СНГ. В. Гогуадзе заявил, что членство в СНГ позволит стать участником Договора о коллективной безопасности и рассчитывать на помощь российских военных. В то же время против использования российской армии в зоне конфликта выступил министр обороны России П. Грачев. Он отметил, что войну нельзя оста-

[1] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 76-77.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 180, 21 сентября 1993 г.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 184, 25 сентября 1993 г.

новить ценой крови российских солдат: «Я не хочу быть проклятым нашим народом»[1]. Тогда же, 20 сентября, П. Грачев во время встречи с министром иностранных дел Великобритании М. Рифкиндом заявил, что единственным выходом из сложившейся ситуации является немедленный вывод грузинских вооруженных формирований с территории Абхазии, и лидерам Грузии, не взирая на их ранги и должности, следует сесть за стол переговоров с руководством Абхазии[2].

Хотя В. Гогуадзе в своем обращении и впоследствии подчеркивал непричастность главы государства к этому предложению, в политических кругах Грузии существовали сильные сомнения в этом[3]. Сам спикер грузинского парламента тогда в интервью газете «Свободная Грузия» сказал следующее: «Я не беседовал с Шеварднадзе по этому поводу, но, как мне сказали, он считает, что, может быть, я поспешил, что он не «за» и не «против», что решать этот вопрос должен народ. Что же касается реакции внутри Грузии, то она следующая: раздаются звонки одобрения от имени наших крупных коллективов. Самое главное для меня – как отнесется к этому грузинское население Абхазии»[4].

Среди влиятельных грузинских политиков названное заявление спикера было воспринято крайне неоднозначно. Некоторые депутаты обвинили спикера в том, что своим заявлением он нанес моральный политический удар и дискредитировал в глазах мировой общественности грузинский парламент и грузинский народ. Вице-премьер Грузии и лидер фракции национал-демократов в парламенте И. Саришвили, признав, что в самой идее о вступлении в СНГ нет ничего страшного, в то же время не согласилась с тем, что вступление в Содружество поможет Грузии преодолеть кризис. По ее мнению, пример ряда бывших

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 180, 21 сентября 1993 г.

[2] Аргун А. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 412.

[3] Похоже, что спикер парламента В. Гогуадзе стал каким-то рупором озвучивания не очень лицеприятных для грузинского общества политических решений. Уже после войны, 9 января 1994 г., именно он озвучил необходимость вступления Грузии в рублевую зону, что также было непопулярно в грузинском обществе. Это выступление позднее распространялось как «Обращение к депутатам парламента». Все попытки самого В. Гогуадзе и Э. Шеварднадзе преподнести это выступление как личное мнение спикера вызывали недоверие. (М. Разоренова. Грузия в январе 1994 года // http://igpi.ru/monitoring/1047645476/jan1994/Gruziya0194.htm).

[4] «Независимая газета», № 181, 23 сентября 1993 г. С. 3.

республик Союза, ставших членами СНГ и не улучшивших свое экономическое положение, доказывает обратное. Позднее национально-демократическая фракция потребовала отставки Гогуадзе, заявив, что подобные заявления со стороны спикера без согласования с главой государства недопустимы[1].

Видимо, эта первоначальная реакция была отчасти причиной появления информации, переданной прессе через советника-посланника Грузии в России О. Черкезия о том, что Шеварднадзе не уверен, удастся ли ему принять участие в предстоящей 24 сентября встрече глав государств СНГ[2]. Однако через несколько дней страсти утихли. Но самому Шеварднадзе стало не до участия в саммите СНГ, поскольку у него забот в Сухуме прибавилось. В частности, в тот же день, 24 сентября, в интервью грузинскому телевидению, находясь в Сухуме, глава Грузии в очередной раз заявил: «Я буду в Сухуми до конца, если даже произойдет самое худшее. Потеря Сухуми будет означать распад Грузии»[3].

20 сентября трехсторонняя Объединенная комиссия выработала проект мирного урегулирования конфликта, предполагавший незамедлительное прекращение огня, вывод грузинских вооруженных формирований и техники с территории Абхазии, ввод российских миротворческих сил в зону конфликта, возобновление 1 октября деятельности законного Верховного Совета[4]. Поздно вечером 21 сентября члены абхазской части трехсторонней комиссии обвинили Грузию в неконструктивной позиции и в приверженности силовым методам решения проблемы. Это произошло после того, как грузинская делегация не прибыла в Сочи на очередной тур переговоров, сославшись на беженцев, заблокировавших Сухумский аэропорт[5].

Здесь нужно напомнить о том, что наступление Абхазской армии совпало с серьезным политическим кризисом в Москве, где противостояние Президента и Верховного Совета привело Россию на порог гражданской войны. 21 сентября Б. Ельцин подписал указ № 1400 «О по-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 184, 25 сентября 1993 г.
[2] Газ. «Известия», № 179, 21 сентября 1993 г. С. 1.
[3] «Независимая газета», № 180, 22 сентября 1993 г. С. 3.
[4] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 182, 23 сентября 1993 г.

этапной конституционной реформе РФ». В этом документе говорилось: «Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов и Верховным Советом РФ» и предлагалось учредить двухпалатный Парламент – Федеральное Собрание, состоящее из Совета Федерации и Государственной Думы. Их статус в начале регулировался «Положением о Федеральных органах власти на переходный период», которое было введено в действие названным указом №1400[1]. На время переходного периода вводилось президентское правление. Поводом этой конституционной реформы стал острый политический кризис, вызванный противостоянием двух ветвей власти. Согласно Указу Верховный Совет и Съезд народных депутатов, которые стремились к усилению своего влияния в стране, объявлялись канувшими в историю, что, естественно, не могло не вызвать противодействия с их стороны. В тот же день Президент России выступил по телевидению с обращением к народу, в котором также обосновывал необходимость принятия объявленных в указе политических шагов[2].

21 сентября Конституционный суд РФ вынес следующее заключение: «Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 года не соответствуют части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, части третьей пункта 11 статьи 121, статье 121, части второй статьи 121, статьям 165, 177 Конституции Российской Федерации и служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121 Конституции Российской

[1] Овсепян Ж. И. Становление парламентаризма в России. Ростов-на-Дону., 2000. С. 51.

[2] Эти действия стали ключевыми пунктами обвинения в деле об отрешении от должности Президента РФ в 1998 г. По мнению Т. Плотниковой, попытка импичмента Б. Ельцина была политической игрой, «участники которой были уверены в наличии общих, приемлемых для всех правил, так как игра не посягает на политическую стабильность в обществе» (Плотникова Т. В. Политическое поведение в России. Ростов-на-Дону, 2004. С. 55).

Федерации»[1]. А на второй день, 22 сентября, Верховный Совет РФ принял Постановление, в котором действия Б. Ельцина были названы государственным переворотом[2].

21 сентября Б. Клинтон выразил поддержку Э. Шеварднадзе и призвал Б. Ельцина вмешаться в ход боевых действий[3], но тому было не до этого. Впрочем, чем бы это ни было продиктовано – то ли пониманием того, что Президент России лучше всех соответствует интересам Грузии, то ли желанием поддержать позицию США, 22 сентября В. Гогуадзе направил письмо в поддержку Ельцина. На позицию Грузии, видимо, повлияло и то, что 21 сентября была закрыта российско-абхазская граница[4]. Верховный Совет Абхазии в ответ на этот шаг Москвы заявил, что МИД России, «руководство которого, не сумев добиться соблюдения духа и буквы Соглашения (Сочинского. – **А. А.**), открыто стало на сторону тех, кто его нарушал»[5]. В Обращении В. Ардзинба к Председателю российского правительства В. Черномырдину в тот же день было сказано, что распоряжение правительства России о введении санкций «является решением, фактически поощряющим агрессора и направленным против жертвы агрессии, что ничем не может быть оправдано»[6]. А Президент Адыгеи А. Джаримов уже после войны назвал эту акцию российских властей непродуманной[7].

Однако эти действия России преследовали вполне определенные цели и вписывались в общий контекст российской политики в регионе. В связи с этим приведу мнение обозревателя еженедельника «Тайны XX века» А. Союстова, который в апреле 2008 г. писал: «Следует отметить, что руководство России в этой (абхазо-грузинской. – **А. А.**) войне занимало двоякую позицию: с одной стороны всячески стремилось к ослаблению Грузии, с другой стороны, старалось не допустить окончательной победы Абхазии. Сам Борис Ельцин сложившуюся ситуацию охарактеризовал так: «Нам нужен баланс сил, при котором мы смо-

[1] http://cccp.narod.ru/work/history/1993_01.html
[2] Газ. «Правда Москвы», №102, июнь 1998 г.
[3] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 326.
[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны … Сухум, 2004. С. 391.
[5] Там же. С. 389.
[6] Там же. С. 391.
[7] Газ. «Республика Абхазия», № 2, 8 января 1994 г.

жем по собственному усмотрению склонить чашу весов туда, куда нам захочется»[1]. Проявлять недовольство по поводу такой циничной позиции, конечно, можно, но с точки зрения влияния на развитие событий это бесперспективно. В современном мире иной позиции не придерживался ни один посредник, претендовавший на роль более или менее значимого международного актора. Таковы издержки или, что вернее, законы реальной политики, которыми руководствуется и направляется современный политический процесс. Проявлением этого следует рассматривать и то, что 24 сентября Россия, вместе с другими странами СНГ, на том самом саммите, куда Шеварднадзе сначала хотел, потом сомневался, а затем и вовсе не смог прибыть, подписала Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов[2]. По логике этого решения, которая вырисовывается при его сопоставлении с другими военно-политическими акциями, в абхазо-грузинском противостоянии «жертвой вооруженного конфликта» становилась Грузия. Однако при этом нужно еще раз напомнить, что в рассматриваемое время, в силу названных процессов в самой России, весьма сложно проследить однозначную позицию Москвы по отношению к войне в Абхазии.

Острое политическое противостояние в Москве завершилось 4 октября расстрелом здания Верховного Совета РФ из танков. В таких обстоятельствах России было некогда обращать внимание на события, происходившие в Абхазии. Впрочем, весьма интересен и тот факт, что в тот же день, когда Президент России подписал Указ о своем единоличном управлении страной, Верховный Совет России рассматривал ситуацию в Абхазии[3].

22 сентября абхазская сторона предложила провести встречу на высшем уровне между грузинским и абхазским руководством. В ответ на это грузинская сторона устами командующего ВВ Грузии В. Чиковани заявила: «Инициатива гудаутской стороны начать переговоры вызвана тем, что она в очередной раз хочет выиграть время и накопить силы для продолжения своих наступательных действий. Гудаутские руководите-

[1] Союстов А. Приказ – спасти Шеварднадзе // «Дал – Цабал». № 6, июнь 2008 г.
[2] Иванов Д. В. Беженцы в современном международном праве. М., 2006. С. 129.
[3] Цушба И. Ш. Газ. «Республика Абхазия», № 87, 7–8 августа 2003 г.

ли опасаются того, что процессы, происходящие сейчас в России, лишат их в будущем возможности получать помощь определенных политических кругов России, подпитывавших их сепаратистские устремления»[1]. И как следствие подобной позиции Грузии, 22 сентября начался очередной этап наступления Абхазской армии на Сухум[2]. Уже на следующий день, 23 сентября, по свидетельству Л. Шарашенидзе, «Шеварднадзе объявляет о согласии ввести десантные дивизии в Абхазию и просит срочно позвонить П. С. Грачеву и сообщить ему об этом». Далее названный автор рассказывает: «А со вступлением в СНГ немного подождем, сказал мне Шеварднадзе. Было поздно, с Грачевым созвониться не удалось, вышел на начальника Генерального штаба М. П. Колесникова, который, выслушав меня, сказал: «Поезд ушел, ни одного солдата никуда двинуть не можем», так как 21 сентября начались известные события у Белого дома – противостояние Хасбулатова-Ельцина»[3]. Выше уже отмечалось, что еще 19 сентября Э. Шеварднадзе обратился к Грачеву с такой же просьбой, который в тот же день ее отверг. Судя по всему, Л. Шарашенидзе запамятовал и перепутал даты или действительно мог быть не в курсе всех шагов, предпринимавшихся Э. Шеварднадзе в те дни. Причем далее он сообщает о том, что «24 сентября с согласованным с Шеварднадзе проектом статуса российских войск в Грузии я вылетел в Москву и в тот же день встретился с начальником Генерального штаба М. П. Колесниковым и передал ему письмо на имя П. С. Грачева». В этом письме генерал Л. Шарашенидзе по поручению Э. Шеварднадзе просил министра обороны России вернуться к ранее отвергнутому Тбилиси плану от 17 сентября 1993 г. и начать срочную его реализацию силами российской армии для прекращения «кровопролития в Абхазии»[4]. В тот же день, 24 сентября, пресс-служба главы Грузии распространила заявление, в котором говорилось: «Если принять на веру заявления МО России о невмешательстве в военный конфликт в Абхазии, остается сделать вывод, что руководство министерства не

[1] Газ. «Независимая газета», № 182, 24 сентября 1993 г. С. 3.
[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 77.
[3] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print
[4] Там же.

контролирует действия своих военных специалистов и подразделений, дислоцированных здесь»[1]. Интересно, что в тот же день, 24 сентября, МИД России обратился к абхазскому руководству с призывом прекратить огонь и приостановить наступление[2] и пригрозил ужесточением санкций. В связи с этим 25 сентября МИД РА заявил, что «экономические санкции, направленные не против Грузии, совершившей агрессию и не желающей выполнять подписанное Соглашение о прекращении огня, а против народа Абхазии – жертвы вооруженной агрессии, вызывают недоумение» [3].

Между тем, еще 21 сентября днем при заходе на посадку потерпел катастрофу пассажирский самолет Ту-134, принадлежавший Сухумскому авиаотряду и выполнявший рейс по маршруту Адлер – Сухум. Все пассажиры и члены экипажа погибли. По версии грузинской стороны, лайнер был обстрелян с борта абхазского военного судна, что и привело к катастрофе[4]. 23 сентября в сухумском аэропорту потерпел катастрофу пассажирский самолет Ту-154-Б, прибывший спецрейсом из Тбилиси. На борту также находилась делегация Минздрава Грузии, сотрудники службы охраны Э. Шеварднадзе, везшие для него личные вещи, и съемочная группа грузинской телекомпании «Ибервизи»[5].

«В связи с имевшими место за последнее время случаями уничтожения гражданских воздушных судов противоборствующими сторонами в зонах локальных военных конфликтов» 24 сентября в Москве странами СНГ и Грузией было заключено решение об обеспечении безопасности полетов гражданских воздушных судов в зонах локальных военных конфликтов. В документе «компетентным органам государств - участников Содружества и Республики Грузия совместно с Межгосударственным авиационным комитетом» было поручено «принять неотложные меры правового, военного и организационно-технического характера по обеспечению безопасной деятельности гражданской авиации, имея в виду установление в зонах локальных военных конфликтов, районов

[1] Газ. «Независимая газета», № 183, 25 сентября 1993 г. С. 3.

[2] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 60.

[3] http://www.mfaabkhazia.org/documents/zayavleniya_mid/1993/

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 182, 23 сентября 1993 г.

[5] Газ. «Коммерсантъ», № 183, 24 сентября 1993 г.

потенциальной опасности для полетов гражданских воздушных судов, с введением в установленном порядке ограничений и запретов на полеты в указанных районах, а также недопущение таких действий сторон в вооруженных конфликтах, которые подвергают опасности гражданские объекты и лиц, не участвующих в военных действиях»[1].

Тем временем 24 сентября в 15 часов на Сенакском аэродроме приземлился самолет, в котором находился Гамсахурдиа. Из Сенаки он направился в Зугдиди, где призвал «прийти на помощь защитникам Сухуми и защитить территориальное единство Грузии». Сообщение о прибытии Гамсахурдиа вызвало шок в Грузии. В политических кругах тогда не исключали, что Гамсахурдиа мог вернуться при посредничестве лидера Аджарии Абашидзе. Кроме того, по сообщениям источников из Зугдиди, там находились И. Церетели и Т. Китовани[2]. 26 сентября в Очамчирский район прибыл отряд вооруженных формирований сторонников З. Гамсахурдиа численностью 400 человек под командованием В. Кобалия, который сразу же отправился на позиции в с. Адзюбжа[3].

Несмотря на то, что экс-президент заявил о поддержке «территориальной целостности», положение Э. Шеварднадзе, находившегося до сих пор в Абхазии, стало угрожающим. Грузинская военная группировка в Сухуме была блокирована в Новом районе города. 25 сентября абхазские подразделения заняли Сухумскую телевышку. В тот же день, 25 сентября, в Сухуме в бункере подземной лаборатории Агудзерского физико-технического института состоялось расширенное заседание. На названном совещании присутствовали Д. Иоселиани, Г. Каркарашвили, генералы, министры и Ж. Шартава. На нем также присутствовал и генерал Г. Адамия, со слов которого Н. Месхия рассказывает о совещании в бункере. Н. Месхия сообщает: Шеварднадзе зашел в бункер с опозданием. Его место ведущего занял Д. Иоселиани. Для Шеварднадзе нашли другое место, а совещание провел Иоселиани. «Сейчас не начинай нам рассказывать о «демократии-мемократии», Сухуми фактически потерян, сегодня или завтра он падет. Что намереваешься делать?» –

[1] http://infopravo.by.ru/fed1993/ch01/akt11397.shtm
[2] Газ. «Независимая газета», № 184, 28 сентября 1993 г. С. 1.
[3] Там же.

спросил он у Шеварднадзе. «Что должен делать, находимся в котловане, оторваны от внешнего мира. Должен вылететь в Тбилиси, надо связаться с Америкой, с Ельциным и что-нибудь предпринять. Не будем же сидеть сложа руки?!» – ответил Шеварднадзе. В разговор вмешался Г. Каркарашвили: «Я уже не министр обороны, я в отставке. Этого же советую вам! Я возьму батальон и двинусь в направлении Сухуми». Ж. Шартава спросил: «Что говорим народу? Оставляем его беззащитным, бесхозным, лицом к лицу с врагом?». Ответа не последовало. «Я возвращаюсь в Сухуми», вышел Шартава. «Надо! Кто-то должен ведь остаться. И во время войны нужен диалог», - сказал вслед Шеварднадзе[1].

Комментируя сложившуюся в рассматриваемое время ситуацию, А.Чикваидзе пишет: «В тот период абхазский конфликт воочию продемонстрировал непреложную геополитическую истину – Запад не пойдет на конфронтацию с Россией ради интересов Грузии. В сентябре 1993 года, за два дня до падения Сухуми, Шеварднадзе вынужден был направить Грачеву и Ельцину срочные депеши с согласием на членство Грузии в СНГ в обмен на недопущение ими захвата Сухуми абхазами»[2]. В этом послании говорилось: «В Сухуми создалась катастрофическая ситуация – опасность падения города реальна. На улицах идут рукопашные бои, погибают сотни невинных людей. Единственное спасение сейчас заключается в немедленном задействовании в качестве миротворческих сил частей десантных войск, дислоцированных в Грузии. В этом видится единственный путь предотвращения еще большей трагедии. Быстрота действий решает все – завтра будет поздно, ибо именно сегодня, в эти часы и минуты решается судьба страны. Исходя из вышеизложенного, убедительно прошу Вас, Борис Николаевич, спасти Грузию. Сообщаю Вам, если это сейчас имеет значение, что мною принято решение о вступлении Грузии в Содружество Независимых Государств. Мы согласны ввести в зону конфликта военные части, предложенные генералом Павлом Грачевым на встрече в Сочи. Прошу Вас незамедлительно принять решение. Это последняя моя надежда и надежда моего народа»[3].

---

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 87-88.

[2] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 188.

[3] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

Вопрос о том, откуда – из Сухума или из Тбилиси – было отправлено это послание, остается открытым.

В тот же день, 26 сентября, на расширенном заседании Кабинета министров Грузии, в котором приняли участие и депутаты парламента, многие члены правительства заявили, что только вступление в СНГ поможет сохранить территориальную целостность страны. Против подобного шага высказались вице-премьеры А. Кадагишвили и И. Саришвили. Член парламента и председатель социал-демократической партии Грузии Г. Мучаидзе, также выступивший против вступления в СНГ, предложил созвать для обсуждения этого вопроса экстренное заседание временно приостановившего свою деятельность парламента[1]. 27 сентября депутаты грузинского Парламента, срочно вернувшиеся из отпуска, потребовали провести экстренное заседание и обсудить вопрос о вступлении в СНГ[2]. В Грузии к тому времени стало ясно, что без российской поддержки не только не справиться с абхазами, но и неизбежен хаос внутри страны. 27 сентября социологическая служба газеты «Резонанси» попросила тбилисцев ответить на вопрос: «Если завтра будет проведен референдум, проголосуете ли вы за вступление Грузии в СНГ?». Мнения разделились следующим образом: да – 38,3%, нет – 48,1%, не знаю – 13,6%[3].

При этом небезынтересно отметить, что ни начавшееся наступление абхазской армии, ни даже острый военно-политический кризис в России не смогли прервать российско-грузинский диалог, который к тому времени давно приобрел довольно странную динамику. Тогда шла речь о делимитации государственной границы – определение путем переговоров государственной границы и нанесение ее на топографическую карту. Она, как правило, проводится специальными комиссиями, создаваемыми на основе договоров государств о делимитации. 26 сентября, накануне освобождения Сухума Абхазской армией, правительство РФ приняло Постановление о создании комиссии по делимитации границ между Россией и Грузией. На нее была возложена подготовка матери-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 185, 28 сентября 1993 г.

[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 79.

[3] Разоренова М. Грузия в октябре 1993 года // http://igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_93/gruz.html

алов, необходимых для проведения переговоров по международно-правовому оформлению государственной границы между Россией и Грузией на суше и на море, разграничение исключительной экономической зоны и континентального шельфа на Черном море, а также проведение переговоров, выработка соответствующих документов. В ходе деятельности этой комиссии к октябрю 1994 г. представителями Федеральной службы геодезии и картографии России и Главного управления геодезии и картографии Грузии был подписан Протокол согласования прохождения российско-грузинской административной границы, которым были также определены принципы установления начальной точки сухопутного участка границы в устье р. Псоу[1].

Между тем, исход «битвы за Сухум» уже практически был предрешен. Тем не менее, за два дня до освобождения города там распространялась листовка, которая утверждала, что взятие Сухума не осуществимо, и призывала абхазских бойцов бросать оружие и убегать с фронтов[2], а грузинское радио продолжало передавать, что «в Сухуме все спокойно, наступление абхазов остановлено, идет очистка остатков разбитой армии»[3]. Это происходило в то время, когда дух грузинских солдат был подорван, а у абхазов и их братьев по оружию он был высок. Вечером 26 сентября началось решающее наступление абхазской армии, и в 15. 30 27 сентября был взят Дом правительства – последний очаг сопротивления оккупантов в Сухуме. Взгляд с грузинский стороны на то, как это происодило, рассказывается в статье, размещенной на сайте abkhazeti. ru. Считаю уместным привести ее содержание: В 6 часов утра 27 сентября к зданию Совета Министров Абхазии подъехала автомашина. Вскоре прибыла группа бойцов государственной охраны: они разместились на первых трех этажах. Приблизительно в 9.15 прибыли 32 «афганца» во главе с Г. Джаниашвили, которому было приказано обеспечить охрану здания и сотрудников аппарата. В половине десятого приехал сам Ж. Шартава и сказал, что на 11.00 назначено заседание правительства... В ночь с 26 на 27 сентября грузинская армия фактически покинула пози-

[1] Белов О. А. Пограничное сотрудничество между РФ и Грузией // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 27-28.

[2] Шамба О. Б. Предисловие // А. Аргун. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 9.

[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 412.

ции, оставив город без прикрытия. На грузинской стороне не знали об этом, поэтому большинство людей пришло на работу 27-го в Совмин. Очевидцы вспоминают жуткую тишину, царившую утром 27 сентября. Многие жители, которые еще оставались в городе, воспользовались ею и покинули Сухум. Некоторые восприняли обманчивое затишье как хороший знак. Видимо, так же подумали и в Совмине. Надо учитывать и то, что в предыдущие дни никто всерьез не обсуждал вопрос об эвакуации. Среди грузин постоянно муссировались слухи о намечавшемся улучшении обстановки, подходе дополнительных сил, словом, имел место оптимизм. По словам очевидца, побывавшего в Совмине ранним утром 27 сентября, там говорили о том, что достигнуто соглашение о прекращении огня; есть и другие сведения, согласно которым там же упоминались идущие переговоры. И тем неожиданнее было резкое изменение ситуации. В полдень призрачная тишина взорвалась... Противник находился в нескольких сотнях метров. Необходима была срочная помощь для разблокирования здания. Шартава и Гасвиани сделали десятки звонков по всем инстанциям, затребовали помощь от всех военных чинов, но в ответ получили только обещания... Тогдашние должностные лица рассказывали, что отправили на подмогу Шартава бронетехнику и гвардейцев, но никакая помощь к Совмину не пришла. Более того, не поступило вразумительного совета, что делать дальше, как быть… В нескольких местах возникли пожары, но их удалось вовремя потушить. Обстрел только нарастал. Прервалась телефонная связь с комендатурой. Наконец, в час дня было принято решение покинуть здание. Договорились, прикрывая друг друга огнем, прорываться группами через восточное крыло. Все, кто находился в здании, перебрались под арку левого крыла (арка проходила сквозь весь флигель и образовывала род тоннеля с началом на улице Фрунзе[1] и концом у лестниц центрального входа). Часть «афганцев» остановилась на нижней лестнице под прикрытием стен. Обстрел не прекращался ни на минуту. Видимо, заметив подозрительное движение, противник дважды выстрелил по арке из гранатомета, попав в ее стену. Медлить было нельзя. А. Гасвиани и Г. Кварацхелия приняли решение прорваться через сквер на ул. Фрунзе. Под ураганным огнем

[1] Ул. Фрунзе – совр. ул. Аидгылара.

им это удалось. Одновременно с этим группа в пять человек во главе с советником Совмина Т. Габуния выбила стекло в окне фасада второго этажа и через него выбралась наружу. Следом за ними бросились «афганцы». Но организованного выхода не получилось. Известно, что Ж. Шартава, стоявший под аркой, был готов покинуть здание, но в последний момент передумал… Пламя от пожаров продолжало разгораться. В промежутках между грохотом взрывов и очередей грузины слышали крики: «Сдавайтесь, сдавайтесь!». Решили посовещаться. Положение казалось безвыходным: здание почти целиком было объято пламенем, гвардейцев – человек 20, в общем, было решено сдаваться. С кого-то стянули белую сорочку, В. Гегелашвили прикрепил ее к палке и вместе с ней вышел на улицу. Заметив белый флаг, противник тут же прекратил обстрел. Гегелашвили вернулся в здание. Затем туда поднялись представители противника, и пришло время сдавать оружие и выходить на улицу. При выходе кто-то передавал автоматы прямо в руки, кто-то клал на землю[1].

«Сухумская эпопея» завершилась победой Абхазской армии. На этот раз она продолжалась 12 суток. В результате боев за Сухум было уничтожено до 12 тысяч солдат и офицеров противника, много боевой техники. 27 сентября, еще в ходе штурма Дома правительства в Сухуме, МИД России вновь обратилось к руководству Абхазии с призывом остановить наступление. Москва также выражала готовность продолжить посредническую миссию в целях достижения политического урегулирования[2]. В ответном заявлении МИДа Абхазии от 27 сентября говорилось, что Абхазская армия была вынуждена продолжить операцию по освобождению Сухума в связи с отказом грузинской стороны вывести войска из города[3]. 27 сентября при освобождении Дома правительства глава оккупационной власти Абхазии Ж. Шартава и его соратники были взяты в плен. Однако по пути их сопровождения из Сухума в Гудауту, где еще оставалось абхазское руководство, они, в результате разночтения приказов, были расстреляны.

---

[1] Заркуа А. Призрачный мир // www.abkhazeti.ru.

[2] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии //Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 60.

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 43, 30 сентября 1993 г.

Тем временем глава Грузии оставался в уже освобожденной столице Абхазии. Именно из-за своего нахождения в абхазской столице и стремления «заразить» личным примером защитников города Э. Шеварднадзе уже после войны подвергся критике со стороны бывшего руководителя Министерства безопасности Грузии И. Георгадзе, который возложил на него вину за понесенные потери. Он в открытом письме к Э. Шеварднадзе писал: «Вы лично повинны в гибели тысяч людей в Сухуми на последнем этапе его обороны осенью 1993 года, когда своим пребыванием на «передовой» и заверениями о готовности остаться в городе до последнего вы заставили вернуться туда тысячи беженцев, уже покинувших город, и тем самым подвели их под снаряды, пули… И первое, что мы слышали от людей, которым во второй раз удалось выбраться из захваченного абхазскими войсками Сухуми были слова: «Чтоб был проклят Шеварднадзе!»[1].

Министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе, рассказывая о событиях тех дней, писал: «Накануне падения Сухума… Понимая, что произойдет с минуты на минуту, я пытался срочно связаться с руководством Кремля… Я хотел разыскать А. Козырева, звонил даже в машину, на мобильник, но он явно избегал разговора со мной. В течение часа я столь же тщетно пытался связаться с Грачевым, но все телефоны в его приемной молчали. Наконец, мне удалось дозвониться до помощника Ельцина. Я объяснил ему, что Шеварднадзе в Сухуми, его жизнь в опасности и, если с ним что-то случится, репутация России в глазах всего мира окажется подмоченной»[2].

Россия, действительно, несмотря на разгар политического кризиса в Москве приняла деятельное участие в судьбе Э. Шеварднадзе «в связи с неоднократными личными просьбами лидеров западных государств»[3]. По версии Т. Китовани, после того как Гамсахурдиа вернулся в Грузию, «Шеварднадзе созвонился с президентом США с Бушем, который позвонил Ельцину и начал настаивать, чтобы Ельцин спас Шеварднадзе, и в этот момент Ельцин отдал приказ российским войскам»[4]. Однако,

[1] Думаа К. Н. Носитель ящика Пандоры. Сухум, 1995. С. 39.
[2] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 191.
[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 79.
[4] Интервью Т. Китовани в 2002 г. Видеозапись.

по мнению В. Николаева, «здесь присутствовал политический расчет» и со стороны России. Названный автор отмечает: «Видимо, Б. Ельцин полагал, что загнанный в угол неблагодарный и неверный союзник теперь будет более покладистым и, наконец, прекратит дрейф Грузии в сторону Запада и вступит в СНГ»[1].

Как бы там ни было, Президент Российской Федерации Б. Ельцин дал указание Министерству обороны оказать максимально возможное содействие эвакуации из Сухума Э. Шеварднадзе. Такое сообщение днем 27 сентября распространил департамент информации и печати МИД России[2]. В упомянутом заявлении МИД Абхазии от 27 сентября также выражалась готовность «предоставить возможность главе Грузии выехать за пределы суверенной Абхазии»[3]. Однако уже утром 27 сентября руководитель пресс-центра ГРВЗ полковник Г. Долгачев заявил, что на эти предложения Шеварднадзе ответил отказом[4].

По свидетельству С. Лакоба, «спасение» Э. Шеварднадзе происходило следующим образом. По просьбе руководства России Абхазская армия 27 сентября на два часа прекратила огонь и остановила свое движение в Сухуме. И во время этого затишья глава Грузии «был вывезен российскими десантниками под видом тяжело раненного русского полковника в расположение сухумского военного санатория, позже переправлен на российскую военную базу в Батуми, а затем в Тбилиси»[5]. Это же повторяет в своей работе и В. Николаев[6]. Командующий абхазской артиллерии А. Кобахия сообщает, что сам наблюдал за тем, как Шеварднадзе, находившегося в здании российского санатория, вывозил российский вертолет[7]. По данным обозревателя А. Союстова, план эвакуации Э. Шеварднадзе предусматривал следующие действия: «В ночь на 28 сентября в окрестности Сухуми вертолетами перебрасы-

[1] Николаев В. Грузия: утраченные иллюзии // Газ. «Республика Абхазия». № 81, 22-23 июля 2010 г.

[2] Газ. «Советская Россия», N 115, 28 сентября 1993 г. // http://1993.sovnarkom.ru/TEXT/GAZETY/SR_115/115_1_5.htm

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 43, 30 сентября 1993 г.

[4] «Независимая газета», № 184, 28 сентября 1993 г. С. 3.

[5] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 80.

[6] Николаев В. Грузия: утраченные иллюзии // «Республика Абхазия». № 81, 22-23 июля 2010 г.

[7] Интервью для документального фильма «Страсти по Владиславу».

вается группа «Альфа», после чего российские спецназовцы пробираются в город и берут Шеварднадзе под охрану[1]. Днем из Севастополя к Сухуми выходит российский воздушный корабль на воздушной подушке. Вечером того же дня он прорывается к осажденному городу, где берет на борт «Альфу» и председателя Верховного Совета Грузии»[2].

Задача обеспечить вывоз Э. Шеварднадзе из Сухума была поставлена российским Президентом непосредственно перед тогдашним министром обороны П. Грачевым, который незамедлительно известил об этом командующего Черноморским флотом Э. Балтина. Тогда же, по распоряжению Э. Балтина, из Севастополя к берегам Абхазии срочно вышел высокоскоростной десантный корабль «Зубр»[3]. Приведем рассказ «Независимой газете» (25 января 2000 г.) командующего береговыми войсками и морской пехотой ЧФ в 1987–1995 гг. генерал-майора В. Романенко: «Надо сказать, что шум двигателей десантного корабля напоминает шум реактивного самолета. «Зубр» подошел ночью к берегу, и абхазы решили, что их атакует мощное российское авиационное соединение. Все средства ПВО были выведены на берег. С корабля была видна сплошная линия огня, и к берегу подойти было невозможно. Корабль сделан из легко воспламеняемых сплавов и может полу-

[1] А. Союстов сообщает: «Через три месяца (после эвакуации Э. Шеварднадзе. – **А. А**.) «альфовцев» Максимова и Кременчуцкого за проявленное мужество наградили. Поскольку официально признать факт участия России в боевых действиях против Абхазии администрация Ельцина не решилась, в документах значилось, что российские офицеры удостоились медалей «За участие в гуманитарной акции». (Приказ – спасти Шеварднадзе // «Тайны XX века», апрель 2008 г. // Газ. «Дал – Цабал», № 6, июнь 2008 г.). Согласно данным того же автора, названные офицеры руководили действиями российского спецподразделения с десантного корабля «Зубр».

[2] Союстов А. Приказ – спасти Шеварднадзе // «Тайны XX века», апрель 2008 г. // «Дал – Цабал», № 6, июнь 2008 г.

[3] Десантные корабли на воздушной подушке проекта «Зубр» были разработаны под самый занавес существования СССР. Водоизмещение более 500 т. Общая мощность грузотурбинных двигателей – 60000 л. с. Каждый «Зубр» был способен принять на борт либо 3 танка, либо 360 морских пехотинцев и со скоростью 60 узлов (110 км в час) доставить этот груз на расстояние 300 миль. Этот корабль являлся не только феноменально быстроходным, но и отменно вооруженным – 2 шестиствольные 30-миллиметровые пушки по прозвищу «шинкавки» (скорострельность до 5000 снарядов в минуту) плюс 44 ствола системы реактивного залпового огня. «Зубры» были и до сих пор остаются крупнейшими в мире десантными кораблями на воздушной подушке.

чить пробоину, ведь стреляли прямой наводкой. «Зубр» несколько раз уходил обратно в море. Корабль все время менял направление ожидаемой высадки, кроме того, ночью его видно не было, слышен только мощный рев. Корабль всеми своими средствами вел огонь на поражение по берегу. Абхазские формирования, не понимая, с кем ведут бой, то пытались отражать удары авиации, то препятствовали высадке морского десанта. Воспользовавшись отвлечением сил и средств абхазских ПВО, пилоты Шеварднадзе подняли ЯК-40 и на очень малой высоте над рекой вышли в море, развернулись, ушли в сторону Поти и сели под Кутаиси»[1].

Примерно о том же, но с некоторой метафоричностью сообщает и А. Союстов[2]. Однако, по утверждению последнего, «Зубр» должен был прорваться в Сухум и взять на борт «Альфу» и Э. Шеварднадзе. А В. Романенко считал, что задачей корабля было обеспечить взлет ЯК-40, на котором глава Грузии должен был покинуть Сухум[3]. Впрочем, вполне вероятно, что экипаж «Зубра» был не до конца осведомлен о своей задаче в данной операции, что подтверждается и утверждением А. Союстова о неоднократных попытках корабля приблизиться к берегам столицы Абхазии.

Еще в декабре 1993 г. корреспондент «Красной звезды» В. Пасякин о «чудесном спасении» Э. Шеварднадзе рассказал: «Черноморцам была поставлена задача эвакуировать из Сухуми главу грузинского государства на десантном корабле на воздушной подушке типа «Зубр». Обязанности командира на этом «летающем» корабле исполнял начштаба дивизиона капитан 3-го ранга С. Кременчуцкий, старшим на борту был комбриг капитан 1-го ранга В. Максимов. Однако в указанном месте и в указанный час «Зубр» дважды был встречен буквально шквалом огня. В то же время Шеварднадзе совсем другим путем покинул Сухуми. Была ли в этом случае утечка информации или же черноморцев специально подставили – время покажет»[4].

---

[1] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.
[2] Союстов А. Приказ-спасти Шеварднадзе // «Тайны XX века», апрель 2008 г. // Газ. «Дал – Цабал», № 6, июнь 2008 г.
[3] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000) // www.abkhaziya.org.
[4] Розин А. Участие Черноморского флота в разрешении конфронтации Грузии и Абхазии // http://alerozin.narod.ru/Geor.htm

Сам Э. Балтин в 2002 г. об этом эпизоде рассказывал следующим образом: «В моем кабинете в Севастополе раздается звонок из Тбилиси. На другом конце провода – личный помощник Эдуарда Амвросиевича: «Эдуард Дмитриевич, выручайте. Можете ли вы обеспечить безопасный отход Шеварднадзе морем?». Через несколько суток, а именно 27 сентября, корабль встал в 20-мильной точке от берега Сухуми и, дождавшись ночи, предпринял первую попытку высадиться на берег. Однако при подходе к берегу по морякам был открыт ураганный огонь с берега. Моряки предпринимали попытку за попыткой, но все было тщетно… «Зубру» была поставлена задача – любой ценой подойти к берегу, высадить роту морской пехоты при огневой поддержке с корабля и БТРов, занять плацдарм и обеспечить проход Шеварднадзе на борт. Все, правда, получилось иначе, но, тем не менее, задача была выполнена. «Зубр», включив все свои воздушные винты-пропеллеры, рванул к берегу. Когда до берега оставалось метров 300, абхазы, услышав гул моторов, подумали, что с моря идет штурмовая авиация, и повернули все средства ПВО на море. В это время, надо отдать должное расторопности помощников Шеварднадзе, Як-40, на борту которого находился их лидер, резко набрал высоту и… Когда абхазы опомнились – было уже поздно. Через час самолет Шеварднадзе благополучно приземлился в Тбилиси»[1]. Скорее всего, здесь речь идет об официальной версии, потому что на самом деле Шеварднадзе вывезли не на его самолете ЯК-40, или Балтин мог не знать об этом, т. е. он мог быть информирован только о своей части операции.

Таким образом, несмотря на некоторые, местами очень существенные, несоответствия в рассказах о «спасении» Э. Шеварднадзе, ясно одно: его вывезли российские военные и не на ЯК-40, а на российском военном вертолете. Операция по «спасению» Э. Шеварднадзе была осуществлена без особых происшествий не потому, что «силы и средства абхазских ПВО» «были отвлечены» «войной» с «Зубром», а потому, что руководитель Абхазии дал «добро» на ее проведение. О том, что В. Ардзинба отдал приказ не сбивать вертолет Э. Шеварднадзе, свидетельствует и Е. Крутиков, который уже в 2001 г., вспоминая о «чудесном» спасении главы Грузии, писал: «В вертолете, помимо Э. Шеварднадзе и

[1] http://dalpravda.ru/19276-jeduard-baltin-o-spasenii-shevardnadze.html#

начальника его личной охраны Э. Гогладзе, находились до зубов вооруженные русские солдаты (на руках они носили шевроны с изображением летучей мыши) и несколько высокопоставленных российских же чиновников, гибели которых В. Ардзинба никогда бы не простили. Россияне стали живым щитом Шеварднадзе, гарантией его личной безопасности во время этого последнего полета»[1]. Это подтверждается и версией Т. Китовани, который сообщает о том, что «тогда Грачев очень сильно настаивал и Ельцин, они давили на руководство Абхазии, чтобы Шеварднадзе оставили коридор, и чтобы его выпустили, если честно сказать, его не стали сбивать, его отпустили»[2].

Впрочем, сам Э. Шеварднадзе спустя немногим более двух недель после названных событий, в интервью «Комсомольской правде» 12 октября рассказал: «Поехали в аэропорт. Там действительно стоял еще правительственный самолет ЯК-40, но экипажа и основной части моей охраны не оказалось. Я не знаю, как так получилось, возможно, они ушли в горы… Судьба меня тотчас подвела к другому, заброшенному самолету ТУ-134. Удалось разыскать летчика. Уже было шесть часов утра… Еще нашли кого-то из экипажа. Я объяснил им, что если не уеду, то Сухуми начнется по всей Грузии. Решайте сами, я не могу вас заставить, я могу лишь просить. Они сказали: «Мы с Вами». 80 процентов было за то, что это самолет-смертник, у него было много неисправностей, три гражданских самолета до этого были варварски сбиты абхазами. Славные ребята, они решились. Оказалось, что горючего хватит до Батуми или Кутаиси. Полетели на Батуми, никто не ожидал меня там, заправились, и в восемь утра я был в Тбилиси, а в десять уже на работе»[3]. Подтверждая эту версию, З. Папаскири также сообщает: «28 сентября ранним утром из Бабушарского аэропорта взлетел самолет, на борту которого находились Э. Шеварднадзе, А. Кавсадзе, И. Батиашвили, мэр Тбилиси К. Габашвили и др. По взлетевшему самолету был открыт огонь, но он уцелел, в тот же день, после промежуточной посадки в Батуми, самолет благополучно приземлился в Тбилиси»[4].

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 15-16 марта 2001 г.
[2] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
[3] Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. С. 331.
[4] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 453.

Тем временем, по утверждению Н. Месхия, все это «откровенная ложь». Версия Месхия опровергает все ранее изложенное: «Господин Шеварднадзе (с сопровождавшими его лицами. – **А. А**.) покинул Абхазию не 28 сентября, а в половине пятого утра 26 сентября. Об этом заявляю со всей ответственностью: в то время оперировал раненых в Агудзерском госпитале, что в пяти шагах от Бабушерского аэропорта, и после долгого перерыва услышали гул моторов самолета. Сразу же понял, что происходило что-то важное, поэтому попросил медсестру выйти и узнать время: было ровно 4 часа 30 минут утра 26 сентября 1993 года. В это время вылетел один-единственный самолет за все это долгое время, на борту которого находился Э. Шеварднадзе. Это в тот же день подтвердил мой друг З. Хаиндрава – начальник Бабушерского аэропорта»[1]. При всем при этом нельзя забывать одно обстоятельство. Э. Шеварднадзе никак не мог улететь на самолете с Сухумского аэропорта, поскольку, начиная с 23 сентября, он был полностью заблокирован со стороны моря, и на подлете к нему были сбиты три самолета[2]. Но Н. Месхия как раз говорит о том, что названный им самолет был единственным вылетевшим из аэропорта за долгое время.

После прибытия в Тбилиси Шеварднадзе отказался от комментариев, заявив, что спустя несколько часов пройдет его пресс-конференция, на которой он все расскажет. Зато его охранник сообщил, что 27 сентября, в момент взятия абхазами Сухума, Шеварднадзе находился на одной из боевых позиций вместе с группой представителей военного командования и покинул город последним[3]. Э. Шеварднадзе чуть позже заявил: «Вместе с моими соратниками я потрясен происшедшим. Знает Бог, я делал все во избежание этого страшного дня. Не смог. Да простят меня современники и потомки»[4].

28 сентября вечером парламент, деятельность которого несколько недель назад была приостановлена, собрался на экстренное заседание и категорически потребовал возвращения своего председателя в Тбилиси. «Считаем, что дальнейшее пребывание Э. Шеварднадзе в городе

---

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 84-85.
[2] Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 77.
[3] «Независимая газета», № 185, 29 сентября 1993 г. С. 1.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 186, 29 сентября 1993 г.

Сухуми ставит под угрозу не только его жизнь и личную безопасность, но и грузинскую государственность, а в случае рокового стечения обстоятельств может стать причиной еще большего кровопролития»[1]. И уже после прибытия Шеварднадзе в Тбилиси вышел номер газеты «Известия», где содержалась следующая информация: «Грузинский лидер вновь подтвердил свою решимость оставаться до конца с защитниками и исключил даже мысль о том, чтобы покинуть Сухуми. «Народное ополчение сухумчан и правительственные войска показывают чудеса героизма, и те, кто написал сценарий нынешней сухумской трагедии, явно не рассчитывали на такое. Я уверен, что мы выстоим, а если случится худшее, мы все здесь погибнем, но капитуляции никто не дождется», – заявил Шеварднадзе в ответ на просьбы покинуть город»[2]. И уже совсем насмешкой звучал пафосный вывод грузинского журналиста Б. Уригашвили: «Сегодня ясно, что живым Шеварднадзе из Сухума в случае падения города не уйдет»[3].

Глава Грузии не только «ушел живым», но и оставил умирать в Сухуме привезенного им же сюда Ж. Шартава. По истечении многих лет об этом эпизоде Шеварднадзе писал: «Увидев, что наши батальоны исчезли и город остался без всякой защиты, я отправился в здание Совмина. Жиули там не было. Ему позвонили и сообщили, что я пришел. Через пять минут он появился. Ему уже все было известно… Он звонил А. Элиава и просил поддержки, но тот ответил, что без приказа Гамсахурдиа ничего не может сделать. Я передал приказ: немедленно покинуть здание и уходить из зоны боевых действий. «Я не могу уйти. Они уже в городе» – ответил он»[4]. Когда обещавшего защищать город «голыми руками», но убегавшего из него Э. Шеварднадзе спросили о судьбе Ж. Шартава, он ответил, что «с ним все нормально»[5].

В связи с этим думается нелишним привести следующее свидетельство Н. Месхия. Он сообщает, что в середине сентября 1993 г. в беседе с ним Шартава предложил ему организовать встречу представителей

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 186, 29 сентября 1993 г.
[2] Газ. «Известия», № 184, 28 сентября 1993 г. С. 1.
[3] Там же. С. 2.
[4] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 363-364.
[5] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 15–16 марта 2001 г.

Шеварднадзе и Гамсахурдиа и объявить досрочные выборы. «Пусть баллотируются оба и пусть народ решает»[1]. Это было очень опасным предложением, т. к. оно не могло бы понравиться Э. Шеварднадзе. Главе Грузии, скорее всего, стало известно об этом, поскольку переговорить с Гамсахурдиа поручили Д. Гамахария, а с Шеварднадзе – А. Кавсадзе, зашедшему в кабинет Шартава во время обсуждения этого вопроса[2]. Гамсахурдиа тогда выразил готовность вступить в диалог в любой форме, а Шеварднадзе не ответил[3].

В продолжение темы. Во время одной из встреч Шартава сказал Н. Месхия: «Знаешь, кто такой Шеварднадзе? Это коварная личность! Это тот человек, который может убить твоего единственного сына, затем первым придет к тебе на соболезнование и станет рядом, чтобы разделить твое горе!». Я опешил, эти слова обезоружили и озадачили меня. Первый, кому доверился, был Д. Гамахария, и то после трагической гибели Ж. Шартава»[4]. В связи с этим Месхия ставит перед Э. Шеварднадзе следующие вопросы: «Чем объяснить, что Шартава с друзьями оставили лицом к лицу с врагом тогда, когда один из общепризнанных антигероев – один из организаторов абхазской трагедии – Т. Надарейшвили заблаговременно был вывезен вами в безопасную зону и повышен в должности как заслуженный герой? Хотя бы тогда, когда город вот-вот должен был пасть, почему не дали распоряжение Шартава вместе с друзьями покинуть город и выйти в безопасную зону, туда, где пребывали вы и «преисполненные долга» ваши военачальники? Не стал ли он жертвой своих убеждений, неприступного патриотизма и поисков путей перемирия с абхазской стороной и восстановления территориальной целостности страны?»[5].

Тем временем на обещанной им пресс-конференции Э. Шеварднадзе 28 сентября в Тбилиси сообщил, что связывался с Б. Пастуховым и просил его направить в Совет Министров Абхазии офицеров российской армии, которые вывели бы Шартава и сотрудников. Однако, по его сло-

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 161.
[2] Там же. С. 162.
[3] Там же. С. 163.
[4] Там же. С. 163.
[5] Там же. С. 389.

вам, Пастухов не удовлетворил или не смог удовлетворить эту просьбу. Из этого глава Грузии заключил, что «если произошло худшее, то это будет на совести не только сепаратистов, но и на совести Пастухова»[1]. Во всем этом просматривался элемент блефа, т. к. к моменту своего названного заявления Э. Шеварднадзе не мог не знать о том, что Шартава уже не было в живых. 29 сентября вечером из Гудауты спецрейсом в Тбилиси было доставлено тело Ж. Шартава[2]. На перезахоронении праха последнего его мать сказала Э. Шеварднадзе: «Если смерть моего сына была важна и необходима для Грузии, то я больше плакать не буду»[3]. С. Шойгу, В. Шуйков и Б. Пастухов тогда в обращении к грузинскому руководству писали: «Известие об этой трагической гибели, ставшей частью варварского кровопролития в Сухуми, глубокой болью отозвалось в сердцах тех, кто знал Ж. Шартава и работал с ним в составе ОК. Убийцы Шартавы должны предстать перед законом, как и те, кто вновь развязал войну 16 сентября»[4]. Однако тбилисские политики стремились вину за гибель возложить также и на российские власти. В частности, 30 сентября на пресс-конференции в Москве посол Грузии в России В. Адвадзе заявил, что «после падения Сухума и убийства Шартава о вступлении в СНГ не может быть и речи»[5].

Тем временем экс-президент З. Гамсахурдиа, находившийся в Мегрелии, призвал власти Грузии добровольно уйти в отставку и провести новые выборы. 27 сентября вечером по телевидению г. Зугдиди было несколько раз показано его обращение. Он сообщил, что в Очамчирском районе создается единое военное командование грузинских сил под руководством Л. Кобалия. 27 сентября вечером на пресс-конференции З. Гамсахурдиа заявил, что главными целями его возвращения являлись: «защита грузинского населения Абхазии и восстановление законной власти на территории всей Грузии»[6]. 28 сентября он побывал в Абхазии – Гале, Очамчире и Гульрипшском районе, которые к тому времени еще оставались под контролем грузинских войск. В

[1] «Независимая газета», № 185, 29 сентября 1993 г. С. 3.
[2] «Независимая газета», № 187, 1 октября 1993 г. С. 3.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 15-16 марта 2001 г.
[4] Газ. «Известия», № 187, 1 октября 1993 г. С. 2.
[5] «Независимая газета», № 187, 1 октября 1993 г. С. 3.
[6] «Независимая газета», № 185, 29 сентября 1993 г. С. 1.

Гале грузинский экс-президент выступил на митинге, а утром 29 сентября был обнародован его указ об объявлении по всей Грузии всеобщей мобилизации[1]. Однако это не помогло грузинским войскам удержать ситуацию: именно утром 29 сентября началась операция Абхазской армии по объединению Гумистинского и Восточного фронтов, а уже к середине дня состоялась их встреча на р. Кодоре. Решение о продолжении наступлении Вооруженных сил Абхазии было принято накануне поздно вечером на совещании командиров с главнокомандующим В. Ардзинба. Вспоминая о ходе этого совещания, его участник, командующий артиллерией А. Кобахия, пишет: «Поблагодарив за успешное освобождение Сухума (В. Ардзинба. – **А. А.),** спросил у командования, какие дальнейшие планы. Все в один голос, и я в том числе, говорили о том, что воины устали, что нам надо закрепиться по реке Келасур и где-то через месяц подготовиться к дальнейшему наступлению. С выступлением очередного командира он становился хмурее, а потом взорвался: «Вы что, с ума сошли, вы понимаете, о чем говорите?! Восточный фронт зубами асфальт грызет, патроны у них закончились, в рукопашную идут, но не отходят, а вы хотите месяц здесь сидеть!». Дальше пошли четкие команды: завтра с рассветом немедленно двигаться вперед – и никаких других вопросов. Жестко стукнул по столу, встал и ушел»[2]. В ходе наступления Абхазская армия освободила г. Очамчиру, и Т. Надарейшвили назвал это «результатом наших политических ошибок». Он заявил, что в «грузинской армии не решены надлежащим образом кадровые проблемы, не существует дисциплины, солдаты посылают генералов за сигаретами»[3].

Нужно сказать, что в Грузии в рассматриваемое время в ответ на отказ России оказать военную помощь грузинской армии в очередной раз развернулась антироссийская политическая истерия. В частности, во время пресс-конференции в Тбилиси 28 сентября Э. Шеварднадзе обвинил Россию в оккупации части Грузии. По его словам, операция по взятию Сухума разрабатывалась в штабах российских войск и осущест-

[1] «Независимая газета», № 186, 30 сентября 1993 г. С. 3.

[2] Кобахия А. А. Таким был Владислав // http://apsnyteka.org/421-kobahia_a_vospominania_o_gruzino_abhazskoi_voine.html

[3] «Независимая газета», № 187, 1 октября 1993 г. С. 3.

влялась при непосредственном участии российских военнослужащих. Тогда глава Грузии заявил, что в сложившихся условиях не видит смысла в своей встрече с Б. Ельциным. Он также отрицательно высказался по поводу начала мирных переговоров по абхазскому вопросу, которые были запланированы на 30 сентября и должны были начаться в Женеве под эгидой ООН. Э. Шеварднадзе заявил, что теперь главная задача, стоящая перед Грузией, – вернуть Сухум, вернуть оккупированные территории и восстановить «территориальную целостность» страны. Грузинский журналист Б. Уригашвили, размышляя о причинах антироссийских заявлений главы Грузии, тогда писал, что после всего, что произошло, Шеварднадзе не оставалось ничего, как выступить со столь резкими заявлениями, т. к. «любой другой его ход был бы непонятен в Грузии»[1].

Как бы там ни было, подобная риторика не могла вызвать в Москве одобрения. 28 сентября МИД РФ выступило с нотой протеста, где было сказано, что «завуалированные или прямые выпады по адресу России необоснованны, и мы опровергаем их»[2]. В этот же день, 28 сентября, министр иностранных дел России А. Козырев на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявил о том, что Москва берет на себя выполнение функции миротворчества и защиты национальных меньшинств, и особенно русскоязычного населения, в ближнем зарубежье»[3]. Это заявление, по всей видимости, было демонстрацией того, что Россия не перестает считать себя крупной державой, несмотря на переживаемые ею внутриполитические распри. Так что это заявление, скорее всего, было направлено на международное сообщество, но оно не могло не вызвать раздражения и в Грузии. Тем временем, именно 28 сентября в Тбилиси был создан оперативный штаб по возвращению Абхазии во главе с премьер-министром Грузии О. Пацация. Сама Абхазия, к неудовольствию тбилисских стратегов, «возвращаться» не желала. 29 сентября на пресс-конференции в Москве первый заместитель Председателя Верховного Совета Абхазии С. Джинджолия заявил, что «теперь уже

[1] Газ. «Известия», № 186, 30 сентября 1993 г. С. 1.

[2] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 60.

[3] Данилов Д. Россия в Закавказье в поисках международной легитимации // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 161.

не может быть и речи о федеративных или конфедеративных отношениях между Абхазией и Грузией»[1]. На следующий день, 30 сентября, в результате развития наступления в 20. 00 часов Абхазская армия вышла к р. Ингур – Государственной границе между Абхазией и Грузией, где был водружен Государственный флаг Республики Абхазия. Война, длившаяся 413 суток и принесшая неисчислимые жертвы и беды абхазскому и другим народам, была победоносно завершена.

30 сентября Э. Шеварднадзе обвинил Россию в поддержке абхазов, «открытии границы для проникновения в Грузию российских наемников и техники, в координации боевых действий абхазов»[2]. В тот же день, 30 сентября, посол Грузии в Москве В. Адвадзе выступил с заявлением, в котором говорилось: «Падение Сухуми – это победа ВС РФ, так как он всегда поддерживал сепаратистов в Грузии. Демократическая Россия ничего не сделала для спасения своего верного друга – демократической Грузии и Шеварднадзе. Более того, в отношениях с Грузией Россия сознательно и бессознательно оказалась на стороне ВС Абхазии. Россия теряет, если не сказать, уже потеряла, своего верного друга – Грузию. И это тогда, когда все было подготовлено для подписания большого договора, и 9 из 24 документов уже были парафированы, а официальная Грузия готова была вступить в СНГ»[3]. Это, безусловно, оказывало влияние на общественное мнение. Даже спустя полторы недели после изгнания грузинских войск, когда «страсти» немного улеглись, 30% тбилисцев однозначно считали, что вина за поражение в Абхазии ложится только на Россию[4].

Однако позже, в июне 1994 г., Э. Шеварднадзе вспомнил про свое пребывание в Сухуме в конце сентября и заявил: «Я, человек, остававшийся в Сухуми до последней минуты его падения, с полной ответственностью должен сказать: главная причина падения Сухуми – измена»[5].

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 187, 30 сентября 1993 г.

[2] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии //Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 60.

[3] «Независимая газета», № 187, 1 октября 1993 г. С. 3.

[4] Разоренова М. Грузия в октябре 1993 года // http://igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_93/gruz.html

[5] Разоренова М. Грузия в июне 1994 года // http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jun1994/gruzia.html

Правда, кого он подозревал в измене, так и осталось неизвестным. Т. Китовани также склонен был видеть в нежелательных для него итогах войны в Абхазии происки заговора. Уже после войны он заявлял: «Специально было сделано, что якобы войны нет в Грузии. Вот это специально и телевидение работало, что Грузия мирно сидит, никакой войны нет, даже погибших редко объявляли по радио и телевидению»[1]. При этом нужно отметить, что и тогда, и после многие в Грузии в заговоре и измене обвиняли самого Э. Шеварднадзе. 14 августа 2009 г. бывший член президиума Верховного Совета Абхазии Г. Гвазава сообщил грузинской телекомпании «Имеди», что глава Грузии допустил не одну, а множество ошибок, но они носили целенаправленный характер, и поэтому просто ошибками их назвать уже нельзя. По его мнению, получается так, что Шеварднадзе целенаправленно сдал Абхазию[2].

Как уже говорилось, некоторые наблюдатели полагали и полагают, что «абхазы могли знать о готовящемся выступлении сторонников З. Гамсахурдиа в Мегрелии»[3], и, по их мнению, это могло предопределить время начала Сентябрьской операции Абхазской армии. При этом авторы подобных утверждений забывают или не знают, либо осознанно не хотят замечать, что звиадисты прекратили наступление в Имерети и Гурии 16 сентября[4], в день, когда абхазы начали свое наступление. Никакой координации действий не могло быть уже потому, что во время Июльского наступления руководитель вооруженного крыла звиадистов Л. Кобалия воевал против абхазов, да и потом в ходе Сентябрьского наступления также он был на стороне грузинских правительственных войск. По логике сторонников тезиса о согласованности действий звиадистов и абхазов получается, что звиадисты в июле воевали против абхазов, в августе и первой половине сентября воевали против грузин, а в середине сентября договорились с абхазами и координировали свои действия с ними, а затем, через два дня, перешли в стан правительственных войск и опять вступили в войну против аб-

[1] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

[2] http://www.rosbalt.ru/2009/08/14/663659.html

[3] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии //Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 59.

[4] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

хазов. До этого даже Голливуд пока не додумался. Хотя сюжет был бы очень забавный. Справедливости ради надо отметить, что решения и действия Л. Кобалия и его воинства не всегда и не совсем поддаются логическому объяснению. Но при всем этом он со всей серьезностью угрожал власти Шеварднадзе и Тбилиси. И, как известно, Тбилиси и Шеварднадзе спаслись от вооруженного поражения от звиадистов только с помощью иностранных Вооруженных сил. Но эта тема для другого разговора, и я здесь упомянул об этом только для того, чтобы напомнить о бессмысленности разговоров о скоординированности действий абхазов со сторонниками З. Гамсахурдиа. Этот тезис, наряду со многими другими, был придуман, пропагандировался и продолжает эксплуатироваться грузинским военно-политическим истеблишментом для собственного оправдания перед своими соотечественниками, Россией, миром и, не исключено, самим собой. На эту удочку попадаются многие исследователи, аналитики или просто обозреватели по причине того, что названная идея очень уж удачно лежит на поверхности.

Если посмотреть чуть внимательнее, то окажется, что в рассматриваемое время войска Л. Кобалия оказывались почти всегда там, где был Т. Китовани. И, судя по всему, подчинялись они не столько З. Гамсахурдиа, а сколько Т. Китовани. После своей отставки Т. Китовани оказался в открытой оппозиции к Шеварднадзе, что совпало с активизацией сторонников Гамсахурдиа; с начала Июльского наступления Китовани воевал в Абхазии против Тамышского десанта и там же сражались кобалиевцы; после заключения июльского перемирия Т. Китовани и Э. Шеварднадзе часто сталкивались на заседаниях парламента, т. е. между ними возобновилось открытое противостояние, и в это же время происходит очередная активизация подразделений Кобалия уже против тбилисских властей. Т. Китовани выступал за придание подразделениям звиадистов официального статуса в составе Вооруженных сил Грузии. Так что звиадисты согласовывали свои действия не с «абхазскими сепаратистами», а с опальным экс-министром обороны, действовавшим депутатом парламента Грузии и сохранявшим немалый политический вес в стране Т. Китовани. Однако спустя время экс-министр обороны нелестно отзывался о Кобалия. В частности, в своем интервью в 2002 г. Т. Китовани назвал Л. Кобалия не серьезным, не интеллектуальным,

туповатым человеком[1]. Несмотря на это, наверное, не на пустом месте появилась в конце сентября 1993 г. информация о том, что вернувшийся к тому времени в Грузию З. Гамсахурдиа назначил Т. Китовани командующим верными экс-президенту Грузии войсками в Абхазии[2].

Т. Сигуа, бывший до 6 августа 1993 г. премьер-министром Грузии, позже отмечал: «Я чувствовал, что Шеварднадзе ориентируется исключительно на Запад. Но Запад не полностью, но махнул на нас рукой»[3]. Как уже говорилось, в ходе Сентябрьского наступления В. Ардзинба неоднократно обращался к Э. Шеварднадзе с предложениями о встрече, однако неизменно следовал молчаливый отказ. Об одном их таких эпизодов вспоминает министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе: «Накануне штурма (Сухума в сентябре 1993 г. – **А. А**.) я беседовал в своем кабинете с послом Российской Федерации Земским. Ситуация была крайне напряженной. Каждую минуту можно было ожидать возобновления приостановленного на время обстрела. Мы пытались сдвинуть с мертвой точки переговорный процесс в Женеве. В воздухе витал воздух пороха… Я всячески пытался как можно лучше объяснить Земскому всю сложность ситуации, трагическую перспективу развития ситуации не только для Грузии, но и для России. По правилам, когда министр иностранных дел принимает у себя посла, все телефоны в кабинете выключены. Но я каждую секунду ожидал информации, поэтому «вертушка» была включена. При разговоре присутствовали два моих сотрудника. Вдруг телефон зазвонил… Я продолжал разговаривать с Земским, к аппарату подошел один из моих сотрудников, снял трубку, на его лице появилось изумление, и он жестом показал мне – возьмите трубку… На том конце провода был Владислав Ардзинба… Мозг у меня заработал с лихорадочной быстротой: что делать с Земским? Что лучше: чтобы он узнал, с кем я говорю, или нет?.. Решил – пусть знает! Я и сегодня убежден в том, что решение было правильное. Ничего, пусть русские знают, что контакт возможен напрямую, без их посредничества, а если есть контакт, может быть и выход из положения. Я поблагодарил Ардзинбу за

[1] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 187, 30 сентября 1993 г.

[3] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 63.

звонок и сказал, что перезвоню в ближайшее время. Волнения не было, но казалось, что разговору с Земским не будет конца. Наконец, он все-таки распрощался, и я сразу же позвонил Ардзинбе. «Хочу встретиться с Шеварднадзе, – слышу в трубке. – Я готов к переговорам когда и где угодно». Я отвечаю, что переговоры в Женеве уже идут. «Женевские переговоры сами по себе, а я хочу лично встретиться с Шеварднадзе. Господин министр, Александр Давидович, может, свяжетесь с ним, я готов к переговорам, согласен на диалог», – говорит Ардзинба. В это время Шеварднадзе находился в Сухуми, и связаться с ним можно было только по радио, да и то, только через его ближайшего помощника В. Лордкипанидзе. Но я все же пообещал Ардзинбе сделать все возможное. Дозвонившись до Лордкипанидзе, я объяснил ему ситуацию. Он сразу все понял и пообещал связаться с Шеварднадзе и перезвонить. Прошло несколько томительных минут. Наконец, раздался звонок, и я, еще не веря своим ушам, отчетливо услышал голос Важи (Лордкипанидзе. – **А. А**.): «Шеварднадзе просил передать, чтобы Вы сказали, что не смогли его найти». Я положил трубку. Что мне теперь говорить Ардзинбе? Что во время войны министр иностранных дел не может найти президента страны? И вообще, в чем дело? Почему Шеварднадзе не хочет разговаривать с Ардзинбой? Может, счел это слабостью последнего? Или его отговорило сухумское окружение? Мы, мол, дадим ему достойный ответ?.. Что только не лезло в голову. Через десять минут секретарь внес телеграмму от Ардзинбы, где он снова просил о срочной встрече с Шеварднадзе. Я не исключаю, что отказ от встречи с Ардзинба оказался для нас роковым. Во время конфликта я не раз говорил Шеварднадзе, что готов лично встретиться с Ардзинбой – без всякой охраны, в сопровождении лишь одного сотрудника. Он неизменно отказывался, отговариваясь тем, что Россия-де представлена в конфликте заместителем министра иностранных дел, и наше участие на более высоком уровне было бы неоправданным. Интересное время для заботы о протокольной стороне, когда страна стоит на грани катастрофы»[1]. По этому поводу Н. Месхия в своих мемуарах восклицает: «Напомню еще раз, что это происходит за два дня до падения Сухуми!!! А достопочтенный Эдуард не хочет встречаться с

[1] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 188-190.

Ардзинба?! Здесь комментарии излишни! Во всяком случае, это выше всех моих сил!»[1].

Оккупационные власти Абхазии также, в свою очередь, до последнего верили в обещание Э. Шеварднадзе о военной поддержке со стороны ООН и НАТО. Приведем свидетельства главы военной миссии ООН генерала Д. Хвидигаарда, находившегося в Сухуме во время его освобождения. Уже после войны он рассказывал: «Члены грузинского правительства перед самым падением Сухума собрались на берегу моря и стали вглядываться вдаль с помощью бинокля. Когда генерал спросил, что происходит, они начали ему возбужденно рассказывать, что вот-вот в Сухуме должен высадиться пятитысячный десант НАТО»[2]. Но помощи Запада, тем более военной, не было и не могло быть, поскольку «в 1993 г. западные правительства де-факто признали военное доминирование России на Кавказе (Армения и Грузия), даже если они никогда формально не поддерживали российскую концепцию ближнего зарубежья»[3]. Да и потом, пока «Закавказье не являлось регионом «жизненно важных интересов» западных государств, и общественное мнение Запада было не готово согласиться на посылку войск в этот регион»[4].

При этом Э. Шеварднадзе оставался одним из самых лояльных к России грузинских политиков, но можно предполагать, что он стал заложником собственной игры, в ходе которой он и его элита настроили грузинское общество слишком уж прозападно. И глава Грузии, вынужденно угождая настроению грузинского общества, не смог вовремя придать своей политике нужный вектор развития. Этому, возможно, также помешала неопределенная во многом позиция Запада, который желал бы отстаивать свои интересы в регионе, но пока еще был не готов рисковать и вступать в открытое военное противостояние за влияние на Кавказе. Единственное, чего добился Шеварднадзе в своем стремлении заручиться военной поддержкой Запада – это то, что Госдепартамент

---

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 396.

[2] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 75.

[3] Коппитерс Б. Заключение // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 217.

[4] Пэ О., Ремакль Э. Политика ООН и СБСЕ в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 151.

США заявил, что не признает «территориальные захваты, осуществленные абхазской стороной»[1].

1 октября, на второй день после изгнания грузинских войск из Абхазии, Э. Шеварднадзе направил обращение к Генсеку ООН и главам США, Италии, Испании, Японии, Канады, Великобритании, Франции и других стран. В документе было сказано, что «масштабы постигшего Грузию бедствия таковы, что необходима согласованная международная помощь»[2]. 4 октября в интервью грузинскому радио глава Грузии заявил о полной поддержке Д. Шаликашвили, который считает, что в зоны конфликта для развода надо вводить не «голубые каски» ООН, а корпус быстрого реагирования НАТО[3]. 19 октября Совет Безопасности ООН поддержал «суверенитет и территориальную целостность Республики Грузии» и «решительно осудил серьезное нарушение абхазской стороной соглашения о прекращении огня»[4]. Тогда же, в октябре 1993 г., в Черное море вошел крупный отряд Атлантической эскадры НАТО в составе восьми кораблей из европейских стран и одного корабля ВМС Канады, но этот отряд выполнял только визит в болгарский порт Варна и в сторону Кавказского побережья не двигался[5].

Бывший премьер-министр Великобритании, «железная леди» М. Тэтчер назвала войну в Абхазии «сепаратистским мятежом с целью подтолкнуть Грузию к вступлению в СНГ»[6]. Грузинские власти и ученые также объясняли и объясняют свое поражение вмешательством. В частности, Д. Джоджуа обосновывает это следующим образом: «Вооруженный конфликт в Абхазии является реакцией России на геоцивилизованный выбор Грузии, существенными характеристиками которого являются: позитивный национализм, прозападная либерально-демократическая идеология и стратегия интеграции в западную систему. Кроме того, в геоцивилизованном выборе Грузии центральное место занимает курс

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 187, 30 сентября 1993 г.

[2] «Независимая газета», № 188, 2 октября 1993 г. С. 1.

[3] «Независимая газета», № 189, 5 октября 1993 г. С. 3.

[4] http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1993/res876.htm

[5] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысяча лет. М. – Владимир, 2009. С. 317.

[6] Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 125.

на независимость и неучастие в региональных блоках, формируемых под патронажем России. Словом, война в Абхазии представляла акцию по блокированию геоцивилизационного выбора Грузии, Грузия была наказана военным путем из-за отказа вступить в новый неоимпериалистический стратегический блок – СНГ»[1].

Однако, несмотря на лояльность некоторых европейских лидеров к Шеварднадзе, по мнению Б. Коппитерса, «война доказала, что Западная Европа – вопреки некоторым официальным заявлениям, сделанным в предыдущие годы, – имела лишь маргинальный интерес к этой стране»[2]. В связи с этим хотелось бы привести следующее свидетельство, которое может служит подтверждением данного умозаключения, но уже в контексте глобальной конъюнктуры. Бывший председатель ВС России Р. Хасбулатов в одной из статей сообщал: «Помнится, когда я встретился на сессии Европарламента (1992 г.) с А. Дубчеком, который вернулся в большую политику Чехословакии, спикером ее парламента, он полушутя, а скорее серьезно, сказал: «Руслан, давай будем восстанавливать СЭВ[3], здесь в Европе мы никому не нужны!» [4].

Грузинский исследователь Г. Нодия полагает, что одной из причин военного поражения Грузии явилось «двойственное отношение Шеварднадзе к войне». Он считает: «Грузинский лидер проявлял большое личное мужество, появляясь на самых опасных участках и завоевывая популярность среди солдат. Возможно, он сделал все, что, по его мнению, нужно было сделать для того, что он постоянно называл «достойным завершением войны». Но, с другой стороны, он видел и то, что ситуация войны усиливала руководителей полувоенных формирований,

---

[1] Джоджуа Д. Сущность конфликта в Абхазии – российско-грузинская война // http://rus.expertclub.ge/portal/cnid__7464/alias__Expertclub/lang__ru/tabid__2546/default.aspx

[2] Коппитерс Б. Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях // http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/coppieters1.htm

[3] СЭВ – Совет экономической взаимопомощи – организация, объединявшая в период «холодной войны» экономический потенциал стран-участниц Варшавского договора.

[4] Хасбулатов Р. И. Место новой России в системе международных экономических отношений: поиск и развитие концепции (1999-1993 гг.) // Международная экономика. № 5. 2011. С. 9. // http://www.panor.ru/upload/iblock/ec3/ajkzmtitwictb%20dnlrwgxwf-2011-05-kmlqx%20doiyp%20rjoecw.pdf

что подрывало не только его положение лидера, но перспективу наведения порядка в стране»[1].

Настоящие же причины такого исхода войны кроятся в другой плоскости. На одно из них указывают даже весьма неблагосклонные к абхазам авторы «Всемирной истории войн» Э. и Т. Дюпюи, которые пишут: «Имея подавляющий перевес в силах, грузины не сумели им воспользоваться. Грузинская армия явила на поле боя абсолютную беспомощность. Единого командования в ней не было до самого последнего времени. В порядке вещей стали ссоры и обиды между военачальниками... Грузинская армия за год с лишним войны в Абхазии не провела ни одной мало-мальски грамотной с военной точки зрения операции»[2]. Некоторые польские обозреватели также писали об ошибках, допущенных грузинскими военно-политическими аналитиками при планировании операции «Меч». Так, Я. Бутейкис («Жечьпосполита», 30 сентября 1993 г.) отмечала: «Не были произведены необходимые расчеты и консультации, некоторые цели были неясны, а пути их достижения оставляли желать лучшего. В Тбилиси, видимо, посчитали, что абхазские сепаратисты разбегутся при виде первого грузинского танка. Мобилизационно-подготовительные мероприятия проводились в спешке и неразберихе, а неплохо вооруженные, но слабо подготовленные грузинские силы не проявили эластичности в ведении боев, действуя по шаблону. Хуже того – отсутствие де-факто централизованного управления войсками и четкого разграничения компетенций между силовыми структурами породило далеко идущее соперничество между МО, МВД и «Мхедриони»[3].

Российский исследователь В. Митяев, размышляя на эту тему, приходит к следующему выводу: «Поражение Грузии в сентябре 1993 г. было обусловлено отнюдь не благожелательным отношением России к абхазской стороне и, тем более, не якобы оказываемой ею помощью. Причинами этого поражения были, во-первых, разложение, недисци-

[1] Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: путь к примирению. М., 1998. С. 49.

[2] Дюпюи Э. и Т. Всемирная история войн. М., 1993. Т. 4. С. 749. // К. Мяло. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www.abkhaziya.org.

[3] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, 2010. С. 178-179.

плинированность и небоеспособность грузинских воинских формирований в Абхазии и, во-вторых, то обстоятельство, что абхазское наступление было приурочено к началу крупного выступления звиадистов в Мегрелии против властей Тбилиси. Но и это было не основной причиной. Главной была слабость центральной власти в Грузии, вооруженные силы которой представляли собой подчиняющиеся различным политическим лидерам, враждующие между собой неуправляемые (нередко мародерствующие) вооруженные формирования. Кампания по обвинению России в военной помощи абхазской стороне представляла собой попытку руководства Грузии уйти от ответственности за поражение, свалить вину за него на Россию, защитить себя от нападок оппозиции и, таким образом, удержаться у власти»[1].

Позже это подтвердил и сам Э. Шеварднадзе. Выступая в январе 1994 г. на учредительной конференции Абхазской региональной организации Союза граждан Грузии, он назвал среди причин потери Абхазии отсутствие «сильной дисциплинированной единой армии». Тогда глава Грузии отмечал: «Там было все: героизм, мужество наших воинов, самопожертвование, гибель сражавшихся, но не было грузинской армии как таковой. Мы проиграли и потому, что она не представляла собой единую организованную силу»[2]. Небезынтересно также послушать мнение экс-председателя Верховного Совета Грузии, депутата грузинского парламента А. Асатиани, которое он озвучил в августе 1995 г. в интервью телевидению Аджарии: «Мы проиграли в этой войне, и проиграли позорно. Это была самая позорная война в истории Грузии, тем более, что велась она против соседнего народа. В прошлом было дважды так, что грузины роняли боевое знамя. И оба раза его поднимали и вручали нам абхазцы. Мы предали это забвению, оказались тем самым неблагодарным народом»[3].

К. Мяло также называет разговоры о поддержке Россией абхазов мифом. По ее мнению, этот миф не учитывает два определяющих фак-

---

[1] Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии //Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 61.

[2] Разоренова М. Грузия в январе 1994 года // http://igpi.ru/monitoring/1047645476/jan1994/Gruziya0194.htm

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 67, 25–30 августа 1995 г.

та: «то, что именно Россия спасла осенью 1993 года блокированного в Сухуме Шеварднадзе, не остановившись перед обстрелом абхазских позиций; то, что именно Союз, а затем Россия оставили Абхазию совершенно безоружной при разделе имущества ЗакВО. А полагаясь на мощь полученных при этом разделе вооружений, Грузия и начала 14 августа 1992 года операцию «Меч», рассчитанную на три дня. Если три дня превратились в 13 месяцев, а война закончилась поражением Грузии на поле боя, то это отнюдь не результат военной помощи России, которой, по крупному счету, не было – как не было и политической и моральной поддержки на уровне исполнительной власти. Тогда как Шеварднадзе получал ее с первых же дней войны – и это несмотря на его откровенные, с тех же первых дней, апелляции к НАТО»[1].

Б. Коппитерс, анализируя итоги войны, пишет: «Война в Абхазии заставила Грузию совершить полную переориентацию своей внешней политики. Западная поддержка Грузии была крайне ограниченной. Военное поражение оказалось шоком для грузинского общественного мнения. Оно внезапно поняло, что западной мечте пришел конец и что ему придется признать Россию как доминирующую силу в регионе. Шеварднадзе, который вплоть до падения Сухуми заявлял, что Запад мог направить миротворческие силы в Абхазию, адаптировался к реальности, получив благодаря общественному мнению свободу рук для заключения компромисса с Россией»[2]. Уже 1 октября глава Грузии дважды принимал посла России Земского, который в обоих случаях воздерживался от комментариев, обмолвившись лишь о том, что разговор шел о путях преодоления кризиса[3]. Но и с грузинской стороны уже не говорилось о военной агрессии России против Грузии. 4 октября в интервью грузинскому радио Э. Шеварднадзе сказал, что поддерживает демократические силы России. Он заявил, что никакой антирусской истерии в Грузии нет, а все события, которые произошли за последнее время как в Грузии, так и в России, – синхронны[4].

[1] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002 г. // http://www.abkhaziya.org/books/myalo_lastwar.html

[2] Коппитерс Б. Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях // http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/coppieters1.htm

[3] «Независимая газета», № 188, 2 октября 1993 г. С. 1.

[4] «Независимая газета», № 189, 5 октября 1993 г. С. 3.

В середине 1994 г. в своих многочисленных выступлениях Э. Шеварднадзе начал много говорить о причинах поражения в Абхазии. В частности, 20 июня он сказал: «Главная ошибка Грузии после распада Советского Союза состоит в формировании неразумного курса отношений с Россией». В заявлении главы Грузинского государства 22 июня говорилось: «Говоря о причинах трагедии в Абхазии, мы должны учитывать тот фон, тот общеполитический контекст, в котором развивались эти события. С этой точки зрения важнейшим является синдром некоторого отчуждения и недоверия, сформировавшийся во взаимоотношениях между Россией и Грузией в процессе распада Советского Союза и непосредственно после него» [1].

Наряду с этим следует учитывать, что эти заявления делались для оправдания ввода российских миротворцев в Абхазию. Это было очередным моментом откровенного разворота Шеварднадзе в сторону России. Это, судя по всему, не было связано с его уверенностью, что он поступает правильно, но был вынужден согласиться на эту меру и ему надо было убедить своих соотечественников в правоте и необходимости данного шага. Ввод российских миротворческих сил некоторые грузинские политики назвали предательством, и даже был поставлен вопрос о созыве специального заседания парламента с повесткой дня «Импичмент Шеварднадзе»[2]. В силу этого процитированные высказывания вряд ли стоить рассматривать показателем действительной позиции Э. Шеварднадзе по названной проблеме.

А. Бройдо считает, что «ключевым моментом изучения истории Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. является вопрос о причинах поражения в нем Республики Грузия – стороны, безусловно, превосходящей противника в живой силе, технике и международной поддержке не только в начале, но и на завершающей стадии вооруженного противостояния»[3].

Великий теоретик войны К. фон Клаузевиц, касаясь вопроса причин успехов и неудач в войне, отмечал: «Политическая цель, являющаяся

[1] Разоренова М. Грузия в июне 1994 года // http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jun1994/gruzia.html

[2] Там же.

[3] Бройдо А. И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 годов. М., 2008. С. 49.

первоначальным мотивом войны, служит мерилом как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определенного объема необходимых усилий. Поэтому политическую цель можно принять за мерило, лишь отчетливо представляя себе ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс»[1]. Переломные периоды общественного развития, в частности войны, оказывают сильное влияние на процесс социализации и формирование индивидуального политического поведения личности, которые, главным образом, обуславливаются его нравственностью[2]. В связи с этим представляется уместным привести и свидетельство публициста И. Андреева, зафиксированное им еще в середине октября 1992 г. Тогда он писал: «За несколько дней пребывания в Абхазии я убедился: все, абсолютно все в этой стране знают, зачем взяли оружие они сами, их дети, родственники, друзья. Защищать родину, честь и достоинство на своей земле»[3].

В. Пачулия, говоря о причинах победы абхазского народа, выделяет следующие: сплоченность и единство абхазского народа; поддержка абхазского сопротивления национальными общинами Абхазии; добровольческое движение в поддержку Абхазии; Абхазская армия; массовый героизм; Абхазская государственность; легитимное руководство во главе государства; национальный лидер; рельеф местности; военные традиции абхазов[4].

Генерал В. Серебряков, размышляя о движущих силах победы Абхазии, пишет: «Решающим фактором было нравственное превосходство тех, кто сражался под абхазским флагом. За оружие брались подростки, их отцы и деды. Воевали целыми семьями, включая женщин. Это была самая настоящая отечественная, народная война. Все знали, что другой Абхазии на Земле нет. Все понимали, что никакого другого исхода, кроме победы, быть не может. Были сильнее духом, воевали за справедливость, за свободу, за независимость, за свою государственность»[5].

---

[1] Клаузевиц К. фон. О войне. М-СПб., 2003. С. 29.
[2] Плотникова Т. В. Политическое поведение в России. Ростов-на-Дону, 2004. С. 15.
[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 306.
[4] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 346-351.
[5] Серебряков В. Г. Абхазия помнит. Майкоп, 2007. С. 7.

А. Бройдо считает, что «многовековая необходимость адаптации к экстремальным жизненным реалиям послужила формированию специфической структуры модальной личности абхаза». По ее мнению, «традиционное воспитание в духе Апсуара предполагало у молодежи готовность к немедленному действию в чрезвычайных ситуациях, что и сделало возможным победу малочисленного народа в заведомо безнадежной войне»[1].

Непосредственный участник описываемых событий, начальник штаба Восточного фронта Б. Джапуа пишет: «В общем, можно констатировать, что грузинским генералам и их армии не удалось найти «формулы победы» в войне с абхазами. Использование армии в качестве террористического инструмента в борьбе с народом, в конечном счете, привело их к тяжелому поражению»[2]. По мнению С. Тванба, такая «формула победы» вряд ли могла быть постигнута «вояками, пришедшими сюда воевать неизвестно во имя каких целей (пресловутую «территориальную целостность» никак не назовёшь высокими идеалами)»[3].

Польский обозреватель М. Меллер, который, находясь под прессингом допускаемых в редакционных кругах норм и суждений, в слегка завуалированной форме дал понять читателю, что «абхазам в принципе отступать было некуда, а потому и сражались они с таким безрассудством и решительностью» [4]. Ю. Анчабадзе считает, что «в отечественном характере войны кроятся истоки и причины победы Абхазии, именно в этом заключается ответ для тех, кто до сих пор не может понять, как было возможно отстоять свою землю, свою республику, свой народ в сражении с десятеро превосходящими силами агрессора»[5].

Размышляя над названными процессами, Е. Аджинджал пишет: «В 1993 году в Абхазии совершилась обыкновенная реконкиста, т. е. отвоевание Родины от колониального режима, как это бывало во многих странах мира. И сама эта реконкиста (деколонизация) обусловила и до-

[1] Бройдо А. И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов. М., 2008. С. 50.

[2] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008. С. 41.

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 116, 22–22 октября 2008 г.

[4] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 5-6, Сухум, 2010. С. 179.

[5] Анчабадзе Ю. Д. Абхазия 1992-1993 годы. Фотоальбом. М., 1995. С. 2.

вела до логического конца политическое самоопределение абхазской нации. Нет необходимости кому-нибудь доказывать, что это объективно обусловленное явление, т. к. абхазы не могли рано или поздно не освободить свою Родину от чужой власти! Тем более что они раньше имели многовековой опыт независимого существования в пределах собственного государства»[1].

Абхазы в этой войне защищали Родину, и им отступать было некуда, в силу этого, в первую очередь, Абхазская армия, состоявшая в подавляющем своем большинстве из далеких от военной службы в обычное время людей, в 1993 г. была признана самой боеспособной армией в мире в контактном бою. Непереоценима роль в этом ее Главнокомандующего В. Ардзинба. Такие личности появляются в нужное время и в нужном месте. Они приходят из прошлого и опережают свое время, зажигают людей огнем, добытым среди своего народа, и освещают его путь к свободе. Полководец В. Ардзинба был возведен на гребень великих свершений самой историей, и его предводительство является одним из важнейших определяющих факторов, позволивших абхазскому народу выстоять и победить в одной из самых кровавых и жестоких войн конца XX века.

[1] Аджинджал Е. К. Абхазская реконкиста и международное право. Сухум, 2002. С. 24.

~ РАЗДЕЛ 6. ~

ОККУПИРОВАННАЯ ТЕРРИТОРИЯ И БЛОКАДА ТКУАРЧАЛА

1. Ситуация на оккупированных территориях Абхазии

«Мы шли на смерть, чтобы жить», – это выражение В. Ардзинба раскрывает суть происходившего в Абхазии после вторжения сюда грузинских военизированных подразделений. Российский исследователь А. Бройдо также считает, что «проблема биоэтнического выживания абхазского народа предельно четко обозначилась с первых же дней конфликта (войны. – **А. А.**) – по причине жестокости войск Госсовета Грузии и местного грузинского населения на оккупированной части Абхазии»[1].

В первый день войны, 14 августа, грузинские войска, вводившиеся для «защиты железной дороги», «взяли» г. Очамчиру. Это, по свидетельству очевидца, происходило следующим образом: «Послышалось громкое, тяжелое урчание моторов, и стало ясно, что в город въезжает колонна боевой техники и машин. Я вместе со всеми вышел из здания милиции и увидел колонну боевой техники, красных автобусов «Икарус» с флагами кизилового цвета у парадных дверей, легковых машин – из их окон с опущенными стеклами торчали дула автоматов. Гвардейцы сидели даже в багажниках машин с откинутым верхом и также держали автоматы на изготовку. На задней части одного из бронетранспортеров было написано латинскими буквами: «полиция». … гвардейцами был обстрелян флаг РА над зданием администрации. Но он все не падал, поэтому несколько гвардейцев поднялись на крышу, сорвали флаг вместе

[1] Бройдо А. И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов. М., 2008. С. 51.

с древком, разорвали и скинули вниз. А те, кто находился на площади, стали топтать его ногами. При виде всего этого некоторая часть наших сограждан хлопала в ладоши»[1]. Приведу еще одно свидетельство об этом же событии: «Танки появились на центральной площади города, и, к удивлению очамчырцев, их было так много, что люди сразу не поняли, что происходит: то ли маневры, то ли военный парад… Некоторые насчитали свыше 60 танков и БТРов, которые шли и шли – так, что считавшие сбились со счета… На море видны были также несколько военных судов и катеров, в небе появились боевые вертолеты. Площадь заполнили гвардейцы с автоматами, гранатами – до тысячи людей в полной военной экипировке… Однако первое, что сделали эти «бравые ребята» с бородами, в черных очках и турецких кожаных куртках, – это, взобравшись на крышу здания администрации района, сорвали государственный флаг Абхазии, ликуя, разорвали его на части, а затем, растоптав ногами, сбросили вниз. Все это сопровождалось залпами из автоматов и пистолетов… Нашлись и такие, кто не скрывал своей радости (крайние радикалы из числа местных грузинских партий). Они обращались с поднятыми руками к небу со словами: «Наконец-то свершилось»[2].

А. Кубрава, свидетель названных событий, рассказывает о том, чем занялись в тот же вечер «мирные жители» г. Очамчиры: «Жуткий фарс с участием моих соседей и сограждан разыгрался сегодня вечером на нашей железнодорожной станции: произошло ограбление вагонов и контейнеров с продуктами и промтоварами. И оно приняло невиданный, массовый характер: люди с кувалдами, ломами и топорами взламывали замки и двери вагонов и контейнеров, выволакивали оттуда ящики со всевозможным добром, рулоны с материалами, мешки с зерном и Бог его знает, что еще, и тащили к себе домой на мотороллерах, на тачках и горбу своем. Но среди погромщиков абхазов нет ни одного (как и ранее), им не до этого. Погром вагонов и контейнеров, начавшийся вечером, продолжается до поздней ночи»[3]. Так начиналась оккупация г. Очамчиры. Грабежи, насилие, бесправие людей перед лицом вооруженных бандитов как пришлых, так и местных; издевательства,

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 26-27.
[2] Нартов З. Газ. «Республика Абхазия», № 30, 24 июня 1993 г.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 29.

унижения, оскорбления абхазов, оставшихся в городе, оставались повседневностью до изгнания грузинских захватчиков.

На второй день войны, 15 августа, морской десант Госсовета Грузии, как уже говорилось, был высажен и в северо-западной части Абхазии, который взял под свой контроль г. Гагру и прилегающую территорию. После занятия Гагры 18 августа начались массовые аресты, облавы, захват заложников. В первые часы оккупации в Гагре было взято в заложники 38 человек[1]. Уже после войны тогдашний министр обороны Грузии Т. Китовани, вспоминая первые дни войны, отмечал: «Когда первый раз гвардейцы вошли в Гагру, все было спокойно и все были довольны, был порядок. Как «мхедрионовцы» появились в Гаграх, в Гагрском районе сразу начались грабежи. Они оставляли раненых, самолетом увозили машины»[2]. Однако «гвардейцы», призванные защищать «территориальную целостность» Грузии, подвели своего министра, который, как видно, по происшествии времени, желал бы возложить всю вину за грабежи и мародерства на Д. Иоселиани. Так, подопечные Т. Китовани, введенные в Гагру 15 августа для «охраны железной дороги», в тот же день ограбили там дом лидера грузинской общины Т. Надарейшвили, который сделал все возможное и невозможное для того, чтобы эти самые «защитники» были «передислоцированы» в Абхазию.

Позже, говоря о вторжении грузинских войск в Абхазию и их «деятельности» здесь в первые дни оккупации, Г. Ломинадзе отмечал: «Я знал, какая у нас была армия. Но что мы были такими бесстыжими, я не думал. Я говорил, что в Сухуме нельзя оставлять эти части, это было равносильно гибели. Я должен был пойти до конца. Шеварднадзе же клялся, что они не войдут в населенные пункты. Они же и шагу не ступили из города. Ужас, что творилось. Все тянули награбленное – будь то гвардеец или мхедрионовец»[3]. От «гвардейцев» и «мхедрионовцев» не отставали и «мирные жители»: «Когда вошли войска Госсовета Грузии в Сухум, некоторые женщины-грузинки смело выбегали с букетами цветов и кидали их на танки: «Наши пришли!...». Начались грабежи. Коекто из соседей уже бегал по дому, показывая, в каких квартирах живут

[1] Пачулия В. М. Грузино-абхазская война. 1992-1993. Сухум, 2010. С. 79.
[2] Китовани Т. К. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
[3] Газ. «Республики Абхазия», № 25, 5-6 марта 1998 г.

абхазские семьи»[1]. После войны на одном из грузинских сайтов было опубликовано воспоминание очевидца событий, который о ситуации в Сухуме сообщает следующее: «По всему городу угонялись машины, взламывались оставленные абхазами квартиры, разграблялись популярные в то время комиссионные магазины. Уже населением были разграблены стоящие на станции составы, груженные бытовой техникой, продуктами питания. 3-4 дня продолжался этот хаос»[2].

Рассказывая о рассматриваемых процессах, Д. Кварандзиа сообщает следующее: «С первых же дней войны часть грузинского населения Абхазии, которая усердно готовилась к этому дню, взяла оружие и стала рядом со своими заингурскими соплеменниками в борьбе против абхазских «сепаратистов». Примечательно, что первые вооруженные отряды из местного грузинского населения были созданы еще до ввода войск Госсовета Грузии в Абхазию в городах Сухуме и Гагре. Сухумский механизированный батальон во главе с небезызвестным рэкетиром С. Ахалая, дислоцировался в районе сухумской турбазы им. XV съезда ВЛКСМ (ныне – тургостиница «Айтар»). По словам Б. Какубава, одного из лидеров грузинских экстремистов Абхазии, в столице республики функционировал еще и штаб «Мхедриони», который с первых же дней войны организовал вооруженный отряд и включился в боевые действия. В газете «7 дней» от 22–28 марта 1996 г. в статье под красноречивым названием «Война началась не 14 августа» он пишет: «Мы решили, что раз уже случилось то, что должно было случиться, надо не упустить инициативу: срочно войти в Сухуми, окружить здание Совета Министров, арестовать сепаратистов. Я с отрядом из 45 человек сухумских «мхедриоповцев» должен был атаковать со стороны улицы Чанба уже расположившийся у Красного моста абхазский батальон. На подмогу ожидал людей Ломинадзе и Ахалая»[3].

Как уже говорилось, 18 августа грузинские войска вошли в абхазскую столицу. 18 августа Т. Китовани в Сухуме, обращаясь к своим «ор-

[1] Бройдо А. И. Дорога, ведущая к храму, обстреливается ежедневно. М., 1994. С. 9, 10.

[2] Воспоминания из груз. сайта http://cyxymu.livejournal.com/16011.html

[3] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

лам» и «мирным жителям», произнес «пламенную» речь следующего содержания: «Грузины, вот вам абхазский флаг, только что сорванный с купола Дома правительства. И вот вам город – он ваш…»[1]. И в «подаренном» министром городе, как и на других захваченных территориях, в первые дни уже имели место массовые грабежи, которые приняли такие масштабы, что и Тбилиси этот факт официально подтверждал[2]. Даже Г. Ломинадзе, сделавший все для того, чтобы грузинские войска были введены в Абхазию, не смог удержаться от следующей сентенции: «Я слышал и мог представить, что такое война, но гвардейцы набросились на город как саранча»[3]. Изгонялись из своих жилищ жители, сотни людей брались в заложники и подвергались пыткам, вводилась плата за мертвых. Была организована информационная блокада оккупированной территории. При этом особое внимание уделялось захвату в плен и уничтожению наиболее интеллектуальных и стойких людей, не желающих мириться с глумлением над человеческим достоинством, убийствами и погромами[4].

Но несмотря на все это в Грузии, судя по всему, считали свою цель уже достигнутой и позволили себе именно в эти дни обратиться «к абхазским братьям и сестрам» с циничным утверждением: «Лучшего времени для переговоров, достижения согласия, чем нынешнее, давно не было»[5]. 18 августа оккупационные власти Сухума образовали «военный совет», по одним данным – «из восьми человек»[6], а по другим – «из девяти человек во главе с Т. Надарейшвили»[7]. Последний, комментируя этот процесс, позже сказал: «У нас осталась законодательная власть в лице парламента, и ввиду отсутствия исполнительной власти создался хаос, парализовавший практически все органы. Поэтому, видимо, возникла необходимость в создании какого-то органа, который взял бы на себя роль координатора и исполнителя власти»[8]. Был создан также Времен-

[1] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 40.
[2] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 215.
[3] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 41.
[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 10.
[5] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 35.
[6] Там же. С. 33.
[7] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 68.
[8] Газ. «Иберия-Спектр», № 65, 2–8 февраля 1993 г. С. 15.

ный Комитет по стабилизации, который возглавил генерал Г. Ломинадзе» (ВКСА)[1]. Правда, не совсем понятно, каким образом эти структуры должны были делить полномочия, и как строились взаимоотношения между ними. Учитывая то, что на оккупированной территории высшей властью по обыкновению и по необходимости наделяются военные, то ясно, что в Сухуме предусматривалось главенство военного совета над другими структурами. Правда, тогда почему военную власть – «военный совет» – возглавил к тому времени гражданский чиновник – Т. Надарейшвили, а Комитет по стабилизации – генерал Г. Ломинадзе. Также не совсем ясно, кому из названных деятелей должен был подчиняться назначенный комендантом оккупированного Сухума генерал-майор Г. Гулуа.

Тем временем 19 августа в Абхазии заработало телевидение, но уже в ином качестве, т.е. под этим названием теперь в эфир выходил рупор оккупационных грузинских властей. По этому «абхазскому» телевидению тогда бывший депутат ВС СССР Р. Сулаквадзе и обратился к Б. Шинкуба и к другим представителям абхазской интеллигенции с призывом «внести свою лепту в разрядку обстановки»[2]. Что это означало в сложившихся тогда обстоятельствах – ведь не абхазская интеллигенция ввела войска в Сухум, стало быть, надо было призвать об этом тех, кто ратовал за ввод грузинских войск. В тот же день, 19 августа, В. Ардзинба потребовал от Э. Шеварднадзе и Т. Сигуа «немедленного прекращения грабежей и мародерства и создания специальной комиссии для оценки нанесенного ущерба и его возмещения»[3]. 23 августа, в связи с многочисленными фактами преступлений на оккупированной территории Абхазии, прокурором Республики Абхазия было возбуждено уголовное дело по фактам геноцида и массовых убийств и была создана оперативно-следственная группа[4].

20 августа по «абхазскому» телевидению выступил военный комендант Г. Гулуа, который объявил, что к мародерам будут приняты

[1] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 41.

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 38.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 28.

[4] Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида, других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992–1993 гг. // www.eurasiatimes.org/index.php?page=researches&article_id...

самые суровые меры, вплоть до расстрела[1]. Причем этот его шаг вызвал саркастическое, но справедливое замечание журналистов: «Интересно, он не боится остаться один?»[2]. Вскоре мародерством, как уже было сказано, занялись и многие жители Сухума: они тащили из магазинов, складов и т. д. все, что попадало под руку[3]. О ситуации в абхазской столице в первые дни ее оккупации говорилось в номере газеты «Демократическая Абхазия» от 26 августа 1992 г. В ней сообщалось: «В городе полностью разграблены и в большинстве серьезно повреждены торговые базы, государственные, кооперативные и комиссионные магазины. В частности, в г. Сухуме разграблены и сожжены трехэтажные здания ЦУМа, универсама, магазин «Белая роза». По самым предварительным данным Минторга и Абсоюза, материальный ущерб на 20 августа только в г. Сухум превысил 86 миллионов рублей»[4]. Даже такой ангажированный автор и защитник грузинских интересов С. Червонная не могла не признать: «Безнадежной и трагикомичной была бы любая попытка взять под защиту и оправдать абсолютно все, что делают в Абхазии представители «грузинской стороны» на всех уровнях – военного командования, неподконтрольных командованию вооруженных лиц и групп, гражданской администрации, допускающих пропагандистскую ложь и националистский экстремизм средств массовой информации, наконец, просто на уровне обывательского сознания и поведения (те очереди за хлебом, из которых изгоняются негрузины; те нормы распределения гуманитарной помощи, по которым, как свидетельствует побывавшая в Сухуми О. Супруненко (депутат Моссовета), «мегрелам давали мешок муки... русским – 1 кг; мегрелам 1 кг сахара, русским – стакан»[5]. Это подтверждается следующим свидетельством очевидца происходившего тогда в столице Абхазии Л. Тарнава: «В первые же дни войны ими (мегрелы. – **А. А**.) были разграблены все склады города и магазины – они всем запасались. И хлеб в их руках – дают в первую очередь им и тем семьям, где служат парни в гвардейцах. Привезли к нм во

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 40.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 121.
[3] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 41.
[4] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 9.
[5] Червонная С. М. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея // www.abkhazia.dot.

двор на машине хлеб и давали его в первую очередь соседям-мегрелам… а русские соседи не получили хлеб, отказали им. То же самое и у хлебозавода. В очередях стоят, в основном, лишь русские, армяне и прочие, кроме привилегированного населения – грузин и мегрелов»[1]. А. Тария, также ставший очевидцем описываемых событий, сообщает: «В Сухум ежедневно прибывала гуманитарная помощь. Как правило, каждый вечер кто-то из членов правительства по телевизору объявлял, какие продукты и откуда прибыли, тем не менее население, особенно ветераны войны умирали с голоду… В период оккупации Сухума абхазцы, русские, армяне, греки, евреи были лишены хлеба, воды и тепла. Тогда как в каждом грузинском доме, в каждой грузинской квартире было полно продуктов. В этом мы убедились после освобождения Сухума»[2].

Действительно, Госсовет Грузии 21 августа вынужден был признать, что «в настоящее время руководство автономной республики парализовано, нарушена система управления государством и общественной жизнью, создано тяжелейшее криминогенное положение»[3]. 23 августа Госсовет объявил о намерении провести собрание парламента Абхазии и принять решение по стабилизации ситуации, а в случае неуспеха – «провести референдум о доверии парламенту»[4]. Как нетрудно заметить, в том и в другом случае главным итогом названных шагов должен был стать роспуск Верховного Совета Абхазии, что явилось конечной целью ввода грузинских войск. Однако сами эти войска не ограничивались «выполнением» возложенной на себя политической «миссии». Позже, 7 ноября, на пресс-конференции в Москве Генеральный секретарь ОНН М. ван Вальт Прааг сделал Заявление. В нем, в частности, отмечалось: «В грузинских войсках не было дисциплины… имели место издевательства, избиение мирных жителей, беременных женщин и детей со стороны грузинских войск, в том числе мародерства и разрушение домов, абхазских культурных центров в Сухуме и Гагре»[5]. Т. Китова-

[1] Тарнава Л. М. Дневник пенсионерки, оставшейся в оккупированном Сухуме 14 августа 1992 года // Абхазский дневник. XX век. В. I. Сухум, 2008. С. 13.

[2] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 60.

[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 3, 3 сентября 1992 г.

[4] Жидков С. Бросок малой империи // http://www.apsuara.ru/lib_zh/zhdkv00.php

[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 199, 201.

ни позже, в феврале 2002 г., отвечая на вопрос о дисциплине в грузинской армии, заявил следующее: «Дисциплина во время войны всегда страдает… Это не кино. Когда солдат идет на войну и под пули ставит свою башку, он сам себе хозяином становится»[1]. Однако тогда, 7 сентября 1992 г., особые отряды начали патрулирование в районе города Гагры и его окрестностях. Распоряжением Д. Иоселиани отряды были наделены особыми полномочиями, то есть имели право расстреливать на месте мародеров – по законам военного времени[2].

Тем временем расчеты разработчиков операции «Меч», о задачах которой уже говорилось, оправдались. Необходимо учитывать, что абхазов в Абхазии тогда было 18%, что вдвойне, если не более, должно было осложнить организацию движения сопротивления молниеносной агрессии. А мнение грузин, составлявших чуть ли не половину населения республики (44%), являвшейся, по сути, «пятой колонной» Грузии в тылу абхазов, было уже давно подготовлено, что и подтвердили последовавшие события. Грузины встречали танки госсоветовцев, из которых в упор расстреливали памятники абхазской культуры, с цветами и возгласами «наши пришли». Наряду с ними в Абхазии жили и живет довольно внушительное количество людей, для которых, по большому счету, не имеет значения судьба абхазской государственности и государствообразующего народа.

К рассматриваемому времени постепенно грузинские вооруженные группы, созданные в населенных пунктах для «охраны» своих «очагов», начали вливаться в воинские подразделения и полицейские структуры Грузии. Газета «Сакартвелос республика» от 27 августа 1992 г. сообщала: «В Абхазии активно идет запись добровольцев в грузинские вооруженные формирования. Такое желание изъявили до двух тыс. жителей Гальского, Гульрипшского, Сухумского, Гагрского районов, уже укомплектованы 4 батальона». Кроме того, грузинские власти раздали большое количество стрелкового оружия и тем гражданским лицам грузинской национальности, которые под видом «патриотов» увеличивали число криминальных элементов. По сообщению главного редактора «Сакартвелос Республика» К. Гургенидзе и корреспондента этой же газеты А. Ива-

[1] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 250.

надзе, в первые дни войны только в г. Сухуме было роздано до 30 тыс. автоматического оружия[1].

Говоря об этом же процессе, абхазский ученый Т. Ачугба сообщает: «Первые же дни войны показали коварные военно-стартегические замыслы авторов планировки расселения грузинских спецпереселений и в целом далеко идущий агрессивный характер формировавшейся десятилетиями структуры этнической мозаики Абхазии. В связи с тем, что от р. Ингур до Сухума вдоль центральной автомобильной трассы фактически проживало исключительно грузинское население, войска Госсовета Грузии не встретили серьезного сопротивления. Более того, благодаря географическому расположению населенных пунктов (Чубухиджи, Гал, Ачиграва, Охурей, Илор, Араду, Цагера, Кочара, Новые Киндги, Ахалдаба, Варча, Дранда, Пшап, Агудзера, Мачара, Келасур), жители этих сел выставили пикеты и взяли под контроль всю автомобильную трассу. Тем самым были заблокированы – оторваны от внешнего мира – абхазские населенные пункты, расположенные в предгорной зоне Восточной Абхазии. Оккупационным войскам оказали поддержку крупные переселенческие грузинские села, расположенные в окрестностях Сухума (Баслат, Абжаква, Одиши, Тависуплеба, Шрома, Каман, Ахалшени и др.). Войскам Грузии, оказавшимся на подступах к абхазской столице, тыл с северо-востока обеспечивало многочисленное мегрело-сванское переселенческое население Мачарского и Кодорского ущелий (села Мерхеул, Гердзаул, Амткял, Цебельда, Лата, Чхалта, Ажара, Генцвиш и др.). После ввода оккупационных войск в Сухум подступы к столице блокировали переселенческие села, расположенные на левом берегу Гумисты (Ачадара, Гумиста, Лечкоп и др.)[2].

Это подтвердил и руководитель оккупационных властей Абхазии Т. Надарейшвили, который с трибуны Госсовета Грузии 31 августа докладывал следующее: «В Сухуми создали 3 батальона, в каждом из них числятся по 300–400 человек. Батальон создан и в Гульрипше. Там добровольцами записались 4 тыс. человек. Из них 700 уже зачислены в

[1] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

[2] Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Сухум, 2010. С. 289.

батальон. Батальон также был создан и в Очамчири, куда вошли 400 человек. В Гагрском батальоне числится 300 человек. В Гали ожидаем создания батальона, куда войдут 2000 человек. Единственное, о чем просим вас, – это военная форма и оружие»[1].

На фоне этого оккупационная пресса тем временем сообщала о том, что части Национальной гвардии полностью выведены за пределы Сухума, а город контролируют силы грузинской полиции совместно с местными полицейскими. Таким образом, подготавливалась информационная почва для того, чтобы войну между Абхазией и Грузией объявить вооруженным противостоянием внутри Абхазии. Тем самым, официальный Тбилиси стремился обеспечить гарантии и обезопасить себя перед лицом мировой общественности от, даже гипотетических на тот момент времени, обвинений в агрессии. Это, можно предполагать, могло являться уже началом нового этапа в осуществлении плана покорения строптивой республики. Однако, несмотря на определенного рода «достижения», даже глашатаи сухумских марионеток не могли скрыть того, что к концу августа ситуация в оккупированной столице Абхазии оставалась напряженной[2].

Об обстановке, сложившейся тогда в Сухуме, свидетельствуют и следующие строки Л. Тарнава, пережившей войну в оккупации: «Один разор и запустение. С начала войны сожжены многие магазины, ларьки… Весь асфальт искорежен гусеницами тяжелых танков. Вся набережная в комьях грязи из-за них же, привокзальная площадь – тоже. Двери вокзала забиты досками. На железнодорожных путях стоят разграбленные товарные вагоны с открытыми дверями, кругом пустые пачки из-под чая, открытые баночки из-под консервного томатного сока, люди тащили все, что попадалось под руку… На кучах мусора вдоль улицы Эшба, основной нашей магистрали, валялись дохлые собаки и кошки, сбитые ошалелыми гвардейцами, мчавшимися на украденных у населения машинах, как сумасшедшие»[3]. Известный абхазский поэт Т. Аджба, который также был тогда в Сухуме, 30 августа записал в своем дневнике: «Мне

[1] Отечественная война… Сухум, 2003. С. 95.

[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 3, 3 сентября 1992 г.

[3] Тарнава Л. М. Дневник пенсионерки… // Абхазский дневник. XX век. В. I. Сухум, 2008. С. 9.

представляется, что в политическом отношении пока мы одерживаем победу. Не знаем, в чьих руках Гагра. Начались «Итоги». Политологи, как прежде, не поддержали нас. Но ничего плохого тоже не сказали»[1].

Войска Госсовета Грузии и примкнувшие к ним местные грузины и мегрелы вершили свои преступные деяния не только в оккупированном Сухуме. Б. Джапуа сообщает: «Понеся первые потери, противник частью своих сил приступил к осуществлению на территории абхазских сел, прилегавших непосредственно к центральной трассе, карательных экспедиций, преследовавших цель устрашения населения. Методы действий были крайне жестокими, включавшими в себя расстрелы мирных сел танками, авиацией и артиллерией. Захваты заложников, расстрелы и пытки населения стали повсеместными. Заложников использовали как живой щит при передвижении войсковых колонн или выполнении карательных мероприятий (с. Адзюбжа и т. д.). Широко применялись поджоги домов, грабежи и уничтожения имущества и социальной инфраструктуры»[2].

Тем временем марионеточные власти Сухума через свой орган – газету «Демократическая Абхазия» информировали о своих следующих «достижениях»: «В результате принятых мер налажено снабжение населения городов и районов мукой, увеличивают выпуск продукции хлебозаводы, заработала Сухумская кондитерская фабрика, разворачивается торговля продуктами в госсекторе. С частичным восстановлением автобусного сообщения начал активно функционировать сухумский центральный рынок, на котором все шире ведут торговлю, в основном овощами и фруктами жители пригородных районов. Город в значительной мере очищен от завалов мусора. С перегрузкой работают учреждения здравоохранения. Решены основные вопросы их снабжения медикаментами, налаживается обеспечение продовольствием больниц. Полностью обеспечен бензином спецавтотранспорт, перестало быть проблемой бесперебойное электроснабжение больниц»[3].

---

[1] Аԥьба Т. Ш. «Бзиала иащзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. С. 61-62.

[2] Джапуа Б. Р. Фронт восходящего солнца. Сухум, 2008. С. 6.

[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 3, 3 сентября 1992 г.

Грузинские власти, вторгаясь в Абхазию, делали расчет также на раскол внутри абхазского общества. Надо сказать, что в некоторой степени такой расчет был небезосновательным. Т. Аджба, находившийся в Сухуме, в свой дневник 31 августа внес следующую запись: «В городе среди абхазов чувствуется недовольство Ардзинба. Ничего удивительного – и раньше были сомнения. На мой взгляд, наше руководство не могло не принять Конституцию 1925 года – другого выхода не было. Даже если бы и не приняли ее, все равно грузины пошли бы на Абхазию – в этом случае мы были бы в еще худшем положении, а теперь хоть мир услышал наш вопль о том, что нас лишают суверенитета, нас теперь исподтишка не уничтожить»[1]. Однако те, кто думал тогда по-другому, были востребованы в оккупированной столице Абхазии. В частности, небезызвестный к тому времени Л. Маршания по «абхазскому» телевидению заявил о том, что в Абхазии пролилась кровь, «немалая вина неудавшейся политической режиссуры В. Ардзинба»[2]. На это не мог не отреагировать поэт Т. Аджба: «Л. Маршания – предатель, бесстыдник! Из-за подобных людей мы оказались в сегодняшней ситуации. Всю вину сваливает на Ардзинба. Почему ни словом не обмолвился об оккупантах, совершивших вооруженное нападение на Абхазию, ввергнувших Сухум в хаос? Видимо, он мечтает стать правителем Абхазии. Предателя ожидает черная смерть. Как он будет смотреть в глаза абхазам»[3].

В то же время представители общественности Очамчирского района обратились к абхазскому, армянскому и русскоязычному населению с призывом «объявить неповиновение оккупационной власти, не выходить на работу, не участвовать в проводимых ею общественно-политических акциях, не идти ни на какие переговоры со ставленниками и пособниками Госсовета». В документе также отмечалось: «Прямое или косвенное игнорирование настоящего Заявления будет рассматриваться как измена и предательство политического курса Парламента Республики Абхазия, первостепенной задачей которого является ее

[1] Аҧьба Т. Ш. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. С. 62-63.

[2] «Российская газета», № 200... С 7. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-sentyabrya-1992-goda

[3] Аҧьба Т. Ш. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум. ,1994. С. 75.

освобождение от захватчиков и восстановление мира на абхазской земле!»[1]. Как видно, авторы заявления не упомянули грузинское население, видимо, считая это бесполезным, что, впрочем, было не лишено оснований. Д. Кварандзиа сообщает: «О добровольном участии местных грузин в боевых действиях против Республики Абхазия красноречиво свидетельствуют многочисленные публикации грузинской прессы, выходившей как в Абхазии, так и в Грузии. Грузинские газеты, журналы, радио и телевидение беззастенчиво убеждали своих соплеменников, что грузины воюют против «пришельцев», которые намереваются «отнять» у них родную землю. Например, председатель демографического общества Сухумского района Э. Гвичиани в районной газете «Шрома» в сентябре 1992 года сообщал, что грузинское население района активно подключилось к войне на стороне Госсовета Грузии. К примеру, жители сел Каманы и Амзара создали отряд, куда вошли более 100 человек, и они воюют против «пришельцев»[2].

Тем временем оккупационные власти занимались свои «делом». 10 сентября по «абхазскому» телевидению показали собрание грузинской общественности Абхазии в грузинском драмтеатре в Сухуме. Главные действующие лица: Т. Надарейшвили, В. Колбая, Б. Какубава, поэт Д. Джанелидзе и другие. Прозвучал прямой призыв к грузинской части населения Абхазии браться за оружие. Министр обороны Грузии Т. Китовани заявил: «Мы обеспечим оружием, как обеспечивали и раньше, мы не собираемся уходить отсюда»[3]. Т. Аджба в своем дневнике 13 сентября сообщал: «Гвардейцы, рыская по городу, сегодня вылавливали абхазов и обменивали их на своих заложников. Не знаем, что они предпримут завтра»[4]. А. Тария также находившийся в оккупированной абхазской столице сообщает о следующем примечательном факте: «Ежедневно в очереди за хлебом супруга обнаруживала, что количество абхазцев уменьшается. Она слышала, как абхазцев грабят, издеваются, избивают... Однажды к очереди подошел какой-то мужчина лет 60-ти в черных

[1] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 122.

[2] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 56-57.

[4] Аҧьба Т. Ш. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. С. 81.

очках, достал из кармана папиросу и стал, не спеша, прикуривать. Потом заговорил: «Люди, кто понимает мой язык, слушайте внимательно: не носите черную одежду, не вешайте голову, не показывайте этим извергам, что у вас подавлено настроение. Все это может обернуться против вас. На днях недалеко от Красного моста шла женщина в трауре, и гвардейцы решили, что сын или брат, воевавший против них, погиб, и в отместку она была расстреляна на месте. Будьте бдительны, знайте, что придет возмездие. Не забывайте, что я вам сказал». Так он ходил и повторял свои слова несколько дней. Кто не понимал его языка, думал, что он психически расстроен»[1]. Не правда ли, все это очень напоминает средневековую Инквизицию, но уже в самом конце просвещенного 20 века. Но здесь, в отличие от тех времен, основанием для издевательств и наказания над беззащитными являлась не религиозная, а национальная принадлежность.

Скрывать преступления уже были не в силах и сами оккупационные власти. В частности, начальник Сухумского ГОВД полковник Р. Рапава через месяц после вторжения войск Госсовета в интервью газете «Апхазетис хма» от 15 сентября так описал создавшуюся картину: «В городе тяжелейшая криминальная ситуация, продолжаются грабежи, мародерства, угоны автомашин и т. д. За прошедшую ночь зафиксировано до 200 вызовов граждан на помощь[2]. Очень большое количество мародерств совершается как преступниками, так и гвардейцами... в город на «помощь» в большом количестве прибывают добровольцы, среди которых много преступников... Практически нет возможности проводить следствие»[3].

Депутат грузинской фракции Верховного Совета Абхазии Н. Месхия рассказывает об одном из эпизодов, имевших место после неудачных переговоров с абхазской стороной в оккупированном Сухуме в сентябре 1992 г. Он сообщает: «На ужине, кроме Т. Сигуа, присутствовал Гулуа

[1] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 12.

[2] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

[3] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

и Ломинадзе. Из местных, кроме меня, Надарейшвили, Гвазава, Астимирова и Карая – те депутаты, которые вместе с Надарейшвили ввели танки в Абхазию. Руководил столом Ломинадзе. Тост попросил генерал Гулуа и сказал следующее: «Я хочу предложить тост за двух Тенгизов, Сигуа и Китовани, которые решили проблему Абхазии!». Я тут же вскочил и сказал: «Не нужны были танки в Абхазии». Сигуа заорал и, вытянув руки, сказал: «Я и сегодня слышу в ушах карканье вот этих ваших депутатов – скорее, скорее вводите войска, иначе потеряем Абхазию, а вы обвиняете меня во всем, что произошло!»[1].

Т. Аджба в своем дневнике 30 сентября сообщает: «В последние дни грузины особенно свирепствуют в Очамчирском районе. Наверное, не стоит смотреть грузинское телевидение – оно служит лишь для демонстрации мощи Грузии и для морального подавления абхазской аудитории. Каркарашвили заявил, что гвардейцы не покинут Абхазию и обещал подготовить к войне местных грузин[2]. Многие местные грузины сами были рады происходившему. В борьбу с абхазами включились даже те, казалось бы, которые призваны были заниматься мирной профессией. В частности, учитель келасурской средней школы Сухумского района Г. Мургулия на собрании села говорил следующее: «По правде говоря, мы посадили себе на голову абхазов, обобхазившихся грузин, турок, адыгов, чеченцев и прочих, больших и малых, всех вместе взятых, поместить которых можно на тбилисском стадионе. Сейчас они хотят полностью выслать нас отсюда... В Абхазии нет места абхазским сепаратистам и их сторонникам»[3]. Какие комментарии здесь могут быть?!

На оккупированных грузинами территориях ситуация и так была тяжелой, но после освобождения абхазами Гагры она претерпела изменения в сторону нетерпимости к негрузинскому населению. В рассматриваемое время положение абхазов, в особенности тех, кто отказался вольно или невольно сотрудничать с агрессорами, стало невыносимым. После освобождения Гагры по Сухуму прошла новая волна

---

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 111.

[2] Аԥьба Т. Ш. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. С. 96.

[3] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

погромов и ограблений. Одурманенные наркотиками и ненавистью, вооруженные бандиты и грабители в упор расстреливали из автоматов мебель, уничтожали архивы, книги, картины, отбирали ценные вещи, деньги и продукты. Квартиры и дома работников науки, культуры, писателей подвергались погромам, а их хозяева – бесчеловечному обращению, побоям и унижениям. Представителям абхазской интеллигенции предъявлялись сфабрикованные обвинения, их принуждали выступать в средствах массовой информации с осуждением деятельности Верховного Совета Абхазии и лично В. Ардзинба. Видимо, имея в виду эти выступления, министр Грузии по делам Абхазии Г. Хаиндрава 12 ноября в грузинском Парламенте говорил: «Сегодня уже немало абхазов, разобравшихся в пагубности политики В. Ардзинба. Об этом они говорят вслух по телевидению и в печати»[1]. А те, кто не «выступал по телевидению или печати», после очередного «визита» вооруженных солдат исчезали на несколько дней. Они содержались в подвалах или других помещениях, совершенно не приспособленных для нахождения в них людей.

Известный абхазский поэт, уже не раз упоминавшийся Т. Аджба не вернулся домой после того, как 9 октября его увезли грузинские гвардейцы, тем самым он пополнил список жертв грузинской агрессии[2]. В этот день, предварительно оцепив дом, в котором жил поэт, грузинские блюстители «нового порядка» в Абхазии его увели, и с тех пор судьба Т. Аджба остается неизвестной. Из записи супруги поэта известно, что его забрали примерно в 2 часа дня[3]. Позже Международный ПЕН на своем 58-м международном конгрессе, проходившем с 29 ноября по 4 декабря 1993 г. в Рио-де Жанейро, принял специальную резолюцию, в которой, в частности, говорится, что Международная Ассоциация писателей чрезвычайно озабочена развитием событий в Абхазии. Закрытие газет, журналов, телеканалов на абхазском языке, так же как на грузинском или русском, является грубейшим нарушением прав человека. Подавление свободы слова и применение насилия в отношении писателей и журналистов, которые выражают взгляды нации, не могут быть оправданы никакими аргументами. Еще более огорчительно, говорит-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 13, 12 ноября 1992 г.
[2] Когониа В. А. Предисловие // Аджба Т. Ш. Дожить до рассвета. Сухум, 1994. С. 4.
[3] Аҧьба Т. Ш. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. 109.

ся далее в резолюции, было узнать об исчезновении абхазского поэта Т. Аджба, и Ассамблея делегатов настаивает на том, чтобы грузинские власти расследовали это исчезновение и сделали все возможное для того, чтобы «убедиться, что Т. Аджба находится в безопасности»[1].

Тем не менее, несмотря на все старания грузинских властей, ситуация в оккупированной части Абхазии, в частности, ее столице, продолжала ухудшаться[2]. 19 ноября газета «Апхазетис хма» в своей редакционной статье сообщала, что в столице Абхазии в массовом порядке были ограблены дома и квартиры абхазов, русских, армян, греков[3]. Впрочем, это было немудрено: наводить порядок «непорядочными» методами нельзя. Разврат порождает еще больший разврат. 10 ноября на заседании грузинского Парламента Э. Шеварднадзе охарактеризовал положение в Абхазии как крайне тяжелое[4]. Уже на второй день, 11 ноября, для «анализа реальной ситуации и принятия безотлагательных мер по стабилизации» он прибыл в Сухум. Председатель Парламента Грузии побывал на местах боев в Сухумском, Гульрипшском и Очамчырском районах и имел встречу с руководителями министерств и ведомств, которая «носила деловой, откровенный характер»[5]. Наверное, подобный характер встреч своего старшего коллеги дал основание Т. Надарейшвили в тот же день «со всей ответственностью» заявить, что «отныне совместное проживание абхазов и грузин исключается»[6]. Видимо, в подтверждение его слов 12 ноября сгорела гостиница «Рица» в Сухуме. Сам глава Грузии 12 ноября, выступая в грузинском Парламенте, назвал свою поездку в Абхазию «однодневной командировкой». Э. Шеварднадзе дал «высокую оценку готовности и единодушию местного населения защищать родину»[7]. Депутат грузинского Парламента Б. Какубава, на-

[1] Сообщение Министерства информации и печати РА, 23 февраля 1994 г.

[2] Подробнее о ситуации в оккупированном Сухуме: Тарнава Л. М. Дневник пенсионерки, оставшейся в оккупированном Сухуме 14 августа 1992 года // Абхазский дневник. XX век. В. I. Сухум, 2008.

[3] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 13, 12 ноября 1992 г.

[5] Там же.

[6] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 112.

[7] Газ. «Демократическая Абхазия», № 14, 19 ноября 1992 г.

против, придерживался мнения, что «сообщения о том, что Сухум защищен, не соответствуют действительности». По его мнению, «военные занимаются не понятной нам деятельностью», а «в грузинской армии нет элементарной дисциплины». Более того, он считал, что «армию надо распустить и создать новую»[1].

Именно тогда в Сухуме была распространена листовка сванской общины «Садрошо» с призывом к грузинскому населению «не становиться «пушечным мясом», «не класть на чашу весов нашу судьбу», «бросать оружие и находить общий язык с абхазами»[2]. Подобного рода настроения таили в себе более чем серьезную опасность для осуществления планов агрессора, так как к тому времени ставка в проведении дальнейших оккупационных мероприятий была сделана на грузинское население, проживавшее в Абхазии. С нежеланием местных грузин погибать за «территориальную целостность» Грузии оккупационные власти боролись по-своему. Вот что на этот счет сообщала оппозиционная грузинская пресса: «В городе появились списки лиц, по различным причинам оставивших его в последнее время. Списки развешены в самых видных местах: бумага разделена на две части – слева имена и фамилии, справа – общественный приговор. Как явствует из этого «документа», трое виновных приговорены к расстрелу, остальные – к отлучению из города. Кто составляет и распространяет листовки – неизвестно, однако под ними стоит подпись – «продолжение следует»[3]. Подобные меры властей приносили результаты. Об этом, в частности, свидетельствует грузинский полковник С. Маргишвили, сообщающий о том, что «если в начале войны в находившихся в Абхазии формированиях явно превалировали люди, прибывшие из различных регионов Грузии, то с октября-ноября картина изменилась, и резко вырос удельный вес местных грузин»[4].

Грузинский историк З. Папаскири, говоря о названных процессах, также свидетельствует: «Грузинская молодежь, и не только она, взяв в руки оружие, без колебания встала на страже Отечества. Было реше-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 150-151.
[2] Там же. С. 308.
[3] Газ. «Иберия-Спектр», № 59, 22-28 декабря 1992 г. С. 6.
[4] Отечественная война и «грузинские беженцы»… Т. 1. Сухум, 2003. С. 196.

но создание двух бригад – 23-й в Сухуми и 24-й в Очамчире, которые вошли во вновь созданный 2-й армейский корпус министерства обороны Грузии. Эти бригады были укомплектованы в основном бойцами из местных жителей, а командиром 23-й бригады вообще был назначен не кадровый офицер, а руководитель местного ополчения Г. Адамия»[1]. Позже Т. Китовани также свидетельствовал: «После того как войска Госсовета вошли в Абхазию, местное грузинское население оказывало помощь «разведданными, конечно, каждое население знало своего, приходили, говорили что куда»[2].

Таким образом, по верному замечанию российского ученого А. Крылова, «с 1992 г. грузино-абхазский конфликт приобрел характер противоборства между грузинским государством и местной грузинской общиной – с одной стороны, и всем остальным полиэтничным населением Абхазии – с другой»[3]. Размышляя о названных процессах, публицист Г. Нуриев, писал: «Совершенно очевидно, что стратегической целью агрессора являлось такое изменение этнодемографической ситуации в Абхазии, в результате которого грузины станут составлять большинство. Для этого, по мнению грузинских политиков, и были «необходимы роспуск Верховного Совета Абхазии и проведение новых выборов, в результате которых в абхазском парламенте будут одни грузины»[4].

К тому времени в оккупированной Абхазии произошли изменения и в политических структурах. Для координации взаимодействия между грузинскими и оккупационными властями Сухума в Тбилиси решили учредить должность Государственного министра Грузии по делам Абхазии. Временный совет сложил свои полномочия. В руках нового министра была сосредоточена вся исполнительная власть в Абхазии. Роль грузинской части Верховного Совета Абхазии отошла на второй план[5]. Новую чиновничью нишу занял Г. Хаиндрава, который 12 ноября выступал с информацией о своей деятельности на «посредническом» поприще. Свою задачу новоиспеченный министр видел в следующем:

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 431.
[2] Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
[3] Крылов А. Б. Уроки грузино-абхазской войны // http://www.apsnyteka.org/k/uroki_gruzino-abhazskoi_voini/index.html
[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 72.
[5] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 431.

«Я стремлюсь показать населению Абхазии пагубность политики абхазского руководства. Военная истерия, развязанная некоторыми абхазскими руководителями, ставит абхазский народ перед реальностью истребления его генетического фонда…». Здесь сознательно прерву рассказ Г. Хаиндрава для того, чтобы привести его же «изречение», свидетельствующее о его «озабоченности» судьбой генетического фонда абхазского народа. Позднее в интервью французскому журналу «Ле монд дипламотик» он заявил, что сломить сопротивление Абхазии можно, «уничтожив 15 тыс. абхазов – всех молодых мужчин»[1].

На мой взгляд, приведенная фраза не оставляет ни у кого никаких иллюзий о действительном отношении новоиспеченного министра к судьбе генофонда абхазского народа. Однако вернемся к его выступлению на заседании грузинского Парламента 12 ноября 1992 г. Тогда он продолжил: «Во избежание тяжелейших последствий, которые вполне возможны, я общаюсь и с теми, кто не хочет слушать голос разума. Что же касается здравомыслящей части, которая объективно оценивает сложившуюся ситуацию, то все их помыслы и призывы к собственным руководителям опомниться, уяснить себе, к чему они ведут собственный народ, будут иметь с моей стороны всяческую поддержку. Я буду делать все, чтобы голос реально мыслящих абхазов дошел до народа. Думаю, что очень скоро многие политики поймут, что они совершили крупную ошибку»[2]. Об абхазских политиках, «не желающих слушать голос разума», говорил и Э. Шеварднадзе на заседании Парламента 17 ноября. Суть абхазо-грузинских противоречий и возможные пути их решения он обозначил следующим образом: «Власти Грузии готовы рассмотреть вопрос об уточнении правового статуса абхазского автономного государства. Абхазия – это Грузия»[3]. И в подтверждение этих слов в Грузии была объявлена всеобщая мобилизация.

На фоне этого 19 ноября в газете «Демократическая Абхазия» было опубликовано «обращение 55 представителей абхазской общественности и деловых кругов», находившихся в Сухуме, парламенту Республики Грузия и его руководителю Э. Шеварднадзе. В документе отмечалось,

[1] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 43.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 13, 12 ноября 1992 г.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.

что «крайне тяжелая общественно-политическая и социально-экономическая обстановка, создавшаяся в Абхазии в результате авантюрной политики отдельных руководителей автономной республики, побуждает нас к решительным действиям»[1]. По свидетельству А. Тария, которого в числе других ознакомили с первоначальным вариантом этого документа, в нем содержалось немало оскорблений в адрес руководителей Абхазии, находившихся тогда в Гудауте. Его инициаторы в ответ на замечания согласились несколько подкорректировать текст: из него были изъяты слова: «экстремисты», «отщепенцы», «авантюристы»[2] и т. д. В качестве «решительных действий «представители абхазской общественности» призвали «многонациональное население автономной республики» создать Комитет спасения Абхазии. Его задачами были объявлены: «мобилизовать все население Абхазии на активные действия, направленные на прекращение преступной братоубийственной войны; добиться достижения межнационального согласия и гражданского мира; способствовать возвращению в города и села Абхазии беженцев; возобновлению функционирования всех отраслей народного хозяйства; оказывать действенную гуманитарную и другую помощь населению»[3].

Между тем, и это решение было продиктовано из Тбилиси и было продолжением политики, направленной на противопоставление населения Абхазии ее законному руководству. Э. Шеварднадзе еще в начале ноября заявил, что встречался с представителями абхазской интеллигенции и что подобные контакты будут продолжены, и добавил, что не исключено, что они создадут нечто вроде комитета национального спасения[4]. Это мнение подтверждается и следующим свидетельством А. Тария: 15 или 16 ноября 1992 г. в Республиканский Совет ветеранов Великой Отечественной войны пришли А. Хашба и Д. Микеладзе. Первый из них сообщил: «Через два часа самолет вылетает в Тбилиси. У нас есть задание от Шеварднадзе создать в Сухуме Комитет спасения Абхазии. В комитет могут войти все желающие, независимо от нацио-

[1] «Независимая газета», № 224…С. 3.//http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-20-noyabrya-1992-goda?page=0,1

[2] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 25.

[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 14, 19 ноября 1992 г.

[4] Газ. «Известия», № 240… С. 1, 2. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-2-noyabrya-1992-goda

нальности». Его спросили: «Если вы решили создать такой комитет, причем здесь Совет ветеранов войны?». На это А. Хашба ответил: «Совет ветеранов должен одобрить создание Комитета спасения Абхазии и подкрепить своей подписью». Когда же А. Тария, возглавлявший Совет ветеранов ВОВ Абхазии, заметил, что его организация общественная, и какое значение имеет названное одобрение ею политического органа. Ему ответили, что «Шеварднадзе сказал, что достаточно ободрения одной любой, общественной организации»[1].

В то же время глава грузинского Парламента в стремлении вбить клин между абхазами не ограничился спекулятивными заявлениями от граждан, находившихся на оккупированной территории, которые по различным причинам обозначили или вынуждены были обозначить свое несогласие с политикой Председателя абхазского Парламента В. Ардзинба. Так, Э. Шеварднадзе заявил, что определенные надежды в деле мирного урегулирования абхазской проблемы связаны с якобы имевшимися разногласиями в абхазском руководстве. В связи с этим депутаты ВС РА С. Багапш, К. Озган и А. Анкваб 20 ноября выступили с опровержением, где ими было заявлено следующее: «Это далеко не первая попытка официальных представителей Грузии найти «брешь» в абхазском руководстве, обнаружить в нем признаки раскола, трений, взаимного расхождения позиций. При этом упоминаются конкретные фамилии, в частности, наши, с указанием, что якобы наша позиция расходится с точкой зрения большинства Верховного Совета и его Председателя. Однако каждый раз авторы подобных сообщений выдают желаемое за действительное. В час тяжелых исторических испытаний, переживаемых ныне Абхазией, мы полностью разделяем политику абхазского руководства по всем ключевым проблемам, связанным с разрешением абхазо-грузинского конфликта»[2].

Между тем, в конце названного обращения «представителей абхазской общественности» содержался призыв поддержать инициативу создания Комитета спасения Абхазии, на который незамедлительно откликнулся грузинский Парламент на своем заседании уже 26 ноября. В пункте 2 Постановления грузинского Парламента по абхазскому вопро-

[1] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 25-26.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 23.

су говорилось: «Парламент Грузии приветствует решение прогрессивной части абхазской общественности об образовании Комитета спасения Абхазии»[1]. Грузинские парламентарии также создали комиссию по вопросам Абхазии, в функцию которой входило «продолжение работы и углубления контактов с абхазской интеллигенцией»[2]. А Э. Шеварднадзе, поддержав «инициативу той здоровой части абхазской интеллигенции, которая считает, что происходящая в Абхазии война гибельна как для грузинского, так и для абхазского народов», заявил: «Таких людей довольно много. Это – ученые, писатели, деятели искусства. Мы должны приветствовать это как попытку здоровых сил встать на политический путь преодоления сепаратистских тенденций»[3].

Причем небезынтересно, что тему «недовольных» абхазских политических деятелей затронул и Г. Хаиндрава в своем выступлении в грузинском Парламенте 26 ноября. В отчете о положении в Абхазии он отметил, что «среди находящихся в Гудаутах абхазских лидеров есть и такие, которым не нравится политический курс Ардзинбы, но они не возвышают голос и вынуждены следовать его экстремистскому курсу»[4]. Грузинский чиновник в своей речи также «сокрушался» по поводу уничтожения генофонда абхазского народа так, как будто ему оно грозило от инопланетян, а не от того правительства, членом которого являлся министр Грузии по делам Абхазии. Продолжением той же политики можно назвать обращение членов грузинской фракции ВС Абхазии, в котором абхазский народ призывали «не поддаваться антигрузинским призывам, отвергнуть проповеди тех, кто желает отделиться от Грузии, присоединиться к идее народного согласия»[5].

Тем времене с учреждением должности министра Грузии по делам Абхазии здесь также приступили к изменению существовавших руководящих структур. Судя по всему, не все в оккупированном Сухуме были довольны деятельностью Т. Надарейшвили. Уже неоднократно упоминавшийся Н. Месхия сообщает: «Готовилась отставка грузинской

[1] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008. С. 75.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 17, 2 декабря 1992 г.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Газ. «Демократическая Абхазия», № 16, 29 ноября 1992 г.

части президиума ВС Абхазии… Этим не ущемлялись личные интересы отдельных депутатов, в том числе Надарейшвили, так как по договоренности он становился председателем вновь создаваемого распорядительного и исполнительного органа – исполкома. Этот и ряд других вопросов были мною согласованы с Шеварднадзе, и от него было получено согласие. Знал об этом и Надарейшвили, и другие члены президиума… В назначенный день, 22 (опечатка или ошибка, на самом деле 20. – **А. А**.) ноября 1992 года, заседание т. н. парламента не состоялось из-за отсутствия самого Надарейшвили и еще двух грузинских членов президиума. Явно было, что они саботируют работу грузинской фракции. На второй день уже депутаты не пришли, сорвали кворум, и тем самым постановление по данному вопросу не было принято. Члены президиума, в том числе Надарейшвили, отказались от отставки, сорвали заседание депутатской фракции и вместе с депутатами перешли в зал, где шел митинг Совета национального единства и их приспешников. Здесь вы бы увидели бывших партократов и советских чиновников всех калибров и мастей; здесь были криминалы с автоматами в руках; были выступления, овации, лозунги, наконец, голосование митингующей массы. Словом, было все, что бывает во время путча и когда в митингующей аудитории выбирают «вождя»[1].

Это событие потом было названо совместным заседанием сессии ВС АРА, Комитета национального единства Абхазии и «актива». В повестке дня данного мероприятия значился один вопрос: «О военно-политической ситуации в Абхазии». О том, как готовилось и проводилось это собрание «актива», позже в интервью «Свободной Грузии» рассказал лидер оккупационных властей Абхазии Т. Надарейшвили: «Когда я был на сессии парламента в Тбилиси, мне сообщили, что в Сухуми собираются проводить сессию Верховного Совета. Я знал о том, что сессия должна состояться, но мне позвонили и сказали, что повестка дня изменена. Я срочно приехал в Сухуми. Здание Совета Министров было окружено вооруженными людьми и техникой. Как потом выяснилось, это были мои сторонники, военные, которые и сообщили мне, что на сессии меня собираются отправить в отставку. Я поднялся в свой кабинет – здесь была группа «инициаторов переворота», при них проекты документов.

[1] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 117.

Среди них было такое требование: я вместе с президиумом должен был уйти в отставку»[1].

Узнав об этом, Надарейшвили предложил поставить вопрос об отставке не на сессии, а на собрании «актива»[2]. Тогда и созвали «актив», на собрании которого родилась идея создания Совета Министров АРА, поддержанная всеми. Председателем этого Совета «единогласно»[3] был «избран» «не успевший сказать ни «да», ни «нет»[4], сам Т. Надарейшвили. Н. Месхия назвал произошедшее фарсом и торжеством безнравственности[5]. Однако участники собрания так не считали и обратились к главе грузинского государства с предложением избрать Т. Надарейшвили заместителем Председателя Парламента Грузии[6]. Э. Шеварднадзе, вынужденно оговорившись, что произошедшее не совсем законно[7], однако заявил, что «надо приветствовать, что общественность оказала Т. Надарейшвили доверие»[8]. Глава Грузии поддержал создание новой правительственной структуры в Абхазии и озвучил следующее обоснование этого политического шага: «Власти Грузии и грузинская фракция депутатов Верховного Совета Абхазии неоднократно предлагали находящимся в Гудауте абхазским руководителям вернуться в Сухуми и выполнять свои обязанности. Предложение не было ими принято. Они ни к чему не прислушались, а потому на месте было принято правильное решение о создании Совета Министров»[9]. Парламент Грузии также «принял к сведению принятое абхазской общественностью правильное решение об образовании правительственной структуры – Кабинета Министров и избрание его руководителем Т. Надарейшвили»[10]. Позже, в феврале 1993 г., он сам об этом факте своей биографии рассказывал следующим образом: «Начали высказываться соображения о том, что все же необходимо воссоздать новый Совет Министров,

[1] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 63.
[2] Там же.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.
[4] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 63.
[5] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 118.
[6] Газ. «Демократическая Абхазия», № 15, 25 ноября 1992 г.
[7] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 63.
[8] Газ. «Демократическая Абхазия», № 17, 2 декабря 1992 г.
[9] Там же.
[10] Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989 – 2006 гг. М., 2008. С. 74.

который бы взял на себя функции исполнителя. Поэтому на одной из встреч актива было внесено это предложение, и неожиданно для меня моя кандидатура была выдвинута на пост Председателя. На этой встрече присутствовали практически все депутаты Верховного Совета АРА и представители общественности. Затем Парламент Грузии поручил мне сформировать правительство. Лично я никогда даже не думал и не претендовал на этот пост. Даже сегодня, занимая эту должность, считаю для себя ее временной, до нашей победы»[1].

З. Папаскири, рассказывая об этих событиях, пишет следующее: «Чувствовалась несогласованность между гражданской и военной властью. Госминистр по Абхазии оказался в затруднительном положении. Налицо был кризис исполнительной власти. В этих условиях, по инициативе Совета Национального Единства, началось движение за создание временного правительства Абхазии. В Сухуми было созвано собрание общественности, которое приняло решение о создании Кабинета министров Абхазии под руководством Надарейшвили. Это решение фактически было узаконено парламентом Грузии 26 ноября 1992 г. В тот же день парламент Грузии образовал комиссию по делам Абхазии, председателем которой был утвержден депутат Н. Чавчавадзе»[2].

Позже глава вновь созданной исполнительной власти утверждал, что Совет Министров был сокращен практически до минимума, а общая сумма на содержание всех министерств и комитетов значительно сократилась. Было создано 16 министерств, 5 госкомитетов, «а кадры подбирались исходя из профессиональных качеств». Чтобы понять, что это означало тогда в оккупированной Абхазии, сошлемся на самого Т. Надарейшвили: «Учитывая, что мы находимся в состоянии войны, я поручил продолжать возглавлять министерства тем лицам, которые ранее возглавляли министерства и ведомства. Те же госкомитеты и министерства, председатели которых сбежали в Гудауту, возглавили заместители, в ряде случаев были назначены новые лица»[3]. Чтобы понять смысл приведенных слов главы марионеточной власти Абхазии, сошлемся на очевидца описываемых событий: «Кресла уже распределили, выбрали

[1] Газ. «Иберия-Спектр» № 65, 2-8 февраля 1993 г. С. 15.
[2] Папаскири З. В. Абхазия. История без фальсификации. Тб., 2010. С. 433.
[3] Газ. «Иберия-Спектр» № 65, 2-8 февраля 1993 г. С. 15.

без всякого парламента новое правительство, новых министров, состоящих в основном из грузинской национальности и нескольких абхазцев, вроде С. Кецба, Р. Эшба и кое-кого еще типа марионеточных, которые устраивают новое правительство и считаются «истинными демократами», вроде Л. Маршания, этого давно известного демагога. На выборах в парламент Абхазии они ранее не вошли, разобиделись и вот сейчас взяли реванш и уже на «белом коне»[1].

3 декабря в своем выступлении на заседании грузинского Парламента Э. Шеварднадзе сказал, что «в руководящее ядро Абхазии входят и абхазы: Л. Маршания, Р. Эшба, есть контакты и с другими абхазами»[2]. Позже в своем нашумевшем радиоинтервью 7 декабря, наряду с воинственными заявлениями, глава Грузии также напомнил, что в Абхазии «уже действует Комитет по спасению, который возглавил подлинный патриот господин Л. Маршания»[3]. Однако Л. Маршания не возглавлял, во всяком случае, официально Комитет спасения Абхазии, и его взаимоотношения с другим названным активистом КСА Р. Эшба были, судя по всему, далеко не безоблачными. Об этом свидетельствует очевидец названных событий А. Тария, который рассказывает следующее: «До конца января 1993 года Комитет работал без председателя. Между тем, Комитет несколько раз собирался избрать руководящий орган. Но из-за неявки его членов не удавалось это сделать. Однажды, если не ошибаюсь, это было в конце января 1993 года, можно сказать, что нас с Цхомария[4] почти насильно потащили на заседание Комитета спасения, где присутствовало не более 20 человек. На обсуждение был вынесен один вопрос – о выборе председателя Комитета и его заместителя. По предложению Габуния Г. на должность председателя были выдвинуты две кандидатуры» – Л. Маршания, Р. Эшба… Одна группа во главе с А. Хашба и Д. Микеладзе отклонила кандидатуру Маршания, а сторонники Маршания категорически отказались голосовать за Р. Эшба. Хашба и Микеладзе выдвинули кандидатуру В. Агрба. Она категорически отказалась

[1] Тарнава Л. М. Дневник пенсионерки… // Абхазский дневник. XX век. В. I. Сухум, 2008. С. 37–38.

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 136-137.

[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 19, 13 декабря 1992 г.

[4] Цхомария Н. – председатель Сухумского отделения Совета ветеранов ВОВ Абхазии.

быть председателем Комитета, в противном случае, заявила она, вообще не будет принимать участие в работе Комитета. Таким образом присутствовавшие на заседании разделились на две группы. Затем все переругались и разошлись без результата. 28 декабря 1993 года в газете «Демократическая Абхазия» появилась информация о создании «Комитета спасения Абхазии», где были избраны членами Комитета 72 человека и членами президиума – 15 человек. На этом заседании я не присутствовал и не знал о нем, хотя в списке значилась моя фамилия. Через несколько дней в газете «Демократическая Абхазия» опять появилась информация об избрании председателем Комитета спасения Абхазии С. Кецба. При встрече Кецба мне сказала, что она очень переживает за то, что ее избрали председателем без желания и согласия»[1]. Как видно, Л. Маршания не возглавлял, точнее, не смог возглавить Комитет, но для Шеварднадзе это было не существенно. Впрочем, глава Грузии называл имя человека, которого хотел бы видеть во главе КСА. Кстати, маленький, но весьма примечательный факт: в оккупированной абхазской столице Э. Шеварднадзе не смог настоять на кандидатуре главы Комитета, создание которого было инициировано им же.

Между тем, сам «господин Л. Маршания», который являлся по совместительству заместителем Председателя Совета министров АРА, о причинах создания Комитета и его задачах говорил следующим образом: «Большое число абхазов, оставшихся как в Сухуми, так и в районах, оказалось в крайне бедственном положении. И это в основном прогрессивная часть абхазского населения, которой чужды идеи экстремизма и сепаратизма. Нам, инициативной группе, надо было что-то делать, чтобы спасти народ от морального стресса и физического исчезновения. Комитет спасения Абхазии преследует цель: консолидировать абхазское и грузинское население, направить их усилия на борьбу за мирное, политическое решение военного конфликта, сохранение прежних дружеских, родственных отношений между абхазами и грузинами, всем населением Абхазии, противопоставить авантюрным действиям прежнего руководства Абхазии здравый смысл и реализм; бороться с экстремизмом и сепаратизмом»[2]. Как видно из процити-

[1] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 27-28.
[2] Газ. «Иберия-Спектр», № 60, 29 декабря 1992 г. С. 12.

рованного, Л. Маршания «сокрушался» о судьбе абхазов, оставшихся в Сухуме. Послушаем мнение одной из них - Л. Тарнава, которая 16 декабря 1992 г. в своем дневнике писала: «Л. Маршания я никак патриотом назвать не могу! Он печется лишь о собственном удобном устройстве, чего и добился. Во всякой нации есть такие люди. Но они – это еще не вся нация и не весь народ!»[1]. Говоря о предназначении и деятельности КСА, А. Тария сообщает: «Создание Комитета спасения Абхазии было провокационным. Оно было направлено, прежде всего, на раскол абхазского народа и его противостояние, на ускорение оккупации всей Абхазии. Создатели Комитета старались сохранить ее в составе Грузии. Ради этого они шли на все, и многих, неискушенных в политике людей, втянули в этот провокационный Комитет… За время существования КСА ни одного раза не было проведено заседание членов Комитета или его президиума в полном составе. Часто, по рассказам членов Комитета, откладывали заседания из-за неявки… Могу с уверенностью сказать, что по заявлениям в Комитет спасения Абхазии ни один человек принят не был. Членами Комитета они считали не только тех, кто остался в г. Сухум, но и находившихся за ее пределами. В газете «Демократическая Абхазия» печатали списки членов Комитета без их согласия, не говоря уже о заявлениях»[2]. В. Ардзинба, комментируя создание Комитета спасения Абхазии, сказал, что «в любом народе всегда можно найти нескольких человек предателей, больше всех думающих о своем кресле»[3].

Тем временем 28 ноября военный комендант Сухумского гарнизона издал приказ, согласно которому в г. Сухум, Сухумском и Гульрипшском районах устанавливался особый порядок поведения граждан и военнослужащих, а также было объявлено на территории этих районов действие комендантского часа с 20.00 до 6.00[4]. Эти мероприятия оккупационных властей, явно направленные на эскалацию войны, получили более чем серьезную поддержку со стороны Э. Шеварднадзе, который 7–8 декабря выступил с воинственными заявлениями и угрозами в адрес

[1] Тарнава Л. М. Дневник пенсионерки… // Абхазский дневник. XX век. В. I. Сухум, 2008. С. 40.
[2] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 26, 28.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 6, 24 января 1993 г.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 16, 29 ноября 1992 г.

абхазов. Однако, по мнению аналитиков, они могли быть направлены на недопущение и предупреждение нежелательных действий со стороны самих «защитников территориальной целостности» Грузии. Газета «Правда» тогда сообщала: «Карательный корпус в Абхазии становится неуправляемым. Дезертирство не в силах остановить даже военно-полевые суды. Солдаты, которым обещали виллы с видом на море, бегут. В Сухуме, оккупированном войсками тбилисского режима, паника»[1]. То же самое происходило и в г. Очамчире. Об этом свидетельствует приказ командующего 24-й бригады 2-го корпуса войск РГ Г. Вашакидзе, направленный против грабителей и мародеров «всех мастей», который был развешен с 21 декабря по городу[2].

25 декабря, в день обсуждения российским Верховным Советом ситуации в Абхазии, Э. Шеварднадзе обратился к русскому населению Грузии, в котором напомнил о «необходимости четкой гражданской позиции» и ставил многозначительный вопрос: «Не пора ли возвысить голос в ответ на беззастенчивую ложь?»[3]. Под «беззастенчивой ложью» глава Грузии имел в виду выступления и заявления представителей властей России о необходимости защиты прав русских в Абхазии и Грузии. При этом Э. Шеварднадзе процитировал заместителя министра иностранных дел России Б. Пастухова, заявившего, что для этого нужно использовать все средства, включая и силовые[4]. Реакция русскоязычного населения в Грузии была неоднозначной, но в Абхазии «русские сотрудники аппарата Совета Министров АРА» восприняли это обращение «с глубоким пониманием». В ответном послании к главе Грузии они писали: «Мы целиком и полностью разделяем Вашу озабоченность развитием ситуации и уверены, что нашу позицию поддержат все русские, проживающие в Абхазии, как, думается, во всей Грузии. Мы не нуждаемся ни в чьей защите, пользуемся всеми правами, которые предоставляет своим гражданам Республика Грузия, и стремимся к одному – мирным трудом содействовать становлению, развитию и процветанию не-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 184.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 233.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 1, 1 января 1993 г., Там же, №3, 18 января 1993 г.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 1, 1 января 1993 г.

зависимого демократического Грузинского государства»[1]. Причем это обращение было опубликовано в двух номерах официальной прессы, издававшейся оккупационным режимом. Тем временем оккупированный Сухум, несмотря на неоднократные заверения властей, оставался в тисках энергетического голода. Люди вынуждены были рубить деревья на улицах, чтобы отапливать помещения. А для печей использовались водосточные трубы, которые стали к тому времени подлинным дефицитом. Не работал транспорт, женщины, старики, дети пешком вынуждены были преодолевать огромные расстояния. Между тем, несколько конфискованных гвардейцами «Икарусов» фактически бездействовали, лишь время от времени перевозя из одного конца в другой одного-двух вооруженных людей[2].

Столица Абхазии была практически лишена телефонной связи с внешним миром. Не было никаких условий для функционирования службы «07», несмотря на то, что телефонистки продолжали ходить на работу. В коммутаторном зале свистел холодный ветер, стекла были выбиты, отсутствовало всякое отопление. Но самое страшное – вооруженные лица, не выбиравшие выражений, которым трудно было угодить. Причем их недовольства не всегда выражались словами – нередко девушки подвергались физическому оскорблению[3]. Во многих случаях искусственно создавались нетерпимые условия. Люди не выдерживали, и те, кто мог, старались покинуть город. Тогда с участием израильского МИД был открыт чрезвычайный рейс Сухум – Тель-Авив через Тбилиси. К тому времени из Абхазии в Израиль было эвакуировано примерно 500 чел. евреев, и, по словам представителя еврейского землячества в Тбилиси Т. Якобашвили, в Сухуме ожидали эвакуации еще 500 человек[4]. Еще в декабре 1992 г. председатель Правления Еврейского общества «Исалом» А. Какиашвили сообщал: «В этом году Абхазию покинуло более 450 человек еврейского происхождения, это в несколько раз больше, чем за предыдущие годы». Тогда же в Эстонию двумя самолетами выехали из Абхазии эстонцы[5]. 25 января 1993 г.

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 21, 26 декабря 1992 г.
[2] Газ. «Иберия-Спектр», № 59, 22–28 декабря 1992 г. С. 6.
[3] Газ. «Иберия-Спектр», № 60, 29 декабря 1992 г. С. 4.
[4] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 213.
[5] Газ. «Иберия-Спектр», № 60, 29 декабря 1992 г. С. 14.

очередная группа евреев из 63 человек была выслана[1]. В итоге Абхазия практически была очищена от еврейского населения, которое при финансовой и организационной поддержке государства Израиль было вывезено из оккупированной части республики[2]. О том, что «почти все еврейское население Абхазии было вывезено в Израиль во время грузино-абхазской войны», сообщает и историк А. Крылов[3]. На этом фоне шло форсированное заселение Сухума лицами грузинской национальности.

Сами оккупационные власти параллельно были заняты решением проблем и другого характера. 31 декабря Совет Министров АРА принял Постановление «О переводе предприятий города Сухуми на режим военного времени»[4]. На данное решение ссылался и Генсек ООН в докладе от 28 января 1993 года[5]. Тем временем 31 декабря Совет Министров АРА также обратился с новогодним поздравлением к народу, в котором было сказано: «В сфере политических проблем мы выдвигаем на первый план активную борьбу за прекращение вооруженного конфликта в Абхазии политическим путем, подготовку и проведение истинно демократических выборов»[6]. В этот же день Э. Шеварднадзе, Т. Сигуа, И. Батиашвили прибыли в Сухум. После вылета из Тбилиси из-за метеорологических условий они вынуждены были приземлиться в Батуми, оттуда на вертолете прибыли в Очамчыру, где встретились с представителями грузинского военного командования, офицерами и солдатами подразделений ВС Грузии, дислоцированных в Очамчырском районе. 31 декабря, в 23.00, руководители Грузии на автомобилях прибыли в Сухум, и вместе с представителями оккупационных властей почти до 4 часов утра 1 января «беседовали с офицерами и солдатами, изучали на месте ситуацию»[7]. 1 января Шеварднадзе и сопровождавшие его лица улетели в Тбилиси.

---

[1] Газ. «Иберия-Спектр», № 66, 9–15 февраля 1993 г. С. 14.

[2] Пачулиа В. М., Ачугба Т. А. Абхазия на рубеже XX–XXI вв. // Абхазы. М., 2007. С. 113.

[3] Крылов А. Б. Постсоветская Абхазия. М., 1999. С. 102.

[4] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 115.

[5] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 37

[6] Газ. «Демократическая Абхазия», № 1, 1 января 1993 г.

[7] Газ. «Демократическая Абхазия», № 2, 15 января 1993 г.

В Грузии тогда приступили к созданию вооруженных формирований из числа беженцев грузинской национальности, которых после соответствующей подготовки должны были направить на войну. 9 января 1993 г. Министерство обороны Грузии распространило сообщение о том, что «резервисты из беженцев из Абхазии должны явиться в управление военных органов МО Грузии»[1]. А. Кубрава сообщает, что в середине января в программе «Мацнэ» грузинского телевидения выступили Джаиани и Какубава и призвали всех сухумчан и гагрцев, которые убежали из родных городов в Абхазии, объявиться по такому-то адресу в Тбилиси, где им будет роздано оружие, чтобы сражаться в Абхазии против абхазов. Они особо подчеркнули, что эти лица должны явиться по названному адресу добровольно, в противном случае будут доставлены силой[2]. 17 января, выступая по грузинскому телевидению, Т. Надарейшвили призывал всех грузин от 18 до 50 лет, покинувших Абхазию, вернуться в г. Сухум для создания особого Сухумского полка. Вместе с тем он просил правительство Грузии, руководителей городов и районов, где были разбросаны грузины из Абхазии, немедленно вернуть их в Абхазию[3]. Газета «Апхазетис хма» за 17 января констатировала, что «большая часть тех, кто борется с оружием в руках, – сухумцы и коренные жители близлежащих сел Абхазии[4].

В связи с этим Президиум Верховного Совета Абхазии 19 января заявил, что «осуществление объявленного руководством Грузии намерения приведет лишь к расширению масштаба войны, новым неоправданным жертвам и может поставить под сомнение саму возможность скорейшего мирного решения проблемы»[5]. Однако, несмотря на подобное предостережение абхазской стороны, официальные власти Тбилиси продолжали проводить политику по все большему втягиванию грузинского населения оккупированной территории на войну против абхазов, что и являлось конечной целью развязывания абхазо-

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 17 июня 1993 г.

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 194.

[3] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

[4] Там же.

[5] Газ. «Республика Абхазия», № 5, 21 января 1993 г.

грузинской войны. 21 января депутат Парламента Грузии Б. Какубава сделал объявление: «Объявляется мобилизация беженцев из Абхазии в «батальон беженцев» всех лиц мужского пола от 18 до 48 лет. Им будет выдано обмундирование, оружие, деньги – 10000 рублей. Все, кто хочет вернуться в Абхазию, должны добиваться этого с оружием в руках». Он же 22 января сообщил по радио: «По решению руководства Грузии создан Гагрский батальон беженцев, который пройдет в Тбилиси двухдневную подготовку. Так что каждый боец-мужчина от 19 до 50 лет обязан явиться в гостиницу «Иверия», 9 этаж и записаться в батальон. Тот, кто сейчас не встанет с нами, тот никогда не вернется в Абхазию для жительства»[1]. В городах и районах оккупированной части Абхазии использовались все методы для призыва мужской части населения. Например, при Сухумском военном гарнизоне был создан мобилизационный отдел, которым руководил бывший генеральный директор завода «Оргтехника» А. Микадзе[2].

10 февраля главнокомандующий ВС Грузии Э. Шеварднадзе издал приказ, в котором обязал СМ Абхазской Автономной Республики «немедленно произвести мобилизацию всех имеющихся ресурсов и резервов для обеспечения защиты Сухуми и Очамчыры…»; предписывал мэру г. Сухума, управляющим Сухумским, Гульрипшским, Очамчырским, Гальским районами «произвести мобилизацию имеющихся резервов»[3]. Тогда «для обеспечения порядка и безопасности» в Сухуме было решено ввести патрулирование силами внутренних дел Сухумского гарнизона и комендатуры[4]. Эти патрули, судя по всему, не были способны установить порядок. 20 февраля на перроне Сухумского вокзала «некие вооруженные парни» разожгли костер – вынесли из прибывшего поезда тираж газеты «Иберия-спектр» за №67 и подожгли[5]. Однако это могло быть и делом рук самих патрулей, т. к. был сожжен тираж газеты, оппозиционной действовавшим грузинским властям.

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 17 июня 1993 г.

[2] Кварандзия Д. Война 1992-1993 годов в зеркале грузинской прессы: как действовала «пятая колонна» в Абхазии // http://apsnyteka.narod2.ru/k/voina_ 1992-1993_godov_v_zerkale_gruzinskoi_pressi_kak_deistvovala...

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 17 июня 1993 г.

[4] Грузинское радио. 26 февраля 1993 г. л. 1.

[5] Газ. «Иберия-Спектр», № 69, 2-8 марта 1993 г. С. 2.

21 февраля, прибыв в Абхазию, Э. Шеварднадзе сообщил о готовности оказать оперативную помощь. Он встретился с членами Комитета спасения Абхазии и позитивно оценил его работу. На пресс-конференции глава Грузии заявил, что «оборона Сухума – надежная»[1]. К этому глава марионеточной власти Т. Надарейшвили добавил: «Потеря Сухуми – это потеря государственности Грузии»[2]. Тем временем пребывание Э. Шеварднадзе в Абхазии доставило местному населению немало радости. Пресса тогда отмечала: «За день до его прибытия в Сухуме стали выпекать хлеб – притом сразу во всех трех хлебозаводах, а в день его прибытия продавали в 13 магазинах. Такого за последние три месяца в Сухуми еще не было! Вторая радость – свет. На второй день в Сухуми вновь погас свет. Поубавился хлеб»[3]. То же самое произошло и в следующий визит Э. Шеварднадзе в Сухум, состоявшийся 3 марта, когда «через несколько минут после встречи с руководством АРА поступило радостное для сухумцев сообщение о том, что восстановлено электроснабжение города»[4]. Однако проблемы ни с хлебом, ни со светом не были в состоянии убавить пыл Т. Надарейшвили, который 24 февраля заявил о готовности «дать решительный отпор всем деструктивным силам, ставящим свои групповые интересы выше интересов становления и развития суверенного Грузинского государства»[5].

Еще 1 января Э. Шеварднадзе, выступая перед оккупационными властями Абхазии, вновь вернувшись к теме разногласий в среде абхазов, сказал: «Следует проводить более продуманную разъяснительную работу с абхазским населением, обратить больше внимания его нуждам и заботам. Далеко не все абхазы думают одинаково. В абхазской среде есть большой слой, который не одобряет деятельность абхазского руководства и понимает, что авантюрные действия этого руководства поставили и, прежде всего, абхазский народ перед угрозой катастрофы»[6]. Забота о генофонде абхазской нации «проявлялась» и в Обращении Комитета спасения Абхазии к жителям Гудаутского и Очамчырского

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 9, 26 февраля 1993 г.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 8, 21 февраля 1993 г.
[3] Газ. «Иберия-Спектр», № 70, 9-15 марта 1993 г. С. 1.
[4] Газ. «Демократическая Абхазия», № 11, 7 марта 1993 г.
[5] Газ. «Демократическая Абхазия», № 10, 3 марта 1993 г.
[6] Газ. «Демократическая Абхазия», № 2, 15 января 1993 г.

районов, в котором говорилось: «Общественность города Сухуми в эти тревожные дни обращается ко всем миролюбивым людям ваших районов проявить мудрость, настойчивость к прекращению бессмысленной войны, сохранению и без того малочисленного абхазского народа и его генофонда». «Здравомыслящие люди старшего поколения» призывались трезво оценить «создавшуюся народную трагедию, переходящую в катастрофу», и принять меры «как по недопущению артобстрела и бомбардировки г. Сухуми, так и по прекращению кровопролития и спасению абхазской нации»[1]. Как видно, «спасатели» из Комитета видели угрозу абхазской нации в бомбардировках Сухума, а то, что их лишали родины, исторической памяти и физически истребляли, – в этом, видимо, они угрозы не усматривали. Парадоксально, но послание было адресовано именно жителям тех районов, которые и противостояли геноциду абхазского народа. Такого рода обращения становились орудием спекуляции оккупационных властей.

29 марта в интервью грузинскому радио Э. Шеварднадзе заявил, как уже говорилось, что «и в лагере сепаратистов многие убеждаются» в необходимости «переговоров между грузинами и абхазами». Видимо, в Грузии посчитали, что после неудачного наступления, боевой дух абхазской стороны сломлен и настал момент диктовать свои условия. Именно такими умонастроениями в грузинском руководстве, думается, было продиктовано пожелание министра иностранных дел Грузии А. Кавсадзе нанести визит в Абхазию без всяких объяснений о его целях и задачах, высказанное в конце марта. Однако в Заявлении пресс-службы Верховного Совета Абхазии от 2 апреля говорилось о том, что целью сделанного Грузией предложения является продемонстрировать миру «свои миротворческие усилия». В документе было заявлено: «В условиях, когда на оккупированных Грузией территориях установлен откровенно фашистский режим, столица Абхазии – город Сухум превращен в концентрационный лагерь, где с благословения грузинских властей банды вооруженных уголовников постоянно издеваются и уничтожают мирное население: абхазов, русских, армян, греков, представителей других национальностей, когда правительство Грузии, в нарушение принятых им обязательств, отказало в выдаче тел погибших в боях во-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 9, 26 февраля 1993 г.

еннослужащих Вооруженных сил Абхазии, раненые солдаты и пленные умерщвлены в Сухумском лагере военнопленных» Абхазия отказалась от таких переговоров[1]. О ситуации, царившей в оккупированном Сухуме свидетельствует письмо из абхазской столицы, написанное в те дни, в котором сообщалось: «Наша жизнь после 16 марта стала ужасной. В городе вылавливают людей просто на улице, в квартире, на службе. Упорно распускают слухи о том, что не выехавшие абхазы подвергнутся преследованиям, будут умерщвлены, исчезнут без следа»[2]. Впрочем, это относилась не только к абхазам. О. Супруненко, побывавшая в оккупированной абхазской столице, тогда свидетельствовала: «Русские и армянские мужчины не могут появиться на улице, т. к. на них устраивают облавы, отбирают документы, заставляют воевать, посылают на передовую. Соседи-грузины следят за русскими и армянами и доносят властям»[3].

Тогда же комендант Сухума генерал Г. Адамия обратился к жителям оккупированной абхазской столицы: «Я был бы не прав, не сказав слова упрека тем, кто этого заслуживает. Это касается тех, кто предпочел позицию стороннего наблюдателя, кто уклоняется от защиты Родины, кто в эти дни грабит и мародерствует»[4]. Криминогенная обстановка достигла невиданного уровня, в том числе в Сухумском гарнизоне, и 22 марта Министерство обороны Грузии вынуждено было «для наведения порядка» сформировать военную комендатуру этого гарнизона[5]. Всеми правдами и неправдами, угрозами и уговорами, оккупационным властям все же удалось достичь главной цели: противопоставить все грузинское население Сухума абхазам. В это время «было роздано 31 тысяча автоматов местным грузинам, и они взяли»[6]. Комендант Сухума Г. Адамия издал приказ, запрещавший выезжать в Россию всем, в том

[1] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 241-242.

[2] Шамба О. Б. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004. С. 155.

[3] «Российская газета», № 83… С. 6. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-aprelya-1993-goda

[4] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 321.

[5] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 137, 138.

[6] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 321.

числе российским военнослужащим и их семьям[1]. О. Супруненко, член комиссии Моссовета по законности и правопорядку, прибывшая тогда в оккупированный Сухум, 23 марта встретилась с Э. Астимировой, которая занималась проблемами беженцев и гуманитарной помощью в Сухуме. Она показала список лиц, получавших гуманитарную помощь, в котором только две фамилии были русскими. Впрочем, сама Супруненко застряла в Сухуме, т. к. оккупационные власти отказались ее выпустить в Россию. Она полулегально 31 марта полетела в Тбилиси. В тот же вечер российские «Вести» передали, что О. Супруненко находится в плену в Сухуме[2]. После неоднократных допросов в столице Грузии, депутат Моссовета вернулась в Сухум и, наконец, сумела с помощью российских военных покинуть оккупированную часть Абхазии. Так закончилась ее миссия по оказанию гуманитарной помощи и содействию вывозу русскоязычного населения из оккупированной абхазской столицы, в ходе которой она сама оказалась в роли заложницы грузинских властей. 31 марта заместитель командующего ВДВ РФ А. Чиндаров сообщил, что проживающие в Сухуме русские подвергаются издевательствам, оскорблениям, разбоям и грабежам. Грузинская сторона выступила с ответом, в котором говорилось, что «заявление генерала Чиндарова и аналогичные пропагандистские акции Министерства обороны РФ свидетельствуют о том, что готовятся крупномасштабные военные действия российских войск на территории Грузии»[3].

В то же время в самой Грузии продолжалось наращивание военной силы. «Согласно достоверным источникам» газеты «Правда», «грузинское командование завершает формирование двух женских батальонов для участия в боевых действиях в Абхазии». С этой целью в Тбилиси тогда зачастили специалисты из НАТО и Израиля[4]. Наряду с этим, в самих грузинских войсках, судя по всему, уже царило «чемоданное настроение». В апреле 1993 г. в одной из тбилисских газет В. Харчилава писал: «В августе месяце, когда война началась, многим казалось, что

---

[1] «Российская газета», № 83… С. 6. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-aprelya-1993-goda

[2] Там же.

[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 18, 8 апреля 1993 г.

[4] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 327.

она очень скоро закончится легкой победой. С песней уходили добровольческие отряды на эту, по их представлению, военную «игру». Среди них были и такие, которые прибывали в Абхазию с целью грабежа и в поисках денег… Но когда прибывшие на место увидели, что там настоящая война и убивают людей, – некоторые тайком оттуда ушли, некоторые с выданными автоматами, с награбленным добром, с машинами «благополучно» вернулись…»[1]. Еще одно свидетельство о состоянии грузинской армии тех времен было опубликовано в российском журнале «Новое время», которое потом было перепечатано газетой «Демократическая Абхазия» от 30 апреля 1993 года: «С военной точки зрения грузинские формирования еще трудно называть настоящей полноценной армией. Дисциплины никакой. Приказам не подчиняются. С командирами переругиваются. Что-то не понравилось – плюнул и ушел с фронта. Офицерские звания присваивают по знакомству. Мальчишки, которые вообще не служили, носят капитанские погоны. Полковниками становятся вожди местных кланов. Сержантов и лейтенантов вообще нет»[2].

Тем временем Т. Надарейшвили был недоволен событиями, происходившими тогда в Мегрелии, где сторонники Гамсахурдиа заблокировали дорогу. 10 апреля глава марионеточной власти Абхазии выступил по грузинскому телевидению, где заявил следующее: «Для меня и для всего нашего населения, всей грузинской общественности непонятно то, что происходит в Зугдиди. Сегодня мы находимся на передней линии, мы каждый день теряем своих бойцов, которые защищают нашу родину. И в это время за нашей спиной закрыли дорогу! Уже несколько дней, как не ввозятся боеприпасы, не вводится живая сила и самое главное – продукты. Поэтому у нас осталось запасов продуктов только на несколько дней. Есть проблема муки, проблема топлива. Если сегодня – завтра мы не получим помощи, мы, возможно, вообще остановимся, и это все происходит тогда, когда мы находимся на передней линии фронта. Мы воюем, и наши же соотечественники бьют нас в спину. Этому нельзя дать иной оценки. Поэтому, пользуясь случаем, хочу обратиться к участникам этой акции, ко всем соотечественникам: одумайтесь, на чью мельницу льёте воду, на мельницу Ардзинба, и за

[1] Думаа К. Н. Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002. С. 229.
[2] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 336.

это потом история спросит со всех вас, за те действия, которые вы сегодня совершаете. Наша делегация находилась в Зугдиди, как мы знаем, это совершают не военные формирования, это делают определенные части, политические партии, которые требуют освобождения Домуховского и Гелбохиани. Но это совсем другой вопрос, его нельзя решать за счет грузинской общественности, за счет такого нашего оскорбления. Еще раз повторяю: перед нами находится враг и за нашей спиной оказывает нам вражду. Поэтому я очень прошу одуматься, более того, я прошу от имени 250 тысяч грузин, которые живут в Абхазии, они вам этого не простят!»[1]. 12 апреля по приказу Минобороны Грузии Т. Китовани военным комендантом Очамчирского гарнизона был назначен подполковник М. Кипиани. В Очамчирах введен комендантский час с 22 до 6 часов. Это мероприятие осуществлялось, как было объявлено, для того, чтобы «укрепить военную дисциплину и общественный порядок в тылу боевых частей»[2].

27 апреля был создан Совет обороны АРА, главными задачами которого были провозглашены: «максимальное укрепление обороноспособности; обеспечение четкого взаимодействия военных и гражданских властей; наведение жесткой военной дисциплины в частях и подразделениях Вооруженных сил РГ, дислоцированных в Абхазии; неукоснительное соблюдение законности и правопорядка; гарантированная защита личной безопасности граждан; налаживание бесперебойной работы предприятий жизнеобеспечения; сохранения государственного и личного имущества населения»[3]. Его руководителем был назначен «генерал-майор» Т. Надарейшвили. Чтобы сообщить эту «новость», в Абхазию 28 апреля приехал сам Э. Шеварднадзе в сопровождении Т. Сигуа[4]. Глава грузинского государства, видимо, демонстрируя свою поддержку новой оккупационной структуре, тогда заявил: «Вся Грузия сегодня помогает Абхазии, изыскивает резервы для того, чтобы достойно закончить эту навязанную нам войну»[5]. Сам новоиспеченный глава

[1] Грузинское телевидение. 10 апреля 1993 г. л. 1.
[2] Грузинское телевидение. 12 апреля 1993 г. л. 1.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 25, 3 мая 1993 г.
[4] Там же.
[5] Там же.

Совета обороны спустя некоторое время заявил: «Я могу сказать, что в Абхазии абсолютно все подчиняется мне… Я издал приказ о том, чтобы не только были арестованы, но и расстреляны все, кто не выполнит мое распоряжение»[1]. Хотя за два месяца до этого он же говорил: «Что касается предотвращения хаоса и мародерства – это практически не в моей компетенции. Пока у нас не будет в армии дисциплины – трудно о чем-то говорить»[2]. Видимо, Т. Надарейшвили действительно поверил, что с созданием Совета обороны в Абхазии и присвоением ему звания «генерал-майора» дисциплина в грузинской армии, которой он недавно был доволен, была восстановлена.

Глава Грузии тогда также провел в Сухуме совещание, посвященное военно-политическому положению, с руководителями оккупационного правительства, представителями военных формирований, общественных организаций и движений. В ходе встречи им было высоко оценено участие в боях в Абхазии военных подразделений «из мегрельского региона», в частности, участие на Очамчырско-Ткуарчальском направлении отряда Л. Кобалия, что, по его словам, имело большое политическое, психологическое и моральное значение. Вечером 29 апреля Э. Шеварднадзе уехал в Тбилиси, но перед этим во время передвижения по городу автомобили делегации попали в зону обстрела.

Между тем, Совет обороны стал проявлять активность, направленную на «достойное завершение войны». 6 мая он принял решение о мобилизации резервистов и призыве на военную службу. При этом был составлен список жителей Абхазии, которые уклонялись от выполнения своей гражданской обязанности. В документе говорилось: «Мы призываем их вернуться и занять свои места в рядах защитников территориальной целостности и государственного суверенитета Грузии. Мы предупреждаем, что в противном случае будет рассмотрен вопрос об их гражданстве в Грузии в индивидуальном порядке с учетом всех вытекающих отсюда последствий»[3]. Тогда же Совет обороны принял решение о запрете передвижения и сборе материалов представителей всех СМИ без соответствующего разрешения информационной служ-

[1] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 77.
[2] Газ. «Иберия-Спектр», № 65, 2–8 февраля 1993 г. С. 15.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 17 июня 1993 г.

бы Вооруженных сил РГ, дислоцированных в Грузии, и министерства информации Абхазии[1]. 11 мая Совет обороны временно подчинил военную комендатуру Сухумского гарнизона Управлению военной полиции[2]. 13 мая Совет обороны принял решение «О ходе мобилизации и призыва резервистов и призывников в Гальском районе»[3]. В нем, в частности, предусматривалось: обеспечение неукоснительного выполнения мобилизационных заданий; принятие мер, исключающих случаи уклонения от мобилизации призывников и резервистов; ужесточение ответственности за уклонения от мобилизации; усиление работы СМИ по пропаганде всеобщей воинской обязанности резервистов и призывников в военное время и т. д. Тогда же были «мобилизованы люди в Гульрипшском р-не, в Очамчирском р-не, созданы Гагрский и Гудаутский батальоны, мы им дали оружие»[4].

13 мая Т. Надарейшвили сообщил: «Мы приняли постановление о том, чтобы в городе началось патрулирование не только пешими, но и техникой… Мы увеличили штаты, если раньше комендатура насчитывала 40-50 человек, сегодня имеет 700 вооруженных автоматическим оружием людей, которые могут установить порядок»[5]. Все это делалось, по словам Т. Надарейшвили, с целью «принести несчастье им, сепаратистам». Глава оккупантов понимал и излагал свою задачу следующим образом: «Пока здесь нахожусь во главе власти, я эту проблему окончательно сниму, у грузинского народа не будет забот по абхазской проблеме. Но это не означает, что я уничтожу всех абхазов. В Абхазии будут жить только те абхазы, которые нам желают добра, которые хотят нашу Грузию и которые считают, что Грузия является их родиной»[6]. Накануне, 12 мая, в газете «Свободная Грузия» грузинским историком, жившим в Абхазии, З. Папаскири было озвучено следующее: «Определенная часть абхазов, конечно, никогда не согласится жить в Грузин-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 26, 16 мая 1993 г.

[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 28, 16 мая 1993 г.

[3] Отечественная война Абазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 159-171.

[4] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 77.

[5] Там же.

[6] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 163, 164.

ском государстве, они никогда не станут гражданами Грузии и, может быть, также покинут родные места, как это делали их предки во время махаджирства в XIX веке»[1].

22 мая Т. Надарейшвили по «абхазскому» телевидению сообщил: «Мы устроили встречу Б. Пастухова с военным командованием грузинских войск, дислоцированных в Абхазии, и дали ему возможность убедиться, что эти войска на 99% укомплектованы из местного населения, поэтому главный пункт абхазской стороны для нас неприемлем – местное население отсюда никуда не уйдет. Что касается возвращения гудаутской группировки, мы не допустим, чтобы эта клика вновь очутилась здесь, и за стол переговоров с лицами из Гудауты не сядем»[2]. Г. Ломинадзе 25 июня, выступая по грузинскому радио, заявил: «Мы должны оставить ту агитацию, что Абхазия и Ардзинба являются нашими братьями, что мы должны жить все вместе и должны помириться… Необходима борьба, борьбой нужно вырезать ту опухоль, то руководство сепаратистов гудаутской группировки»[3].

В продолжение заместитель прокурора оккупационных властей 5 июня по Сухумскому телевидению объявил, что «каждый гражданин АРА, мужчина от 18 до 50 лет, если он уклоняется от воинской службы, по существующему уголовному законодательству Республики Грузия, по законам военного времени должен быть осужден сроком от 3 до 10 лет лишения свободы»[4]. Это делалось для того, чтобы заставить местное население взять оружие, тем самым «усиливало надежность обороны оккупированной территории; резко уменьшало затраты на содержание армии; представляло дело таким образом, что никакой армии из Абхазии выводить не надо, т. к. она вся состоит из местного населения»[5].

16 июня Советом обороны было принято решение о создании на базе АГУ и Сухумского филиала ТГУ Сухумского Государственного университета им. З. Анчабадзе. О ситуации, сложившейся к тому времени в оккупированной абхазской столице, можно судить и по сообщению

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 335.
[2] Там же. С. 345.
[3] Грузинское радио. 25 июня 1993 г. л. 1.
[4] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 17 июня 1993 г.
[5] Там же.

представителей Сухумского общества Сознания Кришны Маюрадхваджа дас и Амбарамша дас, которые сообщали: «Обстановка очень неопределенная. Те, кто мог уехать, уехали, те, кто может воевать, взяли автомат и воюют, но о населении Сухуми никто не заботится. Солдаты тоже голодают, их тоже никто не кормит. Когда им нечего есть, они грабят население, иногда даже убивают»[1].

30 июня член Совет министров оккупированной части Абхазии Р. Эшба в интервью грузинскому радио говорил: «Это война между группировкой Ардзинба, который хочет во что бы то ни стало отделиться от Грузии и присоединится к России. Это его мнение. Но мы убеждены, что Ардзинба – это не Абхазия и Ардзинба и его окружение еще не абхазский народ»[2]. Сам В. Ардзинба тогда в беседе с журналистом А. Карауловым, имея в виду ситуацию на оккупированных территориях, сказал: «То, что здесь происходит – это обыкновенный фашизм. Если бы Вы прочитали заявления граждан, которые подверглись жестокому террору, у которых изнасиловали детей, чьих родственников расстреляли на их глазах, поняли бы, что здесь происходит. Когда эти факты в полной мере будут обнародованы, мир содрогнется от того ужаса, который творится сегодня здесь у нас, в Абхазии»[3].

2. Блокада Ткуарчала

2. 1. Латская трагедия

С первых дней вторжения грузинских войск в Абхазию г. Ткуарчал оказался в блокаде. В городе не было хлеба, его население остро нуждалось в продовольствии. Положение усугублялось тем, что количество населения увеличилось по причине того, что в Ткуарчал вынуждены были перебраться жители оккупированных и прифронтовых сел Очамчирского района. О ситуации, сложившейся в блокированном городе, свидетельствует очевидец тех событий Л. Черкезия, который

[1] Газ. «Иберия-Спектр», № 81, 8-14 июня 1993 г. С. 4.
[2] Грузинское радио. 30 июня 1993 г. 8. 00. л. 1.
[3] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=106

в своем дневнике писал: «Положение с беженцами катастрофическое. Люди, бросая свои жилища, не могли в тот момент думать о предстоящей зиме и поэтому в дорогу не брали ничего, чтобы можно было идти налегке. Они остались без крова. Нет ни зимней одежды, ни обуви, ни средств к существованию… Каждый килограмм продуктов питания – на строжайшем контроле»[1]. Грузинская авиация регулярно подвергала ракетно-бомбовому удару город. Один из таких авианалетов на Ткуарчал был совершен 17 сентября 1992 г., в тот самый день, когда в Абхазии находилась миссия ООН, а Э. Шеварднадзе прилетел в оккупированный Сухум[2].

Приведу еще одно свидетельство о ситуации в Ткуарчале, изложенное в письме русскоязычного населения города Президенту России Б. Ельцину: «С начала оккупации, с 14 августа, город, в котором мы живем, находится в блокаде. Не поступает мазут для электростанции, нет ни муки, ни других продуктов. Рабочие не получают зарплаты, а пенсионеры – пенсию. Люди уже умирают от голода. Некоторым удается пробираться в близлежащие села, чтобы приобрести что-нибудь из съестного. Но грузинские молодчики отбирают сумки. Унижают, издеваются, оскорбляют. Есть случаи группового изнасилования. Гвардейцы Госсовета, в рядах которых немало преступников, грабят и разрушают дома местных жителей. Награбленное вывозят в Грузию. Жители сел остаются без крова и средств к существованию. Они уходят в лес, в горы, чтобы спасти свою жизнь и жизнь своих детей»[3].

Из Гудауты с большим напряжением сил и средств была налажена доставка в блокадный Ткуарчал гуманитарной помощи по воздуху. Но она была серьезно осложнена из-за того, что тогда воздушное пространство над оккупированной частью Абхазии контролировалось грузинской стороной. В частности, 22 сентября, в 17.30, два боевых вертолета войск Госсовета Грузии атаковали транспортный вертолет российских ВВС с пшеничной мукой, отправленный из Гудауты в голодающий Ткуарчал, вынуждая российских летчиков совершить посадку

[1] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 109.

[2] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002 г. // http://www.abkhaziya.org/books/myalo_lastwar.html

[3] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 115.

в контролируемом грузинскими войсками аэропорту Сухума. В результате подобной акции транспортный вертолет с гуманитарной помощью вынужден был возвратиться[1]. 27 октября в 14 часов грузинский штурмовик Су-25 также атаковал российский вертолет, на борту которого находились медикаменты для Ткуарчала и вынудили его к посадке[2]. В связи с участившимися тогда обстрелами вертолетов российских ВВС, совершающих рейс на Ткуарчал, 6 ноября командующий Восточным фронтом М. Кишмария издал приказ, временно запрещавший вылет беженцев в Гудауту. Вывозить можно было только раненых и нуждавшихся в срочной медицинской помощи[3].

13 декабря радио «Свобода» передало, что Д. Иоселиани в послании к европейским странам выразил уверенность в том, что в ближайшее время грузинские войска смогут уничтожить абхазские силы. И при этом добавил, что может погибнуть множество ни в чем не повинных мирных граждан[4]. 14 декабря министр обороны Грузии Т. Китовани предупредил российское командование в Абхазии о том, что российские самолеты будут уничтожаться за нарушение «грузинского воздушного пространства»[5]. В подтверждение его слов в 17. 30 14 декабря над высокогорным селом Лата ракетой «земля-воздух» был сбит российский вертолет МИ-8, выполнявший гуманитарный рейс из блокадного г. Ткуарчала в Гудауту. В результате этого бесчеловечного акта погибло 86 человека, в том числе несколько беременных женщин. Весть о гибели российского вертолета с абхазскими беженцами была встречена в оккупированном Сухуме ликованием и стрельбой из автоматов[6].

Газета «Бзыбь» тогда писала: «Эта преступная акция совершена как раз в тот момент, когда были намечены переговоры между воюющими сторонами. Однако развитие событий в мирном русле никак не устраивает определенные воинствующие и националистические круги в ру-

---

[1] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002. // http://www.abkhaziya.org/books/myalo_lastwar.html

[2] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 147.

[3] Там же. С. 150.

[4] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. I. Аҟәа, 2005. Ад. 21.

[5] Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002. // http://www.abkhaziya.org/books/myalo_lastwar.html

[6] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 37.

ководстве Грузии, которые любыми путями, в том числе и с помощью таких террористических варварских акций хотят продолжить эту кровавую войну»[1]. В действительности еще 9 декабря представителями абхазской и грузинской сторон было заключено Соглашение о прекращении огня в Абхазии. В продолжение этой договоренности 13 декабря на встрече сторон в Гудауте было достигнуто еще одно соглашение о прекращении огня. Контроль за его соблюдением возлагался на двухсторонние комиссии в составе представителей Грузии и Абхазии[2]. Эти переговоры продолжились 14 декабря[3]. Однако теперь ни о каком перемирии говорить и не приходилось, да и все разговоры о мирном исходе войны после воинственных заявлений Э. Шеварднадзе были ничем иным, как пустым сотрясанием воздуха, а соглашения подписывались по принципу «бумага все стерпит».

15 декабря Верховный Совет Абхазии возложил всю ответственность за содеянное преступление на грузинскую сторону и обратился к главам государств и правительств мира с призывом «осудить фашистский режим и прекратить политическую, финансово-экономическую поддержку Грузии»[4]. 15 декабря на заседании парламента Грузии Э. Шеварднадзе выступил с опровержением причастности грузинских войск к произошедшей трагедии. Однако он заявил, что грузинские войска будут открывать огонь по воздушным целям в случае несоблюдения требований о досмотре вертолетов и самолетов России, следующих с гуманитарной помощью через линию фронта[5]. Однако лидеру Грузии было особо некогда обращать внимание на столь «незначительное происшествие», ибо, по замечанию В. Ряшина, когда дома Абхазии одевались в траур, он «раздаривал приветливые улыбки» на встрече с американским генералом О. Шаликашвили[6]. Зато у Т. Надарейшвили, видимо, со временем дело обстояло получше. Он 15 декабря сделал заведомо ложное заявление о том, что «эта катастрофа произошла в зоне,

---

[1] Бебиа Е. Г. Крик малышей… Киев, 1997. С. 12.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. М., 1993. С. 202, 203.
[3] Там же. С. 209.
[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 274.
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 62, 16 декабря 1992 г.
[6] Бебиа Е. Г. Крик малышей… Киев, 1997. С. 18.

контролируемой абхазскими боевиками, в 26 километрах от позиций грузинских войск». Более того, он цинично объявил, что вертолет с абхазскими беженцами был сбит абхазскими же «боевиками»[1].

Тем временем 15 декабря в связи с гибелью вертолета МИ-8 в Абхазии российским войскам отдан приказ применять самые решительные меры военного характера при нарушении соглашения конфликтующими сторонами, а также при угрозе жизни и здоровью военнослужащих России из состава миротворческих сил, членов их семей и гражданскому населению. Об этом заявил на состоявшемся 16 декабря в Министерстве обороны России брифинге министр обороны России П. Грачев. Он также обратился к руководству всех государств бывшего СССР, на территории которых находились российские войска, с просьбой обеспечить безопасность жизни и здоровья военнослужащих миротворческих сил, членов их семей, а также гражданского населения в районах конфликтов. П. Грачев изложил обстоятельства катастрофы вертолета с точки зрения руководства Министерства обороны России: 14 декабря два вертолета МИ-8Т доставляли гуманитарный груз (медикаменты, продовольствие) из Гудауты в Ткуарчал по плану командования миротворческой группы по урегулированию конфликта между Грузией и Абхазией. На обратном пути из Ткуарчала в Гудауту вертолеты перевозили беженцев. По одному из вертолетов был произведен пуск ракеты класса «земля-воздух» с территории, контролируемой грузинскими воинскими формированиями. Пораженный вертолет упал в 25 км северо-западнее Ткуарчала. Министерство обороны России заявило по факту гибели вертолета и людей решительный протест грузинской стороне[2]. Такая позиция, видимо, не понравилась Э. Шеварднадзе, и в тот же день, 16 декабря, выступая на заседании парламента, заявил, что в сложившейся ситуации необходимо определиться, взвесить все «за» и «против» и поставить, наконец, «точки над і» в отношениях с Россией[3].

Тогда же сотрудник пресс-центра Главного штаба армии Грузии, дислоцированной в Абхазии, С. Маргишвили заявил что «по всей види-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 20, 18 декабря 1992 г.

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 63, 17 декабря 1992 г.

[3] «Независимая газета», № 244… С. 1. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-18-dekabrya-1992-goda

мости, на борту вертолета находилось большое количество оружия и взрывчатых веществ, часть которого осталась невредимой. Место происшествия было заснято на видеопленку, которая в ближайшие дни будет показана по грузинскому телевидению». Вслед за этим пресс-центр Министерства обороны Грузии сообщил, что комиссия грузинских экспертов, которая вместе с представителями российских военных обследовала место падения вертолета, пришла к выводу, что, кроме женщин и детей, на борту вертолета находились до 20 абхазских и северокавказских «боевиков»[1]. Одновременно представитель Министерства обороны Грузии В. Чиковани, вооружившись картой, заявил, что грузинские войска находятся на расстоянии 40 км от села Лата, следовательно, не контролируют тот район, где произошел инцидент с вертолетом[2].

Вскоре даже в Тбилиси поняли неправдоподобность и абсурдность версии уничтожения вертолета абхазами и тогда с подачи самого лидера Грузии стали утверждать, что вертолет упал и сгорел из-за перегрузки. Эту версию также постарался обосновать и заместитель начальника гражданской авиации Грузии И. Бабуадзе, который заявил следующее: «Полет осуществлялся с перегрузкой в 1090 килограммов, а из-за этого, как известно, воздушное судно остается без запаса мощности, что может привести к отказу его двигателей. Версия же поражения вертолета зенитными средствами исключается, т. к. на элементах его конструкции нет проникающих разрушений, идентичных проекции попавших в него снарядов-ракет, отложений распада их горючего, а также следов взрывчатого вещества, сравнимого с тем, что находится в боеголовке»[3].

17 декабря прокуратура Абхазской автономной республики, действовавшая под контролем властей Грузии, распространила в средствах массовой информации Грузии заявление в связи с гибелью названного вертолета. В нем говорилось, что следствием к настоящему времени не было обнаружено доказательств поражения вертолета снарядом. По сведениям прокуратуры, на месте падения вертолета при

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 63, 17 декабря 1992 г.
[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 156.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», №1, 1 января 1993 г.

осмотре было изъято несколько единиц обугленного автоматического оружия, противотанковая граната, обгоревшие остатки бронежилетов, снаряды от гранатометов и другие боеприпасы. Таким образом, бесспорно доказано, – говорилось в заявлении, что на борту вертолета кроме гражданских находились и вооруженные лица, а также оружие и боеприпасы, что противоречит соглашению с командованием российских войск, расположенных на территории Абхазии. Кроме того, экипажем вертолета было нарушено, по мнению прокуратуры, соглашение о полете вертолетов российских вооруженных сил по воздушному коридору вдоль побережья с обязательной посадкой в аэропорту Сухума для досмотра[1]. 17 декабря в своем заявлении грузинский парламент фактически возложил ответственность за трагедию на российские Вооруженные силы[2].

Тем временем еще 16 декабря по российскому телевидению было передано короткое интервью с российским офицером на гудаутском аэродроме, из которого стало известно, что среди обломков вертолета найдено только то оружие, которое входит в боекомплект вертолета, следовательно, вертолет оружия не перевозил, о чем утверждала грузинская сторона[3]. В сбитом вертолете погиб российский экипаж в составе капитана С. Евдокимова, ст. лейтенанта С. Илюхина и лейтенанта В. Маскина. В телеграмме соболезнования В. Ардзинба на имя министра обороны России П. Грачева говорилось, что экипаж не раз проявлял мужество и героизм, выполняя гуманитарные рейсы и спасая мирных жителей, женщин и детей от голодной смерти. В телеграмме особо подчеркивалось, что «подвиг российских офицеров, до последнего дыхания оставшихся верными воинскому долгу, навсегда останется в памяти народа Абхазии и будет служить его сынам образцом благородства и чести»[4]. Руководитель Грузии Э. Шеварднадзе также направил соболезнования семьям погибших «в результате безответственных действий представителей России»[5].

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 64, 18 декабря 1992 г.
[2] Газ. «Иберия-Спектр», № 59, 22–28 декабря 1992 г. С. 6.
[3] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 158.
[4] Бебиа Е. Г. Крик малышей… Киев, 1997. С. 14.
[5] Газ. «Коммерсантъ», № 63, 17 декабря 1992 г.

Министерство иностранных дел России квалифицировало инцидент как «грубую провокацию, последствия которой не могут не повлиять на состояние российско-грузинских отношений». По мнению наблюдателей, ясно, что это была провокация с целью сорвать российско-грузинские переговоры по заключению полномасштабного политического договора, который, в случае его подписания, может привести к сближению двух государств[1]. Пока политики и сторонние аналитики упражнялись в постройке изощренных конструкций, Абхазия была погружена в бездну горя. Вечером 16 декабря останки трупов были доставлены на аэродром Бамборы, а оттуда в Гудаутский госпиталь. 17 и 18 декабря в Абхазии были объявлены траурными днями. 18 декабря в Гудауте состоялся траурный митинг, после которого останки сожженных в вертолете были захоронены в братской могиле в Гудаутском парке. 18 декабря в Ткуарчале состоялся митинг скорби, участники которого приняли обращение к Генеральному секретарю ООН, правительствам России и стран СНГ, ко всей прогрессивной общественности. В документе был сказано: «Ответственность за эту бесчеловечную акцию, направленную против мирного населения, за смерть женщин и детей, целиком и полностью ложится на командование грузинских вооруженных сил, которым хорошо известно, что вертолеты российских ВВС совершают рейсы Гудаута – Ткуарчал только в мирных целях. Но еще большую ответственность должно нести правительство Грузии, его руководитель и духовный наставник Э. Шеварднадзе, политика которого направлена на уничтожение абхазского народа»[2]. Соболезнование в связи с гибелью вертолета и сгоревшими в нем гражданами Абхазии выразило руководство Южной Осетии[3]. Траурный митинг в Нальчике, проходивший 20 декабря 1992 г., посвященный похоронам погибших в Абхазии добровольцев Ф. Бекалдиева, Р. Шаова и З. Дышекова, осудил акт вандализма над селом Лата[4]. Позже Президент Адыгеи А. Джаримов в письме к Б. Ельцину писал: «Руководство и вся общественность Республики Адыгея с большой

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 67, 22 декабря 1992 г.
[2] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 159.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 279.
[4] Газ. «Республика Абхазия», № 181, 27 декабря 1992 г.

тревогой и озабоченностью восприняли сообщение о гибели людей в результате расстрела российского вертолета[1].

С целью скрыть свою причастность к гибели вертолета, тбилисские эмиссары, зная об истинных виновниках его гибели, долгое время не пускали к месту трагедии Комиссию Министерства обороны России во главе с генералом В. Очировым, скрывали «черный ящик», а затем вернули его с порванной магнитофонной лентой. Комиссия по расследованию катастрофы МИ-8 в Абхазии доказала, что вертолет был сбит ракетой с земли. Об этом 20 декабря заявил председатель комиссии генерал В. Очиров. По его словам, обнаруженные в правом двигателе осколки тепловой ракеты являлись доказательством того, что вертолет был сбит. Выступая по грузинскому радио 21 декабря, Э. Шеварднадзе красноречиво отметил, что главная причина катастрофы в том, что «появление военного вертолета в воздушном пространстве независимого государства без разрешения соответствующих органов является грубым нарушением элементарных норм международного права». В заявлении Шеварднадзе было сказано: «Если некоторые круги в России хорошо уяснят роль Грузии в Кавказском регионе, то Россия должна предпринять шаги для того, чтобы отношения с Грузией были такие, какие бывают между двумя добрососедскими странами»[2].

Все эти заявления грузинской стороны были явной спекуляцией с целью отвести от себя ответственность за злодеяние. 24 декабря в газете «Республика Абхазия» было опубликовано интервью председателя комиссии Министерства обороны России генерала В. Очирова, в котором он сообщил следующее: «Спустя трое суток грузинская сторона представила нам регистратор параметров полета вертолета и магнитофонную ленту, которые были найдены нашими людьми, но оказались впоследствии у грузинской стороны. Сразу хочу сказать, что регистратор параметров оказался без информации по причине того, что он был в области высоких температур, когда вертолет горел на земле. Магнитофонная лента также оказалась без информации, ибо была порвана. Представлена она была грузинской стороной, и мы не знаем, по какой причине оттуда исчезла информация. Хотя записи предыдущих раз-

[1] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 268.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 67, 22 декабря 1992 г.

говоров сохранились»[1]. В. Очиров по поводу измышлений грузинской стороны о перегрузке и оружии на борту вертолета, недвусмысленно заметил: «Работавшие совместно с нами грузинские эксперты[2] убедились, что падение произошло не из-за перегрузки. Был составлен протокол о том, что в правом двигателе были найдены детали и фрагменты постороннего предмета, предположительно ПЗРК». Кроме того, «было найдено три автомата, три пистолета и 8 гранат без запала»[3]. В. Очиров категорично подчеркнул: «Мы однозначно заявляем, что вертолет российских ВВС МИ-8, на борту которого находились беженцы из Ткуарчала, был сбит»[4].

В тот же день, 24 декабря, в штабе авиации сухопутных войск сообщили, что российская военная комиссия, занимавшаяся расследованием гибели вертолета, подчеркивает, что ее выводы подтверждаются записью переговоров руководителя полетов на аэродроме Гудаута с экипажем вертолета, характером разрушений правого двигателя и наличия в нем инородных предметов. Действительно, на борту вертолета людей было больше, чем посадочных мест. Однако аварийная ситуация, вызванная перегрузкой, может возникнуть исключительно на режимах взлета или посадки. 14 декабря вертолет нормально взлетел, набрал высоту 1800 м и выполнял полет более 10 мин. Расчеты, выполненные специалистами, доказывают, что с учетом веса всех пассажиров и остатков топлива (около 900 кг), имевшегося на борту, этот вертолет мог бы взять при необходимости еще до 1 т груза на внешней подвеске. Поэтому, по мнению военной комиссии РФ, версия с перегрузом исключается полностью. Как отмечают военные специалисты, для решения вопроса, почему на борту было столько людей, «нужно знать ситуацию в осажденном городе, когда толпы беженцев окружают вертолет, причем в большинстве своем это женщины и дети. Для них этот вертолет, может быть, являлся последней надеждой на спасение», – отмечают члены комиссии. По оценкам российской военной комис-

[1] Бебиа Е. Г. Крик малышей… Киев, 1997. С. 20.

[2] Абхазских представителей к месту падения вертолета не допустили по требованию грузинской стороны.

[3] Бебиа Е. Г. Крик малышей… Киев, 1997. С. 20-21.

[4] Там же. С. 20.

сии, на 12 минуте сработала аппаратура речевой информации: «Пожар в отсеке левого двигателя, пожар в отсеке правого двигателя и пожар в отсеке главного редуктора». Нарушение сразу по трем параметрам могло вызвать лишь постороннее вмешательство в работу агрегатов. Кроме того, пилот самолета сопровождения СУ-25 письменно подтвердил, что видел пуск ракеты со склона горы. Российская комиссия обладает также стенограммой радиообмена, происходившего в этой зоне, из которой следует, что пилот самолета сопровождения действительно наблюдал пуск ракеты и падение вертолета, о чем доложил руководителю полетов. Российской комиссией на месте происшествия удалось найти осколки тепловой ракеты, выпущенной по вертолету[1].

На следующий день, 25 декабря, командующий авиацией Сухопутных войск России, генерал-лейтенант В. Павлов на заседании сессии Верховного Совета РФ представил следующую информацию: «В 3 часа ночи 15 декабря эта группа (МО РФ) прибыла на место и приступила к эвакуационным работам. На месте падения находилось грузинское формирование, которое стало оказывать помощь в сборе трупов, но в процессе этой работы грузинский отряд занялся мародерством, забирая вещи, деньги и ювелирные изделия. Командир взвода ВДВ начал вести киносъемку, но грузины пленку изъяли и засветили. Кроме этого, они не разрешили вывезти средства эффективного контроля»[2]. В тот же день, 25 декабря, ВС РФ констатировал, что гибель вертолета способствовала обострению обстановки в Абхазии и рекомендовал Президенту поручить министру обороны «принимать в случае повторения атаки на гуманитарный транспорт адекватные ответные действия по отношению к террористическим группам и их базам»[3]. А заместитель министра иностранных дел России Б. Пастухов назвал случившееся «варварским, пиратским актом, который готовился и был намеренно совершен против экипажа российского вертолета»[4]. Видимо, в споре вокруг гибели российского вертолета немалую роль играла инерция очередного витка осложнения российско-грузинских отношений. Этому предшество-

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 70, 25 декабря 1992 г.
[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 486.
[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 288, 289.
[4] Лакербай Ю. Торг на крови // Дорогой Леона. Сухум, 2003. С. 58.

вали, в частности, обвинения Э. Шеварднадзе во вмешательстве России во внутренние дела Грузии, неудачное завершение второго раунда переговоров между представителями сторон и решение 17 декабря грузинского Парламента о выводе российских войск из Грузии. Тогда же, 25 декабря, в Обращении к русскому населению Грузии Э. Шеварднадзе обвинил представителей российских властей в «использовании гибели вертолета для развязывания антигрузинской кампании»[1].

15 декабря, на второй день после гибели вертолета, Верховный Совета Абхазии в Обращении к Генеральному секретарю ООН Б. Гали выразил недоумение в связи с тем, что «ООН продолжает хранить молчание по поводу бесчеловечной политики, проводимой правящими кругами Грузии». Абхазский Парламент заявил, что такая позиция ООН «лишь поощряет агрессора, порождает в нем чувства вседозволенности и безнаказанности» и призвал СБ рассмотреть «вопрос о нецелесообразности пребывания Республики Грузия в составе ООН»[2]. Но мир в целом остался глух к этим просьбам и вообще к данному акту вандализма и преступления против человечности. Газета «Правда» тогда констатировала: «Мир, казалось, должен взорваться от гнева: сбит российский вертолет, вывозивший исстрадавшихся людей из блокированного грузинскими войсками абхазского города Ткварчели, где уже зарегистрированы случаи голодной смерти. Но блюстители мирового порядка, приводившие в движение войска при исчезновении где-нибудь в Ливии повара посольства, стараются не замечать трагедии»[3]. Однако, видимо, совсем не заметить этой трагедии было невозможно, и международное сообщество с большим опозданием, но все же отреагировало на произошедшую трагедию. Но реакция была, мягко говоря, довольно странной. 28 января 1993 г. в докладе Генерального секретаря ООН «О положении в Абхазии, Республика Грузия» было сказано: «Особенно серьезный инцидент имел место 14 декабря 1992 года. Над абхазской территорией потерпел крушение российский вертолет, в результате чего погибло примерно 50 человек, в основном женщины и дети. Причины, повлекшие за собой этот инцидент, по-прежнему оста-

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», №1, 1 января 1993 г.
[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 277.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 180, 24 декабря 1992 г.

ются невыясненными»[1]. Таким образом, очевидные обстоятельства гибели вертолета с самой высокой трибуны были объявлены «невыясненными». Позже В. Ардзинба подверг критике доклад, в котором «практически отражена лишь позиция Грузии» и «содержится ряд абсолютно не достоверных фактов, в частности, связанных с уничтожением вертолета, в котором летели абхазские женщины и дети»[2]. Видимо, такую поддержку Запада и ООН имел в виду Э. Шеварднадзе, когда неустанно повторял, что «мир нам верит и поддерживает нас».

После войны на одном из грузинских сайтов были размещены воспоминания о войне. Их автор сообщает весьма любопытные сведения по интересующей нас проблеме: «После того, как наши рядом с Ткварчели сбили вертолет с командующим спецназа Абхазии, ситуация обострилась до предела, т.к. оказалось, что в этом вертолете летели беженцы, в том числе женщины и дети… Надо признать, наше командование не имело представления, что в вертолете находятся дети, у них была информация только об Анцупове[3], и они дали приказ об уничтожении вертолета с этим бандитом… Во время войны мы вообще не имели информации об этой трагедии, мы знали только, что был сбит вертолет с боевиками, а абхазы пытаются представить их как беженцев»[4]. Все это косвенно подтверждает версию о том, что грузинские войска неслучайно сбили именно этот вертолет, а информация о том, кто является его пассажирами, также ими была получена заблаговременно. Т. Китовани, даже уже будучи «не у дел», в 2002 г. продолжал утверждать: «Никто в него не стрелял, он был перегружен и упал» [5].

[1] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 39.

[2] Газ. «Республика Абхазия», №14, 4 марта 1993 г.

3 Анцупов Владимир Владимирович (22.XI.1947 – 14.XII.1992) – кандидат исторических наук, ст. преп. кафедры истории СССР АГУ. Он стоял у истоков создания ОПВВ, принимал активное участие в его формировании, обучении новобранцев и резервистов, готовил спецподразделение «Катран». По одной из версий, вертолет с Анцуповым был сбит по прямому указанию Г. Ломинадзе, со стороны которого это было актом личной мести. В. Анцупов – активный участник и один из руководителей операции по выдворению Г. Ломинадзе из кабинета министра внутренних дел Абхазии 24 июня 1992 г. После вторжения грузинских войск В. Анцупов – один из организаторов Абхазского сопротивления на Восточном фронте. В 1993 г. ему было посмертно присвоено звание Героя Абхазии.

[4] http://cyxymu.livejournal.com/16011.html

[5] Китовани Т. К. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

В. Ардзинба в беседе с журналистом А. Карауловым в начале июня 1993 г. с негодованием отмечал: «Вы вспомните, когда мы с большим трудом вывозили оттуда беженцев, был сбит российский вертолет и погибло 62 человека[1], в основном женщины и дети. Тогда как, скажем, о судьбе корейского Боинга[2] до сегодняшнего дня продолжаются публикации, а о судьбе этого вертолета пытаются помалкивать. Практически не велось расследование того, как все это было произведено, хотя доказано абсолютно точно, что этот вертолет был сбит, сбит ракетой и погибли женщины и дети»[3].

В результате этой варварской акции заживо сгорело 86 человек, в том числе более 30 детей. Латская трагедия останется вопиющим проявлением преступления против человечности, которое должно было неминуемо привести к международной ответственности его совершивших.

2. 2. Сбитый вертолет над Сакеном и отставка З. Лабахуа

18 января из Теберды по заявке Карачаево-Черкесского республиканского Комитета Красного Креста в Ткуарчал с грузом муки (50 мешков) вылетел вертолет, принадлежащий Краснодарскому научно-производственному объединению по применению авиации в народном хозяйстве (НПО ПАНХ). Он был зафрахтован Международным Красным Крестом и имел соответствующие обозначения. На борту вертолета на-

[1] В то время обладали неуточненными данными.

[2] 1 сентября 1983 г. самолет «Боинг-747» южнокорейской авиакомпании нарушил воздушное пространство СССР, после чего был сбит истребителем Су-15. Лайнер упал в море около острова Сахалин. Погибли 269 человек. Международная организация гражданской авиации (ИКАО) провела два расследования: одно непосредственно после катастрофы и другое спустя восемь лет — после того как по указанию Президента России в начале 1993 г. в ИКАО были переданы копии всех записей «чёрных ящиков» и копии всех переговоров между командными пунктами на Дальнем Востоке в ночь с 31 августа на 1 сентября. Вторая комиссия пришла к выводу, что наиболее вероятной причиной отклонения от маршрута полёта было то, что пилоты KAL007 неправильно настроили автопилот и затем не выполняли надлежащих проверок для уточнения текущих координат. То есть нарушение воздушного пространства СССР было неумышленным.

[3] http://www.ardzinba.com/politics.php?ELEMENT_ID=106

ходились заместитель Председателя Совета Министров Абхазии З. Лабахуа, съемочная группа Абхазского телевидения: режиссер А. Гамгия, корреспондент С. Сакания, оператор А. Акаба, а также журналист Харьков-пресс В. Персианов. Над с. Сакен Гульрипшского района вертолет был обстрелян тепловой ракетой, но ему удалось совершить аварийную посадку и сообщить по рации о происшествии. На помощь пострадавшим вылетел поисково-спасательный вертолет. Однако ему не дали возможности оказать помощи пострадавшим пассажирам и членам экипажа. Спасательный вертолет был обстрелян грузинскими военнослужащими[1]. Экипаж из трех человек был арестован, против него было возбуждено уголовное дело за нарушение воздушного пространства Грузии. Посол Российской Федерации в Грузии В. Земский вручил министру иностранных дел Грузии А. Чикваидзе ноту протеста МИД России по поводу задержания российского экипажа. Телеграммы Э. Шеварднадзе тогда отправили руководители Краснодарского краевого Совета и администрации А. Ждановский и Н. Егоров[2].

В своих заявлениях Президиум Верховного Совета Абхазии 19 и 20 января выразил решительный протест в связи с нападением на вертолет, перевозивший гуманитарную помощь голодающему населению блокадного Ткуарчала, назвав произошедшее «очередным пиратским актом» и потребовал «незамедлительного освобождения взятых в заложники пассажиров и членов экипажа» пострадавшего вертолета, а также захваченного гуманитарного груза[3]. Однако руководитель пресс-службы посольства Грузии в Москве М. Рондели тогда заявила, что никаких сообщений об официальной реакции грузинского руководства на названные заявления Президиума Верховного Совета Абхазии не поступало[4].

26 января В. Ардзинба выступил с очередным заявлением, в котором потребовал «незамедлительного освобождения заместителя

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 5, 21 января 1993 г.

[2] «Российская газета», № 259… С. 1 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-28-yanvarya-1993-goda-0

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 5, 21 января 1993 г.

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 9, 21 января 1993 г.

Председателя Совета Министров РА Лабахуа З. А., тележурналистов А. Гамгия, А. Акаба, С. Сакания и других пассажиров, а также экипажа пострадавшего российского вертолета»[1]. 27 января руководитель пресс-центра представительства Абхазии в Москве Т. Гулиа выразила удивление тем, что российское руководство весьма вяло отреагировало на захват грузинской стороной российского вертолета и его пилотов. Тогда же руководитель пресс-центра парламента Грузии Р. Челидзе сообщил, что в ближайшее время российские летчики и абхазские журналисты будут освобождены. Он подчеркнул, что их задержание никак нельзя расценивать как захват заложников, заявив, что «они были задержаны только для взятия объяснений». Он также сообщил, что З. Лабахуа был задержан, так как у него был найден план весеннего наступления абхазов из Ткуарчала, и поэтому ожидать его скорого освобождения не приходится[2]. Зампредседателя Совмина Абхазии был эпатирован в Тбилиси, в связи с чем Президиум Верховного Совета Абхазии выступил с протестом. 2 февраля абхазская сторона также заявила, что она готова пойти для освобождения журналистов, российского экипажа, З. Лабахуа и других заложников на выполнение выдвинутых грузинской стороной условий[3].

После многочисленных требований, искусственных проволочек и ссылок грузинского военного командования на неконтролируемые действия одного их своих подразделений руководству Абхазии удалось добиться освобождения заложников, за исключением З. Лабахуа. Первым из отпущенных пассажиров оказался журналист В. Персиянов, который сразу после этого сообщил, что вертолет вез мирный груз – мешки с мукой[4]. Судьба экипажа оставалась неизвестной 16 суток. Однако 4 февраля российский капитан Н. Никульников добился его освобождения под залог, а 8 февраля командир экипажа А. Мельник, второй пилот В. Куценко и бортмеханик С. Соколов смогли покинуть зону боевых действий[5]. 5 февраля в Очамчирском районе состоялся обмен

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 7, 28 января 1993 г.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 14, 28 января 1993 г.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 9, 4 февраля 1993 г.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 14, 28 января 1993 г.
[5] «Российская газета», № 30… С. 1, 2 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-13-fevralya-1993-goda

заложниками. Среди освобожденных с абхазской стороны были абхазские тележурналисты А. Гамгия, А. Акаба, С. Сакания и пять пассажиров[1].

О том, «как это было», рассказали 12 февраля на пресс-конференции в Гудауте после своего возвращения абхазские тележурналисты А. Гамгия, А. Акаба и С. Сакания: После того как экипажу удалось посадить вертолет, он был моментально окружен сванами, вооруженными автоматами... З. Лабахуа напомнил задержавшим о помощи, которую он оказывал, работая в правительстве Грузии, сванскому населению, пострадавшему от землетрясения. Но допрашивающий, услышав фамилию Лабахуа, пришел в ярость и воткнул ему в нос остро заточенный карандаш так, что брызнула кровь. Остальных избивали с первой минуты пленения. Как выяснилось позже, они попали под «горячую руку»: накануне был бой, и у многих сванов погибли их близкие… На следующий день задержанных отвезли в Мерхеул и заперли в бомбоубежище на подстанции. Допросы чередовались побоями. Пленников склоняли на свою сторону. Предлагали вступить в «Комитет спасения Абхазии» и работу на сухумском телевидении. Неоднозначно отнеслись к ним и грузинские журналисты. Бывший сотрудник газеты «Советская Абхазия» А. Берулава заявил: «Вы находитесь на территории, контролируемой вашим противником, и поэтому статус неприкосновенности журналиста на вас не распространяется». Более порядочно повел себя собственный корреспондент газеты «Свободная Грузия» Т. Пачкория. Он принес хлеб, проявлял беспокойство о судьбе пленных. У него из-за этого возникали даже неприятности с начальством[2].

Заместителя Председателя Совета Министров Абхазии З. Лабахуа, как и обещали грузинские власти, не освободили, а переправили в Тбилиси. Там он, по сообщениям СМИ, «отверг свою принадлежность к абхазской сепаратистской верхушке»[3]. Затем состоялась его встреча с главой Грузии Э. Шеварднадзе, и вскоре З. Лабахуа был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде[4]. В газете «Свободная Грузия» от 10 февраля 1993 г. было опубликовано интервью З. Лабахуа, в котором

[1] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 182.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 12, 14 февраля 1993 г.
[3] «Независимая газета», № 17, 29 января 1993 г. С. 3.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 245.

он, в частности, выразил недовольство В. Ардзинба – в связи с тем, что не было сделано ни одного политического заявления в адрес грузинского руководства по поводу его задержания[1]. Вслед за этим в газете, издававшейся оккупационными властями Абхазии, зам. предсовмина Абхазии опубликовал статью под названием: «Лучше было бы, если абхазы и грузины сами разобрались в своих проблемах»[2]. В нем он опять выражал неудовлетворенность действиями абхазских властей и лично В. Ардзинба, предпринимаемых для его освобождения[3].

Время и место опубликования данных статей свидетельствуют о том, что они были написаны под давлением. Судя по всему, именно так названные публикации были восприняты самим руководством Абхазии. Это подтверждает и Заявление Президиума ВС РА от 2 марта, в котором обращалось внимание руководства Грузии «на критическое состояние здоровья З. Лабахуа и во избежание непоправимых последствий» требовал его незамедлительного освобождения[4]. 3 марта В. Ардзинба, «по поручению» ВС РА, вновь потребовал «незамедлительного освобождения» находящегося «под домашним арестом» З. Лабахуа[5]. Тем временем сам З. Лабахуа вскоре после возвращения из грузинского плена подал заявление об его освобождении от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров, члена ГКО и полномочного представителя ВС Абхазии по Ткуарчалу, Очамчирскому и Гальскому районам. Кроме того, в своем заявлении З. Лабахуа обратился к руководству России и Абхазии с просьбой поручить ему «выполнение под руководством правительства внешнеэкономических и других функций в городе Москве, России в целом и других стран СНГ». При этом в названном документе четко просматривалось стремление его автора отмежеваться от политического курса руководства Абхазии. Это заявление он прислал из Москвы, куда он уехал сразу после освобождения из грузинского плена. Абхазское руководство отнеслось к этому предложению с настороженностью: было не совсем понятно, почему Лабахуа избрал названную

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 245.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 9, 26 февраля 1993 г.
[3] Там же.
[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 316, 317.
[5] Газ. «Республика Абхазия», № 15, 11 марта 1993 г.

форму общения с правительством, одним из руководителей которого сам тогда еще являлся?! 19 апреля Президиум Верховного Совета Абхазии на специальном заседании удовлетворил прошение об освобождении З. Лабахуа от обязанностей заместителя председателя Совета министров Республики Абхазия, члена Государственного комитета обороны и полномочного представителя Республики Абхазия по городу Ткуарчал, Очамчирскому и Гальскому районам. В Постановлении Президиума ВС Абхазии отмечалось: «Суждения, изложенные в заявлении З. Лабахуа, свидетельствуют о его стремлении фактически отмежеваться от политического курса руководства Абхазии... З. А. Лабахуа фактически отказывается от выполнения обязанностей заместителя Председателя Совета Министров Абхазии, от выполнения данных ему поручений в соответствии с условиями военного времени»[1].

Этот вопрос также обсуждался 28 апреля на заседании объединенного президиума НФА «Аидгылара» г. Ткуарчала и Очамчирского района. Участники названного совещания приняли следующее заявление: «Население Абжуйского региона с радостью встретило сообщение об освобождении З. Лабахуа из грузинского плена. И в то же время оно обеспокоено тем, что написанное им заявление является результатом оказанного на него давления со стороны определенных кругов и отдельных личностей. Абжуйцы выражают надежду, что З. Лабахуа не падает духом и вернется к людям, с которыми встречался накануне пленения, и будет с ними до победы в этой священной войне. Придет время, и он найдет в себе силы, чтобы сказать истинную правду, побудившую его сделать этот шаг»[2]. Судя по этому тексту, сложно понять, кого участники названного совещания имели в виду под «определенными кругами» и «отдельными личностями», оказавших давление на З. Лабахуа. Позже сам он объяснял свою позицию следующим образом: «Я подал в отставку в результате накопившихся у меня разногласий с председателем ВС Абхазии как до войны, так и во время войны. Ушел, высказав при этом свою позицию об урегулировании грузино-абхазского конфликта на мирной основе»[3].

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 21, 22 апреля 1993 г.
[2] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 211-212.
[3] «Независимая газета», № 150, 11 августа 1993 г. С. 3.

А. Абрегов уже после войны, видимо, имея в виду названную публикацию в том числе, писал: «Между тем, в Москве и Тбилиси время от времени появлялись публикации, подписанные его соплеменниками – этническими абхазами, в которых В. Ардзинба вменяли то, что он якобы способствовал втягиванию Абхазии в войну, что необходимо и можно было найти возможности для диалога с грузинским руководством»[1]. 4 мая на заседании грузинского парламента Т. Китовани, которому оставалось пробыть на посту министра обороны менее двух суток, заявил: «Мы должны знать, что с абхазской стороны есть два пути решения: 1) Лабахуавский – мирный путь и 2) Ардзинбовский – агрессивный путь»[2].

2 августа на фоне начавшегося миротворческого процесса после заключения Сочинского соглашения инициативная группа «Феникс», основанная З. Лабахуа, обратилась к А. Козыреву, С. Шойгу, В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе. В послании предлагалось: «Безотлагательно созвать совещание по абхазскому вопросу под эгидой ООН с участием Абхазии, Грузии, России, республик Северного Кавказа, Турции, Всемирной Черкесской ассоциации и исполкома Всемирного абхазо-абазинского народа». Это было предусмотрено на случай, если Сочинское соглашение не удастся реализовать. При этом З. Лабахуа считал, что «этот наиважнейший документ, на мой взгляд, должны были подписать первые лица», так как «слишком уж велика политическая ставка, а значит, и политическая ответственность». По его словам, планы группы «Феникс» получили одобрение и поддержку при обсуждении их в МИДе и ГКЧС России, и он был уверен, что надут понимание и взаимодействие у руководителей Абхазии и Грузии[3]. З. Лабахуа тогда заявил, что ни в коем случае не собирается уходить из политики, ибо считает «себя в силу сложившихся обстоятельств теперь уже относительно независимым политиком»[4]. Однако, несмотря на столь прозрачный намек на готовность к действию, в дальнейшем ни группа «Феникс», ни сам З. Лабахуа,

[1] Абрегов А. А. Феномен Владислава Ардзинба // Эпоха Ардзинба. Стамбул, 2009. С. 91.
[2] Газ. «За наше Отечество», № 2, 14 мая 1993 г.
[3] «Независимая газета», № 150, 11 августа 1993 г. С. 3.
[4] Там же.

не были замечены при изложении ими своих позиций по тем или иным происходящим в Абхазии и вокруг нее процессам.

2. 3. Гуманитарные акции по оказанию помощи населению Ткуарчала

Первый вертолет с гуманитарной помощью приземлился в Ткуарчале 21 сентября 1992 года. С тех пор до 21 января 1993 г. в блокадный город было доставлено: муки 142,315 кг, кукурузы – 12, 960 кг, кур – 361 шт., «Малютки» – 100 шт., тушенки – 2,629, риса – 9,800 кг, мяса – 2,529 кг, рисовой каши – 8146 пакетов, сухого молока – 540 кг, кукурузной муки – 3, 000 кг, сахара – 11,000 кг[1] и т. д.

9 января 1993 г. первый вице-премьер правительства России подписал распоряжение об оказании гуманитарной помощи населению г. Ткуарчала. 20 января в Сочи начала работу оперативная Группа в составе опытных спасателей, медиков, представителей Министерства иностранных дел, Министерства транспорта, миграционной службы, других министерств и ведомств России[2]. Доставка гуманитарной акции могла начаться в тот же день, но из-за отсутствия гарантий безопасности движению вертолетов она откладывалась. Нота МИДа Грузии с согласием на осуществление полетов российских транспортных вертолетов с грузом гуманитарной помощи и гарантией их безопасности была получена только 22 января. Однако в документе грузинского МИДа содержались три условия: первое – все должно быть согласовано с сухумскими властями; вертолеты по пути в Ткуарчал и обратно должны были садиться в Сухуме для досмотра пассажиров и груза; третье – прикрытие российских вертолетов должна была обеспечивать военная авиация Грузии.

Для обсуждения проблем, связанных с реализацией плана по оказанию гуманитарной помощи, 23-24 января в Сухуме находились члены Государственного комитета России по чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. В Сухуме они встретились с Т. Надарейшвили и командиром дислоцированного в Абхазии второго армейского корпуса Вооруженных сил Грузии П. Датуашвили. По ини-

[1] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 167.
[2] Газ. «Коммерсантъ», № 8, 20 января 1993 г.

циативе грузинской стороны в протоколе встречи было записано: при погрузке гуманитарной помощи в российские вертолеты в адлерском аэропорту, при досмотре грузов и пассажиров в сухумском аэропорту, при разгрузке гуманитарных грузов и посадке эвакуируемого населения в Ткуарчале будут присутствовать по 2 представителя грузинской стороны. Перевозимый груз должен состоять только из продовольствия и медикаментов. При эвакуации населения из Ткуарчала должен был соблюдаться принцип строгой национальной пропорциональности лиц, вывозимых оттуда, а именно: треть вывозимых людей составят абхазы, треть – грузины и треть – представители русскоязычного населения. Эвакуации подлежат дети, женщины, старики и тяжелобольные, желающие эвакуироваться. В случае нарушения воздушного пространства российскими вертолетами и проведения ими несанкционированных полетов грузинская сторона примет соответствующие меры и рассмотрит вопрос о прекращении этой акции. В случае возникновения спорных вопросов стороны обязуются решать их путем немедленных переговоров[1]. Т. е. согласно этому соглашению раненых из Ткуарчала вывозить было нельзя.

Тем временем запланированный на десять часов утра 25 января первый рейс с гуманитарным грузом был задержан из-за проливного дождя и шквального ветра[2]. 26 января российские вертолеты благополучно доставили гуманитарный груз в Ткуарчал. Однако жители блокированного города отказались принимать гуманитарный груз, пока не будут освобождены заложники[3]. Руководитель пресс-центра представительства Абхазии в Москве Т. Гулиа тогда сообщила, что решение отказаться от российской гуманитарной помощи в знак протеста против задержания заместителя председателя Совмина Абхазии З. Лабахуа, трех абхазских журналистов и пилотов российского вертолета руководство Абхазии не принимало. Она подтвердила, что это решение было принято на митинге в Ткуарчале[4]. Позже сами заложники – А. Гамгия, А. Акаба,

[1] «Независимая газета», № 14… С. 3. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-26-yanvarya-1993-goda

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 12, 26 января 1993 г.

[3] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 171.

[4] Газ. «Коммерсантъ», № 14, 28 января 1993 г.

С. Сакания, уже оказавшись на свободе, заявили, что названная акция жителей Ткуарчала сыграла «решающую роль» в освобождении пленников, и выразили благодарность ее участникам[1].

30 января в ходе многократных консультаций было достигнуто трехстороннее соглашение между представителями российской, абхазской и грузинской сторон о возобновлении доставки гуманитарной помощи Ткуарчалу. В этот же день на двух вертолетах туда были доставлены 3 тонны гуманитарного груза, а также 12 спасателей для подготовки эвакуации беженцев. Как сообщает Л. Черкезия, в этот день в Ткуарчал поступило 40 мешков пшеничной муки и 20 мешков кукурузной крупы, которые были направлены в столовые Акармары и Куазана для остро нуждающихся[2]. 31 января пятью вертолетами по воздушному мосту в осажденный абхазский город было переброшено еще 10 тонн продовольствия. На обратном пути было эвакуировано 146 женщин, стариков и детей. Среди них 92 абхаза, 8 грузин, 39 русских, 3 осетина и 4 армянина. Однако грузинская сторона 1 февраля запретила полет российских вертолетов, обвинив Россию в грубом нарушении соглашения, так как в договоре намечалось эвакуировать равными долями грузин, русских и абхазов. Первый заместитель председателя Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям России Ю. Воробьев заявил, что этот пункт договора оказался трудновыполнимым, так как подавляющее большинство населения Ткуарчала составляют абхазы и русские, а грузин не более 5%[3].

Тем временем, на заседании грузинского Парламента 2 февраля командующий грузинскими Вооруженными силами А. Камкамидзе заявил, что если он получит приказ, то вверенные ему войска обладают достаточными силами, чтобы взять Ткуарчал[4]. Это, конечно, не могло не осложнить ситуации вокруг гуманитарной акции, однако в тот же день, 2 февраля, грузинские власти все же разрешили вылет из Сочи в Ткуарчал российским вертолетам, но только для доставки гуманитарной помощи, обратно вертолеты должны лететь пустыми. 2 февраля в Сочи на пере-

[1] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 183.
[2] Там же. С. 176.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 17, 2 февраля 1993 г.
[4] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 226.

говорах по проблеме возобновления доставки гуманитарной помощи в блокированный город российская и абхазская делегации потребовали от грузинской стороны, чтобы на переговоры был прислан человек, наделенный полномочиями принимать решения. Как сообщила пресс-секретарь ГКЧС России М. Рыклина, члены грузинской делегации лишь принимали к сведению заявления и предложения делегаций России и Абхазии. Затем в течение многих часов они созванивались с Сухумом и Тбилиси, чтобы определить позицию Грузии по тем или иным вопросам[1].

После резких заявлений российской стороны на переговорах полномочных представителей в Адлере грузинская сторона дала согласие на эвакуацию беженцев из блокированного города Ткуарчал. 3 февраля утром пять вертолетов с грузом гуманитарной помощи вылетели в блокадный город. Согласно договоренности, на обратном пути из Ткуарчала предусматривалось эвакуировать всех русскоязычных жителей, а также тяжелобольных и женщин с грудными детьми независимо от национальности. Кроме того, стороны договорились, что будут эвакуированы все лица грузинской национальности, пожелавшие выехать из Ткуарчала. 3 февраля в блокированный город вылетели по одному представителю России, Грузии и Абхазии для изучения обстановки, уточнения механизмов распределения помощи и эвакуации населения[2]. 4 февраля глава Администрации Ткуарчала Р. Ласуриа встретился с представителями ООН и ЮНИСЭФ. Делегацию сопровождал и участвовал в беседе заместитель Председателя ВС Абхазии С. Джинджолия. Представители ООН прибыли тогда в Ткуарчал с целью ознакомления с положением дел в блокированном городе для определения необходимой потребности в гуманитарной помощи[3]. Тем временем Верховный Совет России выделил 100 миллионов рублей на помощь беженцам из Абхазии, временно нашедшим приют в Сочи[4].

6 февраля грузинская сторона в очередной раз заявила о том, что снимает с себя ответственность за безопасность вертолетов на подкон-

---

[1] Газ. «Коммерсантъ», № 18, 3 февраля 1993 г.

[2] Газ. «Коммерсантъ», № 19, 4 февраля 1993 г.

[3] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 179-180.

[4] Газ. «Известия», № 20… С. 1 // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-fevralya-1993-goda

трольной ей территории. Поздно вечером 6 февраля и 7 февраля утром состоялись телефонные контакты между представителями ООН, грузинской и российской сторон. Затем было сообщено, что акция возобновится с 8 февраля[1]. 9 февраля в Сочи состоялась пресс-конференция по итогам первого этапа гуманитарной акции. На ней было сообщено, что в Ткуарчал было доставлено 134 тонны гуманитарных грузов, и 10 февраля планировалось доставить еще 10 тонн. Из Ткуарчала было вывезено 1665 женщин, детей, стариков. Из них – 215 грузин, 851 абхазов, 353 русских. Представитель ООН П. Карстрем при этом заявил, что «и абхазская, и грузинская стороны использовали гуманитарную акцию в Ткуарчале в своих политических интересах»[2].

Причем грузинская сторона ставила вопрос о том, что второй этап гуманитарной акции в Ткуарчале будет возможным при условии проведения адекватной акции по вывозу грузинского населения из зоны г. Гагры и Гудаутского района, а абхазская сторона говорила о необходимости эвакуации абхазов из Сухума. Т. Надарейшвили заявил о решении грузинских властей не подписывать протокол по началу второго этапа доставки гуманитарной помощи в блокированный Ткуарчал[3]. В начале марта доставка гуманитарной помощи в Ткуарчал по требованию грузинской стороны в очередной раз была прекращена. Она поставила новое условие: эвакуировать из Гагры и Гудауты по 300 человек грузинской национальности, а абхазской стороне – 300 абхазов из Сухума. В результате переговоры по продолжению акции зашли в тупик[4].

12 марта В. Ардзинба обратился к населению Очамчирского района и г. Ткуарчал, в котором, в частности, отмечалось: «Агрессоры не учли главного – силу духа нашего народа, его стойкость и мужество. Кровопролитные бои, идущие по всему Очамчирскому району, блокадный, но не сдавшийся Ткуарчал еще раз подтвердили, что никакие силы, злодеяния и жестокость не в состоянии сломить свободолюбивый абхазский народ. Мои братья и сестры! Вызывает восхищение ваш героизм, высокий боевой дух и несгибаемая воля к Победе. Мы

[1] «Независимая газета», № 24, 9 февраля 1993 г. С. 3.
[2] «Независимая газета», № 26, 11 февраля 1993 г. С. 1.
[3] Газ. «Демократическая Абхазия», № 8, 21 февраля 1993 г.
[4] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 200.

преклоняемся перед памятью павших и выражаем высокую благодарность всем, кто отдает свои силы для скорейшего приближения этого светлого дня!»[1].

Между тем, в продолжение московских договоренностей от 14 мая в конце мая состоялась встреча представителей трех сторон, на которой было достигнуто соглашение о том, что со 2 июня в блокированный Ткуарчал начнется доставка гуманитарной помощи российскими вертолетами[2]. Однако 24 мая над с. Сакен был сбит очередной российский вертолет, совершавший гуманитарный рейс в Ткуарчал. В результате погибли пятеро членов экипажа – Л. Чупров, Н. Касимов, А. Савельев, Е. Федоров и В. Царев[3]. Борт принадлежал Ермолинскому летно-испытательному центру города Балабаново Калужской области и был арендован черкесской фирмой «Курьер» для доставки в Ткварчели груза гуманитарной помощи – четырех тонн муки и медикаментов. Информация о трагедии была получена сотрудниками ГКЧС в тот же день. Группа спасателей Госкомитета России по чрезвычайным ситуациям была вынуждена бездействовать, так как грузинская сторона не давала разрешения на поиски погибших, мотивируя это тем, что «необходимо согласовать пролет с огневыми точками в целях безопасности спасателей». Это согласование, несмотря на неоднократные обращения российской стороны, длилось целую неделю. Группа сумела попасть на место трагедии и забрать тела погибших лишь 31 мая[4].

Однако мероприятия по проведению гуманитарной акции продолжались. В Адлере группа работников ГКЧС России проводила рабочую встречу с представителями грузинской и абхазской сторон. На ней решались вопросы организации гуманитарной акции по доставке продуктов питания жителям Ткуарчала и вывозу стариков, женщин и детей из Ткуарчала и Сухума. Первый заместитель председателя ГКЧС России Ю. Воробьев в связи с ними сообщил тогда: «Гуманитарная акция, которую мы готовим, явится продолжением военно-политического уре-

---

[1] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 201.

[2] Быҭәба Д. И. Мрагыларатъи афронт. II. Аҟәа, 2005. Ад. 115.

[3] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 219.

[4] Газ. «Известия», № 102… С. 2. //http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-2-iyunya-1993-goda

гулирования в Абхазии. Мы получили принципиальное согласие на ее проведение от МИДа Грузии и руководства Абхазии. Сейчас уточняем организационные моменты этой операции»[1]. На одной из следующих встреч с представителями России, Грузии и Абхазии был подписан совместный протокол. Предусматривалось в Ткуарчал доставить 200 тонн продовольствия, а из Ткуарчала и Сухума - вывезти три тысячи мирных жителей. По договоренности, эвакуации подлежали дети, старики, женщины, тяжело больные и раненые. Руководители грузинской и абхазской делегаций А. Кавсадзе и С. Джинджолиа гарантировали безопасность осуществления гуманитарной акции[2].

31 мая в Ткуарчал прибыла рабочая группа для обеспечения ее проведения. В ее составе было 12 человек, представлявших федеральную миграционную службу России и ГКЧС[3]. 2 июня началась широкомасштабная акция по оказанию гуманитарной помощи городу Ткуарчал и вывозу его жителей. В день предполагалось совершать пять рейсов по маршруту «Сочи – Сухум (Очамчира) – Ткуарчал» и обратно «Ткуарчал (Очамчира) – Гудаута – Сочи». В первую очередь намечено было эвакуировать детей, женщин, стариков, больных и тяжело раненных. При эвакуации должны были быть соблюдены следующие пропорции: абхазы – 50% (в городе их было большинство), грузины – 25%, и русскоязычное население – 25%. Комиссии была предоставлена возожность менять эти пропорции, исходя из обстановки. За 23 дня предполагалось доставить в блокированный Ткуарчал более 200 тонн гуманитарного груза. Координация работы по проведению гуманитарных операций была поручена уполномоченной группе из трех человек – С. Кудинову, С. Джинджолия, А. Гасвиани. В первый день прилетели четыре вертолеты и на обратном пути забрали людей. Небольшие отклонения от протокола начались сразу при посадке. По договоренности сторон вертолеты должны были приземлиться на городском стадионе. Но маленькое футбольное поле не могло вместить сразу 4 вертолета, и пришлось са-

[1] Газ. «Известия», № 99… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-28-maya-1993-goda

[2] Газ. «Известия», № 101… С. 2. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/denza-dnem-1-iyunya-1993-goda

[3] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 222.

диться в стороне от города и по очереди летать на стадион за беженцами. Вторым нарушением стало несоблюдение квоты эвакуированных[1]. Вертолеты были обстреляны грузинской стороной, что привело к приостановке гуманитарной акции[2]. Для того, чтобы оправдать срыв начавшейся акции, в тот же день, 3 июня, было распространено заявление заместителя председателя комитета защиты прав человека и межнациональных отношений Грузии Шарманашвили и заместителя председателя Совета Министров оккупационных властей Абхазии А. Гасвиани. В заявлении говорилось, что абхазская сторона якобы является инициатором перестрелок и вооруженных столкновений, помимо этого на позициях вдоль реки Гумиста усиленно возводятся оборонительные укрепления[3]. Вдобавок ко всему этому 6 июня грузинская сторона обстреляла из артиллерийских установок жилые массивы г. Ткуарчала, в результате чего были произведены значительные разрушения и погиб 12-летний ребенок[4]. 7 июня во время пробного полета был обстрелян вертолет начальника управления быстрого реагирования ГКЧС С. Кудинова с красным крестом на борту. Это произошло по пути из Ткуарчала, в 10 км от с. Ачигвара[5].

Тем не менее, благодаря усилиям сторон, гуманитарная акция продолжалась. Мирное население из Сухума должен был эвакуировать сочинский катамаран «Дагомыс». Его первый рейс должен был состояться 10 июня, но из-за вспышки боевых действий было решено его не посылать, тем более что после первого же рейса четырех российских вертолетов грузинская сторона прервала проведение акции, отказавшись гарантировать безопасность полетов. После этого было решено отправить грузы сухопутным путем под защитой десантников. 10 июня ГКЧС отправил колонну грузовиков из 31 КамАЗа для доставки гуманитарных грузов. Автоколонна прибыла в Сочи 13 июня, и на грузовики загрузи-

---

[1] «Независимая газета», № 106… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-iyunya-1993-goda

[2] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 223.

[3] «Независимая газета», № 104… С. 3. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-5-iyunya-1993-goda

[4] Газ. «Республика Абхазия», № 28, 10 июня 1993 г.

[5] «Независимая газета», № 106… С. 1. // http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-iyunya-1993-goda

ли 214 тонн продовольствия. Согласно графику, из Сочи и Пицунды два российских большегрузных транспортных корабля должны были отправиться в Сухум. По утвержденному маршруту далее гуманитарный груз перевозили автотранспортной колонной в Очамчыру. Затем по линии соприкосновения вооруженных формирований Грузии и Абхазии он передавался абхазской стороне для последующей доставки в г. Ткуарчал. Командование Восточного фронта должно было обеспечить эвакуацию беженцев из Ткуарчала по маршруту Ткуарчал – Очамчыра. Далее желающие вывозились в Сухум или Сочи. По маршруту Сухум – Очамчира автоколонну сопровождали совместно российские и грузинские военные формирования[1]. 15 июня командир полка Л. Миквабия, исходя из приказа Верховного Главнокомандующего «О необходимости создания гуманитарного коридора через линию фронта», в свою очередь отдал распоряжение обеспечить безопасность проезда на участке, контролируемом полком, организовать конвой каждого транспорта, принять меры по предотвращению провокационных действий со стороны противника, повысить бдительность[2].

14 июня премьер-министр России В. Черномырдин подписал распоряжение правительства, которым председателю ГКЧС С. Шойгу предоставлялось право решения всех вопросов, связанных с осуществлением акции по доставке гуманитарной помощи и эвакуации населения из зоны военных действий в Абхазии. Этим же распоряжением министерствам обороны, иностранных дел, транспорта, финансов и Федеральной миграционной службе предписывалось принять необходимое участие в проведении акции и направить своих полномочных представителей в состав оперативной группы ГКЧС. Таким образом, операция приобрела статус и масштаб общегосударственного мероприятия. По согласованию президентов России и Украины в операции принимала участие группа кораблей Черноморского флота[3]. Первая партия гуманитарной помощи была доставлена в Ткуарчал 18 июня[4]. 19

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 29, 17 июня 1993 г.

[2] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 228.

[3] Широкорад А. Б. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. М. – Владимир, 2009. С. 296.

[4] Быҭәба Д. И. Мрагыларатәи афронт. II. Аҟәа, 2005. Ад. 117.

июня С. Шойгу, выступая по российскому телевидению, сообщил, что «руководство ГКЧС несколько дней уговаривало правительство Грузии принять гуманитарную помощь»[1]. 20 июня В. Ардзинба направил благодарственное письмо Президенту России за оказание гуманитарной помощи[2].

3. Культурный геноцид абхазов и проблемы идентичности

3. 1. Культурный геноцид абхазского народа

В. Ардзинба еще в ходе войны в Абхазии отмечал: «Главное, что показала война, – это то, что мы все, граждане Абхазии, не были готовы к той степени варварства, террора, которое осуществлялось на территории Абхазии. Всякий раз нам казалось, что это просто невозможно… Мы никогда не могли предположить себе, что можно прийти, войти в здание института, поджечь книги, архивы, что можно грабить музеи, что можно уничтожить памятники. Нельзя было понять, что можно вот так издеваться над детьми, над женщинами, над людьми. Степень варварства превзошла все наши представления о войне»[3].

Российский писатель А. Битов в открытом письме своему грузинскому коллеге Ч. Амирэджиби выражал недоумение по поводу молчания грузинской интеллигенции и неосуждения ею геноцида абхазской культуры. В письме было сказано: «Уничтожены культурные очаги абхазского народа: университет, библиотека, архивы, творческие союзы. Грузинская интеллигенция не может этого не знать. Ваше молчание не может быть оправдано ничем, тем более мировым общественным мнением, введенным в заблуждение»[4]. Это письмо было опубликовано 22 октября, т. е. в день, когда были сожжены Центральный Государственный архив и Абхазский научно-исследовательский институт, и его автор в момент написания письма еще не знал об этом, а если знал, то убедился

[1] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 394.
[2] Там же. С. 401.
[3] Эпоха Ардзинба (автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 105-106.
[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 62-63.

бы, что обращаться к грузинской интеллигенции в создавшихся тогда обстоятельствах было бессмысленно. Впрочем, грузинская интеллигенция не совсем молчала и начинала говорить, когда это становилось нужно для лоббирования интересов руководства Грузии. За несколько дней до появления названного письма имел место скандальный отказ Союза театральных деятелей Грузии от участия в Международном фестивале имени А. Чехова, проходившем в Москве. Отказ был мотивирован тем, что «руками абхазских сепаратистов, а также оголтелых наемников Северного Кавказа, одержимых идеей захвата грузинских земель и выхода к Черному морю, реакционные силы России при поддержке и подстрекательстве российского Парламента, Вооруженных сил России, а также с молчаливого согласия Президента Б. Н. Ельцина осуществляют агрессию против суверенного Грузинского государства, против его народа»[1].

Абхазский ученый Е. Аджинджал пишет: «Война есть война. Она никогда не обходится без жестокости и несправедливости и тем более без преступлений. Но в этой войне произошло одно событие, которое не имело аналогии в истории войн всех времен. По инициативе тбилисских ученых, оккупационное грузинское военное и гражданское руководство в Сухуме безо всякой военной необходимости далеко от линии фронта, в центре оккупированного города совершило беспрецедентное варварское преступление… 22 октября 1992 года, в четыре часа дня, грузинские солдаты одновременно подожгли в оккупированном Сухуме два здания – Абхазского государственного архива и Абхазского института гуманитарных исследований. В течение нескольких суток оба здания были сожжены дотла!»[2].

На второй день информационные агентства сообщили, что «в ночь на 23 октября абхазы подвергли Сухум систематическому артиллерийскому обстрелу, в результате которого сгорели здания Госархива и Абхазского научно-исследовательского института»[3]. Эта попытка грузинских властей обвинить самих абхазов в уничтожении своих научных центров была обречена на провал, хотя бы уже потому, что вышеозначенные

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 46.

[2] Аджинджал Е. К. Вандалы конца XX века // Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак. М. – Ростов, 2001. С. 167.

[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 85.

здания начали гореть в 15 часов 22 октября, а не «в ночь на 23 октября». В результате этого акта вандализма полностью были уничтожены уникальные документы, материалы по истории и культуре Абхазии. Подобные действия грузинской стороны еще раз продемонстрировали перед всем миром политику руководства Грузии, сущностью которой являлись агрессия и геноцид. Действительно, истинные цели вторжения Грузии становятся понятны на примере их отношения к единственному в мире центру абхазоведения. Он подвергался нападениям с первого дня нахождения оккупационных войск в столице Абхазии. Сошлюсь на «Предварительные материалы…», составленные следственной группой Генеральной прокуратуры Абхазии: «18 августа 1992 г., сразу же после захвата г. Сухума войсками Госсовета Грузии двери всех кабинетов здания Абхазского научного института языка, литературы и истории им. Д. Гулиа были взломаны, сейфы вскрыты, документы и книги разбросаны по полу, а стены обстреляны из автоматического огнестрельного оружия. Силами сотрудников института было организовано дневное дежурство, но ночью входные двери взламывались неизвестными лицами, оконные решетки нижнего этажа были сорваны в первые дни»[1]. Об этом свидетельствует и Е. Аджинджал, который сообщает следующее: «Накануне сожжения этих зданий я был в Сухуме и сумел тайком проникнуть внутрь здания Института. Картина была такова: все двери были выломаны, а книжные ряды были обстреляны. По полу были рассыпаны пустые гильзы. Здесь же на полу валялись пустые бутылки портвейна»[2]. Так продолжалось до 11 октября 1992 года, когда утром в здание ворвались вооруженные лица, их было 8 человек. Они потребовали от сотрудников освободить помещение. И с этого дня начался организованный вывоз имущества института под прикрытием окружавших его гвардейцев. 22 октября 1992 года, примерно в 15 часов, загорелось здание АбИЯЛИ. На вопросы звонивших по 01 дежурный отвечал: «Знаем, но у нас нет бен-

[1] Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида, других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992–1993 гг. // www.eurasiatimes.org/index.php?page=researches&article_id...

[2] Аджинджал Е. К. Вандалы конца XX века. // Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак. М. – Ростов, 2001. С. 169.

зина, тем более для АбНИИ»[1]. По свидетельству сотрудника института А. Аргун, прибывшие все-таки машины с пожарными были обстреляны грузинскими солдатами, которые не дали потушить огонь. При этом «поносили абхазов, кричали, что всех до одного надо бросить в огонь, как и эти рукописи, книги, исторические документы»[2].

Заведующий сектором археологии Абхазского государственного музея Н. Шенкао сообщал: «22 октября меня вызвали в музей. По пути я встретил доктора искусствоведения Л. Шервашидзе, с которым направился к Абхазскому институту языка, литературы и истории им. Д. Гулиа. Объятый пламенем институт был оцеплен гвардейцами, которые автоматами разгоняли людей, стремившихся принять участие в тушении пожара. Мы с Шервашидзе тоже попытались проникнуть внутрь оцепления, однако гвардейцы, отпустив его, меня как абхазца задержали. Горящий институт представлял ужасное зрелище. Позднее я прошел через кошмар шеварднадзевской «демократии». Меня били, потом заставили показать свою квартиру, на моих глазах грабили и громили ее, прострелили из автомата мне ногу, увезли в комендатуру, снова били, угрожали расстрелом, выбили зубы. Много дней без медицинской помощи держали в застенке, где я был свидетелем зверских пыток, через которые прогонялись абхазы, русские, армяне, греки, евреи... до конца своих дней буду помнить стоны истязаемых по-средневековому, запах гниющей человеческой плоти. Но тот первый ужас при виде и в ощущении гибели культуры все равно был наиболее впечатляющим и основополагающим во всем остальном. В институте, в каждом его кабинете, в библиотеке, архиве погибло множество истинных ценностей. Специально – потому что хорошо знаю – должен сказать о том, что утрачено только в кабинете Цебельдинской экспедиции, исследования которой проводились Абхазским институтом и Абхазским государственным музеем при моем непременном участии с 1976 по 1991 годы. В кабинете в момент начала пожара находились:

---

[1] Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992–1993 гг. // www.eurasiatimes.org/index.php?page=researches&article_id...

[2] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 112.

а) 36 ящиков материалов (свыше 10 тысяч предметов) из крупнейшего (свыше 500 могил) из исследованных в Западном Закавказье античко-раннесредневекового некрополя у крепости Цибилиум – свыше двухсот разнообразных реставрированных и целых керамических сосудов II-VII вв. н.э.; разнообразное вооружение (топоры, мечи, в том числе древнейшие в Причерноморье клинки из дамасской стали, наконечники копий, дротиков и стрел, кинжалы, ножи, щиты и т.д.) и орудия труда; конские уздечные наборы первых веков н.э.; несколько десятков уникальных образцов (в большинстве целых или отреставрированных) сирийской, египетской, западно-европейской стеклянной посуды I-VI веков; свыше 30 римских и византийских серебряных и медных монет, в том числе единственные в мире серебряные монеты Митридата VI Евпатора, чеканившиеся в Абхазии; сотни экземпляров украшений и предметов одежды из золота, серебра, бронзы и железа (фибулы-застежки, пряжки, серьги, броши, браслеты, гривны, перстни и др.), украшенные сердоликом и геммами; вислые раннехристианские печати; свыше 10 тысяч разнообразных сердоликовых, янтарых, стеклянных, пастовых, хрустальных, гешировых, из египетской пасты, металлических (золото, серебро, бронза) бусин из мастерских Азии, Африки и Европы... Словом, это собрание могло сделать честь любому европейскому музею и предназначалось для экспозиции в строящемся Цебельдинском музее;

б) свыше 40 ящиков (свыше 15 тысяч предметов и обломков) из раскопок византийско-апсилийских крепостей Цибилиум и Шапкы – изделия из глины, камня, бронзы, железа, серебра, полудрагоценных камней, стекла, характеризующие слои от эпохи бронзы до позднего средневековья, архитектурные детали, медные, кресты, греческие надписи VI века, грузинские надписи XIV века, свидетельствующие об основании тогда в горах Абхазии монастыря святого Георгия «во славу Иисуса Христа», турецкие курительные трубки и т.д.;

в) свыше 15 ящиков материалов (до 5 тысяч предметов) из раскопок храма и кладбища XIV-XVII вв. – разнообразная местная и импортная керамика (многие образцы были обнаружены впервые в Причерноморье), уникальная коллекция (свыше 50 экз.) сосудов из венецианского стекла, набор вооружения (сабли, наконечники стрел, ножи) и орудия труда (мотыги, топоры, ножницы, камнетесный инструмент и др.) из же-

леза, серебряные и медные украшения и предметы одежды (пряжки, серьги, наконечники ремней, наперстки, пуговицы, обрывки восточных и западноевропейских тканей и др.), трапезундские и турецкие серебряные монеты, мусульманское надгробие с надписью и т. д.;

г) до 10 ящиков материалов из Вороновского храма и кладбища XIV-XVII веков н.э., включающих несколько десятков керамических и стеклянных венецианских сосудов, вооружение, украшения и предметы одежды из железа, меди, серебра и золота, медные кресты с изображениями распятого Иисуса и т.д.;

д) разнообразный археологический материал, собранный на многих памятниках Цебельды и Абхазии в целом – инвентарь могил VI-III веков до н.э. из окрестностей Сухума, материалы с поселений неолита (Цебельда) и раннего средневековья (ацан-гуары), инвентарь жертвенника Напра (свыше 300 наконечников стрел, жертвенные сосуды, серебряные монеты и др. уникальный материал), богатая коллекция строительной керамики (кирпичи и черепица с клеймами первого епископа апсилов Константина из Цибилиума, водопроводные трубы из Цибилиума, Шапкы и Герза-ула, антефиксы из Мрамбы, амфоры из Дранды и др.);

е) документация раскопок в Цебельде и разведок по Абхазии и Сочинскому району за 1976-1991 годы – полевые дневники, 100-метровый рулон зарисовок, планы, обмеры, чертежи, сотни таблиц рисунков, рукописи ежегодных отчетов и плановых исследований (около 100 авторских листов), большинство которых не было опубликовано, свыше 2000 цветных слайдов раскопок и материалов, сотни черно-белых фотографий, фиксировавших процесс и результаты исследований, рукописи неопубликованных книг об археологе Л. Н. Соловьеве (6 авт. л.), о результатах раскопок в Цебельде в 1982-1988 годах (12 авт. л.) и 1986-1991 годов (20 авт. л.), рукопись совместной (я и Ю. Воронов) монографии «Могилы апсилов (Цибилиумский некрополь)» объемом свыше 30 авт. листов (ее в мае 1992 года предложили опубликовать в Париже, поскольку по признанию специалистов соответствующие материалы имели особую ценность и для европейской археологии в целом);

ж) около 200 книг, включавших издания по археологии и разнообразную литературу, вывезенную в 1989 году из музея «Ясочка» (Це-

бельда); свыше 100 тетрадей материалов по сравнительному языкознанию, собранных С. Вороновой в процессе работы над реконструкцией общечеловеческого праязыка, включая и разнообразную грузинскую лексику; свыше 200 фотографий, фиксировавших творческий путь археолога Ю. Воронова и его коллег за 30 лет исследования древностей Кавказа; до 50 фотографий и биографий археологов, изучавших археологию Абхазии, в том числе и грузинских (Д. Бакрадзе, И. Гзелишвили, А. Апакидзе, О. Джапаридзе, Л. Церетели, В. Леквинадзе, Г. Дундуа, А. Каландадзе и другие»[1].

Заведующая библиотекой Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. Гулиа Е. Маргания рассказывала: «22 октября 1992 года наш институт был подожжен грузинскими гвардейцами... В поджоге принимал участие Д. Чургулиа, отец которого работал санитарным врачом в г. Сухуме и часто приходил как читатель в нашу библиотеку. Библиотека Абхазского института по содержанию своих фондов являлась уникальнейшей не только в Абхазии, но и по всему Кавказкому региону. Особенно уникальны были фонды по абхазоведению. Например, все издания ученых-путешественников: Атлас Дюбуа де Монпере (Париж, 1837), Путешествие Шардена на Кавказ (издание начала XX века), книги Н. Я. Марра о языке и истории абхазов, многотомное издание Актов Кавказской археографической комиссии под редакцией акад. Берже (XIX в.), энциклопедии Граната, Брокгауза и Эфрона, многотомная серия «Материалы по археологии Кавказа» (под редакцией графини П. С. Уваровой), многотомные издания «Кавказский календарь», «Сборник сведений о кавказских горцах», все издания Абхазского института с момента его основания: Известия Абхазского института краеведения, «Труды» и «Известия» Абхазского института, труды отделов археологии, этнографии, языка, экономики; «Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа» в 47 томах, уникальное издание «Гербы России», огромное количество словарей: народов Северного Кавказа, народов СССР, народов Европы и земного шара, уникальная литература по археологии, этнографии, истории, литературе, обществоведению, музыковедению, философии и т.д. – в общей сложности до 150 тысяч изданий. Погибли все книги, оттиски статей и картотеки сотрудников института за всю его

[1] http://psou.narod.ru/history/wb/wb_70.html

более чем 50-летнюю историю, а также исследователей из других научных центров, занимавшихся абхазоведением и кавказоведением. Уничтожена вся литература, изданная на абхазском языке на латинской, грузинской и русской графике. Погибло около 4 тысяч книг на грузинском языке, 987 книг, изданных в XIX - начале XX вв. на французском, английском, немецком и турецком языках. В основном это были книги русского мецената Н. Н. Смецкого, жившего в Сухуме в начале XX века. Вместе с книгами сгорел очень богатый газетный фонд – газеты, издававшиеся в Абхазии с 1917 года по август 1992 года, журнальный фонд – научные, популярные, литературно-художественные, общественно-политические издания дореволюционного и советского периода. Невосполнимую утрату представляют антикварные книжные фонды... С уничтожением этой и других библиотек в Сухуме наука и культура Абхазии на долгие годы лишились цивилизованной книжной базы»[1].

В 2012 г. директор возрождавшегося Абхазского института В. Авидзба, отвечая на вопрос о причинах его сожжения, сказал: «Дело в том, что Абхазский институт, его сотрудники вели не только исследовательскую работу, но занимали и определённую политическую позицию. Достаточно упомянуть нашего первого Президента В. Ардзинба, который был в тот период директором. Могли это сделать даже просто назло ему. Но, пожалуй, уничтожение исторической памяти, следов, которые оставили абхазы в мировой истории, – это главная цель сожжения архива. В какой-то степени они её достигли: есть вещи, которые просто невозможно восстановить, – фольклорные рукописи, рукописи известных учёных не только по истории и культуре Абхазии, но и по кавказской истории в целом. Мы сейчас не можем даже опись провести, потому что сгорела картотека. Всё, что собирал Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-ипа и все другие учёные, всё там лежало. Более того: некоторые учёные, оставшиеся в Сухуме при оккупации, отнесли свои рукописи в институт, понадеявшись, что это место безопаснее»[2].

«Предварительные материалы…» далее сообщают: «Одновременно со зданием института было подожжено путем взрыва и здание Цен-

[1] http://psou.narod.ru/history/wb/wb_70.html

[2] Авидзба В. Борьба за историческую память // http://apsnyteka.org/90-borba_za_istor_pamiat.html

трального Государственного архива Республики Абхазия, к которому пожарная команда все же прибыла, но не смогла тушить пожар из-за перекрывших дорогу гвардейцев, не только угрожавших пожарникам, но и стрелявших из автоматов для острастки. Первоначально пожар в Госархиве был потушен прибежавшими из соседних домов ул. Леселидзе[1] гражданами, но подъехавшие на двух автомашинах гвардейцы вновь подожгли его с помощью слитого из автомобиля бензина и выстрелами из пистолетов разогнали всех. Пожарную машину не допустили к тушению пожара и стояли там до тех пор, пока здание не сгорело. После того, как сгорело здание, они стали ракетницей стрелять, как бы салютуя содеянному, а затем долго стреляли из автоматов. Гвардейцы оставались у архива до поздней ночи и ушли, когда убедились, что его невозможно потушить»[2]. Очевидцем пожара в Государственном архиве стала сотрудница абхазского музея В. Аргун, которая впоследствии писала: «В тот день в конце октября, когда здание загорелось, я стояла на улице и услышала разговор о пожаре. Мы с соседями поспешили к Госархиву и присоединились к людям, которые тушили здание. Пламя было на первом этаже. Всего в тушении участвовало человек 10–12. Там, помню, был русский парнишка лет пятнадцати, еще – сторож архива… Облегчило нам задачу то, что во дворе архива в метрах пяти от здания расположен бассейн с водой. Скоро мы справились с огнем, шел уже только дым небольшой. И тут к Госархиву подъехали трое в военной форме на легковой машине и выстрелами из пистолетов начали всех разгонять. Я отошла примерно до угла улиц Леселидзе и Кирова[3], но там приостановилась и видела, как они несли в подъезд здания Госархива канистру, судя по всему, с бензином, потому что через несколько секунд в здании вспыхнул сильный огонь. Я решила позвонить в милицию. Но видно, кто-то уже до меня успел позвонить в пожарную охрану, потому что буквально через несколько минут появилась пожарная машина. Но пожарные так и не стали тушить огонь – видимо, троица с пистолетами им посоветовала не соваться в это дело»[4].

[1] Ул. Леселидзе – совр. ул. Абазинская.
[2] Предварительные материалы …
[3] Ул. Кирова – совр. ул. Ардзинба.
[4] Аргун В. Х. Как горел Госархив // Газ. «Республика Абхазия», № 15, 19 марта 1993 г.

Начальник архивного управления при Совете министров Республики Абхазия К. Ломия затем сообщал: «22 октября 1992 года, со слов охранника Центрального Государственного архива И. Кокоскерия и директора этого же архива Э. Цкарозия, неизвестные им лица, вооруженные автоматами, подожгли главное здание Центрального Государственного архива Абхазии. Прибывшие на помощь соседи и пожарники были разогнаны под угрозой расстрела на месте, и им не была дана возможность принять меры по тушению пожара. В результате я лично видел, что архив полностью выгорел изнутри, тыльная сторона здания и крыша также обвалились. Погибли все архивные материалы и фонды, книги и газеты, издававшиеся в Абхазии, начиная со второй половины XIX века. В фондах древнего периода имелось около 17 тыс. единиц хранения. Материалы этих фондов отражали историю присоединения Абхазии к России, аграрный вопрос, борьбу крестьянства за землю, состояние сельского хозяйства, дело народного образования и здравоохранения, быт, нравы и обычаи населения Абхазии, общую деятельность духовных учреждений Сухумского округа и Черноморской губернии, в церковно-административном отношении входящих в состав Сухумской епархии, имелись также материалы о разведении табака, тропических и субтропических и других культур в Абхазии. Уничтожены материалы периода господства грузинских меньшевиков в Абхазии. Уничтожена пожаром уцелевшая в свое время часть архивных фондов Абхазского народного совета. Полностью погибли архивные фонды советского периода Абхазии и материалы периода Великой Отечественной войны, которые повествовали о героизме абхазского народа. Погибли материалы личного происхождения, которые представляли значительный интерес для истории. Например, личные архивы Н. Смецкого, Д. Гулиа, И. Папаскир, А. Чочуа, И. Антелава, Г. Дзидзария и др. При госархиве имелась вспомогательная научно-справочная библиотека, в которой было сосредоточено значительное количество исторической справочной литературы и газет, а также справочных книг. В результате гибели архивов абхазская историческая наука понесла невосполнимую утрату»[1].

Абхазские ученые в Обращении к ученым и творческой интеллигенции мира с болью и горечью констатировали, что абхазской культуре

[1] http://psou.narod.ru/history/wb/wb_70.html

нанесен непоправимый урон. Они назвали то, что произошло, одним из наиболее трагических ударов, обрушившихся на Абхазию в XX столетии, жестокой потерей, понесенной в войне с грузинскими оккупантами. Далее в обращении констатировалось: «Заранее спланированная акция уничтожения очагов национальной культуры и научных центров стала еще одним свидетельством преступной, шовинистской, фашистской идеологии и практики кровавого режима Шеварднадзе. Борясь с нашим народом силой оружия, оккупанты хотят сломить его высокий моральный дух, лишить нравственной опоры, подавить национальное самосознание. Уничтожив научные центры абхазской национальной культуры, они стремились лишить абхазов памяти многовековой национальной истории»[1].

Видимо, по иронии судьбы именно 22 октября 1992 г. в газете «Российские вести» были опубликованы размышления грузинского писателя Ч. Амирэджиби о «высоком» предназначении грузинской нации. Он писал: «Наша нация всегда умела рождать сыновей и на свою, и на чужую службу. В XX веке мы дали миру Сталина: хоть и сукин сын, подлец и убийца, но зато была фигура. Орджоникидзе построил всю тяжелую промышленность Советского Союза, Берия просто был убийцей, но убийцей, которому не было равных в мире. И вот, пожалуйста, четвертый человек – Шеварднадзе. Мы умеем рождать и воспитывать людей. Плевать на всех хочется»[2]. Ч. Амирэджиби под словом «всех» имел в виду тех, кто не умел «рождать и воспитывать людей» так, как это делала «наша нация». Судя по всему, абхазы к таковым не относились, и, следовательно, по мнению грузинских нацистских идеологов, их можно было безнаказанно подвергать не только физическому, но и культурному геноциду. Грузинский писатель говорил о Э. Шеварднадзе как о достойном продолжателе «дела» И. Сталина и Л. Берия, но, справедливости ради, надо назвать и тех, кто во многом не уступал главе Грузии. Так, прибывший на место пожара Государственного архива министр по делам Абхазии Г. Хаиндрава цинично воскликнул: «Хорошо горит»[3]. По прошествии времени он же не менее цинично заявит: «Факт поджога

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. М., 1993. С. 119, 120.
[2] Белая книга Абхазии. 1992–1993. М., 1993. С. 76.
[3] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 427.

АбНИИ и Архива – трагедия и удар, направленный в спину истории Грузии. Мы проведем тщательное расследование этих фактов, и виновные будут строго наказаны»[1].

Через два дня после этого варварского преступления на заседании Парламента Грузии в присутствии Э. Шеварднадзе и зарубежных гостей профессор Л. Алексидзе сообщил аудитории о том что «абхазы дошли до такого умопомрачения, что они не только играют в футбол отрубленными головами грузин, но даже сжигают свои собственные научные учреждения, для того, чтобы обвинить в этом грузин». И тут же добавил: «Слава богу, что мы об этом вандализме абхазов своевременно сообщили научным центрам мира, в том числе и ЮНЕСКО»[2]. Президиум Академии наук Грузии, не уступая в циничности организаторам пожаров, заявил о своем «крайнем возмущении и негодовании по поводу варварского посягательства на научные очаги Абхазской автономной республики»[3]. Истинные же цели, преследовавшиеся устроителями данной бесчеловечной акции, направленной против исторической памяти абхазского народа, было невозможно скрыть даже за столь циничной риторикой. Позже, 26 ноября, в Обращении интеллигенции Абхазии к ЮНЕСКО говорилось: «Варварское уничтожение святых очагов национальной культуры Абхазии – это, пожалуй, самая трагическая и непоправимая потеря, понесенная нами в жестокой схватке с оккупантами. Канули в небытие бесценные реликвии нашей многовековой истории, уничтожены уникальные ценности, архивные и книжные фонды для того, чтобы духовно, этнически обезличить абхазский народ, лишить его своей истории, этнокультурной самобытности и самосознания»[4].

Уже после войны в Абхазии в № 4 российского журнала «Отечественные архивы» за 1994 г. была опубликована статья директора госархива г. Сочи И. Тверитинова «Гибель Абхазского госархива», в которой со ссылкой на не названного бывшего сотрудника архива, сообщалось: «22 октября 1992 г. около 16 часов здание архива по ул. Леселидзе, 65

---

[1] Газ. «Демократическая Абхазия», № 13, 12 ноября 1992 г.

[2] Аджинджал Е. К. Вандалы конца XX века // Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак. М. – Ростов, 2001. С. 169.

[3] Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994. С. 123.

[4] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум, 2004. С. 248.

было оцеплено военными, к нему подогнали пожарные машины (видимо, для того, чтобы после поджога огонь не перекинулся на соседние жилые дома). В это время в архиве, кроме сторожа, никого не было. В 16 час. 20 мин. военные стали забрасывать здание архива бутылками с зажигательной смесью, другими горящими предметами. Попытки жителей соседних домов и подоспевших работников архива во главе с его директором Э. Ш. Цкарозия (убит осенью 1993 г.) прорваться через оцепление, чтобы попытаться потушить пожар, не удались. На вопросы людей, почему пожарные не тушат архив, те отвечали, что нет воды, хотя воды было достаточно. Здание архива тлело 3 дня. От него остался один обгоревший остов. Из 1056 фондов, содержащих более 200 тыс. дел постоянного срока хранения, осталось лишь 16, которые не представляют особой исторической ценности. В огне погибло ценнейшее документальное богатство, отражающее политическую и экономическую историю Абхазии с 1840 по 1985 г… Погибли уникальные церковные книги и обширный газетный фонд, где была собрана периодика с 1901 г.»[1].

В начале 2000-х гг. английский публицист Т. де. Ваал со слов тогдашнего директора Государственного архива Абхазии Н. Иоаниди, писал: «В 8 часов ему позвонил человек, живший по соседству с архивом, и сказал, что здание горит. Иоаниди не мог вернуться туда, и ему пришлось дожидаться утра, чтобы узнать подробности ночных событий. Поздно вечером к архиву подъехала машина, в которой были пятеро или шестеро молодых грузин, одетых в черную форму, как полагалось сухумской военной полиции. Они сломали дверь, зашли внутрь и подожгли здание. Соседи всех национальностей, в том числе грузины, бросились тушить огонь. Но через сорок минут вернулись вооруженные люди. На этот раз они отогнали местных жителей выстрелами, окружили здание, облили его керосином и снова подожгли. Приехали пожарные, но их не пустили к огню. Начались лихорадочные звонки в КГБ, полицию – звонили даже православному епископу, – но это ни к чему не привело. Видимо, поджог было санкционирован официальным распоряжением, хотя никто в этом так и не признался. Иоаниди прибыл следующим

[1] Тверитинов И. А. Гибель Абхазского госархива // http://apsnyteka.org/834-tveritinov_gibel_abkhazskogo_gosarhiva.html

утром в шесть часов, когда всё уже закончилось. Он зашел в развалины своего кабинета, открыл сейф, и на мгновение ему показалось, что его собственные неопубликованные рукописи уцелели; но в следующий момент они у него на глазах превратились в пепел. Собралась толпа любопытных. Выдающийся абхазский писатель Ш. Инал-ипа подошел с суровым видом и, следуя абхазскому погребальному обычаю, склонил голову к земле. За одну ночь документальная история Абхазии была буквально стерта. 95% архива было уничтожено. Единственным отделом, который хоть как-то уцелел, был радиоархив 1930-х гг. От богатой коллекции XIX века не осталось ничего…. По оценкам Иоаниди, из 176 000 архивных документов, находившихся в Абхазии до войны, 168 000 были уничтожены»[1].

Между тем следствием было установлено, что поджогами Государственного архива руководили Д. Чургулия и Б. Мамукелашвили, служившие в личной охране Т. Надарейшвили. Материалами следствия было установлено, что поджоги АбИЯЛИ и Госархива были организованы Т. Надарейшвили, министром внутренних дел Г. Ломинадзе, его заместителем А. Ломинашвили[2]. После войны, в 1995 г., Прокуратурой РА был выдан ордер на арест Т. Надарейшвили, против которого в 1993 г. было возбуждено уголовное дело по факту пропаганды войны и разжигания межнациональной розни[3]. Как ни парадоксально, но похоже, что грузинские «деятели» продолжают укрепляться в своих циничных «убеждениях». Вот что говорил тогдашний министр обороны Грузии Т. Китовани по поводу сожжения АбНИИ уже в 2002 году: «Это сам сделал Ардзинба… это дело рук Ардзинба, я отвечаю на 100%. Никогда грузин не сожжет ничью другую культуру. Никогда этого не было, в истории не было такого. Тем более с абхазами»[4].

Грузинскими оккупантами также были разграблены Абхазская национальная библиотека, Абхазский Государственный музей, здание Союза писателей Абхазии. Директор Абхазской государственной ре-

---

[1] Ваал Т. де. Абхазский архив: огонь войны, пепел истории // http://apsnyteka.org/280-tomas_de_waal_abkhazskiy_archiv.html

[2] Предварительные материалы …

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 61, 4-9 августа 1995 г.

[4] Китовани Т. К. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

спубликанской универсальной научной библиотеки Н. Начкебия рассказывала: «19 августа 1992 г. в здание библиотеки вошли грузинские гвардейцы, взломав входные двери со стороны ул. Тархнишвили[1]. Грабители унесли из библиотеки уникальные книги XIX века, редкие энциклопедии, подписные издания, словари, альбомы по искусству, пишущие машинки, кондиционеры, книжные шкафы, столы, кресла, паласы и многое другое. О случившемся дирекция библиотеки сообщила в городской отдел милиции и в военную комендатуру и просила оказать помощь по вопросу охраны здания и библиотечного имущества. Но, к сожалению, информированные органы не предприняли никаких мер для предотвращения грабежа и мародерства. Библиотека продолжала подвергаться постоянному грабежу, вновь взламывались двери и окна, выносилось оттуда все ценное, что было в собственности библиотеки. 28 августа, в 23 часа ночи, в библиотеку вошли неизвестные лица и устроили пожар. Люди, живущие рядом с библиотекой, заметив пламя из окон здания, вызвали пожарную охрану. Пожарная бригада прибыла вскоре и через несколько часов огонь был потушен. В результате пожара сгорел уникальный фонд отдела абонемента в 70 тысяч экземпляров, включавших в себя книги на абхазском, армянском, грузинском, русском языках, зарубежную литературу и научную отраслевую литературу. Была ограблена также Сухумская Центральная городская библиотека»[2]. Были разграблены и сожжены также и ряд городских, сельских, учрежденческих и личных библиотек, в результате чего погибли сотни тысяч книг, в том числе уникальные и антикварные издания как на абхазском, русском, грузинском, армянском и других языках народов бывшего СССР, так и на языках ведущих стран Запада, изданных в Лондоне, Риме, Париже, Берлине и других городах в XVIII-XIX веках.

Заместитель директора по науке Абхазского государственного музея Т. Гицба сообщал: «Гвардейцы вошли в главный корпус музея и вывезли оттуда много предметов и экспонатов, представляющих большую ценность для истории Абхазии. Кроме этого, мне известно, что мой кабинет полностью ограблен и разгромлен. В кабинет вошли, взломав

[1] ул. Тархнишвили – сейчас ул. Имама Шамиля.
[2] http://psou.narod.ru/history/wb/wb_71.html

решетки на окне. В кабинете у меня находились ценные книги по краеведению Абхазии, а также мои рукописи «К истории колонизации Абхазии», «Горная топонимика Абхазии», в которой были собраны свыше трех тысяч названий гор, рек, озер и т.д., «К истории абхазского государственного музея». Военная карта Абхазии 1903 г. также находилась в моем кабинете, там же были документация музея, материалы из архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Кутаиси, Сухума и др., а также мои личные вещи... Также были ограблены и другие помещения музея, его фонды»[1].

Председатель Союза писателей Абхазии А. Гогуа рассказывал: «19 августа 1992 года мне стало известно, что гвардейцы Госсовета Грузии совершили погром в здании Союза писателей Абхазии. В этом здании также размещались общественно-политическая организация «Аидгылара», Управление Театрального общества Абхазии, Союз композиторов, редакции журналов «Алашара», «Амцабз», «Апсны Аказара», «Литературная Абхазия», редакции газет «Аидгылара» и «Единение», Управление по охране и использованию памятников истории, культуры и природы Абхазии, комната-музей Н. Лакоба... 20 августа мне удалось пройти незамеченным к зданию, и я лично убедился, что во всех кабинетах и комнатах указанных учреждений и организаций совершен жесточайший погром. Все сейфы были взломаны, часть пишущих машинок украдена, а с абхазским шрифтом машинки были разбиты и уничтожены. Все телефонные аппараты были украдены. Украдены также все кондиционеры и телевизоры. Полностью разбита вся мебель, выбиты все стекла и двери. 27 августа 1992 г. здание полностью выгорело изнутри, погибли рукописи и материалы, документация всех вышеназванных организаций, архивы, библиотека»[2].

Погрому и разграблению также подверглись Абхазский государственный университет и Сухумский институт усовершенствования учителей. Гвардейцы, выносившие и ломавшие мебель, аппаратуру, уничтожавшие архивы и собрания книг, расстреливавшие стены, окна и потолки из автоматов, утверждали, что никогда больше у абхазов не будет университета, не будет собственной педагогической мысли. В

[1] http://psou.narod.ru/history/wb/wb_71.html

[2] Там же.

зоне оккупации (Сухум, Очамчира, Гагра) были разграблены, сожжены, превращены в штабы и склады десятки зданий, в которых размещались дошкольные и школьные учреждения. В Сухуме, например, эта участь постигла русские средние школы №№ 2, 3 и 14 (ограбление, повреждения «Градом» и артиллерией), абхазские средние школы №10 и 20 (ограбление, повреждения от обстрелов), армянская средняя школа №9 (ограбление), русско-грузинская средняя школа №19 (ограбление и затем – склад боеприпасов), грузинская средняя школа №7 (ограбление, затем – штаб и место допросов задержанных), школа-интернат №1 (ограбление) и т.д.[1].

В период оккупации были разграблены все ведущие научно-исследовательские институты, разработки которых пользовались мировой известностью – Сухумский Физико-технический институт, Институт экспериментальной патологии и терапии Академии медицинских наук России, Сухумский филиал Московского НИИ «Атолл» и т.д. Разграблены и сожжены базы и хранилища археологических экспедиций – всеабхазская (на Лечкопском плато), Тамышская и Цебельдинская, вместе с которыми погибли уникальные коллекции, отражающие замечательную культуру древнеабхазских племен и их разнохарактерные связи с соседними народами Кавказа, со Средиземноморьем и Европой. Разграблены и сожжены издательства и типографии вместе с печатавшимися там монографиями и сборниками по истории, филологии, этнографии, топонимике и другим разделам кавказоведения. Вне закона были объявлены многие ученые, а их дома, квартиры и рабочие кабинеты подверглись целенаправленному разгрому и разграблению. Множество квалифицированных специалистов – математиков, физиков, химиков, биологов, геологов, конструкторов, инженеров не только абхазского, но и русского, украинского, еврейского и иного происхождения было изгнано из республики, а выдающийся исследователь, узник ГУЛАГа, лауреат Ленинской и Государственной премий профессор В. Каржавин умер от голода. С оружием в руках защищали Родину десятки молодых специалистов, выпускников и аспирантов различных вузов и институтов Абхазии и России. Герой-

[1] http://psou.narod.ru/history/wb/wb_69.html

ски погибли кандидат наук, специалист по истории абхазо-армянских связей В. Бутба, археологи – палеолитчик М. Хварцкия и медиевист Л. Когония.

Был разграблен Абхазский государственный драматический театр, в фойе которого разжигали костры солдаты грузинской береговой охраны, разграблены и сожжены Государственный Русский драматический театр, кинотеатр «Апсны» и ряд других зрелищно-культурных объектов в городах и селах оккупированной зоны, Дома творческих союзов (писателей, художников, архитекторов, композиторов и журналистов). Дом творчества композиторов был переоборудован в казарму для грузинских гвардейцев и место пыток заложников; разграблены культпросветучилища, в музыкальных школах и в квартирах педагогов музыки уничтожались (расстреливались из автоматов, рубились топорами) рояли, пианино, скрипки, проигрыватели и наборы грампластинок, нотные библиотеки, музыкальные классы использовались в качестве туалетов; преследованиям и ограблению подверглось большинство культурных деятелей Абхазии – писателей, поэтов, артистов, художников, композиторов, музыкантов и т.д.[1].

Тем временем перечисленные варварские акции – сожжение АбИЯЛИ и Госархива, разграбление и погромы культурных, научных и образовательных учреждений – невозможно оправдать ни с гуманитарной, ни с военной точки зрения. Они не были продиктованы никакой военной необходимостью, что лишний раз свидетельствует о том, что это было осуществлено с единственной целью – уничтожить историческую память абхазского народа. А историческая память, как известно, уничтожается только тогда, когда она хранит нелицеприятные для оккупантов сведения. Данные акции были заранее спланированными актами культурного геноцида[2], который по Международному праву считается самым кощунственным проявлением геноцида, самым страшным преступлением против человечности. И насколько должен быть циничным мир, чтобы вершители его судеб на фоне своих обвинений абхазов в нарушении «территориальной целостности» Грузии не пожелали уви-

[1] http://psou.narod.ru/history/wb/wb_69.html

[2] Подробнее о геноциде науки и культуры абхазов см.: Хварцкия М. Ш. От лжи к правде об Абхазии. Сухум, 2008. С. 195–220.

деть столь масштабное преступление по отношению к ним?! А ведь международное сообщество 14 мая 1954 г. голосовало за Гаагскую конвенцию ООН по вопросам образования, науки и культуры «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». В преамбуле названного документа сказано: «Ущерб, наносимый культурным ценностям каждого народа, является ущербом для культурного наследия всего человечества, поскольку каждый народ вносит свой вклад в мировую культуру». В Конвенции культурными ценностями названы: «a) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше; b) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте «a», такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте «a»; c) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах «a» и «b», так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей». В документе также было сказано: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются принимать в рамках своего уголовного законодательства все меры, необходимые для того, чтобы были выявлены и подвергнуты уголовным или дисциплинарным санкциям лица, независимо от их гражданства, нарушившие или приказавшие нарушить настоящую Конвенцию»[1]. Помимо названного документа, делу защиты и сохранения культурных ценностей народов, а равно и всего человечества, в случае вооруженного конфликта служат и другие международно-правовые акты: Брюссельская декларация о

[1] http://lostart.ru/ru/documents/detail.php?ID=873

законах и обычаях войны (Брюссель, 15 августа 1874 года); Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 года; Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакт Рериха) от 15 апреля 1935 года[1]; Конвенция «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (Париж, 14 ноября 1970 года)[2]. Уже после войны в Абхазии была принята Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия 2003 года[3].

3. 2. Проблемы идентичности и маргинализма

Абхазо-грузинская война явилась самой острой фазой более чем полуторавекового абхазо-грузинского конфликта, который является конфликтом ценностей, конфликтом идентичностей. «Зов крови» заставил северокавказцев и абхазскую диаспору, знавшую историческую родину только по картинкам и рассказам, прийти на помощь истекающей кровью и поставленной на грань физического исчезновения Абхазии, ибо на грань исчезновения были поставлены абхазы, а Абхазия без абхазов не может быть Абхазией. Все разговоры о том, что Абхазия в любом случае останется Абхазией, являются циничными измышлениями, направленными на оправдание преступления против человечности, коим, по определению международного права, является война, на уничтожение народа. Если бы грузинское население Абхазии было бы настроено лояльно по отношению к ее действительной государственности, без которой выживание абхазов остается под вопросом, и выступило бы против ввода грузинских войск, все было бы иначе. Но они поступили по-другому. Необходимо оговориться, что среди них было и немало таких, кто с оружием в руках защищал Абхазию и сложил свои

[1] Бабекин Д. В. Вестник МГОУ. М., 2010, № 2. С 58-65. // http://lostart.ru/ru/studys/?ELEMENT_ID=1635

[2] http://lostart.ru/ru/documents/detail.php?ID=924

[3] Бабекин Д. В. Вестник МГОУ. М., 2010, № 2. С 58-65. // http://lostart.ru/ru/studys/?ELEMENT_ID=1635

голову за нее, тем самым доказав, что они действительно считали Абхазию своей Родиной, а не только «удобным местом для проживания». Однако в подавляющем своем большинстве они встретили оккупантов с цветами и продолжали их поддерживать даже после ставшего эталоном солдафонства и человеконенавистничества выступления командующего войсками Грузии в Абхазии Г. Каркарашвили, когда он пообещал «этим сепаратистам (абхазам. – **А. А**.), что если из общей численности погибнет 100 тысяч грузин, то из ваших погибнет все 97 тысяч, которые будут поддерживать решение Ардзинба»[1].

Созданные в Абхазии еще до начала войны грузинские военные формирования из молодежи и сотрудников МВД Абхазии грузинской национальности в первые же дни войны влились в войска Госсовета и полицейские структуры Грузии. Т. Надарейшвили говорил: «Ввод грузинских частей подбодрил грузинское население. Появилась надежда на то, что мы не одни. События 14 августа всех грузин – зваидистов и незвиадистов – поставили по одну сторону баррикады»[2]. В ходе боевых действий в Абхазии из местного грузинского населения были укомплектованы десятки войсковых и полицейских подразделений. Например, в г. Сухуме были созданы вооруженные отряды на предприятиях, организациях и учреждениях. В основном из жителей г. Сухума и Сухумского района были сформированы 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й мотострелковые батальоны, горно-стрелковый батальон, танковый батальон, резервный танковый батальон, противотанковый батальон, 247-й артдивизион, ракетная артиллерия 2-го корпуса, дивизион ПВО, дивизион береговой охраны, 1-й морской дивизион, батальон морской пехоты, батальон связи, инженерно-саперная рота, разведывательно-диверсионная группа, авторота, бронепоезд, комендантская рота 23-й бригады, отдел «Легион мира», батальон Сухумской военной полиции, батальон военной полиции АРА, железнодорожная комендатура, комендантская рота и др. Кроме того, жители Сухумского района организовали вооруженные отряды, которые также входили в структуру Министерства обороны Грузии. Особую активность в войне проявили жители Гульрипшского района: они создали военные отряды в населенных пунктах Агуд-

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. М., 1992. Т. 1. С. 128.
[2] Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Сухум, 2010. С. 288.

зера, Владимировка, Эстонка, Корсы. По несколько сот молодых людей служили в Ганахлебском батальоне, 1-м мотострелковом батальоне, мотострелковом батальоне с. Амткял, горно-стрелковом батальоне с. Ажара, Мачарском танковом батальоне, Мачарском зенитном батальоне, 3-м танковом батальоне 2-го армейского корпуса, 227-м отдельном противотанковом дивизионе 23-й бригады, инженерно-саперном батальоне, батальоне морской пехоты и других подразделениях. В восточном направлении против блокированных абхазских сел и г. Ткуарчала было задействовано грузинское население Очамчирского района. Созданные здесь подразделения входили в состав 24-й механизированной бригады 2-го армейского корпуса. В уничтожении абхазского населения отличились 240-й, 241-й, 242-й, 243-й, 244-й батальоны, Ахалдабские, Киндгские и Кочарские батальоны, 250-й защитно-артиллерийский батальон, Охурейский батальон. Грузинское население Абхазии, помимо военной службы, широко использовалось оккупационными властями и в других сферах жизнедеятельности. Практически все грузины, занимавшие до войны должности на государственной службе, на производстве, в учреждениях и организациях, с большим энтузиазмом сотрудничали с агрессорами. Заводы, фабрики, научные и другие учреждения перешли на военное положение. Заводы «Оргтехника», газовой аппаратуры, химический завод, Сухумский физико-технический институт и другие предприятия выпускали различного рода вооружения, боеприпасы, военное обмундирование[1].

В них заговорили гены, которые против их воли доказали, что они не имеют с абхазами никакого кровного родства в историческом понимании этого слова. Несмотря на массированную пропаганду об аборигенности грузин в Абхазии, в исторической памяти грузин, переселенных сюда во времена плодотворной деятельности «Абхазпереселенстроя» и до нее, эта «историческая правда» не запечатлелась. Напротив, они всем своим поведением доказали, что не считают Абхазию своей родиной. Мегрелы и грузины, переселявшиеся в Абхазию, были принесены в жертву агрессивным планам по ассимиляции абхазов грузинской этнокультурной средой. В ходе этого процесса, который шел насильствен-

1 Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Сухум, 2010. С. 290-292.

но, параллельно происходило разрушение подлинной культуры и навязывание переселенцам новых условий и качеств. А это, по мнению В. Самохваловой, свидетельствует о том, что «формируемое глобальное мегаобщество не заинтересовано в качестве самого человека, потому что он рассматривается правящей элитой не как цель организации нового мирового порядка, но лишь как средство для его утверждения, функционирования и воспроизведения установленной в нем системы управления»[1].

Грузинам и мегрелам – переселенцам и их потомкам – была отведена роль «аплодирующей толпы», «пятой колонны» и «пушечного мяса», которую, в конце концов, они и исполнили. У этих людей не осталось родины с тех пор, как их переселили в Абхазию ради ее порабощения. Их превратили в маргиналов, для которых нет понятия родины в подлинном смысле этого слова. Кстати, здесь, наверное, не помешает напомнить о том, что термин «маргинал» как таковой впервые появился во Франции в 1972 году, который стал функционировать параллельно или наряду с ранее существовавшим понятием «маргинальный». В социологии и политологии под маргинальностью обычно понимается: «1) потеря или отсутствие принадлежности к какой-либо социальной группе или классу; 2) соответствующая утрата горизонтальных экономических, социальных и духовных связей; 3) разрушение системы ценностных ориентаций»[2]. Впервые эта категория была введена американским социологом Р. Парком с целью выявления социально-психологических последствий неадаптации мигрантов к условиям городской жизни. Этим термином обычно обозначаются те индивиды или группы, ценности и модели поведения которых полностью и четко не интегрированы в то или иное культурное пространство, а создают переходную ступень между этими пространствами. Согласно А. Усмановой, в «ситуации маргинальности оказываются т. н. «культурные гибриды», балансирующие между доминирующей в обществе группой, полностью никогда их не принимающей, и группой, из которой они выделились»[3]. Российский

[1] Самохвалова В.И. Проект глобализации и метафизический мегапроект человека // Философские науки. М., 2003. №3. С. 115.

[2] Социология: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 147.

[3] Усманова А. Р. Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 397.

философ А. Жариков считает, что появлению маргинализма в современном его виде способствовало слияние теории «европоцентризма» с космополитизмом, которые выработали «установку на ликвидацию этнических различий и создание безнационального человечества»[1].

Сегодня в научной литературе широко используется понятие «маргинальная культура». Часто его рассматривают по аналогии с маргинальным индивидом или субкультурой. В таком случае акцент делается на «раздвоенный», «межкультурный» характер маргинальной культуры, сложности процесса культурной самоидентификации, утраты целостности самосознания и ее результате – внутреннем дискомфорте и соответствующих формах поведения. Маргинальность считается переходным состоянием культуры. В ходе процесса «мирного завоевания», как правило, переселенцы-колонизаторы теряют собственную неповторимую культуру (всякая культура неповторима), важнейшим свойством которого является «функционирование в качестве основания для самоидентификации общества и его членов»[2]. А взамен ее зарождается маргинальная культура**,** «характеризующая положение и особенности жизнедеятельности групп или отдельных личностей, чьи установки, ценностные ориентации, модели поведения одновременно соотнесены (реально или в интенции) с различными культурными системами и проистекающими из них требованиями, но ни в одну из которых они не интегрированы полностью»[3]. По содержательному смыслу термин «маргинальность культуры» «часто заменяет «синтезность», хотя значения этих двух терминов вовсе не идентичны: первый обозначает окраинность и межцивилизационность, а второй подразумевает возможность возникновения синтезных элементов или синтезной культуры в целом, в процессе контактов между культурами». Но поскольку сама терминология находится «на стадии разработки и становления», термины «маргинальность» и «синтезность» часто используются в идентичном значении»[4]. Здесь, наверное, нелишне отметить, что, по мнению

[1] Жариков А. Этнический «парадокс» экологии» // Этносфера. 2000. № 3. С. 28.

[2] Флиер А. Я. Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997 С. 207.

[3] Быховская И. М., Горбачева В. В. Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 258.

[4] Чиковани Н. Проблема маргинальности и окраинности в истории грузинской культуры. // Кавказоведение. № 1. М., 2002. С. 63.

исследователей, термин «окраинность» не сводится к пространственно-географическому фактору, это – культурологическое понятие, указывающее на культурную специфику данного региона»[1].

Маргинальная культура чаще всего возникает в ситуации (вынужденной или сознательно выбранной личностью) одновременного и однопространственного существования групп или индивида в контексте противоречащих друг другу социокультурных требований. Объективными условиями для формирования маргинальной культуры являются процессы трансформации общественной системы, интенсификации социальных перемещений внутри социума, развитие межкультурных взаимодействий. Одним из важнейших факторов возникновения маргинальной культуры, как уже отмечалось, являются миграционные процессы.

Маргинальная культура присуща также людям и группам, которые сознательно принимают для себя различные по характеру культурные традиции, нормы, модели поведения (этические, конфессиональные и пр.) и стремятся следовать им в своей жизни – в ситуации смешанных браков, миссионерства, мирной или насильственной колонизации и т. п. Однако носитель маргинальной культуры при выборе одной из ориентаций всегда вызывает недовольство или раздражение представителей иной культурой традиции, что является постоянным потенциальным источником личностных проблем и расстройств. Поэтому на личностном уровне это приводит к потере идентичности – психологического представления человека о своем «Я», характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самотождественности и целостности; отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое, частично несознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образцом, нормой, группой, культурой и т. п.). Согласно новейшим изысканиям специалистов, «Я» является «фундаментальной категорией философских концепций личности, выражающей рефлексивно осознанную самотождественность индивида»[2]. По мнению В. Николаева,

[1] Чиковани Н. Проблема маргинальности и окраинности в истории грузинской культуры. // Кавказоведение. № 1. М., 2002. С. 58.

[2] Можейко М. А. Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 862.

утрата идентичности проявляется в таких явлениях, «как отчуждение, деперсонализация, аномия, маргинализация, психические патологии, ролевые конфликты, девиантное поведение и др.»[1]. А такая личность, как правило, «тяготеет к созданию антиобщественных объединений с инвертированной (перевернутой) системой ценностей»[2].

Как известно, каждая личность хотя бы номинально принадлежит к какой-то этнической общности, а каждый этнос или нация представляет собой совокупность личностей. В силу всего этого важное значение приобретает понятие «национальная личность», знание о которой становится необходимым в свете современного «вызова» времени, когда роль личности в истории остается весьма значимой – с одной стороны, а с другой – происходит низведение личности до уровня «свободного раба», которое достигается в результате массированного «благотворного» воздействия глобализации и превращения его в носителя массовой культуры. По мнению Э. Гукасовой, «при изучении национальной личности чрезвычайно важным представляется анализ особенностей языка и особенностей национальной культуры с учетом психического склада носителей языка, поскольку носители другого языка являются также и носителями не только иной национальной культуры, но и иной национальной психологии, иного менталитета»[3]. Здесь также, на мой взгляд, уместно привести утверждение О. Корнилова о необходимости и огромной значимости «языковой картины мира», которую он рассматривает в качестве «вербализированной системы «матриц», в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер»[4].

В период нового этапа в национальном движении в Грузии его лидеры, провозгласив особую ценность грузинской культуры, а свою страну назвав «форпостам цивилизации на Востоке», культурным мостом между Западом и Востоком, тем самым пропагандировали исключи-

[1] Николаев В. Г. Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 136-137.

[2] Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 163.

[3] Гукасова Э. М. Ценностно-нормативная картина мира греческой и русской национальных личностей. // Язык и национальные образы мира. Материалы Международной научной конференции (20-21 марта 2001). Майкоп, 2001. С. 240.

[4] Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 80.

тельность или даже богоизбранность грузинской нации и грузинской государственности. Тем не менее, маргинальный характер этой самой государственности и грузинской культуры сложился задолго до появления ее представителей в Абхазии. Как свидетельствуют сами грузинские ученые, грузинский маргинализм или маргинализм грузинской культуры имеет глубокие исторические корни, и его зарождение было обусловлено специфичностью путей развития Грузии и связано не только с колонизацией Абхазии. Этому вопросу посвящена статья грузинского ученого Н. Чиковани «Проблема маргинальности и окраинности в истории грузинской культуры»[1], в которой автор, проанализировав весь ход истории Грузии, пришел к следующему выводу: «В Грузии идет сложный и противоречивый процесс поиска ценностных ориентиров, но, возможно, вышеназванная маргинальность нашей культуры помогла нам избежать существования «в поле напряженности», так как не было тотальной несовместимости исходных принципов. Сложившийся в условиях маргинальности адаптационный механизм успешно работал при теснейших контактах как с восточнохристианско-византийским (позднее – с российско-православным), так и с мусульманским мирами. Грузинская культура сумела найти адекватные «ответы» на их «вызовы». Причем, по мнению автора, эти «ответы» определялись именно ее маргинальным положением». В частности, «формировались соответствующие обстановке ценности, стереотипы поведения, ориентированные на неустойчивое, меняющееся окружение. Отсюда – узость временного горизонта и некоторые другие параметры, выступающие в качестве типологических черт (или считающихся таковыми) грузинской культуры»[2].

В работе Н. Чиковани можно также встретить и мнения других грузинских ученых и литераторов по означенной теме. Известный писатель К. Гамсахурдиа писал, что «междумирье и маргинальность грузинской культуры является фактором, поддерживающим нашу культурную самобытность»[3], которая же, однако, означает «существенное и посто-

[1] Чиковани Н. Проблема маргинальности и окраинности в истории грузинской культуры. // Кавказоведение. № 1. М., 2002.
[2] Там же. С. 65.
[3] Там же. С. 64.

янное проявление тех компонентов культурного достояния данного общества, которые оказываются функционально необходимыми на новых этапах его существования, обеспечения его самосохранения и идентичность при всех изменениях в нормативно-ценностной и смысловой сферах. Самобытность можно определить и как способность поддержания присущих данному обществу принципов социокультурной регуляции в различных ситуациях»[1]. Грузинский литератор К. Капанели считал, что «история грузинской культуры представляет собой синтезную форму цивилизации». И далее: «Неопределенность культурно-цивилизационного облика Грузии сыграла, в известном смысле, положительную роль в истории нашей культуры: так как Грузия не представляла собой культурно-цивилизционную целостность, в Грузии не существовало единого центра национальной культуры, наши враги не могли причинить нам особого вреда… Именно это спасло Грузию от уничтожения и гибели»[2]. Г. Нижарадзе считал: «Маргинальные периоды исторически характерны для всех обществ и культур, но с различными результатами. За этими периодами следует или новый подъем, или же полный спад. Но в некоторых случаях существование в маргинальном положении (хотя и в смягченном виде) становится обычным для той или иной культуры и, в некоторой степени, принимает адаптационный характер. Именно так произошло в Грузии»[3].

Сам Н. Чиковани заканчивает свою работу следующим образом: «грузинская культура на протяжении всей своей истории колеблется между пограничностью (окраинностью) и маргинальностью, за исключением короткого периода – XI-XII вв., когда она предстает ядром формирующейся культурной общности»[4]. Профессор К. Кацитадзе, имея в виду настоящее время, пишет: «Со всей определенностью можно сказать, что сегодняшняя Грузия маргинальна… и в ближайшем будущем ей предстоит выбрать один из двух путей: интегрироваться в какую-либо большую цивилизацию или сохранить маргинальное положение,

[1] Ерасов Б. С. Культурология. Словарь. XX век. СПб., 1997. С. 394-395.
[2] Чиковани Н. Проблема маргинальности и окраинности в истории грузинской культуры. // Кавказоведение. № 1. М., 2002. С. 63.
[3] Там же. С. 59.
[4] Там же. С. 65.

что принесет ей мало пользы»[1]. А литературный критик Л. Брегадзе, напротив, считает «маргинальность наилучшим выходом из положения для современной Грузии, так как в этом случае она действительно может рассматриваться как мост, соединяющий Европу с Азией»[2]. Согласно литературоведу А. Асатиани, «на протяжении веков грузинская культура выработала удивительную способность притягивания, собирания и освоения. Она принимает все новые и новые потоки, естественным образом объединяет в себе не только родственные, но и нередко и взаимоисключающие, противоречивые течения». Однако он подчеркивал, что «слияние различных потоков в грузинской культуре не означает эклектизма или вторичного, зависимого положения»[3].

Историк А. Менвелишвили считал Грузию «создателем и творцом синтезной культуры»[4], а академик Т. Гамкрелидзе писал, что грузинская культура «является результатом симбиоза и синтеза, смешения и сочетания», в котором именно «и заключается уникальность и неповторимость грузинской культуры»[5]. А совмещение элементов различных культур (нередко совмещение «несовместимого»), их взаимодействие между собою, что является характерной для маргинальной культуры, «ведет нередко к возникновению нетривиального и нестандартного в различных видах деятельности, создает богатую палитру для развития новых направлений и идей»[6]. Согласно же российскому ученому В. Цыбурскому, «маргинальность, межцивилизационность – не только вызов народу, иногда это и шанс возвышения»[7]. Сегодня в науке имеет широкое распространение мнение, согласно которому и маргинальность, и маргинальная культура являются положительными факторами: «Маргинальность может играть и позитивную роль, когда маргинализации подвергаются наиболее энергичные, образованные представители

[1] Чиковани Н. Проблема маргинальности и окраинности в истории грузинской культуры. // Кавказоведение. № 1. М., 2002. 64.
[2] Там же. С. 64.
[3] Там же. С. 63.
[4] Там же. С. 63.
[5] Там же. С. 64.
[6] Быховская И. М., Горбачева В. В. Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 258-260.
[7] Чиковани Н. Проблема маргинальности и окраинности в истории грузинской культуры. // Кавказоведение. № 1. М., 2002. С. 58.

общества, которые как раз и оказываются способны выработать новые формы общежития»[1].

Маргинальность, промежуточное состояние, может действительно на время способствовать физическому выживанию, а иногда даже и адаптации индивидуума или народа к новым реалиям, но никак не может содействовать реализации предназначения этноса, смыслу, ценности его существования – неповторимости и сохранению оригинальной культуры. А поскольку общеизвестно, что маргинализация в «значительной степени общества означает его деструктуризацию (разрушение социальной структуры) и деморализацию»[2], говорить о позитивности, тем более возвышенности этого явления все же, наверное, весьма проблематично. Здесь с целью сопоставления, думается, уместным привести высказывание И. Иванникова о М. Бакунине: «Его теоретические выводы часто противоречили действительности, имели во многом маргинальные черты»[3]. Нельзя также забывать и том, что «маргинализация общества – одна из предпосылок установления диктатуры»[4].

Несоответствие в представлениях об окружающем мире, в мироощущении и мировосприятии нередко приводит к конфликту культур или ценностей**,** каковым является и грузино-абхазский конфликт, которые есть не что иное как «критическая стадия противоречий в ценностно-нормативных установках, ориентациях, позициях, суждениях между отдельными личностями, их группами, личностью и группой, личностью и обществом, группой и обществом, между разными сообществами и их коалициями. В отличие от большинства иных видов конфликтов, в основании которых лежат, как правило, противоречия в более или менее прагматичных и утилитарных интересах сторон (экономических, политических и других властно-собственнических, статусно-ролевых, гендерных, кровнородственных и пр.), конфликт культур специфичен именно своей идеологической обусловленностью, несовместимостью оценочных позиций, мировоззренческих и религиозных установок,

---

[1] Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 163.

[2] Социология: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 147.

[3] Иванников И. А. Проблемы государства и права России начала 21 века. Ростов -на - Дону., 2003. С. 30.

[4] Социология: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 147.

традиционных норм и правил существования той или иной социально значимой деятельности и т. п., т.е. в конечном счете различием в социальных опытах конфликтующих сторон, закрепленных в параметрах их идеологии (индивидуальной или групповой)»[1].

Практические формы конфликта культур могут иметь различный масштаб и характер: от ссоры в межличностных отношениях до межгосударственных и коалиционных войн. Типичными примерами наиболее масштабных и жестоких такого рода конфликтов являются крестовые походы, религиозные, гражданские революции и отчасти национально-освободительные войны, деяния церковной инквизиции, геноцид, насильственное обращение в насаждаемую веру, в значительной мере политические репрессии и т. п. Конфликт культур именно как конфликт ценностных установок был одной из причин Второй мировой войны (в отличие от Первой, преследовавшей преимущественно политико-экономические цели). Такие конфликты отличаются, как правило, особенной ожесточенностью и бескомпромиссностью. С этой спецификой связана и особенная сложность нахождения компромисса и примирения конфликтующих сторон, стремящихся отстоять свои принципы «до победного конца». Компромиссы, как известно, легче достигаются между соперничающими интересами, нежели между несопоставимыми ценностями и идеологическими установками. В данном контексте можно говорить о конфликте целой системы этнических ценностей, а они, согласно Д. Сартания, «лежат в основе норм поведения этноса – этикета (этноэтикета) и являются конденсированным проявлением этнических ценностей, с одной стороны, и реализационным инструментом данных ценностей – с другой»[2].

Грузины, проживавшие в Абхазии, превратились в этнических маргиналов – типичный продукт потребительского общества. Они в этом не виноваты, их в целях определенной политической конъюнктуры превратили в таковых. «Этнический мргинализм, – считает А. Жариков, – явление общемировое. Ни один народ в нем не повинен и от него не застрахован. Определенная доля этнических маргиналов всегда имеется

[1] Флияр А. Я. Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 194

[2] Сартания Д. Этикет и этнические ценности. Резюме // Кавказский вестник. Тб., 2002. №5. С. 47.

в любом этносе. В мире этнических маргиналов (и это его характерная черта) добро и зло не различимы, ибо критерии их разделения утрачиваются. Потому что маргинализм, как социальный, так и этнический, характеризуется прежде всего негативным мироощущением. У такого человека нет ни своего народа, ни своей земли. Ему безразлично созидать или разрушать, ибо чужое не жалко, а поскольку чужим является все, значит не жалко ничего»[1].

Маргинальная часть населения страны, подсознательно осознавая свою ущербность (независимо от количественного соотношения), начинает «болеть» манией преследования, ощущая себя уже на сознательном уровне не ущербными, а ущемленными, и начинают сами вести себя агрессивно. Согласно И. Быховской и В. Горбачевой, для маргинальной культуры характерна «раздвоенность» личности, а утрата ее носителем целостности самосознания проявляется в возникновении внутреннего дискомфорта и напряжения личности, в соответствующих этому состоянию внешних форм поведения. А «это может быть компенсаторно повышенная активность (нередко в агрессивных формах) с ориентацией на самоутверждение, стремление к обретению значимости в социальных движениях (националистических, классовых, конфессиональных, контркультурных и пр.), так и реакция отрешенности, пассивности, ведущая к утрате индивидом развитых социокультурных связей»[2]. С этими противоречивыми чувствами жить весьма сложно, и со временем они могут привести к психологически нежелательным последствиям, которые будут усугубляться с каждым поколением. В данном случае это был массовый психоз загипнозированных людей, готовых есть землю, чтоб убедить себя в своей правоте.

Грузины, проживавшие в Абхазии, были принесены в жертву интересам «территориальной целостности» «единой и неделимой» Грузии. Иначе и невозможно охарактеризовать часть этноса, лишенного права иметь родину и жить на ней. Будучи задействованы в «мирном», а затем и военном покорении абхазов, они потеряли корни со своей собственной Родиной (в духовном, возвышенном, нематериализованном пони-

[1] Жариков А. Этнический «парадокс» экологии» // Этносфера. 2000. № 3. С. 29.

[2] Быховская И. М., Горбачева В. В. Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 260

мании), что и было составной частью «генерального плана» по колонизации Абхазии. При этом им внушалась мысль о том, что именно они являются носителями исключительно высших культурных ценностей, тогда как их оппоненты, т. е. абхазы, защищавшие свою этническую и культурную идентичность, преподносились в образе «тех же сванов и рачинцев», «ассимилированных апсуйцами» и вставших на путь сепаратизма под влиянием манипуляций пресловутой «третьей силы». Абхазы обвинялись в угодничестве «Центру» и «желании сохранить в Абхазии отживший коммунистический строй, коммунистическую систему управления»[1]. В этом плане представляется интересным одно из требований участников несанкционированного митинга, организованного в Сухуме 25 марта 1989 г. Обществом И. Чавчавадзе и Национально-демократической партией Грузии. Пункт 3 резолюции этого собрания звучал следующим образом: «Прекратить использование денационализированных лиц для провоцирования межнациональной вражды»[2]. Дело доходило даже до таких абсурдных утверждений – которые, однако, попадали на благодатную и восприимчивую почву – о том, что «племя апсуа, спустившееся с Северного Кавказа и поселившееся на древнейшей грузинской земле, совершило неподдающееся человеческой памяти коварство: назвали себя «абхазами» и, присвоив нашу историю, «объявило» себя сыновьями и хозяевами самого прекрасного уголка нашей земли Грузии»[3]. Их трагедия еще усугубляется и тем, что, попирая и ущемляя права абхазского народа, они сами являлись марионетками в руках этнически им родственных «великих стратегов», тем самым превратившись в маргиналов в квадрате, стали носителями своеобразного синдрома «ожесточения маргинализируемых дважды»[4]. Они – жертвы большой игры, и при этом в конечном итоге пострадали не меньше, чем те, против которых их использовали.

А. Жариков в вышеозначенной статье пишет: «Именно этнические маргиналы сегодня главные носители «массовой культуры», разъедаю-

[1] Гамсахурдиа З. Обращение к абхазскому народу // Газ. «Вестник Грузии», № 30, 12 марта 1991 г.

[2] Архив Народного форума Абхазии // Архив АбИГИ.

[3] Мишveладзе Р. Газ. «Народное образование». 1989 г. // Архив НФА.

[4] Уткин А. И. Исламский терроризм в США // Философские науки. М., 2003. № 3. С. 19.

щей культуры национальные. Именно они, «граждане мира», вмешиваются в жизнь любого государства и народа, стремясь переделать их по своему образу и подобию. К непокорным, как хорошо известно, применяют любые меры, вплоть до натовских бомбардировок»[1].

Местное грузинское население, по существу превращенное в общество замбированных людей, встало рядом с приезжими «охранниками железных дорог», «борцами против звиадизма», устанавливающими «конституционный порядок» в Абхазии – де-юре и грабителями, мародерами, убийцами и насильниками – де-факто. При этом оно использовалось для уничтожения всего, что напоминало об абхазах, что, в свою очередь, служит лишним доказательством его чужеродности и духовной ущербности в Абхазии. Это продолжалось до тех пор, пока они не поняли, что война ими проиграна (что рано или поздно происходит со всем захватчиками), и тогда большинство маргинализированной грузинской части населения Абхазии покинуло ее вместе с оккупантами. Они убежали туда, куда подсказывало бежать им их чувство потребительской безопасности. Причем их массовый исход не был следствием ожесточенных боевых действий, направленных именно против них, а вызван исключительно страхом перед возможным наказанием за свои преступления в Абхазии.

Миссия ООН по правам человека, расследовавшая в октябре 1993 г. сообщения об этнических чистках, наперекор утверждениям грузинских властей, констатировала, что большинство грузин, покинувших Абхазию, бежали до прихода абхазских войск[2]. Грузинская «пятая колонна» ушла вместе с оккупационными войсками, так как опасалась справедливого возмездия за содеянные преступления против граждан и законных властей Абхазии. Согласно Международному праву, чтобы лицо было признано беженцем, оно должно отвечать следующим условиям: «1) должно находиться за пределами страны своего проживания; 2) должно испытывать вполне обоснованные опасения преследования; 3) эти опасения должны основываться на одном из пяти признаков: расы, религии, гражданства, принадлежности к какой-либо социаль-

[1] Жариков А. Этнический «парадокс» экологии // Этносфера. 2000. № 3. С. 29.

[2] Чирикба В. А. Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода // Грузины и абхазы: путь к примирению. М., 1998. С. 79.

ной группе, политических убеждений»[1]. В статье 1 Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. говорится: «E. Положения настоящей Конвенции не распространяются на все тех лиц, в отношении которых имеются серьезные основания предполагать, что они:

a) совершили преступления против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений;

b) совершили тяжкое преступление неполитического характера вне страны, давшей им убежище, и до того как они были допущены в эту страну в качестве беженцев;

c) виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций»[2]. Таким образом, спекуляции грузинских властей на тему «беженцев» лишены международно-правовых оснований.

Да и потом, если они хотят жить в Абхазии, это автоматически означает, что они желают быть гражданами и защищать ее в случае необходимости, а вместо этого они убежали, а до этого спокойно смотрели, как убивают, разрушают, насилуют, словом, устраивают геноцид абхазам, не говоря о том, что они не противодействовали этому, что обязаны были сделать как граждане Абхазии. Их поведение во время войны показало, что они не желают быть и могут являться гражданами Абхазии. В связи с этим считаю уместным привести мнение В. Ардзинба, который по этому поводу говорил: «Если государство, каждый его гражданин по всем конституциям обязан защищать это государство. Но если определенная часть населения всякий раз при возникновении угрозы этому государству будет в интересах своего самосохранения покидать территорию Абхазии, когда решается судьба нации, а потом снова возвращаться… Но простите, тогда в чем провинились те, кто остался на своей Родине, защищал ее, сложил свою голову? Завтра, может быть, опять будут какие-то проблемы – и опять кто-то будет убегать, кто-то возвращаться?.. Так не бывает, государство все обязаны защищать. Если они готовы его защищать, пусть возвращаются, но если они готовы в

[1] Иванов Д. В. Беженцы в современном международном праве. М., 2006. С. 25.
[2] Там же. С. 150.

любой момент бежать из этого государства, то мы должны этот вопрос серьезно рассмотреть»[1].

У носителей культуры «маргинальности» – в частности, этнических маргиналов – нет чувства родины так таковой, но у них на подсознательном уровне сохраняется историческая память о родине, хотя и здесь господствующей является потребительское отношение к ней. Положение их усугубляется тем, что и сегодня, по истечении 20 лет, их проблему продолжают использовать в своих целях грузинские политики. С этой целью этой группе людей не дают возможности полноценно интегрироваться в современную грузинскую нацию, искусственно держат их вместе в так называемых временных жилищах, которые на самом деле априори не могут быть приспособленными для каждодневной жизни и решения ежеминутно возникающих житейских проблем. Это делается для того, чтобы эта часть людей не забыла, что они не являются полноценными носителями культурных ценностей «настоящих грузинских грузин». Тем самым им подспудно внушается мысль о том, что они здесь «свои, но чужие», но как только они попадут, «будут достойно возвращены» в Абхазию, то сразу превратятся в «полноценных своих». Исходя из этих задач, люди, уже однажды ставшие жертвами колонизаторской, ассимиляторской политики Грузии, опять-таки благодаря преобладанию в современном грузинском обществе реваншистских настроений, и сегодня продолжают оставаться в роли «временного населения» Грузии, «временных грузинских грузин», проживающих «здесь» только до тех пор, пока опять не превратятся в «постоянных абхазских грузин», проживающих «там» и призванных превратить «диких» и «отсталых» абхазов в «культурных» и «цивилизованных» грузин и, тем самым, спасти их от русификации, которая, в противном случае, им грозит неминуемо, но о чем они не ведают в силу того, что их «главный сепаратист Ардзинба» когда-то вбил им в голову байку о том, что «абхазы – не грузины», следовательно, «Абхазия – не Грузия».

Как видно из вышеизложенного, жертвами политики этнической маргинализации – превращения этноса или его части в «промежуточный народ» для дальнейшей его ассимиляции – становятся не только

[1] Эпоха Ардзинба (автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 82.

самоидентификация и культура порабощаемых и поглощаемых народов, но не редко и сам порабощающий и поглощающий народ или его часть. На определенном этапе этнической и культурной агрессии вступает в силу законы бумеранга – происходит маргинализация не только ассимилируемых, но и ассимилирующих – своеобразная объективизация субъекта – субъект агрессии и объект ассимиляции превращаются в общий объект маргинализации. Отсюда бескомпромиссный и безапелляционый, однако, на мой взгляд, справедливый и очень четко сформулированный, вывод: «Этнический маргинализм – раковая опухоль цивилизации»[1].

[1] Жариков А. «Этнический «парадокс» экологии» // Этносфера. 2000. № 3. С. 29.

ЭПИЛОГ

Владислав Ардзинба и Эдуард Шеварднадзе – эти два имени стали главными символами военно-политического противостояния Абхазии и Грузии в 1992-1993 гг. Соотношение целей, задач и возможностей для их осуществления именно этих двух политических деятелей и лидеров стало определяющим фактором в ходе войны в Абхазии.

Противостояние Ардзинба и Шеварднадзе, начавшееся тогда, будет продолжаться и в будущем. Оно не ограничивается и не может ограничиваться временными рамками войны 1992-1993 гг., земной жизнью двух лидеров или существованием современного им поколения, или даже определенной исторической эпохой. Противостояние Ардзинба и Шеварднадзе на века – пока будет история абхазского и грузинского народов, частью которой является история войны между ними в 1992-1993 гг. Оно будет продолжаться в виде столкновений идей и принципов, подходов к рассмотрению вещей и явлений, обусловивших причины, ход и итоги войны и систем их оценок.

А. Абрегов, сопоставляя двух лидеров, уже после войны пишет: «Появление на телеэкранах в новостных передачах двух лидеров – растерянного, охваченного страхом и неуверенностью. Э. Шеварднадзе и хладнокровного, спокойного, сохранявшего самообладание молодого политика – лидера Абхазии Владислава Ардзинба – было контрастным и далеко не в пользу Э. Шеварднадзе. Понятно, что такое состояние духа давалось перенапряжением физических и душевных сил, концентрацией воли, решимостью победить, поскольку он считал, правда была на его стороне. Никто не должен был знать, что же происходило в тайниках его души, когда ему сообщали о неудачах на фронте»[1]. С. Шипуно-

[1] Абрегов А. Феномен Владислава Ардзинба // Эпоха Ардзинба. Стамбул, 2009. С. 90-91.

ва еще августе 1993 г. отмечала: «Обращали ли вы внимание на то, как телевидение передает интервью лидеров Грузии и Абхазии. Ардзинба всегда смотрит собеседнику прямо в глаза, а Шеварднадзе всегда отводит взгляд в сторону»[1].

Э. Шеварднадзе, призванный на место свергнутого президента Грузии, так и не сумел сплотить грузинский народ вокруг себя. Стремление к этому, как представляется, явилось одной из главных причин его вторжения в Абхазию. Само вторжение войск Госсовета Грузии в Абхазию было воплощением в жизнь обещания Э. Шеварднадзе, данное им за несколько дней до этого, что «он железной рукой будет наводить порядок, начиная от реки Псоу[2] и до Казбеги»[3]. Однако после начала войны еще долгое время спорили о роли, которую играл Э. Шеварднадзе в принятии решения о вводе войск в Абхазию. Сам он был бы не прочь представить себя невинной овечкой, жертвой ситуации, вынужденной пойти на уступки своим более воинственным коллегам по Госсовету. Б. Коппитерс по этому поводу писал: «Обычно полагают, что он не мог выступить против своих полувоенных союзников, не рискуя либо подать в отставку, либо быть свергнутым»[4]. А Г. Нодия сообщает о том, что «некоторые нейтральные наблюдатели, встречавшиеся с ним в первые дни войны, свидетельствуют, что он находился в чрезвычайно угнетенном состоянии»[5]. Если даже это было так, то его настроение было вызвано, думается, отнюдь не заботами о неправедности вторжения в Абхазию и даже не мыслями о судьбах грузинского «пушечного мяса». Скорее всего, Э. Шеварднадзе удручало то, что начало войны в Абхазии привело к тому, что он выпустил из своих рук значительные рычаги управления не только в масштабе страны, но и в самом Госсовете, хотя, казалось бы, должно было быть наоборот. Агрессия против Абхазии и крупномасштабные военные действия способствовали возвышению

[1] Шипунова С. Пришел из Эшер // Эпоха Ардзинба. Стамбул, 2009. С. 81.

[2] Псоу – приграничная река между Абхазией и Россией.

[3] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… Сухум. 2004. С. 8.

[4] Коппитерс Б. Оттенки серого. Намерения, мотивы и моральная ответственность в грузино-абхазском конфликте // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 166.

[5] Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 48.

роли руководителей военных подразделений, которые и до этого не подчинялись ему. А может, он просто понял, что с этого момента превратился в орудие проведения и претворения в жизнь геополитических интересов других государств в регионе.

Польские журналисты Л. Бойко («Газета Выборча») и М. Грабчик («Впрост») напрямую связывали ввод контингента госсоветовских войск в Абхазию с общественно-политической ситуацией и раскладом сил в самой Грузии, напоминая читателю о нарастающем кризисе авторитета Э. Шеварднадзе среди населения страны перед приближавшимися парламентскими выборами[1]. И. Георгадзе утверждает, что начал войну Э. Шеварднадзе, чтобы с ее помощью «спасти себя на посту главы государства»[2]. В. Пряхин, рассматривая движущие силы вторжения в Абхазию, пишет: «Искушенный в политических контроверзах, Э. Шеварднадзе прекрасно понимал всю деликатность ввода грузинских войск на территорию Абхазии. Формально этому не было никаких препятствий. Как суверенное государство Грузия только что (31 июля 1992 г.) была принята в ООН. На ее стороне была официальная позиция российского руководства об уважении территориальной целостности нового независимого государства»[3]. Один из лидеров грузинской депутации Верховного Совета Абхазии Н. Месхия о причинах начала войны в Абхазии писал следующее: «Шеварднадзе надо было удержаться у власти, а для этого надо было двинуть танки в Абхазию. Причины были, нужен был лишь повод. А повод нашелся: беспредел на железной дороге! Но в дальнейшем оказалось, что железная дорога тут ни при чем. Оказывается, надо было отстаивать территориальную целостность страны! Было бы смешно, если бы не было печально»[4]. В этом отношении, конечно же, справедливо замечание Е. Боннэр о том, что Шеварднадзе отличается от Гамсахурдиа тем, что «развязал более жестокую кровопролитную войну»[5].

---

[1] Медвенский Н. В. Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 гг. в польской периодике // Абхазоведение. № 6, Сухум, 2010. С. 174.

[2] http://www.compromat.ru/page_9405.htm

[3] Пряхин В. Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве // http://www.abkhaziya.org/books/region_confl.html

[4] Месхия Н. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 353.

[5] Газ. «Невское время», 3 октября 1992 г.

Между тем, немецкая газета «Штутгартер цайтунг» заметила, что «даже в этой политической конфронтации в Грузии просматриваются противоречия между уголовно-мафиозными группировками, замаскированными политическими целями»[1]. Действительно, к тому времени военизированное формирование «Мхедриони» Д. Иоселиани и Национальная гвардия Т. Китовани уже давно поделили экономику Грузии на сферы влияния. А население Грузии было недовольно этим, росла ненависть к разбойникам в военной форме. Возникла необходимость занять этих людей, желательно за пределами самой Грузии, для чего и понадобилась война в Абхазии. Конечно же, всем и тогда было ясно, что эти «войска» и в Абхазии возьмутся за старое – начнут грабить, но тогдашние тбилисские идеологи рассудили: пусть грабят где угодно, но только не в грузинской столице. Да и потом, маленькая победоносная война нужна была для объединения грузинского народа. Политолог А. Скаков также считает, что «частично ставка на войну как средство консолидации себя оправдала». По данным августовского (1992 г.) опроса общественного мнения, 65 % тбилисцев выразили доверие Госсовету, а 75 % связывали свои надежды на вывод республики из кризиса с личностью Э. Шеварднадзе[2]. Таким образом, «война становилась не только необходимой, но и желанной»[3] для многих в Тбилиси, и ее главы в частности.

Как видно, у главы Госсовета было немало мотивов для того, чтобы желать вторжения в Абхазию, ибо ему нужно было доказать, что он грузин «самой высокой пробы». Бывшему члену Политбюро, «интернационалисту» это сделать было трудно в условиях, когда ему противостояли открыто националистический З. Гамсахурдиа и его окружение[4]. И с этой целью, по убеждению публициста В. Ряшина, «он с первых дней после своего возвращения на родину сделал ставку на «партию войны», которой Грузия виделась пусть малой, но империей»[5]. Бывший министр

---

[1] Газ. «Правда», 1992, № 109.

[2] Скаков А. Ю. Внутриполитическая ситуация в Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002. С. 268.

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 31, 1 июля 1993 г.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 412-413.

[5] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. М., 1993. С. 297.

безопасности Грузии И. Георгадзе считает, что войну в Абхазии развязал именно Э. Шеварднадзе для того, чтобы с ее помощью отвлечь внимание населения своей вновь обретённой родины от социально-экономических проблем[1]. Действительно, судя по всему, внутригрузинские отношения занимают одно из главных мест в ряду причин, принудивших Э. Шеварднадзе к принятию решения о вторжении в Абхазию. Размышляя над этими вопросами, публицист Р. Исаков тогда писал: «Не добившись любви грузин, «противник диктатуры» решил прибегнуть к войне с маленьким абхазским народом, наверняка, рассчитывая на легкую победу и консолидацию грузин на националистической волне, вызванной войной»[2]. А вот еще одно, хотя и косвенное, но довольно прозрачное признание самого лидера Грузии, которое он сделал на очередном заседании Госсовета: «Я был за принятие жестких мер против сторонников Гамсахурдиа. Мы всенародно заявили, что если наши требования об освобождении заложников не будут выполнены, мы применим силу. Мы знали, что заложники находились сначала в Гальском, потом Очамчирском[3] районе»[4]. Этот трюк с заложниками, по мнению исследователей, является ничем иным, как надуманным, что подтверждал, конечно, сам не желая того, и министр иностранных дел Грузии А. Кавсадзе. Позже, 19 января 1993 г., выступая с трибуны ООН и говоря о причинах вторжения Госсовета Грузии в Абхазию, он напомнил о «антидемократических выборах в ВС Абхазии», о «модернизированной форме апартеида и этнодиктатуре», о «создании мононационального батальона «Абхазская гвардия» и «террористической организации КГНК», но не вспомнил о «заложниках»[5].

Месяц спустя после вторжения в Абхазию, 17 сентября, Э. Шеварднадзе, выступая перед общественностью оккупированного Сухума и размышляя вслух о причинах ввода войск, сказал: «Я вместе с другими сидел и думал о том, насколько перемещение воинских частей являет-

[1] Мурванадзе Б. Ю. Основные ориентиры внешней политики Грузии в период правления Эдуарда Шеварднадзе // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. № 18. М., 2008. С. 65.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 321.

[3] Гальский и Очамчирский – районы в Восточной Абхазии.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 81.

[5] Газ. «Демократическая Абхазия», № 10, 3 марта 1993 г.

ся деликатным… Может быть, не все знают об этом, но с теми ребятами, которых мы сажали в график охраны поездов, заключали, оформляли контракты, эта работа налаживалась, и каждый должен был получать зарплату 8000–9000 руб., а также гарантию»[1]. В действительности, «начиная войну в Абхазии, Шеварднадзе пытался отвести угрозу своего свержения и отвлечь внимание людей» – так считает И. Георгадзе[2]. Начало войны позволило остановить раскол грузинского населения Абхазии, которое «доселе разделенное на звиадистов и сторонников Шеварднадзе, на время забыло о непримиримых противоречиях и в большинстве лояльно отнеслось к новому порядку»[3].

Вторжение в Абхазию помогло Э. Шеварднадзе не только избежать очередного противостояния в Госсовете и раскола нации, к которому мог привести поход в Мегрелию, но и способствовал росту его рейтинга в глазах грузинского общества как борца за единство и неделимость Грузии. Ведь еще французский философ и юрист XVI в. Ж. Боден считал, что лучший способ сохранить государство, гарантировать его от смут, восстаний и гражданских войн – это «содействовать добрым отношениям подданных путем поиска внешнего врага и направления против него общих чувств»[4]. Стараясь соответствовать имиджу общенационального лидера и поборника «общих чувств», глава Госсовета уже 15 августа заявил: «Как и наши великие предки, в борьбе за сохранение территориальной целостности нашего государства мы ни перед чем не остановимся. Ради этого мы готовы погибнуть сами и уничтожим всякого, кто будет пытаться разрушить наше государство»[5]. Эти полные ложного героического пафоса слова раскрывали смысл, точнее, бессмысленность утверждения самого Э. Шеварднадзе о том, что войска Госсовета были введены в Абхазию для охраны железной дороги. Какими бы обстоятельствами это не было обусловлено и какие бы доводы в его оправдание не приводились, Э. Шеварднадзе несет львиную долю ответственности за вторжение грузинских войск в Абхазию.

---

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 29.
[2] Думаа К. Н. Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002. С. 140.
[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 90.
[4] Цит. по Э. А. Позднякову. Философия политики. М., 1994. Т. 2. С. 132.
[5] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 38.

Позже Шеварднадзе неустанно повторял тезис о том, что Ардзинба знал о вступлении грузинских войск в Абхазию и вообще игнорировал встречу с грузинским лидером как во время войны, так и до войны. Однако глава Грузии все делал, чтобы его встреча с Ардзинба не состоялась, ибо, как говорил Г. Киссинджер, «дипломатия не способна спрямить путь к преобладанию, к нему ведет единственная дорога – война»[1]. А Шеварднадзе стремился к преобладанию над Абхазией, что ему было необходимо и для того, чтобы укрепиться в самой Грузии. Об одном из красноречивых эпизодов, подтверждающих сказанное, свидетельствует министр иностранных дел Грузии А. Чиквиадзе: «Делегация Грузии во главе с Шеварднадзе принимала участие в работе Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) (25 июня 1992 г. – **А. А**.). После окончания совещания перед вылетом Шеварднадзе сказал мне: «Саша, вылетаем в Тбилиси в 2 часа, но по пути заскочим в Батуми. Предупреди экипаж». По правде говоря, я удивился и заметил: «Батоно Эдуард, самолет заправили, но запас горючего рассчитан до Тбилиси, ведь Батуми не предусматривался, чем вызвано изменение маршрута?» «Перед вылетом в Анкару мне позвонил Ардзинба и предложил на обратном пути встретиться в Абхазии, – ответил Шеварднадзе, – но я в Абхазию не поеду, не хочу с ним встречаться. А в Батуми мы залетим и тем самым поставим Ардзинбу на место»[2]. Бывший тогда министром обороны Грузии Л. Шарашенидзе, вспоминая о событиях накануне вторжения в Абхазию, также сообщает: «Э. А. Шеварднадзе в этот период ни разу не встретился с В. Г. Ардзинба, хотя тот на встречу был согласен, даже с приездом в Тбилиси. У меня было несколько встреч с Ардзинбой, и я подтверждаю это, а также и то, что абхазское руководство в то время положительно отнеслось к возвращению Э. А. Шеварднадзе в Грузию и возлагало на это определенные надежды. Во всяком случае, с руководством Абхазии можно и нужно было вести переговоры самому Э. А. Шеварднадзе, [но] он почему-то тянул и связывал свою встречу с определенными условиями. В этот период, май-июнь 1992 г., я четырежды встречался с Ардзинбой и подтверждаю все вышеизложенное. Очень подробно после каждой встречи я докладывал Шеварднадзе, в том

[1] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 151.
[2] Чикваидзе А. Д. На изломе истории. М., 2006. С. 192.

числе и о готовности Ардзинба встретиться с ним»[1]. С красноречивым свидетельством еще одного очевидца – Н. Месхия – можно было ознакомиться в разделе о предвоенной ситуации.

14 августа во время пресс-конференции Э. Шеварднадзе на вопрос, как он относится к отстранению Ардзинба от власти, раздраженно ответил, что это – прерогатива ВС Абхазии[2]. Через четыре дня после вторжения в Абхазию, поздно вечером 18 августа, выступая по грузинскому телевидению, руководитель пресс-службы Госсовета Грузии В. Кварацхелия сказал, что «в тот же день (14 августа. – **А. А**.) председатель ВС РА В. Ардзинба связался по телефону с Э. Шеварднадзе и предложил ему вывести из Абхазии грузинские войска и провести личную встречу на территории какого-либо другого государства, в частности, России». Тут же последовало пояснение о том, что «вероятнее всего, Госсовет Грузии не даст согласие на то, чтобы такая встреча проходила в другом государстве»[3]. Тбилиси вторгался в Абхазию не для того, чтобы вести переговоры, и во время того же телефонного разговора глава Госсовета «посоветовал» лидеру Абхазии: «Владислав Григорьевич, соберите Верховный Совет, я к Вам приеду, и мы все решим»[4]. Последняя фраза лишний раз свидетельствует о целях ввода войск Госсовета Грузии, которую уже Э. Шеварднадзе даже не считал нужным скрывать от руководителя Абхазии. В Тбилиси уже все было решено и подготовлено к военному покорению Абхазии. Об этом же свидетельствует и то, что менее чем за сутки до начала агрессии, 13 августа, в газете «Свободная Грузия» под претенциозным заголовком: «Вопрос быть или не быть решается сегодня», было опубликовано обращение Э. Шеварднадзе, в котором говорилось о необходимости наведения конституционного порядка в Грузии в связи с похищениями «звиадистами» некоторых членов тогдашнего руководства Грузии. Фактически же речь шла о вводе войск в Абхазию. О том, как в Тбилиси желали бы «навести конституционный порядок» в Абхазии, свидетельствует следующий факт, лишний раз наглядно де-

[1] Лакоба С. З. Бывший министр обороны Грузии: о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992-1993 гг.) // http://apsnypress.info/analytic/7210.html#print

[2] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 28.

[3] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 67.

[4] Газ. «Новый День», № 26, 12 августа 2005 г.

монстрирующий действительные цели ввода грузинских войск. В ночь с 13 на 14 августа в аэропорту г. Сочи приземлился самолет ТУ-134 из Тбилиси с 75 вооруженными людьми на борту. Там, в Адлерском аэропорту, собирались перехватить членов руководства Абхазии, которое, по логике грузинского военного командования, должно было бежать. Когда же молниеносной оккупации не получилось и стало ясно, что руководство Абхазии не побежит, к 18 часам вечера 14 августа самолет улетел обратно[1]. Да и в самой Абхазии, по свидетельству В. Ардзинба, «были люди, которые, как выяснилось потом, знали о том, что будут введены грузинские войска, не только знали, но и ждали их»[2].

Шеварднадзе и после истечения большого количества времени, уже в 2009 г., продолжал утверждать: «Я прилетел в Сухуми, но так и не смог побеседовать с Ардзинбой – он всеми способами избегал встречи. За это время провели мобилизацию. Первые бои начались, когда я еще был в Абхазии»[3]. Уже неоднократно названный Н. Месхия риторику экс-главы Грузии прокомментировал следующим образом: «Это откровенная ложь! В действительности, вы в Сухуми приехали спустя ровно две недели после начала войны в Абхазии! До этого прислали… танки! Поэтому еще вопрос, кто кого избегал! Для чего понадобилась вам откровенная, несусветная ложь?!»[4].

26 августа во второй половине дня состоялся телефонный разговор В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе. В ответ на предложение Ардзинба встретиться грузинский лидер предложил ему вылететь в Тбилиси[5]. 17 сентября, прибыв в Сухум, он довольно оригинально предложил абхазскому руководству встретиться: «Вот я приехал, и вы тоже приезжайте, посидим, поговорим… И вот я уже сделал практический шаг и уже три-пять часов нахожусь здесь. Если он (В. Ардзинба. – **А. А.**) слышит мои слова и имеет желание, то ему еще не поздно приехать. Безопасность гарантирована как здесь, так и в Тбилиси. Я готов целую ночь беседовать с ним и его коллегами. Если получится – хорошо, если нет – то моя совесть

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 31, 1 июля 1993 г.
[2] Газ. «Новый День», № 26, 12 августа 2005 г.
[3] Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009. С. 342.
[4] Месхия Н. Ш. Как отторгалась Абхазия. Тб., 2011. С. 375.
[5] Газ. «Республика Абхазия», 22-27 августа 1992 г.

чиста пред самим собой, перед абхазским народом»[1]. Естественно, в тех условиях процитированное трудно было назвать приглашением на переговоры, а скорее, это было требованием явки с повинной. При этом Шеварднадзе понимал, что на такое предложение он не получит ответа, что ему и нужно было, т. к. он приехал в Абхазию на танках не для того, чтобы договариваться с Ардзинба, а чтобы свергать его. Шеварднадзе нужно было наказать непокорную Абхазию, а его воинство особо и не скрывало, что приехало в Абхазию пограбить. Однако, «чтобы соблюсти приличия, Госсовету требовалась отставка Председателя ВС В. Ардзинба»[2]. Именно с этим было связано ложное сообщение Т. Китовани, сделанное им по телевидению: «Мы распустили парламент Абхазии и освободили от должности его председателя В. Ардзинба»[3]. Однако он стал организовывать сопротивление агрессору. Тогда в ответ на сообщения о его бегстве из Сухума В. Ардзинба заявил: «Если бы я бежал, то сдался бы на милость победителей – подал бы в отставку по требованию Госсовета. Но «победитель», как Наполеон под Москвой в 1812 году, одержал пиррову победу. Если вы помните, о результатах оставления столицы России тоже шел спор. У нас же нет регулярной армии, чтобы противостоять гвардии. Здесь, в Гудауте, мы не смирились. Организуем ополчение и не теряем надежды на помощь мирового сообщества[4]. В главе о Сентябрьском наступлении также уже приводилось свидетельство А. Чикваидзе о том, что Э. Шеварднадзе отказался встретиться с В. Ардзинба даже в конце сентября 1993 г., накануне его поражения в Абхазии.

Однако Э. Шеварднадзе проиграл войну, уже начав ее. Призыв В. Ардзинба к сопротивлению стал точкой отсчета победы абхазского народа в этой войне. 14 августа решалась судьба не одного боя или даже крупного сражения, а судьба всей войны. В. Ардзинба победил войну 14 августа. Может быть, тогда об этом никто не думал и не мог об этом думать, но теперь с расстояния прошедшего времени это представля-

[1] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 298.
[2] Там же. С. 110.
[3] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 33.
[4] Газ. «Московские новости», № 36. С. 11. // http://yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-6-sentyabrya-1992-goda

ется именно так. Если бы в это время не Ардзинба оказался бы у власти в Абхазии, скорее всего, события пошли бы совсем другим путем, сопротивление, безусловно, приобрело бы другие очертания и могло бы привести к другим результатам, нежели те, к которым оно привело – к победе и независимости Абхазии. Эти рассуждения могут показаться бессмысленными, т. к. «история не имеет сослагательного наклонения». Это верно, но нужно помнить также о том, что за историю творящие ее несут ответственность.

Тогда В. Ардзинба оказался, правда, невольно в роли президента Ф. Рузвельта, которому бомбардировка японцами Перл-Харбора позволила убедить американское общество в правоте своей позиции. Конечно же, мало кто в Абхазии мог тогда допускать даже умозрительно подобное сходство. Но, будучи блестящим историком и прекрасным аналитиком прошлого и современности, сам В. Ардзинба, думается, даже в тех трагических обстоятельствах, не мог не думать и не держать в уме такие слишком уже прозрачные аналогии. Правда, тут аналогия не полная и не в пользу В. Ардзинба и Абхазии. В 1941 г. Япония напала на отдаленную американскую базу, а весь материк со всеми своими ресурсами оставался нетронутым. В Абхазии же молниеносно враг дошел до сердца страны, которая встретила вооруженного до зубов противника с несколькими десятками нарезного и несколькими сотнями гладкоствольного оружия. Безусловно, несопоставимы силы и возможности Ф. Рузвельта и В. Ардзинба, подвергшихся внезапной атаке, как и несопоставимы масштабы последовавших за ними событий. Однако когда идет речь о судьбе народа, не бывает маленькой или большой задачи. Ф. Рузвельту нужно было убедить Конгресс в необходимости ответных действий для того, чтобы утвердить США в качестве мировой геополитической державы. Для этого он, прикованный к коляске, сделал невозможное по медицинским показаниям – встал на ноги, т. е. подчинил свою физическую природу своим убеждениям. У В. Ардзинба была задача сложнее: ему нужно было не только убедить определенную часть общества (а таковая есть всегда) в необходимости сопротивления агрессору, но и доказать этой части и всему остальному народу, что есть силы и возможности для сопротивления. Это сложно сделать, когда эти силы и возможности мизерны.

В первый же день войны состоялся телефонный разговор Председателя ВС Абхазии В. Ардзинба с председателем Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе. Спустя некоторое время в интервью газете «Известия» глава Госсовета скажет следующее: «Я лично разговаривал с ним (В. Ардзинба. – **А. А**.) по телефону. Принципиальное согласие (на ввод войск. – **А. А**.) было получено. Единственное, мы не успели ознакомить его с планом действий»[1]. Э. Шеварднадзе это придумал после провала блицкрига, а тогда, за десять часов до начала войны в телефонном разговоре с В. Ардзинба, он заверил, что «войска, направленные Госсоветом в Западную Грузию, не перейдут границы»[2]. Однако это был явный блеф, т. к. означенный разговор состоялся ближе к вечеру 13 августа, т. е. до того, как был взорван железнодорожный мост через р. Ингур и когда до начала осуществления операции «Меч» оставалось несколько часов. Но В. Ардзинба тогда поверил Э. Шеварднадзе, и поэтому для Председателя ВС РА «появление этих войск было неожиданностью»[3]. А 14 августа, уже после начала боевых действий и появления первых жертв, Э. Шеварднадзе утверждал, что «в данное время разыскивает Т. Китовани, о ситуации ничего не знает»[4]. Между тем, согласно показаниям взятого в плен генерала З. Мамулашвили[5], в его присутствии 8 августа 1992 г. в г. Тбилиси проводилось совещание высоких должностных лиц Грузии: Шеварднадзе, Сигуа, Китовани, Иоселиани. Решался вопрос ввода войск в Абхазию. Госсовет единогласно решил это сделать, и Шеварднадзе одобрил такое решение[6]. И. Батиашвили, тогдашний руководитель информационно-разведывательной службы Грузии, также считает: «Абсурдна и преступна по всем критериям попытка властей обвинить Китовани или кого-то еще другого во вводе войск в Абхазию: решение о вводе войск в Абхазию было принято 11 августа на заседании Госсовета под руководством его председателя Э. Шеварднадзе. Такое решение было принято, несмотря на информированность всех о том, что с пере-

[1] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 64.

[2] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 89.

[3] Газ. «Новый День», № 26, 12 августа 2005 г.

[4] Геноцид абхазов. М., 1997. С. 45.

[5] З. Мамулашвили – генерал-лейтенант железнодорожных войск Грузии, был взят в плен абхазской армией 6 июля 1993 г. при освобождении Сухум ГЭСа.

[6] Лакоба С. З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001. С. 43.

ходом наших войск р. Ингур, несомненно, начнется война»[1]. А тогдашний министр госбезопасности Грузии И. Георгадзе в «Новой газете» уже после войны заявил: «Абхазская война целиком и полностью сценарий – Шеварднадзе. Роль Китовани – скорее, роль исполнителя. А мозгом и первопричиной абхазской войны был Шеварднадзе»[2].

Так что глава Госсовета не мог не знать о ситуации ничего, и здесь, безусловно, прав Б. Коппитерс, который констатирует: «Я лично сомневаюсь в том, что в августе 1992 г. у Шеварднадзе были какие-то прудицианальные (продиктованные благоразумием) моральные проблемы относительно использования силы для разрешения серьезного политического спора с Абхазией»[3]. Еще одним свидетельством «нечистоплотности» Э. Шеварднадзе являются его же слова, сказанные им 23 августа 1992 г. на заседании Госсовета Грузии: «Не поддаваться провокациям и сплетням. Прошел слух, что якобы решение о введении грузинских войск принял Китовани, а не Шеварднадзе. Мы решили это совместно»[4].

Тем не менее, в течение всего периода войны ведущие политики мира оправдывали войну в Абхазии, массовое уничтожение, ограбление и изгнание людей необходимостью сохранения «территориальной целостности» Грузии. Именно в дни, когда в Абхазии полыхал пожар войны, развязанной Э. Шеварднадзе, он был награжден «за вклад в дело мира» медалью Международного центра имени графа Батьяни и международной премией И. Канта. Действительно, в значительной мере руки Грузии были развязаны поддержкой Э. Шеварднадзе со стороны многих ведущих политиков мира. Как уже говорилось, он вернулся в Грузию в результате государственного переворота и свержения законной власти, и на первый взгляд могло показаться, что это обстоятельство не позволит ему, во всяком случае, столь открыто, предпринять что-либо противоречащее своему новому положению. В условиях отсутствия легитимной основы власти подобного рода шаги были

[1] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. Сухум, 2003. С. 97.
[2] Думаа К. Н. Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002. С. 140.
[3] Коппитерс Б. Оттенки серого. Намерения, мотивы и моральная ответственность в грузино-абхазском конфликте // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 182.
[4] Думаа К. Н. Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002. С. 140.

чреваты непредсказуемыми последствиями. Но мировое сообщество предоставило Э. Шеварднадзе карт-бланш на укрепление своей власти в Грузии и полную свободу действий в отношении Абхазии. При этом он сам и его друзья на Западе, наверняка, помнили «о взлете популярности Д. Буша после «великой победы» над Ираком», и победа над Абхазией была бы очень кстати перед «узакониванием» через выборы беззаконной власти Госсовета[1].

Преданность В. Ардзинба интересам своего народа не могла не быть замеченной, где бы, о чем бы он не говорил и что бы он не делал. Одним из показательных моментов этого является памятная встреча в Москве 3 сентября 1992 года. Абхазский поэт М. Ласуриа передает слова В. Жириновского, который, выйдя из зала заседаний названной встречи, сказал абхазам: «У вас есть один-единственный человек, который может спасти Абхазию. Это – Владислав Ардзинба. Верьте ему и помогайте ему»[2]. В тот же день, 3 сентября, другой абхазский поэт Т. Аджба, находившийся в оккупированном Сухуме, записал в своем дневнике: «Всевышний, Господь нас породивший, яви свое могущество, благослови абхазов, благослови Ардзинба!»[3]. Абхазский журналист Л. Черкезия, находившийся в блокадном Ткуарчале, о рассматриваемой встрече писал: «В. Ардзинба не смущало ни откровенное давление и высокомерие сторонников Шеварднадзе, ни угодливость отдельных представителей республик перед российским Президентом – он вел себя как истинный горец в бою»[4]. Характеризуя эту же встречу и ее Итоговый документ, Г. Аламиа пишет: «Назову это трагическое действо боем одинокого рыцаря против разъяренных политических хищников за честь и достоинство своей родины. Подпиши В. Ардзинба вариант документа по итогам Московской встречи, где осуждалось добровольческое движение в помощь сражающейся Абхазии, на веки веков народ наш покрыл бы себя несмываемым позором. Уже заранее по Северному Кавказу был распространен слух о том, что абхазы предали добровольцев. Можно представить себе, каково было мне, представителю Председателя ВС

[1] Геноцид абхазов. М.,1997. С. 412-413.
[2] Газ. «Ецәаҵьаа», № 11-12, ноябрь-декабрь 2010 г.
[3] Аҵьба Т. «Бзиала иаҳзырша!..» - «Дожить до рассвета!..». Сухум, 1994. С. 69.
[4] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 124-125.

Абхазии в этих республиках, пока не получил стенограмму встречи и копию итогового документа. Я чувствовал, что вот-вот разрушится все то, что связывало наши народы, но не мог что-либо противопоставить лавине обвинений в наш адрес. Видел нескрываемое злорадство тех, кто считал, что мы рассорили их с «хлебосольными, культурными грузинами»[1]. Абхазский журналист Р. Хашиг назвал происходившее на этой встрече битвой гладиаторов, во время которой против абхазского лидера запустили «машину давления» и «завуалированные формы шантажа». Названный автор дает следующую оценку рассматриваемому событию: «Однако Владислав Ардзинба принял этот бой, выдержал невообразимое давление, нажим практически со всех сторон. Он с достоинством выдержал и выиграл этот неравный бой, который останется в анналах нашей истории под названием «3 сентября». Выиграл не в смысле военном или политическом, а в первую очередь в моральном, человеческом плане, что в совокупности с его дипломатическими способностями, внутренней уверенностью, другими незаурядными волевыми качествами обеспечили ему превосходство над теми, с кем пришлось вступить ему в схватку под сводами «Президент-Отеля»[2].

25 сентября 1992 г. Шеварднадзе во время выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, не называя имени Ардзинба, но довольно все прозрачно указал международному сообществу, кого и почему надо опасаться. Он тогда заявил: «Мы просто обязаны внести в международное право норму об индивидуальной ответственности лиц, провоцирующих массовые беспорядки, политическую жестокость, захват заложников, террористические акты, разного рода блокады. Наше смутное время наплодило таких людей. Пигмеи подняли мятеж против человечности. В истории это уже было, но в таких масштабах, как сейчас, мир еще не сталкивался с нашествием «мессий», желающих утверждать свою власть на страдании собственных народов»[3]. Сам В. Ардзинба, говоря о мотивах главы Грузии в войне в Абхазии, отмечал: «Шеварднадзе

[1] Аламиа Г. Ш. Звезды сгорают, чтобы продолжиться в свете… // Эпоха Ардзинба (автор проекта, составление Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 17-18.

[2] Хашиг Р. Один против всех // Эпоха Ардзинба. Стамбул, 2009. С. 114.

[3] Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос (1987 – начало 1992 гг.). М., 1988. С. 324.

надо было утвердиться во власти, а для этого разогнать наш парламент, создать и здесь маленький госсоветик, чтобы напрямую командовать Абхазией. Он представлял себе, что для этого достаточно будет ввести танки на два-три дня, пострелять тех, кто окажет сопротивление, и на этом кончить дело. Но все оказалась не так просто»[1]. Однако пропагандистская деятельность грузинских политиков, поддерживавшаяся различными лоббистскими структурами в России и мире, приносила свои плоды. Тогда различные СМИ стали задаваться многозначительными вопросами о том, «грядет ли смена власти» в Абхазии, и даже выдвигались предположения, что «в ближайшее время возможны «неожиданные» перемены в руководстве Абхазии»[2]. Подобного рода сообщения могли являться частью плана или заговора против абхазского руководства, а может, эти заявления должны были послужить сигналом к каким-то действиям. А может быть, информация «о грядущей смене власти в Абхазии» являлась «разведкой боем», проводившаяся с целью выявления разногласий внутри абхазского руководства и возможности его раскола. Заявления об «обострении внутриабхазских и абхазо-горских противоречий», прозвучавшие в середине октября 1992 г., не имели под собой видимых серьезных оснований. Однако нельзя исключать и того, что они родились не на пустом месте, и в среде абхазского руководства могли быть и, по всей вероятности были люди, не согласные с политикой В. Ардзинба. Здесь, чтобы не выглядеть голословным, сошлюсь на самого В. Ардзинба, который уже после войны заметил, что в Абхазии перед войной были люди, ожидавшие прибытия сюда войск Госсовета Грузии. И они никуда не делись и, судя по всему, продолжали считать лучшим выходом из создавшейся ситуации начало переговоров о капитуляции Абхазии. Однако эти деятели, безусловно, понимали, что в условиях, когда народ решительно был настроен сражаться с агрессором до победного конца, а В. Ардзинба стал символом этой борьбы, открыто выступать против него и его бескомпромиссной позиции по поводу взаимоотношений с Грузией, было делом бесперспективным и явно проигрышным. И, в первую очередь, в силу этого обстоятельства слухи о противоречиях в абхазском руководстве не возымели существенного

[1] Эпоха Ардзинба. Стамбул, 2009. С. 81.
[2] Газ. «Демократическая Абхазия», № 13, 12 ноября 1992 г.

воздействия на ситуацию. С этим согласуется и следующее свидетельство Г. Аламиа: «В войну разделение людей происходит не только по линии фронта. Вынужден был (В. Ардзинба. – **А. А**.) видеть каждый день не только малодушных, но и будущих «героев» мимо них проходящей войны. Он не мог не знать, что именно они плели интриги, вкладывая в уста «мудрецов» предложение «сдаться во имя сохранения народа». Это они сетовали по поводу его «недипломатичности», «неуступчивости», «недальновидности» и тем самым, прямо и косвенно, обвиняя его в гибели людей»[1].

Между тем, в начале декабря 1992 г. стало известно о крещении Э. Шеварднадзе, в обряде которого принимал участие католикос Илия Второй. Трудно сказать, стал ли Э. Шеварднадзе ближе к Богу после своего крещения в 65 лет. Но факты говорят, что вместо Бога он поверил в военную мощь грузинской армии, ибо известие о крещении Шеварднадзе совпало по времени с его воинственными заявлениями в адрес Абхазии. Выбор имени для нововоцерквленного также был соответствующим – Георгий, что, видимо, по логике Шеварднадзе, не могло бы не вызывать у простых смертных аналогию Георгия Шеварднадзе с Георгием Победоносцем. Теперь он был не только руководителем противников Гамсахурдиа, а стал руководителем всех христиан Грузии. Как известно, Илья Второй ранее призывал к убийству негрузин, а теперь крестил Шеварднадзе и нарек его именем христианского святого – покровителя воинства, тем самым благословив его на преступления против абхазов, в чем он и без этого к тому времени преуспел. Тогда к его воинственным призывам, приведшим к ожесточению боевых действий, прибавилось и уничтожение вертолета в небе над с. Лата с абхазскими женщинами и детьми, которое произошло также спустя не более двух недель после его крещения. Так в кого все же поверил Э. Шеварднадзе после своего крещения?

Продолжением пропагандистской войны против абхазов стало «убийство» В. Ардзинба в январе 1993 г. Тогда российские СМИ с подачи грузинских политиков сообщили о ранении, затем и об убийстве В. Ардзинба. Впрочем, события развивались как в не очень хорошем

[1] Аламиа Г. Ш. Звезды сгорают, чтобы продолжиться в свете… // Эпоха Ардзинба (автор проекта Г. Аламиа). Стамбул, 2009. С. 13.

детективе. Началось все с того, что 15 января в программе «Новости» Российского телеканала «Останкино» было передано сообщение грузинских журналистов о том, что якобы в стычке с оппозиционными представителями был ранен Председатель Верховного Совета Абхазии. По другой версии, В. Ардзинба был ранен абхазом, «проявлявшим недовольство подготовкой и ходом последней военной операции»[1]. Пресс-служба Верховного Совета Абхазии опровергла информацию, заявив, что «это провокационное сообщение не соответствует действительности»[2]. Сам В. Ардзинба слухи о своем ранении прокомментировал следующим образом: «Поскольку сломить сопротивление военным путем не удается, в ход пускаются самые грязные методы пропаганды. Никаких разногласий в Парламенте нет. И перестрелок тем более»[3].

После опровержения абхазской стороны вечером 19 января грузинское телевидение со ссылкой на западные средства массовой информации передало сообщение о том, что В. Ардзинба скончался в одной из московских больниц в результате полученного им несколько дней назад огнестрельного ранения. Согласно этому сообщению, В. Ардзинба был ранен «во время словесной перепалки, возникшей на совещании при обсуждении комплекса мер по стабилизации обстановки на территории грузино-абхазского конфликта»[4]. Затем даже было сообщено о дате его похорон. Позже по Сухуму распространялись слухи, что могила В. Ардзинба находилась в Новодевичьем кладбище в Москве[5]. Полномочный представитель Абхазии в Москве И. Ахба заявил, что 15 января В. Ардзинба не мог получить ранение в Гудауте, хотя бы потому, что в этот день его там не было – он уже находился в Москве[6]. Однако 20 января вечерняя программа «Вести» со ссылкой на грузинские источники (одновременно с опровержением полномочного представителя Абхазии в России) не исключила возможности нахождения В. Ардзин-

---

[1] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 69.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 4, 17 января 1993 г.
[3] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 93.
[4] Газ. «Коммерсантъ», № 9, 21 января 1993 г.
[5] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 43.
[6] Газ. «Коммерсантъ», № 9, 21 января 1993 г.

ба в Иране[1]. И той же ночью, видимо, уже окончательно уверовавшие в правдивость этих слухов, грузинские военнослужащие в Сухуме отпраздновали «гибель» абхазского лидера и устроили грандиозный салют из всех видов оружия[2]. О «празднествах и фейерверках в Сухуме по поводу ранения и даже гибели» В. Ардзинба сообщает и их очевидец Л. Тарнава. 21 января 1993 г. в своем дневнике она зафиксировала, что в «честь» этого «мегрелы радостно поздравляют друг друга»[3]. О том, что случаю «гибели» главы Абхазии в Сухуме грузины «начали стрелять из всех видов орудий, ликовать, поздравлять друг друга», свидетельствует и А. Тария[4]. В связи с сообщениями о смерти В. Ардзинба 23 января в г. Очамчире «началось нечто неописуемое: пришельцы и местные гвардейцы на радостях подняли стрельбу из всех видов оружия»[5]. Уже после войны на одном из грузинских сайтов было размещено небольшое воспоминание, автор которого сообщал следующее: «Эта новость (об убийстве Ардзинба. – **А. А**.) быстро распространилась по Сухуми, все говорили, что какой-то абхаз выстрелил в голову Ардзинба и что последний мертв. Такого фейерверка не было даже на Новый год. Стреляло все, что могло стрелять: пистолеты, автоматы, пулеметы, гранатометы, зенитки, ракетницы... Улицы были засыпаны гильзами и пулями, которые сыпались с неба, как горох. Потом оказалось, что Ардзинба не убит, а только ранен. У нас даже ходил слух, что вместо него по радио интервью и указы дает Винокур, т. к. Ардзинба не мог сам говорить»[6].

До блокадного г. Ткуарчала информация доходила или с большим опозданием, или вообще не доходила. Население узнало посредством грузинского телевидения о том, что Ардзинба тяжело ранен и находится в Москве. Л. Черкезия 20 января в своем дневнике сделал следующую запись: «Сегодня с утра по городу пополз слух нелепее прежне-

---

[1] Белая книга Абхазии. 1992-1993. М., 1993. С. 93.

[2] Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994. С. 69.

[3] Тарнава Л. Дневник пенсионерки, оставшейся в оккупированном Сухуме 14 августа 1992 года // Абхазский дневник. XX век. В. I. Сухум, 2008. С. 67.

[4] Тария А. М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999. С. 41.

[5] Кубрава А. М. Дорога к сраму… Сухум, 2010. С. 198.

[6] http://www1.abkhaziya.net/2005/12/blog-post_28.html

го – Ардзинба скончался… Население шокировано. Люди собрались у здания городской администрации, чтобы удостовериться, так ли это на самом деле. Информации нет никакой… Председатель Совета обороны Ласурия ушел к связистам, чтобы связаться с кем-либо из членов правительства. Наконец, возвращается. На лице – улыбка. «Не верьте… Владислав Григорьевич жив, здоров. Выполняет свои обязанности»[1]. 22 января в интервью «Интерфаксу» В. Ардзинба снова заявил, что «слухи о моей смерти сильно преувеличены». Причинами же их распространения, по его мнению, являлись, во-первых, стремление выдать желаемое за действительность, во-вторых, это показатель степени достоверности информации, которую обычно передают грузинские СМИ, в-третьих, это показатель образа мышления руководства Грузии. Далее руководитель Абхазии отметил, что таким образом «в Тбилиси, очевидно, хотят как-то поднять свой боевой дух». На просьбу прокомментировать утверждения о расколе в абхазском руководстве В. Ардзинба ответил, что это «опять-таки стремление ввести общественность в заблуждение, и одновременно распространение такой информации могло бы оправдать любой террористический акт со стороны спецотрядов из Тбилиси»[2]. Тогда же В. Ардзинба выступил по Российскому телевидению и в очередной раз опроверг слухи о своей смерти. В тот же день, 22 января, государственный министр Грузии по делам Абхазии Г. Хаиндрава также опроверг сообщение о смерти В. Ардзинба[3]. Но Т. Надарейшвили не унимался в своем упрямстве выдать желаемое за действительное. Уже 26 января он продолжал утверждать, что в программе «Итоги» выступал не Ардзинба, а его двойник: «Я лично хорошо знаю Ардзинбу. По манере поведения это был совсем другой человек»[4].

В конце войны в Абхазии Б. Пастухов, говоря о начале Сентябрьского наступления, заявил: «Ардзинба нас обманул». Российский дипломат тогда рассказал о том, что через несколько часов он и Шуйков прибыли в Гудауту и встретились с Ардзинба. Пастухов сообщил: «Мы стали убеждать Ардзинба отдать приказ о прекращении наступления, но так и не

[1] Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003. С. 166.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 6, 24 января 1993 г.
[3] Газ. «Коммерсантъ», № 10, 22 января 1993 г.
[4] «Независимая газета», № 15, 27 января 1993 г. С. 3.

сумели добиться от него определенного ответа»[1]. Уже в 2010 г. тот же Б. Пастухов говорил, что В. Ардзинба «делал много, очень много, может быть, даже иногда выше своих сил, для того, чтобы пришел мир, чтобы люди жили лучше». Пастухов, вспоминая свои переговоры и встречи с В. Ардзинба, говорил о своих тогдашних впечатлениях: «Да, конечно, он (В. Ардзинба. – **А. А**.) незаурядный человек, но что он такой упертый? Ну что он такой негибкий? Ну да, конечно, принципиальность в его положении необходима, но нельзя же так. А потом, уже когда мы ближе познакомились, я для себя сделал вывод, что если бы он тогда где-то дал слабину, дрогнул, все могло развернуться совершенно иначе»[2].

В 1993 г. Пастухов называл Ардзинба обманщиком и преступником, а в 2010 г. он говорил: «Я должен сказать, и это мое глубочайшее убеждение, что великое счастье Абхазии, абхазского народа, и это какой-то, если хотите, такой высокий знак судьбы, знак расположения к судьбе, к истории, к будущему абхазского народа, что вот в эти тяжелейшие дни испытаний, которые выпали на долю этого замечательного народа, лидером государства, человеком, который повел к освобождению и победе народ, был Владислав Ардзинба»[3]. И, думается, здесь конъюнктура, всегда являющаяся спутницей дипломатии, не причем, а может быть, напротив, приведенные слова Пастухова в какой-то мере идут в разрез с конъюнктурой.

Нет более великой задачи у человека и народа в трудные для него времена, чем сражаться за свою свободу. И здесь неверно рассматривать этот вопрос через призму численности этого народа или размеров территории, за которую этот народ сражается. Не бывает невеликой родины. И всякая война за Родину велика. Всякая Отчизна единственная и незаменимая для тех, кому она является таковой, и поэтому всякая война за Отечество есть Великая война. И народ, выстоявший в такой войне, достоин восхищения и уважения. Достоин, безусловно, восхищения и уважения лидер, ставший символом этой великой войны и великой победы. Абхазский ученый Е. Аджинджал очень точно и справедливо назвал победу Абхазии в войне с Грузией

[1] Газ. «Известия», № 187, 1 октября 1993 г. С. 2.
[2] Газ. «Новый день», № 19, 24 мая 2010 г. С. 2.
[3] Там же.

«Ардзинбовской реконкистой»[1]. А победа действительно была великая, ибо чем меньше численность и возможности народа, тем весомее его победа.

Появление В. Ардзинба на Олимпе национально-освободительного движения абхазского народа было востребовано временем, ибо, как сказал известный академик-психиатр В. Бехтерев, «всякий крупный деятель в истории человечества не столько ведет за собой массы, сколько сам стихийно следует тому историческому руслу, по которому течет жизнь его эпохи».

Владислав Ардзинба – вселенская правда абхазов; ответ абхазов на вызов, брошенный им историей.

Владислав Ардзинба обладал великой волей, позволившей ему достойно пронести через безжалостное время знамя чести своего народа. Он как историк мог смотреть на настоящее из будущего. Без этого было бы невозможно принимать решения, закладывавшие основы независимой государственности, само упоминание которой воспринималось как неудачная шутка даже в самой Абхазии.

Владислав Ардзинба сформулировал, озвучил и воплотил в жизнь мечту своего народа и поднял на доселе невиданную высоту честь и достоинство абхазов. Надо было обладать глобальным мышлением, чтобы суметь сохранить маленькую Абхазию в большой равнодушной среде.

Владислав Ардзинба был, есть и останется «первым в войне, первым в мирное время и первым в сердцах его соотечественников».

Имя Владислава Ардзинба является ориентиром и путеводной звездой, пока будет существовать абхазский народ, свободе и независимости которого он посвятил свои знания и жизнь; пока люди способны помнить, уважать и чтить свою историю.

Наше государство будет жить до тех пор, пока Главнокомандующим его армии – армии, в которой главную скрипку играют не танки, не самолеты и не пушки, а память, любовь к Родине и честь, остается Владислав Ардзинба.

В современном ему бездушном мире Владислав Ардзинба походит на мифического героя, сражавшегося за добро с многократно превос-

[1] http://ardzinba.com/about_president.php?ELEMENT_ID=26

ходившими силами зла, и пока абхазы будут хранить его в своих душах и сердцах, он будет хранить Абхазию.

Владислав Ардзинба – символ победы абхазского народа и похоронен на линии фронта, где решалась судьба этой победы…

Владислав Ардзинба – встреча прошлого и будущего Абхазии с ее настоящим. Его жизнь – яркий исторический миг, наполнивший высоким смыслом существование абхазского народа.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Грузинские войска были изгнаны из Абхазии 30 сентября 1993 г. Абхазия выстояла и победила, но вышла из войны, понеся в ней тяжелые потери. За свободу и независимость своей родины сложили свои головы две тысячи сынов и дочерей Абхазии. Экономика была разрушена. Материальный и экономический ущерб, нанесенный народному хозяйству Республики Абхазия абхазо-грузинской войной 1992-1993 гг., в цифрах выглядит следующим образом:

№ п/п	*Отрасли народного хозяйства*	*Сумма ущерба (млрд.долл.США)*
Производственная сфера		
1.	Топливно-энергетический комплекс и объекты промпредприятий	2,6
2.	Лесное хозяйство	0,3
3.	Строительный комплекс	0,6
4.	Транспортная инфраструктура	0,7
5.	Объекты связи и транспорта	2,4
6.	Объекты связи и телевидения	0,4
7.	Торговля и объекты потребкооперации	0,6
Непроизводственная сфера		
8.	Жилищно-коммунальное хозяйство	1,1
9.	Бытовое обслуживание	0,1
10.	Здравоохранение и учреждения отдыха	0,7
11.	Объекты просвещения и образования, культуры, искусства и науки	2,1
Общий экономический ущерб		11,6[1]

[1] Гареев А. М., Тания И. В. Географо-экологический анализ воздействия военных конфликтов на природную среду (на примере Республики Абхазия). Уфа., 2003. С. 100.

Однако, несмотря на все это, Абхазия в тяжелейших условиях послевоенного времени и, мягко говоря, в атмосфере недоброжелательного окружения, приступила к закреплению итогов войны – строительству независимого государства. Через шесть дней после изгнания грузинских войск, 6 октября, Председатель Парламента Абхазии В. Ардзинба заявил, что его страна будет «искать пути создания демилитаризованного нейтрального государства при наличии международных гарантий»[1]. После поражения в войне против Абхазии Грузия вынуждена была вернуться в фарватер российской политики и временно отказаться от западной ориентации, что свидетельствует о глобальных геополитических последствиях победы Абхазской армии в сентябре 1993 года. Уже 8 октября Грузия вступила в СНГ, а 9 октября было подписано Соглашение о пребывании российских войск в Грузии до 1995 г.

В ноябре 1993 г. в Женеве начался переговорный процесс между Абхазией и Грузией под эгидой ООН, при содействии России и участии СБСЕ. В них также принимала участие группа стран, объединившихся в организацию под названием сначала «Друзья Грузии», а позже – «Друзья Генсека ООН по Грузии». Первый раунд этих переговоров проходил 30 ноября – 1 декабря и завершился подписанием Меморандума о понимании между грузинской и абхазской сторонами, в котором предусматривалось обязательство сторон не применять силу друг против друга. 11-13 января 1994 г., на фоне активного противостояния на р. Ингур между абхазскими пограничниками и грузинскими военизированными подразделениями, в Женеве состоялся второй раунд абхазо-грузинских переговоров. Их главной темой был вопрос ввода в зону грузино-абхазского противостояния миротворческих сил, который сторонами был согласован.

3 февраля 1994 г., в ходе визита Б. Ельцина в Тбилиси, был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и Грузией. Согласно ему, на территории Грузии создавалось пять российских баз, а российские пограничники брали под свой контроль

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 44, 6 ноября 1993 г.

грузино-российскую границу. Россия также обещала поддержку Грузии в строительстве и переоснащении ее армии. Абхазия отреагировала на этот документ негативно. Государственная Дума также отказалась ратифицировать его, вследствие чего он так и не вступил в законную силу.

4 апреля 1994 г. в Москве между сторонами конфликта, представителями ООН, России и СБСЕ в присутствии Генерального секретаря ООН было подписано «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта». Этот документ констатировал факт отсутствия государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией. 4 апреля также было подписано Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц. В Соглашении предусматривалось, что иммунитет беженца не распространяется на лиц, совершивших военные преступления или преступления против человечности; тяжкие уголовные преступления; ранее принимавших участие в боевых действиях и находящихся в составе вооруженных формирований.

14 мая в Москве было подписано Соглашение о прекращении огня и разъединении сил, который предусматривал ввод российских миротворческих сил под эгидой СНГ в зону конфликта. Миротворческая операция началась 20 июня. Тбилиси, как выяснилось, рассчитывал с помощью российских миротворцев вернуть Абхазию. 29 июня Э. Шеварднадзе объявил, что так называемое Правительство Абхазии в изгнании, находившееся в Тбилиси, скоро переедет в приграничный Гальский район Абхазии. Россия также фактически не принимала во внимание интересы абхазской стороны. На Абхазию оказывалось давление с целью добиться ее согласия на массовое возвращение т. н. грузинских беженцев. И, как следствие, на фоне наивысшего подъема российско-грузинских отношений летом и осенью 1994 г. происходит обострение российско-абхазских отношений.

Так, бытовой ссоре российских военнослужащих и местных жителей, произошедшей 25 августа в Гудауте, было придан статус военно-политического скандала. А в середине сентября на границе Абхазии с Грузией была устроена крупная провокация, чуть было не приведшая к военным столкновениям. Ночью 13 сентября миротворцы убрали

свои посты, а утром 14 сентября окружили здание Гальской милиции, узел связи и другие важные объекты. Всем этим лично руководил заместитель министра обороны России Г. Кондратьев, который в ходе войны неоднократно обвинялся грузинской стороной в поддержке абхазов, а командир миротворцев, расположенных у Ингурского моста, заявил, что у него есть приказ от Президента России перевести грузинских беженцев. Абхазские власти вынуждены были предпринять адекватные меры, и провокация была пресечена. 16 сентября при посредничестве П. Грачева в Новом Афоне состоялась встреча В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе, после которой никаких заявлений не было сделано.

26 ноября 1994 г., несмотря на противодействие, была принята Конституция Республики Абхазия. В тот же день, согласно новому Основному Закону, Верховный Совет избрал В. Ардзинба первым Президентом Республики Абхазия, инаугурация которого состоялась 6 декабря. Принятие Конституции подтвердило неизменность курса на независимость и продемонстрировало решимость добиваться признания права абхазского народа на самоопределение. На этом пути, как уже говорилось, приходилось преодолевать жесткое противодействие мирового сообщества. Одной из таких мер давления явилось Постановление Правительства РФ «О мерах по временному ограничению пресечения государственной границы РФ с Азербайджанской Республикой и Республикой Грузия», принятое 19 декабря 1994 года. Под предлогом возможного притока добровольцев в Чечню Россия ввела сухопутную и морскую блокаду против Абхазии.

29 августа 1995 г., на фоне очередного обострения ситуации в Абхазии, в Москве возобновились четырехсторонние переговоры по урегулированию грузино-абхазского конфликта. Чуть позже Президент Абхазии, комментируя их, сказал: «От общественности скрывается тот факт, что нам на стол кладут документ, подготовленный грузинской стороной, вынуждают его подписывать и еще обвиняют в том, что мы его не подписываем». 15 сентября во время визита Премьер-министра России В. Черномырдина в Грузию было заключено соглашение по российским военным базам в Грузии, в числе которых была названа и Гудаута. На 30 сентября – вторую годовщину изгнания грузинских войск из Абха-

зии – были назначены военные учения миротворческих сил СНГ, в ходе которых планировалось ввести в Гальский район батальон СНГ, личный состав которого состоял преимущественно из грузин, а вслед за ним и грузинскую полицию. Эти планы совпали по времени с очередными заявлениями Э. Шеварднадзе о скором восстановлении суверенитета Грузии над этим районом Абхазии. Эти мероприятия, рассчитанные на оказание давления на Абхазию, вынудили привести Абхазскую армию в состояние повышенной боевой готовности.

9 января 1996 г. В. Ардзинба обратился к главам СНГ с предложением не рассматривать вопрос Абхазии без участия ее представителей «во избежание принятия решений, основанных на односторонней информации». Несмотря на это, 19 января саммит глав СНГ принял «Решение о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия», в котором осуждалась «деструктивная позиция абхазской стороны» и подтверждалось, что «Абхазия является неотъемлемой частью Грузии». Страны СНГ брали на себя обязательства без согласования с Грузией не осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные и иные операции с властями абхазской стороны; не вступать в официальные кантакты с представителями или должностными лицами структур, существующих на территории Абхазии; не допускать функционирования на своих территориях представительств властей Абхазии. Более того, саммит обратился к Совету Безопасности ООН с призывом поддержать меры воздействия на власти абхазской стороны и рекомендовать всем государствам-членам Организации присоединиться к этим мерам. Тем самым, государства-члены СНГ, за исключением Белоруссии и Туркменистана, не подписавшихся под названным решением, согласились поставить Абхазию на грань физического выживания, чтобы заставить ее отказаться от своих завоеваний в ходе навязанной ей войны.

Непоследовательное и неконструктивное поведение Грузии объяснялась тем, что ее позиция получала поддержку также и в документах ООН и ОБСЕ. В частности, ОБСЕ трижды принимались акты, осуждавшие позицию Абхазии (Будапешт, 6 декабря 1994 г., Лиссабон, 3 декабря 1996 г., Стамбул, 17-18 ноября 1999 г.). А Европейский парламент в одной из своих резолюций назвал абхазское правительство «бандит-

ско-террористическим движением». Нужно отметить, что к концу 1996 г. происходит очередная переориентация Грузии на Запад, у которого к этому времени стала озвучиваться и воплощаться в жизнь наступательная политика в регионе. Это обстоятельство в дальнейшем стало оказывать значительное влияние на процесс грузино-абхазского урегулирования.

Однако Россия продолжала проводить политику «умиротворения» Грузии, и как следствие, ужесточала давление на Абхазию. С 15 апреля 1997 г. были отключены все телефонные линии, соединяющие Абхазию с внешним миром, что означало и информационную блокаду. Тбилиси, чувствуя безнаказанность, наряду с дипломатическим давлением, продолжал вести с Абхазией террористическую войну. В частности, в рассматриваемый период в Гальский район было введено значительное число грузинских диверсионно-террористических групп для дестабилизации положения в этом регионе. Тем не менее, 28 марта саммит глав СНГ осудил позицию абхазской стороны и возложил на российских миротворцев полицейские функции. 1 апреля Парламент РА заявил, что данное решение является неприемлемым для абхазской стороны. Президент Абхазии также отверг предложение о создании рабочей группы по воплощению в жизнь этих решений саммита СНГ.

В первой половине июня 1997 г. в Москве проходили трехсторонние переговоры по вопросам урегулирования грузино-абхазских отношений. К тому времени грузинское руководство настаивало на выводе миротворцев, очередной срок мандата которых истекал 31 июля. В ходе переговоров Президент Абхазии заявил о необходимости подписания документа, «который подвел бы черту состоянию войны». Проект подобного протокола был подготовлен абхазской стороной и согласован с российской. Подписание документа планировалось 18 июня. Но оно не состоялось по вине грузинской стороны, выдвинувшей заведомо неприемлемые условия.

27 июня в Абхазию прибыли Президент Адыгеи А. Джаримов и Глава администрации Краснодарского края Н. Кондратенко, которые заявили о необходимости снятия экономической блокады против Абхазии. Однако на высшем уровне Россия продолжала оказывать давление на Сухум. Особую активность в этом направлении развил новый

министр иностранных дел Е. Примаков. 9 августа в Сочи состоялась его встреча с В. Ардзинба, в результате которой и ряда других встреч и телефонных переговоров была достигнута договоренность о визите Президента Абхазии в Тбилиси. Уже тот факт, что визит был назначен на 14 августа, пятую годовщину вторжения Грузии в Абхазию – день Памяти защитников Абхазии, свидетельствует о том, в угоду кому и чему организовывалась эта встреча. В очередной раз В. Ардзинба вынужден был пойти на непопулярный шаг: в Абхазии это решение и сам визит восприняли неодобрительно, а реакция на то, что он состоялся 14 августа, была однозначно негативной. Кроме того, несмотря на то, что Е. Примаков ручался за неприкосновенность В. Ардзинба в Тбилиси, тем не менее о полноценных гарантиях его безопасности во вражеском стане говорить не приходилось[1]. «Несговорчивый» В. Ардзинба, несмотря на то, что представлял маленькую и непризнаваемую страну, часто становился поперек интересам влиятельных сил и даже нередко способствовал смешиванию карт в их локальных, региональных и даже глобальных военно-политических играх, ареной которых являлась Абхазия. Он не мог все это не понимать, но ему тогда четко дали понять: если он не поедет в Тбилиси, то узнает, «что такое настоящая блокада».

Вспоминая об этом эпизоде, Е. Примаков пишет: «В августе 1997 года я привез Президента Абхазии Ардзинбу в Тбилиси. Дело было нелегкое. Сначала пришлось уговаривать Ардзинбу, который дважды посещал меня в Сочи во время моего отпуска. Может быть, помогло и то, что он был научным сотрудником Института востоковедения и встречался со мной в то время, когда я возглавлял этот институт. Ардзинба был объявлен в розыск грузинской стороной и не был уже семь лет в Тбилиси. Дав согласие на полет туда в самолете министра иностранных дел России и под гарантию его безопасности (предварительно я гово-

[1] В Абхазии бытует мнение, что именно во время этого визита В. Ардзинба подвергся «внешнему воздействию» (заключение экспертов), в результате которого у него была поражена центральная нервная система (потеря координации и речи). «Внешнее воздействие» развило у основателя современного Абхазского государства болезнь, которой он страдал около десяти лет и от которой скончался 4 марта 2010 г. В силу этого обстоятельства в Абхазии считают, что В. Ардзинба умер не в клинической палате, а погиб на поле брани, защищая интересы своего народа.

рил по телефону с Э. А. Шеварднадзе), не лишенный юмора, он сказал мне: «Мама спрашивает, брать ли теплые вещи?». Так или иначе, но в Тбилиси состоялась встреча Ардзинба и Шеварднадзе, которая не дала результатов»[1]. Договоренность о создании грузино-абхазской Координационной комиссии, ставшей главным итогом встречи В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе в Тбилиси, видимо, никак не могла удовлетворить «миротворца» Примакова, который рассчитывал «уговорить» Абхазию и Грузию к подписанию мирного договора, от которого ранее отказалась грузинская сторона. И, наверное, в силу этого обстоятельства он пишет о безрезультатности встречи. Хотя создание этой Координационной комиссии, безусловно, нельзя назвать большим прорывом переговоров, но, по всей вероятности, – это максимум из того, о чем тогда можно было договориться. В Тбилиси, как было и до того известно и как показали последовавшие события, готовились не мирному договору, а к военному реваншу.

Это подтверждается и тем, что 1998 год в Грузии был объявлен «годом возвращения Абхазии», что способствовало еще большему нагнетанию обстановки. 2 января Э. Шеварднадзе высказался за урегулирование грузино-абхазского конфликта путем «принуждения к миру», как это тогда произошло в Боснии. А с 19 по 25 мая в Гальском районе происходили боевые действия между абхазскими и грузинскими военными формированиями, которые получили название «шестидневной войны». Грузинские диверсионные группы пытались захватить приграничный район и вывести его из-под юрисдикции законных властей Абхазии. Руководство боевыми действиями осуществлялось из Тбилиси, местным жителям также было роздано оружие. Попытка Грузии была пресечена, а ее военные формирования изгнаны из Абхазии. 25 мая в Гагре был подписан Протокол о прекращении огня, разведении вооруженных формирований и гарантиях по недопущению силовых действий. Документ, в частности, предусматривал: «Грузинская сторона обязуется принять эффективные меры по пресечению проникновения в Абхазию террористических и диверсионных групп, вооруженных формирований и лиц». В. Ардзинба, комментируя итоги шестидневной

[1] Примаков Е. М. Мир без России? М., 2009. С. 197-198.

войны, сказал: «Эта была вторая агрессия Грузии против Абхазии, а не провокация, как ее представляют. Согласившись на вывод военных сил, грузинская сторона тем самым публично признает свое участие в военных действиях».

12 января 1999 г. Президент В. Ардзинба заявил о начале с 1 марта процесса возвращения беженцев в Гальский район. Но в Грузии вопрос возвращения беженцев использовался для достижения политических целей и враждебной пропаганды. Даже объявили, что те, кто вернется в Гальский район, являются предателями Грузии. В Тбилиси стремились не к возвращению «беженцев», а к спекуляции этой проблемой. Между тем исход части грузинского населения из Абхазии произошел до соприкосновения с Абхазской армией, и был вызван опасениями справедливого возмездия за совершенные преступления. Однако тогда, в начале февраля 1999 г., в интервью грузинским СМИ спецпредставитель Генсека ООН Л. Бота сказал: «Я лично могу понять тех, кто, не видя перспективы возвращения домой, взял в руки оружие»[1]. Это в тех условиях означало не только оправдание политики государственного террора, которая проводилась властями Грузии против Абхазии под прикрытием «партизан-беженцев», но и практически ее санкционирование.

Некой точкой отсчета нового витка российско-абхазских взаимоотношений можно назвать выборы президента и референдум в Абхазии, состоявшиеся в начале октября 1999 года. Реакция России на эти события свидетельствовала о некотором изменении ее политики по отношению к Абхазии. Конечно, этот процесс не может рассматриваться вне контекста российско-грузинских, грузино-американских и российско-американских отношений, но сам факт потепления российско-абхазских отношений и, как следствие этого, ослабление, а затем и отмена санкций на российско-абхазской границе, не могли не оказать положительного воздействия на экономику Абхазии, которая была загнана блокадой в ступор. Еще 4 марта 1999 г. Парламент Абхазии принял Закон о выборах Президента, а 19 июля назначил дату их проведения. 20 июля Генеральный секретарь ООН К. Аннан назвал предстоявшие вы-

[1] Газ. «Республика Абхазия», №12, 3-4 февраля 1999 г.

боры своего рода народным референдумом. Но уже в резолюции СБ ООН от 30 июля выборы Президента Абхазии были объявлены неприемлемыми и незаконными. Тем не менее, 25 августа ЦИК Абхазии зарегистрировал В. Ардзинба кандидатом в Президенты РА, а 30 августа был издан Указ Президента «О назначении всенародного голосования (референдума)».

9 сентября Правительство РФ приняло Постановление «О признании утратившими силу постановлений Правительства РФ». Согласно этому документу признавалось утратившим силу Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 года. Российским таможенному комитету, министерству путей сообщений и транспорта было предписано принять меры по надлежащему обустройству пропускных пунктов на границе с Абхазией. 20 октября был снят возрастной ценз на российско-абхазской границе на р. Псоу, что стало первым шагом по практической реализации Постановления правительства РФ.

3 октября 1999 г. состоялись выборы президента и референдум, в которых приняло участие 87, 6% избирателей. Наблюдения за ходом выборов и референдума осуществляли депутаты Госдумы России, Приднестровья, Краснодарского края, Южной Осетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Нагорного Карабаха. 97,9% избирателей одобрили Конституцию и проголосовали за В. Ардзинба как за кандидата в Президенты Абхазии. 12 октября Парламент, опираясь на решение референдума, принял Акт о Государственной независимости, ставший новой ступенью в становлении суверенного Абхазского государства и завершивший правовое оформление независимости Республики Абхазия. К этому времени в России, по справедливому замечанию политологов, наступает эпоха В. Путина, что в свою очередь ознаменовало существенную корректировку методов отстаивания российских интересов на Кавказе.

Как известно, основополагающим принципом для признания государственной независимости стран и народов является право нации на самоопределение. Однако нормативная база современного международного права не всегда становится нормой поведения, которой руководствуются влиятельные политические акторы. В современной мировой практике дилеммой дня становится вопрос приоритета во взаимоотношениях двух основополагающих принципов Международного

права – права нации на самоопределение и территориальной целостности государства. Эти понятия почти всегда приходят в противоречия друг с другом, становясь при этом детонатором больших потрясений.

В силу различия интересов и возможностей их отстаивания и реализации больших и малых государств, а также противоречий между самими большими государствами, которые являются законодателями политической моды, основополагающие международно-правовые принципы трактуются не всегда одинаково и соответственно требованиям установлению мира и безопасности, к которым, по идее, должно стремиться международное право. И в силу того, что по установившейся традиции всякое право, в том числе право, которому придан международный статус, можно отстоять и защитить только силой, а у сильного, как известно, всегда велик соблазн притеснить более слабого, правда и справедливость в современном миропорядке торжествуют крайне редко. Все это приводит к двойной морали и двойным стандартам, которые уже были заложены в основу основополагающих международно-правовых актов при формировании современных правил игры на мировом геополитическом поле. Может быть, вследствие этого в мировой практике в последнее время наметилась устойчивая тенденция к тому, что государства, принимая решение о признании независимости других стран, зачастую исходят не из принципов Международного права, а своего частного интереса.

Международное сообщество считало возможным признать и признало независимость Косово. При этом и слушать не желало об обсуждении такой постановки вопроса по отношению к Абхазии, у которой было намного больше оснований и прав на самоопределение и независимость. В вину Абхазии ставилось «самопровозглашение», означавшее в лексиконе больших держав государство, провозгласившее себя независимым, но не признаваемое таковым в кругу избранных. Но общеизвестно, что все государства когда-то сами себя провозглашали таковыми, и объявлять «самопровозглашение» причиной для отказа народу в реализации его права на самоопределение означает отвергать историю происхождения государств и государственного строительства. Непризнание же провозглашенной и отстаиваемой воли народа является нарушением самого Международного права,

под прикрытием которого зачастую отказывали и отказывают тому или иному народу в праве на самоопределение. Действительно, если признается независимость Косово, Сербской территории, населенной албанцами, то по какому такому «справедливому» Международному праву Абхазии, населенной абхазами, отказывается в праве на самоопределение?

Если признавать за Косово право на самоопределение, то возникал вопрос о применимости этого прецедента для Абхазии. При этом международное сообщество, в особенности США и их союзники, признавая право на независимость Косово, считали вполне обоснованной свою позицию, согласно которой случай с Косово был объявлен уникальным и что он не может служить прецедентом для других непризнанных государств. Россия в этом вопросе отстаивала универсальный характер права народов на самоопределение, утверждая, что признание Косово автоматически должно было привести к признанию всех непризнанных государств, в частности и Абхазии. Нужно иметь в виду и то, что все споры об уникальности или универсальности ситуации с Косово носят конъюнктурный характер, так как до Косово в мире имел место не один прецедент сецессии части государства и последующего ее признания самостоятельным субъектом Международного права. Абхазия же боролась за свободу независимо от косовского или любого другого прецедента и добивалась признания своего права на независимость, невзирая на продиктованные геополитической конъюнктурой прецеденты, поскольку такова выраженная воля ее народа, что является основополагающим условием признания права народов на самоопределение.

При этом надо иметь в виду, что в 2014 г. в Сочи (который находится практически на границе с Абхазией) должны состояться Олимпийские игры. Столь масштабный спортивный проект может быть осуществлен только при стабильной военно-политической ситуации в Абхазии. А это в свою очередь возможно только при наличии в этом заинтересованности больших геополитических игроков. Однако это обстоятельство не снимало с повестки дня проблему Кодорского ущелья. Напротив, чем меньше времени оставалось бы до 2014 г., тем более актуальной становилась бы необходимость решения этого вопроса, без которого было бы невозможно обеспечить стабильность в Абхазии и гарантиро-

вать безопасность проведения Олимпийских игр в Сочи. Многое в этих процессах также зависело от складывавшейся ситуации вокруг Ирана, региональной энергетической транспортной системы и нового витка глобальной войны за ресурсы.

Ситуация усугублялась реальной возможностью вступления Грузии в НАТО, к чему обе стороны давно шли и уже, судя по всему, были близки. Могло ли так случиться, что данное обстоятельство не повлияло бы на дальнейшую политику Москвы и не подтолкнуло бы ее к принятию более решительных, в том числе и военно-политических, шагов в регионе? Ведь она не шутила, когда утверждала, что размещение третьего позиционного района системы американских ПРО в Чехии и Польше (в контексте заявления о возможности размещения таковых и в Литве) угрожает ее безопасности. А если это правда (сомневаться в чем было бы несерьезно), то каково было бы безопасности России в случае возникновения таковых уже и в Абхазии? Это произошло бы, если Москва продолжала бы поддерживать тезис о «территориальной целостности» Грузии.

В первой половине 2008 г. Россия предприняла ряд военно-политических шагов: 16 апреля Президент В. Путин подписал указ о выходе России из режима санкций СНГ 1996 г., позже поручил правительству подготовить перечень мероприятий, направленных на улучшение жизни граждан Абхазии (кстати, в названном поручении В. Путина впервые отсутствовало упоминание о «территориальной целостности» Грузии, тезис о неизменной поддержке и о необходимости соблюдения которой содержался ранее во всех заявлениях главы исполнительной власти России), в Абхазию были введены российские железнодорожные войска для восстановления абхазской железной дороги...

Эти шаги являлись своеобразным ответом на вызовы национальным интересам России и вызвали протесты не только в Тбилиси, но и в столицах мировых политических игроков, прежде всего в Вашингтоне, что не могло не привести к некоторому нагнетанию взаимоотношений ведущих игроков на Кавказе. А осложнение отношений на Кавказе автоматически ведет к обострению ситуации и в других «горячих» точках, что при современных реалиях гиперглобализации чревато зарождением нового «великого» противостояния. При этом нельзя было

сбрасывать со счетов и способность больших игроков на геополитической арене договариваться между собой и манипулировать ситуацией. Предметом торга мог стать вопрос непризнания Абхазии Россией в ответ на непринятие Грузии в НАТО. И, действительно, создавалось впечатление, что нерешенность вопроса об Абхазии на рассматриваемом этапе соответствовала интересам противостоящих геополитических сил, поскольку ни одна из них не была способна или не желала выражать свою позицию более определенно, поскольку этим рисковала вызвать гнев противной стороны.

Однако ситуация изменилась в ночь с 7 на 8 августа 2008 года. Тогда была начата очередная военная агрессия Грузии против Южной Осетии. Россия предприняла решительные военно-политические шаги по обузданию агрессора и защите государственности Южной Осетии и обеспечению безопасности ее граждан, подавляющее большинство из которых являлись также и гражданами Российской Федерации. Москва также не препятствовала открытию второго фронта против Грузии, в результате которого поздно вечером 12 августа 2008 г. Абхазская армия освободила верхнюю часть Кодорского ущелья. Однако война в Абхазии, несмотря на восстановление контроля абхазских властей над всей территорией республики, не закончена. Войне между Абхазией и Грузией может положить конец только мирный договор, в котором были бы безоговорочно признаны итоги войны 1992–1993 гг. и военной операции по освобождению верхней части Кодорского ущелья августа 2008 года. А в результате операции по принуждению Грузии к миру, проведенной Россией 8-12 августа, грузинской военной инфраструктуре, созданной при поддержке НАТО, был нанесен значительный урон[1].

[1] Вооружение Грузии странами НАТО продолжилось и после войны по принуждению к миру. В результате такой поддержке западных стран, главным образом США, Грузия и сегодня является самой милитаризированной страной на Кавказе. Весьма показательно, что уже в сентябре 2008 г. в Тбилиси состоялось подписание Рамочного документа о создании Комиссии НАТО–Грузия и ее первое заседание. А. Крылов полагает, что российская дипломатия «упустила возможность использовать проблему транзита грузов в Афганистан для оказания давления на США и НАТО» с тем, чтобы получить от них «гарантии введения эмбарго на поставки вооружений государству-агрессору Грузии» (А. Крылов. Южный Кавказ: внешние и внутренние угрозы стабильности // Звенья. №1. 2010. С. 10-11).

Обозначенные военно-политические шаги Россией были предприняты без оглядки на возможную негативную реакцию со стороны США и других стран Запада. Более того, Москва однозначно объявила рассматриваемый регион зоной своей ответственности. Безусловно, означенные события в Южной Осетии и Абхазии являются неким водоразделом, который выпукло обозначил интересы России на Кавказе и пути их отстаивания. В сложившихся тогда условиях это, как представляется, было единственным выходом. В противном случае отсутствие жесткой реакции на столь беззастенчивое игнорирование интересов России в регионе могло привести к снижению авторитета Москвы в глазах мирового сообщества и даже к низведению до минимума ее значимости при рассмотрении важных международных военно-политических вопросов.

Последние события должны были привести к осознанию новой роли России в регионе и мире. Но не все пока были готовы к этому. Здесь многое зависело от решимости и готовности западных стран, прежде всего США, объявить России новую «холодную войну». Ступенью к этому и ответом на названные решительные действия России стал договор с Польшей о размещении частей третьего позиционного района американских ПРО. И уже открытым вызовом можно было бы считать принятие Грузии в НАТО, что по существу стало бы объявлением войны России, так как Грузия находится в состоянии войны с Абхазией и Южной Осетией, безопасность которых гарантируется Россией.

Однако, судя по всему, НАТО в целом не было готово к «третьей мировой войне». Правда, США могли бы продвинуться в этом вопросе дальше своих союзников, так как они были бы не прочь осложнить ситуацию по ту сторону океана, но в Европе, судя по всему, не очень желали этого, поскольку Россия являлась неотъемлемой частью континента. Москва играла ключевую роль в весьма значительных европейских проектах. Здесь просматривалось и желание Европы занять позицию, отличную от своего заокеанского союзника. «Центристская» Европа в лице Германии и Франции, у которой отношения с Россией были хорошими, оказалась в двояком положении. Дружба с Москвой ей была необходима для обеспечения своей энергетической безопасности, и без союзнических отношений с Россией вряд ли можно

говорить о Европе как о самостоятельном акторе мировой геополитики. Однако, как уже бывало не раз в истории, Франция и Германия не желали чрезмерного, по их мнению, усиления позиций России на Кавказе и за его пределами. В силу этих обстоятельств названные государства занимали довольно нечеткую и противоречивую позицию. Зато американцев безапелляционно поддержала их надежная союзница – Великобритания, министр иностранных дел которой подверг критике политику России.

Исходя из контекста сложившейся ситуации, особое значение приобретало заявление Президента России Д. Медведева о том, что Москва поддержит и будет гарантировать любой государственный статус Абхазии и Южной Осетии, который будет соответствовать воле народов этих республик. А свою волю к свободе Абхазия отстояла в Отечественной войне против Грузии (1992–1993 гг.), она закреплена в Конституции 26 ноября 1994 г. и подтверждена на референдуме 3 октября 1999 года. И, судя по всему, становилось ясным, что наступало то время, когда «смертельный удар по территориальной целостности Грузии» (В. Путин) получит уже и международно-правовое оформление…

21 августа 2008 г. в Сухуме состоялся сход абхазского народа, на котором было принято обращение к руководству России с просьбой признать государственную независимость Абхазии. 25 августа Совет Федерации и Государственная Дума России обратились к Президенту Российской Федерации с просьбой признать государственную независимость Абхазии и Южной Осетии. 26 августа 2008 г. Президент Д. Медведев подписал Указы о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и Абхазии, без чего, по мнению Н. Нарочницкой, «был бы бессмысленным и сам отпор» грузинской агрессии[1]. 9 сентября 2008 г. в Москве было объявлено об установлении дипломатических отношений между Россией и Абхазией, а 14 сентября в Сухум с официальным визитом прибыл министр иностранных дел РФ С. Лавров, в ходе которого был решен вопрос об учреждении посольств России в Сухуме и Абхазии в Москве. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной по-

[1] Нарочницкая Н. Северный Кавказ: факторы стабилизации и дестабилизации // Звенья. №1. 2010. С. 4.

мощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия был подписан 17 сентября 2008 г. в Москве[1]. В ответ на такое развитие событий 23 ноября 2008 г. парламент Грузии принял закон «Об оккупированных территориях», согласно которому объявил Абхазию оккупированной Россией грузинской территорией.

Визит Председателя Правительства России В. Путина в Абхазию, который состоялся в августе 2009 г., как понятно, не мог не стать значимым событием в регионе. Этот визит носил символичный характер: он состоялся 12 августа – в годовщину освобождения Кодорского ущелья от грузинских войск – и за два дня до дня памяти защитников Отечества и возложил цветы к их памятнику; и наконец, визит Путина состоялся накануне первой годовщины признания государственной независимости Республики Абхазия. Эти совпадения, как можно предположить, не были случайными, что понимали и в Грузии, и в союзных ей столицах. 13 августа вице-спикер парламента Грузии назвал визит премьер-министра России в Абхазию очередным шагом агрессии. 13 августа пресс-секретарь Пентагона заявил о том, что США возобновят подготовку грузинской армии[2]. 14 августа Европейский союз заявил: «ЕС считает, что этот визит несопоставим с принципами территориальной целостности Грузии и противоречит усилиям международных организаций по стабилизации обстановки в регионе»[3].

Еще одним «возмутителем спокойствия» стал Президент России, посетивший Абхазию с визитом 8 августа 2010 г. Д. Медведев в Сухуме довольно красноречиво заявил о том, что соседи «должны считаться с независимостью Абхазии, с нашими с ней договорами, а то наши бывшие партнеры иногда забывают, как себя вести»[4]. 11 августа на фоне этого заявления было объявлено о размещении российских ракет С-300 в Абхазии[5]. Госдепартамент США отреагировал на это сдержанно, заявив, что «Россия имеет ракеты С- 300 в Абхазии на протяжении двух послед-

---

[1] 29 октября 2008 г. этот договор был ратифицирован Государственной Думой, а 12 ноября – Советом Федерации РФ.

[2] http://www.inosmi.ru/translation/251602.html

[3] http://www.utro.ru/news/2009/08/14/831295.shtml

[4] http://apsnypress.info/news/1313.html

[5] http://news.km.ru/rossiya_razmestila_rakety_s-300_

них лет» и что объявление о их размещении «необязательно является новым развитием событий»[1].

На сегодняшний день Республика Абхазия, вслед за Россией, признана еще 5 странами: 6 сентября 2008 г. независимость Абхазии признала Никарагуа, 10 сентября 2008 г. – Венесуэла, 15 декабря 2009 г. – Республика Науру, 27 мая 2011 г. – Республика Вануату; 18 сентября 2011 г. – Тувалу. В современных политических реалиях Абхазия становится серьезным фактором стабильности в регионе, нарушение мира в которой может стать детонатором больших потрясений далеко за ее пределами. При этом необходимо иметь в виду, что Абхазия – единственное место на земле, где абхазы могут сохраниться как народ, как этнокультурная единица, сохранить свой язык, самобытную культуру, нравы, традиции, неповторимые самоощущение и восприятие мира, самоидентификацию, потеря которых станет невосполнимой утратой и для всего человечества. А в современных реалиях это возможно только в рамках собственного государства и при условии непременной защиты абхазской самобытности именно Абхазским государством, ибо заботиться о самобытных абхазских ценностях никакое другое государство, кроме Абхазского, не сможет, да и не будет. Следовательно, наличие суверенного абхазского государства на территории Абхазии есть настоятельная и неотвратимая необходимость. Абхазское государство – эта форма или оболочка, под защитой и неустанной заботой которой должно сохраняться и развиваться ее содержание – абхазский народ.

[1] http://www.rg.ru/2010/08/12/rakety-anons.html

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абсоюз – Абхазский союз потребительских обществ
АГУ – Абхазский государственный университет
АН – Академия наук
АРА – Автономная Республика Абхазия
БМП – боевая машина пехоты
БТР – бронетранспортер
БШУ – бомбово-штурмовой удар
ВВС – Военно-воздушные силы
ВКСА – Временный комитет стабилизации Абхазии
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВМС – Военно-морские силы
ВМФ – Военно-морской флот
ВНООН – военный наблюдатель Организации Объединенных Наций
ВС – Верховный Совет
ВФ – Восточный фронт
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАТТ – генеральное соглашение по тарифам и торговле
ГКО – Государственный комитет обороны
ГКЧС – Государственный комитет по чрезвычайному положению
ГОВД – Городской отдел внутренних дел
ГРВЗ – Группа российских войск в Закавказье
ГТК – Государственный таможенный комитет
ГУЛа́г –Главное управление лагерей и мест заключения
ЕЭС – Европейское экономическое сообщество
ЗакВО – Закавказский военный округ
ИКАО - Международная организация гражданской авиации
ИРС - Информационно-разведывательная служба
КамАЗ – Камский автомобильный завод
КБРЦ – Клинико-бальнеологический реабилитационный центр
КГНК – Конфедерация горских народов Кавказа

ККН – Конгресс кабардинского народа
КМ – Кабинет министров
КНК – Конфедерация народов Кавказа
КСА – Комитет спасения Абхазии
МАААН – Международная ассоциация абхазо-абазинского народа
МВД – Министерство внутренних дел
МГОУ – Московский государственный областной (открытый) университет
МККК – Международный комитет Красного Креста
МО – Министерство обороны
МТЛБ – многоцелевой тягач легкий бронированный
МЧА – Международная Черкесская Ассоциация
НАТО – Североатлантический альянс
НДПГ – Народно-Демократическая партия Грузии
НИИ – Научно-исследовательский институт
НО – Народное ополчение
НПО – научно-производственное объединение
НФА – Народный форум Абхазии
ОК – Объединенная комиссия
ОНН – Организация непредставленых народов
ООН – Организация Объединенных Наций
ОПВВ – Отдельный полк внутренних войск
ОПДБ – Отдельный парашютно-десантный батальон
ОРТЦ – Отдельный радиотехнический центр
ОЧЭС – Организация черноморского экономического сотрудничества
ПАНХ – применение авиации в народном хозяйстве
ПВО – противовоздушная оборона
ПЗРК – противовоздушный зенитно-ракетный комплекс
ПРО – противоракетная оборона
РА – Республики Абхазия
РГ – Республика Грузия
РОВД – Районный отдел внутренних дел
РСЗО – реактивная система залпового огня
РФ – Российская Федерация
РХБЗ – радиационная, химическая и биологическая защита
СБ – Совет безопасности
СБСЕ – Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе

СДК – Силы для Косово
СМИ – средства массовой информации
СНГ – Содружество Независимых Государств
США – Соединенные Штаты Америки
СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
ТГУ – Тбилисский государственный университет
ТЭК – теплоэлектростанция
ФРГ – Федеративная Республика Германия
ЦК – Центральный Комитет
ЦРУ – Центральное разведывательное управление
ЦУМ – Центральный универсальный магазин
ЧП – Чрезвычайное положение
ЧР – Чеченская республика
ЧФ – Черноморский флот
ЮНЕСКО – Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЮНИСЭФ – Детский фонд ООН
ЮНИТАФ – Объединенная оперативная группировка войск

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

А. К. – 148.
Абашидзе А. И. – 176, 217, 218, 376, 400, 401.
Абашидзе З. И. – 344.
Абдулатипов Р. Г. – 100, 193,211-213, 281, 334.
Абрегов А. А. – 523, 570.
Абумуслимов С.-Х. – 22.
Авидзба В. Ш. – 540.
Агрба В. – 487.
Адамия Г. – 83, 171, 186, 236, 271, 330, 362, 427, 479, 497.
Адвадзе В. С. – 282, 283, 299, 311, 319, 327, 378, 379, 442, 445.
Аджба Т. Ш. – 81, 470-473, 475-478, 583.
Аджинджал Е. К. – 458, 459, 534, 535, 544, 590.
Акаба А. А. – 518-520, 526.
Акаба Н. Н. – 201.
Акинджи Х. – 201, 278.
Аламиа Г. Ш. – 22, 23, 234, 533, 568, 583, 584, 586.
Алексеев А. – 232.
Алексидзе Л. А. – 544.
Алексюк В. – 130.
Алиев Г. А. – 376.
Аллах – 9.
Амбарамша дас – 504.
Амирэджиби Ч. И. – 125, 533, 543.
Андреев И. – 457.
Андрикашвили К. – 133, 134.
Анкваб А. З. – 331, 482.
Аннан К. – 395, 601.
Антелава И. Г. – 542.
Анцупов В. В. – 516.
Анчабадзе З. В. – 503.
Анчабадзе Ю. Д. – 458.
Апакидзе А.М. – 539.
Апекова М. – 16.
Аргун А. Х. – 33, 69, 103, 116, 127, 144, 156, 157, 164,165,173,189, 237, 249, 262, 300, 323, 324, 333, 362, 371, 377, 389, 415, 430, 491, 497-499, 512, 536, 544.
Аргун В. Х. – 541.
Аргун М. М. – 113.
Ардзинба В. Г. – 6, 8, 25, 26, 29, 30, 38, 48, 53, 54, 55, 61, 62, 71, 72, 75, 86, 87, 89, 95, 96, 100, 106, 112, 115, 116, 118, 140, 141, 151, 152, 154, 156, 158, 159, 160, 161, 167, 185, 187, 193, 195, 209,219,222,232, 234, 238, 241, 248, 249, 263, 272, 281, 284, 286-288, 291-294, 298, 301, 302, 308, 318, 319, 321, 322, 326, 331, 332, 335, 337, 340, 341, 345, 347, 348, 351, 353, 354, 358, 362, 364, 365, 367, 370, 377, 381-383, 388, 391, 392, 394, 395, 405, 406, 412,

414, 417, 418, 423, 437, 438, 443, 448-450, 459, 460, 465, 472, 476, 482, 483, 489, 499, 503, 504, 510, 516-518, 521, 523, 528, 533, 540, 541, 546, 553, 567, 568, 570-571, 576-581, 583-592, 594, 596, 597, 599-602.
Армитидж Р. – 190.
Арсамиков И. – 13, 23, 44.
Архипов В. – 141.
Аршба В. Г. – 44, 50, 64, 73, 91, 234, 297.
Асатиани А. Т. – 207, 393, 454.
Асатиани А. – 561.
Астимирова Э. – 475, 498.
Атвуд Б. – 82.
Ахалая С. – 63, 237, 463.
Ахба И. М. – 136, 156, 587.
Ачалов В. А. – 269.
Ачба З. К. – 343, 375.
Ачугба Т. А. – 49, 65, 374, 469, 492, 553, 554.

Б

Бабекин Д. В. – 552.
Бабуадзе И. – 509.
Багапш С. В. – 117, 331, 481.
Баграт – 400.
Бакрадзе Д. – 539.
Бакунин М. – 562.
Балтин Э. Д. – 435, 437.
Баранец В. Н. – 39, 122, 145, 413.
Баранов В. – 129.
Баранников В. П. – 299, 334.
Барганджия Д. – 201.
Басаев Ш. – 208, 209,318.
Батиашвили И. – 196, 412-414, 438, 492, 581.
Батьяни – 582.
Бганба В. М. – 98.
Бганба Х. – 117.
Бебиа Е. Г. – 113, 507, 510, 513.
Бейкер Д. А. – 184.
Бекалдиев Ф. Ш. – 511.
Бекшоков А. – 15, 16.
Белов О. А. – 430.
Бельченко В. – 137.
Беппаев С. У. – 38, 39, 130, 196.
Березовский В. – 5.
Березнюк В. – 130.
Берже А. П. – 539.
Берия Л. П. – 543.
Берулава А. – 390, 520.
Берулава Г. – 363.
Бехтерев В. М. – 591.
Бижан И. – 86.
Битов А. Г. – 533.
Бланка А. – 70, 151,152.
Боден Ж. – 575.
Бойко Л. – 572.
Боннэр Е. Г. - 572.
Борзенко А. – 70.
Бота Л. – 601.
Браун К. – 224, 261, 307, 325, 358, 395.
Брегадзе Л. – 561.
Бройдо А. И. – 456, 458, 460, 463.
Брокгауз Ф. А. – 539.
Бруннер Э. – 278, 291-293, 297, 303, 305, 335, 364, 365.
Бурлаков А. – 133.
Бутба Д. И. – 98, 120, 147, 185, 187, 506, 529, 532.
Бутба В. Ф. – 550.
Бутейкис Я. – 453.

Буш Д. – 156, 158,178, 189, 246, 247, 384, 433, 583.
Быховская И. М. – 556, 561, 564,
Бэнкс К. – 82.

В

Ваал Т. де – 545, 546.
Васильева О. – 19, 20, 41, 78, 81, 82, 83, 84, 125, 137.
Вахтанг Горгосал – 173, 182, 338.
Вашакидзе Г. – 490.
Ващенко О. – 128.
Вернер М. – 150, 164, 305.
Винокур В. Н. – 588.
Вобликов Ю. – 257.
Воробьев Ю. – 529.
Воронова С. – 539.
Воронов Ю. Н. – 78, 268, 269, 538, 539.
Воронцов Ю. – 311.
Вудрофф Ф. – 371-373.
Вулси Д. – 371, 372.

Г

Габашвили К. – 438.
Габелия В. – 101.
Габескирия Г. – 271.
Габуния Г. – 487.
Габуния Т. – 432.
Гайдар Е. Т. – 135,148.
Галазов А. Х. – 380.
Гали Б. Б. – 26, 53, 152, 160, 167, 202, 278, 279, 293, 299, 303, 308, 314, 372, 387, 416.
Галкин А. А. – 131, 132, 286.
Гамахария Д. О. – 111, 441.
Гамгия А. – 518-520, 525.
Гамкрелидзе Т. – 561.
Гамсахурдиа З. К. – 40, 77, 79, 82, 101, 103, 104, 160, 171, 173,178, 180, 182, 277, 288, 317, 345, 347, 359, 385, 397, 399, 401, 406, 414, 427, 433, 441, 442, 446-448, 499, 559, 564, 572, 573, 574.
Гамсахурдиа К. С. – 317.
Гареев А. М. – 593.
Гасвиани А. – 111, 431, 530, 531.
Гвазава Г. – 62, 446, 475.
Гвазава Е. А. – 112.
Гвенцадзе Р. – 101.
Гвичиани Э. – 473.
Гегелашвили В. – 432.
Гелбохиани – 500.
Георгадзе И. П. – 433, 572, 574, 582.
Георгий Победоносец – 586.
Гзелишвили И. – 539.
Гитлер А. – 396.
Гицба Т. Ш. – 547.
Гладких В. – 105, 133, 134.
Гогладзе Э. – 438.
Гогуадзе В. – 164, 168, 211,212, 293, 298, 307, 308, 348, 355, 357, 411, 419-421, 423.
Гогуа А.Н. – 11, 548.
Гоголашвили В. – 170.
Голдинг М. – 321.
Горбачева В. В. – 556, 561, 564.
Гоцеридзе Р. – 136, 188,212,247, 248.
Грабчик М. – 572.
Гранат – 539.
Грачев П. С. – 28, 37, 57, 60, 87, 123, 125, 129, 130, 143, 145, 147, 175, 176,189, 203,215-218, 254, 257, 258,

263, 298, 384, 393, 410, 412-414, 416, 417, 419, 420, 425, 428, 433, 435, 508, 510, 596.
Гринович Л. – 201.
Гришин А. – 8.
Гугушвили В. – 401.
Гукасова Э. М. – 559.
Гулиа Д. И. – 536, 539, 542.
Гулиа Т. – 519, 525.
Гулливер – 33.
Гулуа Г. – 465, 474.
Гулуа Д. – 271, 362.
Гургенидзе К. – 468.
Гусейнов П. – 267.

Д

Давид (Чкадуа) – 62.
Дальхофф Г. – 358, 394, 395.
Дамениа О. Н. – 201.
Данилов Д. – 415, 444.
Датуашвили П. – 110, 178, 524.
Дбар С. П. – 297, 405.
Демирель С. – 267.
Денисов Э. – 20.
Джабуа С. Т. – 92.
Джавахишвили А. – 128.
Джаиани Д. – 62, 493.
Джаниашвили Г. – 430.
Джанилидзе Д. – 391, 473.
Джапаридзе Т. – 53, 155.
Джапаридзе О. – 539.
Джапуа Б. Р. – 91, 117, 119, 120, 220, 316, 323, 329, 458, 471.
Джаримов А. А. – 3, 116, 210, 280, 342, 405, 423, 511, 598.
Джачвилиани К. – 111.
Джергения А. М. – 336.
Джинджолия С. Р. – 280, 301, 354, 355, 444, 527, 530.
Джинчарадзе М. – 49, 50, 112.
Джичоев У. – 93.
Джоджуа Д. – 45, 46, 361, 409, 451, 452.
Джонуа Н. Т. – 187.
Джохадзе А. – 397.
Дзидзария Г.А. – 540, 542.
Дзиндзибадзе К. – 74.
Долгачев Г. – 137, 434.
Допуа Г. Х. – 102, 363.
Дружинин Ю. – 87.
Дубинская О. Д. – 301.
Дубинский А. – 296.
Дубчек А. – 452.
Дудаев Д. М. – 22, 102, 103, 134, 135, 160.
Думаа К. Н. – 377, 433, 499, 575, 582.
Думховский В. – 177, 500.
Дундуа Г. – 539.
Дышеков З. – 511.
Дьяконов В. – 5, 30, 85.
Дьярмати И. – 154, 201, 268, 297.
Дюбуа де Монпере – 539.
Дюков Б. – 239, 410.
Дюпюи Т. – 453.
Дюпюи Э. – 453.

Е

Евдакимов С. – 510.
Егоров Н. – 518.
Ездемир – 327.
Ельцин Б. Н. – 6, 30, 33, 36, 37, 39, 55, 59, 65, 72, 85, 86, 100, 116, 122, 130, 139 140, 142, 148, 155, 156, 161, 167, 201, 205,216,221,223, 225, 230, 232,

243-235, 246, 250-252, 254, 255, 257, 258, 264, 275, 276, 282, 283, 285, 286-289, 325, 326, 373, 379, 381-384, 386, 408, 419, 421-423, 425, 428, 433- 435, 438, 444, 505, 511, 534, 594.
Ерасов Б. С. – 560.

Ж

Жариков А. – 556, 563-566, 569.
Ждановский А. – 518.
Жидков С. – 10, 11, 54, 94, 182, 184, 314, 324, 325, 330, 362, 392, 396, 410, 423, 438, 446, 467.
Жириновский В. В. – 583.

З

Заркуа А. – 432.
Зеикидзе Д. – 398.
Земский В. В. – 112, 130, 132, 138, 217, 218, 224, 225, 229, 273, 448, 449, 518.
Зехов А. – 209.
Зорькин В. Д. – 148.
Зухбая О. Г. – 112.

И

Ибрагимбейли Х. М. – 194.
Иванидзе А – 469.
Иванников И. А. – 562.
Иванов Д. В. – 424, 567.
Иглбергер Л. – 163.
Иегова – 241.
Иисус Христос – 537.
Илюхин С. – 510.
Илья II – 400, 404, 586.
Инал-ипа Ш. Д. – 540, 546.
Инашвили М. – 397.
Иоселиани Д. К. – 25, 48, 51, 53, 64, 65, 66, 76, 79, 83, 94, 106, 123, 149, 151,171-173, 179, 181-183,228,229, 237, 257, 261, 272, 277, 317, 345, 346, 376, 396, 400-403, 427, 462, 468, 506, 573, 581.
Исаков Р. – 574.

К

Кавсадзе А. (С.) – 54, 55, 123, 151, 160, 199,200, 212, 248, 285, 292, 297, 309, 325-327, 331, 336, 343, 374, 382, 389, 391, 438, 441, 496, 530, 574.
Кадагишвили А. – 429.
Какиашвили А. – 491.
Какубава Б. – 74, 82, 176, 222, 352, 391, 463, 473, 478, 493, 494.
Какуев А. – 201.
Каламврезос Д. – 373, 374.
Каландадзе А. – 539.
Каландия Г. – 62.
Калмыков Ю. Х. – 4, 12, 14, 16, 17, 21, 23, 93, 104, 238, 279, 280.
Камкамидзе А. – 170, 175, 214, 220, 526.
Кандиашвили – 279.
Кант И. – 582.
Кантария М. В. – 377.
Капба Э. Э. – 201.
Капанели К. – 560.
Караев Э. Т. – 131, 144.
Караулов А. – 292, 294, 504, 517.
Карая Р. – 475.
Каржавин В. – 549.
Каркарашвили Г. Н. – 43, 51, 68, 69, 94, 122, 180, 181,183,184, 207, 222,

286, 287, 292, 298, 309, 310, 330, 331, 353, 358, 393, 395, 400, 403, 410, 412-414, 427, 428, 553.
Каркашадзе Н. – 394.
Карстрем П. – 528.
Касатонов И. В. – 87.
Касимов Н. – 529.
Кацитадзе К. – 560.
Кварандзия Д. – 71, 383, 463, 469, 473-475, 477, 493, 494.
Кварацхелия В. – 577.
Кварацхелия Г. – 431.
Кекелия Ш. – 177.
Квинтилиани Г. – 323.
Квирая А. – 92.
Квирая В. – 178, 183, 271.
Квирая Ш. – 58.
Кервалишвили З. – 399.
Кецба С. П. – 487, 488.
Кешелава Ю. – 352.
Килба М. С. – 297.
Кинкель К. – 252.
Кипаритян Ж. – 268.
Кипаини М. – 500.
Китовани Т. К. – 28, 31, 37, 39, 76, 83, 94, 99, 100, 101, 103, 104, 123, 127, 129, 145, 146, 151, 169-175, 177-185,189, 196, 205,206, 207, 228, 229,232, 236, 237, 242, 254, 257, 262, 272, 274, 277, 279, 283, 286, 317, 329, 330, 338, 358, 369, 396, 399, 400, 427, 433, 438, 446-448, 462, 463, 467, 468, 473, 479, 500, 506, 516, 523, 546, 573, 579, 581, 582.
Киров С. М. – 541.
Киссинджер Г. А. – 576.
Кишмария М. Б. – 117, 506.
Кищин В. – 145.
Клаузевиц К. фон – 456, 457.
Клинтон Б. (У.) – 156, 157, 177, 178, 226, 246, 247, 250, 251, 275, 342, 371, 372, 383, 384, 423.
Кобалия Д. – 101.
Кобалия Л. (В.) – 101, 103,104, 177, 178, 179, 180, 289, 317, 396, 397, 399-402, 414, 427, 442, 446, 447, 473, 501.
Кобахия А. А. – 434, 443.
Кобахия Б. В. – 363.
Ковалев С. – 134.
Ковалев Ф. Н. – 132, 134, 135, 140,196, 205, 370, 389.
Ковшоев М. – 58.
Коган-Ясный В. В. – 135.
Когониа В. А. – 476.
Когония Л. – 550.
Козырев А. В. – 95, 96, 155, 156, 163, 164, 166, 267, 297-303, 319, 320, 325, 326, 334, 335, 379, 433, 444, 523,
Коков В. В. – 6, 11, 14, 16, 18, 93,193, 334, 335.
Кокоскерия И. – 542.
Колбая В. Г. – 112.
Колесников Г. – 45, 46.
Колесников М. П. – 46, 298, 415, 425,
Коль Г. И. М. – 163, 178, 252, 275, 306, 307.
Комиссина И. Н. – 306, 374.
Кондратенко Н. – 598.
Кондратьев Г. Г. – 46, 54, 56, 64, 147, 346, 596.

Кондрашов С. – 375.
Коно И. – 244.
Коппитерс Б. – 305, 450, 452, 455, 571, 582.
Корнилов О. А. – 558.
Костава М. М. – 83, 171.
Костиков В. В. – 245.
Котенков А. – 135.
Кравчук Л. М. – 262, 265, 266, 310.
Крайсл Ф-В. – 201.
Кременчуцкий С. – 435, 436.
Крутиков Е. – 339, 437.
Крутов А. А. – 350.
Крылов А. Б. – 479, 492, 606.
Кубрава А. М. – 25, 31, 62, 63, 64, 65, 74, 95, 102,105, 111, 117, 121, 144,173, 175, 177, 179, 180, 183, 205,207-209,212,214,219, 220,222,223,226, 229, 235, 237, 238, 243, 248, 270, 273, 282, 285-287, 291, 298, 299, 302-305, 307, 309, 310, 317-319, 321, 322, 324-328, 330, 332, 335-337, 345, 365, 367, 370, 371, 375, 382, 385, 387-389, 391, 396, 397, 400-402, 461, 465, 466, 473, 490, 493, 503, 509, 510, 520, 521, 526, 533, 577, 588.
Кудинов С. – 410, 530, 531.
Кудрявцев – 407.
Куликов А. – 16, 17.
Курашвили Г. – 222.
Куправа Р. – 74.
Курдадзе М. – 177.
Куценко В. – 519.
Куцулиси Г. – 373.
Кушхабиев А. В. – 4, 7.

Л

Лабахуа З. А. – 331, 517-523, 525.
Лавров С. В. – 608.
Лакербай Ю. – 147, 346, 349, 514.
Лакоба Н. А. – 548.
Лакоба С. З. – 30, 31,33, 37, 38, 39, 141, 314, 317, 325, 335, 361, 363, 385, 386, 391, 409, 410, 413, 415, 416, 418, 419, 425, 428, 429, 433, 434, 439, 450, 464, 577, 579, 581.
Ласуриа М. Т. – 583.
Ласуриа Р. – 118, 527, 589.
Лебедь А. – 99.
Леквинадзе В. – 539.
Леселидзе К. Н. – 56, 58, 69, 94, 541, 544.
Леон – 112, 147, 346, 349, 514.
Ломинадзе Г. Н. – 43, 55, 82, 94, 101, 111, 308, 462-465, 475, 503, 516, 546.
Ломинашвили А. – 546.
Ломия К. – 542.
Лордкипанидзе В. – 449.
Лысенко В. – 194.

М

Майсурадзе Д. – 57, 173.
Максимов В. – 435, 436.
Маккэри М. – 411.
Малруни Б. – 275.
Мамадаев Я. – 135.
Мамукелашвили Б. – 546.
Мамулашвили З. – 581.
Мариношвили – 69.
Маргиани А. Л. – 263, 402.
Маргания Е.В. – 539.
Маргишвили С. – 478, 508,

Марр Н. Я. – 539.
Маршания А. М. – 222.
Маршания Л. В. – 82, 111,195,214, 254, 272, 331, 400, 472, 487-489.
Маскин В. – 510.
Машиц В. – 188.
Маюрадхваджа дас – 504.
Медведев Д. А. – 608, 609.
Медведев Н. – 154.
Медвенский Н. В. – 453, 458, 572.
Мейджер Д. – 321.
Мельник А. – 519.
Менвелишвили А. – 561.
Месхия Н. Ш. – 49, 74, 75, 111, 348, 391, 412, 427, 428, 439-441, 449, 450, 474, 475, 483-485, 572, 577, 578.
Мигранян А. М. – 246.
Микадзе А. – 494.
Миквабия Л. – 532.
Микеладзе Д. – 481, 487.
Миносян Л. – 67, 83, 85.
Митридат VI Евпатор – 537.
Миттеран Ф. – 226.
Митяев В. Г. – 29, 73, 122, 123, 125, 128, 146,219, 240, 254, 255, 260, 262, 283, 319, 426, 432, 444-446, 448, 453, 454.
Мишвеладзе Р. – 565.
Мишенин А. – 204.
Можейко М. А. – 557.
Морозов К. – 265.
Мугумаев С. – 11.
Музаев Т. – 19, 20, 41.
Мургулия Г. – 475.
Мурванадзе Б. Ю. – 574.
Мучаидзе Г. – 429.
Мяло К. Г. – 13, 29, 45, 50, 52, 53, 113, 151, 346, 436, 453-455, 505, 506.
Мялль Л. – 160.

Н

Надарейшвили Т. В. – 25, 43, 51, 66, 69, 74, 82, 94, 97, 112, 151,184,206,207,219,223, 226, 262, 270, 271, 272, 279, 282, 284, 292, 302-304, 309, 311, 312, 314, 338, 340, 341, 365, 443, 462, 464, 465, 469, 473, 475, 477, 483-486, 493, 495, 499-503, 524, 528, 546, 553, 589.
Назарбаев Н. А. – 38.
Налоев З. – 11, 12,16, 17.
Наполеон Банопарт – 579.
Нарочницкая Н. А. – 608.
Нартов З. – 461.
Начкебия Н. – 547.
Нижарадзе Г. – 560.
Николаев В. – 557, 558.
Николаев В. – 434.
Никульников Н. – 519.
Нинидзе Т. – 196.
Новиков В. – 64.
Новодворская В. И. – 79.
Нодия Г. – 114, 323, 452, 453, 571.
Нуриев Г. – 479.

О

Овсепян Ж. И. – 322.
Озал Т. – 184.
Озган К. К. – 193, 272, 482.
Оманидзе М. – 359.
Очиров В. – 512, 513.

П
Павлов В. Е. – 514.
Паин Э. – 70.
Папаскири З. В. – 62, 74, 82, 94, 110, 183, 186,213, 232, 250, 271, 274, 316, 317, 339, 351, 352, 358, 387, 400, 412, 414, 415, 417, 438, 478, 479, 486, 502.
Папаскир И. – 542.
Парк Р. – 555.
Пастухов Б. Н. – 141,191,197, 198, 240, 257, 263, 280, 285, 287, 297, 319, 324, 335-337, 339, 345, 350-352, 359, 392, 407, 408, 441, 442, 490, 503, 514, 589, 590.
Пасякин В. – 436.
Патиашвили Д. И. – 83, 172, 176.
Патрикеев В. А. – 38, 39.
Пауэлл К. – 371.
Пацация О. – 177, 380, 393, 399, 444.
Пачкория Т. – 377, 520.
Пачулия В. М. – 45, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 65, 75, 91, 98, 102, 109, 110, 117, 120,185,186, 220,221, 233, 236, 238,239, 297, 329, 360, 363, 374, 405, 410, 457, 462, 492.
Персиянов В. – 518, 519.
Петровский Ю. – 33.
Пилия Д. Ч. – 109.
Плотникова Т. В. – 422, 457.
Поздняков Э. А. – 575.
Попиашвили К. – 380.
Прааг М. В. Ван – 157, 160, 290, 467.
Примаков Е. М. – 599, 600.
Пряхин В. Ф. – 162, 572.
Путин В. В. – 605, 608, 609.
Пшиншев С. – 14, 15.
Пэ О. – 450.

Р
Разоренова М. – 403, 420, 429, 445, 454, 456.
Рапава Р. А. – 474.
Рафсанджани А. Х. – 192.
Рафаэли М. – 268.
Рахимов М. – 38.
Ремакль Э. – 450.
Рерих – 552.
Реут Ф. М. – 39, 217, 350, 393.
Рифкинд М. – 420.
Роджерс Р. – 154.
Розин А. – 52, 86, 87, 128, 213, 374, 385, 400, 401, 436.
Романенко В. – 435. 436.
Рондели М. – 518.
Рузвельт Ф. – 580.
Руцкой А. – 5, 14,148, 386.
Рчеулишвили В.- 212.
Рыклина М. – 527.
Ряшин В. – 80, 81, 507, 573.

С
Савельев А. – 529.
Савин Р. – 20.
Сайто К. – 244.
Сакания С. – 518-520, 526.
Салия К. – 82.
Самохвалова В.И. – 555.
Саришвили И. – 175, 420, 429.
Сартания Д. – 563.
Семнеби П. – 201.
Сенатова О. – 148.
Серебряков В. Г. – 457.
Сигуа Т. И. – 76, 151, 168, 169, 207, 211,214,229, 247, 256-262, 264, 283,

292, 297, 324, 327, 345-347, 370, 375, 385, 396, 398, 399, 448, 465, 474, 475, 492, 500, 581.
Сигуткин А. Л. – 122, 123, 346.
Силлс Д. – 411.
Ситников А. Н. – 253.
Сичинава Р. Б. – 272, 392.
Скаков А. Ю. – 84, 394, 573.
Смецкой Н. Н. – 540, 542.
Смоляк А. Е. – 86.
Соколов С. – 519.
Соловьев В. – 130, 198.
Соловьев Л. Н. – 538.
Сосламбеков Ю. Э. – 11.
Сосналиев С. А. – 91, 185, 186, 209, 297, 405.
Сосранов В. У. – 93.
Союстов А. – 423, 424, 434, 435, 436.
Спиридонова М. – 72.
Сталин И. В. – 543.
Старчевич М. – 335.
Сташевский М. – 162.
Степанков В. – 4, 8.
Степанов Т. – 417.
Степашин С. – 16, 17.
Сулаквадзе Р. – 465.
Сулейманов И. – 13.
Супруненко О. И. – 466, 498.
Схолбах А. – 157.

Т

Тайлардат А. Р. – 411.
Талахадзе Т. – 402, 403.
Тания И. В. – 593.
Тария А. М. – 466, 467, 473, 474, 481, 482, 487-489, 506, 587,588.
Таркил С. Р. – 331, 332, 363, 392.
Тарнава Л. М. – 466, 467, 470, 477, 487, 489, 588.
Тархнишвили – 547.
Твайтс Э. – 201.
Тванба С. – 458.
Тверитинов И. А. – 544, 545.
Темиров У. – 40, 293.
Тимофеев А. – 145.
Тер-Петросян Л. – 268.
Тишков В. – 21.
Тополян А. Г. – 97.
Туманов М. – 10.
Тэтчер М. – 451.

У

Уварова П. С. – 539.
Углас М. – 297.
Удугов М. – 10.
Уклеба М. – 132, 134, 135, 140, 141, 142, 144,191, 230, 390.
Уль-Ислам А. – 9.
Уригашвили Б. – 440, 444.
Уткин А. И. – 565.
Усманова А. – 555.
Учадзе З. – 105, 183, 272, 352.

Ф

Федоров А. – 10.
Федоров Е. – 529.
Федоров Н. – 4.
Федоров Ю. – 41, 42, 148.
Фейсал Г. – 26, 69, 149, 151.
Ферунек В. – 201.
Флиер А. Я. – 556, 563.
Фоменко В. – 163.
Фрунзе М. В. – 431.

Х
Хагба В. – 69, 150, 151, 198, 302, 360.
Хаиндрава Г. Л. – 54, 56, 66, 94, 99, 100, 101, 106, 107, 109, 115, 127, 138, 141, 340, 341, 476, 479, 480, 483, 543, 589.
Хаиндрава З. – 439.
Халидов Д. – 11, 22.
Харчилава В. – 498.
Хасбулатов Р. И. – 24, 30, 148, 378, 425, 452.
Хатажуков В. – 15, 16, 17, 93.
Хачишвили Т. – 196, 400, 402.
Хачирашвили – 105.
Хашба А. – 481, 482, 487.
Хашба Н. В. – 363, 366, 369, 375, 392.
Хашиг Р. М. – 584.
Хварцкия М. Х. – 91, 92, 109, 117, 550.
Хварцкия М. Ш. – 550.
Хвидигаард Д. – 388, 450.
Хижа Г. – 6.
Хоконов М. – 16, 17.
Ходжаа Р. – 99.
Холодов Д. – 127.
Хоф М. – 200.
Хэрд Д. – 275.

Ц
Царев В. – 529.
Цатава Р. – 385.
Церетели И. – 144, 165, 308, 317, 318, 396, 427.
Церетели Л. – 397, 539.
Цкарозия Э.Ш. – 542, 545.
Цквитишвили А. – 94, 309, 351.
Цквитария К. – 235.
Цулейскири Ш. – 62.
Цушба И. Ш. – 424.
Цхомария Н. – 487.
Цыбурский В. – 561.

Ч
Чавчавадзе И. Г. – 565.
Чавчавадзе Н. – 486.
Чанба Г. А. – 297.
Чанба С. Я.
Чачхалия Д. – 11.
Челидзе Р. – 227.
Челидзе Р. – 300, 408, 519.
Червонная С. М. – 466.
Червяков В. – 5.
Черкезия Л. – 118, 504-506, 511, 520, 522, 524-532, 583, 588, 589.
Черкезия О. – 421.
Черномырдин В. С. – 142, 148, 281, 280, 423, 532, 496.
Чертинов В. – 235, 314.
Чехов А. П. – 534.
Чикваидзе А. Д. – 64, 95, 96, 112, 124, 131, 138, 150, 169, 209, 211, 223, 300, 319, 389, 428, 433, 448, 449, 518, 576, 579.
Чиковани В. – 321, 331, 409, 424.
Чиковани Н. – 556, 557, 559-561.
Чиндаров А. – 304, 498.
Чирикба В. А. – 566.
Чолокошвили К. – 409.
Чочуа А.М. – 542.
Чургулиа Д. – 539, 546.
Чупров Л. – 529.
Чухуа М. – 404.
Чхеидзе А. – 28, 144, 225.
Чхеидзе П. – 367.

Ш
Шаликашвили Д. Д. – 162, 203, 305, 371, 451.
Шаликашвили О. Д. – 113, 507.
Шамба О. Б. – 181, 183, 225, 235, 236, 240, 254, 339, 430, 497.
Шамба С. М. – 187,272, 365.
Шамба Т. М. – 331.
Шамиль (бен Денгав) – 547.
Шаов Р. Б. – 511.
Шарашенидзе Л. Л. – 286, 298, 299, 364, 410, 413, 415, 416, 425, 576.
Шарден Ж. – 539.
Шария В. – 209, 234, 324, 375, 376, 414, 464-466, 480, 485, 575, 587, 588.
Шанибов Ю. М. – 4, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 30, 39, 93, 136, 156,208,209, 255, 258, 263, 280, 300, 325.
Шарманашвили – 531.
Шартава Ж. – 339, 340, 351, 353, 366, 375, 387, 391, 392, 417, 427, 428, 430-432, 440-442.
Шахрай С. М. – 193, 211-213, 281, 334, 406.
Шашвиашвили И. – 193,
Шеварднадзе Э. А. – 9, 10, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 45, 46, 48, 49, 50, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 71, 72, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 88, 90, 97, 101, 103, 105, 106, 113, 114, 115, 119, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 136, 137, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166,167, 168-176, 178-184,187,189-192, 195, 196, 197, 200, 202, 203-208, 210-219, 221-224, 226-232, 237-239, 242, 243, 246-248, 250-257, 261, 262, 264-270, 272, 273, 275-278, 282-290, 292, 294, 297, 299, 300, 303-307, 309-311, 314, 316, 327, 329-333, 336-342, 343-354, 358-369, 371, 372, 376, 377, 379-387, 392-399, 401-404, 406, 408-410, 412-416, 418-421, 423-428, 433-452, 454-456, 462, 465, 477, 480-485, 487-490, 492, 495, 496, 500, 501, 505, 507, 508, 510-512, 515, 516, 518, 520, 523, 543, 544, 570-579, 581-584, 586, 595, 597.
Шенкао Н. К. – 536.
Шепова Н. – 163.
Шервашидзе Л. – 536.
Шерри Д. Л. – 341.
Шинкуба Б. В. – 465.
Шипунов С. – 570, 571.
Широкорад А. Б. – 96, 97, 99, 130, 146, 253, 376, 405, 451, 532.
Шойгу С. К. – 334, 335, 363, 364, 366, 368-370, 375, 388, 442, 523, 532, 533,
Шуйков В. – 388, 392, 408, 417, 442, 589.

Э
Эгадзе Р. – 372,
Элбакидзе А. – 397.
Элиава А. – 440.
Этлухов О. А. – 40, 71, 98, 157.
Эфрон И. А. – 539.
Эшба Е. А.
Эшба Р. – 62, 195, 487, 504.

Я
Якобашвили Т. – 491.
Яндарбиев З. А. – 194.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 3. НАЧАЛО И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ 3
4. Война в Абхазии и политика контрастов.....3
4. 1. Гонения на КГНК и противостояние в Нальчике 3
4. 2. «Гулливеры» и «лилипуты» 23

РАЗДЕЛ 4. ВТОРОЙ ПЕРИОД:АБХАЗИЯ ПОД ПРЕССОМ БОМБ И ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ 43
1. Гагрское наступление 43
2. Стабилизация фронтов и активизация дипломатий 75
2. 1 Легитимизация власти в Грузии 75
2. 2. Срыв повторной встречи лидеров России, Грузии и Абхазии.....84
2.3. Активизация дипломатий на фоне «окопной войны».....90
3. Россия, Грузия и международное сообщество на фоне войны в Абхазии 122
3.1. Российско-грузинские отношения (октябрь – декабрь 1992 г.) 122
3. 2. Международное сообщество и война в Абхазии (октябрь – декабрь 1992 г.) 149
3. 3. Абхазская война и военно-политическое противостояние в Грузии (ноябрь 1992 г. – май 1993 г.) 168
4. Война в Абхазии: от января к марту 184
5. Мартовское наступление и новый этап политической игры вокруг Абхазии 228
5. 1. Мартовское наступление 228
5. 2. Российско-грузинские переговоры в Сочи 252
6. Майская встреча в Москве. Заочное перемирие или затишье перед бурей 264

РАЗДЕЛ 5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ 313
1. Июльское наступление 313
2. Абхазия и Грузия во время перемирия 363
2. 1. Объединенная комиссия и ее деятельность 363
2. 2. Сочинское Соглашение и внутриполитические процессы в Грузии 395
3. Сентябрьское наступление 404

РАЗДЕЛ 6. ОККУПИРОВАННАЯ ТЕРРИТОРИЯ И БЛОКАДА ТКУАРЧАЛА 460
1. Ситуация на оккупированных территориях Абхазии 460
2. Блокада Ткуарчала 504
2. 1. Латская трагедия 504
2. 2. Сбитый вертолет над Сакеном и отставка З. Лабахуа 517
2. 3. Гуманитарные акции по оказанию помощи населению Ткуарчала 524
3. Культурный геноцид абхазов и проблемы идентичности 533
3. 1. Культурный геноцид абхазского народа 533
3. 2. Проблемы идентичности и маргинализма 552

Эпилог 570
Вместо заключения 593
Список сокращений 611
Именной указатель 614

Аслан Фазлыбеевич Авидзба

Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.)

Книга II

Редактор *Т. Ю. Алексеева*
Корректор *Т. Ю. Алексеева*
Художник *Б. Р. Джапуа*
Компьютерная верстка *Н. Г. Гунба*

Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Тираж 1000. Физ. печ. л. 39,25.
Усл. печ. л. 38,32. Заказ № 47.

Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.